А. П. Пронштейн

Земля Донская в XVIII веке

РОСТОВСКИЙ-на-ДОНУ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. П. Пронштейн

ЗЕМЛЯ ДОНСКАЯ В XVIII ВЕКЕ

Издательство Ростовского университета
1961

Ответственный редактор
доктор исторических наук профессор
Б. Б. Кафенгауз

ВВЕДЕНИЕ

1. ТЕМА И ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

XVIII век был периодом крупных перемен в историческом развитии России. Прежде всего произошли заметные сдвиги в области производительных сил как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Правда, в силу господства в стране феодально-крепостнической системы техника сельского хозяйства оставалась рутинной, а урожайность — низкой. Но и в этих условиях за счет усиленной эксплуатации крестьян, расширения посевной площади в старых земледельческих районах и колонизации окраин, особенно на юге и юго-востоке Европейской России, непрерывно росло производство сельскохозяйственной продукции, при этом все большая часть ее шла на рынок.

Еще более интенсивно преодолевалось тормозящее влияние феодально-крепостнического строя в промышленности. В это время в России мелкотоварное производство перерастало в мануфактуру, в результате чего к концу столетия в стране насчитывалось уже свыше 2000 промышленных предприятий, в том числе около 1000 крупных, мануфактурного типа.

Развитие сельского хозяйства и промышленности и хозяйственное освоение окраин способствовали углублению общественного разделения труда не только между городом и деревней, но и между отдельными районами огромной страны, а также укреплению всероссийского рынка. Наконец, характерной чертой экономического развития России, которая в XVIII в. превращалась из чисто континентальной державы в «державу, окруженную морями»[1], было значительное расширение внешней торговли.

Изменения в области производительных сил влекли за собой перемены в производственных отношениях. С одной стороны, по-прежнему шел процесс развития феодально-крепостнических отношений. Власть помещиков над крестьянами усиливалась, и крепостничество, по словам В. И. Ленина, стало принимать «грубые формы», ничем уже по существу не отличаясь от рабства.[2] Характерной особенностью этого периода было распространение крепостнических отношений «вширь» на огромные пространства колонизуемых земель, в том числе на Украину, землю войска Донского и Северный Кавказ. С другой стороны, под воздействием развивавшихся производительных сил складывались и укреплялись новые производственные отношения. Это выразилось прежде всего в переходе части купцов к промышленному предпринимательству, в распространении капиталистических форм организации промышленности и в появлении купеческой и крестьянской мануфактуры, основанной на применении наемного труда.

[1] K. Marx. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. London, 1899, p. 87.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 439.

Были и другие признаки развития новых производственных отношений. В XVIII в. быстро росло число работных людей на промышленных предприятиях и шел интенсивный процесс превращения их в особую социальную группу, ставшую предшественницей рабочего класса в России.[1] Наконец, в связи с быстрым ростом городов и хозяйственным освоением окраин значительно усилился переход людей из закрепощенного или полузакрепощенного в свободное (хотя бы на время) состояние.[2]

Таким образом, как отметил Н. М. Дружинин, в России этого времени имело место переплетение старых и новых производственных отношений и до известного момента их одновременное развитие.[3] Это задержало процесс утверждения капитализма в стране на длительное время и обусловило неравномерное вызревание капиталистических отношений в различных районах страны.[4]

В XVIII в. все с большей силой обнаруживалось несоответствие феодальных производственных отношений развивавшимся производительным силам. Хотя дворянство сохраняло свое господство и обладало еще достаточными средствами для его укрепления, однако оно вынуждено было приспосабливаться к развивавшимся буржуазным отношениям. Результатом этого явилось создание чиновничье-дворянской абсолютной монархии с «бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма»...».[5]

Но никакими средствами нельзя было задержать развитие классовой борьбы, которая, пронизывая всю историю XVIII в., усиливалась с каждым десятилетием. Начало столетия ознаменовалось целой серией народных волнений, крупнейшим из которых явилось крестьянско-казацкое движение на Дону, в Слободской Украине и Поволжье в 1707—1709 гг. Последняя треть века началась крестьянской войной 1773—1775 гг., поколебавшей, по словам А. С. Пушкина, всю Россию «от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов»,[6] а завершился век крестьянскими волнениями середины 90-х годов, охватившими более половины губерний Российской империи. На протяжении столетия неоднократно восставали работные люди мануфактур и приписные к заводам крестьяне, а также башкиры, татары, удмурты и другие угнетенные царизмом народы. Наконец, вся история XVIII столетия отмечена в несравненно большей мере, чем предыдущие века, повседневной борьбой угнетенных масс, которая для господствующего класса была подчас не менее страшной, чем крупные народные волнения.[7]

В истории Донской земли XVIII столетие имело свои особенности. Еще совсем недавно далекая и слабо заселенная окраина с примитивными формами хозяйственной жизни, она в течение века стала районом массовой колонизации и быстрого хозяйственного освоения. Это повлекло за собой значительные социальные сдвиги, в частности, ускоренное

---

[1] В. К. Яцунский. Основные этапы генезиса капитализма в России. «История СССР», 1958, № 5, стр. 70—77 и др.; Н. Л. Рубинштейн. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в XVIII в. «Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 74—101.

[2] П. Г. Рындзюнский. Городское гражданство дореформенной России. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 14.

[3] Н. М. Дружинин. Генезис капитализма в России (Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме в 1955 г.). М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 11.

[4] Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 37—38; Б. Б. Кафенгауз. Некоторые вопросы генезиса капитализма в России. Сб. «Вопросы генезиса капитализма в России». Л., Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 8—9.

[5] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 308; т. 17, стр. 47.

[6] А. С. Пушкин. История Пугачева. Полн. собр. сочинений, т. VIII, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 268.

[7] П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII века. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 4.

развитие на Дону феодальных отношений, окончательное превращение казачества в особое замкнутое сословие и закрепление за старшинской верхушкой дворянских привилегий.

Изменения в социально-политическом строе Российской империи и укрепление ее позиций на южной окраине и в Приазовье оказали влияние и на другие стороны жизни Донского края. Они не только способствовали быстрому развитию экономических и социальных отношений на Дону, но в значительной мере определили преобразования в управлении Войском.

Наконец, с последней трети XVII в. земля Донская стала районом особенно острой классовой борьбы, а в отдельные периоды приобретала значение главного центра борьбы угнетенного народа феодально-крепостнической России за свою свободу.

Таким образом, перестав быть далекой окраиной России, расположенной на территории «Дикого поля», и заняв прочное место в хозяйственной и социально-политической жизни Российской империи, земля Донская в XVIII в. вступила в новый этап своей истории.

Изучению истории Донской земли этого периода посвящена настоящая работа.

Автор поставил своей главной задачей исследование социально-экономических отношений на Дону в XVIII в. Донская земля была одной из тех больших окраин России, без учета особенностей социально-экономического развития которых, как справедливо отмечает В. А. Голобуцкий, невозможно решить проблему разложения феодально-крепостнического строя и генезиса капитализма во всей стране.[1]

Освещение социально-экономических отношений на Дону в XVIII в. предполагает исследование ряда проблем, которым посвящены отдельные части книги. В первой из них рассматривается заселение и хозяйственное освоение края, причем главное внимание уделяется выяснению творческой роли народных масс в освоении степных просторов юго-восточной окраины страны. Основной задачей второй части книги является исследование социальных перемен, происходивших на Дону под влиянием закономерных хозяйственных процессов в условиях разложения крепостного хозяйства и развития более прогрессивных капиталистических отношений во всей стране.

Перемены в экономике и социальных отношениях оказали влияние на организацию власти и управления на Дону, что определило характер классовой борьбы, которая в то время велась, по словам В. И. Ленина, не только против крепостничества, но и против всех его порождений[2]. Поэтому в третьей части работы освещаются изменения в управлении Войском.

В четвертой части книги исследуются вопросы классовой борьбы на Дону в XVIII в. Этой проблеме уделяется в работе особенно большое внимание, так как на протяжении всей истории антагонистических обществ классовая борьба была основной движущей силой истории, а в феодальной России земли, населенные казачеством, бывшие постоянно очагами скопления беглых крестьян, являлись крупными районами борьбы угнетенных народных масс за свою свободу.[3] Автор стремился показать особенности и своеобразие классовой борьбы на Дону в этот период. Земля Донская была районом массовой колонизации, и распространение феодализма «вширь» замедляло развитие социальных противоречий, но ненадолго. Затем, как и при капитализме[4], они обострялись в более широких территориальных рамках. Автор старался раскрыть

---

[1] В. А. Голобуцкий. Черноморское казачество, Киев, Изд-во АН СССР, 1956, стр. 3.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 519.

[3] В. А. Голобуцкий. Указ. соч., стр. 108.

[4] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 563—564, 596

антифеодальный характер этой борьбы, которая в конкретных условиях XVIII в. способствовала утверждению нового, более прогрессивного капиталистического уклада.[1]

Отдельные явления, характерные для истории Донского края XVIII в., возникли в предыдущий период. Так, в последней трети XVII в. началось массовое заселение и хозяйственное освоение края. Вслед за этим, еще в XVII в., происходили крупные социальные перемены. Для экономической и социальной истории Дона рубежом, после которого они стали обнаруживаться, явилась крестьянская война 1670—1671 гг. В таких случаях приходилось рассматривать и эти процессы. События, происходившие на Дону в XIX в., специально в работе не исследуются. История Дона в период кризиса феодально-крепостнической системы настолько богата фактами, имеющими большое самостоятельное значение, что изучение их необходимо проводить специально. Только в отдельных случаях, выясняя перспективы тех или иных процессов, не завершившихся в XVIII в., мы считали возможным говорить о событиях XIX в.

2. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Всестороннего изучения истории Донской земли в XVIII в. еще не проводилось. Однако в дореволюционной и советской историографии имеется ряд работ, в которых освещаются отдельные стороны жизни Дона в XVIII в.

До настоящего времени наименее исследованным остается экономическое развитие Дона. Дворянские историки эту проблему даже не ставили. Впервые она была выдвинута буржуазной историографией, которая свела ее к вопросу о заселении, точнее — колонизации окраин России. В. О. Ключевский, например, вслед за С. М. Соловьевым считал это явление важнейшей стороной русской истории. «История России, — писал он, — есть история страны, которая колонизуется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией... Периоды нашей истории — этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны...».[2]

Эта мысль Ключевского получила дальнейшее развитие в работах буржуазных историков эпохи империализма П. Н. Милюкова и М. К. Любавского, по мнению которых, миграция населения являлась основной движущей пружиной истории общества. В общих и специальных трудах названных авторов значительное место отведено освещению колонизационных процессов.[3] Кроме того, заселению южной и юго-восточной окраин России посвящены работы Д. И. Багалея, Г. И. Перетяткович, Г. Г. Писаревского, А. А. Скальковского и др.;[4] имеются также и специальные труды и публикации по колонизации земли донских казаков.[5]

---

[1] Н. М. Дружинин. Проблема конфликта между производительными силами и производственными отношениями накануне 1861 г. Доклады и сообщения Института истории АН СССР, вып. 1. М., 1954, стр. 75; А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период, гл. 3, § 6. Антифеодальное движение народных масс. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 241—249.

[2] В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. I. Соч., т. I. М., 1956, стр. 31—32.

[3] М. К. Любавский. Историческая география России. М., 1908.

[4] Д. И. Багалей. Очерки из истории, колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887; его же. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Киев, 1889; Г. Перетяткович. Поволжье в XV—XVI вв., ч. I. М., 1877; Г. Писаревский. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М., 1909; А. Скальковский. Ростов-на-Дону и торговля Азовского бассейна. [Б. м.] 1865—1866.

[5] П. А. Соколовский. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. СПб, 1878; И. Сулин. Исторические данные, относящиеся к колонизации земли Донского войска ка-

Однако все эти работы не могут удовлетворить нас прежде всего в методологическом отношении. В них движущие силы миграции не раскрывались на основе анализа социально-экономических отношений в стране, в результате чего роль народных масс в творческом процессе освоения новых земель затушевывалась, а общее значение колонизации получало совершенно неверное, уродливое освещение. Так, например, М. К. Любавский утверждал, что «расселение по обширным диким странам надолго обрекло русский народ на примитивное промысловое земледельческое хозяйство, надолго лишило его живого и тесного общения на почве хозяйственного и культурного обмена, надолго парализовало развитие русской общественности... Обширность территории... оказывает задержку развитию народного благосостояния... Мы в этом отношении самый несчастный народ».[1] А работы, посвященные колонизации Донского края, к тому же представляли собой или беглый очерк заселения Донской земли, или сырой материал, в ряде случаев тщательно собранный, но требующий научной разработки.

Новый этап в изучении колонизационных процессов открыли исследования советских историков. В их трудах, основанных на марксистско-ленинской методологии, были прежде всего раскрыты общие причины и законы развития колонизации на основе закономерностей развития общества. В частности, было показано, что колонизация в эпоху феодализма определялась заложенной в производственных основах феодального общества тенденцией к земельной экспансии, стремлением феодалов к захвату новых территорий. С другой стороны, колонизация определялась характерным для феодального строя стремлением эксплуатируемых масс освободиться от крепостного гнета, их тягой к бегству на вольные земли, за рубеж феодального государства и была наиболее реальным путем приобретения личной свободы.

Таким образом, если в период капитализма «колонизационный вопрос в России» представлял собой «подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны»,[2] то и в эпоху феодализма наблюдалась такая же закономерность.

Советскими историками было также установлено, что законы внутреннего развития феодального общества, определявшие колонизационные процессы, были очень сложными. Дворяне, получавшие земли на юге, были заинтересованы в колонизационном движении крестьян, так как эти земли приобретали хозяйственную ценность только при заселении их крепостным людом; интересы помещиков центральных районов страны, напротив, требовали прикрепления крестьян к земле. Это явилось главной причиной того, что колонизация в феодальную эпоху происходила медленно в условиях борьбы и преодоления противоречий.[3]

В последние годы советская историческая литература обогатилась рядом конкретных исследований о колонизации Сибири и южной окраины России.[4] Однако до настоящего времени нет ни одной работы о

зачьими и крестьянскими хуторами. ДОВ, 1902, № 143, 145, 146; его же. Материалы к истории заселения Минусского округа. СОВДСК, вып. V—VI, Новочеркасск, 1905—1906; его же. Материалы к истории заселения Черкасского округа СОВДСК, вып. VIII, 1908; П. П. Сахаров. Материалы по истории колонизации и быта земли донских казаков XVIII в. СОВДСК, вып. X, 1910 и др.

[1] М. К. Любавский. Указ. соч., стр. 8—9.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 65.

[3] В. В. Покшишевский. География миграции населения в России. Опыт историко-географического исследования. М., 1951 (докторская диссертация, рукопись).

[4] В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. М.—Л., 1946; В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. I. Иркутск, 1949; В. В. Покшишевский. Заселение Сибири. Иркутск, 1951; С. А. Чекменев. Заселение и освоение Ставрополья в конце XVIII и начале XIX в. Ставрополь, 1952 (канд. диссертация, рукопись); А. В. Фадеев. Указ. соч., гл. 1; В. А. Голобуцкий. Указ. соч.; Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М.,

колонизации Дона в XVIII—XIX вв., а между тем именно в этот период проходило массовое заселение и активное хозяйственное освоение огромной юго-восточной окраины Российского государства.

Развитие социальных отношений на Дону получило в литературе более полное освещение.

Уже дворянские историки проявили интерес к прошлому и настоящему казачества. Это объясняется возросшей ролью казаков в истории России. На протяжении всего XVIII в. они были активными участниками народных антикрепостнических движений. В то же время казаки стояли на страже русских границ и помогали крепостническому государству решать колонизационные задачи. Но в центре внимания дворянских историков находилась не внутренняя история казачества, а его отношение к государству.

Наиболее широко точку зрения официальной дворянской историографии на историю казачества выразил Н. М. Карамзин. По его мнению, казаки на Дону являлись скоплением бродяг, искавших «дикой вольности и добычи».[1] Правда, он признавал, что особенно в XVI в. казаки были «важнейшим страшилищем для варваров и защитою для России».[2] Но не это определяло их роль в истории государства, а склонность к анархизму и участие в народных движениях, чему, с точки зрения Карамзина, не могло быть никакого оправдания.

Точка зрения официальной дворянской историографии на историю казачества была развита Вл. Броневским. В опубликованном им в 1834 г. специальном сочинении по истории Донского войска,[3] представлявшем, по словам его современника В. Д. Сухорукова, «смесь пространных нелепостей» и «грустную компиляцию со всех сочинений, в которых что-нибудь говорилось о Доне», казачья вольница рисовалась не только «беззаконной», но и «разбойной». С особенной ненавистью отзывался Броневский об участии донского казачества в народных движениях и всячески чернил его вождей. В силу всех этих причин Сухоруков назвал сочинение Броневского «спекуляцией» и «пакостью».[4]

К этой же группе авторов следует отнести А. И. Ригельмана. Не являясь профессиональным историком, инженер и строитель крепости Дмитрия Ростовского, А. И. Ригельман еще в 60 и 70-х годах XVIII в. собрал большой материал по истории и этнографии Донской земли и изложил его в своем сочинении, охватившем период с 948 по 1775 г. Неизданная тогда книга А. И. Ригельмана, четко выражавшая взгляды русского дворянства на казачество, оказалась кстати во время усиления крепостнической реакции 40-х годов XIX в. и была опубликована Московским обществом истории и древностей Российских в 1846 г.[5]

Одновременно усилился интерес к донской истории и среди местного дворянства. Только этим можно объяснить, что войсковой атаман Платов и его преемники считали своей обязанностью наблюдать за написанием работ по истории войска Донского.[6] Уже в 1814—1816 гг. вышла в свет «История о Донском войске» (ч. I и II) директора Новочеркас-

---

Изд-во АН СССР, 1959; С. Г. Кобяков. Заселение Дона в XVI—XVII вв. Уч. зап. ЛГПИ, т. X, географический ф-т, вып. 3. Л., 1955 и др.

[1] Н. М. Карамзин. История государства Российского, изд. 5, кн II, т. VIII, СПб, 1842, стб. 86.

[2] Там же, стб. 86.

[3] Вл. Броневский. История Донского войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод, ч. I—IV. СПб, 1834.

[4] В. Д. Сухоруков. Критический разбор книги Броневского. ДВ, 1867, № 27—29; «К биографии В. Д. Сухорукова. Письма к Строеву». СОВДСК, вып. I, 1901, стр. 47.

[5] А. И. Ригельман. История или повествование о донских казаках. М., 1846. Почти одновременно была издана написанная в том же духе книга Ригельмана по истории запорожского казачества (см.: В. А. Голобуцкий. Указ. соч., стр. 6).

[6] А. Кириллов. Краткое обозрение истории о донских казаках. Новочеркасск, 1909, стр. 6—7.

ской гимназии А. Г. Попова, в 40-х годах XIX в. были написаны В. М. Пудавовым «История войска Донского и старобытность начал казачества»,[1] а в начале 60-х годов XIX в. — М. Сенюткиным сочинение «Донцы» (издано в 1866 г.). Авторы этих книг не расходились во взглядах на русскую историю с Карамзиным и другими представителями официальной дворянской историографии. Однако казачество они представляли несколько в ином освещении. В противовес утверждению Карамзина, что происхождение казачества «не весьма благородно»,[2] они вели его историю с очень древних и «славных» времен. А. Г. Попов, например, «производил» казаков от амазонок, а В. М. Пудавов — от тех русских людей, которые находились в услужении у татар и там усвоили себе «военный дух».

Донские дворянские историки стремились доказать необоснованность и другого тезиса официальной историографии — о мятежности казачества. Поэтому тех жителей Донской земли, которые вели борьбу против самодержавия и крепостничества, они не признавали казаками, а именовали «ворами» и «разбойниками». Главное внимание уделялось показу борьбы казачества за интересы «царя и отечества», описанию его войн и походов, а само казачество изображалось как дружная семья, в которой не было ни богатых, ни бедных и все были равны.

Взгляды дворянских, особенно официальных, историков оказали влияние на иностранных авторов конца XVIII — первой половины XIX в. Их интерес к истории казачества возрастал, как правило, после крупных исторических событий, в которых казаки играли заметную роль (крестьянская война 1773—1775 гг., волнения на Дону в 1792—1794 гг., Отечественная война 1812 г.). К числу сочинений таких писателей относятся книга Вильгельма Гипеля «О казаках»,[3] сочинение анонимного автора «Казаки или историческое описание их нравов, обычаев, одежды, вооружения и способа ведения войны»,[4] работа Лезюра «История казаков»,[5] книга Омер де Эль «Степи Каспийского моря, Кавказа, Крыма и южной России», 19-я глава которой посвящена происхождению казаков и истории Донского края.[6]

Несравненно более выдающаяся роль в разработке истории донского казачества принадлежала в этот период историкам-декабристам и А. С. Пушкину.

«Прикосновенный к заговору» декабристов, В. Д. Сухоруков начал заниматься историей донского казачества по специальному поручению Комитета об устройстве войска Донского в 1821 г. Для сбора материалов он обследовал ряд станичных архивов; его помощники работали в архивах донских крепостей, а известный археограф П. М. Строев по заданию Комитета выявлял для него документы в центральных архивах.[7] В 1822 г. в Петербурге Сухоруков продолжил изучение истории казачества и в 1832 г. опубликовал «Краткое известие о бывшем на Дону городе Черкасске»,[8] в 1824 г. — 2 статьи: «О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия»,[9] и «Общежитие донских

---

[1] Эта книга была опубликована сыном автора в 1890 г. (ч. I) и 1898 г. (ч. II).

[2] Н. М. Карамзин. Указ. соч., стб. 86.

[3] Wilgelm Hypel. Von den Kosaken. Riga, 1790.

[4] «Die Kosaken oder historische Darstellung ihrer Sitten, Gebräuche, Kleidung, Waffen und Art Krieg zu führen». Spt., 1779.

[5] M. Lesur Histoir de Kosaques, vol. I—II. Paris, 1814.

[6] X. Hommair de Hell. Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. Paris, 1844.

[7] «Историческое описание земли войска Донского», изд. 2. Новочеркасск, 1903, предисловие к 1-му изд., стр. II—V; А. А. Кара чев. История Донской истории. «Русский архив», 1898, т. III, № 12, стр. 593—599.

[8] «Северный архив», 1823, № 20.

[9] «Соревнователь просвещения и благотворения», 1824, ч. 26, стр. 183—189.

казаков в XVII и XVIII столетиях»,[1] а в 1825 г. — «Записки о достопримечательностях Донской области.[2]

Находясь в Петербурге, Сухоруков по поручению Комитета продолжал работу над «Историческим описанием войска Донского» и к ноябрю 1826 г. закончил его первую часть. Но, привлеченный к следствию по делу декабристов, он попал в опалу и в феврале 1827 г. был выслан в отдельный Кавказский корпус.[3] По приказу военного министра у него были конфискованы «все акты, материалы, полубеловые и черновые тетради составленной уже статистики и истории (войска Донского. — А. П.) и все без исключения записки».[4] Лишь спустя несколько лет сотрудникам Сухорукова было разрешено завершить, подвергнув соответствующей обработке, его труд.

Подготовленное ими «Историческое описание земли войска Донского», по мнению правительственных чиновников, печатать было невозможно. Поэтому оно вышло в свет лишь во второй половине XIX в.[5]

В указанной работе, как и в ряде других трудов, в отличие от официальной дворянской историографии, рассматривавшей историю казачества лишь в связи с историей государства, В. Д. Сухоруков ставил своей главной задачей осветить внутреннюю историю казачества. Продолжая традиции А. Н. Радищева, писавшего в своей работе по истории Сибири о Ермаке и донских казаках как о «вольных людях»,[6] он старался показать все стороны их жизни. Как и все декабристы, Сухоруков идеализировал прошлое. В его описании донская казачья община представляла собой товарищество людей, равных между собой и не терпевших никакой власти.[7] Но так же, как характеристика древнего Новгорода в исторических сочинениях всех декабристов, идеализация демократического устройства донского казачества у Сухорукова, отражая борьбу против самодержавно-крепостнического строя, имела боевой, революционный смысл.

Как и все декабристы, Сухоруков был далек от мысли о преобразовании общества посредством народной революции. Но, видя в народных движениях проявление гордого духа и свободолюбивого характера казаков, он подробно и с большим сочувствием писал в своих сочинениях об участии их в восстаниях под предводительством С. Разина и К. Булавина. Столь же внимательно и сочувственно относился он и к другим народным волнениям.[8] Таким образом, в трудах крупнейшего донского историка первой половины XIX в. В. Д. Сухорукова история донского казачества освещена с позиций дворянских революционеров.[9]

---

[1] «Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного, изданная А. Корниловичем». СПб, 1824. Второе издание этой книжки вышло в 1825 г.

[2] «Северный архив». 1825, ч. 17, стр. 191.

[3] А. В. Фадеев. Декабристы на Дону и на Кавказе. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 1950, стр. 16.

[4] А. Кириллов. Указ. соч., стр. 16—17.

[5] Второе исправленное издание этого труда вышло под ред. Х. И. Попова и И. П. Попова в Новочеркасске в 1903 г.

[6] Б. Б. Кафенгауз. А. Н. Радищев об истории России. Уч. зап. МГУ, вып. 156. Тр. кафедры истории СССР. М., Изд-во МГУ, 1952, стр. 76; его же, Об исторических взглядах декабристов. Доклады и сообщения Института истории АН СССР, вып. 10. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 43—44.

[7] В. Д. Сухоруков. О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия. «Соревнователь просвещения и благотворения», 1824, ч. 26, стр. 188—189; его же. Записка о достопримечательностях Донской области. «Северный архив», 1825, ч. 17, стр. 191; «Историческое описание земли войска Донского», стр. 102—103.

[8] «Историческое описание земли войска Донского», стр. 400—405, 550—552; И. Попов. К биографии В. Д. Сухорукова. СОВДСК, вып. I, 1901, стр. 30, 41.

[9] См. об этом также: Б. Б. Кафенгауз. Об исторических взглядах декабристов. Доклады и сообщения Института истории АН СССР, вып. 10. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 44; С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 368—376 и др.

Взгляды Сухорукова на историю донского казачества во многом совпадали с воззрениями А. С. Пушкина. С одних и тех же позиций они критиковали «Историю Донского войска» Броневского, осудив прежде всего ее дворянски-охранительное направление.[1] Пушкин широко пользовался работами Сухорукова при характеристике внутреннего устройства казачьих общин.[2] Как и Сухоруков, великий русский поэт видел в истории казачества прежде всего историю народа, а в его борьбе — стремление освободиться от крепостнического ярма.[3] Наконец, Пушкин был, пожалуй, единственным во всей дореволюционной историографии, кто дал в «Истории Пугачева» правдивое описание действий донцов в период крестьянской войны 1773—1775 гг., что вызвало резко отрицательное отношение к этому со стороны дворянских реакционных писателей.[4]

Еще в первой половине XIX в. в русской историографии возникло буржуазное направление, утвердившееся после падения крепостного права. В связи с этим расширился круг проблем, которыми занимались историки Дона: появился интерес к вопросам экономического развития и к более широкому освещению социальных отношений на Дону. Это выразилось прежде всего в расширении публикаторской работы. Особенно большое внимание уделял изданию документов возникший в 1836 г. Областной войска Донского статистический комитет. С 1867 по 1905 г. им было опубликовано 15 томов «Трудов» и «Сборников», в которых было помещено много ценных материалов.[5] Документы по истории Дона непрерывно публиковались и в местной периодической печати: в Донских войсковых и областных ведомостях, памятных книжках области войска Донского, журнале «Дон», газете «Приазовский край» и т. д.[6], а также в отдельных сборниках.

Донские историки этого времени проявили большое внимание к неказачьему населению Дона. Уже в 60-х годах XIX в. появились первые статьи И. И. Краснова, Х. И. Попова и А. А. Карасева, посвященные истории донских крестьян.[7] В последующие годы этот вопрос затрагивался в сочинениях В. Н. Ветчинкина, А. М. Грекова и других;[8] в связи с 50-летием падения крепостного права появились большие работы П. П. Сахарова и К. В. Маркова.[9]

Большинство из названных выше авторов утверждало, что крепостничество на Дону было случайным явлением, мерой, «вызванной государственной необходимостью». При этом они заявляли, что в отличие от крепостных центральной России «бывшие донские рабы не чувствовали

---

[1] См. А. С. Пушкин. Об истории Пугачевского бунта. «Современник», кн. 3, 1836.

[2] А. М. Линин. Историк Дона В. Д. Сухоруков и А. С. Пушкин. «Дон», 1949, № 2 (15), стр. 174.

[3] И. Рознер. А. С. Пушкин — исследователь истории казачества. «Советская Украина», 1959, № 6, стр. 169—173.

[4] См., например, М. Семяткин. Донцы, раздел I, предисловие. М., 1866.

[5] Их перечень см. в СОВДСК, вып. XIII, 1915, стр. IV—XIII.

[6] См. А. Т. Стефанов. Библиографический указатель статей о Ростове-на-Дону и Приазовье, помещенных в местной и краевой прессе. Записки Ростовского общества истории, древностей и природы, т. I, Ростов-на-Дону, 1912, стр. 238—244; т. II, 1914, стр. 267—279.

[7] И. И. Краснов. Малороссияне в войске Донском. ДВ, 1867, № 29; Х. И. Попов. По поводу статьи: «Малороссияне в войске Донском». ДВ, 1867, № 47; А. А. Карасев. Донские крестьяне. ТОВДСК, вып. I. Новочеркасск, 1867.

[8] В. Н. Ветчинкин. Очерк поземельного владения на Дону в связи с развитием межевания, ТОВДСК, вып. II, 1874; А. М. Греков. Очерк крестьянского землевладения и землепользования в Таганрогском округе. СОВДСК, вып. II. 1902; его же. К истории земельного вопроса на Дону в связи с современным положением и решением его. СОВДСК, вып. VII, 1907 и др.

[9] П. П. Сахаров. Белое рабство на Дону. «Донская церковная старина», вып. III. Новочеркасск, 1911; К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XI, 1912; вып. XIII, 1915.

едкой горечи крепостного права», «так как местные условия в большинстве случаев парализовали его развитие».[1] Впрочем, некоторые историки того времени освещали более объективно процесс непрерывного усиления феодального гнета на Дону, знавшем, по их словам, крепостников не менее жестоких, чем Салтычиха. Но и они не выходили за пределы народнических воззрений на крепостничество и, как все народники, делая, по словам В. И. Ленина, «морализующие выводы», не смотрели «на различные группы участвующих в производстве лиц, как на творцов тех или иных форм жизни» и не могли представить крепостничество как «совокупность общественно-экономических отношений».[2]

Основное внимание буржуазных историков при изучении исторического прошлого Донской земли сосредоточивалось на казачестве. В общих трудах по истории России они писали о происхождении донских казаков, их роли в обороне южных и юго-восточных границ страны, об участии в войнах России, в подавлении народных движений и даже в самих движениях. Но обо всем этом говорилось главным образом в связи с историей государства, в отрыве от внутренней жизни казачества. В этом отношении взгляды буржуазных и дворянских историков совпадали, что отражало стремление либеральной буржуазии к союзу с монархией.

Многие буржуазные историки второй половины XIX в. были солидарны с дворянскими в определении роли казачества в истории России. По мнению С. М. Соловьева, казаки были «людьми безземельными, бродячими людьми, которые разрознили свои интересы с интересами общества, которые хотели жить на счет общества, жить чужими трудами»;[3] Д. Иловайский смотрел на казаков как на «беглецов и разбойников»,[4] а в «Очерках по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.» С. Ф. Платонова казачество определялось как «загадочная» среда, находившаяся в состоянии постоянного антагонизма к Русскому государству.[5]

Господствовавший в этот период официальный взгляд на казачество как на анархическую, враждебную государству и недостойную уважения группу населения тормозил разработку его истории. Правда, местные историки старались дать сравнительно подробную историю казачества. Но, подходя к этому с позиций «государственного интереса» и стремясь главным образом к реабилитации казачества в глазах современников, они посвящали свои работы описанию военных доблестей донцов и других сторон жизни казачества.[6]

В конце XIX—начале XX в. правительству удалось превратить казачество в послушное орудие своей империалистической политики. Теперь уже и официальной историографии не имело смысла выражать свое отрицательное отношение к его прошлому. Во имя верной службы казачества самодержавию она готова была простить ему очень многое. Полемизируя с С. М. Соловьевым, авторы выходившего с начала XX в. официального издания «Столетие Военного министерства» заявляли, что «в казаки уходили не бунтовщики против царской власти и не политические враги Московской Руси» и что «обязанность служения государ-

[1] А. А. Карасев. Донские крестьяне. ТОВДСК, вып. 1, стр. 90; К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XIII, стр. 93, 109 и др.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1958, стр. 602.

[3] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. VIII, М., 1873, стр. 62—63.

[4] Д. Иловайский. История Рязанского княжества. СПб., 1859.

[5] С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве, изд. 2. М., 1937, стр. 86—87.

[6] См., например, А. М. Савельев. Трехсотлетие войска Донского, СПб, 1870; А. Н. Пивоваров. Донские казаки. Краткий сборник рассказов из военной истории донцов, о их храбрости, находчивости в бою, преданности долгу. Новочеркасск, 1892.

ству и повиновения царским властям признавалась безусловно всеми». «Казаки, — по мнению этих авторов,— всегда были ярыми сторонниками того принципа, который теперь так широко распространяется среди нашего общества, именно принципа устранения средостения между царем и народом», так как казаки всегда отличались «платонической преданностью русскому царю».[1]

Результатом ликвидации расхождений во взглядах на казачество между официальной и местной историографией явилось издание как в столице, так и в Новочеркасске серии книг и брошюр о «славном» боевом прошлом и «домашней жизни» донцов, написанных в духе квасного патриотизма.[2]

Несмотря на отсутствие специального интереса к освещению социальных отношений в среде казачества, буржуазные историки уделили внимание и этому вопросу. Даже авторы ура-патриотических брошюр говорили о социальном строе казачества. Но в их изображении казачество было свободным сословием, своеобразным орденом «рыцарей без страха и упрека», в среде которого все были равны и не было классовой борьбы.[3]

Однако некоторые авторы не могли отрицать социального расслоения казачества. Но при этом они заявляли, что оно возникло не в результате развития социальных отношений в среде казачества, а искусственно. А. А. Карасев, например, писал, что на Дону «чины создали аристократию, аристократия — роскошь...»[4] Почти дословно повторял его слова А. М. Греков («аристократию на Дону и заправских «помещиков» создали на Дону чины»),[5] а, по словам Е. П. Савельева, старшины были группой людей, случайно выплывших на поверхность «народной массы, при поддержке русских самодержцев».[6]

В то же время указанные авторы старались затушевать остроту социальной розни между рядовой массой казачества и старшинами. В специальной работе о чиновниках-старшинах войска Донского И. Краснов, например, доказывал, что и во второй половине XVIII в., и в первой четверти XIX в. «отношения их (старшин.— **А. П.**) к простым казакам были самые патриархальные».[7] Еще с большей настойчивостью эта мысль проводилась донскими историками в эпоху империализма, когда классовые противоречия на Дону особенно обострились. В изданной во время революции 1905 г. работе по истории донского дворянства Л. М. Савелов, например, стремился доказать, что «демократическое по происхождению и по составу донское казачество также демократически относилось и к своей старшине. Сегодня походный полковник или атаман, ведущий своих станичников в удалой набег, он завтра становился рядовым казаком, и наоборот».[8]

Естественно, что при таком подходе буржуазные историки Дона не считали нужным говорить о классовой борьбе, вследствие чего эта наиболее важная и яркая сторона жизни Донской земли на протяжении

[1] «Столетие Военного министерства», т XI, ч. III. СПб, 1907, стр. 12—14.

[2] В. Быкадоров. Былое Дона. СПб, 1908; П. Н. Краснов. Картины Тихого Дона. СПб, 1909; П. Х. Попов. Герои Дона. Новочеркасск, 1911; «Донские казаки и их заслуги перед отечеством». Новочеркасск, 1912, и др. В период временного господства контрреволюции на Дону в 1918—1920 гг. идеологи белогвардейщины, стараясь «исторически» обосновать свои сепаратистские устремления, пытались представить казачество обществом людей, политически независимых от России («Донская летопись», № 3. Белград, 1924).

[3] В. Быкадоров. Указ. соч., стр. 22.

[4] А. А. Карасев. Донские крестьяне. ТОВДСК, вып. I.

[5] А. М. Греков. К истории земельного вопроса на Дону. СОВДСК, вып. VII, стр. 80.

[6] Е. П. Савельев. История Дона и донского казачества, ч. III, стр. 242. [Б. м. и г.].

[7] И. Краснов. Беспоместные и мелкопоместные чиновники войска Донского. «Русский вестник», 1865, т. 58, стр. 331.

[8] Л. М. Савелов. Донское дворянство, вып. 1. М., 1905, стр. 5.

всей ее истории, в том числе истории XVIII в., не находила почти никакого освещения и третировалась как «разбойничество», «бунты», «неповиновение властям» и т. п.

Вопросы управления Войском рассматривались как административные преобразования правительства и войсковых властей в полном отрыве от изменений в социально-политической жизни во всей стране (в том числе и на Дону), определявших их в конечном счете; поэтому о них говорилось очень мало.

Не угасал во второй половине XIX в. интерес к казачеству и в зарубежной историографии. Однако в трудах большинства авторов основное внимание сосредоточивалось на характеристике военного прошлого казаков, видимо, для раскрытия «секрета» их военных успехов.[1] Страх перед «всесокрушающей» военной силой казачества выразился также в стремлении объявить казаков «врагами всякой культуры, всякой государственности... не взирая на то, жили ли эти казаки над Днепром, Доном или Волгой.[2]

Во второй половине XIX в. получили дальнейшее развитие традиции революционного подхода к истории казачества, заложенные А. Н. Радищевым и декабристами. Правда, среди революционных демократов не было историка, специально занимавшегося историей казачества, каким был среди дворянских революционеров В. Д. Сухоруков, но в работах, посвященных другим вопросам, они не раз выражали свои взгляды и на историю казачества.

Революционеры-демократы никогда не соглашались с господствовавшим в буржуазной историографии представлением о казаках как «анархической силе». В истории казачества они видели прежде всего историю народа, побочную реку, впадающую «в большую реку русской истории».[3] Идеализируя казачество, они не смогли вскрыть социальных противоречий в его среде. Но к борьбе казачества за свободу они подходили с революционных позиций, видя в ней прежде всего выражение социального протеста народных масс.[4]

Воззрения народников на историю казачества нашли отражение в работах П. А. Соколовского, П. П. Сахарова и некоторых других историков Дона конца XIX — начала XX в.[5]

Великая Октябрьская социалистическая революция, открыв новую эру в истории человечества и совершив коренной поворот во всех сферах жизни, знаменовала собой начало нового этапа в развитии исторической науки на базе марксистско-ленинской теории. В трудах классиков марксизма-ленинизма советские историки нашли не только теоретическую основу и решение важнейших проблем истории человеческого общества, но также и освещение целого ряда конкретных вопросов.

В связи с работой над III томом «Капитала» К. Маркс обратился к истории крестьянского вопроса в России. Огромный интерес представляют для историка Дона его конспекты о крестьянской войне под предводительством Степана Разина, в которых имеется ряд важных высказываний об общественном и политическом устройстве войска Донского

[1] A. Springer. Die Kosaken, deren historiche Entwicklung, gegenwärtige Organisation, Kriegstätigkeit und numärische Stärke. Leitmeriz, 1877; F. V. Stein. Die russischen kosaken Heeren. Nach dem Werke des Obersten, Choroschichin und anderen Quellen. Gotha, 1883, Ergenzungsheft, № 71 zu Petermanns Mitteilungen; Thr. von Tettau. Die Kosaken Heere. Militarisch—statistische Beschreibung. Berlin, 1892.

[2] Fr. Rawita-Gawronski. Bohdan Chmelnicki, vol. I. Lwow, 1906, S. 11.

[3] В. Г. Белинский. «История Малороссии» Николая Маркевича. Избранные философские произведения, т. I, М., Госполитиздат, 1948, стр. 514.

[4] Н. Г. Чернышевский. Соч., т. 1. М., 1939, стр. 67; т. III, стр. 154; Н. А. Добролюбов. Соч., т. III, М., 1936, стр. 128, 161, 198 и др.

[5] П. А. Соколовский. Указ соч.; П. П. Сахаров. Белое рабство на Дону. «Донская церковная старина», вып. III; его же. Происхождение донского казачества. «Записки Ростовского общества истории, древности и природы», т. II, 1914; его же. Материалы по истории колонизации и быта земли донских казаков СОВДСК, вып. X.

в последней трети XVII в.[1] Ценные замечания о характере и значении классовой борьбы крестьян в России и, в частности, крестьянской войны 1773—1775 гг. имеются в работах Ф. Энгельса.[2]

Неоднократно обращаясь к анализу социальных отношений в России, В. И. Ленин дал исчерпывающую характеристику казачества как социальной группы, раскрыл характер казачьего землевладения, показал степень развития крепостнических отношений на окраинах России и осветил целый ряд других важнейших для понимания истории Дона вопросов.[3] Более подробно взгляды классиков марксизма-ленинизма изложены в соответствующих разделах книги.

Под знаменем борьбы за утверждение марксистско-ленинской концепции истории России после победы Великого Октября выступил М. Н. Покровский и его последователи, один из которых — Н. Л. Янчевский опубликовал ряд работ по истории Дона. В них была показана несостоятельность взглядов буржуазных историков и разоблачалась их фальсификация прошлого донского казачества. Но, пытаясь создать собственную схему истории Дона, Янчевский, не усвоивший глубоко марксистско-ленинской методологии, не вышел за пределы экономического материализма. Видя главную силу истории в деятельности торгового капитала, Н. Л. Янчевский, например, утверждал, что «казачьи войска... представляли собой наемных солдат, поставленных в важнейших военных пунктах, господствовавших над торговыми путями», что «экономической основой донской старшины» первоначально являлся тоже торговый капитал. Неверно характеризовал он народное движение на Дону в 1707—1709 гг. как борьбу «за землю» донских старшин и т. д.[4]

Упрощенно-социологический подход к истории казачества был характерен также для С. Г. Томсинского, С. И. Тхоржевского и некоторых других историков того времени.[5]

После известных постановлений Партии и Правительства 1934—1936 гг. советская историческая наука вступила на путь решительного преодоления вульгаризации истории, на путь всестороннего и глубокого изучения конкретного материала с позиций марксистско-ленинской методологии. Результаты этого сказались очень скоро как на изучении всей гражданской истории, так, в частности, и на изучении истории Дона.

Уже в 30-х годах были опубликованы документы, исследования и научно-популярные работы, в которых нашла освещение история донского казачества XVIII в. Среди них прежде всего следует назвать работы Б. В. Лунина, В. И. Лебедева, Н. С. Чаева.[6]

---

[1] К. Маркс. Стенька Разин. «Молодая гвардия», 1926, кн. 1, стр. 104—125.

[2] Ф. Энгельс. Об общественных отношениях в России. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, изд. 2. Госполитиздат, 1951, стр. 205.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 552; т. 13, стр. 307; т. 26, стр. 15.

[4] Н. Л. Янчевский. Разрушение легенды о казачестве. Ростов-на-Дону, Изд-во «Северный Кавказ», 1931, стр. 41—43, 78; его же. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI—XVII вв. Ростов-на-Дону, Изд-во «Северный Кавказ», 1930; его же. Эволюция донского казачества к XVIII веку. «На подъеме», 1930, № 4; его же. Крах казачества как системы колониальной политики. «На подъеме», 1930, № 6.

[5] С. Г. Томсинский. Очерки истории феодально-крепостнической России, ч. 1. Крестьянские войны в эпоху образования империи. М., Соцэкгиз, 1934; С. И. Тхоржевский. Донское войско в первой половине XVII в. «Русское прошлое» (исторический сборник), кн. 3. Пг., 1923; его же. Рабочие и крестьяне на Дону в XVIII веке. Сб. «Труд в России», кн. 2, Л., 1924, и др. Взгляды указанных авторов подробно охарактеризованы в работе В. В. Мавродина. «Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII—XVIII веков» («Вопросы истории», 1961, № 5).

[6] Б. В. Лунин. К истории донского казачества. Ростиздат, 1939; В. И. Лебедев. Булавинское восстание. М.—Л., Соцэкгиз, 1934; Н. С. Чаев. Булавинское восстание. М. 1934.

Значительно расширилась разработка истории казачества в послевоенный период. Появилось большое число трудов о восстаниях крестьян и казаков в XVII—XVIII вв. Вышли в свет ценные исследования по истории запорожского, черноморского и яицкого казачества В. А. Голобуцкого,[1] И. Г. Рознера,[2] А. И. Андрущенко[3] и Е. М. Апановича.[4] В работах А. В. Фадеева, Е. И. Дружининой, В. А. Дядиченко, И. А. Гуржия и других значительно продвинулась вперед разработка истории соседних с Доном районов нашей страны — Украины, Новороссии, степного Предкавказья и других южных и юго-западных земель в XVIII в.[5] Вопросы истории казачества неоднократно затрагивались также в общих и специальных работах А. Н. Новосельского, Н. А. Смирнова, И. И. Смирнова и др.[6] Все это способствовало дальнейшему исследованию ряда важнейших вопросов истории Донской земли в XVII и XVIII вв. в трудах И. В. Степанова, М. М. Постниковой-Лосевой, И. И. Игнатович, Б. В. Лунина, В. В. Чеботарева и ряда других авторов.[7]

Советские историки внесли значительный вклад в изучение истории Дона и донского казачества, однако результаты их работы за рубежом еще мало известны. В течение длительного времени зарубежные читатели черпали сведения по истории донского казачества главным образом из книг белоэмигрантов и ярых врагов Советской власти С. Г. Сватикова («Россия и Дон», Белград, 1924) и И. Ф. Быкадорова («История казачества», кн. 1. Прага, 1930). Но эти авторы ставили перед собой да-

---

[1] В. А. Голобуцкий. Черноморское казачество, его же. Запорожское казачество. Киев, Госполитиздат УССР, 1957, и др.

[2] И. Г. Рознер. Яицкое казачество накануне крестьянской войны 1773—1755 гг. под руководством Е. Пугачева. Киев, 1959 (канд. диссертация, рукопись).

[3] А. И. Андрущенко. Классовая борьба яицких казаков накануне крестьянской войны 1773—1775 гг. «История СССР», 1960, № 1.

[4] Е. М. Апанович. Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії. Київ, Видавництво АН УРСР, 1961.

[5] А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., Изд-во АН СССР, 1957; Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., Изд-во АН СССР, 1959; В. А. Дядиченко. Нариси суспільно-політічного устрію Лівобережної України кінця XVII — початку XVIII ст. Київ, Вид. АН УРСР, 1959; А. И. Гуржий. К вопросу о характере помещичьего хозяйства на Левобережной Украине во второй половине XVIII в. «Исторические записки», т. 34, М., Изд-во АН СССР, 1950; В. А. Романовский. Феодально-крепостнические отношения и классовая борьба на Левобережной Украине в конце XVII — начале XVIII в. Сб. «Полтава», М., Изд-во АН СССР, 1959; А. Г. Слюсарьский. Слобідська Україна, Харків, Харківське книжково-газетне видавництво, 1954.

[6] А. Н. Новосельский. Из истории донской торговли в XVIII веке. «Исторические записки», т. 26, М., Изд-во АН СССР, 1948; его же. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948 и др.; Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. 1—2, М., Изд-во МГУ, 1946; его же. Борьба русского и украинского народов против агрессии султанской Турции в XVII—XVIII вв. В сб.: «Воссоединение Украины с Россией». М., Изд-во АН СССР, 1953; И. И. Смирнов. Восстание Болотникова (1606—1607), изд. 2. М., Госполитиздат, 1951.

[7] И. В. Степанов. Социально-политическая обстановка на Дону накануне крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина. Уч. зап. ЛГУ, № 270, истории. ф-т, кафедра истории СССР, вып. 32. Л., 1959; М. М. Постникова-Лосева. Из истории социально-экономических отношений на Дону в XVIII в. «Исторические записки», т. 60. М., Изд-во АН СССР, 1957; И. И. Игнатович. Крестьянское движение на Дону в 1820 г. М., Соцэкгиз, 1937; Б. В. Лунин. Очерки истории Донобья—Приазовья, кн. 1—II. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 1949—1951; Б. В. Чеботарев. Очерк о начальном периоде истории г. Ростова-на-Дону и окрестных селений. В сб.: «Из истории Дона», вып. 1, Ростов-на-Дону, Ростиздат, 1956. Подробную характеристику работ по истории Дона, вышедших во время и после великой Отечественной войны, см. Б. В. Лунин. Дон в исторической литературе 1941—1950 гг. «Дон», 1951, № 1, стр. 271—291; В. И. Кузнецов, А. П. Пронштейн. Научная работа историков Ростовского ун-та. «Вопросы истории», 1958, № 8, стр. 214—216. О значении трудов советских историков подробно говорится в соответствующих разделах настоящей работы.

леко не научные цели. В изображении Сватикова земля Донская на протяжении всей своей истории была особым государственным образованием — республикой, которую подчинила своей власти и «задавила» Российская империя; однако Дон не забыл о своей вольности и «вспомнил» о ней «в период развала Российской государственности в 1917—1920 гг.». Сватиков пытался уверить читателя, что для него «история Дона имела интерес чисто научный». Но издававшая его книгу белоэмигрантская «Донская историческая комиссия» открыто заявляла, что смотрит на его сочинение иначе и мечтает о том времени, когда «русский народ, добившись свободы» (имеется в виду уничтожение советского строя. — **А. П.**), начнет сам строить свою «новую жизнь» по «казачьему образцу». И. Ф. Быкадоров пошел еще дальше и провозгласил донское казачество особым народом, не имеющим ничего общего с русским.[1]

Разумеется, далеко не все зарубежные авторы писали о донском казачестве в таком духе. Можно назвать ряд серьезных работ, в том числе статью Р. Порталя «Пугачев и неудавшаяся революция»,[2] книгу Гюнтера Штекля о происхождении казачества[3] и др.

Основными источниками для настоящего исследования явились аксеновских последователей. Так, в изданной Парижским издательством Фетисова книге И. П. Буданова «Дон и Москва» (кн. I—V, Париж, 1954—1957) история казаков рассматривается лишь в плане борьбы со стремлением Московского государства установить над ними «протекторат». А такое сложное социальное явление, как крестьянская война под предводительством Степана Разина, интересует автора лишь с точки зрения «вмешательства» одного государства во внутренние дела другого.[4] В таком же плане решаются многие вопросы истории казачества Г. В. Губаревым, автором «Книги о казаках» (вып. I—VI, Париж, 1957—1959), выпущенной парижским издательством эмигрантской газеты «Казак».

3. ХАРАКТЕРИСТИКА ВАЖНЕЙШИХ ИСТОЧНИКОВ

Однако еще до сих пор «идеи» Сватикова и Быкадорова находят новые материалы, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области, Центральном государственном архиве древних актов и Центральном государственном военно-историческом архиве.

В Государственном архиве Ростовской области сосредоточено подавляющее большинство дошедших до нас документов войска Донского. Они стали откладываться уже в первой половине XVII в. Однако в 1643 г., после оставления казаками Азова, когда турки, татары и ногайцы «сбили с куреней все Войско» и разгромили казачьи городки, находившиеся в низовьях Дона, от Монастырского до Раздор, почти все эти материалы были уничтожены.

За вторую половину XVII и первую половину XVIII в. в архиве войска Донского вновь накопилось много документов, но и они погибли в 1744 г. во время пожара в г. Черкасске, когда сгорело девять десятых

---

[1] С. Г. Сватиков. Россия и Дон. Белград, 1924, стр V, VIII; И. Ф. Быкадоров. История казачества, ч. 1, Прага, 1930.

[2] R. Portal. Pugačev une Révolution manquée. In Etudes d'historie modern et contemporaine, T. 1, Paris, p. 68—98.

[3] G. Stökl. Die Entstellung des Kosakentums. München. 1953. Анализ этой книги см. в рецензии В. А. Голобуцкого («Вопросы истории», 1957, № 2).

[4] Такой подход к истории казачества вызвал критику со стороны немецкого историка Бехтольда (см. R. Bächtold. Рецензия на книгу И. П. Буданова в «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas» München, 1958, Bd. VI, № 3).

города.[1] Значительно больше их сохранилось с 1745 г. Сначала они находились в главном городе Войска—Черкасске, в подвале Воскресенского собора, а в 1886 г. были перевезены в Донской музей (Новочеркасск). За долгие годы хранения в подвалах часть документов истлела, но многие дошли до нас в хорошем состоянии.

Благодаря активной деятельности по сбору новых материалов членов Комитета об устройстве войска Донского, Статистического комитета и сотрудников музея архив непрерывно пополнялся новыми документами станичных канцелярий и сыскных начальств. Часть из них относится к XVII и первой половине XVIII в., а самый ранний — к 1687 г. (грамота о разводе рубежей между Арженовской и Зотовской станицами).[2] Наибольшую ценность из этих фондов представляли документы Хоперского сыскного начальства.

После Великой Октябрьской социалистической революции весь архив войска Донского, включая и материалы музея, был сосредоточен в Историческом архиве (позже — Государственном архиве Ростовской области) в Ростове-на-Дону.[3]

Одним из самых больших собраний материалов, главным образом по социально-экономической истории донского казачества, является фонд Войсковой канцелярии (ф. 341). Созданная в первой половине XVIII в., она постепенно сосредоточила в своих руках все административные и хозяйственные дела Войска. Среди огромного количества дел, хранящихся в этом фонде, большую ценность представляют определения (судебные решения) Войсковой канцелярии и Войскового правительства, журналы повседневной записи, журналы решенным делам, протоколы, войсковые грамоты.[4]

Дополнением к материалам Войсковой канцелярии служат документы, сосредоточенные в фондах сыскных начальств. Эти судебно-административные учреждения (промежуточная инстанция между Войском и станицами) официально возникли в 80-х годах, но фактически существовали уже с 40-х годов XVIII в. Среди документов сыскных начальств большой интерес представляют грамоты и ордера войскового атамана, указы сыскных начальств станичным правлениям, а также рапорты станичных атаманов. До нас дошли только фонды сыскных начальств верховых городков: Хоперского (ф. 339) начальства, Верхне-Хоперского (ф. 717), Нижне-Хоперского (ф. 737), Бузулуцкого (ф. 494) и Усть-Медведицкого (ф. 718). Но эти районы особенно интересны, так как в них классовые противоречия и классовая борьба были острее, чем в других местах Донской земли.

Другая группа документов сосредоточена в объединенном фонде станичных правлений (ф. 338). Архивы станичных правлений были собраны уже во второй половине XIX в. Х. И. Поповым и другими сотрудниками Донского музея, совершившими с этой целью ряд экспедиций по станицам. Так как там архивы хранились небрежно, то многие документы оказались утраченными. В сравнительно хорошем состоянии находились архивы всех одиннадцати черкасских городских станиц и Усть-Хоперского сыскного начальства (сохранились архивы 14 из 20 станиц). Кроме того, уцелели архивы 11 донских, 3 донецких, 3 медведицких и 1 бузулуцкой станицы. Эта уникальная коллекция документов представляет особенно большую ценность, так как всесторонне отражает повсе-

---

[1] См.: ДОВ, 1874, № 45.

[2] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 363, л. 1

[3] И. П. Козловский. Донские архивы. Сб. статей по вопросам культуры. Тр. Сев.-Кав. ассоциации научно-исследовательских ин-тов. Ростов-на-Дону, 1928.

[4] Подробно о материалах этого фонда см. А. П. Пронштейн. Обзор материалов по истории донского казачества XVIII—XIX вв., хранящихся в Госархиве Ростовской области. «Ежегодник Археографической комиссии», т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 228—242.

дневную жизнь донских станиц и их отношения с сыскными начальствами и войсковыми учреждениями.

Из других материалов Ростовского архива большой интерес представляет фонд крепости Дмитрия Ростовского (ф. 518), отражающий в основном административную деятельность русского правительства на Дону, и фонд Атаманской канцелярии (ф. 46), где сосредоточены материалы главным образом по военной истории Войска, но имеются сведения и о положении казачества как военного сословия. Сохранились также некоторые фамильные архивы, из которых наибольший интерес представляют фонды донских атаманов Ефремовых (ф. 360) и старшин Астаховых (ф. 81) и Яновых (ф. 82).

Наконец, в Ростовском архиве имеются личный архив бывшего директора Донского музея Х. И. Попова (ф. 55), в котором собраны копии многих не дошедших до нас документов, и коллекция материалов по донской истории, извлеченных П. П. Сахаровым из ЦГВИА.

В Центральном государственном архиве древних актов хранятся документы Посольского приказа, ведавшего войском Донским до 1721 г. В архиве этого приказа имеется особая коллекция Донских дел (ф. 111, оп. 1), насчитывающая 1201 единицу хранения. Эти документы делятся на две группы: Донские дела и Донские книги. Дела представляют собой расклеенные столбцы, содержащие переписку Посольского приказа и Коллегии иностранных дел с войском Донским. В делах имеются подлинные отписки и челобитные донских казаков, сообщения воевод царю о положении на Дону, черновые отпуски царских грамот, посылавшихся на Дон и т. п. В Донских книгах переписаны царские грамоты и другие «входящие» и «исходящие» бумаги Посольского приказа, относящиеся к Дону. В большинстве случаев в Донских книгах помещены материалы, имеющиеся в Донских делах, но часть подлинных документов исчезла и может быть восполнена только по Донским книгам. В Донских делах имеется также небольшое число, видимо, случайно попавших материалов и за более поздние годы.

Документы по истории донского казачества имеются и в других фондах ЦГАДА. В фонде VI разряда бывшего Государственного архива Российской империи (ф. 6, оп. 1) сосредоточена коллекция материалов, извлеченных из центральных и местных учреждений России XVIII в., в том числе из Кабинета Екатерины II, Тайной экспедиции Сената и Войсковой канцелярии войска Донского по уголовным делам и государственным преступлениям. Некоторые документы извлечены из разряда XX Госархива (дело о войске Донском, ф. 20, д. 54, ч. 1—2) и из материалов военно-походной экспедиции главнокомандующего войсками, направленными против Е. И. Пугачева,— графа П. И. Панина (фонд Паниных, ф. 1274).

В Центральном государственном военно-историческом архиве собраны материалы Военной коллегии, которая с 1721 г. ведала донскими, яицкими и гребенскими казаками.[1] Наибольшее количество документов о донских казаках хранится в фонде казачьего повытья (позже казачьей экспедиции) Военной коллегии (ф. 13, оп. 107), в котором имеются императорские указы и указы Военной коллегии войску Донскому, донесения войсковых и наказных атаманов, материалы следственных дел, поступавших из Войсковой канцелярии на рассмотрение Военной коллегии и царя.

Для освещения истории казачества большое значение имеют дела секретного повытья Военной коллегии (ф. 20, оп. 1/47), в которых сосредоточен ценный материал о народных движениях на Дону, о расколе, о политике правительства (в частности, о роли государственных крепостей в ее осуществлении).

[1] ПСЗ, т. VI, № 3750.

Большое число документов о донских казаках находится в фонде Г. А. Потемкина (ф. 52, оп. 194), занимавшего должность вице-президента, а с 1784 г. — президента Военной коллегии, новороссийского, азовского и астраханского генерал-губернаторства, а также командира всех иррегулярных войск. В фонде имеется очень ценное дело, содержащее донесения донских начальников о действиях Е. И. Пугачева во второй половине 1774 г., секретные рапорты атамана Иловайского за разные годы, материалы о беглых казаках и т. п. Наконец, в фонде Н. И. Салтыкова (ф. 41, оп. 1/199), сменившего Г. А. Потемкина на посту президента Военной коллегии, также собраны документы о казаках и особенно большой материал — о волнениях на Дону в 1792—1794 гг.

Часть архивных документов опубликована в специальных сборниках и на страницах периодических изданий. Наиболее значительными из дореволюционных публикаций являются «Донские дела» (т. I—V); «Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные г-м А. А. Лишиным» (т. I—III, Новочеркасск, 1891—1894); «Материалы для истории войска Донского. Грамоты, изданные И. П. Прянишниковым» (Новочеркасск, 1864); «Акты, относящиеся к истории войска Донского» (под ред. Х. И. Попова, Новочеркасск, 1902); материалы, опубликованные в «Трудах» и «Сборниках» войска Донского статистического комитета. Многие из этих публикаций сохранили свое научное значение и в наши дни, хотя при использовании их необходимо учитывать тенденциозность в подборе материала, так как главное внимание издателей документов обращалось на «высочайшие» акты и грамоты, пожалованные Войску (публикации И. П. Прянишникова, А. А. Лишина и др.), на эпизоды из боевой и «частной» жизни войсковых атаманов и старшин и т. п.

Несравненно бо́льшую ценность представляют документы, опубликованные советскими исследователями и посвященные главным образом истории классовой борьбы на Дону. Огромный материал по освещаемой нами теме сосредоточен в сборниках документов «Крестьянская война под предводительством Степана Разина» (т. I—II. М., Изд-во АН СССР, 1954—1959), «Булавинское восстание» (М., Изд-во Политкаторжан, 1935), «Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773 — 1775 гг.» (Ростов-на-Дону, Изд-во РГУ, 1961) и др. Значительный интерес представляют и небольшие по объему публикации документов, помещенные в «Историческом архиве», «Материалах по истории СССР» и других изданиях.[1]

Дополнением к актовому материалу служит Полное собрание законов Российской империи (Первое собрание). Сосредоточенные в нем законодательные акты дают очень большой материал прежде всего для освещения правительственной политики на Дону, а также и для выяснения изменений в экономической и социальной жизни Донской земли.

Исследование истории Донской земли затрудняется почти полным отсутствием статистических данных за XVII и XVIII вв. До нас дошли лишь крестоприводная запись донских казаков 1718 г. (ЦГАДА); ревизия приписных крестьян за донскими станицами и владельцами 1763—1764 гг. (ЦГВИА), представляющая особенно большую ценность как исторический источник; данные о числе служилых и отставных казаков в донских станицах за 1768 г. (в книге А. И. Ригельмана) и «Ведомость о количестве приходских дворов и числе жителей мужского и женского пола православных и раскольников за 1801 г.» (ГАРО). Из-за отсут-

[1] Е. П. Подъяпольская. Новые документы о восстании на Дону и в центральной России в 1707—1709 гг. В сб.: «Материалы по истории СССР», вып. V. «Документы по истории XVIII века». М., Изд-во АН СССР, 1957; ее же. Новое о восстании К. Булавина. «Исторический архив», 1960, № 63; А. П. Пронштейн. К истории крестьянского движения в России в 1775 г. «Исторический архив», 1960, № 1 и др.

ствия общих статистических описаний Донской земли за XVIII в. для выяснения отдельных вопросов привлекался статистический материал первой четверти XIX в., в том числе «Краткое топографическое описание земли войска Донского», составленное в 1806 г. (СОВДСК, вып. XI, стр. 33—37) и «Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822—1832 гг.» (Новочеркасск, 1891).

Географические представления современников о земле войска Донского в XVIII в. были неполными ввиду окраинного ее положения. Первая подробная карта земли войска Донского была составлена в 1819—1821 гг. (хранится в ЦГВИА, ф. ВУА, № 21304). Из картографических материалов XVIII в. наибольший интерес представляют карта войска Донского, утвержденная Екатериной II 10 октября 1786 г. (хранится в Новочеркасском музее истории донского казачества); составленная в середине XVIII в. карта Кубанской и Крымской сторон; относящаяся к 70-м годам XVIII в. карта Кубанской степи или земли войска Донского и Черноморского (хранятся в ЦГВИА, ф. ВУА, № 280, 283) и генеральная карта Азовской губернии, составленная И. Исленьевым в 1782 г. (ЦГАДА, ф. картографический. Карты Екатеринославской губернии, № 1, 1782 г.). Некоторый материал по географии Донской земли XVIII в. имеется также в географических словарях В. Н. Татищева, Ф. Полунина и А. М. Щекатова, а также в составленной в 1776 г. «Описи..., какие в войске Донском по дорогам есть селения и на каких реках, откуда те реки начало свое имеют и куда впадают, где мосты и переправы, в каждом селении сколько дворов и расстояние верст от одного до другого» (ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 187, д. 9).

Особую группу источников составляют сочинения участников экспедиции Российской Академии Наук, проведенной под руководством П. С. Палласа в 1768—1774 гг. для изучения окраинных районов империи, в том числе Поволжья, Подонья и Кавказа.

Из участников этой экспедиции первым прошел по Донской земле С. Г. Гмелин. В 1769 г. он посетил главный город Войска — Черкасск, а оттуда через задонские степи отправился в Астрахань. О путешествии по земле Донской Гмелин подробно рассказывает в книге «Путешествие по России для исследования трех царств» (ч. I—II, СПб, 1771—1783). Больше сведений о Доне имеется в сочинении И. А. Гильденштедта. Он посетил Дон два раза — впервые в 1769 г. вместе с Гмелиным, а второй раз — при возвращении с Кавказа. Его книга «Путешествие по России и и в горах Кавказа» была издана на немецком языке уже после его смерти. [1]

Возвращаясь из Сибири и Урала через Царицын и Астрахань, в 1774 г. на Дону некоторое время находился руководитель академической экспедиции 1768—1774 гг. П. С. Паллас. В 1793 г. он совершил новое путешествие в Нижнее Поволжье и на Кавказскую землю и опять побывал на Дону. Содержащиеся в его сочинениях заметки о донских казаках хотя и очень кратки, но представляют большой интерес. [2]

Следует назвать также сочинения А. И. Ригельмана и Антонио де Романо. Упоминавшаяся уже книга А. И. Ригельмана «История о донских казаках» повествует не только о прошлом Донской земли, но и о многих современных автору событиях. Поэтому там, где речь идет о второй половине XVIII в., она сохраняет значение источника, разумеется, при условии сугубо критического подхода к сообщаемым в ней фактам.

Немало ценных наблюдений о жизни донских казаков сделал извест-

[1] J. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. St.-Petersb. Bd. I. 1787; Bd. II, 1791. Незначительные отрывки из этого сочинения под названием «Дневник путешествия в Южную Россию академика Гильденштедта в 1773—1774 гг.» помещены в «Записках Одесского общества истории и древностей», т. XI, 1879.

[2] P. S. Pallas. Second voyage, tome II. Paris, 18.

ный путешественник и член многих академий Антонио де Романо. В 1802 г. он руководил инженерными работами в Черкасске и пробыл там целый год. В изданной им в 1807 г. на французском языке книге «Философский очерк земли войска Донского»[1] имеются интересные сведения о положении донских казаков, их вооружении, деятельности администрации и т. п.

Для изучения социальной и главным образом бытовой истории Дона представляет интерес оригинальное по жанру сочинение жителя Верхне-Курмоярской станицы Е. Кательникова «Историческое сведение о Верхне-Курмоярской станице», написанное в 1818 г. на основе личных воспоминаний о жизни донского казачества последней трети XVIII в. и изданное Областным войска Донского статистическим комитетом в 1886 г.

---

[1] Antoine Louis de Romano. Coup d'oeil philosophique sur le pays. occupé par le cosaques du Don, t. I—II. Milan, 1807.

Часть I

ЗАСЕЛЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ЗЕМЛИ ДОНСКОЙ В XVIII ВЕКЕ

Глава 1

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ГРАНИЦЫ

1. УСТАНОВЛЕНИЕ ГРАНИЦЫ ДОНСКОЙ ЗЕМЛИ НА ЮГЕ

В XVI и на протяжении большей части XVII столетия не возникало еще настоятельной необходимости точно определить границы территории, на которой селились донские казаки. В этот период находилось еще слишком мало охотников жить на далекой юго-восточной окраине Российского государства, хотя и свободно от помещичьего гнета, но постоянно под угрозой опустошительных набегов со стороны кочевых народов и феодалов соседних государств. Поэтому, кроме казаков, добровольно селившихся в необжитых придонских степях и оборонявших юго-восточные границы России, на эти земли никто не претендовал, а правительство охотно признавало их за казаками.

Эти земли представляли собой часть просторной степи, которая со времен татарского нашествия на Русь именовалась Диким полем и простиралась от берегов Нижней Волги через Дон почти до Днепра. Границы их на первых порах были очень неопределенными. Они начинались от верховьев Воронежа, Хопра и Медведицы и проходили к югу почти на 800 верст до Азовского моря. С запада на восток они шли от Донецкого кряжа, где кончались владения запорожских казаков, до Нижнего Поволжья.

К середине XVII в. разрозненные казачьи общины объединились в единое войско Донское, границы которого определились более четко. На юго-западе они подходили к владениям Крымской орды, которой принадлежало и побережье Азовского моря. Далее (к северу, от верховьев Кальмиуса до устья р. Оскола) они шли вдоль земель запорожских казаков, затем направлялись к Валуйкам, откуда по Белгородской черте—до Чернавска, а далее через Керенск, Шацк, Тамбов, Нижний Ломов — к Волге и по ней — к Саратову, Царицыну и Астрахани. Менее определенной оставалась южная граница, которая простиралась до Азова, где пограничная линия замыкалась.[1]

[1] В. Г. Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб, 1889, стр 1—2; С. Г. Кобяков. Заселение Дона в XVI—XVII вв. Уч. зап. ЛГПИ, т. X, географический ф-т, вып. 3. Л., 1955, стр. 69.

Вся эта территория считалась землей донских казаков, но в западной ее части кочевали ногайцы, а в восточной — калмыки, принявшие подданство Российского государства и обязавшиеся, как и казаки, охранять юго-восточные границы державы.

В XVIII в. по мере укрепления абсолютной монархии в России и усиления позиций самодержавия на юго-востоке границы Донской земли сложились окончательно и существовали почти без всякого изменения до конца XIX столетия.

В настоящей главе дается краткий обзор образования границ земли войска Донского в XVIII в.

Южная окраина Донской земли в XVI и XVII вв. соприкасалась с владениями Турецкой империи, а так как со времени захвата турками Приазовья не было твердо установленной государственной границы, то и владения донских казаков очерчивались очень неопределенно.

К установлению государственной границы Россия и Турция приступили после подписания 3 июля 1700 г. мира в Константинополе. По договору Азов с прилегавшими к нему землями перешел во владение России, при этом «Азовскому городу» передавался «от Кубанской стороны уезд, считая расстояние его от Азова к Кубани, даже до кончания десяти часов ездою конскою».[1] Такое нечеткое определение при подготовке пограничной конвенции в октябре 1704 г. привело первоначально к спору между обеими сторонами, так как русские представители за 10 часов успели переехать р. Ею и стать в 5530 саженях от реки, а турецкие — остановились от р. Ею в 1350 саженях. Но вскоре граница была установлена. Она прошла по северному берегу Таганрогского залива и правому берегу Мертвого Донца до устья Темерника, а отсюда, поворачивая на юг, — к устью р. Еи, которое также вошло в состав Азовского уезда. Земли между Азовом и Темерником, включая дельту Дона, были объявлены «нейтральными», «барьерными», а далее шли земли войска Донского.[2]

Граница, установленная Константинопольским договором первоначально на 30 лет, по Прутскому миру, заключенному в 1711 г., была изменена. Россия вынуждена была уступить Турции Азов с «округой», срыть укрепления в Таганроге и других крепостях, построенных на юге, а также вывести из Азовского моря свой флот.[3] Новая граница, согласно межевой записи от 13 июля 1714 г., шла, «минув Леонтьевы буераки... влеве» (они оставались в переделах России), на курган Саур-Могилу, оттуда к р. Миусу, далее на р. Тузлов «и тою речкою Тузловою по правую сторону на низ до Каменного броду». Затем она шла степью по Темернику (до впадения его в Дон) и вдоль левого берега Дона, а оттуда — «к границам Кубанской орды, к реке Ее».[4]

В ходе русско-турецкой войны 1735—1739 гг. граница 1704 г. была восстановлена, а по Белградскому миру 1739 г. земли по правому берегу устья Дона снова полностью и с этого времени навсегда отходили к России. Кроме этого, России разрешалось построить на Дону, близ Черкасска, крепость. Однако она должна была вновь разрушить восстановленные после успешной кампании 1736 г. Таганрогскую и Азовскую крепости, вывести из них свои войска и отказаться от права иметь свой флот в Азовском море. Вместе с тем опять и в прежних границах была создана «барьера».[5]

Борьба Российской империи за окончательное вытеснение Турции из Приазовья и северных берегов Черного моря продолжалась и после

[1] ПСЗ, т. IV, № 1804.
[2] Г. Н. Захарьянц, Г. А. Иноземцев, П. В. Семернин. Ростов-на-Дону. Ростиздат, 1949, стр. 14.
[3] ПСЗ, т. IV, № 2398.
[4] Там же, т. V, № 2834.
[5] Там же, т. X, № 7900 и 7915.

Белградского договора. В 40-х годах XVIII в. Россия уже прочно держала в своих руках низовье Дона и успешно продолжала политику присоединения исконно русских приазовских и причерноморских земель. В 1769 г. к России были вновь присоединены Азов и Таганрог, а после заключения Кючук-Кайнарджийского договора в 1774 г. и Ясского мира в 1791 г. все Приазовье и северное побережье Черного моря от устья Днестра до Таманского полуострова, включая Крым и Прикубанье, были окончательно закреплены за Россией.[1]

С установлением твердой границы между Россией и Турцией Приазовье было выделено из казачьих владений.

Уже в самом начале XVIII столетия был образован Азовский уезд, который по губернской реформе 1708 г. вошел в состав Азовской губернии.[2]

После Прутского мира, который лишил Россию завоеваний на побережье Азовского моря, правительство не пожелало терять опорных пунктов на юге и в 4 верстах ниже г. Черкасска, на правом берегу Дона, основало крепость, получившую название Транжамент (от слова «ретраншемент» — внутреннее укрепление).

Вскоре выяснилось, что место, выбранное для крепости, при ежегодных разливах Дона затоплялось. К тому же и Турция настойчиво требовала вывода войск из ретраншемента, находившегося слишком близко к Азову. В связи с этим в 2 верстах выше Черкасска было выстроено другое укрепление, куда перевели гарнизон из старого редута.[3] Место, выбранное для новой крепости, получившей название Нового Транжамента, оказалось столь же мало удачным. Оно, как и прежнее, ежегодно подвергалось затоплению и было признано непригодным для устройства крепости. Присланным на Дон из Петербурга в 1729 г. военным инженерам генералу де Бреньи и де Кулонгу было поручено подыскать более удобное место. Через некоторое время оно было найдено на Васильевских буграх, расположенных в 1,5—2 км на северо-восток от Черкасска. Правительственным указом от 16 марта 1730 г. было положено начало строительству этой крепости, которая по указу от 22 января 1731 г. получила наименование крепости св. Анны. 29 ноября 1733 г. вновь созданная крепость была присоединена к сооружавшейся в этот период на границах Новороссии Украинской оборонительной линии. В 1741 г. комендант Аннинской крепости генерал-майор Левашов дал разрешение новым поселенцам при крепости занять земли «на р. Тузлове, от Каменного броду, от крепости св. Анны и от Черкасской стороны вверх по речке Тузлову, от рубежной балки до Дубьев на другой балке, а от речки Тузлова... в гору до вышняго увалу», а также по р. Самбеку «столько, сколько пашнею и лугов покосом обнять могут»,[4] чем и воспользовались однодворцы.

Но и Аннинская крепость не удовлетворяла предъявлявшимся к ней требованиям. Она была слишком удалена от Азовского побережья и, как показала русско-турецкая война 1735—1739 гг., не могла служить надежным оплотом для обороны южных границ от нашествия турок и татар. К тому же крепость была расположена в болотистой и крайне нездоровой местности, отчего многие из новых поселенцев погибали от эпидемий, а другие бежали в поисках какого-нибудь нового пристанища.

---

[1] Е. И. Дружинина. Указ. соч., стр. 55—57, 260; А. В. Фадеев. О характере внешней политики России во второй половине XVIII в. «Преподавание истории в школе», 1956, № 3, стр. 38; П. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, ч. II, СПб, 1869, стр. 105 и др.

[2] В Азовскую же губернию по указу 18 декабря 1708 г. входила также и отделенная от Азова землей донских казаков территория образованных впоследствии Воронежской и отчасти Тамбовской губерний (ПСЗ, т. IV, № 2216).

[3] Б. В. Чеботарев. Указ. соч. В сб.: «Из истории Дона», стр. 53.

[4] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 522, 1894, стр. 587.

При создавшемся положении Россия решила воспользоваться предоставленным ей по Белградскому мирному договору правом на постройку новой крепости в низовьях Дона. Наиболее пригодным для подобного сооружения было признано место, расположенное против урочища Богатый Колодезь, на высоком берегу Дона, на расстоянии 2 верст и 300 саженей вверх по Дону от устья Темерника (где указом от 16 декабря 1749 г. была учреждена Темерницкая таможня). Вслед за этим по указу Сената от 20 декабря 1760 г. крепость св. Анны упразднялась, а ее гарнизон и жителей переводили на место, выбранное для новой крепости, которая была названа Ростовской. [1]

Учитывая, что Ростовской крепости предстояло в дальнейшем играть немаловажную роль в проведении внешней и внутренней политики на юге России, правительство решило выделить ей значительную земельную площадь.

Указом Сената от 20 декабря 1760 г. предписывалось при установлении границ Ростовской крепости руководствоваться реляцией графа Шувалова, в которой предлагалось «разграничить ту, вновь назначенную строением, крепость с городом Черкасском... вверх по Дону до устья реки Оксаю, по Крымской стороне, на Норд по Большому Логу от реки Дону на двадцать верст, а по Кубанской стороне от устья ж Оксая на Зюйд, через озеро Махино, до Кургана Дву-братов, от того ж Дону на двадцать же верст, а вниз по Крымской стороне по реке Мокрый Чалтырь до вершины, а по Кубанской стороне вверх... на Курган Пять-братов». [2]

Определенная таким образом территория новой крепости и прилегавшей к ней округи оказалась очень большой. В связи с тем, что она образовывалась за счет земель войска Донского, последнее обратилось в правительство с просьбой уменьшить «округу» крепости, и предложило со своей стороны провести границу между его землями и крепостью «по Крымской стороне от устья реки Мокрова-Кизитеренка... по хребту Сухова-Кизитеренка, называемого Горина могила, а от оного могильного кургана до устья реки Сухой Несвитай, також и по Кубанской стороне, начав от устья вышеупомянутой же речки Мокрого-Кизитеренка, чрез Дон и остров, по курганы Дву-братов». [3] Против этой границы не возражали сначала и представители государственной власти. Поэтому определением Военной коллегии от 31 июля 1763 г. предписывалось провести размежевание.

Однако при проведении разграничительной линии непрерывно возникали споры. Недовольное поведением представителей крепости, Войско обращалось к правительству с просьбой «о взыскании истины для размежевания с крепостью... о оказавшихся по плану с натуральным положением несходствах.» [4] Со своей стороны комендант Ростовской крепости Потапов писал с стремлении войсковых властей захватить земельные владения крепости с той целью, «чтоб каждый крепостной житель от них тожмо зависил.» [5] Все это крайне затрудняло работу, которая была завершена только при проведении генерального межевания. [6]

2. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ С ЗАПОРОЖСКИМ ВОЙСКОМ

До тех пор, пока значительная часть северного Приазовья находилась в руках крымских татар, совершавших беспрерывные набеги на

[1] ПСЗ, т. XIII, № 9699; Г. Н. Захарьянц, Г. А. Иноземцев, П. В. Семернин. Указ. соч., стр. 26—27.
[2] Акты Лишина, т. III, № 65, 1894, стр. 108—109
[3] Там же, стр. 112.
[4] Там же, стр. 114.
[5] Там же, стр. 127.
[6] Там же, стр. 141, 145—146, 150.

юго-западные земли донских казаков, эти земли представляли собой необжитые степи. В этих местах, где бродили охотничьи и рыболовные ватаги донских и запорожских казаков, которые лишь изредка устраивали там временные становища, не имело смысла устанавливать точных границ.

Но после того как Россия, взяв в 1737 г. Азов, овладела побережьем Азовского моря до Миуса и границы России стали отодвигаться далее на запад, донские казаки начали заселять северное побережье Приазовья.

Примерно в это же время сюда стали продвигаться и запорожские казаки. Изгнанные в 1709—1711 гг. из пределов России, запорожцы лишь в начале 30-х годов XVIII в. получили разрешение вернуться. В 1734 г. правительство позволило им основать Новую Сечь и возвратило земли, которые они занимали ранее.[2] А так как до начала XVIII в. и в период пребывания запорожцев под властью турецкого султана ватаги и временные поселения их можно было встретить на всем северном побережье Азовского моря, то запорожские казаки предъявили свои претензии на эти земли. При этом они ссылались на предание, впрочем не подтвержденное документально, в котором говорилось, что еще в 1576 г. кошевой атаман Запорожского низового войска Павлюк получил от польского короля Стефана Батория грамоту на владение Приазовьем «до самой реки Дону, где еще за Преславля Ланцкорунского казаки запорожские свои зимовники мевали».[3]

Отношения между Запорожским и Донским войском на этой почве с каждым годом все более обострялись. В августе 1743 г. Запорожское войско направило в Сенат с полковником Иваном Прокофьевым отписку с жалобой на обиды со стороны донских казаков и просьбой «указом подтвердить, дабы... казакам их запорожским по сей стороне Миюса рыбу ловить не препятствовали».[4] В сентябре того же года запорожцы снова жаловались в Сенат, донося, «что от Донского войска чинятся им, запорожским казакам, не малые обиды, и буде из Кальмиуса и Миюса речек и из прочих мест оные донские казаки [с] рыболовных (мест.— А. П.) их об[низ]овых казаков отгоняют и тем весьма теснят».[5] Почти в то же время поступила в Сенат жалоба от войска Донского о причиняемых донским казакам «от запорожских казаков и проезжающих не малых обидах, разорениях и грабительствах и что они ж, запорожские казаки, вступают в реки и в морские косы и в прочие места, которыми они напредь сего не владели, и прислали в те места команду, причем между съезжими в тамошних местах людьми в заходящих ссорах имеют расправу, а другие, переехав, живут на той стороне моря».[6]

Учитывая сложившуюся обстановку, правительство нашло необходимым провести размежевание земель между Донскими и Запорожскими войсками. В связи с этим коменданту Аннинской крепости бригадиру Вырубову царским указом от 12 октября 1743 г. предписывалось разграничить их «по имеющимся у них (казаков.— А. П.) письменным документам (ежели есть), буде же иногда письменных документов нет, то со обоих сторон старыми и знающими старшиною и казаками.»[7] Когда Вырубов начал проводить размежевание, он увидел, что письменных документов не оказалось, а его попытки наметить грани «по доброму

[1] И. Сулин. Материалы к истории заселения Миусского округа. СОВДСК, вып. V, 1905; вып. VI, 1906; вып. VII, 1907.
[2] В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество, стр. 337—340.
[3] А. Скальковский. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского, ч. 1. Одесса, 1885, стр. 32.
[4] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 360, стр. 332.
[5] Там же, № 327, стр. 297.
[6] Там же.
[7] Там же, стр. 333.

согласию» успеха не имели, а, наоборот, порождали все новые столкновения. Вырубов рапортовал в Сенат, что он «того размежевания учинить опасен», и просил освободить его от этой обязанности.

Просьба Вырубова была удовлетворена. 31 августа 1744 г. разграничение владений между войсками Запорожским и Донским было поручено генерал-лейтенанту фон Штофелю.[1] В сентябре 1745 г. в помощь ему для урегулирования возникавших споров из Петербурга был прислан подполковник Яков Блас.[2] В начале 1746 г. работа по разграничению земель была завершена, и указом Сената от 30 апреля 1746 г. была утверждена граница между Запорожским и Донским войсками. «Понеже, — указывалось там, — как от Запорожского, так и от Донского войск на спорные места, кому оныя принадлежат, никаких письменных документов... не объявлено, а по сказках от обеих сторон старожилов, старшины и казаков утвердиться невозможно: того ради, дабы впредь у них запорожцев с донскими казаками никаких уже споров и ссор не происходило, отвесть им ныне во владение земли и реки и лесныя угодья, и велеть владеть, а именно: Запорожцам, от Днепра рекою Самарою, Волчьими водами, Бердою, Калчиком и Калмиусом и прочими впадающими в их речками и надлежащими к тем рекам косами и балками и всякими угодьи, по прежнюю 1714 году границу, которые и по последнему с Портою Оттоманскою разграничению, оставлены в стороне Российской империи; а от реки Калмиуса, Еланчиком, Кринкою, Миусом, Темерником, даже до реки Дону и всеми впадающими в них речками, балками и косами, и оных вершинами всякими угодьи, состоящими по оному разграничению, владеть донским казакам. И для того быть между ими, запорожскими и донскими казаками, помянутой речке Калмиусу границею, а от вершины оной, прямою чертою даже до прежней 1714 года Российской с Портою Оттоманскою границы, учинить приличную межу и поставить грани.»[3]

Размежевание, проведенное в 1746 г., не привело к окончательному прекращению споров между Донским и Запорожским войсками. Уже в декабре 1746 г. расследовалось дело об истреблении, по распоряжению сына войскового атамана старшины Степана Ефремова, рыболовецких куреней и зимовников, принадлежавших запорожцам, но находившихся на Донской стороне близ Кальмиуса.[4] В марте правительством была разослана специальная грамота о прекращении всяких споров и ссор между донскими и запорожскими казаками за пограничные земли.[5] 30 июня 1749 г. и 16 апреля 1751 г. были направлены на Дон царские грамоты об удалении с Кубанской стороны запорожцев, находившихся там для рыбной ловли, и о воспрещении им въезда туда в дальнейшем.[6]

Запорожское войско предъявляло претензии на земли между Кальмиусом и Миусом и в дальнейшем. И только после того, как в 1775 г. Новая Сечь была ликвидирована, а ее территория вошла в состав образованной еще в 1764 г. Новороссийской губернии, спорная земля была окончательно закреплена за войском Донским.

3. СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ, СЕВЕРНЫЕ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЕ ГРАНИЦЫ ЗЕМЛИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Бассейны Северного Донца, среднего Дона, Хопра, Бузулука и Медведицы были районом наиболее ранней сельскохозяйственной колонизации на земле войска Донского, начавшейся в конце XVII в. Это зна-

[1] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 327, стр. 334.
[2] Там же, т. II, ч. II, № 397, стр. 384.
[3] ПСЗ, т. XII, № 9282.
[4] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 423 и 458.
[5] Там же, № 429.
[6] Там же, № 485 и 538.

чительно увеличивало приток в ряды казачества крестьянского населения и ускоряло начавшийся ранее процесс освоения казачеством этих земель.

Но с конца XVII в. на эти же земли стали претендовать великороссийские и украинские помещики, и вопрос о северо-западных, северных и северо-восточных границах войска Донского приобрел большую остроту.

В 1701 г. Войско, считая земли по течению р. Бахмут своими, начало их освоение и выдало казакам грамоту на построение там городка. Однако в следующем году поселившиеся там казаки донесли Войску, что полковник Изюмского слободского полка Ф. Шидловский «прислал к ним на ту речку полку своего казаков, разных городов жителей, и те де казаки, пришед к ним, их с того новопоселенного места сбивают и насильством своим бьют их, и грабят, и ругают, и всякое разорение им чинят, и хвалятся смертным убийством». Сообщая об этом правительству, Войско жаловалось и на притеснения, чинимые казакам со стороны изюмских черкас на реках Красной и Жеребце.[1]

Почти в то же время правительство получало сообщения Ф. Шидловского, что казаки Сухаревской, Краснянской, Боровской и Трехизбянской станиц на реках Бахмуте, Красной и Жеребце «с поселений их Изюмского полку казаков выгоняют и чинят им многие обиды, и бьют, и грабят, и сена косить не дают, и похваляются смертным убийством и разорением».[2]

Стремясь ограничить пределы земельных владений донских казаков (а вместе с тем и ликвидировать очаг скопления беглых крестьян и «работных» людей), правительство поддержало претензии полковника Шидловского. Грамотой от 14 октября 1704 г. р. Бахмут признавалась за Изюмским слободским полком, р. Жеребец — пограничной между владениями донских казаков и Изюмским полком, а по р. Красной владения казаков ограничивались Кабаньим бродом.[3]

Этим, однако, не был положен конец спорам. В начале 1705 г. Ф. Шидловский доносил правительству, что казаки восстановили свой городок на Бахмуте. Вскоре он пытался силой изгнать их оттуда, но успеха не имел, а только «произвел сильные разорения и грабеж».[4]

Разумеется, донские казаки тоже не бездействовали и совершали ответные набеги на поселения казаков Изюмского полка. Мало того, вопреки указам правительства, они продолжали заселять левый берег Северного Донца. Поэтому верховная власть приняла решительные меры к очищению этого района от новых казачьих поселений. В 1706 г. последовал указ, чтобы «городки, которые поселены не по указу... а именно Новый Айдар, Шюльгин, Осиновый Ровенек, на Красной Кабаней и которые построены, кроме Старого Айдара, по иным запольным речкам, после Азовской службы, свесть...»[5] В 1707 г. в ответ на новое челобитье Ф. Шидловского правительство разрешило ему казачьи городки, вновь основанные на рр. Красной и Жеребце, уничтожить, а все земли включить в состав Изюмского полка.[6] Но казаки не подчинились этому распоряжению. С каждым днем борьба становилась все более ожесточенной. Поэтому Петр I, посылая Ю. Долгорукого на Дон,

---

[1] «Записки Одесского общества истории и древностей», т. 1, Одесса, 1844, стр. 353

[2] Там же, стр. 356.

[3] В. В. Гуров. Сборник судебных решений, состязательных бумаг, грамот, указов и других документов, относящихся к вопросу о старозаимном землевладении в местности бывшей Слободской Украины, Харьков, 1884, стр. 497—521; «Булавинское восстание». Сб. документов, № 5. М., Изд-во Политкаторжан, 1935, стр. 97—106.

[4] Н. С. Чаев, К. М. Бибикова. Взаимоотношения Москвы и Дона накануне Булавинского восстания. В сб.: «Булавинское восстание», стр. 28.

[5] Сб. «Булавинское восстание», стр. 22.

[6] Там же, стр. 30.

предписывал ему «оные спорные земли и угодья меж донскими казаками и изюмскими жителями розвести... чтоб междо ими ту заходящую их вражду успокоить и искоренить.[1]

Не менее напряженно складывались отношения между войском Донским и великороссийскими помещиками, наступавшими на казачьи земли со стороны Воронежского и Тамбовского краев.

В конце XVII в. правительство стало давать русским дворянам поместья в непосредственной близости от казачьих поселений на Дону, Хопре, Бузулуке и Медведице, а вслед за тем плодородные и уже значительно реже, чем прежде, подвергавшиеся набегам кочевников донские казачьи земли сами стали объектом помещичье-монастырской колонизации из южных областей Российского государства.

Идя навстречу притязаниям великороссийского дворянства и церкви, а одновременно стремясь ликвидировать наиболее крупный и опасный район сосредоточения беглых, правительство указом от 22 июля 1700 г. предписало «верховых донских городков казаков, которые живут по Хопру и по Медведице, и по разным рекам, перевесть и поселить по дву дорогам к Азову: одних до Валуйки, а других от Рыбного к Азову ж.»[2] Правительство распорядилось также уничтожить казачьи городки, возникшие по течению Хопра, Медведицы и др. в «недавнее» время, а всех поселившихся в этом обширном районе ловить и «за караулом» отправить к владельцам. Все это, как отметили Н. С. Чаев и К. М. Бибикова, сводилось по существу «к отторжению в недалеком будущем от войска Донского обширной территории, которая в связи с все большим переходом казачества к земледелию и сельскохозяйственным промыслам приобрела для последнего весьма важное значение. Отсюда именно и следует... объяснить то упорное сопротивление, которое оказывает войско Донское предписаниям Москвы о своде верховых казачьих городков. Для войска Донского эти городки должны были играть роль опорных колонизационных пунктов в противовес наступающему помещичьему и монастырскому землевладению из метрополии.»[3]

Кульминационным моментом борьбы явилось Булавинское восстание, во время которого наряду с другим решался вопрос об обширных земельных владениях, которые казачество пыталось удержать в своих руках. Однако верховная власть решительно выступила в защиту интересов великороссийского дворянства. Уже в ходе восстания 28 июня 1708 г. Петр I предписывал Василию Долгорукому: «...городки по сей росписи разори и над людьми чини по указу... надлежит опустошить: по Хопру сверху Пристанной (т. е. Пристанской. — **А. П.**) по Бузулук; по Донцу сверху по Луган. По Медведице по Усть-Медведицкой, что на Дону. По Бузулуку все. По Айдару все. По Деркулу все. По Калитвам и по другим заполным речкам все. По Иловле по Илавлинской. По Дону до Донецкого надлежит быть, как было.»[4] По мысли Петра I, вся эта территория подлежала отторжению от войска Донского и включению в состав великорусских губерний.

Выполняя это распоряжение, В. В. Долгорукий в сентябре 1708 г. двинулся со своими войсками на Валуйки и буквально сравнял с землей самовольно основанные поселения казаков по рекам Быстрой, Белой Калитве, Деркулу, Явсугу и Айдару. Затем он пошел к Дону и 26 октября 1708 г. взял городок Донецкий, где, по его словам, «всё их (казаков. — **А. П.**) воровское жилище [было] разорено и выжено без остатку для того, чтоб им, ворам, в том месте воровского собрания впредь не

---

[1] Сб. «Булавинское восстание» № 7, стр. 114.

[2] Акты Лишина, т. I, № 123, 1894, стр. 190.

[3] Н. С. Чаев, К. М. Бибикова. Указ. соч. В сб.: «Булавинское восстание», стр. 24.

[4] Сб. «Булавинское восстание», № 98, стр. 281—282.

было».[1] После этого он направился вниз по Дону, к Казанке, «и к иным, — по его словам, — местам, где случай позовет, для управления такова ж состояния, которых городков к ним, ворам, приставали». 4 ноября он со своим отрядом подошел к Решетовской станице и «тот городок и хлеб, и жилище их воровское выжгли без остатку».[2]

Одновременно с Василием Долгоруким опустошение городков на Донце произвел Ф. Шидловский.[3]

Подобным же образом действовали каратели и в других северных районах земли войска Донского. Все городки по Иловле также были разрушены. На Среднем Дону после разгрома повстанцев князем П. П. Хованским были разорены и выжжены городки Голубые, Паншин, Качалин, Иловлинский, Сиротин, Старый Григорьевский, Новый Григорьевский, Перекопский.[4] Так как, по словам Василия Долгорукого, «всех станиц больше было воровство и шатость по Хапру», то расправа здесь была очень жестокой. Усмирители восстания «весь Хапер по всем станицам ездили, и в которых станицах были единомышленники вора Голова, всех сажали в воду, а других казнили».[5] Однако уничтожению подверглись лишь три верхних хоперских городка — Пристанской, Григорьевский и Беляевский.

Источники ничего не говорят об уничтожении бузулуцких городков. По всей вероятности, к моменту появления здесь карателей восстание находилось уже на исходе. Во всяком случае сопротивление правительственным войскам тут было слабее. Поэтому, хотя была произведена экзекуция, но казачьи городки не были разрушены. Уже в июне 1709 г. в документах упоминаются как существующие городки Казарин, Высоцкий, Островский, а еще через 10 лет и все другие бузулуцкие городки, кроме Осиновского.[6]

Наконец, по-видимому, по тем же причинам, несмотря на жестокие расправы карателей с повстанцами, большинство медведицких городков не было уничтожено и только три верхних городка — Бурлуцкий, Незрюевский и Черногаевский были разрушены.

После кровавого подавления народного движения 1707—1708 гг. на Дону Войско навсегда лишилось обширной территории по левым притокам Северного Донца и менее значительных, но издавна освоенных казаками угодий на среднем течении Дона и по Хопру, Бузулуку, Медведице и Иловле. Оно потеряло около одного миллиона десятин земли. Было уничтожено 44 городка, основанных казаками, а население, состоявшее главным образом из беглых, было возвращено владельцам (см. карту № 1). Отнятые у Войска обширные земельные пространства правительство стало раздавать дворянам, переселявшим туда своих крепостных. Согласно указу Петра I В. В. Долгорукому, земли по Айдару были отданы Острогожскому казачьему полку, земли по Донцу (с Бахмутскими солеварнями) отошли к Бахмутской провинции, а верховые Дона и Хопра было отрезано от Войска и передано Воронежской губернии, в составе которой был образован Богучарский уезд. С этого времени северо-западные, северные и северо-восточные границы донских земель не менялись до 1920 г.

4. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ С ВОЛЖСКИМ ВОЙСКОМ И В ЗАДОНСКИХ СТЕПЯХ

Вопрос о восточных границах войска Донского возник после создания в начале 30-х годов XVIII в. Царицынской линии крепостей и обра-

[1] Е. П. Подъяпольская. Новые материалы. В сб.: «Материалы по истории СССР». Вып. V, стр. 537.
[2] Там же, стр. 537—538.
[3] Сб. «Булавинское восстание», № 149, стр. 344.
[4] Там же, № 140, стр. 331.
[5] Там же, № 159, стр. 357.
[6] ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, св. 50, д. 9, лл. 5—15, роспись, 1718 г.

зования Волжского войска, когда, по свидетельству одного современника, «Низовая украина [была] от тех кубанских набегов успокоена».

Вновь созданному Волжскому войску предполагали первоначально дать земли по Дону, Иловле, Хопру и Медведице. Однако при осуществлении этого плана выяснилось, что земли по Иловле и Медведице находились уже в пользовании донских казаков.[1]

Для урегулирования земельных споров между Донским и Волжским войсками 17 ноября 1742 г. Военной коллегией был направлен полковник Потресов, который произвел размежевание по рекам Иловле и Тишане.[2] Вскоре однако споры и борьба возникли вновь.

29 августа 1749 г. войско Донское пожаловалось Елизавете, что волжские казаки распоряжаются принадлежавшими им землями, называя «оные места города Дмитриевска владением». В связи с этим оно ходатайствовало, чтобы «повелено было, зачав от речки Иловли вверх по оной, тако ж от стороны Медведицы, Бузулука и Хопра речкам, лесам, лугам и всем угодьям окружие учинить и, размежевав, поставить на бесспорное владение в пристойных местах грани».[3] Со своей стороны, Волжское войско жаловалось правительству, что «донские казаки против развода полковника Потресова отмежованными войску Вольскому дачами владеют, и лес рубят, и сено косят».[4]

Споры между обеими сторонами были урегулированы только после трех именных указов, последовавших один за другим в течение короткого срока: от 11 октября 1750 г. — «о возобновлении граней между владениями Донского и Волжского войск» и о воспрещении «донским казакам и малороссиянам самовольно рубить лес, пользоваться сенокосами и травить хлеб в дачах Волжского войска»;[5] от 3 ноября 1752 г. — о разграничении земельных довольствий между Донским и Волжским войсками[6] и, наконец, указа, изданного в феврале 1755 г., который на основе размежевания, проведенного 24 января 1753 г. полковником Толстовым и инженер-подпоручиком Борисовым, и вычерченной ими карты устанавливал основную межу по р. Иловле.[7] Далее граница Донской земли шла по задонским степям. До последней четверти XVIII в. она не была определенной, а обитавшее здесь редкое население беспрерывно подвергалось опустошительным набегам закубанских ногайских орд, астраханских калмыков и кавказских горцев, которых турки усиленно подстрекали к этому.[8] В 1778 г. на правом берегу Кубани под руководством А. В. Суворова была создана кордонная линия. Однако по требованию Турции в 1779 г. русским войскам пришлось ее оставить.

В 1783 г. под командованием Суворова был совершен успешный поход против ногайцев, и после их разгрома Турция вынуждена была признать границу с Россией по р. Кубани.[9] Но окончательное проведение ее было отложено до общего обмежевания владений Войска, которое было осуществлено в середине 80-х годов XVIII в.

---

[1] ПСЗ, т. VIII, № 5824, 6007; Акты Лишина, т. II, ч. I, № 46, стр. 49—50; М. Шульгин. Землеустройство и переселения в России в XVIII и первой половине XIX в. Тр. Московского межевого ин-та по факультету землеустройства и переселения. М., 1928, стр. 87.

[2] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 524, стр. 590—591.

[3] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 86, лл. 414—416.

[4] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 524, стр. 592.

[5] Там же, № 524, стр. 590.

[6] Там же, № 567.

[7] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 94, л. 285.

[8] А. В. Фадеев. Суворов на Дону и в Приазовье. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 1950, стр. 7.

[9] П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа. СПб, 1884, ч. II, стр. 105; А. В. Фадеев. Суворов на Дону, стр. 34.

5. ГЕНЕРАЛЬНОЕ МЕЖЕВАНИЕ НА ДОНУ И УСТАНОВЛЕНИЕ ГРАНИЦ ВОЙСКА ДОНСКОГО

Окончательно границы войска Донского были проведены во время генерального обмежевания.

Как только на Дону был получен манифест от 19 сентября 1765 г. о проведении межевания, Войско сразу же обратилось в правительство с просьбой «об определении, для отмежевания окружности всего войска Донского издревле владелых земель и угодий, нарочного и надежного штаб-офицера с принадлежащею геодезическою командою, и учинения плана для представления в Коллегию, а такова же о даче и войску Донскому».[1]

Ходатайство Войска сразу же было удовлетворено, и 10 февраля 1766 г. Сенат повелел назначить на Дон межевщика.[2] 28 февраля 1766 г. последовало предписание Военной коллегии из Межевой экспедиции Сената, «избрав к тому способного человека, определить; обмежевание войска Донского земель произвести под смотрением Военной коллегии положением окружной только всем тем землям общей межи от всех других разных владельцев и протчих государственных селений и пусту лежащих земель, прикасающихся к тем войска Донского землям, а собственно во внутреннее их размежевание не входити».[3] Военная коллегия назначила межевщиком обер-квартирмейстера Медера,[4] а 15 марта 1766 г. Екатериной II была послана на Дон грамота об обмежевании границ земель Войска, о рассмотрении споров за земли между Войском и владельцами смежных земель и о разрешении вопросов о землях, поступивших из войскового в частное владение.[5]

В 1766 г. Медер прибыл на Дон.[6] Войсковая канцелярия приняла меры к обеспечению успешного проведения его работы. В помощь ему были назначены землемеры, а также «старики», помнившие границы с тех времен, когда они сложились.[7] В районах проведения обмежевания станичным атаманам приказывалось наряжать необходимое число людей и лошадей с подводами.[8] Межевщики непрерывно доносили в Войсковую канцелярию о ходе проводимых ими работ, а в случае необходимости просили об оказании им помощи, в которой Войско им никогда не отказывало.[9]

Медер и его помощники с самого начала работы столкнулись с очень большими трудностями. Так, уже в 1768 г. Войско донесло в Военную коллегию, что вскоре после проведения межевания по р. Бурлук на нагорной стороне реки отставной майор Федор Григорьев «отвел сам собою округу верст на 50». Тем же майором Григорьевым на реке Медведице «под поселение крестьян села Камышинского и Каждарского [было] захвачено земли на 39 верст и на 400 сажен». В этом же донесении указывалось, что казначей коллегии Экономии капитан Немитнов, в нарушение проведенного межевания, требовал от казаков Казанской станицы, чтобы они не занимали якобы ему принадлежавших земель. При этом «он, капитан, атамана и стариков без всякого резона всячески матерно бранил и говорил, что де он велит станичным их стога с Матюшина луга возить, да и того дождутся, что и с пушками к ним будут».[10]

---

[1] А. Ригельман. История о донских казаках, стр. 126.
[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 116, лл. 483—485.
[3] ГАРО, ф. 46, оп. 5, д. 14, л. 27 об.
[4] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 584, лл. 2—2 об.
[5] Акты Лишина, т. III, № 34.
[6] ГАРО, ф. 46, оп 5, д. 14, лл. 27 об. и 31 об.
[7] Там же, лл. 33, 35, 36 и др.
[8] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 584, лл. 2—2 об.
[9] Там же, ф. 46, оп. 5, д. 14, лл. 8, 20—22, 79—80 и др.
[10] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 116, лл. 486—486 об.

21 июня 1768 г. старшина Иван Горбиков прислал в Войсковую канцелярию рапорт о новых столкновениях из-за земельных угодий, происходивших на речке Подгорной между однодворцами слободы Никольской и донскими казаками. Горбиков указывал, что он от производившего размежевание поручика Ефимьева, в соответствии с инструкцией, присланной войском Донским, требовал, чтобы те однодворцы, которые заняли казачьи земли, «с тех наших земель были сведены». Однако они не желали этого выполнять.[1]

Подобные столкновения происходили непрерывно и крайне затрудняли проведение работ по обмежеванию. Этому препятствовали и общая обстановка в стране в связи с русско-турецкой войной 1768—1774 гг. и крестьянской войной 1773—1775 гг. Поэтому Медер и его помощники уже в 1768 г. вынуждены были прекратить свою работу. Но крестьянская война 1773—1775 гг. вместе с тем показала, что нельзя и оттягивать проведение обмежевания земель.[2] Тотчас же по окончании ее межевые работы были возобновлены. В 1776 г. по повелению Военной коллегии для продолжения начатых Медером межевых работ на Дон прибыл подполковник Герман. И хотя Войско не имело межевых учреждений и опытных землемеров, а «грани» проводились большей частью по «живым урочищам» без точного измерения и планы составлялись довольно примитивные, работа по обмежеванию донских земель велась теперь, благодаря настойчивости Войсковой канцелярии, более быстрыми темпами и закончилась в сравнительно короткий срок.

10 октября 1786 г. все работы были окончены. Была составлена карта с описанием всей границы и представлена Г. А. Потемкиным на утверждение Екатерине II.[3]

Ввиду того, что межевание не разрешило целого ряда спорных вопросов Екатерина II медлила с окончательным утверждением проведенных границ, а начавшаяся русско-турецкая война 1787—1791 гг. отвлекла внимание правительства от этих дел еще на несколько лет. Но в июне 1793 г. в знак «признательности к ревностной его (казачества.— А. П.) службе» Екатерина послала Войску свою жалованную грамоту и утвержденную ею «навечно» карту земель, «коих владением казаки донские издревле пользовались».[4]

В том же году для окончательного обмежевания земель войска Донского была создана особая комиссия во главе с генералом Бердяевым. В течение 1794—1795 гг. она обошла всю границу и обозначила ее на карте по местным урочищам, а там, где их не оказалось, провела межевую нарезку. Это и было отражено в соответствующих полевых журналах и планах, в которых отмечались также встреченные при обходе поселения, реки, балки, курганы, дороги.[5] В 1796 г. материалы комиссии Бердяева были представлены в правительство, после чего 2 июля 1800 г. границы войска Донского были окончательно утверждены.[6]

В 1817 г. границы войска Донского претерпели небольшое изменение: Войску были переданы земли между реками Еей и Ельбуздой взамен разных клочков, уступленных соседним губерниям.[7] В то же время

---

[1] ГАРО, ф. 46, оп. 5, д. 14, лл. 77—78; см. также лл. 81—81 об.

[2] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.», стр. 290.

[3] ГАРО, ф. 46, оп. 5, д. 14, лл. 27 об и 51.

[4] ПСЗ, т. XXIII, № 17126.

[5] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 814; В. Н. Ветчинкин. Указ. соч., ТОВДСК, вып. II, стр. 4—5.

[6] Там же, оп. 3, д. 15, лл. 1—50. В 1811 г. в награду за боевые подвиги донских казаков в кампаниях 1805—1807 гг. была еще раз подтверждена неприкосновенность владений войска Донского. И. Прянишников. Материалы для истории войска Донского. Грамоты. Новочеркасск, 1864, стр. 304—307.

[7] В. Н. Ветчинкин. Указ. соч., ТОВДСК, вып. II, стр. 15—16.

указом от 19 ноября 1817 г. была подтверждена «неприкосновенность всей окружности его (Войска. — **А. П.**) владений.»[1] Через 70 лет после этого по указу от 19 мая 1887 г. в состав области были включены Таганрогское градоначальство и Ростовский уезд Екатеринославской губернии.[2] В таком виде границы области войска Донского сохранялись до установления Советской власти на Дону.

Подведем итоги. 1. В XVI и первой половине XVII в. донские земли, являвшиеся частью Дикого поля, не имели точных границ. Они определялись в XVIII в. по мере утверждения на юго-восточной окраине России крепостнического землевладения и самодержавной власти.

2. Южная граница земли донских казаков как пограничная с Турцией определялась в соответствии с договорами 1700, 1739, 1774 и 1791 гг.

Но при закреплении за Россией Приазовья правительство включило часть его в состав Азовской (а потом Екатеринославской) губернии, сделав Донскую землю и на юге частично внутренней областью империи. Во второй половине XVII в. окончательно сложились границы на юге между землей Войска и Азовским уездом, за которым была закреплена значительная территория.

3. Разграничение земельных владений между донскими и запорожскими казаками началось в конце 30-х годов XVIII в. и было закончено в середине 40-х годов установлением границы по р. Кальмиусу. Но и после этого Запорожское войско продолжало претендовать на земли между Кальмиусом и Миусом, однако с ликвидацией Новой Сечи эта территория окончательно вошла в состав земель войска Донского.

4. Когда дворянская колонизация подошла вплотную к земле войска Донского, великорусские и украинские помещики начали захватывать земли донских казаков. Это послужило одной из причин вспыхнувшего на Дону в 1707 г. народного движения. При подавлении его каратели уничтожили значительное количество верховых городков, а после разгрома движения правительство отняло у Войска 1 млн десятин земли (44 городка) по Северскому Донцу, Дону, Хопру, Медведице и Иловле.

5. Необходимость определения восточной границы возникла с образованием в 30-х годах XVIII в. Волжского войска, и она была проведена в середине 50-х годов XVIII в.

6. Окончательное определение границ земли войска Донского было проведено во время генерального межевания. Начавшись в 1766 г., оно было завершено в 1786 г. Закрепление за Войском огромной территории давало донским старшинам широкие возможности для монопольного захвата донских земель.

---

[1] И. П. Прянишников. Материалы для истории войска Донского. Новочеркасск, 1864.

[2] «Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам», т. XXIII. СПб, 1888, стр. 69.

Глава II

ЗАСЕЛЕНИЕ И ОСВОЕНИЕ ДОНСКОГО КРАЯ

1. ИСТОЧНИКИ

Разработка источников, освещающих колонизацию Дона в XVIII в., связана со значительными трудностями в силу того, что колонизация протекала как вольная, народная, которая всегда своеобразно и ограниченно отражается в документах. В работе, посвященной заселению южнорусских окраин в XVII в., А. А. Новосельский справедливо отмечал, что «из двух форм колонизации, правительственной и вольной, народной, более доступна изучению первая, поскольку она выражалась в создании по преимуществу крупных населенных пунктов и отражена в разнообразных исходивших от правительственных органов документах. Значительно большие трудности представляет изучение народной колонизации, так как вольное движение населения на новые территории протекало вне легальных форм и происходило за счет ухода и побегов холопов и крестьян от их владельцев и тяглецов с их тягла».[1] Подобные трудности испытывает историк и при изучении заселения Донской земли в XVIII в.

В XVII и XVIII вв. на Дону находилось значительное число людей, искавших спасения от феодально-крепостнического гнета в центре России на «тихом» Дону. Точный учет их практически был невозможен. Боясь наказания в случае поимки, беглые всякими путями старались укрыться от тех, кто должен был их разыскивать. «Сыск» (розыск) беглых составлял одну из обязанностей донских чиновников — атаманов и старшин. Но они сами были заинтересованы в использовании труда нелегально жившего на Дону населения, поэтому розыск проводился вяло, а многие из беглых прятались в имениях донских старшин, работая только в благодарность за то, что те не выдают их властям.

Выявление нелегально жившего на Дону населения осложнялось еще тем, что многие беглецы стремились укрыться на Дону под именем «малороссиян», «черкасов», т. е. украинцев, которые имели право до 3 мая 1783 г. жить на Дону легально. Вот почему во время поверочной переписи 1764 г. выяснялось также «не имеется ли между оными малороссиянами слободских полков казаков и их свойственников, тако же и великороссийских людей... под нацею тою кроющихся».[2] О том, что

[1] А. А. Новосельский. Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII веке. Тр. Историко-архивного ин-та, т. II, М., 1946, стр. 127.

[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105.

великорусские крестьяне действительно стремились укрыться под именем «малороссиян», свидетельствуют документы и XVII [1], и XVIII вв. [2]

Помимо беглых, в этот период на Дону находилось много людей лично свободных. К числу их относились, например, украинские крестьяне, которые на протяжении почти всего XVIII в. юридически пользовались правом свободного перехода, а следовательно, могли уходить со своих прежних мест жительства и поселяться на Дону. До начала XVIII в. большинство из них при поселении на Дону зачислялись в ряды казаков, а позже, когда доступ в их ряды был затруднен, они составили особую группу населения. Немало также было и великороссийских людей, имевших право переходить с места на место. Многие из них, пользуясь этим правом, переселялись на Дон и становились казаками. [3]

Учет легально проживавшего на Дону населения велся значительно лучше. Правда, казаки не склонны были сообщать правительству точные сведения о своей численности. В XVI и XVII вв. они официально доносили правительству, что на Дону «прямого ведома и письма людем не живет». [4] Даже в отписке, направленной правительству в самом конце XVII в., казаки говорили, что не знают о численности приходящего на Дон населения, «потому что люд у нас не записной, вольный». [5]

Но с начала XVIII в. правительство имело уже более или менее точные сведения о числе донских казаков как в целом, так и по станицам. В 1718 г. донские казаки по требованию правительства Петра I были приведены к присяге новому наследнику царя Петру II. В материалах Посольского приказа сохранилась крестоприводная книга, в которой указаны фамилии всех присягнувших казаков. [6] С тех пор учет казаков на Дону велся регулярно.

Особенно большую ценность для изучения заселения представляют материалы первой на Дону переписи крестьян, производившейся в то же время, когда происходила третья общероссийская перепись, т. е. в 1763—1764 гг. До нас дошли целиком материалы этой переписи, проводившейся тринадцатью офицерами под руководством Иоганна (Яган) Романуса и объединенные в один том, насчитывавший 1562 листа. [7] Кроме того, сохранилось несколько «экстрактов», т. е. сводных данных, составленных на основании этой переписи. Значение этой переписи впервые отметил донской историк П. П. Сахаров, опубликовавший в 1910 г. 3 экстракта и давший к ним очень интересный комментарий. [8] Указав на их ценность «для истории колонизации и быта земли донских казаков», [9] автор собирался в дальнейшем опубликовать выписки «важнейших мест» переписи или дать сводку материалов, снабдив их специальной статьей, которая должна была «объединить сообщенные данные и дополнить их новыми, содержащимися в громоздких и неудобных для напечатания документах». [10] Однако этот замысел автору не удалось осуществить. После П. П. Сахарова ни один исследователь этими материалами не пользовался, хотя они действительно содержат очень ценные сведения.

---

[1] Е. М. Апанович. Переселение украинцев в Россию накануне освободительной войны 1648—1654 гг. В сб.: «Воссоединение Украины с Россией». М., 1954, стр. 84.

[2] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 580, л. 1; д. 1016, л. 40 об.; д. 1010, л. 8 об.; д. 1016, л. 26 об.; В. И. Снежневский. К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях. «Нижегородский сборник», т. X. Нижний Новгород, 1890, стр. 560—561.

[3] Н. Л. Янчевский. Разрушение легенды о казачестве, стр. 36.

[4] ДД, кн. II, № 10, стб. 64.

[5] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД 1691, № 5, лл. 3—10.

[6] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, № 24, лл. 1—214.

[7] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 1—1562.

[8] П. П. Сахаров. Материалы из истории колонизации и быта. СОВДСК, вып. X.

[9] Там же, стр. 112.

[10] Там же, стр. 113.

Основными источниками для изучения заселения Донской земли беглыми людьми служат правительственные распоряжения о «сыске» беглых и официальная переписка по этому поводу. В Полном собрании законов Российской империи напечатаны почти все правительственные распоряжения о сыске беглых; за время с 1673 г. до первой четверти XIX в. их было издано свыше 100.[1] Значительно хуже сохранились дела по искам о беглых. Хотя в фондах ГАРО, ЦГВИА и ЦГАДА их имеется очень много, большая часть из них до нас не дошла. Поэтому статистическая обработка сохранившихся материалов не имеет смысла, а между тем только она вместе с имеющимися цифровыми данными о легально живших на Дону казаках и крестьянах дала бы твердые основания для всестороннего освещения заселения Дона беглыми людьми. Но, вынужденные отказаться от статистической обработки этого материала, мы имеем возможность широко использовать его для изучения отдельных сторон колонизации Донской земли.

Таким образом, своеобразие колонизации Дона как вольной, народной, определило особенности источников, в которых далеко не равномерно отразились разные стороны этого процесса. Но и при этой ограниченности источники все же позволяют выяснить важнейшие вопросы народной колонизации Дона. Они дают возможность установить условия, в которых проходила колонизация, периоды, когда движение населения на Дон становилось более активным, области России, откуда шла главная масса переселенцев, важнейшие этапы заселения Дона, хронологические рамки освоения основных районов Донской земли, отношение правительства к колонизации Дона и ряд других вопросов.

2. ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МАССОВОГО ЗАСЕЛЕНИЯ

Дореволюционные историки заселение Донского края представляли в виде непрерывного потока. Автор большой работы о донских крестьянах К. В. Марков, например, писал, что «с тех пор, как в XVI в. на юго-восточной окраине Московского государства вольное донское казачество свило себе гнездо, на Подонье потекло множество недовольных внутренними государственными порядками. Бежали сюда ратные и служилые люди... бежали сюда стрельцы... И, конечно, с большею охотою бежали сюда те, кому тяжелее всего пришлось на родине... Это были крестьяне. Бегство великороссийских крестьян, их прием и укрывательство на Дону — это такое явление, которое красною нитью проходит через всю историю донского крестьянства».[2] При этом К. В. Марков и многие другие историки, отмечая качественные и количественные изменения в этом процессе, не видели в нем проявления закономерностей. Между тем только с определенного времени началось массовое заселение Донской земли. Оно стало возможным только после возникновения для этого необходимых условий. Выяснить их нужно прежде всего.

Основную группу переселенцев на Дон составляли выходцы из Великороссии, большинство из которых были крестьянами.

Бегство крестьян от своих угнетателей в эпоху феодализма являлось одной из широко распространенных форм классовой борьбы. Но, уходя от помещиков, подавляющее большинство крестьян оседало в непосредственной близости от земель, захваченных крепостниками. Поэтому до тех пор, пока земля донских казаков была очень удалена от основной территории Российского государства, не было условий для

[1] Наиболее подробное изложение указов о беглых дается в работе К. В. Маркова. «Крестьяне на Дону». СОВДСК, вып. XI, 1912.

[2] К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XI, стр. 16.

ее массового заселения. На Дон шли лишь смельчаки, в одиночку или небольшими группами.

Переломным моментом в заселении Донской земли явились 70-е годы XVII в. С этого времени не только резко увеличилось число переселенцев на Дон, но и коренным образом изменились характер и формы колонизации.

Одним из главных обстоятельств, определивших указанные перемены, явилось распространение крепостнического землевладения на юге, которое к 70-м годам XVII в. почти вплотную подошло к землям, занятым донским казачеством.

Крупные социально-экономические сдвиги во всем строе Российского государства, вступившего в XVII в. в новый период свой истории [1], вызвали, между прочим, усиленное стремление русских помещиков к захвату новых земель. Особенно большой интерес проявляли они к плодородным землям на юге (в черноземной полосе), которые обещали большие доходы их владельцам. В южном же направлении успешно развивалась и народная колонизация, ставшая более интенсивной в связи с резким усилением феодально-крепостнического гнета к середине XVII в.

В 40—50-х годах XVII в. народная колонизация достигла Белгородской укрепленной черты, а затем слилась с колонизационным движением, шедшим с Украины. [2] В 50-х — 60-х годах XVII в. происходило быстрое заселение русским крестьянством земель юго-восточной части Белгородской черты, территории от Воронежа до Тамбова, а также Рязанского, Ряжского, Козловского, Тамбовского и Лебедянского уездов. В 70-х годах XVII в. колонизационное движение распространилось в верховьях Хопра и Медведицы и пошло вниз по течению обеих рек. [3] Буквально по пятам за крестьянами и холопами продвигались помещики.

Возлагая надежды на мощные укрепления Белгородской черты, представлявшей после завершения ее строительства в 1667 г. сплошную укрепленную оборонно-фортификационную линию, многие помещики центральных губерний России настойчиво просили у правительства земель в украинных уездах, указывая, что их собственные замосковные имения находятся «не в хлеборобных местах» и что крестьяне их «от голоду идут врозь». [4]

Придавая большое значение распространению крепостничества вширь, на новые территории, правительство, идя навстречу притязаниям помещиков, разрешало приобретать им земли на юге по особым нормам, сверх обычных окладов. [5] С приходом же помещиков на южные окраины там быстро утверждались крепостнические порядки. В одном из документов 1681 г. говорилось, что «в Ряских и в Рязанских, и в Тульских, и в Орловских и в иных во многих к тому краю прилежащих местех бояря и многие государевы ближние и московских чинов и иных чинов люди, помещики и вотчинники в диких полях построили многие села и деревни и завели большие пашенные заводы». [6]

Разумеется, там, где крепостнический режим только утверждался,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I. М., 1958, стр. 153.

[2] Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, гл. IV.

[3] А. А. Новосельский. Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве во второй половине XVII в. Тр. ин-та истории РАНИОН, вып. I. М., 1926, стр. 332 и др.

[4] Подробно об этом см. А. А. Новосельский. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII веке. «Исторические записки», т. IV, стр. 28—30.

[5] «Историко-юридические акты, издаваемые Московским архивом Министерства Юстиции», вып. I. Указная книга Поместного приказа. М., 1869, стр. 134—138.

[6] «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. 33. Тамбов, 1892, отд. 3, стр. 53.

он первое время не был особенно жестоким. Но такое положение сохранялось недолго. Гнет нарастал очень быстро, и это толкало крестьян на дальнейшее движение к югу, «в поле», где русские «украйны» окаймлялись вольными казачьими поселениями. Возможности для дальнейшего продвижения к югу были тем более реальными, что в пределах верховых земель войска Донского в этот период стало значительно спокойнее, чем прежде. Вот почему именно с 70-х годов XVII в. началось массовое заселение Донской земли великороссийским крестьянством.

Вторую основную группу переселенцев на Дон составляли украинские крестьяне. Со времен феодальной раздробленности до середины XVII в. украинские земли находились под властью панской Польши. Жестокий крепостнический и национальный гнет польских панов заставлял украинских крестьян уходить туда, где крепостное право не достигло такой степени угнетения и произвола. На первых порах большинство беглых украинских крестьян стремилось в Запорожье, где и оседало. Но с того времени, как стало формироваться донское казачество, часть украинских крестьян, минуя Запорожье, шла на вольный Дон. Вместе с тем многие запорожские казаки часто значительными группами поселялись на Дону.

Самые ранние известия о поселении украинцев на Дону относятся к 70-м годам XVI в.[1] В начале 20-х годов XVII в. многие украинцы, не выдержав гнета со стороны польских панов, как отмечал А. И. Ригельман, «пошли на житье к Дону и к Северному Донцу».[2] Уже в это время переселение на Дон приняло столь широкие размеры, что московское правительство, стремясь избежать конфликта с Польшей, Крымом и Турцией, грамотой от 20 сентября 1622 г. запретило переселение запорожцев на Дон.

Таким образом, украинские крестьяне и казаки начали селиться на Дону очень рано. Многие из них прочно оседали там, оказав значительное влияние на язык и культуру донских казаков. Это было отмечено одним из крупных знатоков украинской культуры середины XIX в. Н. И. Костомаровым. «Прислушайтесь к наречью Дона, — писал он, — с первого взгляда покажется оно случайной смесью малороссийского и великорусского; но познакомьтесь с ним покороче и увидите, что эта смесь имеет уже свои самостоятельные правила».[3]

В дальнейшем переселения украинцев на Дон шли непрерывно, увеличиваясь в период обострения социальных и национальных противоречий на Украине. Так, поток запорожских казаков, устремлявшихся на Дон, вырос в конце 30-х годов XVII в. После подавления крестьянско-казацких восстаний под руководством Ивана Сулимы, Павлюка, Остряница и других значительная группа запорожцев перешла под защиту Москвы и, как свидетельствует А. И. Ригельман, поселилась «близ донских казаков вверх по Северному Донцу и другим тамо рекам», став таким образом ближайшими их соседями.[4] Часть из них, насчитывавшая «тысячи з две», пошла дальше «на Дон».[5]

Новая волна украинских переселенцев, спасавшихся от польской шляхты, пришла на Дон в период освободительной войны 1648—1654 гг.

Хотя в XVI и XVII вв. украинцы шли на Дон значительными группами, до самого конца XVII в. не наблюдалось их массового переселе-

[1] Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, стр. 76.

[2] А. И. Ригельман. Летописное повествование о Малой России, т. 1, стр. 34 и др.

[3] Н. Костомаров. Об отношении русской истории к географии и этнографии. Записки Императорского Русского географического общества, кн. 2, 1868, стр. 107.

[4] А. И. Ригельман. Летописное повествование о Малой России, т. I, стр. 45; см. также Е. М. Апанович. Переселение украинцев в Россию накануне освободительной войны 1648—1654 гг. В сб.: «Воссоединение Украины с Россией», стр. 80—82.

[5] «Воссоединение Украины с Россией». Сб. документов, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 194—195.

ния. До тех пор, пока между собственно украинской территорией и землей войска Донского оставалось определенное пространство почти незаселенных земель, происходила их колонизация. Эта территория была сравнительно небольшой, и заселение ее произошло очень быстро.

После освободительной войны 1648—1654 гг. усилилось наступление украинских феодалов на народные массы, в связи с чем резко увеличилось число побегов украинских крестьян. В то же время значительно участились случаи бегства крестьян из западных земель Украины, где сохранялось господство польской шляхты. Вся эта масса украинских крестьян направлялась на малозаселенные земли Украины. В 50-х годах XVII в. переселенцы основали там города Острогожск, Харьков, Лебедин, Ахтырку, Сумы, Змиев и целый ряд слобод, а вслед затем были созданы казачьи полки: Острогожский, Изюмский, Ахтырский, Харьковский и Сумской.[1] За короткий срок к концу XVII в. Слободская Украина, непосредственно граничившая с землями донских казаков, была заселена.

Еще не закончилась колонизация Слободской Украины, как там уже быстро стали развиваться крепостнические отношения. Старшины захватывали в свои руки огромные земельные владения и важнейшие промыслы. Используя свое привилегированное положение, они заставляли рядовых казаков — подпомощников отбывать повинности. Еще более тяжелому феодальному гнету подвергались феодально-зависимые крестьяне.[2] Следствием быстро нараставшего социально-экономического угнетения крестьянства на Слободской Украине и дальнейшего ухудшения положения народных масс на Правобережной и Левобережной Украине явилось обострение классовых противоречий.

Но украинские крестьяне юридически были в это время свободными и пользовались правом передвижения. Поэтому, не желая терпеть угнетения и произвола со стороны старшин, многие крестьяне и казаки—«подпомочники» стремились уйти туда, где феодально-крепостнического гнета не было. Для подавляющего большинства слобожан, да и для многих жителей Левобережной Украины таким местом являлась земля донских казаков. Таким образом, только с конца XVII в., когда на Слободской Украине крестьяне не могли обрести желаемой свободы, возникли реальные предпосылки для массового переселения украинских крестьян на Дон.

Начало массового заселения Донской земли определилось еще тем, что с последней четверти XVII в. стала быстро увеличиваться «колонизационная емкость» земли донских казаков. Нашествие монголо-татарских завоевателей и их кочевой скотоводческий образ жизни способствовали в свое время превращению Подонья—Приазовья, как и всей южно-русской окраины, в Дикое поле. И после этого долгое время обширные и плодородные пространства донских степей были объектом непрерывных набегов разбойничьих отрядов турецкого султана, крымских ханов и ногайских мурз.[3] С последней четверти XVII в. к ним присоединились набеги калмыков во главе с Аюкой, Солом Серенем и другими тайшами. В 1675 г. они совершили крупный набег на городки, расположенные по среднему течению Дона: Паншин, Есаулов, Зимовейки, Курман-Яр и Раздоры.[4] Через 3 года они произвели новое нападение «по многим городкам, по Хопру ж коней и кров поотгоняли».[5]

[1] БСЭ, изд. 2, т. 39, «Слободская Украина», стр. 330.

[2] «История Украинской ССР», т. I. Киев, Изд-во АН УССР, 1953, стр. 320—321; П. Головинский. Слободские казачьи полки. СПб, 1864, стр. 68, 110—112.

[3] В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты от начала XVIII века по 1857 г., стр. 542 и др.; Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., ч. I—II. М., Изд-во МГУ, 1946; А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.

[4] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ЛК № 8, лл. 165—168.

[5] Там же, ДД, 1678, № 25.

С большим трудом в начале 80-х годов XVII в. казакам удалось наладить с калмыками мирные отношения.[1] Но эти отношения оказались непрочными, и вскоре набеги калмыков возобновились. Об одном из них в конце 1690 г. козловский воевода сообщал правительству, что в августе и сентябре «воинские люди калмыки Чагана тайши Батыря по Хопру и по Бузулуку у казаков осмнадцати городков отогнали конские и животинные стада и в полон тех городков казаков з женами и детми побрали с 900 человек и болши».[2] В последнем десятилетии XVII в. нападения калмыков стали особенно частыми и разорительными. Как доносило Войско правительству 15 апреля 1691 г., калмыцкий хан Аюка «верховыя наши казачьи гаратки разорил многия: казаков поколол и в полон побрал многоя число; коней и всякова скату отогнав тысяч з двадцать и больши».[3] «Аюкины люди, — писали казаки в другой отписке, — непрестанно войною в вашу, великих государей, отчину приходят и вашу государьскую старовечную отчину разорили без остатку; и такова разорения на вашу великих государей отчину искони б... не бывала: казаков порубили и в полон с женами и з детми побрали многое число; конные и животинные стада все отогнали, а по запольным речкам по Хопру, и по Медведице и по Бузулуку зделали пусто».[4]

XVIII век также отмечен рядом набегов турок, крымских татар, ногайцев и калмыков на донские земли.

В 1703 г. калмыки разгромили городки, расположенные по р. Деркулу. В 1713 г. турки, ногайцы, астраханские калмыки и черкесы совершили объединенный набег на русские земли и опустошили «городки по Хопру — Урюпин, Михайлов, Котов, а на Бузулуке де Березовский, Ярыженский, Дарьинский — разорили и выжгли», захватив в плен более 2300 казаков.[5] Они были разбиты и изгнаны, но в 1714 г. совершили набег вновь.[6]

В 1715—1717 гг. крымские татары разорили станицы Етеревскую и Раздорскую (на Медведице).[7] В 1715 г. ногайцы и калмыки, разгромив Пятиизбянскую станицу, пошли вверх по Дону, не произведя, впрочем, больших разрушений.[8] В 1734 г. набег на хоперские станицы совершили калмыки.[9]

В 1746 г. к границам Донской земли подходил 10-тысячный отряд ногайцев и калмыков и только благодаря принятым Войском мерам «наикрепчайшей предосторожности» кочевникам не удалось разорить и пограбить казачьи станицы.[10] О мерах предосторожности против «нечаянных» нападений крымских татар и закубанских кочевников в 1748—1749 гг. говорится в нескольких дошедших до нас приказах войскового атамана.[11]

Набеги разбойничьих отрядов турецких феодалов и соседей-кочевников усиливались во время войн, когда России приходилось посылать часть вооруженных сил с Дона в другие районы. В конце Северной вой-

---

[1] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1682, № 2, лл. 1—2; № 4, л. 1.
[2] Там же, ДД, 1690, № 10, лл. 7—11.
[3] Там же, ДД, 1691, № 4, лл. 3—11.
[4] Там же, ДД, 1691, лл. 1—6.
[5] Там же, ДД, 1713, № 16; 1714, № 3; «Материалы для истории войска Донского». ТОВДСК, вып. II, 1874, отд. 2, стр. 3—10.
[6] Н. А. Смирнов. Борьба русского и украинского народов против агрессии султанской Турции в XVII—XVIII вв. В сб.: «Воссоединение Украины с Россией», стр. 384.
[7] «Материалы для истории войска Донского». ТОВДСК, вып. II, отд. 2, стр. 13 и 17; А. И. Ригельман. История о донских казаках, стр. 100—101.
[8] «Материалы для истории войска Донского». ТОВДСК, вып. II, отд. 2, стр. 15.
[9] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 135, лл. 23—23 об.
[10] САДОИКВ, т. I, Екатеринодар, 1904, № 88, стр. 182—192.
[11] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 529, лл. 1—1 об.; д. 530, лл. 1—1 об.; д. 543, лл. 1—1 об.

ны участились нападения турок и кубанских татар.[1] Во время русско-турецкой войны 1735—1739 гг. непрерывно совершали набеги кубанские татары.[2] Правда, Войско требовало «для надлежащей по здешней пограничности от турецкой стороны предосторожности каждой станицы» принять необходимые меры, в частности, «все открытые места рогатками заставить и в ночное время при станицных избах, казармах и во всех местах, в коих прежде бывали, содержать наикрепчайшие и неоплошные караулы... в станицных избах в каждой станице в ночное время иметь по десяти казаков при одном старшине и накрепко приказать им, дабы они, будучи при караулах, находились все в ружье и во всяком исправлении».[3] Но это не предотвращало набегов кочевников, которые, пользуясь напряженным положением в стране, разоряли казачьи станицы и хутора, уводили в плен людей и угоняли скот.[4]

Однако с каждым десятилетием кочевникам становилось все труднее осуществлять нападения на донские земли. Это объясняется прежде всего успешной внешней политикой русского государства на юге, в результате которой к концу XVIII в. все Причерноморье, Приазовье и степное Предкавказье были признаны принадлежащими России[5], и граница была отодвинута на юг и юго-восток. Большое значение в борьбе с внезапными разорительными набегами имело также усиление на Дону вооруженых сил Российской империи. Утвердившись в Приазовье уже в конце XVII в., после Азовских походов, Россия настойчиво стремилась к увеличению там своих вооруженных сил и, несмотря на упорное сопротивление турок, добилась права на сооружение мощных крепостей на нижнем Дону со значительным гарнизоном.

В деле обороны Донской земли не меньшее значение имело сооружение оборонительных линий. Возведение в начале 30-х годов XVIII в. Царицынской линии обезопасило от набегов кочевников казачьи станицы, расположенные по среднему течению Дона и его притокам — Хопру, Бузулуку, Медведице и Иловле. После устройства в 1770—1775 гг. Украинской линии укреплений между реками Днепром и Бердой были созданы несравненно более благоприятные условия жизни в бассейне Донца и Миуса. Такое же значение для юго-восточных земель Подонья имело сооружение в 1778 г. кордонной линии по Кубани. Хотя по настоянию Турции эта линия вскоре была уничтожена, но свою роль она сыграла, а рядом последующих внешнеполитических актов Россия окончательно обезопасила свои южные владения от разорительных набегов со стороны Турции и ее вассалов.

Наконец, и войско Донское, становясь с каждым десятилетием боеспособнее, все с большим успехом вело борьбу с набегами.

В 1717 г. в пределы Донской земли вторглись крымские татары и попытались взять Черкасск. По словам А. И. Ригельмана, «казаки, затворившись, делали им сильное супротивление, и тем от дальнейшего намерения его (крымского хана Бахты Герая. — А. П.) удержали». Более

---

[1] САДОИКВ, т. I, № 1, стр. 1—2; Н. А. Смирнов. Борьба русского и украинского народов. Указ. сб., стр. 385.

[2] ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 4, лл. 209, 213; Акты Липина, т. II, ч. I, № 178, стр. 175—176. САДОИКВ, т. I, № 49—54, стр. 90—105 и др. Подробные данные о нападении кубанских татар на ряд донских станиц в 1737 г. см. в комментариях Х. И. Попова к книге: Е. Кательников. Историческое сведение о Верхне-Курмоярской станице. Новочеркасск, 1886, стр. стр. 59—61.

[3] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 250, лл. 1—1 об.; д. 339, л. 1. Подобные приказы издавались Войсковой канцелярией на протяжении всей войны (см. там же, л. 425, л. 1).

[4] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 900, лл. 1—2, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 1; ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, дела о Пугачеве, кн. № 4, лл. 125—125 об. и др.; М. Сенюткин. Донцы. М., 1866, стр. 28, 234—235; Е. Кательников. Указ. соч., стр. 27; ДВВ, 1865, № 26 и др.

[5] «Очерки истории СССР. Вторая половина XVIII века». М., Изд-во АН СССР, 1956, гл. 4, § 2—3; А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья, гл. 1, § 3.

того, казаки не только этот татарский отряд «назад к Крыму силою обратили», но также разгромили у Будерле другой большой отряд (возвращавшийся из похода в Россию), отбив у него до 1500 русских пленников.[1] Потерпела поражение также и десятитысячная армия турок и крымских татар, которая, выйдя из Тамани, в марте 1774 г. вторглась в пределы Донской земли. Она была разбита гусарскими и главным образом казачьими полками.[2]

Войско Донское не только всегда успешно отражало нападения неприятеля, но и уделяло большое внимание организации сторожевой службы. Когда же был получен указ Сената от 11 января 1723 г. «О учреждении во всех пограничных местах и в войске Донском маяков в предосторожность от нападений крымских и кубанских татар», сторожевая служба была еще более усовершенствована. Около Черкасска и по всем местам возможного проникновения противника были расставлены вооруженные караулы и «бекеты», а дороги находились под наблюдением разъездов. Благодаря этому в Черкасске очень быстро становилось известно о появлении противника в пределах Донской земли и сразу же принимались решительные меры к обороне.[3] Так, в 1746 г. Войску стало известно «о стоящем лагерем при речках Ейн, Хара и Суна[4] войске (кубанских татар. — А. П.) по признанию сот до десяти и более». Однако благодаря мерам «наикрепчайшей предосторожности», принятым войсковым старшиной Сулиным, опасность нападения татар была предотвращена.[5] Подобных примеров можно привести много.

Таким образом, благодаря успешной внешней политике России на юге и юго-востоке, а также усилению военной организации войска Донского в XVIII в. сократилась, а к концу века была почти ликвидирована опасность разорительных набегов в пределы Донской земли со стороны турок, татар, ногайцев, калмыков и других степняков-кочевников. Это способствовало усилению колонизации и хозяйственного освоения Донского края.

3. ХАРАКТЕР И ФОРМЫ ЗАСЕЛЕНИЯ ДОНА В XVIII ВЕКЕ

С тех пор, как возникли условия для массового заселения и хозяйственного освоения Донской земли, характер и формы колонизации коренным образом изменились.

Приходившие в предшествовавший период на Дон одиночки или небольшие группы людей, как правило, не имели средств производства; они шли туда только для того, чтобы стать «вольными казаками».[6]

С конца 60-х годов XVII в. источники отмечают иной характер колонизации Дона. Люди начали переселяться большими группами, часто даже семьями — с женами и детьми. Они приходили на Дон с хозяйственным инвентарем, стремясь на новом месте жительства воссоздать привычный уклад хозяйственной жизни. «Вольный казак», который еще совсем недавно даже не мечтал о возможности заниматься сельским

---

[1] А. И. Ригельман. История о донских казаках, стр. 101; И. Ногин Краткий очерк истории Донского края. Новочеркасск, 1914, стр. 198—199.

[2] М. Сенюткин. Донцы, стр. 28.

[3] ТОВДСК, вып. II, отд. 2, стр. 31; С. Щелкунов. Войско Донское при атамане Алексее Ивановиче Иловайском. СОВДСК, вып. X, 1910, стр. 30; см. также: ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 135, лл. 23—23 об.; д. 250, лл. 1—1 об.; д. 339, л. 1; д. 348, лл. 1—1 об.; д. 425, л. 1; д. 499, лл. 1—1 об.; д. 501, лл. 1—1 об.

[4] Здесь явная описка. Следует читать: «при речках Ее и Карасуне»

[5] САДОИКВ, № 88, стр. 182—192.

[6] ДД, кн. I, РИБ, т. XVIII. СПб, 1902, № XLVI, стб. 553—600; кн. II, РИБ, т. XXIV. СПб, 1906, № III—V, стб. 40, 42, 63; кн. III, РИБ, т. XXVI. СПб, 1909, № VIII, IX, XVIII, XIX, XXVIII, стб. 384, 401, 465, 756—759, 882; кн. IV, РИБ, т. XXIX. СПб, 1913, № XXXV, стб. 469.

хозяйством на просторах Дикого поля, подвергавшихся опустошительным набегам кочевников, казак, добывавший себе средства к существованию охотой, рыбной ловлей и поисками «зипунов», теперь уходил от феодального гнета на «вольные земли» для того, чтобы пахать землю.

Попытки заняться земледелием в силу новых, более благоприятных условий оказались удачными, и это привлекало на Дон новых крестьян, мечтавших о трудовой жизни на вольной земле. Первый, отмеченный в источниках случай переселения великороссийских крестьян с прилегающей к Дону «украйны» на свободные просторы Дона относится к 1667 г.[1] Через несколько лет в царской грамоте от 9 ноября 1674 г. названы уже «многие беглецы», которые прятались у казаков «в верхних городках».[2] В источниках 80—90-х годов отмечается значительное число случаев бегства крестьян на Дон большими группами с целью хозяйственного обзаведения на новом месте. Так, в 1681 г. среди крестьян Новосильского уезда распространился слух о предоставлении им с 1 сентября права свободного переселения. Хотя этот слух не подтвердился правительственными распоряжениями, крестьяне, расправившись со своими владельцами и разорив их имения, большими группами, некоторые из которых насчитывали до ста человек, двинулись на юг, к земле донских казаков.[3]

В 1685 г. в правительство была подана челобитная от тамбовских дворян. В ней указывалось, что уже на протяжении нескольких лет крестьяне, бобыли, стрельцы и городовые казаки, «забыв страх божий и крестное целование, бегают на реку Хопер и на Медведицу и на иные запольные речки... к ним казакам... и, побыв в их казачьих городках малое время, и приходят в Тонбов и в Тонбовский уезд, будто для покупки запасов... и живут... в селах и деревнях у сородичей своих и знакомцев; и из дворцовых де сел и деревень, по их подговору, многие крестьяне, покиня свои тяглые жеребьи, в их казачьи городки выбежали...» Приходя на Дон, говорится далее в этой челобитной, новые поселенцы «заводят пашню» и хлеб сеют «и слыша то... дворцовые и помещиковы и вотчинниковы и монастырские крестьяне и бобыли и боярские холопы к ним казакам бегают».[4]

В 1689 г. была подана правительству коллективная челобитная рязанских, шацких и ряжских дворян, которые просили помочь им в борьбе против учащавшихся побегов «их семейных людишек и крестьян на Дон, Хопер и Медведицу».[5]

В начале 90-х годов XVII в. в правительство поступила жалоба елецкого помещика Епифана Бехтеева о побеге на Дон его крестьян. 28 декабря 1691 г., писал он, «в ночь, пократчи ево, Епифана, и разоря без остатку, умысля воровски, собрався многолюдством, вооружась бежали из села Ксизова старинщие его крепостные крестьяне». В их числе был Федко Закеев, с дочерью и тремя женатыми сыновьями, а всего 13 человек, Марчка Сонин с женою, сыном и двумя вдовыми невестками, при одной из которых была дочь, два холостых и один женатый сын».[6]

В следующем году Епифан Бехтеев оказался на Дону и сообщил правительству, что «в тех местах объявились у атамана Владимира Дмитриевича и у других казаков» «многие же беглые ж люди з женами и з детми — с Воронежа, и с Ельца, и с Коротояка».[7]

---

[1] С. М. Соловьев. История России. Изд-во «Общественная польза», кн. III, т. XI, стб. 293.

[2] Акты Лишина, т. I, № 53, стр. 84—87.

[3] «Материалы для истории Воронежской и соседних губ.», стр. 393—394.

[4] ДАИ, т. XII, № 17, стр. 124.

[5] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1689, № 27, лл. 150—162; С. М. Соловьев. История России, кн. III, стб. 1218—1219.

[6] «Материалы для истории Воронежской и соседних губ.», стр. 430—431.

[7] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1693, № 10, лл. 40—48.

С начала XVIII в. в связи с увеличением рекрутских наборов, налогов и усилением помещичьего гнета в центре страны бегство на Дон усилилось. Так, в феврале 1706 г. от одного коломенского помещика на Дон бежало 25 крестьян. Они захватили с собой 13 лошадей и имущество.[1] В том же году от курского помещика ушло на Дон 18 крестьянских семей, взявших с собой свое имущество и хозяйственный инвентарь.[2] В следующем году от помещика Колобова, когда он находился в походе, бежал крестьянин Федор Тимофеев. Вскоре Тимофеев вернулся за своими родными. Захватив с собою свое имущество и имущество помещика, крестьяне двинулись на Дон.[3] В мае 1707 г. по указу царя войско Донское направило войскового атамана Илью Зерщикова и Тимофея Федорова «по Северскому Донцу и по заполным речкам и по новоуказанным местам во все городки для сыску и высылки новопришлых людей». В отписке, посланной правительству, Войско сообщило, что «по розыску в тех городках они посыльщики наши новопришлых людей Белогородцкие черты села Старицына семей с 50 сыскали».[4] Накануне Булавинского восстания, как отмечалось в известном указе Петра I Юрию Долгорукому от 6 июля 1707 г., стало всеобщим явлением бегство на Дон крестьян, посадских и всякого рода иных людей «з женами и з детьми».[5]

В сохранившихся источниках не содержится сообщений о переселении на Дон во время Булавинского восстания, а также в течение некоторого периода после его разгрома. Видимо, жестокие меры, принятые правительством против бегства на Дон, возымели свое действие, и бегство временно прекратилось. Однако введение подушной подати и неурожаи во многих районах страны в 1722—1724 гг. вызвали новую волну побегов на Дон. Вот почему уже в 20-х годах XVIII в. документы снова сообщают о переселениях. На Дон шли люди самого различного общественного положения, но преобладали крестьяне, бежавшие от феодально-крепостнического гнета. В самом начале 20-х годов XVIII в. в Посольском приказе стало известно, что на Дону снова находится немалое число «пришлых да беглых». Как отмечалось в одном из документов, в первый момент «после булавинского бунту» некоторые городки были пусты, а ныне «поселились казаки и пришлые многие люди; на Аксае поселены деревни Заплава, Красной Яр и в иных особых местах по два, и по три и по четыре двора».[6] К середине 20-х годов XVIII в. беглых скопилось на Дону так много, что 28 июля 1724 г. туда была отправлена специальная царская грамота, в которой, как и в годы перед Булавинским восстанием, строго предписывалось, «чтоб немедленно тех беглых с женами их и детми на прежние жилища выслали».[7]

Несколько позже в правительство поступило донесение верхнеломовского канцеляриста К. Смирнова, который сообщал, что с начала 20-х годов XVIII в. усилилось бегство крестьян из принадлежащего ему имения, причем с 1721 по 1726 г. ушло в казачьи хоперские, медведиц-

---

[1] ЦГАДА, ДД, 1706, № 15.
[2] Там же, ДД, 1706, № 36.
[3] Там же, ДД, 1707, дело от 20 марта.
[4] Сб. «Булавинское восстание», № 8, стр. 15.
[5] Там же, № 7, стр. 113. По данным В. И. Лебедева, за время от переписи 1678 до 1710 г. «количество всех беглых в стране достигло громаднейшей цифры в 454.770 человек». «Такой статистике, — пишет В. И. Лебедев, — можно доверять только приблизительно, но и то цифры дают поразительную цифру повального бегства... Потоки беглых устремились разными путями... Однако главный поток устремлялся на Дон. Придонские крестьяне, бежавшие на Дон, при поимке показывали: «Бегали мы на Дон к казакам не по приговору, а собою от великой скудности, потому что... мы обезлошадели и обезхлебели и кормиться нам стало нечем» (В. И. Лебедев. Булавинское восстание, стр. 18).
[6] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1472, лл. 95—96.
[7] Акты Лишина, т. I, № 209, стр. 316.

кие, бузулукские и донские городки значительное число [49] крестьян с женами и детьми.[1]

В 30-х годах XVIII в. переселение на Дон приняло массовые формы. Об этом свидетельствует, например, донесение жителей Филоновской станицы от 22 мая 1734 г., направленное Войску. Расположенная в верховьях р. Бузулука, станица находилась на границе казачьих земель и в этот период особенно сильно страдала от того, что «из великороссийских разных городов и поселков приходят к их станице великороссийские же люди многое число с женами и детьми».[2] Разумеется, переселенцы в большинстве случаев в Филоновской станице не задерживались, а шли дальше в глубь земли войска Донского.

Массовое переселение на земли войска Донского достигло своей вершины уже в 40-е годы XVIII в. В царском указе, направленном на Дон в августе 1742 г., отмечалось, что «многие российские дворовые люди и крестьяне, отбывая от помещиков своих и воровски разглашая, яко бы по указу нашего императорского величества, велено, всякого чина людей на Дону принимая, записывать в казаки и селить в казачьих городках... из жилищ своих из России бегут не только дворами, но и целыми деревнями».[3] Далее в указе отмечалось, что их «в донских казачьих городках принимают и селят на казацких землях».

В 1746 г. в Военную коллегию поступили донесения из Ряжской воеводской канцелярии о том, что на Дон в этом году из Ряжского уезда «бежало не малое число помещичьих крестьян и иных людей», «а именно: 1-м доношением человек с 200, 2-м человек с 70, в том числе с женами, с детьми и с пожитками, оставя домы свои, собрались немалым числом, да и ныне не прекращаются, и из тех беглых некоторые пойманы и распросами показали, что как они, так и прочие Ряжского уезда помещиковы люди и крестьяне бегут на житье в казачьи городки».[4] Нет сомнения в том, что целыми деревнями крестьяне переселялись в надежде найти необходимые условия для сельскохозяйственной деятельности.

В дальнейшем характер переселений не менялся. В приводимом Е. И. Дружининой донесении правительству от дворян Новороссийской губернии (1800 г.) указывалось, что из многих мест «крестьяне, поднявшись целыми селениями, с вооруженною рукою уходя от своих помещиков, пробирались в пределы войска Донского; и хотя посредством земской полиции и команд были преследованы и возвращены на прежние жилища, но и после того от помещиков Бахмутского уезда вступили паки просьбы, что из деревень их крестьяне целыми семьями беспрестанно бегут и принимаются чиновниками того Войска без всякого страха, коих здешние помещики отыскивать без крайней опасности никак не могут...»[5]. И это далеко не единственное свидетельство. На протяжении второй половины XVIII в. крестьяне шли на Дон не только в одиночку, но и значительными группами, чаще семьями, со своим имуществом и орудиями сельскохозяйственного труда.[6]

Выше отмечалось, что основную массу переселенцев в XVIII в. составляли крестьяне.[7] Это объясняется тем, что распространение кре-

---

[1] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 236, стр. 218—221.
[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 3, лл. 435—436.
[3] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 288, стр. 262.
[4] Там же, т. I, ч. II, № 462, стр. 512.
[5] См. Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 198.
[6] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, кн. 49, лл. 37—38; кн. 162, ч. II, лл. 44, 455; кн. 165, л. 346; кн. 362, лл. 323—324; Акты Лишина, т. II, ч. II, № 616, стр. 766; М. Шульгин. Землеустройство и переселения в России в XVIII и первой половине XIX в. Тр. Московского межевого ин-та по ф-ту землеустройства и переселения. М., 1928, стр. 69; К. В. Марков. Крестьяне на Дону, и др.
[7] См. также Акты Лишина, т. I, № 140, 149; т. II, ч. I, № 372; ч. II, № 427, 616; ПСЗ, т. III, № 1644; т. VIII, № 5241; ДОВ, 1867, № 8.

постничества вглубь и вширь при быстром развитии товарно-денежных отношений приводило прежде всего к ухудшению положения крестьян. Но тяжесть феодально-крепостнического гнета испытывали на себе и другие слои трудового населения. Поэтому на Дон на протяжении всего XVIII в. в значительном числе бежали, спасаясь от крепостнического гнета, не только крестьяне, но также посадские люди, солдаты и матросы, работные люди и все приверженцы старой веры.[1]

В XVI—XVII вв. переселенцы шли из разных, часто отдаленных районов России. Так, еще в 1672 г. возвращавшийся с Дона после доставки казакам жалованья Иван Крюков доносил в Посольский приказ, что он, «не дошетчи до Икорца в Бабье Юрту повыше реки Битюка, поймал беглых людей 6 человек, а в распросе те беглые люди ему сказалися: один ярославец, посадцкой человек; другой ливенец, сын боярской, два человека каширенина..; два ж человека один Каширского уезду, государева дворцова села крестьянин, другой крестьянин же Савы чудотворца звенигородского монастыря; а идут де они на Дон в казацкую службу».[2]

Но уже в это время положение начало меняться. После освоения пограничных с Доном районов оттуда, и прежде всего из воронежских и тамбовских земель, стала идти основная масса переселенцев. Так, в 1674 г. на Медведице было захвачено посланным из Тамбова отрядом 19 раскольников, большинство из которых, как выяснилось на допросе, пришли на Дон из Романова и Ельца.[3]

В 1684 г. правительству жаловались служилые люди г. Коротояка. Они обвиняли донских казаков в том, что те, возвращаясь из Москвы, подговаривали «свойственников и работников наших» к уходу на Дон, в результате чего значительные группы их покидали родные места и шли во владения донских казаков. Как отмечалось в челобитной тамбовских дворян 1685 г., движение тамбовских жителей в эти места приняло очень большие размеры,[4] а в челобитной 1689 г. указывалось, что в рязанских, мещерских и ряжских землях многие села и деревни запустели: крестьяне бегают «с женами, с детьми на Дон и на Хопер и на Медведицу беспрестанно».[5]

В 1692 г. из Разрядного приказа потребовали выслать из Орловского городка в Белгород 20 человек мелкого служилого люда. Вскоре выяснилось, что из числившихся по списку 182 человек налицо оказалось лишь 165, а из 17 отсутствовавших 11 бежало на Дон.[6]

В том же году на Дону была обнаружена большая группа беглых из Воронежа, Ельца и Коротояка.[7]

Непосредственно перед Азовскими походами, во время и после них, когда строился флот в Воронеже, в Разрядный приказ поступали непрерывные жалобы от воевод Белгородского и Севского полков, «что тех городов полковые и городовые, и всяких чинов служилые и жилецкие люди, и их дети и свойственники, также и люди их и крестьяне, покинув свои поместные земли и всякие угодья и дворы и животы, не хотя его великого государя службы служить и податей платить, и у строения

---

[1] Подробно об этом см. В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., Учпедгиз, 1957; его же. Булавинское восстание; Н. С. Чаев. Булавинское восстание; В. Г. Дружинин. Раскол на Дону; «Материалы для истории Воронежской и соседних губ.», стр. 80—81, 435.

[2] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1671, № 14 и 1672, № 6.

[3] ДК, № 8, л. 340—344.

[4] ДАИ, т. XII, № 17, стр. 123—124.

[5] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1689, № 27, лл. 150—162; С. М. Соловьев. История России, кн. III, т. XIV, стб. 1218—1219.

[6] «Материалы для истории Воронежской и соседних губ.», стр. 435.

[7] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1693, № 10, лл. 40—48.

морских судов, и у стругового дела, и у лесной работы, и в кормщиках, и в гребцах, и у згонки быть на плотах, бегут в донецкие городки».[1]

Наконец, для характеристики районов, откуда шла колонизация Донской земли, большой интерес представляют данные Н. С. Чаева. Как он подсчитал, в 1698 г. бежало на Дон 422 человека, в том числе воронежцев — 70, коротоячан — 61, усманцев — 79, землянцев — 69, костенцев — 67, соколян — 70; в 1699 г. только из дворов Воронежского уезда было совершено 330 побегов.[2]

В XVIII столетии на Дон шли тоже главным образом из ближайших районов.[3] В начале XVIII в. адмирал Ф. Апраксин доносил, что с Воронежских верфей работные люди, приписанные к «корабельным делам», массами уходили в «новопоселенные» казачьи городки в верховьях Дона, Хопра и Медведицы. Из 26976 человек, которые должны были работать в Воронеже, в 1701—1702 гг. бежало и умерло 4682 человека. Этими людьми, по словам Апраксина, почти целиком был заселен, например, расположенный в верховьях Дона и ближайший к Воронежу городок Богучар, в котором за очень короткий промежуток времени, только в течение 4—5 лет, население выросло за счет беглых со ста до пятисот человек.[4]

В грамоте от 11 июня 1703 г., которой правительство извещало Дон о посылке стольников М. Ф. Пушкина и М. Н. Кологривова для переписи проживавших на Дону казаков, упоминаются районы, из которых шли крестьяне на Дон. Правительство интересовалось прежде всего, «нет ли у них в тех городках каких пришлых Белогородского и Севского полку городов ратных людей, также и которые приписаны к корабельному делу с Воронежа, с Венца [Ельца?], с Коротояка, из Белоколодца, из Землянска, из Боброва, из Соколска, из Костенска, из Орлова, из Усмани, из Демшинска от того корабельного дела бежали и беглых боярских холопей и крестьян и иных каких чинов людей».[5] Эти предположения правительства оправдались.

По переписи Кологривова, например, казаки городков Донецкого, Усть-Медведицкого, Распопинского, Кременского, Иловлинского, Качалинского, Большелуцкого, Старооайдарского и Калитвенца в подавляющем большинстве случаев объявили себя выходцами из Воронежа, Козлова, Костенска, Ряжска, Коротояка, Ольшанска, Ельца, Усмани, Тамбова, Шацка, Переяславля, Романова. По их словам, они пришли на Дон до 1695 г.[6]

По данным реестра новопришлым на Дон, пойманным в 1728 г., было вышедших из Воронежа 24 человека, из Тамбова — 23, Козлова — 16, Шацка — 9, Курска — 5, из разных мелких городов, расположенных в Воронежской и Белгородской губерниях, — 31, а выходцев из Москвы — 1, Пензы — 2, Казани — 4, Нижнего Новгорода — 2.[7]

Такое положение сохранялось и в середине XVIII в. По нашим подсчетам, произведенным на основании материалов сыска беглых, с 1740 по 1750 г., например, было поймано беглых свыше 1700 человек. Многие из них «не помнили своего родства» и не указали, откуда пришли. Но из тех, которые сообщили о себе сведения, оказалось выходцев из Тамбовской губернии — 376, Воронежской — 263, Рязанской — 166, Пензенской — 129, Нижегородской — 88, Курской — 67, Орловской — 52. В то

[1] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД. 1701, № 5; С. М. Соловьев. История России, кн. III, т. XIV, стр. 1219—1220.

[2] Н. С. Чаев. Булавинское восстание, стр. 17—18.

[3] Уход на Дон именно из ближайших районов со своей стороны способствовал более частому переселению крестьян большими группами или даже целыми деревнями.

[4] С. Елагин. История русского флота. Приложения, ч. II, СПб, 1864, стр. 33—34.

[5] Акты Лишина, т. I, № 140, стр. 219.

[6] ЦГАДА, дела разрядные, кн. № 13, 1703, лл. 434—446.

[7] Там же. Госархив, ф. 20, оп. 1, д. 54, ч. I, лл. 31—33 об.

же время выходцы из Тульской, Московской, Владимирской, Симбирской, Харьковской, Ярославской, Саратовской, Калужской, Тверской губерний встречаются в значительно меньшем числе.[1]

Источники отмечают также массовые побеги великороссийских крестьян (прежде всего из Воронежской, Курской и Орловской губерний) и в конце XVIII в.[2]

Переселение из Украины в XVIII в. по своему характеру и формам было во многом сходно с переселением из Великороссии. Крестьяне Левобережной и Слободской Украины до 1783 г. юридически были свободными. Но непрерывное усиление крепостного гнета, заставляло их идти на Дон, где они, хотя бы на время, обретали свободу.

Как уже отмечалось, число украинских переселенцев в XVII в. было сравнительно невелико, причем среди них преобладали запорожцы. С начала же XVIII в. переселение украинцев на Дон резко увеличилось, при этом основной контингент их состоял из крестьян. В царской грамоте от 7 июля 1707 г. отмечалось, что большими массами «чюгуевцы де, харьковцы, золочевцы, змиевцы, мояченя, служилые де и жилецкия люди многие, оставя де домы свои з женами и з детьми, а иные де оставя жен, явно идут де на Дон и в донецкие... городки».[3] В то же время князь Дмитрий Голицын доносил из Киева правительству, что переселение украинцев на Дон приняло широкие размеры и что «украинцы с донскими казаками обвязались свойствами и переходят с Дона на Украину и с Украины на Дон, и по Донцу, и по Айдару все донские городки и села беглыми населены украйных городов».[4]

О непрерывном росте нового населения на Дону с 20-х годов XVIII в. можно судить по данным переписи 1763 г. (табл. 1). В табл. 1 приводятся сводные данные о поселении украинских переселенцев в восьми взятых на выборку станицах, расположенных в разных районах Донской земли. Эти сведения (только о восьми станицах) отражают лишь основные тенденции процесса. Так, если с 1719 по 1730 г. в указанные станицы прибыл 21 украинец, то с 1731 по 1740 — 86, с 1741 по 1750 — 235, с 1751 по 1760 — 341, а за три последующих года — 181 человек.[5] Увеличивалось также число украинцев, переселившихся и в другие станицы. Но особенно активно заселялись украинцами районы, примыкавшие к Украине, бассейн Донца и земли, расположенные далее к востоку и юго-востоку.[6]

Таблица 1

Число украинцев, переселившихся на Дон в разные годы

Годы выхода на Дон	Наименование места (станица, стан и пр.)								
	Усть-Аксай и Большой Лог	Манычская	Богаевская	Бесергеневская	Мелеховская	Усть-Медведицкая	Луганская	Каменская	всего
1719	—	—	—	—	—	—	1	—	1
1720	—	1	1	—	—	—	—	—	2
1721	1	—	—	—	—	—	—	—	1
1722	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1723	—	—	1	—	1	—	—	—	2
1724	—	—	—	—	1	—	—	—	1

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 58, лл. 331—364, 440—463; ГАРО, ф. 339, оп. 1, дд. 6, 7, 9, 11, 12; ф. 341, оп. 1, дд. 1—2; ф. 338, оп. 1, дд. 139, 140, 142, 467—542, 821—827 и др.

[2] ГАРО, ф. 339, оп. 1, дд. 184—185, 196, 200, 211, 256, 308 и др.; М. Шульгин. Землеустройство и переселения в России. М., 1928, стр. 69.

[3] Сб. «Булавинское восстание», № 8, стр. 114.

[4] ЦГАДА, кабинет Петра Великого, вход I, стр. 491.

[5] Сведения за 1764 год в расчет принимать нельзя, так как они неполные.

[6] П. П. Сахаров. Материалы по истории колонизации и быта земли донских казаков в XVIII веке, СОВДСК, вып. X, стр. 107—108.

Годы выхода на Дон	Наименование места (станица, стан и пр.)								
	Усть-Аксай и Большой Лог	Маныч-ская	Богаевская	Бесерге-невская	Мелехов-ская	Усть-Мед-ведицкая	Луган-ская	Камен-ская	всего
1725	—	—	1	—	—	—	—	1	2
1726	—	—	—	—	—	—	—	1	1
1727	—	—	1	—	—	—	—	—	1
1728	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1729	1	—	—	—	—	—	—	—	1
1730	4	2	—	—	2	—	—	1	9
1731	1	—	—	—	1	—	—	—	2
1732	1	—	—	1	—	—	—	—	2
1733	1	—	—	—	—	—	—	1	2
1734	1	1	—	1	2	2	10	1	18
1735	—	—	1	1	—	—	—	4	6
1736	5	—	—	—	1	—	1	2	9
1737	1	—	—	2	—	—	—	—	3
1738	1	—	—	—	—	—	—	2	3
1739	—	—	—	1	1	—	8	3	13
1740	4	7	7	8	8	3	1	—	38
1741	1	—	—	1	—	—	1	—	3
1742	4	2	—	—	1	1	—	1	9
1743	1	3	—	1	2	—	1	2	10
1744	17	4	3	8	7	3	26	—	68
1745	3	—	1	—	2	1	1	1	9
1746	—	—	—	—	4	3	—	—	7
1747	—	—	—	2	1	1	2	1	7
1748	1	3	—	1	5	3	1	—	14
1749	1	3	4	6	5	8	16	—	43
1750	19	9	5	14	12	5	1	—	65
1751	2	1	—	—	1	2	1	—	7
1752	2	1	1	2	6	4	2	2	20
1753	1	7	6	3	8	1	2	4	32
1754	14	1	4	12	8	14	23	2	78
1755	10	2	1	2	3	6	4	—	28
1756	10	2	6	6	11	3	6	1	45
1757	3	1	2	4	5	2	2	—	19
1758	2	2	2	8	6	3	6	1	30
1759	7	11	5	11	3	4	3	3	47
1760	9	6	2	9	4	—	4	1	35
1761	11	2	2	1	1	2	10	—	29
1762	39	6	6	11	5	7	10	1	85
1763	30	4	7	15	6	1	9	1	73
1764*	11	—	—	2	—	—	—	—	13
Родилось на Дону	1	9	14	18	28	5	21	4	100
Всего	221	90	83	151	151	84	172	41	

* Сведения неполные.

Среди украинских переселенцев еще в первой четверти XVIII в. преобладали одиночки, которые в случае неприема их в казаки попадали в число бурлаков. В дальнейшем число семейных быстро росло. Когда, например, началось заселение Царицынской линии, то из записавшихся в 1733 г. оказалось 537 семейств украинцев, живших на Дону.[1] В одном из сенатских указов 1740 г. упоминается о «пришлых на Дон малороссийских (украинских. — **А. П.**) 50 семей, которые якобы желают жить на мельнице войскового атамана Ефремова...»[2] Подобных фактов можно отметить немало.

[1] ПСЗ, т. IX, № 6496; Акты Лишина, т. II, ч. I, №№ 46, 48, стр. 49—52.
[2] ПСЗ, т. XI, № 8024.

Ухудшение положения слободских крестьян и казаков (в связи с преобразованиями Слободских полков), а также крестьян Левобережной и Правобережной Украины привело к значительному увеличению потока переселенцев на Дон. В 30—40-х годах XVIII в. переселение украинских крестьян приняло настолько большие размеры, что правительство стало принимать решительные меры к пресечению уходов украинских крестьян от своих владельцев. Так, 21 мая 1738 г. был издан правительственный указ, в котором предписывалось, чтобы «беглые казаки и беглые люди Слободских полков, а иногда не явятся ли где и малороссиянцы, всемерно без всякого отлагательства все сысканы... [и] немедленно отвезены и тамошним командирам отданы были».[1] В Указе 1738 г. речь шла только о Слободской Украине, но генеральная Войсковая канцелярия разослала универсал, в котором, ссылаясь на этот указ, предписывала, «чтоб в Малой России обыватели с места на место не переходили, а которые перейдут, тех сыскивать и отдавать на прежние их жилища».[2] Правда, вскоре указом 19 января 1742 г. вольный переход «с места на место» вновь был разрешен, но с условием «дабы между тем из Малой России и из Слободских полков от тамошнего народа побегов за границу не было».[3]

Вместе с тем правительство вело активную борьбу на Дону с приемом и укрывательством украинских крестьян. Царскими грамотами предписывалось провести перепись на Дону для того, чтобы выяснить, на каком основании и как давно живут там украинские крестьяне, а «шатающихся беглых малороссиян, по силе прежних указов, выслать всех на прежние их жилища без всякого задержания».[4]

Все эти меры не дали результатов, так как за украинскими крестьянами юридически сохранилось право переходов, и, пользуясь им, они продолжали уходить на Дон, спасаясь от крепостнического гнета. Но к середине XVIII в. угнетенное и разоренное крестьянство Левобережной и Слободской Украины оказалось фактически закрепощенным. Свобода переходов ограничивалась такими условиями, что крестьяне, по существу, лишались этого права. Особое значение в этом отношении имел универсал гетмана Разумовского от 20 апреля 1760 г., который разрешал крестьянам переселяться только при наличии письменного согласия владельца и с условием, чтобы крестьяне «при переходе своем из одного владения в другое нажитого ими с владельческих грунтов имения не забирали и от того оным владельцам убытка не наносили».[5]

Между тем действовавшая еще с начала 30-х годов XVIII в. «Комиссия об устройстве Слободских полков» располагала сведениями, что «крестьяне бегут из Слободской Украины и устраивают свои поселения на Дону, по Хопру, Медведице, в больших хуторах за старшинами, по большой дороге в Черкассы, по степным рекам» и т. д.[6] Об этом Комиссия сообщила правительству, после чего последовал царский указ от 11 марта 1763 г. о производстве переписи украинцев, поселившихся на землях войска Донского, а затем предписывалось казаков и «подпомочников» выслать на Украину, в состав их полков, а крестьян обложить подушной податью в размере 70 копеек с души.[7]

При переписи было выявлено на Дону 20422 украинца мужского

---

[1] В. А. Мякотин. Прикрепление крестьянства Левобережной Малороссии в XVIII столетии. «Русское богатство», 1894, № 3, стр. 209.

[2] Там же, стр. 210.

[3] В. А. Мякотин. Указ. соч. «Русское богатство», 1894, № 3, стр. 213.

[4] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 257, стр. 238; см. также: т. II, ч. I, № 186—187, стр. 179—181; ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 19, л. 112; ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 4, л. 80.

[5] В. А. Мякотин. Указ. соч. «Русское богатство», 1894, № 3, стр. 223

[6] ДВ, 1867, № 47.

[7] П. Сахаров. Материалы к истории колонизации и быта. СОВДСК, вып. X, стр. 109—110.

пола. Из них 1546 человек являлось казаками и «подпомочниками», они были высланы на родину; остальные 18876 человек подлежали обложению семигривенным подушным окладом.[1]

Значительное число украинских переселенцев на Дону, выявленных переписью 1763 г., заставило правительство ускорить принятие мер по дальнейшему закрепощению украинских крестьян. В ответ на ходатайства украинских помещиков царским правительством был подтвержден универсал гетмана Разумовского, а указом от 3 мая 1783 г. на Украине было юридически оформлено крепостное право.[2]

Но и эти мероприятия не могли положить конец переселению украинских крестьян на Дон. Сила классового сопротивления украинского крестьянства была столь значительной, что крепостники на Украине своей цели не достигали. Зачастую правительственные меры приводили к противоположному результату, так как каждый законодательный акт, направленный на усиление крепостного угнетения на Украине, вызывал стремление крестьян избавиться от порабощения, а следовательно, приводил к увеличению побегов крестьян. Например, в одном из приказов, который был разослан по донским станицам 24 апреля 1789 г., предписывалось разыскать бежавших от помещика Романова 34 «слободских крестьян», и если «пойманы будут, то взять их под караул, при сведении доставить в сие (Войсковое гражданское. — **А. П.**) правительство за караулом».[3] Подобных приказов, в которых отмечалось, что особенно «в новозаводимых хуторах многое число находится беспашпортных малороссиян», можно встретить немало.

Так как украинское население на Дону увеличивалось не за счет естественного прироста, а в результате непрерывного притока переселенцев, главным образом из Слободской и Левобережной Украины, то население росло во много раз быстрее, чем изменялась в этот период численность крестьянского населения во всей России.[4] Так, только по официальным данным переписей, на Дону насчитывалось украинских крестьян в 1763 г. 18876 человек мужского пола, в 1782 г. — 26579, а в 1796—54628 человек мужского пола.[5] Кроме того, согласно ведомости, составленной 23 декабря 1784 г., на Дону числилось украинских крестьян женского пола 42304.[6]

Перепись 1763 г. позволяет определить также основные районы, откуда шла украинская колонизация в XVIII в. Среди переселенцев в XVII в. преобладали выходцы из Запорожья.[7] В XVIII в. они почти не встречаются: на Дон шли главным образом крестьяне из ближайших областей. Как видно из таблицы 2, ведущее место принадлежало выходцам из Слободской Украины, затем — из Левобережной. На третьем месте стояли те украинцы, которые раньше поселились в пограничных с Доном великороссийских губерниях (Белгородской, Воронежской), но в силу каких-либо причин там не закрепились. В верхних по Дону казачьих станицах преобладали выходцы из ближайших к нему Белгородской и Воронежской губерний, а в Донецких станицах — выходцы из Слободской Украины, расположенной в непосредственной близости от них. Таким образом, в украинской, так же, как и в великорусской, колонизации Дона в XVIII в. наблюдается «сползание» населения из ближайших к донской земле районов. Приходя на

---

[1] П. Сахаров. Материалы к истории колонизации и быта, СОВДСК, вып. X, стр. 109—110.

[2] «История Украинской ССР», т. I, стр. 384—385.

[3] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1298, л. 4 об.

[4] Ср. Л. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. М., Госполитиздат, 1947, стр. 406—415; его же. Крепостное сельское хозяйство России XVIII в. «Исторические записки», т. 15, 1945.

[5] ТОВДСК, вып. I, отд. 1, стр. 78—79; СОВДСК, вып. X, стр. 110.

[6] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 18, л. 1.

[7] Е. М. Апанович. Переселение украинцев. Указ. сб., стр.81—82.

Дон большими группами, часто семьями, украинские крестьяне, как и великорусские, сыграли большую роль в освоении юго-восточных степных районов страны.

Таблица 2

Число украинцев, переселившихся на Дон из разных районов

Районы выхода переселенцев на Дон	Наименование места (станица, стан и др.)							
	Усть-Аксай и Большой Лог	Манычская	Богаевская	Бесергеневская	Мелеховская	Усть-Медведицкая	Луганская	Каменская
Лубенского полка	35	15	5	16	20	9	11	2
Прилуцкого полка	4	5	7	10	22	1	9	4
Гадячского . . .	16	6	7	7	5	6	10	5
Нежинского . . .	24	11	7	11	9	5	7	1
Полтавского . . .	4	7	4	9	15	3	8	2
Переяславского .	9	5	5	3	4	1	4	2
Черниговского .	9	1	1	6	4	—	1	—
Киевского . . .	10	2	—	5	3	4	1	—
Миргородского .	10	—	4	2	1	1	2	1
Стародубского .	3	2	3	1	1	2	—	—
Сумского	28	12	11	25	6	1	15	5
Изюмского . .	8	5	4	11	9	1	15	2
Ахтырского . . .	16	2	6	7	8	5	13	1
Харьковского . .	15	9	1	6	7	6	6	5
Острогожского	3	1	7	3	8	2	4	2
Белгородской губ.	11	4	7	23	27	18	25	4
Воронежской губ.	4	—	—	1	—	10	3	—
Бахмута	1	1	—	—	—	—	9	1
Польши	9	2	3	3	1	3	1	—
Неизвестно	2	—	1	2	1	3	8	—
Родилось на Дону	1	—	—	—	—	3	21	4
Всего	221	90	83	151	151	84	173	41
Примечание. Данные извлечены из ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105 лл.	3—20	264—179	280—293	294—308	309—323	900—914	1034—1040	1062 об.—1063

4. ОСВОЕНИЕ ОСНОВНЫХ РАЙОНОВ ЗЕМЛИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Заселение Донского края происходило в своеобразных и сложных условиях. Новым поселенцам приходилось не только вести борьбу с силами природы, но и прежде всего отстаивать право на существование в непрерывной войне с ногайцами, татарами, калмыками, турками.

В силу этого заселение и хозяйственное освоение Донского края было возможно лишь после создания опорных пунктов, защищавших его от нападений соседей. Такими пунктами являлись казачьи городки, возникшие за сравнительно короткий период времени на огромной территории Донской земли и сохранявшие военное значение почти до начала XVIII в. Сеть казачьих городков была своеобразным каркасом, вокруг которого вслед за тем быстро шло заселение края.

Казачьи городки строились в глухих, укрытых и удобных для обороны местах на крутых берегах рек или на островах. В целях обороны городки обычно огораживались. В походном журнале Петра I (1695 г.) отмечалось, например, что «город Черкасской стоит на берегу на правой стороне реки Дона, обрублен дубовым срубом и сделаны три раската, и те стороны [огорожены] плетнем»; городки Паншин, Голубые, Пять изб,

Верхний Курман-Яр и Кагальник были огорожены тыном, Нижний Михалев — «дрязком». Траилин — «обведен землею», а Кумшацкий — «огорожен плетнем».[1] Подобным же образом были устроены и другие городки. Все они были небольшими по размерам и мало пригодными для жилья, но достаточно сильными для отражения внезапного нападения врагов. Когда, например, в 1682 г. крымский хан угрожал послать войска и разорить все поселения на Дону, казаки не без гордости отвечали ему, что хотя городки и «некорыстны», но «надобно их доставать твердо головами».[2]

Первые казачьи городки появились в середине XVI в. в районе Волго-Донской переволоки и в низовьях Дона у донецких Раздор. Во второй половине XVI в. начали возникать новые городки по Дону в районе казачьего городка Раздоры. С середины XVII в. стали строить городки по притокам Дона — Хопру, Бузулуку, Медведице. Несколько позже появились городки на среднем течении Дона («от Цымлы до Чиру») и на Донце.[3] Когда же началось освоение Миусского округа и Задонья, то условия жизни уже не требовали сооружения городков, и там создавались поселения иного типа.

Уже к началу 70-х годов XVII в. Донская земля была покрыта сетью казачьих городков, расположенных на основных водных магистралях.

Нанесение на карту всех казачьих городков, существовавших в этот период, представляет определенные трудности. Разумеется, в Войсковой канцелярии хорошо знали состав и местоположение городков, но архив ее за XVII в. не сохранился. Поэтому приходится пользоваться официальными данными, сохранившимися в архивах правительственных учреждений. Однако они требуют критической проверки, так как Войско не склонно было сообщать правительству точные сведения о составе и местоположении казачьих городков.

Если в середине XVII в., по данным В. Г. Дружинина, насчитывался 31 казачий городок[4], то, по докладу атамана казачьей станицы Фрола Минаева в Посольском приказе, в 1672 г. их насчитывалось уже 48.[5] Верхним по Дону казачьим городком являлся Мигулин. Самым нижним по Дону в списке Минаева указан Черкасский. Известные по более ранним документам городки Монастырский и Нижний, располагавшиеся еще южнее, в списке не упомянуты. Это объясняется тем, что ввиду близости городков к Азову, казаки не смогли их долго удерживать в своих руках.

К числу вновь возникших к 1672 г. городков относятся Тишанский, Перекопский, Ново-Григорьевский, Старо-Григорьевский, Нижний Чир, Кобылкин, Зимовейко, Нагайкин, Цымла, Романовский, Камышкин, Быстрянский, Михалев, Траилин, Кочетов, Мелехов, Богай.[6]

В дальнейшем, на протяжении всей последней четверти XVII в., возникли еще 7 городков. В 1676 г. выше Мигулина был построен городок Донецкий.[7] Несколько позднее появился городок Нагавкин. В походном журнале 1686 г. вновь упоминаются Нагавкин, а также Гугнин, Перелы-

---

[1] «Походные журналы». СПб, 1853, «Походный журнал 203 г. (1695)»: см. также К. Крейс. Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Кавказе. «Отечественные записки», 1824, № 54, стр. 49—50.

[2] Акты Лишина, т. I, № 72, стр. 110.

[3] ДД, кн. I, стб 26; П. А. Соколовский. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. СПб, 1878, стр. 209—210; С. Г. Кобяков. Заселение Дона XVI—XVII вв. Уч. зап. ЛГПИ, т. X, географический ф-т, вып. 3. Л., 1955, стр. 62; В. Г. Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII в., стр. 225—228.

[4] В. Г. Дружинин. Указ. соч., стр. 5.

[5] «Историческое описание земли войска Донского», стр 360. В. Г. Дружинин насчитывает в это время 52 городка (см. «Раскол на Дону в конце XVII в.», стр. 5).

[6] См. «Историческое описание земли войска Донского», стр. 360.

[7] ЦГАДА, дела разрядные, кн. № 13, 1703, № 434.

гин, Нижние Михали, Золотой. Кроме того, взятая во время Азовских походов крепость Лютик была передана донским казакам, и там тоже возник казачий городок.

Таким образом, к концу XVII в. на Дону существовало 55 казачьих городков, а так как в это время Черкасск фактически состоял из 11 станиц [1], то всего было 65 городков. Количество городков не изменилось до Булавинского восстания.

Если список городков в XVII в. по Дону в исторических исследованиях приводится полностью [2], то о городках по Хопру, Бузулуку, Медведице и по Северскому Донцу сообщаются лишь самые общие сведения. Они взяты из показания атамана зимовой станицы Пахома Сергеева, который, будучи в Москве в 1700 г., сообщил, что «по Хопру и по Медведице и по Бузулуку рекам старожилых их казацких 59 городков, в том числе Хоперских — 26, Медведицких — 17, Бузулуцких — 16. Поселились тому лет со сто, а иным по семидесяти и по осмидесят; людей в них жилых домами тысяч з десять».[3]

Другие источники для определения состава и расположения казачьих городков по указанным рекам историками не привлекались. Между тем имеются материалы, в которых приводятся более полные сведения о городках, расположенных по притокам Дона.

В 1698 г., когда Сергеев находился в Москве в бассейнах рек Хопра, Бузулука, Медведицы и Северского Донца проводилось описание лесов с целью выявления массивов, годных для кораблестроения.[4] В них перечислены все городки, расположенные по этим рекам, и указаны расстояния между ними. Содержатся в них и другие сведения. Так, в описи по Хопру указано количество казачьих куреней, по Медведице — число проживавших в каждой станице казаков и бурлаков, а по Бузулуку отмечено, на каком берегу стоит каждый городок (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о казачьих городках на Дону в конце XVII в.

1. По Хопру

Наименование городка	Расстояние от предыдущего городка (в верстах)	Число казачьих куреней	Наименование городка	Расстояние от предыдущего городка (в верстах)	Число казачьих куреней
Букановский	—	100	Усть-Бузулук	10	100
Остроухов	4	100	Акишев	8	130
Кумылга	6	110	Тишана	5	110
Слащев	5	120	Бурацков	6	100
Федосеев	5	115	Правоторов	5	120
Зотов	4	90	Луковкин	3	100
Аржановский	5	50	Тепикин	5	140
Бесплемянный	3	80	Касарка	4	90
Левикин	4	100	Михайлов	2	100
Урюпин	3	120	Григорьев	5	130
Котов	2	80	Беляев	4	120
Одини	1	120	Пристанской	4	200
Добренков	2	130			

[1] Названия Черкасских станиц (в документах они именовались «городскими») следующие: Черкасская, Середняя, Павловская, Прибылянская, Дурновская, Скородумовская, Тютеревская, Верхне-Рыковская, Старо-Рыковская, Нижне-Рыковская и Татарская («Историческое описание земли войска Донского», стр. 381).

[2] «Историческое описание земли войска Донского», стр. 380.

[3] ЦГАДА, ф. 11п, оп. 1, ДД, 1700, № 9.

[4] Материалы этого описания были извлечены в 1914 г. В. С. Поповым из архива Морского министерства (В. С. Попов. Материалы к истории войска Донского. СОВДСК, вып. XII, стр. 186—201).

2. По Бузулуку

Наименование городка	Расстояние от предыдущего городка (в верстах)	На каком берегу реки стоит	Наименование городка	Расстояние от предыдущего городка (в верстах)	На каком берегу реки стоит
Алексеевский	1	Правый	Березовский	более 3	Левый
Осинов	1	Правый	Филоновский	„ 5	Левый
Ямнов	1,5	Правый	Дарьинский	„ 3	Правый
Карповский	6	Левый	Милсяпин	„ 1	Правый
Мартыновский	5	Правый	Высоцкий	„ 5	Правый
Дурной	6	Правый	Островский	„ 4	Левый
Ярыгин	3	Правый	Казарин	„ 5	Правый
Черновский	более 4	Правый			

3. По Медведице

Наименование городка	Расстояние от предыдущего городка (в верстах)	Наименование городка	Расстояние от предыдущего городка (в верстах)
Астровский	35	Орлов	3,5
Глазуновский	15	Заполянский	4
Скуриха	10	Малодель	2
Кепный	13	Березовский	8
Арчада	14	Черногай	12
Кабыльев	17	Неврюевский	13
Егерев	20	Бурлуцкий	10
Раздоры	17		

4. По Северскому Донцу

Наименование городка	Расстояние от предыдущего городка (в верстах)	Наименование городка	Расстояние от предыдущего городка (в верстах)
Гундоров	—	Трехизбянский	17
Митякин	10	Боровский	20
Луганский	15	Краснянский	12
Теплинский	10	Сухарев	17
Айдарск	17	Маяк	10

С начала XVIII в. правительство, стремясь положить конец притоку беглых на Дон, зорко следило за тем, чтобы казаки самовольно не строили новых городков. 15 марта 1704 г. и 28 февраля 1706 г. на Дон были посланы специальные грамоты, строго запрещавшие казакам основывать городки без разрешения войскового круга или центральной власти.[1] И действительно, с этих пор на Дону новые городки почти не возникали. Только в грамоте от 14 мая 1705 г. отмечены 2 новых городка (Новый Айдар и Осиновый Ровенек) и грамоте от 6 июня 1707 г. указывалось, что на Деркуле, где в 1703 г. был один городок, калмыки «в трех городках конского табуну 800 лошадей взяли».[2]

Таким образом, к началу XVIII в. на Дону и его притоках существовало около 125 казачьих городков, а если учитывать, что Черкасск состоял из 11 городков, то в общей сложности их было 135.

[1] Акты Лишина, т. I, № 149, стр. 231; В. Н. Ветчинкин. Очерк поземельного владения на Дону в связи с развитием межевания. ТОВДСК, вып. II, отд. I, стр. 27.
[2] Акты Лишина, т. I, № 159, стр. 247.

После подавления Булавинского восстания, в связи с изъятием у войска Донского огромной территории, число казачьих городков на Дону сократилось. В соответствии с указом Петра I В. В. Долгорукому от 28 июня 1708 г. были уничтожены по Донцу все городки выше Лугани, на Дону — Донецкий городок (в 1711 г. его «юрт» был передан Предтечеву монастырю), по Хопру — Пристанской, Беляевский и Григорьевский городки.[1]

Оставшиеся казачьи городки были перечислены в крестоприводной книге 1718 г.[2] Но уже на следующий год в соответствии с правительственным указом по распоряжению Войска было уничтожено девять городков, которые в это время именовались уже станицами. Шесть из них — Дарьинская, Милютинская, Высоцкая, Кардаильская, Острогожская, Казаринская — были расположены на Бузулуке, выше Филоновской станицы; три остальные—Новоказаринская, Одининская и Касаркинская — по Хопру.[3]

С этого времени в количестве городков войска Донского изменений не происходило, что видно из списков, составленных А. И. Ригельманом в 1768 г.,[4] И. А. Гильденштедтом в 1769 г.,[5] из «Описи» донских селений, произведенной в 1776 г.[6] и, наконец, из двух ведомостей «О количестве приходских дворов и числе жителей мужского и женского пола как православных, так и раскольников в поселениях Черкасского и Хоперского заказов» за 1801 г.[7]

Таким образом, уже к началу XVIII в. сложился костяк станиц, расположенных на всей основной территории Донской земли. Благодаря этому образовались небольшие, но прочные опорные пункты, облегчавшие казакам борьбу с набегами кочевников.

Так своеобразно проходила колонизация Дона на первом этапе.

Второй период освоения Дона начался с того момента, когда возникли условия для массового заселения края. Этот этап тесно связан с развитием на Дону сельского хозяйства и возникновением хуторов.

До конца XVII в. под угрозой непрерывных набегов казаки вынуждены были ютиться в небольших городках. Хотя городки к этому времени располагались почти на всем пространстве Донской земли, но в каждом из них проживало небольшое число казаков, эксплуатировавших лишь незначительные земельные площади.

Постоянная угроза нападения кочевников не позволяла казакам селиться далеко за пределами городков, и они вынуждены были ограничивать свою хозяйственную деятельность рыболовством, охотой, бортничеством. Заниматься же скотоводством и земледелием было почти невозможно. Когда же опасность разорительных набегов значительно уменьшилась, казаки получили возможность заниматься более свободно земледелием и скотоводством. А так как с 70-х годов XVII в. начало быстро увеличиваться население на Дону и прежние источники существования казачества—охота, рыболовство, военная добыча и т. п. были уже недостаточны, то казаки начали активно заниматься сельским хозяйством. На первых порах свободной земли было много и в непосредственной близости от станиц. Поэтому казаки могли заниматься земледелием и скотоводством, проживая в станицах. Постепенно земледелие и ското-

---

[1] Сб. «Булавинское восстание», № 98, стр. 281—282; ЖМВД, 1840, т. 36, отд. «смесь», стр. 12—14; ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1720, № 18; Акты Лишина, т. II, ч. I, № 15—17; Е. П. Подъяпольская. Новые материалы о восстании на Дону и в Центральной России в 1707—1709 гг.; «Материалы по истории СССР», т. V. М., 1957, стр. 537.

[2] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДК, № 124, лл. 1—214.

[3] Там же, ДД, 1720, № 2.

[4] А. И. Ригельман. История о донских казаках, стр. 113—117.

[5] J. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland, s. 103.

[6] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 187, 1776, д. 9, лл. 2—13 об.

[7] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 381, лл. 1—6.

водство стали основными отраслями хозяйства на Дону. К тому же старшины и богатые казаки начали захватывать лучшие земли в свои руки. В связи с этим стал ощущаться недостаток земли вблизи от станицы, казаки начали уходить из городков и поселяться на степных просторах.

Источники неоднократно свидетельствуют, что главной причиной выхода казаков на поселение за пределы станиц и устройства хуторов явилась нехватка земли для занятия скотоводством и земледелием вблизи от станиц. Так, в переписи 1764 г. отмечается, что все хутора Акишевской станицы «построены... для прокормления в зимнее время скота»;[1] с той же целью были основаны хутора многими казаками Усть-Бузулуцкой, Арженовской, Зотовской, Федосеевской станиц;[2] казаки Митякинской станицы выстроили свои хутора «за неимением близ станицы пахотных земель»,[3] а казаки Усть-Белокалитвенской станицы — тоже «за неимением близ станицы пахотных земель и прочих удобностей».[4]

Наиболее ранней формой поселений за пределами городка являлись зимовники. Это были временные пристанища, устраиваемые специально для укрытия скота зимой от вьюг и метелей. Обычно их размещали у водопоя и там, где имелся подножный корм или было сложено заранее подготовленное сено. Главным строением зимовника являлся загон для скота, отгороженный со всех сторон высокою стеною из камыша. Тут же в загоне или рядом с ним ночевали люди, устраивая для себя примитивные шалаши или землянки. Обычно зимой казаки держали скот в загонах, но если погода позволяла, его выводили на подножный корм. Зимовники по своему устройству были настолько примитивными, что если непогода заставала скот вдали от старого зимовника, то на новом месте быстро устраивали другой.

Постепенно зимовники обстраивались; становилось уже невыгодным бросать их без серьезных оснований для этого, тем более, что многие из них устраивались у степных речек, в балках, у водопоев и в других удобных местах. Поэтому казаки весной и летом часто приходили сюда для поселения на время распашки земли и уборки хлеба, затем тут же устраивали ток и складывали солому для скота, который на зиму снова приводили в зимовник.

Так постепенно зимовники превращались в места, где сосредоточивалась основная хозяйственная деятельность казаков. Зимовники превращались в хутора, когда казаки перебирались в них на постоянное жительство.

Первоначально хутор представлял собой место постоянного поселения одного казака с семьей вне пределов городка или станицы. Только на первых порах казаки проживали в хуторе с ранней весны до поздней осени, возвращаясь на зиму в свою станицу. С течением времени они так прочно обосновывались в хуторах, что жили в них и зиму. Так как это приводило к отрыву казаков от станицы и, в частности, к значительно менее исправному выполнению казаками повинностей, войсковые власти требовали возвращения казаков на постоянное жительство в станицы. В тех же случаях, когда Войсковой канцелярии не хватало сил бороться с переселением казаков в хутора, она обращалась в правительство и находила у него поддержку. Так, в царской грамоте от 21 января 1718 г. строго предписывалось, «у которых ваших казаков есть пчельники по буеракам, а по рекам хутора — разорять».[5]

«Хуторские обзаведения», как именовали их казаки, в XVIII в. были приспособлены для постоянных занятий земледелием и для оседлого скотоводства. В связи с этим, помимо базов (загонов) для скота, устраивае-

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 1205 об.
[2] Там же, лл. 1206—1212 и др.
[3] Там же, л. 1053.
[4] Там же, л. 1081.
[5] ДОВ, 1902, № 43.

мых и в зимовниках, в хуторах появились помещения для хранения запасов зерна, сена, соломы, загоны для рабочего скота, места хранения сельскохозяйственного инвентаря, колодцы, будки и пр. Все «хуторское обзаведение» обносилось забором. Теперь уже и самих казаков не устраивали временные жилища в виде легкого шалаша или примитивной землянки, состоявшей из круглой ямы, покрытой жердями, поставленными вокруг нее и связанными сверху в пучок, с кровлею из камыша или сена, и они стали сооружать более прочные удобные помещения, приспособленные для жилья в течение круглого года. Правда, Войсковая канцелярия долго препятствовала этому. Еще 19 февраля 1745 г. по хуторам были посланы нарочные старшины с поручением, «у кого деревянное домовное строение в противность прежних наших грамот найдется—сжечь». Но требования жизни оказались сильнее распоряжений войсковых властей, и в конце концов грамотой от 23 декабря 1753 г. Войсковая канцелярия разрешила «во всех степных и других отдаленных от станиц местах, где заготовляется на зиму сено, строить для убежища хозяев в зимнее время теплые землянки, а для скота и лошадей из жердей заметы и сенные лопасы». [1]

Так постепенно обстраивались казачьи хутора.

Уничтожение или даже перенесение казачьих хуторов на новое место (в отличие от зимовников) было делом значительно более трудным, связанным с несравненно большими затратами. При этом, разумеется, не следует преувеличивать сложность и дороговизну хуторских построек, которые и во второй половине XVIII в. оставались примитивными. Проезжавший мимо нескольких казачьих хуторов в 1769 г. академик И. Лепехин отметил, что «все [это] место необитаемо... ибо хуторы (с его точки зрения. — **А. П.**) и за жило почитать не должно». [2]

Экономические преимущества хуторских поселений выявились очень быстро. Но, помимо этого, в хуторах было значительно легче, чем в станицах, прятать беглых и использовать их в своих хозяйствах. Это было одной из главных причин того, что войсковые власти запрещали казакам строить хутора и принимать «пришлых людей». Так, уже в 1706 г. был разослан по всем донским станицам войсковой приказ, «чтоб ни в котором городке новопришлых русских людей отнюдь бы жить не принимали и в батраках на пчельниках, и на мельницах, и в иных местах отнюдь бы никто не держали». [3]

Войсковой грамотой от 22 декабря 1726 г. устанавливалось, чтоб «новопришлых с Руси людей как в станицах, так и по хуторам отнюдь не держали под страхом смертной казни», «а ежели где по хуторам и землянухам... явятся, таковых выслать в прежние жилища». В одном из войсковых приказов 1727 г. запрещалось селить беглых «в домах, хуторах, к неводам, вентерим и прочим рыболовным снастям». Войсковым определением 1728 г. снова указывалось: «А у кого в доме или в хуторе жительство иметь будут (беглые. — **А. П.**), оные хозяева повешены будут без всякого милосердия». [4]

Накануне ревизии 1743 г. войско Донское сообщало правительству, что у живших в хуторах старшин и казаков в 1742 г. «о недержании впредь беглых из российских городов людей под смертною казнию от каждого дому нарочно посланными подписки взяты, и все казачьи хутора, в которых тем беглым не без пристанища было, искоренили». [5] Но вскоре, вероятно, снова выявились хутора, в которых прятались беглые.

---

[1] И. Сулин. Исторические данные, относящиеся к колонизации земли Донского войска казачьими и крестьянскими хуторами. ДОВ, 1902, № 145.

[2] И. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб, 1771, стр. 431.

[3] ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, ДК, № 31, 1706.

[4] ДОВ, 1853, № 17, пп. 17 и 20; ДОВ, 1902, № 143; СОВДСК, вып. XI, стр. 64.

[5] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 58, л. 326.

Поэтому грамотой от 25 мая 1743 г. Войсковая канцелярия предписала обнаруженное при осмотре казачьих хуторов «домовное строение» сжечь в отвращение пристанодержательства».[1] Войсковая администрация неоднократно издавала подобные распоряжения. Однако, вопреки этим распоряжениям, казаки уходили на хутора. Одиночные хутора разрастались и выделяли новых выходцев, которые шли в глубь степей и создавали новые одиночные хутора.

Из дошедших до нас источников видно, что первые хутора на Дону возникли в 80-х годах XVII в. В поверочной переписи 1764 г. отмечен хутор, принадлежавший казаку Зимовейской станицы Пимену Казинцеву. Он был расположен в станичном юрте, в трех верстах от станицы, в урочище Харасейники.[2] Допрошенный при переписи владелец показал: «Вышеописанный хутор построил отец мой Иван Казинцев в прошлом 1684 году».[3] Как явствует из той же переписи, другому казаку Зимовейской станицы, Емельяну Петрову, также принадлежал хутор, расположенный в станичном юрте по речке Аксайцу в 3 верстах от станицы. Владелец хутора казак Емельян Петров сказал: «Вышеписанный хутор мой построен отцом моим Петром Ефремовым в прошлом 1864 году».[4]

Примерно в то же время были основаны два хутора на р. Керчике, принадлежавшие в 60-х годах XVIII в. старшине М. Поздееву. Как отмечено в переписи 1764 г., один из них был построен дедом М. Поздеева старшиною Васильем Поздеевым «назад тому лет с восемьдесят»,[5] а другой «во время последнего взятия Азова», т. е. в 1696 г., «с позволения станицы за вывезенную из старого городка на новое поселение станицы церковь».[6]

С этого времени казаки устраивали хутора постоянно. По данным переписи 1764 г., было основано четыре хутора на р. Деркуле, которые «поселены до поселения бывших по Деркулу станиц».[7] Но городки по Деркулу были основаны не позже чем в начале XVIII в.[8] Поэтому возникновение четырех указанных хуторов можно отнести к 90-м годам XVII—началу XVIII в. К этому же времени относится построение некоторых других хуторов. В грамоте от 30 августа 1702 г. отмечено, что «у казаков... были хутора по рекам и буераках» [9] и т. д.

На первых порах на Дону представляла ценность только та земля, которая находилась вблизи станиц. Поэтому для устройства хуторов не требовалось чьего-либо разрешения. Как видно из материалов переписи 1764 г., все хутора в 80—90-х годах XVII в. казаки строили, «не имея от войска Донского повеления, сами собой».[10] В дальнейшем также отмечалось много случаев самовольных построений хуторов. Но если Войско первое время с этим мирилось, то с начала XVIII в. самовольное построение хуторов считалось уже правонарушением. Это объясняется тем, что с начала массового переселения на хутора у казаков появилась возможность уклоняться от выполнения повинностей и скрывать в хуторах беглых, используя их на своих работах. В связи с этим правительство пыталось воспрепятствовать устройству хуторов. Но экономическая заинтересованность в хуторской системе хозяйства у казаков была очень сильной, а когда старшины начали устраивать в своих хуторах крупные хозяйства, то войсковые власти оказались не в силах помешать устрой-

[1] ДОВ, 1902, № 145.
[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 633.
[3] Там же, л. 634.
[4] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 634 об.
[5] Там же, лл. 149—150.
[6] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1041, лл. 27—28.
[7] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 1053.
[8] Сб. «Булавинское восстание», № 10, стр. 120; № 16, стр. 134.
[9] ДОВ, 1902, № 143.
[10] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 633, 634 и др.

ству казачьих и старшинских хуторов и вынуждены были уступить. Последняя из дошедших до нас грамот, в которой предписывалось хутора «сжечь... без остатку и впредь оные хутора строить... не велеть», была издана Войском 19 февраля 1745 г.[1] А уже через два года, в 1747 г., оно само разрешило казакам Крюкову и Пуляеву построить на реке Арчаде хутора и при них мельницу.[2] С этого времени Войско непрерывно давало разрешения на построение хуторов, требуя от казаков только подавать прошения с указанием местоположения хутора и размеров земельного участка, который они хотят занять. Правда, такие разрешения обусловливались рядом требований: строго запрещалось принимать на хутора беглых; как правило, хутора давались не для земледелия, а «для прокормления в зимнее время скота» и т. п. Но казаки не обращали внимания на ограничения (тем более, что впоследствии их нетрудно было обойти), а добивались разрешения и селились на хуторах.

Как быстро росло число хуторов на Дону, можно видеть из таблицы 4, составленной нами по данным переписи 1764 г.

Таблица 4

Количество хуторов, основанных до 1764 года

Название станицы	Число хуторов	Источник ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105
Цымлянская	7	лл. 578—586
Зимовейская	7	» 633—641
Усть-Хоперская	8	» 993—995
Добрянская	8	л. 1199
Акишевская	11	лл. 1203—1204
Букановская	12	» 1212—1213
Правоторовская	14	» 1201—1202
Есауловская	17	» 642об—649
Федосеевская	26	» 1208—1209 об
Слащевская	29	» 1210—1211
Пятиизбянская	42	» 735— 771
Нижне-Чирская	46	» 676— 705
Верхне-Чирская	46	» 706— 725
Михайловская	49	» 1198—1199

В 1764 г. на Дону насчитывалось 792 хутора, в том числе от Большого Лога вверх по Аксаю, в Грушевских, Кривянском, Заплавских и Керченских хуторах было 74 хутора, в Чалтыре — 7, у старшин и казаков донских станиц — 241, донецких — 90, хоперских — 225, медведицких и бузулукских — 155 хуторов.[3]

Следует учитывать неполноту приведенных данных. В действительности число хуторов было значительно большим. Очень часто в переписи указывалось имя владельца одного из хуторов, расположенных в том или ином районе, а казаки, жившие в том же хуторе, сколько бы их ни было, скрыты для нас под именем «товарищи».[4] К тому же нужно иметь в виду, что в переписи 1764 г. упоминаются только те владельцы хуторов, у которых были приписные крестьяне. Между тем, было немало хуторов,

[1] ДОВ, 1902, № 143. Впрочем, еще ранее войсковые власти вынуждены были считаться с фактом существования хуторов на Дону. Это видно, например, из приказа войскового атамана от августа 1736 г. о принятии мер предосторожности в связи с появлением татар на южных границах России, где говорится, что соответствующие грамоты «посланы от нас по донецким и донским городкам и на низ по рыболовным станам и по хуторам и в прочие ведения нашего жилища... чего ради и вам (Середней станицы атаману и казакам. — А. П.) сей наш приказ посылается» (ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 809, л. 1).

[2] ДОВ, 1902, № 145.

[3] Подсчеты произведены нами по материалам переписи.

[4] Так, в переписи по Хопру часто встречаются такие записи: хутора «Осипа Юдина... Федоса Мельникова... с товарищи» и т. п. (ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 1261—1276 и др.).

за владельцами которых приписные крестьяне не числились. К сожалению, никакого учета таких хуторов не велось.

До тех пор, пока незанятой земли было еще много, казаки устраивали свои хутора вблизи от станицы, как правило, в пределах станичного юрта. Постепенно свободных и удобных для скотоводства и земледелия земель становилось все меньше и меньше, и казаки основывали хутора далеко от станицы, часто за пределами своего станичного юрта.

К моменту переписи 1764 г. казаки Пятиизбянской станицы владели 42 хуторами, из которых 20 было удалено от станицы на расстояние до 10 верст, 10 — до 40, 11 — до 70 верст, а хутор священника М. Федорова находился на р. Куртлаке, в войсковом юрте, на расстоянии 90 верст от станицы.[1] Из 46 хуторов Верхне-Чирской станицы 5 находились на расстоянии до 10, 31—до 40 верст от станицы, 4—в 70 верстах и хутор казака Алексея Попова, расположенный по р. Чир в войсковом юрте, был удален от станицы на 100 верст.[2] В Нижне-Чирской станице тоже было 46 хуторов. Из них 4 находились на расстоянии до 10 верст, 31—до 40, 9—до 70 верст от станицы, в том числе 3 хутора, расположенные на р. Чир, в войсковом юрте: казака Максима Карагичева — в 60 верстах, казака Петра Арженовского — в 70 верстах и казака Фрола Рябухина — в 100 верстах от станицы.[3]

С развитием на Дону земледелия и скотоводства, по мере хозяйственного освоения Донского края и главным образом по мере захвата лучших земель старшинами и богатыми казаками рядовые казаки вынуждены были основывать свои хутора на все более далеком расстоянии от станицы.

С тех пор как на Дону начали развиваться скотоводство и земледелие и получили широкое распространение хутора, колонизация Донской земли стала более систематической. Новые поселенцы, приходя главным образом из ближайших районов, не стремились продвинуться далеко в глубь донских степей. Оказавшись в пределах казачьих владений и избавившись от помещичьей и государственной власти, они стремились сразу же осесть и обзавестись хозяйством. Вот почему так быстро произошло заселение среднего течения Дона и его притоков — Хопра, Бузулука, Медведицы и Иловли. В челобитной тамбовских помещиков 1685 г. было отмечено, что в казачьих городках, расположенных в этом районе, еще «в недавнех летех было человек по 20 и 15 и в тех городах ныне человек по 200 и по 300 и женского полу много»,[4] а в челобитной 1689 г. дворяне московские, рязанские, шацкие и ряжские жаловались, что их крестьяне бегают «на Дон и на Хопер и на Медведицу беспрестанно».[5]

Таким образом, в короткий срок уже к концу XVIII в. великорусские крестьяне колонизовали большое пространство земель, расположенных по среднему течению Дона и по его левым притокам.

Почти одновременно шло заселение примыкающих к Слободской Украине мест по Северскому Донцу, Бахмуту, Деркулу, Айдару и обеим Калитвам. Однако народная казацкая колонизация столкнулась здесь с пользовавшейся поддержкой правительства колонизацией Слободских полков. Разгоревшийся из-за бахмутских солеварен спор послужил поводом к Булавинскому восстанию, после подавления которого у донского казачества была отнята огромная территория по левым притокам Северского Донца, а население, за очень короткий срок осевшее в этом районе, было выслано на старые места жительства. Это означало, что попытка хозяйственного освоения казаками в конце XVII в. верхних донецких

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 735—771.
[2] Там же, лл. 706—725.
[3] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 676—705.
[4] ДАИ, т. XII, № 17, стр. 124.
[5] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1689, № 27, лл. 150—162; С. М. Соловьев. История России, кн. III, т. XIV, стб. 1218—1219.

земель не увенчалась успехом. Заселение бассейна Донца от станицы Луганской вниз по течению происходило уже позже.

После освоения казаками среднего течения Дона и его левых притоков началось более интенсивное выселение казаков на хутора из нижнедонских станиц (от Волго-Донской переволоки на юг). Ход колонизации этого района наглядно отражен в таблице, составленной по материалам переписи 1763 г. (табл. 5).

Таблица 5

Выселение казаков на хутора из нижнедонских станиц

Станицы	Число хуторов	Общее число приписных	Время основания хуторов				Расстояние от станицы (в верстах)				
			до 1740 г.	1741—1750 гг.	1751—1763 гг.	неизвестно	до 10	11—40	41—70	более 70	данных нет
Пятиизбянская	42	149	1	12	28	1	20	10	11	1	—
Верхне-Чирская	46	69	2	24	20	—	5	31	4	1	5
Нижне-Чирская	46	106	3	23	18	2	4	31	9	1	1
Кобылянская	5	4	—	—	5	—	—	—	—	—	—
Есауловская	17	49	2	10	5	—	10	5	1	—	1
Зимовейская	7	14	2	3	2	—	7	—	—	—	—
Верхне-Курмоярская	1	2	—	1	—	—	—	1	—	—	—
Нагавская	1	8	1	2	1	—	—	3	—	—	—
Нижне-Курмоярская	1	11	—	1	—	—	—	1	—	—	—
Гугнинская	2	8	1	1	—	—	—	2	—	—	—
Филипповская	2	4	—	1	1	—	—	2	—	—	—
Терновская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Цимлянская	7	32	4	—	3	—	2	5	—	—	—
Кумшацкая	1	10	—	1	—	—	—	—	1	—	—
Романовская	1	1	—	—	1	—	1	—	—	—	—
Верхне-Каргальская	1	3	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Камышовская	2	4	—	1	1	—	—	2	—	—	—
Быстрянская	2	3	—	—	2	—	—	1	1	—	—
Нижне-Каргальская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Верхне-Михалёвская	7	59	1	4	2	—	—	4	—	—	3
Нижне-Михалёвская	2	3	—	2	—	—	1	1	—	—	—
Траилинская	2	6	—	—	2	—	—	—	—	—	2
Кагальницкая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ведерниковская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бабская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Золотовская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кочетовская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Семикаракорская	1*	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Раздорская	1	15	—	1	—	—	—	—	—	—	1
Мелеховская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бессергеневская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Богаевская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Маноцкая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	200	—	17	87	92	4	50	99	27	3	15

* Одна мельница войскового атамана Д. Ефремова.

Продолжительное время хозяйственное освоение этого района тормозилось непрерывными набегами кубанских татар и других кочевников, опиравшихся на поддержку турок. Но после окончательного построения Царицынской линии и возвращения в 1736 г. России Азова опасность набегов значительно уменьшилась и заселение пошло значительно быстрее. Из 200 хуторов, возникших в этом районе, было основано до 1740 г. лишь 17 (см. табл. 5). Наибольшее количество их было построено в период с 1741 по 1763 г., причем с 1741 по 1750 г. возникло 87 хуторов, а с 1751 по 1763 г. — 92.[1]

[1] Время основания четырех хуторов в переписи не указано.

Хотя с 40-х годов XVIII в. заселение этого района усилилось, оно по-прежнему тормозилось набегами со стороны ногайцев, татар и прочих кочевников. Поэтому не случайно число казаков, вышедших на хутора из станиц, находившихся в районе переволоки, значительно превышало число казаков, уходивших на хутора из станиц, расположенных южнее. Так, казаками сравнительно хорошо защищенных к этому времени от набегов кочевников станиц Пятизибянской, Верхне-Чирской и Нижне-Чирской было основано по 40 и более хуторов. В находившейся южнее станице Есауловской на хутора вышло 17 казаков. В станицах, расположенных в районе от Зимовейской до Верхне-Михалевской, вышло на хутора от семи до двух казачьих семей. А в самых южных станицах хутора строили лишь единицы.

Если в станицах Пятизибянской, Верхней и Нижней Чирской казаки строили свои хутора в 30—40 верстах от станицы и даже значительно дальше, то казаки, жившие южнее, основывали хутора по возможности ближе к своим станицам с тем, чтобы в случае опасности найти в них защиту.

Почти одновременно с заселением Нижнего Дона началось снова освоение бассейна Северского Донца. С 30-х до начала 60-х годов на Донце казаками Луганской станицы было построено 6 хуторов;[1] Каменской — 8.[2] За этот же период на речке Быстрой было построено 16 хуторов,[3] на Березовской — 7,[4] на Нагольной — 3,[5] на Калитве — 8[6], на Большой — 7,[7] Тихой — 10,[8] Деркуле — 8[9] хуторов и т. д.

Заселение и хозяйственное освоение самой южной окраины земли донских казаков происходило во второй половине XVIII в. и шло по двум направлениям: во-первых, вниз по течению Дона, к Азовскому морю, и далее, к юго-западу, туда, где впоследствии образовался Миусский округ; во-вторых, к югу от Дона и к востоку от Азовского моря, в Задонье.

В обоих направлениях расстилались обширные степные земельные пространства, привлекавшие переселенцев плодородием почвы и мягкостью климата. Однако долгое время селиться здесь было опасно вследствие постоянной угрозы со стороны многочисленных отрядов крымских ханов и татарских мурз.

В результате успешной внешней политики России на юге во второй половине XVIII в. число набегов стало резко уменьшаться, а вместе с тем создавались благоприятные условия для колонизации и хозяйственного освоения этого богатого края.

Особенно интенсивно шло заселение южного и юго-западного районов Донской земли. Оно началось сразу же после урегулирования вопроса о спорных землях между Запорожским и Донским войском в 1746 г., когда все юго-западные земли до Кальмиуса были закреплены за войском Донским.[10]

К этому времени произошли значительные социальные перемены на Дону. Старшины, превращавшиеся в крупных землевладельцев, устремлялись в незанятые еще казаками просторы плодородных земель по течению Миуса, Грузской, Еланчика, Крынки. Не меньшую энергию проявляли они при захвате мест, особенно удобных для рыболовства в нижнем течении Дона и других рек, впадающих в Азовское море, а также и

---

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 1034—1048.
[2] Там же, лл. 1050—1072.
[3] Там же, лл. 1096—1117.
[4] Там же, лл. 1118—1127.
[5] Там же, лл. 1127 об.—1129 об.
[6] Там же, лл. 1134—1151.
[7] Там же, лл. 1155—1162.
[8] Там же, лл. 1167—1173.
[9] Там же, лл. 1181—1191.
[10] См. ч. I, гл. I, стр. 28 настоящей работы.

на морских косах, где устраивали крупные рыболовные станы и рыбоспетные заводы.

В 1748 г. старшина Григорий Мартынов просил у Войсковой канцелярии разрешения «о сделании на среднем Еланчике для рыболовов землянок».[1] В следующем году старшина Краснощеков добивался разрешения построить при устье Миуса зимний временный двор и сарай.[2] Просьбы подобного рода не были единичными. Старшины стремились обосноваться здесь для занятий сельским хозяйством. Об этом свидетельствует приказ войскового атамана от 1 апреля 1747 г., которым предписывалось казакам в этом районе поселений не устраивать. Но если, вопреки приказу, кто «пожелает для пахоты или смотрения хуторов тамо остатца, те б имели для лутшей осторожности при себе на арканах надежных лошадей и ко обороне ружья.[3]

О быстром заселении Донского понизовья можно судить по данным переписи 1763—1764 гг. Еще в конце 40-х годов XVIII в. этот район был почти пустынным. «Сколько можно было доискаться в местных архивах, — писал известный знаток ранней истории города Ростова-на-Дону А. А. Скальковский, — до 1747—1749 гг. вся местность, занимаемая городом Ростовом, крепостью Св. Димитрия и Нахичеванью, да и все Донское понизовье были совершенно пусты, и хотя издревле, по грамотам или преданиям, донские казаки... считали их своими дачами, но в самом деле до половины XVIII столетия казачество далее Старо-Черкасска усадьбами своими не доходило».[4] Не прошло после этого 15 лет, как в Донском понизовье появились хутора старшин и богатых казаков, а также принадлежавшие им же рыболовные станы и рыбоспетные заводы (табл. 6 и 7).

В дальнейшем заселение Донского понизовья шло не менее интенсивно. Так, переписью 1782 г. было зарегистрировано в станах и хуторах по речкам Аксаю и Тузлову (Заплавском, Кривянском, Грушевском и других) — 1138 приписных крестьян мужского пола и 482 женского пола. По сравнению с 1764 г. число приписных в этом районе увеличилось более чем в 3 раза.

Заселение Миусского бассейна, хотя и началось сразу после указа 1746 г. о размежевании донских земель с запорожскими, долгое время шло крайне медленно. Эти плодородные земли площадью более 1 млн десятин долго не заселялись ввиду угрозы нападения со стороны крымских татар и турок. После окончания русско-турецкой войны 1768—1774 гг. эта опасность значительно уменьшилась, а вслед за присоединением к России Крыма и успешным окончанием русско-турецкой войны 1787—1791 гг. почти совсем была ликвидирована. С последней четверти XVIII в. началось особенно быстрое освоение этого района.

Если до 1775 г. в бассейне Миуса существовало всего 4 хутора, то с 1776 по 1780 г. было основано 24 хутора, с 1781 по 1785 — 6, 1786 по 1790 — 21, с 1791 по 1795 — 19 и с 1796 по 1800 г.— 22 хутора. Кроме того, в разные годы этого же периода возникло еще 11 хуторов (точная дата основания их неизвестна). Таким образом, за короткий срок было построено 103 хутора.[5]

Хутора, которые основывались старшинами, резко отличались от казачьих. Как правило, они были населены большим числом приписных крестьян. По данным переписи 1782 г., по речкам Миусу, Нагольной и Крынке в хуторах полковника Амвросия Луковкина числилось 198 при-

[1] И. Сулин. Материалы СОВДСК, вып. V, стр. 82.
[2] Там же.
[3] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 517, лл. 1—1 об.
[4] А. А. Скальковский. Ростов-на-Дону и торговля Азовского бассейна, стр. 1—2.
[5] Сводные данные составлены на основании работы И. Сулина. Материалы к истории заселения Миусского (ныне Таганрогского) округа. СОВДСК, вып. V—VII.

Таблица 6

Число хуторов на территории от Черкасска до Азова (по данным переписи 1764 г.)

Населенные пункты	Число хуторов	Число приписных
Большой Лог	10	23
Западная Балка	4	54
Грушевские хутора	25	93
Кривянские хутора	19	93
Заплавские хутора	13	152
Керенка	3	24
Чалтырь	7	47
Всего	81	486

Таблица 7

Количество рыболовных станов и рыбоспетных заводов в Приазовье (по данным переписи 1764 г.)

Наименование района	Число рыболовных станов	Число рыбоспетных заводов	Время построения				Число приписных
			до 1749 г.	1750–1755 гг.	1755–1763 гг.	неизвестно	
Донецкий Чулек	4	1	—	—	5	—	57
Морской Чулек	1	1	—	—	2	—	37
Самбецкая коса	15	3	—	—	18	—	361
Петрушина »	13	6	—	9	10	—	395
Золотая »	5	2	1	3	3	—	132
Беглицкая »	1	2	—	1	2	—	82
Кривая »	22	15	—	4	33	—	624
Безымянная »	1	1	—	—	2	—	24
Широкая »	2	1	—	—	3	—	—
Всего	64	32	1	17	78	—	1712

писных мужского и 131 женского пола, в хуторах премьер-майора Ивана Исаева — 355 мужского и 250 женского пола, старшины Степана Леонова — 285 мужского и 151 женского пола, старшины Ивана Васильева — 327 мужского и 232 женского пола, войскового атамана Алексея Иловайского — 427 мужского и 282 женского пола, депутата Ивана Янова — 179 мужского и 126 женского пола, полковника Дмитрия Мартынова — 536 приписных мужского и 362 женского пола.[1] Многие из таких хуторов постепенно превращались в крестьянские слободы. К 1801 г. на Дону насчитывалось уже 40 поселений, получивших официальное наименование слобод. В них насчитывалось по нескольку сот дворов, в которых жили главным образом крестьяне (табл. 8).

Колонизация Задонья, так же как и Миусского бассейна, стала возможна только с последней четверти XVIII в. Правда, уже в середине XVIII в. казаки среднедонских станиц выкашивали богатейшие задонские луга, но производилось это путем внезапного и короткого набега с оружием в руках и с соблюдением воинских предосторожностей.[2]

Между тем хозяйственное освоение правобережья Дона шло на-

[1] ЦГАДА, дела 1-го департамента Сената, кн. 4267, д. 7, л. 825 об.
[2] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 531, л. 1; Е. Кательников. Указ соч., стр. 26 и др.

Таблица 8

Число жителей в донских слободах в 1801 г.*

Название слободы	Число дворов	Число жителей	
		мужского пола	женского пола
Сеянвка	261	562	497
Недвиговка	214	460	517
Орловка-Сальская	193	545	514
Машлыкина	565	1974	1699
Усть-Меловая	393	1710	1548
Янова Николаевка	140	453	473
Дегтева	197	923	868
Макеевка	340	1605	1455
Криворогская	354	1668	1525
Нижне-Ольховская	169	970	870
Степановка	336	1152	1036
Большинская	394	1770	1465
Скосырская, Средне-Обливская	236	839	741
Березовая-Манкова	174	711	627
Терновая	164	643	558
Чистяковка	196	618	536
Мартыновка (Сальская)	334	1026	899
Карповка	183	398	366
Исаевка	307	1302	1294
Новопавловка	360	1565	1423
Дмитриевка	210	1048	905
Алексеевка	227	995	846
Мартыновка	490	1915	1520
Луковкина	509	1710	1474
Нагольная (Луковкина)	213	716	605
Картушина	166	897	780
Ребрикова	62	261	274
Зуевка	389	1201	1128
Ольховая-Орловка	233	731	591
Крепкая	479	1477	1301
Грабовая	314	930	793
Екатериновка	230	920	793
Артемовка (Яновая)	140	475	469
Мачиха	592	2067	1846
Завязка	207	640	589
Солонки	129	505	421
Поздеевка	148	465	441
Ореховая	391	1161	1529
Рыхинка	98	354	301
Даниловка	355	1244	1191

* Все слободы перечислены в «Ведомостях» о числе приходских дворов и числе жителей мужского и женского пола, составленных в 1801 г. (ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 381, лл. 1—6).

столько интенсивно, что там начал резко ощущаться недостаток пригодных для сельского хозяйства земель. В 1776 г. в Войсковую канцелярию поступили прошения от казаков Манойкой, Верхне-Курмоярской, Потемкинской, Кочетовской и Нагавской станиц. Казаки писали, что испытывают «в хлебопашестве крайнюю нужду» и просили Войсковое правительство «дозволить им хлебопашество и скот иметь на Кубанской стороне Дона».[1] Учитывая тяжелое положение, создавшееся в этих станицах, Войсковое правительство дало свое разрешение, «с таким однако подтверждением, чтобы караул против прежнего содержали тамо преумножением».[2]

Почти одновременно старшины и казаки пытались переселиться на левый берег Дона. Один из них, полковник Илья Денисов, в 1773 г. обратился с такой просьбой в правительство и получил разрешение осно-

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 2, лл. 58 об., 500, 617, 631, 648.
[2] Там же, лл. 500 и др.

вать хутор на речке Карповке, «коя впадает в реку Дон с Вольской стороны, противу юрта Пятиизбянской станицы».[1]

Но если центральное правительство уже в начале 70-х годов XVIII в. дало такое разрешение, то Войсковое правительство, знавшее местные условия несравненно лучше, до завершения А. В. Суворовым закубанского похода в подобных просьбах казакам отказывало. В 1779 г., например, жители Терновской станицы просили разрешения у Войсковой канцелярии поселиться за Доном. Однако Войсковое правительство указало: «Скот содержать дозволить, а хутора не строить». Такая же резолюция была наложена на ходатайство Бабской (Константиновской) станицы.[2]

Только после того как окончательно была установлена граница между Россией и Турцией по Кубани и Задонье перестало быть ареной непрерывных и опустошительных набегов ногайских татар и турок, началось заселение Задонья казачьими и главным образом старшинскими хуторами, на которых старшины помещали приписных крестьян.

В 1782 г. на р. Подпольной были основаны хутора Елкины.[3] В 1789 г. существовала уже слобода Орловка-Сальская.[4] В 1790 г. полковому сотнику Старо-Рыковской станицы Ивану Волгину Войсковой канцелярией было разрешено «для скотоводства, хлебопашества и сенокошения занять под хутор место за Доном между почтами Хэмутцовою и Мечетною».[5] В 1792 г. основал хутор на Мертвом Донце секунд-майор Петр Симерников.[6] Особенно интенсивно заселение Задонья происходило в конце 90-х годов XVIII в. В 1796 г. казаком Прибылянской станицы Федором Епифановым на левой стороне Кагальника был основан поселок Иванов (Шамшев).[7] В 1797 г. неподалеку от этого поселка был построен хутор войсковым старшиной Протопоповым.[8] В 1798 г. были устроены хутора на правом берегу Кагальника есаулом Сербиновым и полковником Гордеевым, а у речки Мечетной — войсковым старшиною Андреем Меркуловым.[9] Примерно в те же годы перешли на левую сторону Дона казаки Раздорской станицы, а вслед за тем казаки других станиц, расположенных от Потемкинской вниз по течению Дона.[10]

О быстром заселении Задонья можно судить по тому, что к началу XIX в. в слободе Орловке-Салыской насчитывалось 193 двора с населением более тысячи человек, а в слободе Мартыновке (Сальской) — 334 двора с населением почти в 2 тысячи человек.[11] И все же колонизация Задонья в эти годы по своим темпам и масштабам отставала от заселения других районов Донского края. В основном его заселение и хозяйственное освоение завершились в первые десятилетия XIX в. Однако уже в конце XVIII в. обнаружилось, что обширные степные пространства Задонья оказались мало пригодными для хлебопашества, но очень удобными для коневодства. Быстро оценив это, старшины стремились к захвату задонских земель и устройству конных заводов, получивших в XIX в. очень большую известность.[12]

Вторая волна колонизации Донской земли была, таким образом, несравненно более мощной, чем предыдущая. Колонизация на этом этапе, начавшись в последние десятилетия XVII в., проходила в основном в течение XVIII столетия и сыграла огромную роль в хозяйственном освоении Донской земли.

[1] Акты Лишина, т. III, № 97, стр. 191.
[2] ДОВ, 1902, № 143 и 145.
[3] Там же.
[4] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 381, л. 3; ДОВ, 1902, № 143 и 145.
[5] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 24, л. 203.
[6] СОВДСК, вып. VIII, стр. 197.
[7] Там же, стр. 217.
[8] Там же, стр. 194.
[9] СОВДСК, вып. VIII, стр. 194—195.
[10] ДОВ, 1874, № 17.
[11] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 381, лл. 3—4.
[12] ДОВ, 1902, № 146.

5. ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В XVIII ВЕКЕ

По мере колонизации юга и юго-востока условия хозяйственной деятельности на ранее освоенных донских землях становились все более благоприятными. Вследствие этого число вновь приходившего на Дон населения с каждым десятилетием росло, а после того как границы Российской империи на юге были отодвинуты к побережью Черного и Азовского морей, а на юго-востоке — к Кубани, население стало увеличиваться еще быстрее.

В XVI и XVII вв. казаки неохотно сообщали правительству данные о своей численности, ссылаясь на то, что на Дону «прямого ведома и письма людем не живет», так как «люд у нас не записной, вольный».[1] А те сведения, которые они давали, не отличались большой точностью.

Между тем, во время крестьянской войны под предводительством Степана Разина неожиданно для правительства выяснилось, что на Дону скопилось значительное число беглых, которые своими действиями потрясли основы существовавшего в то время строя. Стремясь предупредить подобного рода нежелательные для себя явления, правительство стало энергичнее требовать сведения о числе жителей на Дону. В 1672 г. у прибывшего в Москву Фрола Минаева в Посольском приказе спрашивали о городках на Дону.[2] В 1676 г. там же о казачьих городках расспрашивали бывшего войскового атамана Корнилия Яковлева.[3] В 1672 и 1682 гг. на Дон посылались специальные люди для приведения казаков к присяге; помимо этой официальной задачи, они должны были тайно составить карту Донской земли, переписать городки и живших в них казаков и указать в переписи места их прежнего жительства.[4]

Еще большую настойчивость в стремлении выяснить численность населения на Дону проявляло правительство в XVIII в. Уже в указе от 11 июня 1703 г. стольникам Пушкину и Колоприпову предписывалось взять от станиц «сказки» о времени их основания, а также о прежнем состоянии, родине и о времени прихода на Дон каждого поселенца. Менее чем через год грамотой от 15 марта 1704 г. правительство потребовало от Войска сообщить «ныне в тех местах (на Дону.— **А. П.**) сколько, где и в которых урочищах какова поселенья русских людей, и черкас и донских казаков».[5] Подобного рода распоряжения давались неоднократно. Помимо того, в 1718 г. составлялся список казаков, присягнувших новому наследнику престола Петру II,[6] а с 1721 г. стали регулярно производить перепись казаков «для сочинения казачьих именных списков и высылки беглых великороссийских людей».[7]

Энергичные меры, принимавшиеся правительством для выяснения численности населения на Дону, имели успех. Правда, сведения, которыми располагало правительство и в конце XVII — начале XVIII в., все еще не отличались особой точностью, но в дальнейшем правительство имело уже более верные данные по интересующему его вопросу.

При всей неопределенности данных о численности населения на Дону в XVII в. можно сказать, что до крестьянской войны под предводительством Степана Разина население не превышало 20 тысяч,[8] а во время крестьянской войны уменьшилось. Находившийся в Москве атаман легской станицы Алексей Еремеев в июне 1671 г. показывал в Посольском приказе, что «ныне де в Войске казаков близко десяти тысяч, а как де будут с Хопра и с Медведицы, и в то де время будет больши и десяти

[1] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1691, № 5, лл. 3—10 и др.
[2] В. Г. Дружинин. Раскол на Дону, Приложение 1.
[3] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1676, № 22, л. 40.
[4] Там же, ДД, 1676, № 5 и 1691, № 5, лл. 3—10.
[5] Акты Лишина, т. I, № 149, стр. 232.
[6] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДК, № 24, лл. 1—214.
[7] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1486, л. 19.
[8] См. Г. Котошихин. Указ. соч., изд. 2, СПб, 1859, стр. 111; С. И. Тхоржевский. Донское войско в первой половине XVII в., стр. 12—13 и др.

тысяч».[1] Если даже предположить, что на Хопре и Медведице было до 5 тысяч, то и в этом случае общее число казаков на Дону едва ли достигало 15 тысяч.

В последние десятилетия XVII в. снова начался быстрый приток населения,[2] благодаря чему уж к началу XVIII в. общая численность населения на Дону значительно выросла. По данным В. И. Лебедева, она составила 26690 человек, а по подсчету Н. С. Чаева и К. М. Бибиковой, несколько позже, в самом начале Булавинского восстания, достигла 28570 человек.[3] Названные исследователи не указывали, включены ли в общее число жителей женщины и дети, однако мы полагаем, что в данном случае учтены все жители городков. Служилых же казаков было меньше, что видно из следующего подсчета. В 1706 г. войско получило приказание выслать 3 тысячи казаков в Польшу и 2 тысячи под Астрахань. Войсковая канцелярия послала во все городки указы, чтобы «изо всякого городка от десятка по три человека конных и оружейных были в готовности». «И тех де,— как указывалось в донесении Войска, — от десятка по три человека послете, будет болши пяти тысяч человек».[4] Из этого следует, что общее число служилых казаков равнялось примерно 17 тысячам.

Во время Булавинского восстания значительное число казаков погибло в боях, многие бежали от преследования карателей за пределы Донской земли, а из тех, кто был захвачен, большинство возвратили прежним владельцам. К тому же после поражения восстания значительная территория была отнята у Войска. Все это привело к резкому сокращению численности населения на Дону.

Первое время после Булавинского восстания население на Дон прибывало очень медленно. Поэтому, несмотря на предпринятые правительством меры, число служилых казаков на Дону увеличилось незначительно. По данным крестоприводной книги 1718 г., число их равнялось 16840.[5] Прием новых людей в ряды казаков также не изменил положения, так как много казаков погибло в непрерывных войнах, которые вело самодержавие в XVIII в. В 1725 г. на Дону насчитывалось 14266 служилых казаков,[6] в 1734 г. 16805,[7] в 1735 г.—15724,[8] в 1763 г.—19218, в 1764 г.—19270 и в 1766 г.—19880 человек.[9] Число служилых казаков резко увеличилось накануне русско-турецкой войны 1768—1774 гг., достигнув, по подсчету А. И. Ригельмана, примерно 33354 человека.[10] Однако во время войны много казаков погибло. В 1773 г. общее число их равнялось 23244.[11] Оно продолжало уменьшаться и в дальнейшем, так что в 1782 г., например, казаков насчитывалось 21990.[12] Ввиду обострения международной

---

[1] «Историческое описание земли войска Донского», примечание 428, стр. 292.

[2] В 1675 г. правительство требовало от Войска выстроить под Азовом городки-крепости и поселить в них 18 тысяч казаков. Отказываясь выполнить это распоряжение, Войско сообщило, что казаков на Дону всего живет «тысяч с шесть» (ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1675, № 112). Однако это известие не заслуживает доверия, так как оно явно тенденциозно, между тем как у правительства, по-видимому, были основания дать распоряжение о поселении 13 тысяч казаков под Азовом (см. «Историческое описание земли войска Донского», примечание 449, стр. 304).

[3] В. И. Лебедев. Булавинское восстание, стр. 26; Н. С. Чаев, К. М. Бибикова. Взаимоотношения Москвы и Дона накануне Булавинского восстания. Сб. «Булавинское восстание», стр. 11.

[4] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1703, № 26.

[5] Там же, ДК, № 24.

[6] И. Кириллов. Цветущее состояние Российского государства, кн. 1. М., 1831, стр. 174.

[7] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 3, л. 219.

[8] Там же, св. 6, лл. 502—503.

[9] Б. В. Лунин. Очерки истории Подонья — Приазовья, кн. II, стр. 16.

[10] ЦГВИА, ф. 13, оп. 110, св. 171, л. 72; А. И. Ригельман. История о донских казаках, стр. 113—117.

[11] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 138, л. 986.

[12] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, св. 108, д. 9, л. 10.

обстановки накануне русско-турецкой войны 1787—1791 гг. правительство приняло меры, направленные на значительное увеличение числа донских казаков. В результате даже после потерь во время этой войны в 1794 г. число их достигло 31875 человек,[1] а за последующие 7 лет выросло почти на 10 тысяч — к 1801 г. казаков насчитывалось уже 40023.[2]

Ни в одном из источников не имеется сведений о числе женщин и детей в казачьих семьях в этот период. С уменьшением опасности нападений со стороны кочевников число женщин и детей росло. Поэтому если во время Булавинского восстания из 28 тысяч казаков, живших в донских станицах, служилых было 17 тысяч, а женщин и детей 11 тысяч, т. е. менее половины, то в дальнейшем число последних превышает число служилых казаков. Конечно, в XVIII в. состав казачьих семейств был меньше, чем состав семейств в остальной России. Поэтому для установления общего числа казачьего населения на Дону по числу мужчин следует цифру служилых казаков увеличить меньше чем в 7,56 раза, как это делал Б. Ц. Урланис для России начала XVIII в.[3] Учитывая, что в число служилых казаков входили мужчины только старше 16 лет, мы полагаем, что для установления численности населения на Дону в этот период надо число служилых казаков увеличить в 5 раз.

Таким образом, если в начале XVIII в. общая численность казачьего населения приближалась к 30 тысячам, то к концу века, непрерывно увеличиваясь, оно достигло 200 тысяч.

Второе место по численности на Дону в XVIII в. занимали крестьяне. Это сословие стало образовываться на Дону с конца XVII в., когда правительство и Войско начали ограничивать доступ в ряды казачьего сословия. Численность крестьян росла так быстро, что только по официальным данным к концу XVIII в. составила 96392 человека обоего пола.[4]

К этому нужно добавить проживавших на земле войска Донского татар и калмыков.

Еще во времена образования казачества на Дону небольшое число татар поступило на службу к русскому правительству. Они поселились в районе Черкасска отдельно в особой Татарской станице и именовались «своими» или «юртовыми» татарами. Войско нуждалось в них при сношениях с крымскими и ногайскими татарами. Мы не располагаем данными о численности «юртовых» татар в XVIII в., но, учитывая, что новые люди к ним не приходили, а естественный прирост компенсировался потерями в войнах, полагаем, что число их в общем оставалось стабильным и незначительно отличалось от зарегистрированного «Статистическим описанием земли донских казаков» 1822 г. (936 человек).[5]

Значительно больше было на Дону калмыков, которые появились здесь в середине XVII в. Проделав большой путь из Джунгарии, они сначала поселились в пустынных сальских и манычских степях, незадолго перед этим оставленных кочевавшими там Большими ногаями и ушедшими за р. Ею. Вскоре калмыки расширили свои кочевья на запад до побережья Азовского моря, дав обязательство оберегать Задонскую сторону от ногайцев, темрюкских татар и туркмен, еще кочевавших в предкавказских равнинах. В 1770 г. к этим калмыкам присоединилась часть Дербетевой орды, кочевавшей ранее на правом и левом берегах Нижней Волги. Все они были причислены к войску Донскому. В это время при Войске насчитывалось почти 10 тысяч калмыков. Когда же в 1800 г. дербетевы калмыки откочевали в астраханские степи, в Войске осталось юртовых калмыков 2262 человека мужского пола.[6]

[1] ДВ, 1867, № 48.
[2] ДОВ, 1913, № 141.
[3] Б. Ц. Урланис. Рост населения в Европе. М., Госполитиздат, 1941, стр. 181 и 184.
[4] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 18, л. 1; ТОВДСК, вып. I, стр. 78—79.
[5] «Статистическое описание земли донских казаков». Новочеркасск, 1891, стр. 96—97.
[6] Н. А. Маслаковец. Статистическое описание кочевья донских калмыков. ТОВДСК, вып. II, стр. 8—17.

Таким образом, численность населения на Дону в конце XVIII в., по нашим подсчетам, была немногим более 300 тысяч. Эта цифра подтверждается рядом источников. В дошедших до нас двух «Ведомостях о количестве приходских дворов и числе жителей мужского и женского пола как православных, так и раскольников» за 1801 г. значится 312945 человек [1] (табл. 9), а по отчету министра внутренних дел за 1803 г. общее число жителей в войске Донском составляло 162174 человека мужского и 156655 человек женского пола, всего — 318829 человек. [2] В то время как во всей России на протяжении XVIII в. численность населения увеличилась на 86%,[3] на Дону она выросла более чем в 10 раз. Такое резкое увеличение происходило, разумеется, не за счет естественного прироста, а вследствие непрерывного притока на Дон новых поселенцев, и в первую очередь крестьян из Великороссии и Украины.

Таблица 9

Численность населения на Дону в 1801 г. (по данным церковно-приходских ведомостей)

Группы населения		В поселениях		Всего
		Черкасского заказа	Хоперского заказа	
Православные:	м. п.	93111	54722	147833
	ж. п.	90125	55163	145288
Раскольники:	м. п.	7097	2643	9740
	ж. п.	7253	2831	10084
Всего.	м. п.	100208	57365	157573
	ж. п.	97378	57994	155372
Итого		197586	115359	312945

Подведем итоги. 1. Быстрое хозяйственное освоение Донской земли началось с 70-х годов XVII в., после того как на юге были освоены земли, непосредственно граничившие с донскими. К этому времени и на Дону возникли для этого благоприятные условия в связи с успехами внешней политики России и созданием сети казачьих городков, игравших роль опорных пунктов в борьбе с разорительными набегами разбойничьих отрядов соседних феодальных государств и кочевых племен.

2. Если в предыдущий период переселялись на Дон из разных районов страны главным образом одиночки, то теперь началось массовое переселение крестьян из ближайших районов с орудиями сельскохозяйственного труда. Именно эта масса крестьянского населения сыграла

[1] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 391, лл. 1—6.

[2] «Всеподданнейший отчет Министра внутренних дел за 1803 г. Журналы Комитета министров. Царствование Александра I», т. 1. СПб, 1868, приложение к журналам за 1803 г., стр. 79. Наши данные о численности населения на Дону совпадают с подсчетом В. К. Яцунского, который полагал, что в начале XIX в. численность мужского населения в области войска Донского равнялась 157,7 тысячи (В. К. Яцунский. Изменения в размещении населения в Европейской России в 1727—1796 гг. «История СССР», 1957, № 1, стр. 201, 203—204). Мнение А. Г. Рашина, основанное, по-видимому, на «Статистическом описании Российской империи» Е. Зябловского (изд. 2, 1815), о том, что в 1811 г. численность населения на Дону равнялась 250 тысячам, нам представляется ошибочным (см. А. Г. Рашин. Население России за 100 лет. М., 1956, стр. 28).

[3] Б. Ц. Урланис. Рост населения в Европе, стр. 196.

решающую роль в освоении юго-восточных степных районов нашей страны.

3. Вначале жители Дона занимались сельским хозяйством, живя в станицах. С развитием животноводства и земледелия они, нуждаясь в земле, уходили из станиц и основывали поселения нового типа. Сначала за пределами городков возникали зимовники—временные пристанища, устраиваемые для укрытия скота от вьюг и метелей. Постепенно зимовники отстраивались и превращались в хутора, где сосредоточивалась основная хозяйственная деятельность казаков.

4. Хутора появились на Дону в 80-х годах XVII в. Сначала войсковые власти препятствовали их устройству, но экономическая заинтересованность в хуторской системе хозяйства у казаков и старшин была настолько сильной, что власти вынуждены были уступить. К 1763 г. на Дону насчитывалось уже около 800 хуторов.

5. С распространением на Дону хуторов, а вслед за тем и крестьянских слобод хозяйственное освоение Донской земли пошло несравненно быстрее, чем в предыдущий период. К концу XVII в. были освоены земли по среднему течению Дона и его левым притокам—Хопру, Бузулуку, Медведице и Иловле. Почти одновременно началась колонизация мест, примыкающих к Слободской Украине, расположенных по притокам Северного Донца: Бахмуту, Деркулу, Айдару и обеим Калитвам. В 30—60-х годах XVIII в. казачьи хутора распространились по Волго-Донской переволоке и вдоль течения Северного Донца. Заселение и хозяйственное освоение Нижнего Дона, а также районов, расположенных к юго-западу (Миусский округ) и к востоку (Задонье), началось во второй половине и завершилось в последней четверти XVIII в.

6. Хозяйственное освоение Донской земли сопровождалось быстрым ростом численности населения, которое за столетие (с конца XVII до конца XVIII в.) увеличилось более чем в 10 раз.

Быстрое заселение и хозяйственное освоение Донской земли привело к резкому изменению всей хозяйственной жизни края.

Глава III

ХАРАКТЕРИСТИКА ВАЖНЕЙШИХ ОТРАСЛЕЙ ХОЗЯЙСТВА

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХОЗЯЙСТВА ДО КОНЦА XVII ВЕКА

Необозримые просторы богатых и плодородных донских степей, где еще не было феодально-крепостнического угнетения, привлекали переселенцев из Великороссии и Украины еще в XVI в. Однако условия их существования на Дону долгое время были крайне тяжелыми. Почти до конца XVII в. казакам приходилось отстаивать право на жизнь в непрерывной борьбе с соседями, в силу чего незначительное по численности население Донского край не имело никакой возможности перейти к оседлой жизни земледельцев и вынуждено было довольствоваться иными источниками существования.

Одним из них являлась военная добыча. При крайне низком уровне развития производительных сил морские и отчасти сухопутные набеги на соседние племена и государства становились своего рода промыслом, обеспечивавшим существование казачества. В песнях того времени казаки изображали себя отважными мореходами, умевшими находить путь в Азовском и Черном морях без компаса, по звездам. И в этом не было большого преувеличения. По Дону казаки могли сравнительно быстро добраться до Азовского моря, а далее их легкие струги шли по морям почти до Царьграда. Набеги на крымские и турецкие поселения являлись главной целью, но если по пути встречались купеческие и военные корабли, казаки нападали и на них.[1] Наряду с морскими часто совершали они и сухопутные поиски. Небольшие казачьи отряды делали набеги на татарские поселения, захватывали там добычу и быстро возвращались домой. Помимо этого, казаки вели непрерывную борьбу с татарскими и турецкими отрядами, проходившими по Дикому полю в поисках добычи или с награбленным добром.[2]

Во время морских и степных походов значительная часть казаков погибала.[3] Но те, которые оставались в живых, возвращались на Дон с огромной добычей: у татар и ногайцев они отбивали целые табуны лошадей и гурты скота; из далеких походов в Крым и Турцию привозили одежду («зипуны»), оружие, драгоценности и пленных («ясырь»).[4]

[1] ДД, кн. I, стб. 780, 814, 830—831; кн. II, стб. 49, 55. «Историческое описание земли войска Донского», стр. 113, 125, 193—195, 245—248 и др.

[2] В. Д. Сухоруков. Общежитие донских казаков в XVII—XVIII вв. Новочеркасск, 1892, стр. 7—113.

[3] ДД, кн. V. РИБ, т. XXXIV, СПб, 1917, стб. 127; «Историческое описание земли войска Донского», примечание 310, стр. 219—220.

[4] ДД, кн. IV, стр. 541—542; кн. V, стр. 46—53, 255, 509.

Источником особенно большой и притом регулярной добычи для казаков являлся расположенный в непосредственной близости от главного города Войска — Черкасска и находившийся тогда в руках турок Азов. В случае удачного похода казаки захватывали много «ясыря», «рухляди» и драгоценностей.[1] Но если казаки и не имели победы, то заключение мира с Азовом также давало им экономические выгоды, ибо за обещание с их стороны прекратить войну и не совершать более нападений на город азовцы одаривали казаков деньгами, рыболовными снастями, солью и возвращали им часть «русского полону».[2]

Часть захваченной добычи, главным образом «ясыря», употреблялась на обмен или выкуп русских, в том числе и казаков, оказавшихся в плену у татар, турок или ногайцев. Все остальное, что не удавалось выменять сразу, казаки отвозили домой и, остановясь неподалеку от Главного Войска (так именовали казаки свой главный город) делили («дуванили») между собой. Военные походы приносили оставшимся в живых казакам значительные средства, которые использовались для приобретения оружия, боеприпасов, одежды, охотничьих и рыболовных снастей и т. п.

Однако постепенно получалось так, что на долю каждого из рядовых казаков приходилось все меньше военной добычи, большая часть ее захватывалась атаманами и старшинами, которые часто сами не ходили в походы, а ссужали рядовых казаков конями, оружием и боеприпасами, получая за это одну треть и даже половину привезенной добычи.[3]

Другим источником существования казаков было царское жалованье. Не занимаясь специально земледелием, казаки крайне нуждались в привозном хлебе. Военные походы, дававшие в некоторых случаях огромную добычу и обогащавшие отдельных казаков, не могли быть источником регулярного обеспечения их оружием, деньгами, боеприпасами и одеждой. Все это они получали в виде царского жалованья. Поэтому, как только казакам становилось известно о задержке его, они немедленно обращались к царю с просьбой прислать жалованье, «чтоб нам, холопам твоим, живучи на твоей государевой службе на Дону, голодной смертью не умереть и службы не оставить и розно не разбрестись».

Первоначально размер жалованья был неопределенным, и присылалось оно нерегулярно. Но очень скоро правительство поняло, что казаки крайне заинтересованы в получении жалованья, и сделало его средством своего влияния на них. В случае выполнения казаками своих обязанностей по отношению к правительству, жалованье им высылалось регулярно, но при малейшем неповиновении казаков, в наказание за их провинности, правительство задерживало его.[4]

---

[1] После Азовского взятия 1637 г. казаки в течение нескольких лет вели торговлю захваченным добром с купцами разных стран (ДД, кн. I, стб. 707; кн. II, стб. 56, 126—128).

[2] ДД, кн. IV, стб. 348; С. Т х о р ж е в с к и й. Донское войско в первой половине XVII в. «Русское прошлое», 1923, № 3, стр. 13. Не только в XVII в., но и в дальнейшем правительство признавало за казаками право присваивать себе военную добычу. Когда, например, в 1783 г. под командованием А. В. Суворова были разбиты ногайцы, по его приказу вся добыча была разделена, причем половина пошла «на государя», а из остального две трети было отдано донским казакам (ДАИ, т. X, стр. 73; т. XII, стр. 194, 289; М. С е н ю т к и н. Дожды, ч. II, стр. 277).

[3] Таким же образом, но тайно пользовались военными походами казаков для своего обогащения и русские купцы. В «памяти» от 15 сентября 1685 г. из приказа Казанского дворца в Посольский приказ отмечается: «... А которые де купецкие люди приезжают к ним с Воронежа и с Ельца и из иных украинных городов с запасы и со всякими товары, и они де привозят порох и свинец тайным обычаем многое число и с ними в походы ходят и ружье им на сруду дают из-полу и из-трети» («Историческое описание земли войска Донского», стр. 386).

[4] ДД, кн. I, стб. 340; «Акты Московского государства», т. I, СПб, 1890, № 315, стр. 336; «Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII век», стр. 267. Сводные данные о жалованье донским казакам в XVII в. см. в работе В. П. Загоровского

На первых порах жалованье имело существенное значение в обеспечении казаков хлебом, оружием, боеприпасами и одеждой. Однако уже во второй половине XVII в. в связи с резким увеличением населения на Дону положение изменилось. Жалованье стало выдаваться только «добрым и старым казакам, которые в городах живут и служат давно», вновь прибывшие совсем ничего не получали, а из верховых — только те, кто являлся на службу в Главное Войско.[1] Мало того, вследствие социальных перемен, происшедших на Дону в XVII в., большая часть жалованья оказывалась в руках старшин, «яко отцов и наставников народа», а рядовые казаки вынуждены были делить между собой меньшую часть. Так, в 1668 г. после распределения жалованья оказалось, что рядовые казаки получили по 30 алтын, в 1676 г. — по 20 алтын и 2 деньги, а в 1683 г.— по 25 алтын на человека. В самом начале XVIII в. атаман Яким Филиппов, характеризуя происшедшие перемены, указывал, что на Дону стало «их, казаков, ныне многолюдно, и того присланного государского жалованья каждому казаку в год достается меньше рубля, а хлеба против того же меньше четверти человеку».[2]

Но и в благоприятные времена военная добыча и царское жалованье не могли обеспечить всех потребностей казаков. Поэтому с самого начала существования казачества на Дону большое значение имела также собственно хозяйственная, производительная деятельность.

Важную роль в жизни казаков в XVI и XVII вв. играли рыболовство и охота. Как свидетельствуют источники того времени, казаки непрерывно, особенно летом, разъезжались из городков «за зверем и за рыбою вдаль и надолго»[3] и часто месяцами жили «по лесам, по рекам и на взморье для звериной ловли».[4] В тех же случаях, когда набег турецкого или татарского отряда заставлял казаков укрываться в городках, их положение становилось очень тяжелым: наступал голод, и причина его, по словам казаков, состояла в том, что «...их донским промышленником за зверем и за рыбою вытить не дадут».[5]

Рыба и дичь являлись в то время основными продуктами питания, а для казаков Нижнего Дона они издавна были и предметом торговли. В Черкасск и другие нижнедонские городки непрерывно приезжали русские и украинские купцы. Они продавали казакам оружие и другие ремесленные изделия, а в обмен покупали рыбу, черную икру, кожи и меха.[6] Когда же в 1641 г. на нижнем Дону «рыбе лову не было, для того что зима была добре студена, и лед был в гирле толст, промерзло до песку и ловить было немочно», то «учинилася хлебная скудость», потому что купить хлеб казакам было не на что.[7] Некоторое значение имели и другие подсобные промыслы. Среди казаков было распространено, например, бортничество. Однако оно далеко не обеспечивало их потребностей в меде, поэтому многие покупали его у приезжих купцов.[8]

Очень рано появилось на Дону скотоводство. Его зарождение было связано с военными походами казаков, из которых они возвращались часто с большими табунами лошадей и гуртами скота, отбитыми у турок,

---

«Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке». (В сб. «Из истории Воронежского края». Воронеж, Изд-во Воронежского ун-та, 1961, стр. 141—147).

[1] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1674, № 7, л. 3; ДК, № 21, лл. 32—33; ДАИ, т. XII, № 17, стр. 291.

[2] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1683, № 28, лл. 3—19; «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. VII. СПб, 1872, № 9, стр. 29.

[3] ДД, кн. II, стб. 64, 126; кн. IV, стб. 883.

[4] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1686, № 9, лл. 42—44.

[5] ДД, кн. III, стб. 820.

[6] ДД, кн. II, стб. 64, 126.

[7] ДД, кн. II, стб. 126.

[8] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДК, 1674, № 8, л. 11.

татар, ногайцев.[1] Развитию скотоводства способствовали благоприятные природные условия края.

Долгое время казаки не имели достаточных сил для предотвращения опустошительных набегов кочевников, отгонявших у них табуны коней и гурты скота, и это очень тормозило развитие скотоводства. Но уже во второй половине XVII в. у казаков было значительное количество скота. По свидетельству Войсковой канцелярии (вероятно, несколько преувеличенному), калмыцкий хан Аюка в апреле 1691 г. напал на верховые городки, «казаков поколол и в полон побрал многая число», а «коней и всякова скоту отогнав тысяч с двадцать и больши».[2] Еще более трудными были условия для развития скотоводства у низовых казаков, но и у них уже в середине XVII в., по словам валуйского воеводы, имелись «стада лошадиные многие».[3] Уже в XVI и XVII вв., как видно из документов, у казаков было много рогатого скота, свиней, коз, гусей, уток и т. п.

Исторические условия существования казачества на Дону в XVI и XVII вв. оказали влияние на характер и уровень развития скотоводства. Опасаясь беспрестанных набегов со стороны кочевников, казаки не имели возможности пасти скот там, где это было удобнее; как правило, по словам В. Д. Сухорукова, «стада и табуны стереглись на островах или между лесом и болотами, куда почти не было пути»[4] Немалые трудности испытывали казаки в обеспечении скота кормом на зиму. Правда, между казаками и их соседями существовал неписаный договор, по которому, как отмечалось в одном документе, когда «к зиме де они (казаки.— А. П.) готовят сена, и Крымцы, де, и Ногайцы, и Азовцы сен у них не жгут, потому только де учнут сена жечь, и они де, пришед под Азов, около Азова все разорят. И в том де у них с Азовцы живет мир»[5] Но этот «мир» часто нарушался, и тогда скот на всю зиму оставался без корма. Так было, например, в 1675 г., когда калмыки совершили крупный набег на городки Паншин, Есаулов, Зимовейки, Курман-Яр и Раздоры «и сена пожгли без остатку».[6]

Занятые главным образом военными делами, казаки не имели возможности уделять достаточного внимания скотоводству. Сопровождаемые небольшим числом пастухов и подсобных рабочих, с ранней весны до снежных заносов бродили стада по обширным и тучным донским степям, питаясь подножным кормом. Только на периоды вьюг и метелей их загоняли в базы и подкармливали сеном. Таким образом, в течение всего года скот находился под открытым небом, испытывая недостаток в хороших кормах, чистой воде и т. п., а все это вызывало частые болезни скота, с которыми к тому же почти не умели бороться.

Такова была хозяйственная деятельность казаков, обеспечивавшая их существование в XVI и XVII вв. Она очень образно и точно охарактеризована самими казаками в «поэтической» «Повести об Азовском сидении». Повторяя известные слова Нового завета, казаки заявляли о себе: «Кормит нас, молодцев, небесный царь в степи своею милостью, зверем диким да морскою рыбою. Питаемся словно птицы небесные: не сеем, не пашем, не собираем в житницы. Так питаемся подле моря Синего. А серебро и золото за морем у вас (имеются в виду турки.— А. П.) находим. А жен себе красных, любых выбираючи, от вас же уводим».[7]

Однако уже в то время, о котором говорилось в «Повести об Азовском сидении», становилось все более ясным, что старые источники (охота, рыболовство и пр.) не могли обеспечить существование казаче-

[1] В. Д. Сухоруков. Общежитие донских казаков, стр. 81.
[2] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1691, № 4, лл. 3—11.
[3] ДД, кн. III, стр. 1020.
[4] В. Д. Сухоруков. Общежитие донских казаков, стр. 6.
[5] ДД, кн. III, стб. 795.
[6] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДК, № 8, лл. 165—166.
[7] «Русская повесть XVII века». ГИХЛ, [Б. м.], 1954, стр. 223.

ства. Военные походы и царское жалованье из средства обеспечения жизни рядовых казаков, как уже отмечалось, превратились главным образом в способ обогащения казачьей верхушки. К тому же совершать походы вниз по Дону с середины XVII в. стало очень трудно. Заняв оставленный в 1642 г. казаками Азов, турки разместили в нем значительный флот и большое войско, а в 1660 г. перегородили дельту Дона каменными башнями, между которыми протянули цепи. Чтобы попасть в море, казакам нужно было теперь преодолеть этот кордон. В отдельных случаях им удавалось выйти в море, но при этом казаки несли такие большие потери, что вынуждены были признать, что они сидят теперь «взаперти» и «зипуну» им взять негде.[1] Казаки все же продолжали совершать военные походы. Они теперь шли на Волгу, а оттуда в Каспийское море и нападали на персидские города, селения и торговые корабли.[2] Но, во-первых, такие экспедиции не могли совершаться столь же регулярно, как походы по Дону: их проводили обычно только казаки, жившие в городках, расположенных близко к переволоке (Паншин, Иловля и др.), а, во-вторых, эти нечастые походы казачьих «разбойничьих» отрядов были невыгодны верхушке донского казачества, ибо мешали заездам на Дон торговых людей. Когда в 1659 г. на Волге начала действовать крупная «воровская шайка», построившая себе на Дону (ниже Иловли) особый городок — Рыгин, зажиточные казаки организовали поход, взяли и сожгли городок, а главарей повесили.[3] К тому же и правительство, обеспокоенное усилением в этот период «воровства» на Волге, со своей стороны, тоже начало вести борьбу с появившимися там отрядами донских казаков.[4]

Проведение военно-морских походов на крымские, турецкие и персидские владения в это время стало затруднительным еще и потому, что встретило сопротивление со стороны русского правительства. Занятое войнами со Швецией и Польшей, оно не желало обострять отношений со своими соседями на юге. Поэтому в Царицыне был значительно усилен гарнизон, который не допускал появления отрядов донских казаков на Волге.[5]

Значительно ухудшились условия для рыбной ловли. Изобилие рыбы в реках Донского бассейна объяснялось главным образом ежегодным приходом ее из моря в устья Дона для метания икры. Весной, по вскрытии льда, когда главным образом и бывал выход рыбы из Азовского моря в реку, в гирлах Дона ее скоплялось так много, что буквально можно было выбирать черпаками. После того, как в 1637 г. казаки утвердились в Азове, под защитой этого города низовье Дона и Приазовье стали для казаков главными районами рыбной ловли. В это время казаки ловили очень много рыбы и широко торговали ею, покупая взамен хлеб и другие необходимые им товары. Но вернувшиеся в Азов в 1642 г. турки не только вытеснили казаков с морского побережья и низовьев Дона, но часто перегораживали реку рыболовными сетями и этим препятствовали проходу рыбы вверх по Дону. В таких случаях казаки лишались по существу главного источника существования, вследствие чего, как неоднократно говорится в документах, у них наступал голод.

Недостаточность прежних источников существования совершенно определенно выявилась в 70—80 годах XVII в. В 1670 г. казаки заявляли,

---

[1] С. И. Тхоржевский. Народные волнения при первых Романовых. Пг., Изд-во «Сеятель», 1924, стр. 164—165; «Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII век», стр. 268, 281; П. Заторовский. Вопрос о русском морском флоте на Дону до Петра I. В сб.: «Из истории Воронежского края». Воронеж, Изд-во Воронежского ун-та, 1961, стр. 161—163.

[2] ДД, кн. III, стб. 424; кн. V, стб. 481—482, 531, 557.

[3] ДД, кн. V, стб. 536—538.

[4] И. В. Степанов. Социально-политическая обстановка на Дону, стр. 49.

[5] В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством Степана Разина, стр. 45.

что «на Дону де им учала быть скудость большая, на Черное море проходить им не мочно, учинены от Турских людей крепости...»[1] Это обстоятельство, как известно, было одной из причин возникновения на Дону крестьянской войны под предводительством Степана Разина. Но и после разгрома народного движения вопрос об источниках существования казаков по-прежнему оставался нерешенным. В апреле 1682 г. царицынский воевода Глебов сообщал царю: «Да по ведомости, государь, с Дону мне холопу твоему, что де в казачьих городках у казаков конечно безхлебно, и в реке Дону учало быть безрыбно и кормиться казакам стало нечем, и в войсковом де Черкасском городке у казаков почали быть круги частые и на атамана де и на старшин кричат казаки и говорят, что им почало быть голодно, а добыч получить негде потому, что по твоему, в. г., указу, на Крым, и на Азов, и на Калмыцкие улусы войною им, казакам, ходити не велено».[2]

2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ КАК ВЕДУЩЕЙ ОТРАСЛИ ХОЗЯЙСТВА

Трудности в обеспечении жизни казаков прежними источниками существования в последней трети XVII в. стали особенно заметными потому, что в это время резко увеличился приток на Дон новых людей. Осевшая в Подонье масса обездоленного, главным образом крестьянского, населения оказалась в тяжелом положении. Из царского жалованья ей ничего не доставалось. Совершать военные, грабительские походы стало теперь почти невозможно; к тому же новые переселенцы, приходившие на Дон с семьями и орудиями труда, не имели особого желания совершать подобные экспедиции. Рыболовный промысел с 1642 г. сократился и теперь плохо кормил казаков, а охота никогда не была надежным средством обеспечения жизни.

В то же время новые поселенцы приходили на Дон со сложившимися уже привычками и потребностями. Там, где они жили прежде, основным источником их существования было земледелие. По словам войскового атамана Фрола Минаева, они были «к воинскому делу и звериной охоте, и к рыбной ловле не навычны, и ружья никакова при себе не имели». А так как в связи с приближением народной, помещичьей и государственной колонизации к границам Донской земли жители ее получали более надежную защиту от набегов разбойнических отрядов соседних государств и кочевых племен и, следовательно, условия для занятия земледелием стали более благоприятными, то, вопреки всем прежним традициям донских казаков, сначала новые поселенцы, а затем и остальные казаки стали усиленно распахивать целинные и плодородные донские земли.

Перемены произошли прежде всего в верховьях казачьего Дона, по его среднему течению и на его левых притоках, где уже в 80-х годах XVII в. скопилась огромная масса новых поселенцев. «Наперед же де сего, — доносил в 1685 г. тамбовский воевода в Москву, — по реке Хопру и по Медведице отнюдь пашни не пахивали и никакого хлеба не севали, а важивали хлеб из русских городов и кормилися зверми и рыбою; а ныне де в тех городках они казаки завели пашню, и слыша то, что они казаки пашню пашут и хлеб сеют, дворовые и помещиковы и вотчинниковы и монастырские крестьяне в бобыли и боярские холопи к ним казаком бегают».[3]

В 1687 г. пойманный на Дону раскольник Кузьма Косой на допросе в Посольском приказе показывал, что «родом де он города Ельца, посадский человек, кузнец, а отец у него был Ларка, того ж города посадской

[1] ДАИ, т. VI, № 2, стр. 16.
[2] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1681, № 7.
[3] ДАИ, т. XII, № 17, стр. 124.

человек; и с Ельца сошел он, Куземка, с женою своею на Дон, тому лет с двадцать... Да и опроче де его, Куземки, по Медведице живут таких же, каков и он, множество, и будет всех и с малыми детьми тысячи с две или меньше... а живучи де они в тех местах, кормятся пашнею, сеют хлеб, и рыбною ловлею, и приезжают к ним из разных украинных городов с товары многие торговые люди в летнее и в зимнее время, и, распродав товары, отъезжают назад».[1]

Почти в то же время быстро стало распространяться хлебопашество среди казаков, живших на Донце и его притоках.[2]

Войсковых старшин обеспокоило то обстоятельство, что новые поселенцы с огромной энергией принялись за землепашество. Испугавшись, как бы «от таких воров и раскольников и людишек нератных и не промышленных, неславие и бесчестие на них атаманов и казаков и на все войско Донское не наносилось»,[3] Войско в 1690 г. «приняло по всем городкам войсковой свой приговор, чтоб никто нигде хлеба не пахали и не сеяли, а если станут пахать, то бить до смерти и грабить, и кто за такое ослушание кого убьет и ограбит, и на то суда не давать и кто хочет пахать, и те б шли в прежние свои места, кто где жил».[4]

Подобные распоряжения издавались еще несколько раз как войсковыми властями, так и московским правительством.[5] Но они не могли воспрепятствовать процессу, обусловленному экономической необходимостью. Как только возникли предпосылки для распространения земледелия, оно быстро утвердилось на Дону. Несравненно более широкие, чем прежде, возможности для своего развития получило и животноводство. Казаки, начавшие энергично заниматься земледелием и скотоводством, вышли за пределы станиц и стали устраивать зимовники, а затем и хутора, которые, в течение XVIII в. распространились по всей Донской земле.[6]

Хотя земледелие на Дону стало быстро распространяться только с последней трети XVII в., оно существовало у казаков уже и в более раннее время. Источники об этом сообщают очень скупо, но кое-какие данные имеются. В отписке войска Донского от 26 мая 1632 г. казаки заявляли царю, что «мы, холопи ваши, за хлебом и за рыбою, и за зверем, и за травою на ряку и на степь день и ночь ездим беспрестанно», ибо в связи с задержкой жалованья, «кой час не поехать, [и] кормитца нечим».[7] Когда в 1648 г. казаки решили построить городок на Монастырском яру, то выбрали они это место не случайно, а потому, что «выше де и ниже того Монастырского яру, — по их словам, — города поставить негде, потому что место ниско и пашни завесть не мочно».[8] Однако до тех пор, пока благоприятных условий для распространения земледелия на Дону не было, а старые источники удовлетворяли неприхотливые потребности казаков, хлебопашество не получало широкого распространения. Поэтому, говоря о развитии земледелия на Дону с конца XVII в., мы имеем в виду значительное распространение его, превращение в главную отрасль хозяйства донских казаков, а это начало утверждаться с последней трети XVII в.

Переходя к характеристике земледелия на Дону в конце XVII—XVIII в., необходимо прежде всего отметить наличие очень хороших природных условий для его развития. Являясь частью юго-восточной

[1] В. Г. Дружинин. Раскол на Дону, приложения, стр. 273—274 (Документы. Допрос Кузьмы Косого, 13 сентября 1687 г. в Посольском приказе).
[2] ДАИ, т. XII, стр. 208.
[3] Там же, стр. 127.
[4] Расспросные речи атамана Фрола Минаева 6 февраля 1689 г. «Историческое описание земли войска Донского», стр. 389—390.
[5] СОВДСК, вып. XI, стр. 62.
[6] См. ч. I, гл. II настоящей работы.
[7] «Материалы для истории войска Донского». СОВДСК, вып. XIII, стр. 165.
[8] ДД, кн. III, стб. 794.

России, Донской край в целом представлял собой холмистую равнину, на огромном пространстве которой простирались привольные степи. Самая обширная степь находилась на левой стороне Дона, от Медведицы на юг до Ставропольского края. Но и на остальной части Подонья местность в основном была степной.

Согласно «Краткому топографическому описанию земли войска Донского», составленному в начале XIX в. (1806 г.) «грунт земли» Донского края был самый «разнообразный».[1] Как там отмечалось, на Дону было «довольно мест пористых, каменистых и хрящеватых», но преобладал чернозем, особенно богатый на юге и юго-западе, а также в северо-западной части Хоперского округа.

По обширным степям края протекало только крупных рек—9, но в тот период насчитывалось свыше 150 мелких речек, а также и около 1000 озер и лиманов, значительная часть которых к настоящему времени высохла. Так как и в XVII, и в XVIII в. край был богаче лесами, чем это было даже в начале XIX в., то при мягкости климата, продолжительном лете и осени, и при короткой и теплой зиме Подонье не испытывало обычных для последующего времени непрерывных и жгучих суховеев. Все это делало Донской край очень плодородным.[2]

По данным «Статистического описания земли донских казаков» 1822 г. из 14203204 десятин земли области войска Донского только 822167 десятин было признано неудобным для хлебопашества (включая все земли, занятые дорогами и реками), а из остальной земли 1066605 десятин считалось среднеудобной и около 12 млн десятин — совершенно удобной землей для хлебопашества.[3]

Огромные просторы и богатая природа создавали благоприятные условия для успешного развития земледелия. Однако ряд обстоятельств препятствовал этому. Хотя с конца XVIII в. колонизация Подонья шла несравненно быстрее, чем прежде, господствовавшие в центре страны крепостнические порядки тормозили ее, а этим замедлялись темпы освоения плодородной юго-восточной окраины России. Те же, кто, поселившись на Дону, стали заниматься сельским хозяйством, должны были обладать необходимым количеством рабочего скота и орудий труда. Это были тем более важно, что земледельцам на Дону приходилось поднимать целинные земли, «облог» или «ковыль». Но основная масса старожилого казачества, а тем более новые поселенцы были крайне ограничены в средствах (например, для найма рабочей силы), а тягловой силы и орудий труда почти не имели. Следует добавить, что хлебопашество на Дону и в XVIII в. во многих местах велось под непрерывной угрозой разорительных набегов, буквально с оружием в руках. Казак Верхне-Курмоярской станицы, расположенной на среднем течении Дона, Е. Кательников, писал, что еще в последней трети XVIII в. «полевые и сенокосные работы отправлялись всею станицею в одних местах и в одно время при воинском оружии, под прикрытием дненощных разъездов, потому что татары и калмыки нечаянно нападали, грабили и убивали. Во время важной опасности посыланы бывали из станицы старики со знаменами по полям и по покосам. Тогда жнецы и косцы обоего пола, увидевши знамя, бросали работу, убегались в городок в осаду на остров, а потом сделанную вкруг церкви из деревянного тына на подобие острога, в котором по углам стояли пушки».[4]

Но часто никакие меры предосторожности не помогали. Станицы подвергались разорению, поля—уничтожению, и после таких набегов ка-

[1] СОВДСК, вып. IX, стр. 34—35.

[2] А. Щекатов. Географический словарь Российского государства, ч. II. М., 1804, стр. 254—255; В. Н. Татищев. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской, ч. I—III, 1793, слово «Донская степь»

[3] «Статистическое описание земли донских казаков». Новочеркасск, 1891, стр 17.

[4] Е. Кательников. Указ. соч., стр. 26.

закам нередко приходилось запахивать земли заново, так и не собрав урожая. В силу всех этих причин земледелие на Дону на протяжении долгого времени оставалось на низком уровне. Находившийся на Дону в конце XVII в. адмирал К. Крейс отмечал, что «казаки едва столько сеют, сколько они думают, что на их семейство стать может; а земля так жирна, что они работою в полы (т. е. вполовину—А. П.) против лежащих в других краях мест без всякого навозу более плода себе получить могут».[1] Но вот прошло более ста лет. Значительно увеличились посевные площади, а уровень сельского хозяйства оставался по-прежнему низким, рутинным. Находившийся на Дону в самом начале XIX в. иностранец де Романо характеризовал его следующим образом: «Земля, занимаемая казаками, несмотря на благоприятный климат, производит очень мало сравнительно с тем, что могла бы производить: она почти совсем не обрабатывается; только для удовлетворения насущной потребности возделываются значительные участки ее, да и то не самими казаками, а крестьянами, беглецами и людьми, неведомо откуда пришедшими; в этом откровенно признаются сами казаки».[2] Приведенные нами свидетельства источников верно отразили основную тенденцию в развитии земледелия на Дону как, впрочем, и во всей феодальной России.

Основные средства производства на протяжении XVIII в. оставались неизменными и были крайне примитивными. Расселяясь по Донской земле, великороссы и украинцы распахивали землю теми орудиями труда, с которыми приходили на Дон. Бежавшая, например, в 1752 г. из Троице-Сергиевской лавры крестьянская дочь Авдотья Иванова везла с собой в числе прочего имущества «сошники с палицею один, топор—один, косу—одну».[3] И это далеко не единственный случай. К тому же приходившие на Дон великорусские и украинские крестьяне обладали определенными трудовыми навыками, которые изменить и при желании было нелегко. Так, среди населения, приходившего из Украины, наибольшее распространение имел большой плуг.[4] Это орудие, по словам современника, «столь тяжело действует, что по 6 и 8 быков должно под ним употреблять, которые с великим напряжением и очень тихо идут; к иному плугу меньше трех человек нельзя употреблять».[5] Между тем, казачья семья, во-первых, не располагала таким большим числом волов, имея в лучшем случае одну-две пары, а, во-вторых, почти никогда не имела налицо трех работников, так как большая часть мужчин находилась во всякого рода «раскомандированиях». Поэтому казакам приходилось «спрягаться». Так было, например, в Усть-Быстрянской станице, жители которой в 1776 г. доносили в Военную коллегию, что они «по нужде и по недостатку своему, слагаясь семей по три в один плуг, и крайне нуждаются, что себя тем продовольствовать в год едва могут».[6]

Выходцы из Великороссии приносили с собой российскую крестьянскую соху.[7] При помощи ее земледельцы могли пахать, имея ограниченное количество рабочего скота, например, только лошадь. Более того, как показал Д. К. Зеленин, соха, перекладывая почти треть работы на пахаря, значительно облегчала труд лошади, и это имело немаловажное зна-

[1] К. Крейс. Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове. «Отечественные записки», 1824, № 54, стр. 51.

[2] A. L. de Romano. Coup d'oeil philosophique, t. II, p. 132.

[3] ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 12, л. 2 об.

[4] И. А. Гильденштедт. Дневник путешествия в южную Россию в 1773—1774 гг. «Записки Одесского общества истории и древностей», т. XI. Одесса, 1879, стр. 218.

[5] А. Шафонский. Топографическое описание Малороссии, сочиненное в 1786 году. Киев, 1851, стр. 167.

[6] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, кн. 165, л. 28.

[7] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 142, лл. 52—53; ф. 339, оп. 1, д. 12, л. 2 об.; И. А. Гильденштедт. Дневник путешествия. «Записки Одесского общества истории и древностей», т. XI, 1879, стр. 218.

чение при слабосильности рабочего скота.[1] Но соха была почти непригодна для вспашки степей, особенно целины. Поэтому постепенно на Дону плуг получал все более широкое распространение. Соха же использовалась только в тех местах, где почвы были более мягкими, например, в бассейне Хопра и Бузулука.[2]

Помимо плуга и сохи, при пахоте, особенно там, где земля была мягкой, например песчаной, применялось и более примитивное орудие — рало, сделанное в форме треугольника или бруса с большими деревянными зубьями.[3] Землю заволакивали боронами, обычно легкими, устроенными так примитивно, что работали только передние зубья, которые к тому же, как правило, были деревянными. Жали хлеб косами, а часто даже серпами. При молотьбе использовались цеп, каменный и чугунный каток и доска, а часто на открытом току бросали снопы и по ним гоняли лошадей или волов, запряженных в нагруженный чем-либо воз, до тех пор, пока зерно не обмолачивалось.[4]

Несовершенству сельскохозяйственных орудий соответствовала примитивная система земледелия и агротехника. На протяжении всего XVIII в. на Дону господствовала залежная система полеводства. Один участок обрабатывался в течение 2—3 лет, затем его покидали на 3—5 (а иногда и более) лет и начинали обрабатывать другой.

До конца XVIII в. на Дону правильного севооборота не было. Обычно в первый год поле засевали просом или яровой пшеницей, на второй и третий годы — снова яровой пшеницей, а на четвертый — овсом или ячменем.

При этом или при других севооборотах сохранялась односторонняя культура хлебов, и почва сильно истощалась. Из дошедших до нас «Описей» о наличии у казаков «разного рода хлеба, у кого какого и сколько копен», составлявшихся по всем станицам, и из ряда других источников видно, что главными сельскохозяйственными культурами являлись рожь, пшеница, просо и овес.[5] Из этих культур пшеница, требовавшая более глубокой вспашки, удобрений и вообще лучшего ухода, долго широкого распространения не имела. Однако уже в середине XVIII в. ее начали возделывать более активно, а когда появились возможности ее сбыта не только на внутреннем рынке, но и за границу, пшеница прочно утвердилась на Дону, особенно в южных районах.[6] «В Миусском, Аксайском и Первом Донском округах,—отмечено в «Кратком топографическом описании земли войска Донского» (1806 г.),— упражняются в посеве более всего пшеницы, которую сбывают продажею по ближайшей удобности при Таганрогском порте».[6] Возделывали также ячмень, главным образом на корм птицам и свиньям. Меньше сеяли гороха и чечевицы, а гречиху, хотя и пытались привить, но почти до конца XVIII в. безуспешно.[7]

Наконец, отметим, что на Дону в XVIII в. не применялись навозное удобрение, орошение и целый ряд других средств, которые могли бы способствовать повышению урожая зерновых культур.

Низкий уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве, бедность подавляющего большинства казаков и специфические условия их жизни, при которых «иным за службою и другими тягостьми и в хлебопашество вступить не достается»,[8] приводили к тому, что ка-

[1] Д. К. Зеленин. Русская соха, ее история и виды. Очерк из истории русской земледельческой культуры. Вятка, 1907.

[2] «Статистическое описание земли донских казаков», спр. 202.

[3] Ср. «Топографическое описание Харьковского наместничества». М., 1788, стр. 72—76.

[4] «Акты об устройстве станичных юртов». СОВДСК, вып. III, 1902, стр. 133; И. А. Гильденштедт. Дневник путешествия, стр. 218.

[5] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 708, л. 33 об.; д. 1052, лл. 28—28 об.; ф. 339, оп. 1, д. 232, лл. 5—47; д. 233, лл. 23—39; ф. 341, оп. 2, ф. 14, лл. 1—2, 5; J. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland, Teil I, S. 74, 104.

[6] СОВДСК, вып. XI, стр. 35.

[7] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 436, л. 9 об.; д. 1010, л. 4 об.; С. Г. Гмелин. Указ. соч., ч. I, стр. 241—242; И. А. Гильденштедт. Дневник путешествия, стр. 216. ЦГАДА, ф. 52, оп. 194, д. 61, лл. 132—134.

зачьи семьи едва-едва управлялись с сельскохозяйственными работами. Так как во время пахоты казакам приходилось «спрягаться», то на обработку своей пашни оставались один-два дня в неделю; уборка хлеба при недостатке рабочего скота проводилась часто с большим опозданием; при молотьбе примитивным способом погибало много уже убранного хлеба. Все это приводило к тому, что казаки, по свидетельству современника, сеяли и собирали столько, «сколько требуется на каждый год», когда же «случится недород, то нет уже никакой помощи к отвращению бедствия».[1]

И, действительно, Дон знал такие неурожаи, когда казаки, по свидетельству документов, испытывали в хлебе «нужду крайнею, а неимущие и голод». Так было, например, осенью 1774 г. Согласно донесению Войска правительству, здесь «по неурожаю» были «хлеба и травы наикрайнейшие нужды», а в некоторых районах, например, «по Бузулуку в в станицах, по неурожаю вовсе хлеба [нет, а] мелют дубовые жолуди и лебедовые семена собирают».[2]

Но недороды, даже очень значительные в отдельные годы, и общий низкий уровень развития сельского хозяйства, засвидетельствованный, как уже отмечалось, в конце XVII в. К. Крейсом, а в начале XIX в. де Романо, не могут заслонить того факта, что Дон уже в XVIII в. был районом высоких урожаев по сравнению с другими местами крепостнической России. По данным П. И. Лященко, в целом для России XVIII в. по основным зерновым культурам (озимая рожь, пшеница, ячмень) в хорошие годы урожаи были «сам-3-4-5».[3] По свидетельству А. Н. Радищева, урожай в крепостнической России второй половины XVIII в. считался хорошим уже тогда, когда «родилося хлеб сам-четверт».[4] В расположенном несколько севернее Подонья Курском наместничестве, считавшемся районом плодородным, урожай пшеницы был сам-5, ржи — сам-7, гороха—сам-7, конопли—сам-6, льна—сам-1½.[5] На Дону же во второй половине XVIII в., по свидетельству современников, урожай пшеницы, ржи, овса и проса был «по меньшей мере сам-десять».[6] Подобный урожай собирали только в степных уездах Украины.[7]

Высокие урожаи зерновых культур явились одной из главных причин быстрого распространения на Дону земледелия и превращения его в ведущую отрасль народного хозяйства. Дон, живший долгое время за счет привозного хлеба, стал удовлетворять потребности значительно выросшего по численности населения собственным хлебом. Ярким свидетельством этого может быть положение, создавшееся в 1788 г. Неурожай и голод охватили почти всю центральную и южную Россию. Как отмечал М. Щербатов, «Московская, Калужская, Тульская, Рязанская, Белгородская, Тамбовская губернии и вся Малороссия претерпевают непомерный голод, едят солому, мякину, листья, сено, лебеду, но и сего уже недостает; ибо, к несчастью, и лебеда не родилась...»[8] На Дону тоже в этот год урожай был плохой. Обеспокоенное этим Войсковое правительство потребовало у сыскных начальств сведений о создавшемся положении. Вскоре были присланы ответы, из которых выяснилось, что хотя во

[1] С. Г. Гмелин. Указ. соч., ч. I, стр. 269.

[2] «Пугачевщина», т. II, М—Л., Изд. Центрархива, 1929, стр. 63—64; см. также ЦГАДА, 52, оп. 194, д. 61, лл. 132—134.

[3] П. И. Лященко. Указ. соч. «Исторические записки», т. 15, стр. 116. По словам П. И. Лященко, во всей стране в то время были «колебания урожайности по времени весьма значительны; как правило, в неурожайные годы урожай бывает в два раза ниже обычного сбора, часто в 3—4 раза, ограничиваясь иногда лишь сбором семян» (там же).

[4] А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Полн. собр. соч., т. 1, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 325.

[5] С. Ларионов. Описание Курского наместничества. М., 1786, стр. 50.

[6] И. А. Гильденштедт. Дневник путешествия, стр. 218.

[7] А. Шафонский. Указ. соч., стр. 167.

[8] М. Щербатов. Соч., т. I, СПб, 1796, стб. 684.

многих станицах «хлеб родил пшеницы, ржи, ячменя и овсы весьма посредственные», а в некоторых даже «плохие», однако жители «сим хлебом через годовое время до будущего урожая продовольствоваться, хотя с нуждою, могут».[1]

Земледелие на Дону развивалось настолько быстро, что постепенно Донская земля превращалась в район, торгующий своим хлебом. Так, казаки, жившие в верховых станицах Дона, а также по Хопру и Медведице, где земледелие распространилось особенно быстро, уже в 30—40 годах XVIII в. широко торговали своим хлебом в низовых станицах, где хлебопашество было еще слабо развито.[2] Одновременно казаки верховых станиц продавали хлеб в центральных районах России. В 1756 г. казак Михайловской станицы Колесников просил у Войсковой канцелярии разрешения «о увольнении на время в русские места для сплаву своей будары хлеба».[3] В 1768 г. несколько хоперских станиц продали хлеб воронежским и тамбовским купцам: Остроуховская станица — муки ржаной 12 четвертей и ржи зерном 25 четвертей. Слащевская — 60 четвертей ржаной муки, Тишанская — 10 четвертей ржи, Луковская—около 30 четвертей ржи, Котовская — 55 четвертей ржаной муки.[4] В 80-х годах XVIII в. широко торговали хлебом казаки среднедонских станиц, расположенных южнее. По свидетельству И. Болтина, казаки «за собственными расходами» отвозят хлеб «на продажу в Царицын и крепость Ростовскую».[5] Вели торговлю хлебом также и казаки донецких станиц. Так, в 1790 г. купец Андрей Логинов закупил у ряда казаков Луганской и Гундоровской станиц хлеб и перепродал его крепости Дмитрия Ростовского.[6] В этот же период начали торговать хлебом и казаки целого ряда станиц Нижнего Дона. Из них те, что лежали «близь кочевского Дербетева улуса», продавали хлеб калмыкам.[7] Особенно активно занимались торговлей хлебом старшины. Когда, например, в некоторых районах Екатеринославского наместничества в 1795 г. был неурожай, они предложили продать свой хлеб: Дмитрий Иловайский «пшеничною мукою 300 кулей, каждый куль по 5 рублей 50 копеек», Василий Манков «400 кулей, ценою без поставки 5 рублей», Андрей Сулин «жита и пшеницы 20 четвертей», Данила Ефремов—30 четвертей, Степан Греков—50 четвертей и т. д.[8] По данным «Топографического описания» 1806 г., хлеб, производимый в Миусском, Аксайском и Первом Донском округах, широко сбывали «продажею по ближайшей удобности при Таганрогском порте».[9]

Все это свидетельствовало о том, что уже в конце XVIII в. на Дону, в первую очередь в старшинских хозяйствах, стало развиваться производство хлеба на продажу.

3. РАЗВИТИЕ СКОТОВОДСТВА

Другой важной отраслью хозяйства было степное животноводство. Во многих районах Подонья оно имело даже большее значение, чем земледелие. Это объясняется историческими условиями. При всей выгодности земледелия, оно требовало упорного и тяжелого труда и не могло обходиться без мужской рабочей силы, между тем, как уход за скотом мог быть обеспечен трудом преимущественно женщин и детей. К тому же

[1] ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 234, лл. 2, 4—4 об., 6; см. также: д. 232, лл. 5—36; д. 233, лл. 23—51 об.

[2] Акты Лишина, т. II, ч. 1, № 22, 23, 72, 119.

[3] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 145, л. 5; см. также: ТОВДСК, вып. I, отд. 2, стр. 112; И. И. Дмитренко. Опись казачьих дел Московского отделения общего архива Главного штаба. СПб, 1899, стр. 184.

[4] ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 68, лл. 1—10.

[5] И. Болтин. Хорография саратовских целительных вод. СПб, 1782, стр. 119.

[6] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 24, л. 59.

[7] ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 238, лл. 7—7 об.

[8] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1052, л. 28—28 об.

[9] СОВДСК, вып. XI, стр. 35.

благоприятные природные условия Подонья — мягкость климата и плодородные степи с высокими травами — обеспечивали скоту естественный корм почти круглый год, так что казакам почти не приходилось заботиться о заготовке его на зиму, особенно на юге.

Положительное влияние на успехи животноводства в XVIII в. оказало и то обстоятельство, что скотоводство существовало у казаков почти с самого появления их на Дону, и, хотя долгое время было развито слабо, казаки накопили большой опыт по уходу за скотом в своеобразных условиях юго-восточной окраины России. В силу этих причин по мере уменьшения опасности набегов со стороны феодалов соседних государств и кочевых племен степное животноводство получало на Дону все более широкое распространение. Хотя с развитием земледелия много прекрасных выгонов было распахано, это не оказало отрицательного влияния на животноводство, так как земли было достаточно.[1] Во всех же других отношениях распространение земледелия только способствовало развитию животноводства: эти две отрасли хозяйства были тесно связаны между собой, и успехи одной из них оказывали влияние на развитие другой.

Были и другие факторы, способствовавшие развитию животноводства на Дону. Для несения службы казаки нуждались в конях. Добывать их прежним способом (путем набегов) в XVIII в. стало почти невозможным, поэтому приходилось разводить коней самим. Для обеспечения всем необходимым по службе казаки очень нуждались также и в денежных средствах. А между тем скот был очень выгодным товаром. Если для провоза хлеба и рыбы нужно было затрачивать много тягловой силы и значительные денежные средства, то скот мог передвигаться своим ходом, а такой продукт животноводства, как шерсть, выгодно было даже перевозить. Все это определило широкое распространение и быстрое развитие на Дону животноводства, благодаря которому, по словам «Топографического описания» 1806 г., «казаки имели «главное свое пропитание и исправляются по службе».[2]

Находясь постоянно на военной службе, казаки не могли уделять много времени скотоводству. Основное бремя забот лежало на женщинах, ухаживавших за скотом с помощью детей. К тому же казачьи семьи не обладали необходимыми материальными средствами для устройства хозяйственных помещений, организации кормления животных заранее заготовленным сеном и т. п. Все это сказывалось отрицательно на развитии животноводства. При непрерывном росте количества скота на Дону и при распространении скотоводства по всей Донской земле, оно оставалось, как и в предыдущий период, экстенсивным, что приводило к частым эпидемическим заболеваниям и падежу скота.

Из многочисленных фактов подобного рода, зафиксированных архивными документами, приведем лишь один пример. В 1782 г. атаман Павловской станицы представил в Войсковую канцелярию ведомость о числе наличных лошадей, рогатого скота, овец и ягнят с указанием числа погибших в течение зимы 1781/82 г. В этой ведомости значилось:

	Лошадей	Рогатого скота	Овец	Ягнят
I. В станичном гурте				
1) К началу зимы 1781/82 г. было	269	233	232	—
2) В течение зимы пало	237	109	70	—
3) Осталось в наличии	32	124	162	—
II. У обывателей пало	4	258	720	747
Итого пало голов:				2145[3]

[1] Акты Лишина, т. II, ч. 1, № 397, стр. 382—389; А. И. Ригельман. История о донских казаках, стр. 117—118. Во время спора о границах с Запорожским войском донские казаки заявляли, что их табуны «напредь сего хаживали до Берды» — речки, которая впадала в Азовское море западнее Кальмиуса.

[2] СОВДСК, вып. XI, стр. 36.

[3] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 201, лл. 4—4 об. и 12—12 об.

Особенно неблагоприятной оказалась весна; как доносил станичный атаман в Войско, 8 апреля «учинилась в ранку даже до половины дня теплынь, с половины дня над вечером превзыйшла метель з дождем и снегом и такова метель была сутки целые, что и по всей происходимой земле мало бывало такой, потом мороз жестко крепок, в которое самое время от этой несносной погоды пало только станичных лошадей — 37, рогатого скота — 34, овец — 70.[1]

Но и при экстенсивном характере скотоводства, небольших вложениях средств и примитивном уходе за скотом условия для развития скотоводства были настолько благоприятны, что оно давало большие доходы.

Отличительной особенностью скотоводства у казаков являлось интенсивное развитие тех его отраслей, которые при меньшем уходе за скотом давали бы больший приплод. Путешественники, находившиеся на Дону во второй половине XVIII в., видели у казаков много рогатого скота, свиней, домашней птицы.[2] Почти в каждом хозяйстве имелись овцы, для разведения которых в донских степях были благоприятные условия, а в отдельных станицах овцеводство являлось главным занятием. В Усть-Медведицкой станице, по словам Гильденштедта, овцеводство было так широко развито, что «десяток овец продается от 7 до 8 рублей, причем еще покупатель имеет право выбирать себе, которые получше. Подряд без выбора продают их от 5 до 6 руб. Овец стригут здесь два раза в год, именно раннею весною и в середине сентября. Пуд шерсти здесь стоит 2 руб. или даже 2 р. 10 к., потому что она тоньше и мягче, чем шерсть северная, за последнюю редко платят больше 1 р. 20 коп.».[3] По словам того же путешественника, в Тепикинской станице, например, «очень большие овечьи стада», и «пуд шерсти продается за рубль».[4] Широкую торговлю овцами и овечьей шерстью вели казаки Вешенской, Мигулинской и целого ряда других станиц.[5]

Очень активно разводили скот старшины и богатые казаки. Так как они обладали значительным количеством земель и денежных средств, но сравнительно малым числом рабочих рук, то в условиях Подонья им особенно выгодно было заниматься скотоводством. И действительно, многие старшины владели большим количеством рогатого скота, овец и коней. В 1773 г. у войскового атамана Ефремова имелось 346 голов рогатого скота, 674 овцы, 100 верблюдов и 3472 лошади.[6] В конце XVIII столетия у старшины Мартынова насчитывалось до 20 тыс. голов рогатого скота. Не мало скота было и у других старшин.[7]

Еще более успешно в старшинских хозяйствах развивалось коневодство. Оно возникло у казаков очень рано, но в XVI и XVII вв. не имело промыслового значения. Когда же казачество утвердилось на левом берегу Дона и Сальские степи, особенно удобные для коневодства, стали принадлежать Войску, старшины устремились туда, и один за другим начали основывать конские заводы.[8] В благоприятных условиях Сальских степей заводы росли очень быстро. В конце XVIII в., например, табун Платова достигал 4000 голов, вдове атамана Ефремова после смерти ее мужа осталось «лошадей до 10 тысяч», большие конские заводы были у старшин Краснощекова, Иловайских, Краснова и Орлова-Денисова.[8]

---

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 201, лл. 4—4 об.; см. также ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 490, л. 1.
[2] J. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland, Teil I, S. 104.
[3] Там же, S. 93.
[4] Там же, S. 65.
[5] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 45 об.; оп. 3, д. 5, л. 7 об.; A. L. de Romanò Coup d'oeil philosophique, t. II, p. 152.
[6] «Материалы для истории войска Донского». ТОВДСК, вып. II, стр. 62.
[7] A. L. de Romanò. Coup d'oeil philosophique, t. II, p. 150.
[8] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 554; A. L. de Romanò. Coup d'oeil philosophique, t. II, p. 150.

Конские заводы занимались выведением строевых лошадей, которыми старшины торговали с большой для себя выгодой. В 1762 г. несколько сот лошадей из своего собственного завода продал войсковой атаман Ефремов.[1] В 1779 г. старшина Данила Краснощеков продал «калмыченину Хальгуку конный табун».[2] В 1787 г. на Митякинской ярмарке торговал строевыми и подъемными лошадьми своего завода полковник Варлаам Денисов.[3] В 1794 г. купил 70 коней у разных донских владельцев «ценами не свыше сорока двух рублей» представитель Псковского драгунского полка.[4] Таких примеров можно привести много.

Торговля донскими лошадьми в последние десятилетия XVIII в. стала настолько выгодным делом, что появилось немало охотников легкой наживы, всякого рода перекупщиков. Нередко строевых лошадей покупали для переправы их за границу. В связи с этим 28 января 1797 г. Павлом I был подписан рескрипт войску Донскому, согласно которому, «дабы за границу выводу лошадей донских совсем не было, и для того, если случится иностранных служб офицеры для покупки у вас лошадей сами собой или чрез других, от них подосланных, то о сем немедленно нас извещать, а лошадей отнюдь не продавать».[5] Однако и после этого выгодная для старшин спекуляция лошадьми не прекратилась.

4. РЫБОЛОВСТВО И ПРОЧИЕ ОТРАСЛИ. ХАРАКТЕРИСТИКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ЦЕЛОМ

Третьей по значению отраслью хозяйства на Дону в XVIII в. являлось рыболовство. До тех пор пока всей дельтой Дона и Приазовьем владели турки, казаки были лишены лучших рыболовных мест. Но после завершения Азовских походов 1695—1696 гг. казаки начали быстро осваивать Приазовье, и добыча рыбы в этих местах увеличилась. Правда, по указу 1703 г. в непосредственной близости от Азова казакам запрещалось ловить рыбу, а когда в 1711 г. был заключен Прутский мир и Азовская крепость была срыта, поселения казаков в низовьях Дона были уничтожены и все места рыболовства в Донском понизовье перешли к туркам. Но после вторичного взятия Азова русскими в 1736 г. казаки окончательно закрепили их за собой.[6]

С этого времени на Нижнем Дону и в прилежащих к Азовскому морю местах (на морских косах и в чулеках) рыбная ловля стала «главным промыслом жителей».[7] Но и во многих других районах земли донских казаков условия для рыбной ловли также были очень хорошими. В материалах переписи 1764 г. отмечено, что богатые рыбою угодья имели казаки расположенных на Дону Ведерниковской, Иловлинской, Казанской, Усть-Хоперской, Усть-Медведицкой и Клецкой станиц. Из хоперских станиц прекрасными местами располагали Добринская, Михайловская, Слащевская, Кумылженская, Остроуховская, Букановская. Так, в юрте Кумылженской станицы имелась речка и 4 озера, в юрте Остроуховской — 6 озер, а в юрте Букановской — 12 богатых рыбою озер. Из медведицких станиц Островская имела для рыбной ловли 6 озер, из донецких--Луганская станица—5, а Гундоровская—24 озера.[8]

Большинство казаков ловили рыбу для собственного потребления. В таких случаях ловля производилась обычно в одиночку при помощи удочек, бредней, переметов, вентерей, сапеток. Зимой молодежь часто

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 103, д. 1024.
[2] ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 61, л. 193 об.
[3] Там же, оп. 2, д. 269, л. 414.
[4] ЦГВИА, ф. 41, оп. 199, св. 37, ч. III, д. 446, л. 35.
[5] ДОВ, 1774, № 75.
[6] ДОВ, 1902, № 145; Акты Лишина, т. I, № 128—129, стр. 194—202.
[7] СОВДСК, вып. XI, стр. 36 и др.; ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 1—9 об.
[8] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св 105.

просто глушила рыбу, идя с топором по тонкому льду и время от времени ударяя обухом по льду, после чего рыба всплывала брюхом кверху. Там, где казаки занимались ловлею рыбы с промысловой целью, они применяли невод. Один из таких неводов описан А. И. Гильденштедтом. Он имел «сто тридцать саженей длины и от трех до четырех саженей ширины». Были неводы и большие по размерам. Они стоили дорого (около 100 руб.), и работать с ними должно было не менее десяти казаков. Поэтому казакам приходилось объединяться в промысловые артели.[1]

Однако немного рядовых казаков занималось промысловым рыболовством, так как было крайне ограничено в средствах. Даже объединив свои усилия, они не могли приобрести всего оборудования, необходимого для ловли и обработки рыбы, потому что, по самым скромным подсчетам, стоимость невода равнялась 70—100 руб., баркаса — 15—20 руб. (а их требовалось несколько), на остальной же инвентарь (для ловли и обработки рыбы) нужно было затратить не менее 100 руб.

Но те, кто имел возможность вложить в рыболовство значительные капиталы, получали от него большой доход. Поэтому старшины и богатые казаки быстро захватили этот промысел в свои руки. Наиболее распространенным было взятие рыболовных мест на откуп. Старшины и богатые казаки проявили при этом такую энергию, что к середине XVIII в. почти по всему Дону лучшие рыболовные места оказались у них на откупе. Так, по данным переписи 1764 г. в Богаевской станице 3 озера были отданы на откуп за 110 руб. казаку Якову Ештокину. В Иловлинской богатый рыбой ерик был взят на откуп за 50 руб. казаком той же станицы Аликовым. В Михайловской 8 озер были отданы на откуп за 100 руб. казаку этой станицы Тимофею Устинову «с товарищи».[2] Вскоре это место перешло к одному из старшин (его имя неизвестно), который платил 100 руб. и за это, по словам Гильденштедта, имел «право один ловить здесь рыбу, которую он и продает».[3] В 1776 г. казак Иван Кузнецов держал на откупе для рыбной ловли р. Маныч.[4] В 1777 г. лучшие рыболовные места на морских косах от Петрушиной до устья Кальмиуса находились на откупе у старшин Амвросия Луковкина и Василия Манкова.[5] В этом же году взял на откуп за 150 руб. рыбную ловлю на Тузлове походный атаман Иван Бихалов.[6] Крупным откупщиком рыбных промыслов в Ачуевской даче до передачи этого района в 1792 г. Черноморскому войску был Кирилл Селиверстов.[7]

Как быстро росли рыболовецкие хозяйства старшин и богатых казаков, видно из описи, проведенной обер-комендантом крепости Дмитрия Ростовского в 1766 г., по которой значится на взморье 41 морской «завод» и 57 неводов и в низовьях Дона (до Черкасска) — 67 заводов, частью с неводами (которых было 43).[8]

Рыболовецкие хозяйства старшин и богатых казаков, как правило, были крупными. Все оборудование рыболовного завода, купленное 6 апреля 1771 г. казаком Середней станицы Степаном Стечкиным, стоило 493 руб., а проданный в 1799 г. донским казаком И. Чернышовым рыболовный завод при Ясенском гирле был оценен в 1300 руб.[9] Крупные и

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 1015, лл. 150—157; ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1490, лл. 59—71; А. И. Гильденштедт. Дневник путешествия, стр. 192.
[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 1105.
[3] J. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland, Teil I, 1787, S. 54.
[4] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 3, л. 49об.
[5] Там же, д. 4, л. 56.
[6] СОВДСК, вып. X, стр. 41.
[7] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 35, ч. IV, № 166, д. 315, лл. 43—48об.; Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска, т. I. Екатеринодар, 1910, стр. 567—568.
[8] Акты Лишина, т. III, № 37, стр. 69.
[9] ГАРО, ф. 335, оп. 1, д. 448, л. 9; В. А. Голобуцкий. Черноморское казачество, стр. 282.

дорогостоящие рыболовецкие хозяйства были у отставного сотника Дурновской станицы Никиты Савилова и его сына Ивана, а также у целого ряда названных выше старшин-откупщиков.[1]

В таких хозяйствах широко использовался труд работных людей. В первой половине XVIII в. на Дону была очень распространена работа «с найма денежной заплаты», разумеется, на кабальных условиях, за долю от улова рыбы. Однако на первых порах условия были сравнительно выгодными для рыболовов, так как владелец платил им «от прибытка половинную часть денег». На таких условиях работали, например, на рыбных станах и рыбоспетных заводах в Донецком чулеке, Морском чулеке и Самбецкой косе.[2]

Выгодные условия привлекали в гирла Дона и в Приазовье значительное число людей. Особенно много приходило украинских крестьян, пользовавшихся до 1783 г. правом свободного перехода. Сначала они нанимались на сезон, но затем многие из них оседали в низовьях Дона, работая по найму у разных владельцев. Так, в 1763 г. на рыбоспетных заводах у Василия Ланца работало по найму 33 «вольных малороссиянина», у Ивана Янова — 37, у Ивана Орехова — 98, у Матвея Жмурина — 112.[3] На заводах, принадлежавших Никите Савилову, работало 146 человек, Степану Попову — 33, Алексею Колесникову — 61, Михаилу Фролову — 40 и т. д.[4] Здесь «вольных малороссиян» в 1763 г. застала перепись. Понимая, что приписка к владельцам влечет за собой закрепощение, многие «по вольности их... разошлись в другие места».[5] Однако большинству это сделать не удалось, и к 1764 г. было приписано к владельцам на территории от Большого Лога вниз до морских гирл 1106, а на морских косах 1170 человек.[6] С этого времени на рыболовецких предприятиях старшин и богатых казаков работа свободных людей всё в большей мере вытеснялась трудом приписных. Так, в 1782 г. в Роговском стане работал уже 291 приписной, в Усть-Аксайской — 641, вниз по Дону от Гниловского стана до устья реки — 419, на морских косах и по речкам Аксаю и Тузлову — 1865 приписных.[7]

В крупных рыболовецких хозяйствах богатых казаков и старшин рыбу ловили почти весь год (рыбная ловля делилась на зимнюю, весеннюю и меженную). При этом владельцы не стремились к немедленной продаже всей выловленной рыбы. Большую часть ее они оставляли для обработки на собственных «спетных» заводах. После улова рыбу немедленно сортировали; затем предназначенную для солки опускали в специальные солила, в которых держали от 6 до 9 дней. Часть рыбы сушили в специальных печах, при этом из печи вынимали весь жар, на горячий под клали сено, а на него — рыбу, которую держали таким образом несколько дней.

Особенно большого труда требовала обработка красной рыбы. Сначала ее «разделывали», т. е. очищали от чешуи и потрошили, затем клали в специальные корыта и засыпали мелкой солью и селитрой. Продержав рыбу таким образом 10—12 дней, ее вешали на высоте 3,5—4 м. от пола в обнесенных специальными решетками помещениях, в которых она «спела» 2 месяца. Приготовленные таким образом спинку (балык) и брюшко (тешка) выгодно продавали. Часто на продажу рыбу возили сами владельцы рыбоспетных заводов или их приказчики, иногда в дальние места.[8]

Казаки славились также изготовлением осетровой икры, которую,

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 55, лл. 1—2, 4 и др.
[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 160—176.
[3] Там же.
[4] Там же. лл. 177—262.
[5] Там же, л. 160 и др.
[6] Там же, лл. 3—263.
[7] ЦГАДА. ф. 259, кн. 4267. д. 7, лл 823—825
[8] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 64, лл. 1—2; д. 72, л. 2 об.; д. 190, л. 11.

как и красную рыбу, старшины и богатые казаки продавали по дорогой цене, получая очень большие доходы.

Остальные отрасли сельского хозяйства на Дону в XVIII в. имели меньшее значение. Из них более развито было виноградарство. В Подонье оно существовало, по всей вероятности, в античные времена, а может быть, и ранее. Существовало оно, по-видимому, и в последующее время. Однако, как повествует устная традиция, в конце XVII в. виноградарство было почти забыто, и только после посещения Дона Петром I стало быстро развиваться.[1] Природные условия для виноградарства в Подонье всегда были очень благоприятны. Известный путешественник и природовед С. Г. Гмелин писал в 1771 г., что «не можно способнейшего места избрать к насаждению винограда, как западный берег Дона, и при том зачиная от Воронежа до устья Дона».[2] Но особенно благоприятными были климатические и почвенные условия на юге, и, как только этот район оказался в сравнительной безопасности от набегов, тут быстро стало распространяться виноградарство. К концу XVIII в. виноградниками изобиловали станицы Цимлянская, Раздорская, Мелиховская, Золотовская, Кочетовская, Бесергеновская и Нижне-Чирская. Немало виноградников было в станицах, расположенных на Северском Донце в юртах Нижне- и Верхне-Кундрючьей и Усть-Быстрянской станиц, в некоторых местах Миусского округа и в районе Черкасска.[3] Было много и других пригодных для виноградарства мест, но в XVIII в. с этой целью они не использовались.

Занятые главным образом службой и военными делами и не имея достаточных средств, казаки не могли уделять необходимого внимания виноградарству. С. Г. Гмелин отмечал, что казаки при уходе за виноградом делают только то, без чего вообще нельзя обойтись. «О других обыкновенных при винограде работах в весенне-летнее и осеннее время не знают они ничего. Они оставляют на произволение естества, да и думают, что через многое старание более попортят, нежели исправят».[4]

Но и при таком уходе виноградники давали обильные урожаи. Большая часть винограда покупалась на месте немедленно «приезжими купцами для продажи по разным российским городам».[5] Из остального, по словам де Романо, делали «очень приятное вино, похожее на игристое шампанское, его несколько сортов. Лучшим считается цымлянское, но и раздорское не уступает ему».[6] Однако в целом вино было невысокого качества.[7] Но так как оно стоило недорого, то быстро расходилось и имело спрос в Москве и во многих других русских городах.[8]

Природные условия Донского края для распространения садоводства и огородничества были также благоприятными. По словам К. Крейса, на Нижнем Дону и в Приазовье фруктовые деревья столь плодовиты, что «без всякого присмотру или поправления приносят разные качества яблок, груш, вишен, смородины и прочие плоды».[9] В каждой станице

[1] Вл. Броневский. История Донского войска, ч. I, стр. 283.

[2] С. Г. Гмелин. Указ. соч., ч. II, стр. 254.

[3] «Краткое топографическое описание земли Войска Донского за 1806 г.» СОВДСК, т. XI, стр. 35; A. L. de Romanò. Coup d'oeil philosophique, t. II, p. 138—139.

[4] С. Г. Гмелин. Указ. соч., ч. I, стр. 254.

[5] «Краткое топографическое описание земли войска Донского, за 1806 г.» СОВДСК, вып. XI, стр. 35

[6] A. L. de Romanò. Coup d'oeil, philosophique, t. II, p. 138.

[7] С. Г. Гмелин. Указ. соч., ч. I, стр. 254. В XVIII в. невысоким качеством отличалось виноградное вино, приготовлявшееся и в других областях России. Поэтому в конце 80-х годов Вольно-Экономическое общество объявило «задачу о лучшем разведении винограда в тех провинциях России, где он находится» (К. Ф. Сивков. Вопросы сельского хозяйства в русских журналах последней трети XVIII в. «Материалы по истории земледелия в СССР», сб. I. М., 1952).

[8] СОВДСК, вып. XI, стр. 35.

[9] К. Крейс. Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове. «Отечественные записки», 1824, № 54, стр. 54.

у казаков имелись различные фруктовые сады. Особенно обширные сады тянулись от Новочеркасска по правому берегу Аксая до Аксайской станицы и по течению Мертвого Донца. На бахчах, которые также имелись у каждого казака, росли превосходные дыни и арбузы, тыквы, а также огурцы, капуста, свекла, лук и петрушка. Садовые и бахчевые культуры не имели промыслового значения, но служили важными продуктами питания почти круглый год, особенно в течение летнего и осеннего времени.[1]

По сравнению с предшествующим периодом в XVIII в. значительно уменьшилась в хозяйственной жизни Дона роль лесного и охотничьего промыслов. Еще в XVII в. по берегам Хопра, Медведицы, Бузулука, Иловли тянулись величественные и непроходимые леса. Немало их было в бассейнах Дона, Донца и Миуса.[2] Но в связи с быстрым ростом населения и хищническим уничтожением лесов они в XVIII в. быстро поредели. Путешествуя в конце 60-х годов XVIII в., С. Г. Гмелин отметил, что жители помнят то время, когда на правом берегу Дона было много лесов, «а теперь и там почти совсем было чисто».[3] Так как Войско принимало меры к защите леса от полного истребления, то к началу XIX в. он кое-где сохранился. Как отмечено в «Топографическом описании» (1806 г.), «в небольшом количестве» он имелся по «впадающим в Дон рекам: Хопру, Медведице, Бузулуку и частью в верхних донских юртах и на реке Миусе». Однако качество этого леса было низким и даже «годного... к домовному строению [было] очень мало».[4] К тому же лучшие из этих лесов были отобраны у Войска и переданы в ведение государства, а леса, оставшиеся у казаков хищнически истреблялись. Но и в таких условиях определенное значение в экономической жизни казачества продолжала сохранять охота. Как и в XVII в., большие группы казаков-«гулебщиков» время от времени уходили в глухие леса на Хопер, Бузулук, Иловлю и Медведицу для охоты на диких зверей и птиц.[5]

Там, где сохранились леса, важным промыслом казаков являлся сбор и заготовка дикорастущих плодов — лесных яблок (кислица), груш (дичка), вишен, терна, калины, малины, ежевики, шиповника и орехов.[6]

Мягкий климат и обширность полей и лугов создавали благоприятные условия для развития на Дону пчеловодства. Но в XVIII в. большого распространения оно не получило в силу того, что лесов было мало, посевы гречихи ничтожны, а степные травы отцветали и сохли очень рано. Впрочем, те немногие казаки, которые занимались пчеловодством, извлекали из него значительные доходы.

В целом сельское хозяйство на Дону в течение XVIII в. развивалось очень быстро. Из далекой пограничной полосы (Дикого поля), где господствовали самые примитивные формы хозяйства, в XVIII в. Подонье превратилось в составную часть Российской империи, которая по уровню развития производительных сил в сельском хозяйстве не отставала от остальной России,[7] а по темпам развития даже обгоняла ее. В результате этого Дон, живший главным образом за счет привозных

[1] «Краткое топографическое описание земли войска Донского за 1806 г.» СОВДСК, вып. XI, стр. 35; С. Г. Гмелин, Указ. соч., ч. 1, стр. 241, 269—270; И. А. Гильденштедт. Дневник путешествия, стр. 218.

[2] См., например, В. С. Попов. Материалы к истории войска Донского. СОВДСК, вып. XII, стр. 186—201.

[3] С. Г. Гмелин. Указ. соч., ч. 1, стр. 244.

[4] СОВДСК, вып. XI, стр. 35.

[5] В. Д. Сухоруков. Общежитие донских казаков в XVII—XVIII столетиях. «Русская старина на 1625 г., изданная А. Корниловичем». СПб, 1824; С. В. Кириков. Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII—XIX вв.). Степная зона и лесостепь. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 71, 74, 78, 80—81, 91.

[6] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 27, лл. 114—114 об.

[7] Ср. П. И. Лященко. Крепостное сельское хозяйство в России в XVIII в. «Исторические записки», т. 15.

продуктов сельского хозяйства (особенно хлеба), стал теперь почти полностью производить их на месте. И хотя население края значительно выросло по численности, оно могло обходиться без привозного хлеба и других продуктов сельского хозяйства.

Быстрый рост производительных сил в сельском хозяйстве в XVIII в. привел к изменению всей его структуры. В предшествующий период ведущая роль принадлежала подсобным промыслам — охоте и рыболовству; скотоводство имело меньшее значение, а земледелие, по существу,— никакого. Теперь же основными отраслями сельского хозяйства стали земледелие и животноводство; рыболовство заняло третье место, а значение прочих отраслей сельского хозяйства резко снизилось.

В результате быстрого распространения на Дону земледелия, скотоводства и других отраслей сельского хозяйства, а также значительного роста производительных сил наметилась хозяйственная специализация отдельных районов Подонья. Главным занятием казаков верхнего Дона и его левых притоков — Хопра и Медведицы — стало хлебопашество. Со второй половины XVIII в. оно получило большое развитие также и в бассейне Миуса. Животноводство, широко распространенное во всей Донской земле, в излучине Дона стало основной отраслью хозяйства, а после того, как началось освоение задонских степных просторов, утвердилось и в Сальских степях. С последней четверти XVIII в. здесь начали возникать конские заводы старшин и богатых казаков, получившие особенно широкую известность уже в первой половине XIX в. В нижнем течении Дона и в Приазовье господствующая роль принадлежала рыболовству, а в станицах, расположенных по среднему течению Дона, — виноградарству.

Хозяйственная специализация отдельных районов в XVIII в. была еще очень слабой. Однако она сыграла важную роль в углублении общественного разделения труда и дальнейшем развитии рыночных отношений на Дону.

5. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Процесс общественного разделения труда проходил на Дону своеобразно. Если сельское хозяйство развивалось быстро, то в области промышленности рост производительных сил происходил очень медленно. В то время, как во всей стране быстро увеличивалось число промышленных предприятий и утверждалась мануфактурная стадия в развитии промышленности,[1] Дон еще не знал мануфактур. Правда, на Дону было небольшое число предприятий (некоторые из них назывались «заводами»), но занимались они главным образом переработкой продуктов сельского хозяйства и подсобных промыслов; к тому же по размеру они были небольшими.

Из числа подобного рода заведений наибольшее распространение на Дону имели так называемые рыбоспетные заводы. Выше уже описывалось их крайне примитивное устройство. Очень несовершенными по устройству и организации труда были и другие предприятия — салотопные, кожевенные, маслобойные, шерстомойные, черепичные и т. п. (которые к тому же встречались на Дону очень редко). Так, например, в книге Гильденштедта приводится описание устройства валяльной машины: «Сегодня,—пишет он,—рассматривал в стоящей на Бузулуке Алексеевской станице машины, на которых местные жители валяют сукно.

Для этого берут толстые дубовые бревна, почти 2-х футов в диаметре, а длиной около 5 футов; эти бревна распиливают вдоль пополам

[1] В. К. Яцунский. Указ. соч. «История СССР», 1958, № 5, стр. 68—77; Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч. В сб. «Вопросы генезиса капитализма в России», стр. 7—8.

и каждую половину выдалбливают в виде полуцилиндра. В этом полуцилиндре вырезывается двадцать прямолинейных выступов (Reife), которые делаются не очень острыми и высотою около дюйма; на дне полуцилиндра вырезывается небольшой желобок, по концам имеющий 2 дыры для стока воды. Этот выдолбленный полуцилиндр ставится горизонтально и представляет собой корыто валяльной машины.

Вторая часть этой машины — это длинное бревно, имеющее 7 футов длины, от 6 до 8-ми дюймов ширины и несколько дюймов толщины; снабжено оно на нижней поверхности 7-ю широкими зубцами, а на средине верхней поверхности находится крюк (Haken), сквозь который продета веревка, удерживающая брус в висячем положении; по обоим концам бруса приделаны 2 рукоятки, за которые хватаются 4 человека и раскачивают брус по длине от одного конца на другой так, что лежащее под ним в корыте сукно, смоченное теплою водой и маслом, давится и трется. Нельзя отрицать, что эта машина очень несовершенна и гораздо хуже обыкновенной валяльной мельницы, но в случае нужды, когда нет хорошей машины, этот прибор годится для домашнего употребления».[1]

Завладев в первой четверти XVIII в. манычскими степями и получив манычские озера в исключительное владение, донские казаки с 40-х годов XVIII в. стали заниматься добычей соли. Казаки нуждались в большом количестве соли, необходимой для рыболовного промысла.

Войско разрешало казакам «ломать» соль для собственного потребления или для продажи в пределах Донской земли. Но провозить добытую соль через манычские степи было опасно, ввиду частых нападений на обозы со стороны кочевников. Поэтому добычей соли занималась небольшая часть казаков, а остальные предпочитали ее покупать. Обычно «ломка» соли начиналась осенью, после того как в течение лета в соляных лиманах воды становилось меньше и соль сгущалась в кристаллы, которые осаждались на дно, образуя кору. Кору разбивали ломами, нагружали в тачки лопатами и по доскам «выволачивали» на берег, где складывали, а затем грузили на телеги. Таким примитивным способом казаки, как сообщает А. Л. де Романо, добывали в Манычских озерах 4 млн. пудов соли в год.[2]

Во второй половине XVIII в. на Дону начали распространяться водяные мельницы. Они стоили дорого, принадлежали, как правило, старшинам и богатым казакам и приносили им значительный доход.[3] Но, как видно из описания Гильденштедта, устроены они были очень примитивно, часто останавливались и ломались.[4]

Даже ремесло, которое в центральной России еще в средние века достигло очень высокого уровня, у казаков и в XVI—XVII, и в XVIII вв. было развито очень слабо. По данным «Топографического описания» 1806 г., на Дону «из обывателей некоторая часть отправляет ремесла: кузнечное, слесарное, сапожное, портняжное, плотничье, кушнарское и каменщичье».[5] Из казаков этим занимались лишь неспособные к службе и бедные. Так, в 1776 г. «по бедности сшел для кузнечной работы» казачий сын Степан Чертопрахов,[6] в 1790 г. «по недостачеству де ево, будучи не в состоянии исправиться к военной службе», был записан в число войсковых каменщиков казак Сиротинской станицы Ларион Тал-

---

[1] J. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland. Teil I. S. 73. В той же книге имеется описание машины, служащей для очищения воска, которая отличалась столь же примитивным устройством (там же, S. 94).

[2] A. L. de Romanó. Coup d'oeil philosophique, t. II, p. 141.

[3] См. «Письма Н. Л. Астахова к своим детям». СОВДСК, вып. VI, стр. 192—194, 198.

[4] J. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland, Teil I, S. 60

[5] СОВДСК, вып. XI, стр. 36—37.

[6] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 192, л. 1.

дыкин.[1] Но основные ремесленные работы выполнялись не казаками, а великороссийскими и украинскими людьми. Большая часть из них приходила на Дон на короткое время. Так, в 1774 г. для работ по строительству в Черкасске каменной церкви приехали из Москвы один «мастер», 2 штукатурщика и 8 каменщиков,[2] в 1750 г. пришли из Суржака мастера по валянию шерсти и нанялись для выполнения работ по заказу казаков Кумылженской станицы.[3] Постепенно многие из них оседали. Среди большого количества украинцев, проживавших на Дону сначала свободно, а с 1764 г. в качестве «приписных», в значительном числе встречались овчары, мельники, «кровецы» (портные), «чеботари», «ковали», маляры и пр.[4]

6. РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛИ

Если промышленность на Дону почти не развивалась и оставалась на протяжении всего XVIII в. на низком уровне, то в области торговли происходили значительные перемены.

Этот период в истории России характеризуется крупными экономическими сдвигами. Они выражались прежде всего в быстром развитии производительных сил, росте общественного разделения труда, усилении хозяйственной специализации районов, значительном развитии обмена между ними и ускорении процесса складывания всероссийского рынка.[5]

Характерной чертой хозяйственного развития России в XVIII в. являлось дальнейшее вовлечение в орбиту всероссийского рынка таких отдаленных районов, как Подонье — Приазовье.

Торговые отношения между донским казачеством и внутренними областями Российского государства возникли очень рано и уже в XVII в. достигли значительного развития. В специальном исследовании донской торговли XVII в. А. А. Новосельский на большом материале показал, что «вследствие частого нарушения мира на южных границах и известной автономности войска Донского торговые сношения между областью Дона и внутренними областями Московского государства не имели вполне спокойного и регулярного характера, но все же они отличались довольно значительной интенсивностью и на протяжении XVII в. значительно усиливались».[6]

Вместе с тем А. А. Новосельский отметил, что при всем значении донская торговля не могла идти в сравнение ни с северной, ни с волжской русской торговлей.[7] Долгое время это была типичная колониальная, меновая торговля, не знавшая эквивалентного обмена. Отличительной чертой ее было слияние с военной деятельностью. Это, правда, «далеко не исчерпывало содержания донской торговли, но представляло собой одну из характерных ее черт».[8] Только этим можно объяснить, например, что Дон в XVII в. оставался «главным рынком, откуда на Русь проникал полон».[9]

---

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 24, л. 47; см. также: ф. 338, оп. 1, д. 191, л. 2; д.210, л. 1; д. 278, лл. 10 и 28; д. 298, л. 6; д. 354, л. 24; д. 435, л. 6.

[2] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 341, стр. 308—309.

[3] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 142, л. 16.

[4] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 1215—1226; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 142, лл. 16, 23; д. 354, л. 24; д. 435, л. 6; д. 625, л. 2 и др.

[5] Подробно об этом см.: В. К. Яцунский. Указ. соч., стр. 68—77; Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России; Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., Госполитиздат, 1957, стр. 9—11 и др.

[6] А. А. Новосельский. Из истории донской торговли в XVII веке. «Исторические записки», т. 26, 1948, стр. 215—216.

[7] Там же, стр. 198

[8] Там же, стр. 208.

[9] Там же стр. 214

Наконец, неразвитость экономической жизни не только в области промышленности, но и в сельском хозяйстве, определила то обстоятельство, что в XVI—XVII вв., как указано А. А. Новосельским, основным товаром, в котором нуждался Дон, являлся хлеб.[1]

В XVIII в. донская торговля далеко шагнула вперед. Это объясняется не только ростом общественного разделения труда во всей стране, но и значительными экономическими и социальными сдвигами на Дону, в силу которых в XVIII в. Дон быстро вовлекался в общее русло экономического и социального развития России. Этому способствовало также и выгодное географическое положение края, связанного системой рек с центральными губерниями России, Поволжьем, Азовским морем и расположенного по соседству с Украиной и Черноморьем.

Быстрое развитие производительных сил на Дону и вовлечение края в систему всероссийского рынка определили прежде всего перемены во внутренней торговле, прочно завоевавшей ведущее положение во всей донской торговле. Она значительно выросла; вместе с тем изменились количество и ассортимент тех товаров, которыми торговал Донской край. Дон стал покупать значительно меньше хлеба, а торговля «ясырем» совсем прекратилась. В то же время увеличилась торговля рыбою, икрою, скотом, а в конце XVIII в. особенно большое значение получила торговля лошадьми.

На рынке появились товары, которыми раньше Дон вообще не торговал. В их числе были, например, овечья шерсть, хлеб, виноград.[2] Некоторое значение имели также изделия из сельскохозяйственного сырья, например, войлок, войлочные кибитки, белые и красные овчины, тулупы.[3] С каждым десятилетием увеличивался вывоз виноградного вина. Торговля донского казачества продуктами сельскохозяйственного производства свидетельствовала о постепенном превращении Донского края в аграрный район страны и определяла место Дона в системе складывавшегося всероссийского рынка.

В обмен шли на Дон товары из Великороссии и Украины.[4] В их числе были продукты сельского хозяйства, например хлеб. Так, в «Ведомости о городе Моршанске», составленной в 1782 г., указывалось, что жители степного Борисоглебского уезда (в большинстве — однодзорцы) хлеб, остающийся «за собственным продовольствием», отвозили для продажи в разные места, в том числе в станицы донских казаков.[5]

Однако в основном из внутренних областей империи на Дон везли промышленные товары, так как с развитием хозяйственной жизни на Дону вырастала потребность в металлических, щепных, шорных и т. п. изделиях, а они в своем большинстве на Дону не изготовлялись. Так, в 1709 г. везли на Дон в бударе для продажи воронежский посадский человек Дорофей Масалитинов «3000 аршин холста хрящу по полтора рубли за сто» и купец Меркула Масалитинов «200 рогож цыновак — 12 рублев, 100 пуд нити — 90 рублев, 600 аршин холста хрящу по пол-

[1] А. А. Новосельский. Из истории донской торговли в XVII веке. «Исторические записки», т. 26, 1948, стр. 210. Своеобразной формой экономических связей Дона с центром страны являлось царское жалованье, которое шло на Дон в виде хлеба, боеприпасов и пр. В тех случаях, когда московское правительство лишало Дон своей поддержки и не присылало жалованья, казаки испытывали большие экономические трудности (см.: ДД, кн. I, стб. 340; С. М. Соловьев. История России, т. IX, стр. 288).

[2] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 5, л. 7 об.; ф. 339, оп. 1, д. 69, лл. 1—10; ф. 341, оп. 1, д. 24, л. 59; ТОВДСК, вып. I, отд. 2, стр. 102; СОВДСК, вып. XI, стр. 36 и др.

[3] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 87, лл. 83—118; ГАРО, ф. 65, оп. 1, д. 1486, л. 53.

[4] И. Г. Шульга. Развитие торговли на Левобережной Украине во второй половине XVIII в. Сб. «Вопросы генезиса капитализма в России». Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 162—163. Следует иметь в виду, что этому способствовало право торговать без пошлин, предоставленное «слободских и малороссийских полков всякого чина людям» (Акты Лишина, т. II, ч. I, № 22, стр. 28).

[5] «Ведомость о городе Моршанске, сочиненная в 1782 г.» Изв. Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. 45, Тамбов, 1901, стр. 49—52; А. Щекатов. Географический словарь Российского государства, ч. I, М., 1801, стб. 525, слово «Борисоглебск».

тора рубли за сто». В том же году купец М. Тулинов вез на шести подводах на продажу в донские городки «95 сапог касимовских, цена 24 р. с полтиною, 6160 аршин холстины льняной — 184 р. и 8 гривен, 3800 аршин хрещу—57 рублей, 13 юфтяток телятных и коневых малых—13 руб., 350 аршин пестреди сандальной — 130 руб. с полтиною, 120 аршин сукна сермяжного — 7 руб. 2 гривны, 830 аршин крашенины ровной—24 руб. 30 алт. 6 ден., шапки с черною овчинкою да мелочного товару на 7 руб. на 30 алт. Всего по цене на 337 руб.».[1] Как свидетельствуют таможенные книги Макарьевской ярмарки, в первой половине XVIII в. на Дон шли холсты, тонкие и грубые («хрящи»), пестрядь, порох, ружья (пищали), пушнина.[2]

Только на нужды Войска в 1763 г. было куплено в Туле 500 пудов листового железа,[3] а в 1777 г. в разные города поехали казаки Сыскин и Поляков купить для войсковых нужд «4 тысячи лубьев, 10 тысяч дору, шинного железа — 200 пудов, гвоздей и костылей — 1000, четвертных—2, карховых — 3, лубочных — 4 тысячи, петлей оконных и дверных — 50, цепей — 30, скоб дверных — 50».[4]

Торговые связи Дона получили очень широкое распространение. Ряд документов свидетельствует о том, что они не ограничивались близлежащими областями, а распространялись значительно дальше. Так, например, в конце XVIII в. донской скот в некоторых случаях перегонялся промышленниками даже через Москву, далеко на север.[5] Такую торговлю на первых порах в большей мере вели русские купцы,[6] но постепенно в нее втягивались донские казаки. Так, в 1773 г. казачьему сыну Алексею Александрову был выдан увольнительный билет «ехать до города Лебедяни для продажи лошадей».[7] В одном из документов за 1786 год упоминаются казаки отец и сын Калактияновы — владельцы рыбного «завода» и судна, на котором они возили свой товар на продажу.[8]

Как видно из определения Войскового гражданского правительства от 13 августа 1787 г., казак Дурновской станицы Василий Болдырев вел торговлю рогатым скотом. Он имел собственное судно, на котором перевозил скот вверх по Бузулуку.[9]

В 1788 г. было выдано казакам более 60 отпускных билетов «для торгового промысла» в разных «великороссийских и малороссийских городах» империи, в том числе на Макарьевской ярмарке, в Москве, в Таврической области и др.[10] Многие из этих казаков тоже владели судами, на которых развозили свои товары.[11] Участие в торговле донских казаков с каждым десятилетием становилось все более активным. Из их среды выделилась особая группа богатых казаков, для которых занятие торговлей стало основным делом. При поддержке правительства и войсковых властей в самом начале XIX в. они объединились в особую корпорацию — «Общество торговых казаков», которое пользовалось рядом привилегий.[12]

---

[1] Л. Б. Вейнберг. Очерк сельскохозяйственной промышленности Воронежской губернии, вып. 1 (XVI—XVIII вв.). Воронеж, 1890, стр. 101—102.

[2] Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России, стр. 170, 176, 185.

[3] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 584, л. 1.

[4] Там же, ф. 341, оп. 3, д. 4, л. 8-а об.

[5] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 229, лл. 1—2, 5—5 об.

[6] Там же, ф. 341, оп. 1, д. 24, л. 107; Л. Б. Вейнберг. Указ. соч., стр. 101—102.

[7] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 190, л. 1.

[8] Там же, д. 64, лл. 1—2.

[9] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 273.

[10] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 71, лл. 2—17; д. 72, л. 2 об. и др.; Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России, стр. 137, 141, 170.

[11] См. ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 72, л. 2 об.

[12] Е. П. Савельев. Очерки по истории торговли на Дону. Новочеркасск, 1904, стр. 40—41.

В связи с развитием торговли резко увеличилось количество торговых перевозок. На Дону появились казаки, главным занятием которых стал извоз.[1] Как и в других районах страны, такие казаки именовались чумаками. Помимо казаков, чумачеством занимались и приписные крестьяне. Так, в 80-х годах XVIII в. перевозил разные грузы на Кавказскую линию приписной Цыкунов, а в 90-х годах занимался чумачеством приписной генерала Дмитрия Мартынова Павел Самарсков и т. д.[2]

Совершенно новым явлением в донской торговле XVIII в. являлось развитие обмена внутри края между отдельными его районами. В предшествующий период этого не было и не могло быть из-за крайне низкого уровня развития производительных сил. В XVIII в. производительные силы настолько выросли, что между отдельными районами наметилось, как уже отмечалось, географическое разделение труда, а это создало благоприятные условия для развития торговли между ними. В 1764 г. на Урюпинскую ярмарку приехало со своими товарами из Черкасска 28 казаков, из Михайловской станицы — 7, из Яменской — 2, из Котовской и Скородумовской — по одному.[3] В приказе войска Донского от 28 февраля 1771 г. упоминается казак Петр Поляков: «Имел де он у себя собственную свою лодку, состоящую щеною в двести рублев, и оною привозя из верхних станиц соль и хлеб в Черкаской и продавая оное, имел пропитание и исправлялся всегда к службе лошадьми и збруею».[4] В рапорте войскового атамана С. Сулина Г. А. Потемкину от 28 ноября 1774 г. отмечалось, что «здешний город Черкаской, яко не имущий при себе хлебопашества, дозольствуется покупкою привозимым из Великороссии и Малороссии ис прикосновенных к границам войска Донского слобод хлебом... *И когда властею божиею по верховым станицам ведомства здешнего бывал хлебу урожай, то оне станицами, не отвозя его к себе, продавали здешним городским жителям* (курсив наш. — **А. П.**), чем старшины, казаки и вдовы казачьи, жены з детми и имели некоторое тем продовольствие». 4 августа 1773 г. казак Павловской станицы Андрей Калин получил от Войсковой канцелярии билет «до Качалинской станицы для торгу сроком на один месяц».[5] 5 августа 1773 г. получили билет «ехать до Луганской Семеновской ярмарки» казаки Павловской станицы Григорий Волошинов и Иван Албаков».[6] 8 августа того же года казак Петр Хлебников получил билет «ехать в море для прасольства», а его брат Дмитрий Хлебников получил билет «до Урюпинска для торгу».[7] В документах за 1788 г. упоминаются «торгующие здесь в Черкасском сосновым лесом разных станиц казаки».[8] В том же году казак одной из донских станиц получил билет «до Кривой Косы по Азовскому морю».[9]

Если учесть свидетельства приведенных выше и целого ряда других документов, то вырисовывается картина широких торговых связей внутри земли войска Донского, возникших в XVIII в. на базе географического разделения труда. Верховые казаки сплавляли вниз по Дону избыток хлеба, леса; отсюда в обмен отправлялись скот, рыба, виноград и вина. Велась торговля и другими товарами. Уже в 60-х годах XVIII в. на станичных и других торгах Дона имелось 495 лавок с разным товаром, 23 мясных прилавка, 33 рыбных сарая, 105 кабаков и 56 шинков.[10]

---

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 829, лл. 1—1 об.
[2] Там же, ф. 341, оп. 1, д. 24, лл. 96—96 об.; д. 27, л. 619.
[3] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 148—150.
[4] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 413, л. 11.
[5] Там же, д. 190, л. 10 об.
[6] Там же, л. 11.
[7] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 190, л. 11 об.
[8] Там же, д. 71, лл. 10 и 17.
[9] Там же, д. 15 об.
[10] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 1516

В XVIII в. на Дону существовал уже ряд значительных торговых центров. Наиболее крупным из них являлся Черкасск — главный город войска Донского. Сюда съезжались со своими товарами не только русские и украинские купцы, но также иностранные — греки, турки, персы и др. Оживленную торговлю в главном городе Войска вели, разумеется, и казаки. На Черкасском торгу можно было купить, и притом в немалом количестве, «всякий хлеб, живность, рыбу, капусту и прочие всякие мелочные товары»,[1] пилы, петли, костыли, гвозди и другие металлические изделия,[2] сукна, кумачи, байки, платки, ленты, нитки[3] и многие иные товары.

Черкасский торг был значительным по своим размерам. По данным переписи 1764 г., в нем насчитывалось 203 лавки, 25 прилавков, 39 кабаков, 4 погреба и 1 сарай.[4] Торг был хорошо организован. Он состоял из Сапожного, Шапочного, Мясного и других рядов, причем купцы каждого ряда объединялись для защиты своих интересов от конкуренции. Много лавок в рядах принадлежало торговым казакам. Так, в Железном ряду вели «разным железным и другим товарам торг» казаки Семен Барбоянов, Никита Ивлев, Семен Денисов, от чего «исправляются как на службу, так и пропитание имеют».[5] В Сапожном ряду вел торговлю казак Борис Антонов.[6] Разным мелким товаром торговал казак Прибылянской станицы Иван Гордеев.[7] В отдельных случаях владели лавками и приписные. Так, «в Съестном ряду собственную его лавку» имел приписной за Прибылянской станицей Никита Антонов.[8]

Однако главная роль на Черкасском торгу принадлежала не мелким торговым казакам или приписным, а старшинам. Войсковому атаману Степану Ефремову принадлежало несколько лавок в торговых рядах, медовый шинок и 10 кабаков, которые он отдавал на откуп за 2000 руб.[9] Бывшие войсковые есаулы Алексей Иловайский и Петр Орлов владели десятью шинками и также сдавали их на откуп за 633 руб. Значительную торговлю вели в Черкасске и некоторые богатые казаки, например, Федор Епифанов Большой, Андрей Ефимов Житков, Мандрыкин, Филатов и др.[10] В отличие от мелких торговых заведений рядовых казаков лавки старшин и богатых казаков были, как правило, крупными по размерам. В красной лавке казачьей жены Прасковьи Пустынниковой, например, было товару на 706 р. 24 к., в том числе несколько тюков китайки разных сортов и цветов, 106 аршин локтевого сукна, 192 аршина стамету разного и т. д., в другой ее лавке товары оценивались в 464 р. 60 к.[11], а в лавке упоминавшегося выше богатого казака Филатова было товаров на сумму свыше 3000 руб.[12] В 1792 г. выяснилась неплатежеспособность казака Алексея Думина. По представлению «от Дурновской станицы и здешних торговых рядов от старост» его имущество продавалось с публичного торга. В лавке, оцененной в триста рублей, было описано товара на 2572 руб.[13]

Со второй половины XVIII в., после образования Темерницкой таможни (1749 г.) и возникновения Ростова, торговые обороты в Черкасске постепенно стали сокращаться. Хотя и в это время Черкасск оставался крупным центром торговли на Дону, но кое в чем он уже уступал

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 412, л. 1.
[2] Там же, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 345.
[3] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 281, лл. 11—13.
[4] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 1478.
[5] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 458.
[6] Там же, л. 450.
[7] Там же, оп. 3, д. 5, л. 7 об.
[8] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 1015, л. 25 об.
[9] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 1471—1475.
[10] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 221, лл. 19—20 об.; д. 291, л. 1, д. 302, л. 1 и др.
[11] Там же, д. 281, лл. 11—13.
[12] Там же, д. 302, л. 1.
[13] Там же, ф. 341, оп. 1, д. 27, л. 723.

Ростову. Уже в 1769 г. С. Г. Гмелин заметил, что «Черкасск не почитается теперь более торгующим городом с турками, но крепость св. Дмитрия присвоила себе сие имя...»[1]

Кроме Черкасска, на Дону были и другие центры внутренней торговли, но менее значительные. Только в Черкасске, например, торговля велась круглый год. В других местах на Дону ведущая роль принадлежала ярмарочной торговле, и это находилось в тесной связи с господством феодально-крепостнических отношений в стране, в силу которых отдельные местные центры втягивались в орбиту всероссийского рынка сравнительно медленно.

Впрочем, некоторые донские ярмарки в XVIII в. были крупными центрами торговли. К числу их относились Урюпинская и Михайловская. Они возникли в начале второго десятилетия XVIII в., а уже через четверть века приобрели широкую известность.[2] По данным переписи 1764 г., на Урюпинской ярмарке имелось 307 лавок, 23 мясных прилавка, 33 рыбных сарая и 56 винных шинков.[3] Посетивший ее в 1771 г. И. А. Гильденштедт отметил, что туда «приезжают купцы со значительных русских городов, особенно из Москвы и Тулы, приезжают и турки из Крыма, татары, калмыки, армяне и грузины со всякими местными и иностранными европейскими и азиатскими товарами. Всякий житель прилегающих местностей, а также все жители Воронежской губернии запасаются здесь на весь год».[4] Это наблюдение Гильденштедта подтверждается другими данными. Так, в 1764 г. Урюпинскую ярмарку посетило 44 воронежских купца, 29 суздальских, 25 арзамасских, 22 елецких, 18 нижегородских, 16 калужских купцов. В том же году на ярмарке торговало 39 казаков из разных донских станиц и значительное число приезжих торговцев из украинских городов.[5] В 1767 г. был выдан паспорт на проезд в Урюпинскую ярмарку саратовскому купцу,[6] в том же году торговали на ней лошадьми калмыки[7] и т. д.

Несколько уступала Урюпинской ярмарке Михайловская. Однако уже в 1764 г. в ней насчитывалось 93 лавки и 6 кабаков, причем большинство из них было построено в «давних годах».[8] В 1778 г. в Михайловской станице произошел большой пожар, в котором сгорело 414 домов и «станичные лавки все безызъятно».[9] Однако вскоре лавки отстроились вновь, а к концу столетия число их значительно выросло. Большинство лавок на Михайловской ярмарке имело небольшие размеры, что видно из оброчной суммы, которая, как правило, не превышала 17 руб. в год за лавку. Но вместе с тем были торговые заведения, принадлежавшие крупным купцам, с товарами на значительную сумму. Здесь, как и на Урюпинской ярмарке, местные казаки пользовались большими привилегиями. Им бесплатно отводились места для устройства лавок с правом вести торговлю беспошлинно или сдавать их в аренду приезжим купцам.[10]

Третьей по значению являлась Луганская (на Донце) ярмарка, где в 1764 г. насчитывалось 42 лавки и 1 станичный кабак.[11] Затем шла Митякинская, где в 1764 г. было 29 лавок, в большинстве совсем небольших по размерам.[12] Еще меньшими были Казанская (26 лавок), Вешенская и Березовская ярмарки. Было на Дону еще около 50 мелких и

[1] С. Г. Гмелин. Указ. соч., ч. I, стр. 272.
[2] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 107, стр. 110—111; № 119, стр. 120—123 и др.
[3] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 1481—1497.
[4] J. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland, Teil I, S. 61.
[5] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 1481—1501.
[6] Е. Н. Кушева. Саратов в третьей четверти XVIII в. Тр. Нижне-Волжского областного научного общества краеведения, вып. 35, ч. 2. Саратов, 1928, стр. 30—31.
[7] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 116, д. 47, л. 352.
[8] Там же, св. 105, лл. 1501—1504.
[9] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1151, лл. 1, 3.
[10] J. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland, Teil I, S. 61.
[11] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 1511—1513.
[12] Там же, лл. 1513—1514.

мельчайших ярмарок, многие из которых организовывались старшинами в своих слободах.[1]

В XVIII в. ярмарочная торговля не была уже передовой формой обмена, но она способствовала дальнейшему вовлечению Дона в орбиту всероссийского рынка.

7. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

В XVIII в. заметные сдвиги произошли и во внешней торговле. С соседними народами, в частности с турками и персами, казаки торговали уже в XVI и XVII вв. Однако эта торговля была сравнительно незначительной по объему и мало связанной с общерусской внешней торговлей, которая проходила главным образом по Волге и Каспийскому морю.[2]

Объем внешней торговли донских казаков увеличился во время «сидения» их в Азове с 1637 по 1642 г. В этот период купцы из Крыма, Кавказа и закаспийских стран в большом числе приезжали в Азов со своими товарами, а в обмен приобретали товары донских казаков и русских купцов, устремившихся в Азов, ибо этот город был единственным доступным для них портом в Азовском и Черном морях.[3] Но с уходом казаков из Азова и утверждением там турок внешняя торговля казаков, а вместе с ней и торговля русских купцов через Донскую землю резко сократилась.

После изгнания турок из Азова в 1696 г. Россия не имела возможности сразу же наладить внешнеторговые связи через этот город. В надежде на развитие черноморской торговли в России были начаты работы по сооружению водных путей между Волгой и Доном. Кроме того, на Карловицком конгрессе 1698 г. и в дальнейшем Россия несколько раз ставила вопрос о предоставлении русским торговым кораблям права свободного плавания через Черное море. Но все это не дало никаких результатов, ибо Россия наталкивалась на упорное сопротивление со стороны Турции, заявлявшей, что Черное море для иностранных кораблей будет свободно лишь тогда, «когда Турское государство падет и вверх ногами обратится».[4] После неудачного Прутского похода России пришлось снова оставить Азов, и вопрос о свободной торговле русских купцов через Азовское и Черное моря на несколько десятилетий был снят, а работа по сооружению каналов прекращена.[5]

Между тем, в первой половине XVIII в. у России не было более удобного выхода к южным морям, чем через низовье Дона. Хотя основные хозяйственные центры империи были удалены от Приазовья, но они были уже прочно связаны с рядом торговых центров Донского края и особенно с Черкасском, куда в первой половине XVIII в. приезжали уже довольно часто турецкие, персидские, греческие и даже венецианские и французские купцы.[6]

Правительство очень быстро оценило выгоды, какие могли дать России зарождавшиеся внешнеторговые связи с южными и юго-восточными странами по донской магистрали. Следствием этого явилось, с одной стороны, учреждение 15 декабря 1749 г. Темерницкой таможни, а

---

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 3, лл. 24, 26.

[2] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 134—136.

[3] В. Д. Сухоруков. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Новочеркасск, 1892, стр. 35—36; А. А. Новосельский. Из истории донской торговли в XVII веке. «Исторические записки», т. 26, стр. 204.

[4] М. М. Богословский. Петр I, т. V. М., Госполитиздат, 1948, стр. 153.

[5] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.», стр. 146—150.

[6] Акты Лашкина, т. II, ч. II, № 612, стр. 751—761.

с другой — предложение купцам создать в Темерницком порту торговую контору.

В ответ на предложение правительства в 1756 г. была образована «Российская в Константинополь торгующая коммерческая компания». Получив ряд льгот и обладая значительными капиталами, «Компания» открыла конторы в Москве, при Темерницком порту и в Константинополе и развила активную торговую деятельность. В связи с этим внешнеторговый оборот через Темерницкую таможню значительно вырос. Уже в 1758 г. он равнялся 87 тыс. руб., а в 1762 г. достиг 170,2 тыс.[1]

В 1762 г. «Компания» была ликвидирована. Внешнеторговый оборот через Темерницкую таможню сократился до 103 тыс. руб.[2] Однако Нижний Дон как новый центр внешней торговли не потерял своего значения для всей России. Наоборот, именно с этого времени начинал играть большую роль в качестве общероссийской торговой магистрали путь, который шел из центральных районов страны по Волге до Дубовки и Царицына, оттуда по переволоке до Качалинской станицы, а затем вниз по Дону. О развитии торговли по этой магистрали в конце XVIII в. можно судить по данным «Топографического описания» 1806 г., в котором отмечается, что «от начала весны до самой зимы... в Качалинской войска Донского станице... грузятся на суда российские товары: канат, железо, гвоздь, хлеб, кожи, икра, масло коровье, также сплавляют лес, дрова и всякие деревянные мелочи и доставляются частью в Старочеркаск, более ж в портовой город Таганрог, где оные иностранцам и российскому купечеству променяются на разные иностранные товары и продаются на наличные деньги».[3]

То обстоятельство что внешнеторговая магистраль пролегала через землю войска Донского, способствовало дальнейшему вовлечению в торговлю местных жителей. Как отмечалось в том же «Топографическом описании» 1806 г., жители Миусского, Аксайского и Первого Донского округов начали особенно интенсивно возделывать пшеницу, чтобы продавать ее «по ближайшей удобности при Таганрогском порте».[4] По свидетельству других документов, в донские станицы и на ярмарки непрерывно приезжали армянские, греческие и другие купцы, привозя с собой «разный товар», «кутни, киндяки, выбойки, кумачи, сафьяны» и т. п., а в обмен покупая товары у казаков.[5] В этот период торговая жизнь в Черкасске стала столь оживленной и приезжих купцов там постоянно бывало так много, что приказом от 28 декабря 1768 г. войсковой атаман требовал от станичных атаманов «учинить достоверные справки, сколько в которой станицы (имеются в виду станицы, составлявшие Черкасск. — **А. П.**) жителей приезжия греки, армяне и турки имеют наемные квартиры и с какими товарами или праздно живут...»[6]

Реже говорится в источниках о внешнеторговых экспедициях донских казаков. Обычно для этого богатые торговые казаки или старшины объединялись. Так, в 1772 г. казак Середней станицы Андриан Сулин и Павловской — Еким Рябчиков с товарами на сумму 900 руб. ездили для торгового промысла в Едисанскую орду, Большую Кабарду и Персию.[7] В 1792 г. два казака Прибылянской станицы с капиталом в 5 тыс. руб. ездили в Трухменскую орду для покупки лошадей и овец.[8] Несколько ранее ездил в Большую Кабарду торговать разными товарами казак

[1] Г. Н. Захарьянц, Г. А. Иноземцев, П. В. Семернин. Указ. соч., стр. 24—26; см. также ЦГАДА, Госархив, р. XVI, д. 129, лл. 10—12.

[2] Г. Н. Захарьянц, Г. А. Иноземцев, П. В. Семернин. Указ. соч., стр. 32.

[3] СОВДСК, вып. XI, стр. 36.

[4] Там же, стр. 35.

[5] ЦГАДА, Госархив, р. XX, д. 54, ч. 2 л. 276; ГАРО, ф. 338, оп 1, д. 884, лл. 3—3 об.; ф. 341, оп. 1, д. 27, лл. 800—800 об.

[6] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 333, л. 1.

[7] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 8, л. 83.

[8] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 221, лл. 19—20 об.

Павловской станицы Федор Фатяшкин.[1] Привезенные из-за границы товары донские казаки часто сами отвозили в торговые центры Российской империи и там продавали. Так, в первой половине XVIII в. они непрерывно возили на Макарьевскую ярмарку приобретенные ими в восточных странах ткани, бумагу, фрукты и пряности.[2]

8. СОХРАНЕНИЕ ПЕРЕЖИТКОВ СТАРИНЫ В ТОРГОВЛЕ

В связи с продолжающимся ростом общественного разделения труда и увеличением денежного обращения донская торговля получила значительное развитие. Это способствовало постепенной ликвидации хозяйственной замкнутости донской окраины, увеличению ее роли в системе всероссийского рынка, а также укреплению хозяйственных связей между отдельными районами Донского края.

Однако этот процесс происходил бы значительно быстрее, если бы некоторые пережитки старины не оказывали на него задерживающего влияния. К их числу относится сословный характер торговли. Еще в первой четверти XVII в. правительство признало за казаками право свободной торговли и в дальнейшем неоднократно подтверждало его. Но это ставило в неравные с казаками условия представителей других сословий, которые желали бы вести торговлю на Дону. Поэтому многие из них отказывались от ведения торговых дел с донскими казаками, что естественно сокращало объем донской торговли. Отмена таможенных пошлин в 1753 г. в значительной мере уравняла другие сословия с казаками. Однако часть торговых привилегий за казаками сохранилась. В то время как с казаков за право торговли на донских ярмарках не взималось никаких сборов, русские и украинские купцы обязаны были платить пошлины. В обнаруженной М. М. Постниковой-Лосевой в отделе письменных источников Государственного исторического музея «Краткой записке о доходах войска Донского» за 1759 г. указывалось, например, что собирается с купцов «по городу Черкасску и на бывающих ярмарках с терезии (больших базарных весов. — **А. П.**) лавок, с конной площади и с имеющихся перевозов — от четырех и до пяти тысяч рублев».[3] В последующие годы на ярмарках также взимались с купцов немалые сборы.[4]

К этому нужно добавить, что выгодное на первых порах для всех казаков право беспошлинной торговли в XVIII в. для основной массы казачества потеряло былое значение. Многие казаки вынуждены были свои торговые места (а вместе с тем и право на свободную торговлю) отдавать на откуп старшинам и богатым казакам. В XVIII в. откупщики прибрали к рукам не только торговые места, но и винную продажу, и места для рыбной ловли.[5] Используя свое положение, они подавляли торговую инициативу представителей неказачьих сословий и основной массы казачества, что, разумеется, отрицательно сказывалось на торговле в целом.

Широкое распространение на Дону в XVIII в. получил ростовщический капитал. В документах Войсковой канцелярии сохранилось огромное количество дел, свидетельствующих о ссужении ростовщиками денег отдельным казакам, представителям других сословий и даже

---

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 4, л. 301.

[2] Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России, стр. 141.

[3] М. М. Постникова-Лосева. Указ. соч. «Исторические записки», т. 60, 1957, стр. 256—257.

[4] ЦПВИА, ф. 13, оп. 107, ед. 138, лл. 749—758, 763—766.

[5] Там же, св. 105, лл. 1449—1516; ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, лл. 5, 355, 713—716; оп. 3, д. 3, л. 46 об.; д. 5, лл. 51 об., 60 об. и др.; ЦГАДА, Госархив, р. XX, оп. 1, д. 54, ч. II, лл. 132—133; ф. 259, оп. 22, д. 1576, лл. 3—6 об.

целым станицам под огромные проценты.[1] Особенно крупными ростовщиками являлись старшины. В 1787 г., например, старшинской вдове Каршиной были должны два казака Дурновской станицы: Иван Моргунов 1100 руб. и Василий Волгин 550 руб., полковой есаул Василий Каршин 100 руб. и «женка» Домна Грекова 114 руб., а всего 1864 руб.[2]

Создавая лишь некоторые предпосылки для перехода к капиталистическому способу производства, ростовщический капитал в целом тормозил этот переход и консервировал старый способ производства.[3] Одним из показателей этого являлось установление кабальных отношений между кредиторами и должниками-казаками и взятие «в зажив» задолжавших приписных крестьян.[4]

В донской торговле долго сохранялись и другие пережитки старины. Так, многие годы на Черкасском торгу продавать мясо (и бить скот) имели право определенные люди — мясники. Так как это приводило к росту цен на мясо, то в 1780 г. Войско разрешило «скот и мясо продавать всем, кто пожелает, вольно, токмо с тем, чтобы цены на мясо против прежних были сколько можно уменьшены».[5]

Постепенно с развитием производительных сил и ростом товарного обращения пережитки старины изживались, и повышалась роль Донской земли в системе всероссийского рынка.

Подведем итоги. 1. Основными источниками существования казачества в XVI—XVIII вв. являлись военная добыча, царское жалованье, рыбная ловля, охота и скотоводство. Постепенно старые источники существования стали сокращаться, а с последней трети XVII в., когда начала быстро расти численность населения на Дону, возникла экономическая необходимость в появлении новых средств обеспечения жизни.

2. С 80-х годов XVII в. на Дону начало распространяться земледелие, которое в XVIII в. стало ведущей отраслью хозяйства. Несмотря на благоприятные климатические и почвенные условия, развитие земледелия тормозилось непрерывными набегами со стороны вооруженных отрядов соседних феодальных государств и кочевых племен и невозможностью казаков, занятых главным образом службой, уделять сельскому хозяйству должное внимание. Поэтому земледелие по своему характеру было экстенсивным. И тем не менее в XVIII в. Дон стал районом, который имел возможность удовлетворять потребности в хлебе (и даже торговать им) значительно увеличившегося населения своего края.

3. Отраслью, имевшей в XVIII в. не меньшее, а в отдельных районах и большее хозяйственное значение, было животноводство. Оно обслуживалось главным образом трудом женщин и детей, и по своему характеру было экстенсивным, но и при этом обеспечивало казаков продуктами питания и предметами торговли. Почти в каждом казачьем хозяйстве имелся рогатый скот, овцы, свиньи, домашняя птица. Животноводство было широко развито и в хозяйствах старшин и богатых казаков, которым торговля рогатым скотом, овцами и овечьей шерстью, а особенно конями приносила большие доходы. Распространению животноводства на Дону способствовали благоприятные условия для сбыта

---

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 57; оп. 2, д. 269, лл. 329, 527—527 об., 572; оп. 3, д. 5, лл. 16 об., 55 об. и др.; ф. 338, оп. 1, д. 11, лл. 262, 363, 376; д. 142, л. 21; л. 209, л. 8; д. 210, л. 6.

[2] Там же, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 566 об.

[3] К. Маркс, Капитал, т. III. М., Госполитиздат, 1949, гл. 36, стр. 610—611, 623 и др.

[4] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 11, лл. 117 об., 262, 376; оп. 3, д. 5, л. 55 об.; ф. 338, оп. 1, д. 35, лл. 19—19 об.; д. 61, л. 5; д. 1010, л. 21 об.; д. 1011, лл. 3, 11 об.; д. 1008, л. 37 об.; д. 436, лл. 23—24; д. 290, лл. 8—8 об.; д. 1025, л. 8 и др.

[5] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 195, л. 9.

скота и продуктов животноводства на внутренних рынках Российской империи.

4. Третьей по значению отраслью хозяйства на Дону было рыболовство, распространенное в низовьях Дона и Приазовье. Казаки занимались рыболовством, как правило, в одиночку, но иногда объединялись в артели. Постепенно лучшие рыболовные места перешли в руки старшин и богатых казаков, которые основывали крупные рыболовные станы и рыбоспетные заводы с дорогостоящим оборудованием и применением труда наемных и зависимых людей.

5. Другие отрасли сельского хозяйства имели меньшее значение. Из них наиболее развитым было виноградарство. Почти у каждого казака имелись также сады и бахчи; слабо было развито лесоводство и пчеловодство.

6. В целом на Дону в XVIII в. получил значительное развитие ряд отраслей сельского хозяйства, в результате чего Дон перестал жить за счет привозных продуктов. Ведущее место в сельском хозяйстве заняло земледелие и скотоводство; наметилась специализация отдельных районов края по определенным отраслям сельского хозяйства.

7. Значительно медленнее развивалась на Дону промышленность. Небольшое число промышленных заведений занято было переработкой продуктов сельского хозяйства. Большинство из них к тому же было очень примитивным по своему устройству. Даже ремесло на Дону было развито слабо, причем основные ремесленные работы выполнялись не казаками, а представителями других сословий.

8. На основе роста производительных сил на Дону и расширения всероссийского рынка во всей стране происходило дальнейшее развитие торговли. Ведущее место закрепилось за внутренней торговлей, причем Дон продавал главным образом продукты сельского хозяйства и в первую очередь — животноводства, а покупал промышленные изделия. Совершенно новым явлением было развитие торговых связей внутри Донского края между отдельными его районами. В XVIII в. на Дону существовал ряд крупных торговых центров, при этом особенно широкое развитие имела торговля на донских ярмарках. Значительно расширилось внешнеторговое движение на Дону, а вместе с ним участие во внешней торговле жителей края.

Крупные перемены в хозяйственной жизни оказали огромное влияние на развитие социальных отношений на Дону в XVIII в.

Часть II
РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глава 1
ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА

1. ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАЧЬЕГО СОСЛОВИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ДОНУ В XVII ВЕКЕ

С момента появления на Дону казаков правительство сразу оценило их значение в деле хозяйственного освоения Дикого поля и в обороне юго-восточных границ России от агрессии турок и их вассалов. Вместе с тем оно понимало, что основную массу казачества составляли тяглые люди, бежавшие от помещиков и люто ненавидевшие крепостников. Получив свободу и имея оружие, они были социальной силой, опасной для феодально-крепостнического государства.

Учитывая эти обстоятельства, правительство стремилось сохранить казачество (как вооруженную силу), но при этом подчинить его своей власти. Между тем, осуществить это было нелегко. И в XVI, и в первой половине XVII в. небольшая по численности «община» донских казаков оказывала стойкое сопротивление самодержавно-крепостническому правительству, вооруженные силы которого к тому же были еще очень удалены от казачьих владений. Вот почему, как отмечал К. Маркс, уже в начале XVII в. «правительство допустило существование казачества в виде особого военного сословия наравне с стрельцами, пушкарями и воротниками».[1]

Вначале это сословие пользовалось большой свободой. Даже служба казаков не была строго регламентирована. Главная их обязанность состояла в охране юго-восточных границ государства и в содействии послам при переговорах русского правительства с южными соседями.[2] И хотя за службу казаки получали похвальные грамоты, жалованье и имели некоторые привилегии, они несли ее лишь тогда и в той мере, в какой это соответствовало интересам Войска. Когда, например, в 1630 г. на Дон прибыл царский посол боярин Иван Карамышев и потребовал, чтобы казаки выступили вместе с турками против литовского короля, казаки не послушались и заявили, что хотя они и не изменники царю, но среди христиан кровопролития не желают и на литовскую землю не пойдут.[3] Еще более частыми были случаи, когда казаки, «не истерпя

[1] К. Маркс. Стенька Разин, «Молодая гвардия», 1926, кн. 1, стр. 107.

[2] И. Прянишников. Указ. соч., стр. 23; ДД, кн. IV, стб. 1188—1191, 710—718; Акты Лишина, т. I, № 4, 5, 8.

[3] ДД, кн. 1, стб. 220, 237—246, 273—276, 295, 297, 309—314.

задорев», нападали на владения турок в моменты, совсем не выгодные для московского правительства, часто вопреки его прямым запрещениям.[1]

Заявления московских послов в Константинополе о том, что казаки «не по царскому велению живут на Дону и без ведома царя делают всякие мирные и бранные дела»,[2] были не простой дипломатической отговоркой, как иногда полагают. Они отражали реальное положение дел, свидетельствуя о том, что самодержавие в XVII в. не имело еще достаточных сил, чтобы подчинить своей безраздельной власти донских казаков, которые в то же время использовались им как дешевая и значительная вооруженная сила. Поэтому, хотя правительство и отправляло своих послов на Дон с грамотами, где казакам «выговаривалось» за их «неправды и непослушания», оно не считало возможным без особых причин обострять отношения с ними. Так, князю Белосельскому, отправленному к казакам в 1623 г., предписывалось «государскую грамоту... вычитывать им с радостью, чтобы их не ожесточить. Выговаривая, покрывать гладкостию. А многих речей с казаками не заводить, чтобы их не ожесточить».[3]

Между тем, правительство не желало мириться с таким положением и после устройства Белгородской черты и утверждения в конце XVII в. в Приазовье, когда вооруженные силы России подошли вплотную к земле Донской, стало проводить более твердую крепостническую политику на Дону.

Но и донское казачество к середине XVII в. значительно изменилось. В сравнительно короткий срок оно выросло количественно и превратилось в грозную силу, с которой правительству все время приходилось считаться. В то же время становились более заметными социальные перемены в среде казачества. Добившись избавления от крепостного гнета, донские казаки с гордостью говорили о своей свободе и равенстве. Когда, например, русский посол Григорий Нащекин, проезжая в 1592 г. (по пути из Москвы в Турцию) по Донской земле, привез казакам царский подарок — сукна и «хотел, разверстав, раздать лутчим добрые, а рядовым середние...», то казаки заявили, «что у них больших нет никого, все равны, и разделять сами на всё войско, по чему достанетца».[4]

Однако уже в то время равенство казаков было в большей степени видимое, чем действительное. Хотя основную массу приходивших на Дон людей составляли представители низших социальных слоев населения, которым особенно тяжело жилось в крепостнической России, на Дону поселялись и богатые крестьяне и торговцы, а в отдельных случаях и дворяне. Известно также, что одним из атаманов войска Донского в 20-е годы XVII в. был князь Иван Васильевич Друцкий.[5] Все эти люди были выходцами из крепостнической России XVI—XVII вв., где сословное неравенство составляло основу отношений между людьми. Естественно, что представления о сословном неравенстве сохранялись у них и на Дону.

Но еще большее значение для углубления социального неравенства на Дону имело обогащение небольшой группы казаков за счет военных

[1] ДД, кн. 1, стб. 240, 250, 769 и др.

[2] «Историческое описание земли войска Донского», стр. 204—205, 221, 313; А. М. Савельев. Трехсотлетие войска Донского, стр. 2, 6; ДД, кн. 1, стб. 240.

[3] А. М. Савельев. Указ. соч., стр. 15.

[4] «Историческое описание земли войска Донского», стр. 57. Подобный случай произошел и в 1638 г., когда на предложение московского правительства выслать в Москву в качестве послов «лутчих людей» казаки ответили, что «лутчих де людей у них на Дону нет, все они меж себя равны», «а то де у них и лутчие люди, ково они, выбрав Войском, пошлют» (ДД, кн. 1, стб 660, 661).

[5] «Материалы для истории войска Донского». СОВДСК, вып. XIII, стр. 169—171; А. А. Новосельский. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века. «Исторические записки», т. 16, 1945, стр. 58—64 и др.

походов, торговли, захвата лучших пастбищ и рыбных ловель, ростовщичества и т. п. Ради своего обогащения домовитые казаки не считались ни с чем. Даже во время крестьянской войны под предводительством Степана Разина, которой они явно не сочувствовали, многие из них осуждали «воровских казаков, голутвенных людей, ружьем и платьем... отпускали для добычь исполу». И делалось это лишь для того, чтобы «те донские казаки с теми посыльщики своими добыч их делили».[1]

Все это уже в середине XVII в. привело к разделению казачества на две группы. По словам К. Маркса, «там были домовитые, старые, прямые, настоящие казаки, с одной стороны, с другой стороны — «голутвенные люди», как их называют акты, или голытьба...»[2]

Большая часть домовитых казаков селилась в низовьях Дона, где были благоприятные условия для быстрого обогащения. Отсюда легче было совершать военные походы. «Низовому войску» шло и царское жалованье. Сразу заняв особое положение по сравнению с другими казаками низовое казачество продолжало обогащаться и в дальнейшем, чему способствовало использование в их хозяйствах труда военнопленных и работных людей.[3]

Подавляющее большинство голутвенных казаков проживало на Среднем Дону, по Хопру, Бузулуку, Медведице и Иловле. Царского жалованья они не получали, а их участие в военных походах находилось под контролем у низовых казаков. А так как часто многие из голутвенных не имели необходимого снаряжения, то приобретали его у зажиточных казаков на кабальных условиях.

И все же нет оснований в делении казаков на «низовых» и «верховых» видеть социальное размежевание, как это принято в исторической литературе. Среди верховых тоже очень скоро выделилась прослойка «дюжих» казаков, «которые Войску служат». Когда же со второй половины XVII в. на Дону стали утверждаться как ведущие отрасли хозяйства земледелие и скотоводство, процесс социальной дифференциации пошел более быстро как на нижнем, так и на среднем Дону. Уже в третьей четверти XVII в. деление казаков на «низовых» и «верховых» по существу потеряло свое значение. В то же время более резко обозначилось разделение их по имущественному признаку на «голутвенных» и «домовитых». Из среды домовитых казаков обычно избиралась вся старшина (во главе с атаманом), которая оказывала большое влияние на решения войскового круга.

Социальное расслоение и непримиримость классовых интересов на Дону выявились с особой силой уже во время крестьянской войны под предводительством Степана Разина. Когда в апреле 1666 г. Степан Разин шел вверх по Дону, «его голытьба по пути грабила богатых казаков и разоряла их дома».[4]

В дальнейшем, опираясь на голутвенных казаков, Разин «прямых старых донских казаков... многих перебил и переграбил и опозорил».[5] Со своей стороны, и «казаки,— как отмечают документы,— которые одинакие и голутвенные люди, Стеньке с товарищи [были] гораздо ради, что они пришли на Дон... А которые де старожилые домовые казаки, и те о том гораздо тужат».[6] В самый разгар крестьянской войны соци-

---

[1] Сб. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, № 106, стр. 154.

[2] К. Маркс. Стенька Разин, «Молодая гвардия», 1926, кн. 1, стр. 119.

[3] ДАИ, т. XII, СПб, 1872, стр. 197—198, 214, 264 и др.

[4] К. Маркс, Стенька Разин. «Молодая гвардия», 1926, кн. 1, стр. 119. Об участии в походах Разина и его атаманов голытьбы из нижних городков см. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. 1, № 57, стр. 91; № 171, стр. 235.

[5] «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. 1, № 141, стр. 197; № 54, стр. 87 и др.

[6] Там же, № 106, стр. 155.

альное размежевание достигло такой степени, что С. Разин имел серьезные основания заявить войсковому атаману К. Яковлеву: «Ты де владай своим войском, а я де владею своим войском».[1]

Разгром крестьянского движения не разрубил узла социальных противоречий, завязавшегося на Дону. И в дальнейшем здесь выступали как антагонисты, с одной стороны, старое домовитое казачество, а с другой — голытьба.

Прошло совсем немного времени после казни С. Разина. Старшина во главе с Корнилием Яковлевым торжествовала свою победу. Но вот в 1675 г. возник вопрос о выдаче Сеньки Буянки, и началась «большая ссора у казаков мелких и атаманов». Дело дошло до того, что атаман вынужден был выйти в отставку, ибо «его мелкие казаки не слушали».[2]

В 1682 г. началось на Дону восстание против социальных верхов. В этом движении на одном полюсе оказалась казачья голытьба, а на другом — верхушка казачества во главе с Фролом Минаевым.[3] Об обострении социальных противоречий на Дону в 80-е и 90-е годы XVII в. свидетельствует целый ряд источников. В начале XVIII в. эти противоречия достигли такой глубины, что вновь вспыхнуло крупное восстание под предводительством Кондратия Булавина.[4]

Естественным союзником голытьбы являлись народные низы Московского государства. В 50—60-х годах XVII в. при совершении так называемых «разбойничьих» походов за зипунами на Волгу голытьба, захватывая работных людей, обычно отпускала их на волю, но как свидетельствуют документы, многие из них шли «сами к ним охотою в казаки». В то же время голытьба и все люди, примыкавшие к ним, бояр, купцов и прочих представителей социальных верхов «били, мучили, огнем жгли».[5] Во время крестьянской войны 1670—1671 гг. общность интересов казачьей голытьбы и народных масс России выявилась еще более резко. Расправляясь с представителями социальных верхов, Разин и его приверженцы охотно принимали в свою среду работных людей и крестьян и боролись за их права.

В то же время домовитые казаки, а особенно старшинская верхушка, стремились к союзу с московским правительством, которое не только присылало жалованье, а при необходимости и вооруженную силу для «усмирения» голытьбы. Поэтому, как только началось разинское восстание, богатые казаки и старшины заняли определенную позицию, послав «ото всех прямых донских казаков» с доносом в Москву атамана Михайлу Самаренина.[6] Аналогичной была позиция богатых казаков и его старшинской верхушки во время Булавинского восстания.[7]

Таким образом, как следствие социального расслоения среди донских казаков уже в XVII в., по словам К. Маркса, «на Дону постоянно были две партии: «верные», хотевшие соединить свою вольность с повиновением верховной московской власти, и «воровские», которые хотели действовать свободно и сохранить независимость и самоуправление Дона».[8]

---

[1] «Материалы для истории возмущения С. Разина». М., 1857, стр. 196.

[2] ЦГАДА, ф. III, оп. 1, ДК, № 8, л. 509.

[3] Л. В. Черепнин. Классовая борьба на юге Московского государства. «Исторические записки», т. 4, 1938, стр. 63—72; В. П. Глаголев. Движение на Дону и на юге России весной 1682 года. Уч. зап. Московского государственного заочного пед ин-та, т. 1. М., 1958.

[4] См. сб. «Булавинское восстание», вводные статьи Н. С. Чаева, К. Н. Бибиковой и В. И. Лебедева.

[5] ДД, кн. V, стб. 535, 539.

[6] «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. 1, № 36, стр. 69.

[7] Сб. «Булавинское восстание», № 66, стр. 238; Н. С. Чаев. Булавинское восстание, стр. 34—35.

[8] К. Маркс. Стенька Разин. «Молодая гвардия», 1926, кн. 1, стр. 108.

2. ПРЕВРАЩЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА В ЗАМКНУТОЕ СОСЛОВИЕ. ЕГО ПРАВА И ПРИВИЛЕГИИ

Выявившиеся с такой остротой уже в период крестьянской войны 1670—1671 гг. социальное расслоение, наличие на Дону двух «партий» не означало еще раскола казачества на два антагонистических класса. Для отделения старшины от массы рядового казачества и перехода ее в состав дворянского сословия социально-экономические предпосылки еще не созрели. Потребовался еще длительный период времени, пока старшине удалось превратить свои хутора и слободы в крупные хозяйства с применением труда зависимых людей и, опираясь на свое экономическое положение, приобрести дворянские права и привилегии. Но до тех пор, пока это не произошло, казачья верхушка цепко держалась за свои казачьи сословные права, дававшие определенные возможности для приобретения привилегий дворянства, о которых мечтали старшины и богатые казаки.

Основная масса казачества тоже была заинтересована в сохранении своего положения как особого военного сословия. Отстаивая свои права, она тем самым боролась против закрепощения со стороны старшин и самодержавно-дворянского государства. И если ей это удавалось, то в значительной степени потому, что каждая попытка посягательства на права казаков встречала с их стороны упорное сопротивление, выливавшееся часто в крупные социальные движения.

В силу того, что и старшина, и рядовые казаки, хотя и по разным причинам, были заинтересованы в сохранении прав казачества как особого военного сословия, нередкими были случаи, когда они объединялись.[1]

Следует также учесть, что хотя правительство и было заинтересовано в утверждении на Дону крепостнических порядков и ликвидации особых прав и привилегий казачества, оно вынуждено было считаться с силой его сопротивления. Вместе с тем оно было заинтересовано в вооруженной силе казачества, а сохранить ее возможно было только в том случае, если за казачеством признавались особые привилегии. О большой свободе казаков в последней трети XVII в. писали Г. Котошихин, Я. Стрейс.[2] Неоднократно отмечалось особое отношение правительства к донским казакам и в XVIII в. Находившийся на русской службе в 20—40-х годах XVIII в. автор известных «Записок о России» Х. Г. Манштейн, например, прямо заявлял, что «двор относится к ним с кротостью и осторожностью».[3] И хотя правительство жестоко наказывало казаков за участие в народных движениях, оно не шло на уничтожение войска Донского, как это сделано было, например, с войском Запорожским.[4] Все это привело к тому, что с последней четверти XVII в. донское казачество начало превращаться в замкнутое военное сословие.

В предшествующий период все оказавшиеся на Дону очень легко записывались в число казаков. Для этого требовалось лишь личное желание, «потому что Доном, — как писал в 1666 г. Г. Котошихин, — от всяких бед освобождаютца».[5] Но уже с середины XVII в. этого становилось недостаточно. Чтобы стать «добрым» казаком, надо было обзавестись конем, иметь оружие и снаряжение, а для этого требовались определенные средства. С другой стороны, в хозяйствах разбогатевших казаков все большее значение приобретало использование труда зави-

[1] К. Маркс, Стенька Разин. «Молодая гвардия», 1926, кн. 1, стр. 108.

[2] Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 4, СПб, 1906, стр. 135; Я. Я. Стрейс. Три путешествия. Соцэкгиз, 1935, стр. 198.

[3] «Записки Манштейна о России», 1724—1744. Приложение к «Русской старине» за 1875 г., стр. 15.

[4] В. А. Голобуцкий. Черноморское казачество, стр. 93—110; его же. Запорожское казачество, стр. 381—423.

[5] Г. Котошихин, Указ. соч., стр. 135.

сиимых или наемных людей. Так как наиболее удобным контингентом для этого являлась масса бездомного и голодного люда, бежавшего на Дон от помещиков, то его перестали принимать сразу в ряды казачества. В войсковой грамоте от 12 сентября 1673 г., например, указывалось, что хотя на Дону находится много беглых, «вы, атаманы-молодцы», не только «ни одного человека не прислали беглово... но тех беглых людей... у себя в городках *для всяких работ* (курсив наш. — А. П.) держите». Эта масса бездомных людей, обеспечивавших свое существование наемной работой, именовалась на Дону бурлаками и не имела прав казачества. Про одного из них, например, прямо сказано, что он у казака Кирилла Матвеева «работал черную работу, а не в казак... служил и в круги не хаживал».[2]

С того момента как верхушка казачества стала использовать в своих хозяйствах труд бурлаков, она выступила решительным противником зачисления их в ряды казаков, заявляя, что бурлакам платить царского «жалования нельзя для того, что многие пойдут бурлаки, которые живут между людьми, а не своими куренями, а иные бражники».[3]

Все-таки полностью закрыть доступ в казачество было невозможно. В войнах и походах его ряды быстро сокращались, поэтому необходимо было пополнять их новыми людьми. Но теперь уже зачисляли в казаки с разбором. Для этого нужно было прожить на Дону не один год и обзавестись хозяйством, однако и при этом казаком становился только тот, кого причисляли к этому званию на войсковом кругу.[4] А так как из числа «одомовленных» подходящих кандидатов с каждым годом становилось все больше, то и их принимали не сразу. Постепенно на Дону образовались довольно многочисленные группы людей «земейных», «сказочных» и пр., занимавших промежуточное положение между бурлаками и казаками, но так и не принятых в ряды казачества. Казачество же все больше и больше превращалось в замкнутое, обособленное сословие.

Положение казачества как особого военного сословия определялось характером земельных отношений, сложившихся на Дону. Уже в XVII в. казаки заявляли, что они «служат и прямят великому государю с травы и воды». Однако в тот период эта формула выражала главным образом административно-политические отношения донских казаков с московским правительством. Ввиду того, что сохранялась постоянная угроза разорительных набегов, земля эксплуатировалась очень слабо. Она еще не превратилась в основное средство производства, а в силу этого наделение землей не могло стать условием отбывания военной службы.

С последней четверти XVII в. владение землей стало приобретать значение основного условия хозяйственной жизни на Дону. Вместе с тем окончательно определилось положение казачества как служилого сословия. Рядом жалованных грамот, данных Войску в разное время и закрепленных жалованной грамотой Екатерины II от 24 мая 1793 г.[5], государство, выступавшее в качестве «верховного владельца» земли, передавало донскую землю всему Войску в вечное владение. Полученную таким образом землю Войско передавало в пользование станицам, от которых казаки получали ее по паям. За пользование землей казаки должны были нести военную службу со своим конем, в полном вооружении и обмундировании. Так сложилось казачье землевладение, которое являлось формой «средневекового пользования землей за службу»[6]

---

[1] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1673, № 13, лл. 2—4.
[2] Там же, ДД, 1688, № 5, лл. 643—650.
[3] Там же, ДД, 1688, № 22, лл. 5—37.
[4] Там же, ДД, 1686, № 9; ДАИ, т. XII, № 17, стр. 163; А. Леонов. Как поступали в казаки в старое время. ДОВ, 1862, № 39 и 46.
[5] ПСЗ, т. XXIII, № 17126.
[6] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 307.

и при котором каждый казак являлся лишь условным держателем земельного участка.

Феодальные права войска Донского на землю определяли особенности организации управления и суда на Дону. Из них же вытекали особые личные права и привилегии казачества.

Прежде всего, казаки пользовались несравненно большей личной свободой, чем, например, крестьяне. С. Г. Гмелин, который внимательно присматривался к положению донских казаков, отмечал, что на войне, в походе, казак, как воин, находился на особом положении. «Но как скоро он возвратится домой, то должен совсем переменить свое свойство. Теперь принужден он работать как крестьянин... Однако при всем том должен быть всегда готов на брань, и по врожденному свойству твердо содержать в памяти, что он казак, и при том вольный казак, что он рожден наипаче к войне, а к работе только для удовольствования необходимейших нужд».[1]

Хотя право личной свободы донских казаков было относительным и зыбким, оно все же существовало. Г. А. Потемкин, например, заявлял, что те из крестьян, кого зачисляли в казаки, «счастливы в новом своем звании, не будучи уже больше подвержены перемене помещиков».[2] Право личной свободы отделяло казаков не только от крестьян, но и от других сословий. Как отметили советские исследователи, в феодально-крепостнической России XVIII в. даже горожан за долги закабаляли, брали «в зажив».[3] Закабалить донских казаков юридически было невозможно. Подавляющее большинство задолжавших казаков получало льготу от службы на 1—3 года, чтобы за это время поправить свое хозяйство;[4] многих, наоборот, вне очереди отправляли отбывать службу за кредитора,[5] других посылали «в казенную работу для уплаты долга из заработанных денег».[6] Но из большого числа рассмотренных Войсковой канцелярией дел о несостоятельных должниках из казаков только в одном случае было принято решение об отдаче «в зажив», и то не казака, а казачьего сына Ивана Чирскова, и лишь до тех пор, «пока ему действительно в службу очередь наступит».[7] Во всех остальных случаях Войсковая канцелярия этого не допускала, подчеркивая, «что по грамоте Военной коллегии в зажив казаков отдавать не велено».[8] Разумеется, старшинам удавалось закабалять бедных казаков. Но делалось это в нарушение юридических прав казачества и принимало особые формы. К тому же до известной степени закабаление казаков сдерживалось их сословными правами.

Поэтому, когда, например, в 1778 г. вдова бывшего войскового атамана Степана Ефремова Меланья Карповна попыталась находившегося у нее в полной кабале казака Ивана Самсонова назвать «своим крестьянином», он пожаловался на нее в Войсковое правительство, и оно, проведя следствие по этому делу, предупредило Меланью Карповну о недопустимости подобных действий.[9]

Как представители свободного сословия казаки, в отличие от тяглых людей, были свободны от государственных податей и повинностей, в том числе и от рекрутчины. Важной привилегией донских казаков являлось право беспошлинной торговли. Получив еще в 1615 г. право на

[1] С. Г. Гмелин. Указ. соч., ч. 1, стр. 264.
[2] ЦГВИА, № 52, оп. 194, д. 90, лл. 18 об.—19.
[3] Е. Н. Кушева. Одна из форм кабальной зависимости в России XVIII в. В сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 249—260; П. Г. Рындзюнский. Указ. соч., стр. 48—49.
[4] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 35, л. 16; д. 276 а, л. 1; д. 290, л. 3; д. 652, лл. 1—2; ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 4; оп. 2, д. 269, лл. 297, 319, 467 и др.
[5] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 55, лл. 7—8 и др.
[6] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 2, л. 700; оп. 3, д. 3, л. 73 об.
[7] Там же, оп. 3, д. 5, л. 16 об.
[8] Там же, оп. 1, д. 11, лл. 10 об. и др.
[9] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 648, л. 11.

свободную торговлю в украинных городах предметами военной добычи,[1] донские казаки постепенно добились расширения и закрепления своих торговых привилегий. Так, когда в начале XVIII в. в Транжаменте была устроена застава и в низовьях Дона был введен внутренний таможенный контроль, то один из правительственных чиновников — «таможенный полковник» Пиль попытался распространить этот контроль на донских казаков. Казаки пожаловались правительству, заявив, что Пиль «велел брать с них «пошлину и мостовщину» и «держит за караулом, и осматривает всякие товары, и с рогатого скота берет с нас, холопей твоих, пошлины».[2] 6 марта 1727 г. последовал правительственый указ, которым предписывалось пошлин с товаров донских казаков не взимать.[3] Указом от 17 мая 1728 г. запрещалось брать пошлины с товаров, провозимых казаками мимо верховых городков.[4] Сенатским указом от 10 января 1734 г. подтверждалось право беспошлинной торговли донских казаков «незаповедными товарами» и теми припасами, которые они готовили в своих домах.[5]

В 40-х годах XVIII в. Войско снова жаловалось правительству, что чиновники крепости св. Анны поставили «вокруг города Черкасского для пошлинного сбору многие заставы», в том числе «первую на броду Аксайском, ниже Карамча, другую — у Тузловского моста, третью у Каменного брода...»[6] Дело осложнялось еще тем, что указом от 11 октября 1749 г. предписывалось учредить таможню в самом Черкасске. Однако вскоре и этот вопрос был решен в пользу казаков. Указом от 15 декабря 1749 г. таможня была построена не в Черкасске, а в устье Темерника. Этим же и рядом последующих указов подтверждалось освобождение донских старшин и казаков от платежа таможенных пошлин.[7]

С отменой в 1753 г. внутренних таможен и таможенных пошлин торговые привилегии донских казаков во многом потеряли свое значение, но так как для отдельных сословий некоторые ограничения сохранились,[8] то 7 ноября 1756 г. был издан указ об освобождении казаков от всяких внутренних торговых пошлин и сборов.[9] С этого времени торговые привилегии донских казаков подтверждались еще несколько раз.[10]

В XVIII в. за казаками была закреплена привилегия на безоброчную ловлю рыбы во всех водах, находящихся на их земле, в устье Дона и частично в Приазовье. Правда, утвердиться в низовьях Дона и в Приазовье казакам удалось не сразу. Этого они стали добиваться тотчас же после успешного завершения Азовских походов, для чего даже пытались вытеснить из этих мест жителей Азова. Однако в то время правительство их не поддержало и указом от 18 февраля 1703 г. установило запретные воды для казачьего рыболовства «от Азова вверх по Дону до устьев Мертвого Донца на 10 верст, а вниз от города Азова до узморья на 4 версты на 150 сажен».[11] После окончательного перехода Азова к России в 1736 г. казаки снова начали добиваться привилегий в рыбной ловле на нижнем Дону. На этот раз правитель-

---

[1] И. Прянишников. Указ. соч., стр. 23—24.
[2] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1471, лл. 41—42.
[3] ПСЗ, т. VII, № 5021.
[4] ПСЗ, т. VIII, № 5269.
[5] ПСЗ, т. IX, № 6530.
[6] ЦГАДА, Госархив, р. XX, д. 54, ч. 2, л. 33 об.
[7] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 521, 530; ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 38, ч. II, л 536, л. 5 об.; ф. 13, оп. 107, св. 86, л. 737; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 142, лл. 37—37 об.
[8] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в». стр. 191.
[9] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 90, л. 733.
[10] ПСЗ, т. XVIII, № 12818; т. XIX, № 13505.
[11] Акты Лишина, т. I, № 129, стр. 201.

ство пошло им навстречу, и по указу от 1 марта 1738 г. казакам было разрешено пользоваться «безоброчно в море и в реках Доне и Мертвом Донце» рыбной ловлей.[1]

Когда в 1746 г. была установлена твердая граница между Донским и Запорожским войсками и весь бассейн Миуса был закреплен за донскими казаками, они получили право безоброчной ловли рыбы «от реки Калмиуса, Еланчиком, Крынкою, Миусом, Темерником, даже до реки Дону и всеми впадающими в них речками».[2] Рядом последующих указов донским казакам в XVIII в. было предоставлено право беспошлинной ловли рыбы в других районах Донской земли.[3] Вместе с тем по указу от 21 июля 1766 г. представителям других сословий самостоятельная рыбная ловля на земле Войска запрещалась, а жителям Ростовской крепости, хотя и разрешалось ловить рыбу самостоятельно, но лишь «единственно для пропитания их, а не для торгов и промыслов оною».[4]

Несмотря на домогательства со стороны казаков, правительство очень долго не предоставляло им права свободного винокурения. Государственная монополия на торговлю вином была настолько важным источником доходов, что правительство в XVIII в., как правило, частного винокурения вообще не допускало. Даже дворянство имело право «курить» вино лишь в ограниченном количестве и только для собственного потребления, а не на продажу. Что же касается Дона, то при сравнительно слабом распространении там хлебопашества в первой половине XVIII в. правительство опасалось того, «дабы... станишные атаманы и казаки в хлебе никакого недостатка не возымели и из того б и голоду претерпеть не могли».[5] Но в 1748 г. казакам было предоставлено право «иметь свое вино в степи и в пограничных местах, где нет казенной продажи».[6] Вскоре им разрешено было вести торговлю вином, однако «за непродажею из пределов войска Донского в великороссийские города».[7] Вместе с тем до указа от 18 февраля 1801 г. казаки имели право беспошлинного ввоза вина в свою область.

С XVII в. казаки пользовались правом беспошлинного ввоза соли из центральной России. Помимо этого, они имели свои соляные варницы: бахмутские (до 1707 г.), эльтонские, а с первой четверти XVIII в.— манычские. На протяжении всего XVIII в. казакам разрешалось торговать этой солью беспошлинно, но только в пределах своей области.[8] И лишь в одном случае, ввиду «предвидимого» в Белгородской провинции недостатка в соли, грамотой Екатерины II от 10 декабря 1768 г. было разрешено покупать соль, заготовленную на Монацких озерах казаками донских станиц.[9]

Одной из древних привилегий донских казаков являлось получение царского жалованья за службу. Казакам выдавали его регулярно и в XVII, и в XVIIIв., причем в количественном отношении оно непре-

---

[1] ПСЗ, т. X, № 7523. За азовскими жителями право рыбной ловли тоже сохранили, но лишь в ближайших к крепости местах и «для собственного пропитания и довольства».

[2] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 397, стр. 388—389.

[3] ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 4, лл. 257—257 об.; Акты Лишина, т. II, ч. II, № 403, стр. 398—399; т. III, № 34, 37, 65, 74, 82, 85, 86, 134; ТОВДСК, вып. I, отд. 2, стр. 116—117.

[4] Акты Лишина, т. III, № 37, стр. 75.

[5] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 138, л. 3.

[6] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 450, стр. 483—484.

[7] Там же, т. II, ч. II, № 604, стр. 741—742.

[8] ПСЗ, т. IV, № 2009; т. X, № 7683; т. XIII, № 9884 и 10017; т. XIV, № 10508; ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 76, л. 496; св. 91, л. 387; Акты Лишина, т. II, ч. I, № 220, стр. 203; т. II, ч. II, № 443, стр. 472—476; № 457, стр. 499—501; № 559, стр. 651—652; № 561, стр. 654—656; № 623, стр. 782; «Материалы к истории войска Донского». Памятная кн. ОДВ, отд. III, стр. 31—33.

[9] Акты Лишина, т. III, № 64, стр. 107.

рывно росло. Так, если в первой половине XVII в. присылали ежегодно до 400 четвертей хлеба, то к концу века казаки стали получать до 6,5 тыс. четвертей, а в течение XVIII в. его увеличили до 10 тыс.[1] С развитием рыночных связей натуральная форма жалованья оказалась невыгодной для правительства. В 1739 г. оно попыталось запретить присылку в Москву зимовых станиц, но натолкнулось на сопротивление Войска и сохранило за ним это право. В 1765 г. правительство снова запросило Войско, не пожелает ли оно «за пожалованной в то Войско провиант и вино получать деньгами». Однако казаки ответили, что хотят получать «в натуре, по той причине, что здесь от внутренних городов место пограничное, а особливо живущие в городе Черкасску, в десяти станицах войска Донского, не хлебопахотные и за тем большою частью довольствуютца отпускаемым войску Донскому жалованным провиантом, в случае ж в других дальных местах от воли божией по недороду, бывает в здешних местах привозу мало, коего многие ни за какую дорогую цену сыскать не могут, а неимущим, не имея достатку, и вовсе достать не можно».[2] Разумеется, данное объяснение преувеличивало трудности обеспечения хлебом низового населения Дона путем свободной продажи. Но правительство сочло его удовлетворительным, и только с 1822 г. вместо причитающихся Войску 10 тыс. четвертей хлеба стало выдавать 90 тыс. руб. деньгами.[3] Но если правительство иногда ставило вопрос о замене натуральной формы жалованья денежной, то на протяжении всего XVIII в. ни разу не возникал вопрос об отмене этой привилегии донских казаков.

Имели казаки и некоторые другие привилегии. Они, например, очень дорожили правом носить одежду старого покроя и бороду. В 1705 г. атаман легкой станицы Савва Кочет с гордостью говорил в Посольском приказе: «И тем де они, донские казаки, перед иными народами от него, великого государя, пожалованы и взысканы, что к ним и по сие число о бородах и платье великого государя указу не прислано, и платье де они ныне носят по древнему своему обычаю».[4] Этим правом казаки обладали на протяжении всего XVIII в. По указу от 31 января 1735 г. войско Донское получило разрешение назначать своих депутатов в тех случаях, когда будут производиться следствия «об обидах казакам от офицеров и прочих военных людей регулярной армии».[5] Указом от 30 июня 1746 г. казакам было разрешено вести производство всяких дел на простой бумаге вместо гербовой и т. п.[6]

Права и привилегии донского казачества ставили его в особое положение по сравнению с другими феодально-зависимыми сословиями императорской России XVIII в. В тот период, когда крепостничество, по словам В. И. Ленина, стало принимать «наиболее грубые формы» и «ничем не отличалось от рабства»,[7] казачьи вольности для угнетенного крестьянства могли быть лишь заветной мечтой, так как они прежде всего означали освобождение от крепостной зависимости. И это особенно ярко проявлялось во время крестьянской войны 1773—1775 гг. В манифесте от 31 июля 1774 г. Е. Пугачев, например, выражая крестьянский идеал о свободном труде на свободной земле, воплощенный, по мнению народа, в правах казачества, жаловал их «древним крестом и молитвою, головами и бородами, *вольностью и свободою* и

[1] В. Г. Дружинин. Раскол на Дону, спр. 44—46 и приложение II; «Столетие военного министерства», т. XI, ч. 3, стр. 67; ДВВ, 1864, № 7; В. П. Загоровский. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке. В сб. «Из истории Воронежского края». Воронеж, Изд-во Воронежского ун-та, 1961, стр. 141—147.

[2] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1491, лл. 51—52

[3] ДВВ, 1864, № 7.

[4] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДК, № 21, л. 245.

[5] Акты Лишина, т. II, ч.I,№105, стр. 109.

[6] ПСЗ, т. XII, № 9299.

[7] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 439.

вечно казаками (курсив наш.— **А. П.**), не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброку» и освобождал «всех прежде чинимых от злодеев дворян и градцких мздоимцев-судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощениев».[1] Подобным же образом заветные мечты и чаяния крепостного крестьянства выражены и в других манифестах и указах Пугачева.[2]

3. ВЛИЯНИЕ СОСЛОВНЫХ ПРИВИЛЕГИЙ КАЗАКОВ НА ИХ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ

Особое сословное положение, которое занимало донское казачество, способствовало защите его прав и привилегий от посягательства со стороны представителей других классов и сословий. В этом отношении наибольшее значение имело особое право Войска на землю, пожалованную самодержавным государством.

После того, как во второй половине XVIII века дворяне захватили земли на южных «украинах», они обратили свои жадные взоры на земли, занятые донским казачеством. Долго существовавшая неопределенность границ владений донских казаков приводила к очень резким столкновениям, одно из которых послужило поводом к Булавинскому восстанию. В острой борьбе, продолжавшейся и после восстания, в течение всего XVIII в., границы донских казачьих земель окончательно определились. Но пока это происходило, донскому казачеству пришлось отражать попытки русских помещиков захватить донские земли и поселить на них своих крепостных крестьян. А таких попыток было немало. В 1735 г. генерал-майор Тараканов получил разрешение в Вотчинной коллегии занять «дачу» в 3 тысячи четвертей из диких степей и «порожих земель» на речке Калитве, между Доном и Донцом. Во вновь основанной Таракановым слободе уже в следующем году насчитывалось 60 дворов. Однако Войско обратилось в Военную коллегию, и после рассмотрения дела в Сенате последовал царский указ от 12 мая 1737 г., чтобы эту слободу «разорить и оставить впусте».[3] Почти в то же время и примерно в том же районе начали заселять слободы капитан Измайловского полка Иван Павлов с братьями и отставной казак Илья Морковкин. Последний заселял слободу не для себя, а по призывному листу от генерала Алабардеева. И на этот раз дело рассматривалось в Сенате, который признал незаконным основание помещичьих слобод на земле донских казаков и приказал их уничтожить.[4]

К 1750 г. в Военной коллегии накопился ряд новых дел о попытках захватить земли войска Донского.[5] Все это было передано на рассмотрение Сената, и 24 мая 1750 г. по именному указу «о завладелых наших войска Донского посторонними поселениями землях» предписывалось «о чинимых... донским казакам обидах и разорениях, обо всем достоверно исследовать... и всем тем речкам, землям и угодьям, кои, по прежнему, во владении нашего войска Донского быть принадлежа-

---

[1] «Пугачевщина», т. 1, № 19, стр. 40—41; см. также: ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 415, л. 39; д. 527, л. 163.

[2] «Пугачевщина», т. 1, № 1, 3 и др.

[3] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 163 и 180; К. Победоносцев. Исторические очерки крепостного права в России. Исторические исследования и статьи. СПб, 1874, стр. 214, примечание 1.

[4] ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 4, лл. 81, 386—388; ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 19, лл. 4—5; Акты Лишина, т. II, ч. I, № 145 и 175

[5] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 86, л. 14, л. 14 (509); д. 15, лл. 1—15; И. Сулин, Материалы. СОВДСК, вып. VIII, стр. 198—199.

ли б, для бесспорного впредь владения... учинить размежевание».[1] Едва прошло 15 лет после этого, как 15 марта 1766 г. был подписан новый указ об урегулировании споров за земли между Войском и владельцами смежных земель.[2]

Но особенно много попыток захватить земли войска Донского было сделано в последние три десятилетия XVIII в. В 1770 г. командующий Азовской флотилией адмирал Сенявин по обеим сторонам речки Донской Чулек заселил слободу. Однако в ответ на жалобу Войска в 1775 г. слобода у него была отобрана.[3] Примерно в те же годы в районе Гнилого стана основали свои хутора жители Ростовской крепости — премьер-майор Стукалов и инженер-капитан Тетюпин.[4] Несколько позже на Миусе устроил слободу генерал-аудитор Бобылкин.[5] В 80-х годах попытался захватить донские земли путем покупки хутора у старшины Алексея Каршина армейский майор И. А. Пеленкин.[6] В те же и предыдущие годы отмечено много попыток некоторых купцов и однодворцев захватить донские земли.[7] Наконец, на протяжении многих лет Войско вело борьбу против захвата принадлежащих ему земель помещиками Шабельским, Коваленским, Штеричем и др.[8]

Стремление захватить донские земли русские помещики пытались оправдать тем, что ими якобы должны владеть не только донские казаки, но «природные россиане из всех мест государства». Однако донское казачество в упорной борьбе сумело отстоять свои права, опираясь на поддержку правительства, считавшего неприкосновенность донских казачьих земель важнейшим условием исправного несения казачеством службы.

Благодаря тому, что казачество отстояло свои земли от захвата их великороссийскими помещиками, в его распоряжении оказалась огромная земельная площадь. И несмотря на то, что в течение XVIII в. значительная часть ее была захвачена старшинами, которые поселили на ней своих приписных, казачество в достаточной мере было обеспечено землей. Во всяком случае, до конца XVIII в. на Дону не было установлено нормы земельного пая на одного взрослого казака.

В целом лучше, чем крестьяне, казаки были обеспечены и скотом. Определить это довольно трудно, потому что в XVIII в. на Дону казаками именовались не только рядовые, но и зажиточные казаки, а часто и старшины. И все же это можно сделать.

Типичным для рядового казака было хозяйство жителя Остроуховской станицы Мирона Михайлова, после смерти которого в 1799 г. остались «дом с сенями, совсем целая связь, стоющая сорока рублей, два анбара — двадцать пять рублей, четыре лошади, четыре скотины, пятнадцать овец».[9]

Представление о степени обеспеченности казачества скотом дает и перечневая ведомость о числе казаков, отправленных на Кавказскую линию за участие в волнениях 1792—1794 гг. Из нее видно, что 150 казачьих семей Есауловской станицы имели 397 лошадей, 2330 голов рогатого скота, 4628 овец; 44 казачьи семьи Михайловской станицы (184 человека) имели 167 лошадей и 150 голов рогатого скота. У 113 семей Верхне-Чирской станицы было 295 лошадей, 1470 голов ро-

[1] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 512, стр. 571.
[2] Акты Лишина, т. III, № 34.
[3] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, кн. 49, л. 135; И. Сулин. Материалы. СОВДСК, вып. VIII, стр. 201—202.
[4] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, лл 10, 657.
[5] Там же, оп. 1, д. 11, л. 227 об., оп. 3, д. 3, л. 73 об.
[6] Там же, л. 223; ф. 800, оп. 1, д. 362, лл. 3—3 об.
[7] Там же, ф. 341, оп. 1, д. 11, лл. 65, 69 об., 80, 137, 278; ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, кн. 162, ч. II, л. 30; Акты Лишина, т. II, ч. II, № 630.
[8] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 814, лл. 1—10, 203—213, 245; оп. 3, д. 5, л. 41 об.; ф. 800, оп. 1, д. 94, лл. 1, 8, 10—11, 30, 38—39, 65.
[9] ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 346, л. 5 об.

гатого скота и 1829 овец; у 163 семейств Нижне-Чирской станицы было 446 лошадей, 1959 голов рогатого скота и 1560 овец.

Однако эти данные слишком общие. Если выделить имеющиеся в ведомости сведения о небольших группах переселяемых казаков, то, например, в одной семье переселенных из Пятиизбянской станицы в район Кавказской крепости (5 человек) было 2 лошади и 14 голов рогатого скота; в одной семье, высланной из той же станицы к Усть-Лабинской крепости, было 2 лошади, 11 голов рогатого скота и 10 овец. На 5 казачьих семей (16 человек), отправленных из Сиротинской станицы к Прочному окопу, приходилось 11 лошадей и 38 голов рогатого скота, а у 4 семей казаков Яменской станицы (10 человек), высланных к Воровскому лесу, было 11 лошадей и 6 голов рогатого скота.[1]

Особенно хорошо казаки были обеспечены лошадьми. Так, у переселяемых казаков Лукьяновской станицы на 3 семьи приходилось 9 лошадей, на 9 семей казаков Филоновской станицы — 25 лошадей, на 6 семей Слащевской станицы — 19 лошадей.[2] Это объясняется прежде всего тем, что казакам требовались лошади не только как тягловая сила, но и для участия в походах. Однако в общем казачество было обеспечено тягловой силой и продуктивным скотом лучше, чем крестьянство.[3]

Важным продуктом питания и предметом торговли являлась на Дону рыба. Казаки имели исключительное право на безоброчную ловлю рыбы в реках Донского бассейна и в Приазовье. Благодаря этому они находились в более благоприятных условиях, чем другие сословия, обитавшие на Дону, извлекая из этого значительные экономические выгоды.

На протяжении XVIII в. со стороны комендантов и жителей крепостей Ростовской, Азовской и Таганрогской, а также со стороны русских и украинских дворян и купцов было сделано много попыток вытеснить казаков из особенно богатых рыболовных мест Приазовья и нижнего Подонья, но Войско успешно отражало все эти попытки.[4]

Непрерывно участвуя в войнах и будучи постоянно в нарядах и «раскомандированиях», казаки не имели достаточных возможностей работать в своих хозяйствах. Но, обладая монопольным правом на донские земли и воды, они широко пользовались наемным трудом пришлых людей, которые не имели казачьих прав и вынуждены были работать у казаков по найму. На большом материале А. А. Новосельский показал, что уже в последней трети XVII в. «наемный труд широко применялся на Дону» и что не только старшины, но и «казаки многих пришлых с Руси людей держат у себя в городках для всякой работы».[5] Широко применялся наемный труд в казачьих хозяйствах и в дальнейшем. Мы уже приводили свидетельства источников о применении казаками наемного труда на рыболовных промыслах и о работе по найму ремесленников, приходивших из Великороссии и Украины. Число свидетельств о наемной работе у казаков буквально во всех сферах хозяйственной жизни можно значительно увеличить. Разыскивавший на Дону своих беглых верхне-ломовский канцелярист Козьма Смирнов в 1739 г. доносил в Военную коллегию, что «его беглых людей и крестьян казаки желают у себя удержать в казачьей службе или в своих партикулярных работах».[6] В 1750 г. на станичном сборе Середней станицы «подрядили резальщиков малороссиян Василия Дол-

[1] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. II, лл. 235—236.
[2] Там же.
[3] Ср. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в.», стр. 40—41.
[4] Акты Лишина, т. III, № 34, стр. 56—57; № 65, 74, 76, 82, 85, 86, 134.
[5] А. А. Новосельский. Из истории донской торговли в XVII веке, «Исторические записки», т. 27, 1948, стр. 206.
[6] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 380, стр. 359.

гова, Прокопа Гаврилова резать на станичные кабаки тесу дубового 400 дощок».[1] В 1752 г. казаки Кумылженской станицы наняли людей для распиловки теса, необходимого для постройки церкви.[2] По свидетельству Е. Кательникова, в Верхне-Курмоярской станице с 1760 г. во время косовицы «стали употребляться прихожие работники».[3]

По данным переписи 1763—1764 гг., в хуторах у многих казаков были наемные работники. Так, в хуторе у казака Клима Талумасова работали по найму 5 человек, получая от 5 до 8 руб. в год; в хуторе у казака Егора Пименова работали двое за ежегодную плату в 6 руб. и т. д.[4]

Особенно много фактов применения наемного труда в хозяйствах донских казаков отмечено в источниках последней трети XVIII в. Находившийся на Дону в 1769 г. И. А. Гильденштедт заметил, что в Тепикинской станице «поля обрабатывали русские наемные мужики».[5] Не имевший «письменного вида» Андрей Веремеченко, доставленный в 1787 г. в Войсковую канцелярию, при допросе показал, что еще «в малых летах он шел на Дон из города Бирючьего, слободы Ливенки» и в Казанской станице в работниках по разным казакам находился».[6] В том же году польский выходец Макар Петров заявил, что он тоже был на Дону с малых лет «и до самой ревизии (1783 года. — **А. П.**) находился по разным станицам в работниках»,[7] а допрошенный вместе с ним в Войсковой канцелярии еще один беглый показал, что прибыл на Дон лет 8 назад «и находился в работах по разным людям».[8] Пойманный в самом конце XVIII в. Федор Верещенко сообщил, что в 1792 г. он «пошел на Дон на заработки» и до весны 1794 г. «работал на рыболовном промысле донского казака Семена Черного».[9] Подобных фактов можно привести много.

Широкое применение вольнонаемного труда в казачьих хозяйствах сыграло определенную роль в возникновении на Дону буржуазных отношений, в формировании и дальнейшем развитии капиталистического уклада.[10] Однако наличие феодально-сословных привилегий казачества сдерживало развитие чисто капиталистических отношений вольного найма и способствовало сохранению методов эксплуатации, основанных на внеэкономическом принуждении. Так, в 1750 г. подрядился шить сапоги на казаков Кумылженской станицы украинец Лукьян Назаров. Пользуясь бесправным положением Назарова, станица, заключив с ним договор, установила выгодные для себя условия оплаты за его труд. Помимо этого, в договоре было и другое условие: «Егда он, Лукьян, денег наробит, то бы в станицу за прием поставить осьмуху вина, да еще атаману, да писарю и есаулу сшить по сапогам безденежно».[11] В других случаях стремясь обеспечить интересы казачества, сам войсковой атаман издавал специальные приказы об условиях работы наемных людей в казачьих хозяйствах. Особенно энергично вмешивалось в отношения между казаками и их работниками Войсковое правительство. Определением от 27 апреля 1777 г. оно установило для Донской земли нормы оплаты за труд «чеботарей» — за шитье пары

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 551, л. 1.
[2] Там же, д. 144, лл.48 об.—49.
[3] Е. Кательников. Указ. соч., стр. 18.
[4] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 1015—1016 и др.
[5] J. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland, B. I, S. 64.
[6] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 269, л. 387.
[7] Там же, лл. 387—387 об.
[8] Там же, лл. 405—405 об.
[9] В. А. Голобуцкий. Черноморское казачество, стр. 165.
[10] Подобное явление, но в еще более развитой форме можно наблюдать в Черноморском войске в конце XVIII — начале XIX в. (см. В. А. Голобуцкий. Черноморское казачество, стр. 206—212; А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья, стр. 168—169 и др.).
[11] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 142, л. 23.

сапог на заказ 30 копеек, а «с чеботарским товаром, кроме холяв — 45 копеек». При этом Войско предупреждало наемных людей «свыше положенных цен ни под каким видом излишнего ни [чего] не брать под взысканием».[1] Во время косовицы Войско тоже устанавливало единую, разумеется, выгодную для работодателей, цену и строго предупреждало казаков, чтобы они «свыше того ни под каким видом не передавали».[2]

Еще в более тяжелое положение ставили людей, приходивших на Дон на заработки, неоднократно издававшиеся войсковые распоряжения «о ненанимании без письменных видов».[3] Так как многие действительно приходили на Дон без паспортов, то они вынуждены были работать нелегально на любых условиях. Таким образом, пользуясь своим привилегированным положением, донское казачество по сравнению с другими сословиями имело возможность обеспечить себя наемной рабочей силой на более выгодных условиях.

Наконец, значительную пользу извлекали казаки из закрепленного за ними права беспошлинной торговли. Это право позволяло казачеству активно участвовать в торговле как в пределах Донской земли, так и далеко за ее границами. Вовлечение Дона в общерусскую торговлю способствовало расширению пределов всероссийского рынка к югу и юго-востоку, а следовательно, и оживлению хозяйственной жизни Донской земли.

Наконец, освобождение от податей имело для казаков также огромное значение не только само по себе, но и потому, что избавляло их от издевательств и произвола со стороны чиновников, собиравших подати.[4]

4. ВАЖНЕЙШАЯ ОБЯЗАННОСТЬ КАЗАЧЕСТВА — ВОЕННАЯ СЛУЖБА

Средневековая форма пользования землей определяла не только права и привилегии казаков, но и их обязанности. Важнейшей из них была военная служба.

Выше уже отмечалось, что казаки очень рано начали нести службу московскому правительству и приносили этим большую пользу, хотя долгое время не входили даже в постоянный состав вооруженных сил Московского государства и служили лишь в той мере, в какой это соответствовало их интересам и совпадало с пониманием казаками своих обязанностей.

Еще в 1625 г. правительство с обидой писало войску Донскому: «А от вас к нам помочи никакие не бывало. Одинова есми к вам посылали, чтоб вы прислали к нам тысячу человек в помощь в то время, как есмя вели войну с польским королем: а корм им был готов. И вы в те поры нам помочи никоторые не учинили: ино толь ваша к нам служба и раденье: в отписках своих пишете к нам всегда, что вы нам служите и вперед хотите служити, а поведенья нашего николи не слушаете».[5]

Но хотя правительство и выражало Войску свои «обиды и огорчения», оно вынуждено было мириться с таким положением.

С начала XVIII в. правительство стало иначе относиться к службе казаков. Войско вошло в состав вооруженных сил государства, а с 1721 г. перешло даже непосредственно в ведение Военной коллегии.

---

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 642, лл. 22—22 об.; СОВДСК, вып. X, стр. 67.
[2] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 642, л. 31; д. 891, л. 1; д. 1008, л. 47 об.; д. 1035, лл. 33—34 об.
[3] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 21 об.
[4] См. Н. Д. Чечулин. Очерки по истории финансов в царствование Екатерины II. СПб, 1906, стр. 152, 162, 245 и др.
[5] «Историческое описание земли войска Донского», стр. 132.

Теперь вместо высочайших грамот с предложением выступить в тот или иной поход и выговоров за их неисполнение иррегулярное казачье войско стало получать указы Военной коллегии, за невыполнение которых грозило суровое наказание. Правда, до 1775 г. Войско пользовалось некоторыми автономными правами, подчиняясь армейским начальникам лишь в военно-оперативном отношении.[1] Но во всем остальном характер службы донских казаков резко изменился.

Если в XVI—XVII вв. казаки принимали участие главным образом в войнах с ближайшими к ним соседями, а в дальние походы шли лишь по своему желанию, то теперь участие в войнах стало государственной повинностью, уклониться от которой было невозможно. С конца XVII в. значительные силы казаков использовались во всех войнах, которые вела Россия. Только во время взятия русскими войсками Азова в конце XVII в. в первом походе выступало около 6 тысяч конных и пеших казаков, а во втором — 5 тысяч.[2] В 1698 г. два казачьих полка были направлены в распоряжение князя Долгорукого для охраны отнятых у турок крепостей на Днепре, где казакам пришлось вести непрерывные бои с турками и крымцами.[3] Значительные силы казаков приняли участие в Северной войне. Уже в самом начале войны по указанию Петра I в Лифляндию был направлен большой отряд казаков под командованием Максима Фролова.[4] Успешно сражались казаки в 1706 г. в Галиции, под Калишем и при продвижении армии в 1708 г. к русским границам.[5] В 1708 г. после сражения при Лесной донские казаки вместе с калмыками преследовали разбитых шведов и у Пропойска захватили около 2 тысяч подвод с провиантом. Большую помощь оказали казаки русской армии в кампании 1709 г.[6] В 1710 г. 2 тысячи казаков участвовали при осаде и взятии Риги, а в 1711 г.— в Прутском походе.[7] В 1713 г. 500 донских казаков находилось в одном из корпусов, которыми командовал фельдмаршал Б. П. Шереметев.[8] 7 января 1720 г. Петр I подписал указ о подготовке казаков к большому походу против шведов,[9] и лишь только потому, что вскоре был подписан Ништадский мир, поход не состоялся. Почти в то же время (1722 г.), около 9 тысяч казаков под командованием походного атамана Ивана Краснощекова и полковника Данилы Ефремова было направлено на войну с Персией.[10]

Во время русско-турецкой войны 1735—1739 гг. Войско должно было выставить 12 тысяч «доброконных и вооруженных казаков». «Сверх же того, — указывалось в приказе войскового атамана от 16 марта 1737 г.,— достальные из войска Донского остающиеся в домах безконные казаки по е. и. в. указу и соизволению имеют употреблены быть

---

[1] Как правило, казачьи отряды действовали самостоятельно, на правах отдельной армии, а их походные атаманы получали указания или от Войска или непосредственно от верховной власти. Но в период с 1703 по 1711 г. в случае войны Войско должно было находиться под главным командованием азовского губернатора (Акты Лишина, т. I, № 137, стр. 214—217). В дальнейшем нередкими были случаи, когда по царскому указу Войско подчиняли непосредственно армейским начальникам (Акты Лишина, т. II, ч. I, № 30, 383 и др.).

[2] Б. В. Лунин, Н. И. Потапов. Указ. соч., стр. 61; К. Федоров. Взятие русскими войсками и флотом Азова в 1696 г. «Морской сборник», 1946, № 7; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.», стр. 437.

[3] Е. П. Савельев. История Дона и донского казачества, ч. III, стр. 209.

[4] И. Ногин. Краткий исторический очерк Донского края. Новочеркасск, 1914, литография, стр. 169; Акты Лишина, т. I, № 147, стр. 227.

[5] В. Броневский. Указ. соч., ч. I, стр. 246—247.

[6] Е. П. Савельев. Указ. соч., ч. III, стр. 216; В. А. Дядиченко. Украинское казацкое войско в конце XVII — начале XVIII в. В сб. «Полтава» (к 250-летию Полтавского сражения). М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 266.

[7] А. И. Ригельман. История о донских казаках, стр. 98.

[8] Акты Лишина, т. I, № 174, стр. 274—275.

[9] А. И. Ригельман. История о донских казаках, стр. 101—102.

[10] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 546, л. 1.

в настоящей кампании в команде помянутого генерала фельдмаршала фон-Лесия по его благоизобретению».[1] Из этого числа несколько тысяч казаков сражалось при взятии Азова, а затем около 4 тысяч ушло в Крымский поход и принимало участие в боях под Очаковым (1737 г.), в Днестровском походе (1738 г.) и при взятии г. Хотина (1739 г.).[2] В 1741 г. 3 тысячи казаков было направлено на войну со шведами.[3]

Особенно много донских казаков принимало участие в войнах России во второй половине XVIII в. В Семилетней войне на полях сражений находилось до 16 тысяч казаков. В русско-турецкой войне 1768—1774 гг.— свыше 20 тысяч.[4] И. А. Гильденштедту, находившемуся на Дону в 1769 г., сообщили, что «в настоящую турецкую войну на службу отправились все (казаки. — А. П.); остались только юноши моложе 17 лет и старики свыше 60 лет».[5] В закубанском походе под командованием А. В. Суворова участвовало 16 донских казачьих полков.[6] Активное участие принимали казаки в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. В сражении при Кинбурнской косе под командованием А. В. Суворова сражались 3 донских полка, под Очаковом — 2, при Рымнике — 3 полка. Значительные силы участвовали при взятии Аккермана, штурме Измаила, осаде Анапы, в походе русской армии за Дунай и т. д.[7] 8 донских полков во главе с походным атаманом А. К. Денисовым принимали участие в итальянском походе Суворова и переходе через Альпы,[8] а в самом начале XIX в. по указу Павла I от 12 января 1801 г. 22 тысячи донских казаков (40 полков) были отправлены в поход на Индию, и только после смерти царя они были возвращены домой.[9]

Однако только участием донских казаков в войнах их служба не ограничивалась. И в военные, и в мирные годы значительное число казаков использовалось также на охране границ России, причем часто далеко за пределами земли донских казаков.

По грамоте Петра I от 2 ноября 1720 г. Войско должно было ежегодно высылать в Астрахань 200 казаков.[10] Указом от 6 мая 1723 г. предписывалось регулярно направлять отряд донских казаков «в команду главного командира на Украине» князя Д. М. Голицына.[11] После завершения Персидского похода до 1736 г. Войско обязано было держать на персидской границе значительные вооруженные силы, численностью от 1000 до 4750 человек.[12]

С 1719 г. для постройки и обслуживания Царицынской линии дон-

---

[1] «Материалы к истории Дона». «Дон», 1887, № 6, стр. 43, 44—45.

[2] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 546, л. 1; А. И. Ригельман. История о донских казаках, стр. 104.

[3] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 546, л. 1 об.

[4] Там же, д. 546, лл. 2—2 об.

[5] J. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland, B. I, S. 59. Со слов атамана Тепикинской станицы, Гильденштедт сообщает, что в 1769 г. «в ней числилось 400 казаков, способных носить оружие», «но уже теперь на войну отправилось 550 человек, из которых было 50 человек детей от 12 до 15 лет и 100 казаков-инвалидов» (там же, стр. 65).

[6] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 536, 593, 627, 628, 816; ф. 338, оп. 1, д. 354, лл. 1—9, 48—55; А. Фадеев. Суворов на Дону и в Приазовье, стр. 31.

[7] А. Попов. Управление в войске Донском и его атаманы с 1737 г. Алексей Иванович Иловайский. ДВВ, 1854, № 19; Б. В. Лунин. Очерки истории Подонья — Приазовья, кн. II, стр. 156—157.

[8] И. Нотин. Указ. соч., стр. 257; А. Попов. Управление в войске Донском и его атаманы с 1737 г. Василий Петрович Орлов, ДВВ, 1854, № 22.

[9] А. Филонов. Оренбургский поход. ДОВ, 1856, № 1—3, 5; Е. П. Савельев. История Дона и донского казачества, вып. III, стр. 246—248; А. Попов. Управление в войске Донском и его атаманы Василий Петрович Орлов, ДВВ, 1854, № 23—24.

[10] Акты Лишина, т. I, № 183, стр. 285; «Дон», 1887, № 3, стр. 51—52.

[11] Акты Лишина, т. I, № 193, стр. 301—302; т. II, ч. I, № 30, стр. 35—36.

[12] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 3, лл. 228—231; ЦГВИА, Госархив, р. XX, оп. 1, д. 54, ч. 1, л. 18; ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 546, л. 1; ф. 56, оп. 1, д. 1478, лл. 6—10, 18—27, 32—42; Акты Лишина, т. I, № 194, 210, 211; т. II, ч. I, № 1, 4, 24, 53, 61.

ские казаки должны были ежегодно «наряжать» 500 человек. С 1732 г. наряд был увеличен и на линию высылали летом 1200, а зимой 800 казаков.[1] По указу от 14 ноября 1727 г. Войско должно было высылать в распоряжение саратовского воеводы «для обережения калмыцких владельцев» ежегодно 300 казаков.[2] В 1746 г. с походным атаманом Федором Краснощековым к Смоленску был отправлен шеститысячный отряд. В этом же году 6 тысяч казаков было послано в Лифляндию и Эстляндию.[3] В 1749 г. снова выслали в Лифляндию 3 тысячи казаков, а в 1753 г. — 4 тысячи.[4] В 1755 г. с походным атаманом Тимофеем Туроверовым было направлено в Сибирь 4 тысячи казаков.[5] С каждым годом увеличивалось число казаков, находившихся в «раскомандированиях», за пределами Донской земли. Даже в мирные годы оно составляло от одной трети до половины списочного состава, а в военное время было еще большим. Так, в 1728 г. находилось в «раскомандированиях» 7266 казаков[6], в 1733 г. — 12163[7], в 1763 г. — 10159, в 1764 — 11559, в 1765 — 15817, в 1766 — 15077, в 1767 г. — 14459.[8] Во время русско-турецкой войны 1768 — 1774 гг. было мобилизовано в 1769 г. — 14700 казаков,[9] в 1770 г. — 19677[10], а в 1773 г. — 19808.[11] Еще большее число казаков находилось в «раскомандированиях» во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг., причем в дальнейшем оно почти не снижалось.[12]

Разумеется, что участие в войнах обходилось казакам очень дорого, унося много жизней. Но и прочие наряды были нелегки для казаков. Часть из них погибала при пограничных инцидентах. Другие умирали от болезней, неся службу подолгу в неблагоприятных климатических условиях. По представленной Войском в Военную коллегию ведомости, с 1722 по 1732 г. для охраны персидской границы в «низовой корпус» было направлено 23582 казака. Из них погибло в боях и от болезней 4194 человека.[13] Если не учитывать 1200 человек, постоянно находившихся в конвое, то из числа бывших в «низовом корпусе» погибшие составляли почти 20%. Немало казаков теряло войско Донское и на других границах. При этом следует заметить, что очень много времени казаки тратили на переходы с Дона до места назначения и обратно. Нередко на это уходило 1,5—2 месяца, причем они не засчитывались в срок службы.

С начала XVIII в. казачьи полки начали использовать для подавления народных движений. 6 сентября 1705 г. Петр I, послав казакам 20 тысяч рублей и обещав дать жалованную грамоту «на вечную хвалу и славу», предлагал им выступить на подавление Астраханского восстания. Стремясь доказать свою верноподданность, старшины срочно сформировали несколько полков и немедленно отправили их к Астрахани.[14] По указу от 7 июня 1727 г. было направлено 300 казаков «для лутчей опас-

---

[1] Акты Лященина, т. I, № 180; т. II, ч. I, № 59, 60, 154.
[2] Там же, т. II, ч. I, № 20, стр. 26—27.
[3] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 546, л. 1 об.; ф. 338, оп. 1, д. 493, л. 1.
[4] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 546, л. 1 об.
[5] Там же.
[6] ЦГВИА, Госархив, р. XX, оп. I, д. 54, ч. I, л. 19.
[7] Там же, ф. 13, оп. 107, св. 3, л. 219.
[8] Там же, св. 116, месячные рапорты войска Донского в Военную коллегию за разные годы.
[9] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 172, д. 11, л. 1—3.
[10] Там же, л. 8.
[11] Там же, ф. 13, оп. 107, св. 138, л. 986.
[12] Там же, ф. 41, оп. 1/199, св. 41, ч. 1, л. 582, лл. 169—171; ф. 13, оп. 110, св. 171, д. 72; ф. 56, оп. 1/194, св. 117, д. 521, л. 8; ДВ, 1867, № 48.
[13] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 3, лл. 228—331 об.
[14] И. Прянишников. Указ. соч., стр. 130—140; В. И. Лебедев. Астраханское восстание 1705—1706 гг. В ж. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 9—10, стр. 68—69; А. В. Чернов. Астраханское восстание 1705—1706 гг., «Исторические записки», т. 64, 1959, стр. 205.

ности и удержания от своевольств калмыцких владельцев».[1] В 1755 г. вспыхнуло Башкирское восстание. На подавление его была выслана сначала тысяча казаков, а по указу от 25 сентября 1755 г. «к скорейшему пресечению распространяющихся башкирских злодейств» — еще 2 тысячи.[2] В 1758 г. для установления в Башкирии «тишины и порядка» снова была отправлена тысячная команда донских казаков.[3] В конце 50-х — начале 60-х годов XVIII в. происходили крупные волнения приписных крестьян и постоянных работных людей уральских заводов. При подавлении их также были использованы донские казачьи полки.[4] 11 мая 1767 г. на Дон был послан указ о присылке в Саратов «для развоски писем и поисков воровских партий» «трехсот человек казаков с надлежащим числом старшин... о дву добрых конь, оружейных и во всем исправных», что было исполнено немедленно.[5]

В августе 1775 г. вспыхнуло крупное волнение крестьян на южной окраине Воронежской губернии. По распоряжению Г. А. Потемкина подавление его было поручено войску Донскому, и в район восстания были отправлены с Дона отряд под командованием М. И. Платова и из Москвы казачий полк П. Ребрикова.[6] В том же году казаки использовались при уничтожении Запорожской Сечи,[7] а в 1794 г. — для подавления польского восстания под руководством Тадеуша Костюшко.[8] На протяжении всей второй половины XVIII в. казачьи карательные полки непрерывно посылались на пресечение «разбоев и грабительств» и «к изловлению сумнительных бродяг» в соседние с Доном уезды Российской империи — Бахмутский, Мариупольский, Ростовский и др.[9]

Но правительство не ограничилось этим. Со второй половины XVII в. оно начало использовать «домовитых» казаков для борьбы с народными движениями на Дону. Так, в 1659 г. «низовые» казаки уничтожили «воровской» Рыпин городок.[10] Во время крестьянской войны под предводительством С. Разина в 1671 г. домовитые казаки выступили в поход на Кагальницкий городок, где находился Разин со своими приверженцами. Взяв городок, они учинили кровавую расправу над восставшими, а Степана Разина выдали правительству.[11] С самого начала Булавинского восстания в Черкасске из «знатных» казаков было сформировано войско, которое уже в конце 1707 г. на Айдаре, близ городка Закотного, нанесло крупное поражение повстанцам. В апреле 1708 г. на р. Лисковатке восставшим снова пришлось вступить в сражение с верными правительству казаками во главе с войсковым атаманом Лукьяном Максимовым, который пытался остановить К. Булавина на пути к Черкасску.[12]

Широко использовало правительство силы казаков для подавления вспышек недовольства на Дону во второй половине XVIII в. В 1774 г. донские полки, находившиеся на Кубани, в Симбирске, Новгороде, Москве и других местах, были направлены на Дон в связи с угрозой превра-

[1] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 14, стр. 19.
[2] Там же, т. II, ч. II, № 606, 608—611.
[3] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 116, д. 54, л. 445.
[4] В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. II. СПб, 1901, стр. 336—338; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.», стр. 182—187.
[5] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 116, д. 45, лл. 310 об., 312.
[6] А. П. Пронштейн. К истории крестьянского движения в России в 1775 г. «Исторический архив», 1960, № 1, стр. 143—153.
[7] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 281, л. 2.
[8] А. Попов. Управление в войске Донском и его атаманы с 1737 г. Алексей Иванович Иловайский, ДВВ, 1854, № 19.
[9] ЛОГА, ф. 1, оп. 1, д. 104, лл. 15—26.
[10] ДД, кн. V, стб. 536—538.
[11] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 270—308; В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством Степана Разина, стр. 149—150.
[12] Сб. «Булавинское восстание», стр. 42; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.», стр. 257, 260.

щения этого района в крупный очаг крестьянской войны.[1] Значительные силы казаков под командованием М. И. Платова, Д. Мартынова и других старшин использовались для подавления волнений на Дону, происходивших в 1792—1794 гг.

С начала XVIII в. резко изменился и порядок исполнения казаками своих служебных обязанностей. В Донском войске служба стала обязательной для всех казаков. По достижении 17 лет все дети казаков и чиновников обязаны были нести станичные и земские повинности, а с 19 лет зачислялись в казаки «малолетками».

Для того, чтобы не было возможности уклониться от службы, специально командированные офицеры проводили перепись «малолетков» и составленные ведомости с отметкой, кто подлежит освобождению, представляли войсковому атаману.[2] С этого времени казаки должны были служить до полного одряхления. Практически служба продолжалась 25—35 лет.[3] По указу от 25 мая 1798 г. казакам, выслужившим 30 и 25 лет, разрешалось выйти в отставку, а Положением 1802 г. был строго установлен 30-летний срок казачьей службы.[4] Ранее этого освобождали от службы редко, в случае очень тяжелых заболеваний. Так, 7 февраля 1791 г. старшина Мешков представил в Военную коллегию список казаков его полка, подлежавших списанию до срока. Среди них был Минай Морозов «от роду 45 лет, в службе с 1772 г.; за прострелением от неприятеля в левую ногу навылет пулею повреждена кость и жилы, коею мало владеет, а при том от застарелости цинготной болезни... и продолжению службы неспособен». Другой казак, Козьма Сазонов, 28 лет, находился на службе с 1783 г. и «от приключившегося ему во время сражения с неприятелем ушибу с лошади имеет голову разбитую, от сего частое замешательство ума и внутреннюю ежечасную сильную резь».[5] Подобных примеров можно привести много.[6]

В этот же период был установлен строгий порядок явки казаков на службу «о дву конь», с воинским оружием и надлежащим провиантом.[7] Эта обязанность для казаков была очень тяжелой потому, что в войнах и походах много коней выбывало из строя. Так, только в «низовом корпусе» погибло в сражениях, умерло и брошено «за усталостью» в 1725 т. — 2140 коней, в 1727 — 3588, в 1729 — 960, в 1730 — 879, в 1731—1988 и в 1733 г. — 70 коней (данные за этот год неполные).[8] Немало лошадей погибало от всякого рода эпидемий. Оставшиеся без коней казаки обычно просили перевести их в «пешую» службу, но разрешалось это немногим, в случае их крайней бедности, а остальные казаки должны были приобретать новых коней.[9]

Изданным 31 декабря 1765 г. специальным царским указом донским чиновникам вменялось в обязанность строго следить, чтобы «все служащие записанные казаки на всякий случай потребное, по их обряду, ружье, лошадей и прочее исправное имели под взысканием всего того на самых начальников; чего ради атаману старшин и казаков, в каждом году по два раза, собравши в строй, свидетельствовать, и кои в чем

---

[1] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, кн. 162, 1775, л. 125 об.; М. Сенюткин. Донцы, стр. 64—65.

[2] А. И. Никольский. Воинская повинность казачьих войск. «Столетие военного министерства», т. XI, ч. 3, СПб, 1907, стр. 77—78.

[3] ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 304, лл. 1—3; ф. 338, оп. 1, д. 272, л. 10; д. 291, л. 8; ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 37, лл. 621, 625; Акты Лишина, т. II, ч. I, № 336, стр. 305.

[4] ПСЗ, т. XXVII, № 20436; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 3, л. 1.

[5] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 596, лл. 163—164.

[6] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 272, лл. 10—27; ф. 339, оп. 1, д. 210, лл. 1—1 об.

[7] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 249, л. 1; д. 297, лл. 3—3 об.; А. М. Грекова. Военная повинность Донского казачьего войска в прежнее и настоящее время. «Военный сборник», 1876, № 1, стр. 157—160.

[8] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 3, лл. 228—231 об.

[9] Там же, св. 37, л. 621; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 300, л. 2.

усмотрены будут неисправными, тех без послабления понуждать».[1] Тем же указом предписывалось, никого из казаков «собою, без представления нашей Военной коллегии» от службы не освобождать, и «всем действительно служащим и малолетним иметь по посланной из коллегии форме верной список, сколько кому от роду лет, с которого времени в службе, а кто выбудет, тех отмечать, и таковые списки... присылать в нашу Военную коллегию».[2] Наконец, за попытку казаков уклониться от службы их наказывали очень строго. Так, ордером войскового атамана от 3 сентября 1797 г. было повелено казака Павла Тарасова за то, что он «не имеет у себя, как повелено, к внезапному случаю воинского оружия и лошадей» и за «самовольную ево отлучку» «наказать при сборе плетьми и принудить ево непременно иметь у себя лошадей и оружие воинское, что он должен хотя из домовняго кошта».[3]

В XVIII в. правительство стало использовать казаков как колонизационную силу, формируя из них полки и переселяя их на постоянное место жительства во вновь колонизируемые районы страны.

После успешного завершения Персидского похода правительство сочло необходимым укрепить границы России на Кавказе. В связи с этим на Дон была послана грамота от 20 февраля 1724 г., в которой предлагалось Войску переселить на Астрахань и на Гребени по 500 семей донских казаков.[4] В начале 30-х годов XVIII в. часть донских казаков была поселена в окрестностях Азова. Эти казаки стали именоваться азовскими.[5] 5 ноября 1761 г., когда было завершено сооружение Царицынской линии крепостей, последовал указ о поселении при ней 1000 семей донских казаков, и вскоре туда было переселено 1057 семейств казаков, образовавших Волжское войско.[6] В 1769 г. был издан указ «о переселении из станиц казаков с семействами и пожитками в Азовскую и Таганрогскую крепости».[7] Наконец, 28 февраля 1792 г. последовал указ о переселении трех тысяч казачьих семей на Кавказскую линию. И хотя казаки, подняв восстание, решительно выступили против выполнения этого указа, который к тому же игнорировал принятые формы переселения, правительство, применив вооруженную силу, заставило казаков переселить на Кубань 1000 семей (4701 человек).[8]

Таким образом, военная служба казаков в XVIII в. превратилась в тяжелую государственную повинность, уклониться от которой казаки не имели права.

5. ДРУГИЕ ОБЯЗАННОСТИ И ПОВИННОСТИ

Помимо тяжелой военной службы, правительство возлагало на донских казаков и другие обязанности. В XVI—XVII вв. казаки должны были сопровождать русских и иностранных послов, проезжавших по Донской земле. Они были обязаны выполнять это и в XVIII в., но уже

---

[1] Акты Лишина, т. III, № 92, стр. 40.

[2] Там же.

[3] СОВДСК, вып. VIII, стр. 177. Условия воинской службы донских казаков во многом были сходны с условиями службы казаков украинских (см. В. А. Дядиченко. Украинское казацкое войско в конце XVII — начале XVIII в. В сб. «Полтава» (к 250-летию Полтавского сражения), стр. 252 и др.

[4] Акты Лишина, т. I, № 198, стр. 308—309; ПСЗ, т. VII, № 4462 и 4509; ТОВДСК, вып. I, стр. 1—2.

[5] ДОВ, 1913, № 141.

[6] ПСЗ, т. VIII, № 5824, 5868, 5923, 6007; т. IX, № 6508; ТОВДСК, вып. 1, отд. 2, стр. 4—14.

[7] ЦГВИА, ф. 18, оп. 107, св. 138, л. 986; ТОВДСК, вып. 1, отд. 2, стр. 15—21, 107; ПСЗ, т. XVIII, № 13351; т. XX, № 14340.

[8] Е. Д. Фелицын. Побег с Кубани трех донских полков в 1792 г. Бунт на Дону и поселение станиц, вошедших в состав Кубанского конного полка. Кубанский сборник. Тр. Кубанского областного статистического комитета, т. IV. Екатеринодар, 1898.

обеспечивая сопровождаемых подводами. Так, 3 декабря 1735 г. казаки получили распоряжение о наряде из ближайших к Царицыну казачьих городков 134 подвод для сопровождения персидского посла.[1] В 1742 г. из Москвы в Персию возвращались послы, и казаки опять получили распоряжение высылать подводы «без всякого удержания».[2] В том же году они предоставили 40 подвод «посланцам калмыцких владельцов»[3] и 45 подвод грузинскому царевичу Бакару.[4] В 1743 г. войско Донское получило царскую грамоту, в которой предписывалось предоставить турецким послам 21 подводу, «а впредь для таких же случаев — до 50 подвод».[5]

Если за подводы для сопровождения послов казакам полагались прогонные деньги, то во всех других случаях за высылку подвод им ничего не платили. Очень скоро эта обязанность превратилась по существу в подводную повинность. Уже в 1706 г. по указу Петра I казакам вменялось в обязанность давать подводы не только для сопровождения по Донской земле иностранных послов, но и для перевозки офицеров и провианта.[6] С тех пор подобные распоряжения приходили на Дон непрерывно.[7] Правда, по грамоте 1717 г. разрешалось высылать от каждой станицы не более двух подвод.[8] Но правительство само нарушало это распоряжение. Так, грамотой от 10 июня 1769 г. повелевалось «по требованиям» предоставлять подводы «безостановочно» и «нужное число».[9] При этом, как отметил С. Г. Гмелин, за невыполнение таких нарядов казак подвергался «трехрублевому наказанию».[10]

Помимо этого, право казаков выставлять от каждой станицы не более двух подвод неоднократно нарушали и проезжавшие по Донской земле офицеры регулярной армии. 21 июня 1735 г. Войско доносило правительству, что проезжавшие через Глазуновскую станицу офицеры царской армии незаконно требовали от казаков много подвод. Когда же станичный атаман отказал, «один, взяв его, атамана, за волосы и нагнул к земле, а другой капрал Кастрилов, взяв палку в длину две аршин, а толщиною в топорище, и били ево, атамана Емельянова, смертным боем, на переменках в четыре пойма и переломали руки и ноги».[11]

В царской грамоте от 23 февраля 1739 г. снова указывалось на неоднократные жалобы войска Донского, «что проезжающие через городки их генералитет, штап-ундер-офицеры и протчих чинов люди по подорожным, и без подорожен с заплатою, и без заплаты прогонных денег, берут в подводы казачьих лошадей по многому числу, а с ними и путевые припасы безденежно, от чего станичные атаманы и казаки приходят в крайнее разорение, паче же от некоторых проезжих за подводы терпят бои и поношение с тяжким оскорблением».[12]

О больших злоупотреблениях и насилиях чиновников и офицеров при получении от казаков подвод говорится в жалобе войска Донского правительству от 4 сентября 1735 г., в приказе войскового атамана от 18 января 1773 г., в определении Войскового гражданского правительства от 31 августа 1787 г. и в ряде других документов.[13] Жалуясь на зло-

[1] Акты Лишина, т. II, ч. 4, № 128, стр. 131—132.
[2] Там же, № 299, стр. 270—271.
[3] Там же, № 301, стр. 272.
[4] Там же, № 307, стр. 278.
[5] ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 4, лл. 283—283 об.
[6] Акты Лишина, т. III, дополнение, № 175, 177 и 216.
[7] Там же, т. 1, № 208, стр. 315; С. Г. Гмелин. Указ. соч., ч. 1, стр. 267.
[8] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 471, л. 12.
[9] Акты Лишина, т. III, № 68, стр. 160.
[10] С. Г. Гмелин. Указ. соч., ч. 1, стр. 267.
[11] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 3, лл. 1196 об.—1197 об.
[12] «Материалы к истории войска Донского». Памятная кн. ОВД на 1903 г., отд. 3, стр. 34—35.
[13] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 6, лл. 458 об. — 459; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 753, л. 1; ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 766а.

употребления, казаки просили освободить их от выполнения подводной «повинности», но войсковые власти на это не соглашались, а требовали несения этой «тягости» от крестьян и от казаков с той только разницей, что «малороссиянам против казаков подводы отправлять вдвое».[1]

Не менее тяжелой для казаков была обязанность по обслуживанию почтовых дорог, проходивших по Донской земле. В XVIII в. важнейшими из них были Бахмутский и Астраханский тракты. Первый был сооружен в 1705 г. и проходил «через Старый Айдар и выше Айдара к Азову и Черкасскому». Другой был создан по указу от 29 сентября 1735 г. и шел от Астрахани до Аннинской крепости, а далее на Воронеж через Хопер и Медведицу.[2] Были и другие почтовые дороги.[3] По всем этим дорогам казаки обязаны были содержать в полном порядке почтовые станы, располагая их один от другого на расстоянии до 30 верст, иметь на них людей и лошадей и «гонять почту» со скоростью 15 верст в час.[4]

По мере освоения юго-восточной окраины России движение по Донской земле увеличивалось, и требовалось все больше сил для обслуживания дорог. Так, если в начале на каждом почтовом стане Астраханского тракта достаточно было содержать пять подвод, то уже в 1737 г. число их увеличили до 20.[5] На первых порах обслуживание почт на Донской земле правительство возлагало не только на казаков, но и на других жителей края. Вскоре оно убедилось, что донские казаки были наиболее пригодными для выполнения этой повинности. Поэтому ее стали возлагать только на них. В связи с этим почтовая повинность для казаков стала более обременительной, причем многим из них приходилось нести ее и за пределами Донской земли, «на дальних почтах».[6]

Резкое увеличение почтовой повинности тяжело отражалось на положении казаков. В 1773 г. Войско доносило правительству, что казаки стали «нести несносную нужду и многие казаки от той дальней гоньбы обезлошадили».[7] Когда по приказу Г. А. Потемкина на Войско возложили обязанность обслуживать «почтовую гоньбою» тракт от Черкасска до Кавказской линии, Войско снова жаловалось правительству, что казачество претерпевает «многочисленный упадок служебных лошадей» и, не получая за это никакой компенсации, «приводит тем себя, тож жен и детей своих к невозвратному разорению».[8] С 1787 г. казаки обязаны были содержать почты в Таврической области. Не получая за это субсидий от правительства, они, по словам войскового атамана, «доходили до такой крайности, что через изнурение и упадок лошадей не могли исправить себя ко отправлению службы».[9]

Нельзя сказать, что правительство не обращало никакого внимания на жалобы Войска. Учитывая, что разорение казаков может повлечь за собой «неисправное» выполнение основной обязанности — службы, оно, где находило это возможным, сокращало наряды казаков. Так, в 1733 г. на почтовом тракте от Царицына до Михайловской станицы было разрешено число наряжаемых лошадей «убавить ныне на половину»[10] Но

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 34 об.

[2] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 123 и 124; т. III, № 160 (дополнение), стр. 299; И. Ногин. Краткий исторический очерк Донского края, стр. 221—222; Сб. «Булавинское восстание», № 6, стр. 107—112.

[3] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 187, 1776, д. 9, лл. 2—13 об.

[4] Там же, ф. 13, оп. 107, св. 3, л. 132; ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1706, № 4; ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, лл. 464—464 об.

[5] Акты Лишина, т. II, ч. 1, № 123—124 и 137.

[6] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 260 об.; ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 116, д. 45, лл. 308—312.

[7] «Материалы для истории войска Донского». ТОВДСК, вып. II, стр. 34; см. также ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 3, л. 124.

[8] ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, св. 117, д. 521, лл. 1—1 об.

[9] Там же, ф. 13, оп. 107, св. 148, ч. 2, л. 64.

[10] Там же, св. 3, лл. 112—112 об.; см. также указы от 7 февраля 1738 г. и 23 ноября 1739 г., ПСЗ, т. X, № 7501, 7926.

при этом всегда учитывались государственные интересы. И когда в 1773 г. Войско обратилось в Военную коллегию с просьбой «об освобождении... от содержания по Бахмутскому тракту почты... в рассуждении... в людях недостатка» и «к содержанию повеленной почты изнеможении», то последняя строго предписала «почту по Бахмутскому тракту содержать непременно, к чему и выслать людей с лошадьми из ближайших к оным станиц, а дабы одним пред другими отягощения происходить не могло, то как людей, так и лошадей употреблять с переменою».[1]

В XVI—XVII вв. донские казаки были полностью освобождены от постойной повинности. Когда еще в самом конце XVII в. правительство решило строить на Дону корабли и приказало в Паншине отвести для строительства «плодбища» и указать место для постоя мастеров, то казаки отказались выполнить это распоряжение.[2] В XVIII в. правительству тоже приходилось считаться с правами и привилегиями казаков, поэтому большая часть правительственных войск располагалась не по городкам, а в государственных крепостях. Но некоторое число войск казаки содержали на постое. Постойная повинность в казачьих поселениях на Дону была введена во время Булавинского восстания, когда правительство, ведя борьбу с восставшими, расположило по городкам значительное число регулярных полков. С этого времени правительство помещало на постое в донских станицах свои войска непрерывно, но особенно много в периоды народных движений на Дону.[3]

Ряд документов свидетельствует об обременительности для донского казачества постойной повинности. Хотя с 1733 г. подряд 3 года были неурожайными, правительство не приняло во внимание ходатайство Войска и продолжало держать в казачьих станицах на Хопре и Медведице по одному армейскому полку.[4] 1743 г. снова оказался неурожайным, и казакам было очень трудно содержать расположенные по станицам Сибирский, Псковский, Вятский, Нижегородский и Ростовский драгунские полки. Когда же правительство получило жалобу Войска на слишком большое «отягощение» со стороны этих полков, оно, вспомнив, что «по репортиции в казачьих городках полков не положено», предписало освободить от них Войско, но лишь со следующего года.[5]

Во второй половине XVIII в. казаки вынуждены были содержать правительственные войска на постое не только в станицах, но и на хуторах. В то же время по войсковой грамоте от 29 января 1776 г. старшинские хутора от этой обязанности освобождались.[6] Введя на Дон во время волнений 1792—1794 гг. почти 8,5 тысячи солдат регулярной армии, правительство большую часть из них в 1794 г. оставило там еще на некоторое время и расположило на зимние квартиры в донских, хоперских, бузулукских и медведицких станицах.[7]

Тяжесть постойной повинности увеличивалась тем, что офицеры стоявших на Дону частей, не считаясь ни с чем, бесчинствовали и издевались над казаками, а своих подчиненных понуждали мародерствовать. Казаки жаловались, что постояльцы отбирали у них почти весь корм, отчего их «казачьи лошади пришли в изнурение».[8] Оставленные после подавления восстания 1792—1794 гг. в Кумылженской станице солдаты, по словам современника, «стали поступать очень вольно и притеснять жителей: и каких озлоблений не чинили и нарекания не делали — труд-

---

[1] Акты Лишина, т. III, № 101, стр. 194.
[2] С. Елагин. История русского флота, приложения, ч. 1. СПб, 1864, стр. 211—213.
[3] Е. Д. Фелицын. Указ. соч. Тр. Кубанского областного статистического комитета, т. IV, стр. 4.
[4] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 3, лл. 1118—1119.
[5] Там же, св. 37, лл. 661—662; Акты Лишина, т. II, ч. I, № 326, стр. 296.
[6] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 265, л. 1.
[7] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, лл. 269—271 об.
[8] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 26 об.

но описать!».[1] Во многих станицах дело доходило до того, что казаки, по их словам, «удерживаются от нужных полевых работ, не зная на кого при доме имущество свое оставить».[2]

В отдельных случаях постои доводили казаков до полного разорения. Как отмечалось в определении Войскового правительства от 29 января 1776 г., «бывшие на речке Чугинке Луганской станицы казачьи хутора по причине не малого следования через оные военных команд и происходящего от того хозяйствам отягощения, все оставлены и никакого жительства тамо нет».[3]

Большим бременем лежали на казаках всякого рода войсковые и земские повинности. Для выполнения различных строительных работ в каждой станице из числа казаков наряжалось определенное число войсковых плотников и каменщиков, которых станицы обязаны были высылать по первому требованию войскового начальства.[4] Помимо этого, станицы обязаны были по указанию войсковых властей регулярно направлять казаков на работы по сооружению крепостей, строительству и починке мостов и поддержанию в порядке дорог.[5] Все эти повинности, как признало Войско в 1792 г., выполнялись казаками «со оставлением их промыслов и хлебопашества, без всякой им денежной заплаты, в сущее их отягощение».[6]

Значительных средств требовало от казаков содержание непрерывно увеличивавшегося аппарата управления. Как отмечалось в одном из рапортов Войска в Военную коллегию в 90-х годах XVIII в., в одиннадцати сыскных начальствах находилось по одному сыскному начальнику из чиновников и при них по одному писарю «да на Миюсе при старшинских и казачьих селениях на Усть-Аксайском стану и на морских Азовского моря косах, также вниз по Дону в казачьем стану разные из чиновных начальники с командами без всякого жалования».[7] Все они содержались за счет казаков соответствующих станиц. В конце XVIII в. в Зотовской станице должен был находиться войсковой двор Нижнехоперского сыскного начальства. В связи с этим грамотой от 6 сентября 1798 г. предписывалось выстроить «оной общим коштом всех того начальства станиц». Казаки Зотовской станицы просили освободить их от этого, так как они несли и без того большое количество повинностей. Но Войсковое правительство грамотой от 15 сентября 1798 г. станице в просьбе отказало.[8]

Казаки обязаны были постоянно выделять людей для проведения межевых работ, переписей, сбора подушных с приписных.[9] На них же возлагались обязанности по «препровождению в разные города беглых колодников».[10]. Постоянно находились казаки «при пароме и при мосте войсковом для сбору в войсковую казну с приезжающих разных людей денег», «у смотрения войсковых питейных домов» и т. д.[11] В самом на-

---

[1] ДВ, 1867, № 48; см. также «Акты о переселении с Дону семейных казаков»; ТОВДСК, вып. I, отд. 2, стр. 53—54.

[2] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 37, ч. III, д. 46, лл. 112—112 об.; см. также: ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 32 об.; ЦГАДА, ф. 1274, оп. II, д. 179, лл. 450—451 об.; «Пугачевщина», т. II, № 12, стр. 60—64.

[3] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 265, л. 1.

[4] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 191, л. 2; д. 210, л. 1; д. 278, лл. 10, 28; д. 298, л. 6; ф. 341, оп. 1, д. 24, л. 47.

[5] Там же, ф. 338, оп. 3, д. 5, л. 28; оп. 1, д. 586, лл. 2—3; Акты Лишина, т. I, № 180, стр. 282.

[6] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 147, ч. 2, л. 433 об.

[7] Там же, лл. 434—435.

[8] «Акты к истории сыскных начальств». Памятная кн. ОВД на 1904 г., отд. III, стр. 28.

[9] ГАРО, ф. 338, т. 1, д. 84, л. 1; д. 148, л. 1; И. Негин. Указ. соч., стр. 223—224.

[10] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 640, стр. 813—814.

[11] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, лл. 434, 447 и др.

чале XVIII в. их в принудительном порядке обязывали выполнять всевозможные работы на Бердянских соляных промыслах.[1]

Пережитком далекого прошлого являлись всякого рода натуральные подношения, которые и в XVIII в. были очень широко распространены на Дону. Казаки должны были ловить и доставлять зверей и птиц для царских зверинцев и менажерий.[2] По специальному указу они обязаны были обеспечивать двор фруктами, а «для привозу... давать по две казачьи лошади с проводником без всякого задержания».[3] В 1775 г. было отправлено на Дон распоряжение выделить от каждой станицы «по четыре человека стрелков для застрелянья и набирания пуху с лебедей».[4] С наступлением весны шли на Дон приказы «настрелять... орлов побольше, и хвосты их для требующейся в заготовлении на отсылку ко двору ее и. в. стрел нужной надобности с нарочным прислать».[5] Наконец, регулярно отправляли с Дона в подарок царю и вельможам икру, ценные породы рыб и другие продукты.[6]

Подношения от казаков постоянно получали и представители войсковых властей. В дошедших до нас приходо-расходных книгах разных станиц постоянно встречаются записи: «отнесено к войсковому атаману от станицы в почет пирог гривенной, осьмуха вина, цена 20 копеек, осьмуха меду», «отдано денег подполковнику Тимофею Денисову на поклон 7 рублей 40 копеек», «издержано в бытность в Черкасске для отдания поклона Матвею Ивановичу Платову, куплена тушка свиная за 4 рубля 90 копеек, две пары индеек — 2 рубля 60 копеек, пара гусей — 80 копеек» и т. п.[7]

Наконец, постоянно требовали подарков от казаков и правительственные чиновники, находившиеся временно на Дону.[8]

Таким образом, помимо воинской службы, на казаках лежал целый ряд тяжелых обязанностей и повинностей.

6. ЗАХВАТ СТАРШИНАМИ ПРАВ И ПРИВИЛЕГИЙ ВОЙСКА И ПЕРЕНЕСЕНИЕ ВСЕЙ ТЯЖЕСТИ ПОВИННОСТЕЙ НА ПЛЕЧИ РЯДОВОГО КАЗАЧЕСТВА

Справиться с многочисленными служебными обязанностями и повинностями казачество могло, лишь используя свои права и привилегии. Между тем, процесс исторического развития на протяжении всего XVIII в. неуклонно шел в том направлении, что права и привилегии казачьего сословия узурпировались его верхушкой, а число обязанностей увеличивалось, причем старшины и богатые казаки находили средства от них избавиться и переложить их на плечи рядовой массы.

Важнейшим условием этого являлось превращение старшины и богатых казаков в землевладельцев и закрепление за ними дворянских привилегий. Поэтому старшины на протяжении всего XVIII в. усиленно захватывали земли, которые заселяли зависимыми от них людьми. Они умело использовали сословное право казачества на Донскую землю для защиты ее от покушений со стороны других сословий, но превратили его в право олигархического владения старшинами всей Донской землей. И хотя на Дону юридически частной собственности на землю не

[1] Сб. «Булавинское восстание», стр. 19—21.
[2] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 209, 249, 253, стр. 195, 231, 234.
[3] ЦГАДА, Госархив. ф. XX, д. 54, ч. 2, л. 355; лл. 357, 359, 365, 367, 373, 374, 381—384, 390—391, 393—415.
[4] Х. И. Попов. Битье лебедей к высочайшему двору (по актам 1755 г.). «Дон», 1887, № 6, стр. 39—41.
[5] «Акты, относящиеся к юридической и бытовой стороне донских казаков». Памятная кн. ОВД на 1900 г., отд. IV, стр. 182—186.
[6] Акты Лишина, т. III, № 32, стр. 40; СОВДСК, вып. IV, стр. 140—147.
[7] «Акты, относящиеся к юридической и бытовой стороне донских казаков». Памятная кн. ОВД на 1900 г., отд. IV, стр. 174.
[8] Там же.

было, а вся земля являлась владением всего Войска, старшины в сравнительно короткий срок (в течение столетия) захватили в свои руки не только свободные войсковые, но и лучшие станичные земли. Правда, масса казачества оказывала этому упорное сопротивление, а в отдельных случаях ее поддерживало и правительство, заинтересованное в сохранении боеспособности казачьего войска и «тишины» на Дону. Однако не рядовые казаки, а старшины составляли социальную опору самодержавного государства. Поэтому рядовое казачество не находило необходимой поддержки со стороны правительства; пользуясь этим, старшины продолжали захватывать в свои руки казачьи земли.

Это привело к тому, что, вопреки юридическим правам и привилегиям, значительная часть казачества уже во второй половине XVIII в. стала испытывать острую нужду в пригодной для сельского хозяйства земле. Так, в 1749 г. войско Донское доносило правительству, что казаки Казанской станицы «имеют крайнее утеснение как в пахотных землях, так в сенокосных лугах и в протчем».[1] На сильное «утеснение» казаков Филоновской станицы «как хлебными паями, так и сенокосными покосами и лесными угодьи» жаловалось Войско правительству в 1765 г.[2] Именно в эти годы старшина Себряков, может быть несколько преувеличивая, сообщал в Военную коллегию, что «бедные казаки принуждены юрты свои, сенокосы и прочие угодья заложить у старшины с большими процентами, и горько все плачут, не имея защиты».[3]

Но особенно много жалоб на «земельную тесноту» в казачьих юртах стало поступать в последней четверти XVIII в., т. е. как раз тогда, когда усилился захват земель старшиной и богатым казачеством. В 1776 г. казаки Верхне-Курмоярской и Потемкинской станиц доносили в Войсковую канцелярию, что «нынче, за умножением людей» им приходится занимать под пашню места, удаленные от станицы на 50—60 верст, притом зачастую малопригодные для посевов, «на песках» и т. п. В связи с этим даже «в самые хлебородные года хлебу урожай бывает худой», отчего казаки испытывают в хлебе «большой недостаток, неимущие ж претерпевают голод, а скот приходит в худобу и большой упадок».[4] Почти в таком же положении находились жители Нагавской и Кочетовской станиц.[5]

К этому же времени относится и показание жителя Верхне-Курмоярской станицы Евлампия Кательникова о том, что «поля наши разбросаны по пространству степи от Дону до Салу на 70 верст по проточинам балок, что стоит особливых трудов по хозяйству».[6] Подобная картина была типичной для последней четверти XVIII в.

Столь же незначительные выгоды давали массе рядового казачества и другие привилегии, которыми пользовалось Войско.

Донские казаки еще с начала XVII в. имели привилегию в области торговли. Но для ведения ее требовались определенные средства, которыми основная масса казачества не обладала. Старшины же и богатые казаки использовали свои средства не только для торговли, но и для откупа у казаков их прав на торговые места и т. п.

С развитием откупной системы, получившей в XVIII в. на Дону очень широкое распространение, масса рядового казачества, по существу, лишилась своих привилегий в рыбной ловле и винной торговле. Уже в 1733 г. в Военную коллегию поступила жалоба, что «войсковой атаман с старшинами чинят непорядки и грабительства, что самые лут-

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 86, л. 418.
[2] Там же, св. 115, л. 65.
[3] ЦГАДА, Госархив, р. XX, оп. 1, д. 54, ч. 2, л. 132; ЦГАДА, ф. 259, оп. 22, д. 1576, л. 3; С. М. Соловьев. История России, кн. V, т. 23, стб. 768.
[4] З. И. Щелкунов. «Об устройстве казачьих поселений и об юртовых при них довольствиях. СОВДСК, вып. VII, стр 63.
[5] Там же, стр. 64.
[6] Е. Кательников. Указ. соч., стр. 38.

чие места рыбные ловли, тако ж и кабаки имеютца на их откупу», отчего казаки «обиду себе терпят».[1] Во второй половине XVIII в. Военная коллегия подобного рода жалобы получала непрерывно. В 1753 г., например, старшина Себряков доносил, что войсковой атаман «без денег в станицах держит кабаки и для своей корысти те кабаки отдает за деньги откупщикам, а те деньги себе получает, в чем несносную обиду те станицы претерпевают».[2] Но Военная коллегия лишь в редких случаях принимала решения по таким жалобам. Большую часть их она отправляла на рассмотрение Войсковой канцелярии. Канцелярия же, состоявшая из войскового атамана и старшин, выносила решения, как правило, не в пользу рядовых казаков.

В XVIII в. старшины добились по существу устранения казаков от участия в дележе царского жалованья. Уже в 1704 г. атаман Яким Филиппов доносил в Посольский приказ, что «и того присланного государского жалования каждому казаку достаетца меньши рубля, а хлеба против того же меньши четверти человеку».[3] Хотя казаки выражали этим недовольство, но старшины не шли им на уступки. Не находили казаки поддержки и у правительства. Напротив, оно, идя навстречу старшинам, не обратило, например, внимания на донесение К. Булавина, что старшины во главе с атаманом войска Донского Максимовым «присланного его, великого государя, годового денежного жалованья, также за астраханскую службу 20000 рублев и что в нынешнем 708-м году прислано с Матвеем Колычевым 10000 рублев в дуван им ничего не дали».[4] В то же время, стремясь удовлетворить притязания старшин, Военная коллегия в 1725 г. разрешила половину жалованья отдавать зимовым и легким станицам (состоявшим из представителей казачьей верхушки), а половину распределять в Войске.[5] С этого времени, как отмечалось в «Краткой записке о доходах войска Донского», составленной в конце 50-х годов XVIII в., казаки стали получать «по рассмотрению войсковому» от 20 до 50 копеек, «да и то не на всех казаков, а только на 54 станицы». Но старшины и на этом не успокоились. С 1744 г. казакам вообще перестали выдавать жалованье, а, как сказано в том же документе, «причисляются те деньги, в рассуждение упомянутой малой дачи к вышеобъявленной собираемой с терезии (базарные весы. — **А. П.**) с лавок и с прочтего сумме, и с которой и употребляется в расход на починку города, на делание мостов, на строение и починку караульных изб, на исправление перевозов, на покупку в Войсковую канцелярию бумаги, сургуча и свеч».[6]

Полное устранение старшиной рядового казачества от участия в дележе жалованья обеспокоило даже Военную коллегию, и она решила вмешаться. Старшинам пришлось пойти на уступки, и со второй половины XVIII в. рядовым казакам стали выплачивать жалованье регулярно, в среднем по 12 рублей в год.[7] Но при резком повышении в этот период всех цен такая сумма была незначительной, а старшины зачастую и ее не выдавали полностью.[8]

[1] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1478, л. 64.

[2] ЦГАДА, Госархив, р. XX, оп. 1, д. 54; ч. II, лл. 132—132 об.; см. также: ЦГАДА, ф. 259, оп. 22, д. 1576, лл. 3—4; ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, лл. 1449—1616; ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, лл. 5, 355, 713—716; оп. 3, д. 3, л. 46 об.; д. 5, лл. 51 об., 60 об.; М. М. Постникова-Лосева. Из истории социально-экономических отношений на Дону, «Исторические записки», т. 60, стр. 256—257.

[3] ЦГАДА, ф. 110, оп. 1, № 21, лл. 32—33.

[4] «Новые материалы о восстании на Дону и в центральной России в 1707—1709 гг.». В сб. «Материалы по истории СССР», т. V, стр. 517.

[5] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 104, л. 106; св. 37, л. 666.

[6] Отдел письменных источников Государственного исторического музея, № 451, лл. 173—175; см. также донесение старшины Себрякова в Военную коллегию, поданное в 1753 г. ЦГАДА, Госархив, р. XX, оп. 1, д. 54; ч. II, л. 132; ф. 259, оп. 22, д. 1576, л. 3.

[7] J. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland, Bd. I, 1787, S. 59.

[8] ТОВДСК, вып. I, отд. 2, стр. 86. Известно, что Е. Пугачев попавшим к нему

Не менее успешно использовали старшины сословные права казачества для закрепления за собой дворянских привилегий. Добившись признания прав Войска на землю и став крупными землевладельцами, они уже во второй половине XVIII в. превратили поселившихся на этих землях крестьян сначала в приписных, а затем и в крепостных. Теперь казачья верхушка особенно настойчиво стала добиваться уравнения в правах с дворянством. И хотя в этом вопросе правительство колебалось особенно сильно, но, нуждаясь в старшинах как социальной опоре, оно шло им навстречу.

Постепенное закрепление за старшинами дворянских привилегий увеличивало пропасть между ними и массой рядового казачества. Пользуясь своим положением, они не только захватили в свои руки права Войска, но и переложили на его рядовых казаков всю тяжесть обязанностей, которые должно было выполнять все Войско.

Важнейшей обязанностью казачества являлась служба, и старшины широко использовали ее для получения чинов и орденов. Но желая числиться на службе, старшины стремились избавиться от тяжелых служебных обязанностей. Выход был найден в том, что они начали нанимать казаков для службы за себя. Такая форма найма была типична для феодализма. В средние века она была широко распространена в Западной Европе.[1] Ее знали в Новгородской боярской республике[2] и, как показал В. А. Голобуцкий, в Запорожском и Черноморском казачьих войсках.[3]

Мы не можем точно определить, когда подобная практика начала распространяться на Дону, но уже в 40-х годах XVIII в. старшины избавлялись от службы именно таким путем. В одном из документов, датированном 30 сентября 1746 г., названы богатые казаки, вместо которых служили их наемники. В числе их были казаки Скородумовской станицы Иван Васильев, который «вместо себя нанял... малороссиянина Григория Шелудякова, а дал денег пятьдесят рублев» и Яким Салацкий, нанявший Дмитрия Иванова за пятьдесят восемь рублей, и богатые казаки Митякинской станицы, один из которых «за наем дал денег 15 рублев, корову, овцу, двух лошадей, ружье и прочую сбрую, а атаману Краснощекову дал два рубли, писарю Петру Саврасову — один рубль», а другой «за наем дал денег 5 рублев, двух лошадей, ружье и сбрую да из платья китайчатый кафтан ношеный, чекмень белый суконный новый, двое сапог, одни желтые сафьяновые, шапку черную с белым околышем, две рубахи с портами, а за прием наемщика дал атаману Краснощекову денег пять рублев, писарю Саврасову — один рубль пятьдесят копеек».[4] По всей вероятности, такой способ избавления от службы в эти годы не был еще признан официально, поэтому те, кто хотел избавиться от службы путем найма за себя какого-либо казака, должны были давать взятки и походным атаманам, и писарям. Однако уже в указе от 31 декабря 1765 г., хотя и декларировалось, что службу «старшинам и казакам чинить по очереди, не обходя никого», разрешалось и нанимать, если «кому необходимые какие препятствия случатся, например, отлучка, болезнь».[5] С этого времени наем на службу получил еще более широкое распространение. Правда,

в плен донским казакам говорил: «У вас господа (т. е. старшины. — А. П.) съедают жалование».

[1] А. П. Пронштейн. Рецензия на книгу В. А. Голобуцкого. «Черноморское казачество». «Вопросы истории», 1957, № 4, стр. 161.

[2] А. И. Никитский. Военный быт в Великом Новгороде XI—XV вв. «Русская старина», 1870, т. I, стр. 194.

[3] В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество, стр. 376—378; его же. Черноморское казачество, стр. 325—326.

[4] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 61, л. 13.

[5] Акты Лишина, т. III, № 32, стр. 40.

случалось, что казаки по болезни действительно не могли служить и вынуждены были нанимать за себя другого казака. Так было, например, с Емельяном Пугачевым. Весною 1771 г. его отправили в поход против крымских татар, но уже в пути он увидал, что из-за болезни ехать никак не мог и нанял вместо себя казака Глазуновской станицы Бирюкова.[1] Однако в подавляющем большинстве случаев указ 1765 г. использовали богатые казаки и старшины, чтобы избавиться от тягостей и опасностей, связанных со службой.

Обычно среди казаков нелегко было найти охотников отбывать военную службу за другого человека. Но старшины прибегали к различным средствам, чтобы завербовать наемника. Особенно широко они использовали тяжелое экономическое положение отдельных обедневших казаков. Так, в 1781 г. вынужден был наняться на службу казак Усть-Медведицкой станицы Аксен Голованов «для скорейшей заплаты состоящих на нем есаула Голубинцева долговых денег».[2] В 1789 г. нанялся на службу казак Дурновской станицы Иван Болдырев «в рассуждение его крайней бедности, чтобы впредь мог он к своей очереди быть исправным». В 1792 г. казак Дурновской станицы Петр Деденков нанял «за себя на службу в Кубанские полки Прибылянской станицы казака Григория Гомонова с заплатою за него есаулу Андрею Быкадорову и сотнику Решетовскому должных денег».[3] Можно привести еще много подобных фактов.[4]

Для того чтобы избавиться от службы, старшинам необязательно было нанимать какого-нибудь казака. Право на освобождение от службы можно было получить у станицы или у Войска, оказав им за это определенную услугу. Так, в 1779 г. у казака Скородумовской станицы Гаврилы Сиротина было «взято на Войско двесте сосновых брусьев», и это приказано было «зачесть ему за службу».[5] А казак Дурновской станицы Иван Плотников за 80 руб. «купил у станицы службу», в подтверждение чего получил от станицы «письмо».[6]

В XVIII в. право на зачисление на службу и освобождение от нее фактически оказалось в руках небольшой группы донских чиновников, и они, пользуясь своим положением, часто избавляли от службы своих родственников или богатых казаков и старшин за взятки. В 1732 г. полковники Белогородцев и Бабский за взятки отпускали из низового корпуса казаков, а «сами писали их умершими».[7] В 1738 г. старшина Жимурин, посланный в верховые городки для наряда, взяв у «казаков и многих лутчих людей... великия денежные взятки, от службы е. и. в. воровски закрыл и в домах оставил»,[8] а в 1746 г. атаман Федор Краснощеков «из шеститысячной команды ради бездельной корысти отпустил в домы немало знатных калмык и добрых казаков».[9]

Еще более широко было распространено освобождение от службы старшин и богатых казаков за взятки во второй половине XVIII в. Так, в 1752 г. в Военной коллегии рассматривалось дело о беззаконных действиях старшин Ивана Поздеева и Леонтия Лукьянова, посланных по рекам Медведице и Бузулуку «для переписки и включения в казачью

---

[1] Чт. МОИДР, 1858, кн. II, отд. 2, стр. 3; «Допрос Пугачева» в ж. «Красный архив», 1935, т. 69—70, стр. 165.

[2] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 55, лл. 7—8.

[3] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 55, л. 8.

[4] Там же, ф. 341, оп. 1, д. 27, лл. 753—754; оп. 2, д. 269, лл. 447—448 об.

[5] Там же, оп. 1, д. 11, л. 377.

[6] Там же, ф. 388, оп. 1, д. 61, лл. 16—16 об. и 22.

[7] Там же, ф. 46, оп. 2, д. 4, лл. 19—19 об., 22; Акты Лишина, т. II, ч I, № 49, стр. 52.

[8] ЦГАДА. Госархив, р. XX, д. 54, ч. 2, л. 289.

[9] См. «Список, коликое число из шеститысячной команды походного атамана Федора Краснощекова изо взятков в домы отпущено, а вместо их неслужилые употреблены» (ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 61, лл. 11—13).

службу и казачьи именные списки».[1] 30 июля 1787 г. в Войсковое гражданское правительство была подана жалоба вновь вступившего на должность начальника Еланчикской заставы полкового есаула Ивана Фролова на его предшественника по этой должности полкового есаула Михаила Абрамова. Из 25 человек своей команды Абрамов за взятки отпустил 11. При этом Михаил Макаров заплатил 23 руб., Леонтий Филатов дал коня и 10 руб., Дмитрий Зотов — 25 руб., Евдоким Кондаков — 25 руб., Ефим Козловцев — 25 руб., Григорий Прыгунов — 13 р, 50 к., Иван Цыплятьев — 13 р. 50 к. и т. д. Всего Абрамов получил 144 руб. и одного коня.

При отпуске их из команды они получили документ за подписью есаула Михаила Абрамова о том, что они «вместо себя наняли в команду мою других казаков».[2] На самом деле он этого не сделал, а обходился оставшимися 14 человеками, приспособив, кроме того, двух своих сыновей и двух приписных крестьян, которых он нанял.[3] В 1787 г. войсковой атаман вынужден был признать, что при проведении поголовной мобилизации для участия в войне против Турции «из постыдного к корыстолюбию лакомства и другого уважения начальников и станичных атаманьев многие как из служилых, так особливо из отставных годные отставляемы были от походу свободными, а неспособные и калеки из неимущих достатка без рассмотрения высылались во оные и тем таковым беднякам наносились одни излишние убытки и волокита, поелику паки они как неспособные со сборных мест обращаемы были в домы».[4] В анонимной записке, поступившей в Военную коллегию, также отмечалось, что проведенная войсковыми старшинами в 1795 г. отставка «была для денежных казаков милостивая, безо всякого рассмотрения. Тот только отстать не мог, кому дать нечего было. А кто побольше дал, от того и чинов не жалели. И выпущено до пяти тысяч человек... Ежели эта отставка сойдет им с рук, то по жадности их к деньгам, бог знает, до чего они дойдут».[5]

Таким образом, используя средства экономического принуждения, а также власть и влияние в Войске, старшины и богатые казаки находили возможность избавиться от несения службы. Это означало, что вся тяжесть ее ложилась на плечи беднейшей части казачества, которой приходилось служить и за себя, и за других, по очереди, и вне очереди.[6]

Старшины и богатые казаки стремились избавиться и от других обязанностей. Их притязания в этом отношении особенно энергично старалось удовлетворить Войсковое гражданское правительство, издав в 1791 г. приказ, «что полковые чиновники, яко состоящие в офицерском, а не в казачьем звании, к таковой тягости (подводной, постойной и др.) в ранге с казаками принуждены быть не должны».[7] Но еще задолго до официального признания за казачьей верхушкой этих привилегий, старшины находили возможности избавиться от выполнения разных обязанностей явочным порядком. Для этого многие из них переселялись на постоянное жительство на хутора. И хотя даже Войсковое правительство объявляло такие действия незаконными и требовало, чтобы «они на хутора отъезжали временно и с позволения ата-

---

[1] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 590, стр. 713.
[2] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, лл. 447—447 об.
[3] Там же, л. 448.
[4] ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 5714, лл. 1—1 об.
[5] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 46, л. 2.
[6] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 84, лл. 6, 9; д. 90, л. 2. В одной из казачьих песен очень ярко говорилось о безысходном положении рядового казака: «Как и Бог-то судья нашему правленьицу, станичному атаманушке! Как без очереди меня, добра молодца, в службу нарядили. Без поры-то, без времени, меня, доброго молодца, провожали...» Д. Л. Мордовцев. Сочинения, т. 1. СПб, 1901, стр. 292.
[7] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1041, лл. 56—56 об.

мана» и не уклонялись при этом от несения станичных и земских повинностей,[1] старшины, пользуясь своим привилегированным положением, не подчинялись этим приказам. Многие из них продолжали жить на своих хуторах, отчего, как говорилось в одном из приказов войскового атамана, «обитающие в станицах казаки через них несут излишние тягости».[2]

Отказывались нести станичные и прочие повинности и те старшины и богатые казаки, которые «покупали службу». Даже Войсковая канцелярия признавала это незаконным и неоднократно разъясняла, что «по положению станичному» наемщиков следует «употреблять в тягости, ибо те, кои наняли посторонних, должны бывать за них в их станицах».[3] Однако многие старшины этим распоряжениям не подчинялись и уклонялись от выполнения повинностей.[4]

Все это приводило к тому, что не только воинская служба, но станичные, войсковые и прочие повинности всей своей тяжестью ложились на плечи рядовой беднейшей массы казачества. А так как большая часть рядовых казаков почти все время находилась на службе и в походах, то все станичные и войсковые повинности приходилось нести совсем небольшой группе казаков, оставшихся в станицах. Из этих казаков многие уже отслужили свой срок и находились в отставке. Но старшины и богатые казаки не считались с этим и всеми средствами стремились заставить их выполнять повинности.

Во второй половине XVIII в. получила широкое распространение отставка не полная, а «со внутреннею» (службой), «с тягостьми» и т. п. Так, по приказу Войскового правительства от 7 февраля 1777 г. были отставлены от службы 1 казак «со отправлением в летнее время почт», 2 — «с пешею почтою и тягостию», 11 — «с тягостьми», 3 — «со внутреннею» и 1 — «с пешею почтою, подводами и тягостьми».[5] 8 февраля 1777 г. также было принято решение освободить «с пешею почтою и тягостьми» 3 казаков, «с тягостьми» — 7, «со внутреннею» — 2. Материалы об отставке казаков рассматривались в Войсковом правительстве 20 февраля 1777 г.; было определено освободить от службы «с пешею почтою и тягостью» — 1 казака, «с тягостьми» — 10 казаков, «со внутреннею» (службой) — 3, а казака Островской станицы Акима Юдина — «с тягостию и с написанием большего сына в его очередь в казаки».[6] Подобным образом решались дела об освобождении казаков от службы на протяжении всей последней четверти XVIII в. неоднократно.[7]

Но дело не ограничилось этим. Пользуясь своей властью, станичное начальство заставляло отставных казаков нести по нескольку повинностей одновременно. Так, например, отставной казак Скородумовской станицы Егор Бурбоянов в течение одного года был «наряжен в комиссариатскую должность, ко отдаче почтовым казакам сена», выполнял некоторые другие «тягости» и, несмотря на это, как указывалось в войсковом приказе от 3 декабря 1789 г., станицей, знавшей «крайнюю его бедность», был наряжен в огневщину.[8] Были и такие случаи, когда чиновники заставляли выполнять повинности казаков, которые по старости или вследствие тяжелых болезней признавались совсем негодными и освобождались «от всего».[9]

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 434, л. 3; д. 1008, лл. 48—48 об.; И. Сулин. Исторические данные, относящиеся к колонизации земли Донского войска. ДОВ, 1902, № 146.
[2] ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 23, л. 1.
[3] Там же, ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 96 об.
[4] Там же, д. 11, лл. 28, 37 об., 61 об., 99 и др.
[5] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 4, лл. 51—51 об.
[6] Там же, л. 70 об.
[7] Там же, лл. 79, 95 об.; оп. 1, д. 11, лл. 93, 292; «Акты, относящиеся к юридической и бытовой стороне донских казаков». Памятная кн. ОВД на 1900 г., отд. IV, стр. 180 и др.
[8] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 443, л. 7.
[9] Там же, д. 84, л. 1.

В результате резкого увеличения числа повинностей, возлагаемых на рядовых казаков, в станицах, особенно в последней четверти XVIII в., создавалось очень тяжелое положение. Казаки Кочетовской станицы, например, вынуждены были в 1787 г. жаловаться войсковому атаману, что у них «перестарелые нищие казаки, состоя между здоровыми в списках, бывают употребляемы в тягости, а здоровые и способные также состоят между калеками и старыми [и] остаются без употребления»[1]. Подобное положение в этот период было типичным для многих донских станиц.

Захват старшинами всех прав и привилегий Войска и превращение их в касту «чиновников», оторванных от массы рядовых казаков, приводили к полному бесправию рядовых казаков, которые не могли сопротивляться административно-начальническому произволу со стороны чиновников-старшин. Об этом свидетельствуют находящиеся в архивах Войска и Военной коллегии многочисленные жалобы казаков на всякого рода притеснения со стороны войсковых и царских чиновников.[2]

7. УХУДШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА. ИЗМЕНЕНИЕ ПОЗИЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К МАССЕ РЯДОВОГО КАЗАЧЕСТВА

Вследствие всех указанных выше причин права и привилегии, которыми обладало донское казачество и которыми правительство продолжало наделять казачье сословие и в XVIII в., для основной массы казачества все в большей мере теряли свое значение. Это влекло за собой снижение уровня экономического благосостояния казачества.

В донесении Войска в Военную коллегию от 25 октября 1735 г. говорилось, что казаки Глазуновской станицы не выдерживают тяжести возлагаемых на них повинностей и буквально «разоряются».[3] В царском указе от 23 октября 1739 г. также признавалось, что от массы повинностей во многих станицах «казаки приходят в крайнее разорение».[4] Несколько позже, в 1741 г., Военная коллегия доносила Сенату, что казаки Усть-Быстрянской и Усть-Белокалитвенской станиц «так обесхлебили и в крайнюю бедность пришли, что другим и есть нечего, к тому ж во исправлении к службе лошадьми и протчим никакой надежды в них не состоит».[5] Сообщая об этом, Военная коллегия с тревогой писала, что вследствие такого положения казаки могут «по другим станицам разойтитца, а юрты их оставить впусте».[6]

Еще более тяжелым стало экономическое положение казачества во второй половине XVIII в. В 1753 г., например, старшина Себряков доносил правительству, что войсковой атаман и окружавшие его старшины «наглыми обидами и насильно вымогательными грабленіями» довели бедных казаков «до самого крайнего разорения», «отчего почти все станицы сильно задолжали, бедные казаки принуждены юрты свои, сенокосы и прочие угодья заложить у старшин с большими процентами».[7] Но не лучшим было положение казаков, оказавшихся под эгидою самого Себрякова. Исполняя обязанности старшины по сыску беглых, этот чиновник, как свидетельствует донесение Войска, поданное правительству

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 371.
[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 87, лл. 1055—1057; Акты Лишина, т. II, ч. II, № 570 и др.
[3] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 6, лл. 458—458 об.
[4] «Материалы к истории войска Донского», Памятная кн. ОВД на 1903 г., отд. III, стр. 34—35.
[5] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1482, л. 18.
[6] Там же.
[7] ЦГАДА, Госархив, р. XX, оп. 1, д. 54; ч. II, л. 132—133; ф. 259, оп. 22, д. 1576, лл. 3—6.

в 1751 г., «стращая» Етеревскую станицу «неизбежным штрафом» за держание беглых, «принудил оную станицу обязатца заплатить ему, Себрякову, денег несколько сот рублев, которые ему в заплату и производятца; сверх того возят станицею на мельницу ево лес и работают всякие работы, и тем оную станицу привел в немалое разорение». В том же донесении указывалось, что «и другие станицы несут от него, Себрякова, несносное отягощение». Используя свое положение, он заставлял станицы сдавать ему белую поярковую шерсть, а некоторых казаков принуждал являться к нему на работу и изготовлять из этой шерсти войлочные кибитки, которые он потом выгодно сбывал. Таким же путем заставлял он казаков сдавать ему белые и красные овчинки, из которых в его хозяйстве шились тулупы, тоже на продажу.[1]

Источники неоднократно свидетельствуют о резком снижении жизненного уровня казачества накануне крестьянской войны 1773—1775 гг., когда «недостаточные казаки, едва довольствовавшиеся в прежнее время насущным хлебом и необходимою одеждою, теперь так обедняли, что даже не имели на зиму ни пищи, ни теплой одежды».[2] И это, кстати, было хорошо известно донскому казаку Емельяну Пугачеву, заявлявшему в 1772 г., что был он у «черкасов, на Дону и по России во многих городах», — «везде народ раззорен».[3]

Укрепление после разгрома крестьянской войны диктатуры дворянства во всей России и усиление власти чиновников-старшин на Дону повлекло за собой дальнейшее ухудшение положения массы рядового казачества. В архиве Хоперского сыскного начальства сохранились материалы, свидетельствующие о положении в некоторых подведомственных этому начальству станицах, создавшемся к середине 1785 г. Из них видно, например, что в Березовской станице из 130 казачьих дворов было 62 неимущих, а в Карповской из 170 дворов—70, в Лукьяновской из 62—17, в Ярыженской из 200 дворов «убогих, совсем не способных» было 50, в Терновской из 158 дворов неимущих было 62, а «нищенских», которые «мирским подаянием кормятся» — 64.

Мы не располагаем сводными данными об экономическом положении в этот же период рядовых казаков в нижнедонских станицах, но большое число документов свидетельствует о том, что оно было столь же тяжелым. В 1787 г. в Войско поступило донесение от проживавшей в Аксайском стане казачьей жены Кэлинниковой. Она сообщала, что ее, как и многих других казаков, проживавших в Аксайском стане, «крайне изнуряют... постоем, тягостьми и поборами на становые надобности» и тем «доводят их до крайности» так, что она «едва с семейством питается».[5] Казак Прибылянской станицы Михайло Марченков был настолько беден, что, по его собственным словам (1791 г.), «для жительства ево с женою и детми домовного у себя места не имеет и никогда не имел».[6] Как указывалось в приказе войскового атамана от 19 января 1795 г., казаки Нижне-Рыковской станицы Иван Фомичев и Иван Краморов также по бедности «жительство де имеют... в наемных домах»,[7] а казак Дурновской станицы Степан Мартынов не только жил у чужих людей, но вообще не имел «никакова пожитка».[8] В этот период среди казаков как на среднем, так и на нижнем Дону было много людей, которые, даже по признанию вой-

---

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 87, лл. 83—108; ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1486, л. 53.
[2] М. Сенюткин. Донцы, стр. 2—3, 5, 8—9; «Пугачевщина», т. II, № 12, стр. 62—63; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 753, л. 1; д. 615; ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 170, л. 466.
[3] «Пугачевщина», т. II, стр. 191.
[4] ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 205, лл. 1—44.
[5] Там же, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 61.
[6] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 295, л. 7.
[7] Там же, д. 358, лл. 3—3 об.
[8] Там же, д. 35, л. 16.

ковых властей, находились «в крайней бедности».[1] Значительная часть из них оказывалась к тому же в неоплатном долгу у старшин и богатых казаков, постепенно попадая к ним в кабалу.[2]

К концу XVIII в. экономическое положение рядового казачества было настолько тяжелым, что находившийся на Дону в самом начале XIX в. Антонио де Романо вряд ли сгущал краски, когда заявлял, что «вообще донское казачество угнетено бедностью... в то время как богатство сосредоточено в руках нескольких десятков счастливцев, которые владеют крестьянами, лучшею землею, самыми выгодными берегами рек и т. д., — словом, в их руках все богатство края и власть», многие казаки, «истинная основа нации», «не в состоянии сами снарядиться на службу и выпрашивают себе это снаряжение у своих станиц, а в то же время они видят, что лучшие земельные угодья, крестьяне, табуны лошадей, стада рогатого скота — достояние немногих счастливцев».[3]

Непрерывное ухудшение экономического положения нечиновных казаков особенно во второй половине XVIII в. приводило к тому, что многие из них, лишившись средств производства, теряли возможность вести самостоятельное хозяйство и вынуждены были работать по найму у старшин и богатых казаков. В приказе войскового атамана от 6 июля 1776 г. упоминался казак Митякинской станицы Сидор Чертопрахов, который по бедности не имел возможности нести службу и уже много лет назад переселился в Усть-Аксайский стан, где жил кузнечной работой. Его сын Степан Чертопрахов жил на Кривянских хуторах и хотя владел собственным домом, но хозяйства своего не имел и вынужден был работать по найму у других казаков.[4] В определении Войскового правительства от 23 июля 1787 г. подробно рассказывается о судьбе казачьего сына Распопинской станицы Василия Клепаева. После смерти своих родителей он женился на дочери одного казака Клецкой станицы — Авдотье, перешел туда и был зачислен в казаки. Прослужив семь лет, он не возвратился в свою станицу, а поселился в Черкасске. Но так как средств для ведения собственного хозяйства у него не было, то он «находился у старшины Дмитрия Грекова года с три, у казака Антона Свечникова с найма на хуторе ево на речке Большой одно лето, у старшины Андрея Каршина на Заюксайском саду без малого год, потом в плотнической работе у разных здешних жителей, а при том и в исправлении перел большого моста по найму рядчика Павла Щербатова до окончания оного, на последок же сего июля у помянутого господина бригадира войскового наказного атамана и кавалера Дмитрия Мартыновича Мартынова у сына его старшины Петра Мартынова, нанявшись, косил сено».[5] В том же документе рассказывается о судьбе казака Мартыновской на Бузулуке станицы. После долгих лет службы и за себя, и по найму он в 1784 г. был отставлен, однако «не пошел в свою станицу... потому более, что никакого домовнего обзаведения, а равно и родства там, в станице, не имеет». Поселившись в Прибыльянской станице, он одну осень проработал на рыбном заводе казака Федора Аханова, «зимою проживал Павловской станицы у казака Ивана Юрьева, а весною [1] 786 года нанялся он Тютеревской станицы у казака Петра Грузинова, был на лодке, а равно у разных людей через всю весну и лето, а на последок сего года по найму рядчика Степана Буденнова в делании на Усть-Аксае Триумфальных ворот и большого здесь в Черкасске моста, напоследок наймом у господина бригадира и кавалера Дмитрия Мартыновича Мартынова косил сено».[6] В определении Войскового правительства от 13 августа 1787 г. рассказывается о судьбе

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, лл. 87, 189, 297; ф. 338, оп. 1, д. 84, лл. 5, 7.
[2] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 443, л. 6; ф. 341, оп. 3, д. 2, л. 700; оп. 3, д. 3, лл. 73 об. и др.
[3] A. L. de Romano. Coup d'oeil philosophique, t. II, p. 194, 207
[4] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 192, лл. 1—1 об.
[5] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 354.
[6] Там же, л. 354 об.

еще одного казака, жившего в Казанской станице, — Фрола Минаева. Лишившись средств производства, он начал работать у других. Сначала он «нанялся Дурновской станицы у казака Василия Болдырева на судно ради извозу рогатого скота и протчего, у коего и пробыл с восемь недель; от него же, Болдырева, отошед, также нанялся на судно Середней станицы у казака Андрея Федорова; затем пошел в состоящий на западной балке реченного полковника Грекова хутор, в коем, бывши с пять недель, находился в сенокошении».[1] Можно привести еще немало примеров, свидетельствующих о работе казаков по найму, особенно в последние десятилетия XVIII в.[2] Как сообщает Антонио де Романо в самом начале XIX в., среди наемных работников «нередко можно [было] встретить казачьих офицеров», и он сам, например, «видел даже майора в числе работников у одного урядника [унтер-офицера], владельца невода».[3]

Все эти факты свидетельствуют не только об ухудшении экономического положения некоторой части казачества. Они говорят и об имущественной дифференциации казачества, которая сопровождалась использованием вольнонаемного труда в хозяйствах богатых казаков и старшин. Это создавало некоторые предпосылки для зарождения буржуазных отношений в экономическом развитии области войска Донского. Однако процесс этот не следует преувеличивать.[4] Существовавший на Дону уровень развития производительных сил определял кабальный характер отношений между работодателями и наемными людьми. Это закреплялось увеличивавшимися непрерывно феодально-сословными привилегиями казачьей старшины, которая, опираясь на них, стремилась к еще большему закабалению имевшихся в ее распоряжении работников, даже если они являлись казаками. Так, на кабальных условиях в 1767 г. работали у войскового атамана Ефремова казаки Дурновской станицы Алексей и Никита Савиловы, которых он, пользуясь своей властью, не велел посылать «как в службы, походы, так и во всякие войсковые и станишные тягости».[5] Используя служебное положение, заставлял казаков работать на себя безвозмездно старшина Себряков.[6] Фактически в кабале у старшины Ивана Каршина находился казак Сергей (фамилия неизвестна), который «пожил на Заокском ево саде несколько времени», а в 1793 г. бежал.[7] Только привилегированным положением донской старшины можно объяснить тот факт, что бригадир Иван Сулин работавшему на него казаку Ивану Табунщикову вместо полагавшихся 86 руб. заплатил 49 р. 40 к.; и хотя, по словам Табунщикова, он от бригадира Сулина остальные деньги «многократно требовал, точию он ему не отдал».[8] Подобных фактов можно отметить много.

О стремлении старшин закабалить казаков, используя свои привилегии, можно судить по положению, в котором оказалась небольшая по

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 2. д. 269, лл. 273—273 об.

[2] Там же, ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 199; Н. Л. Янчевский. Разрушение легенды о казачестве, стр. 43.

[3] A. L. de Romano. Coup d'oeil philosophique, t. II, p. 150.

[4] Общая постановка проблемы о генезисе капитализма в сельском хозяйстве России неоднократно обсуждалась на симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы, происходивших в Москве, Таллине и Киеве, а также в ряде работ советских историков, опубликованных в последнее время. С наиболее ценными соображениями по этому вопросу, как нам представляется, выступили В. К. Яцунский, Н. Л. Рубинштейн, А. Л. Шапиро и др. (см. В. К. Яцунский. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1959 г.». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 30—51; Н. Л. Рубинштейн. О разложении крестьянства и так называемом первоначальном накоплении в России. «Вопросы истории», 1961, № 8, стр. 61—85; А. Л. Шапиро. Об опасности модернизации экономической истории русского крестьянства XVII — первой половины XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1959 г.», стр. 52—68).

[5] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 35, л. 1.

[6] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 87, лл. 83—113; ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1486, л. 53

[7] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 2, л. 3.

[8] Там же, ф. 341, оп. 1,, д. 27, л. 908.

численности группа так называемых «сказочных» казаков. Эта группа населения образовалась после разгрома Булавинского движения и состояла из детей казаков, участвовавших в восстании. Еще малолетними они были переведены в жилые юрты, и хотя по возрасту даже не могли участвовать в восстании, но войсковые власти препятствовали зачислению их в служилые казаки. Делалось это не бескорыстно. Как стало известно Военной коллегии в 1764 г., многие из сказочных казаков «находились временно в разных годах, с малою заплатою и без заплаты у войскового атамана Ефремова».[1] В 1769 г. в связи с происходившей в это время войной с Турцией Сенат вынес решение «находящихся при том Войске сказочных в общем собрании войскового атамана и старшин пересмотреть» и годных к службе определить в казаки.[2] Однако именно войсковой атаман Степан Ефремов и наиболее влиятельные старшины не желали этого: они выполняли распоряжение Сената неохотно, и многие из сказочных продолжали оставаться у них «во услужении».[3] И все же уровень экономической жизни основной массы казачества не снижался до такой степени, чтобы казаки должны были работать по найму. Земля и привилегии обеспечивали казачеству в целом сравнительно устойчивое экономическое положение. В 1917 г. В. И. Ленин отмечал, что казачество представляет собой «слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев... одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта».[4] Эта характеристика относится и к донскому казачеству XVIII в. Наделяя казачество землей и предоставляя ему различные права и привилегии, правительство следило за тем, чтобы они обеспечивали казачеству определенный уровень экономического благосостояния. Причина этого заключалась отнюдь не в бескорыстной его заботе о положении казачьих масс. Для феодально-крепостнического государства казаки были непосредственными производителями или, употребляя выражение К. Маркса, не только «владельцами», но и «возделывателями» земли,[5] на угнетении и эксплуатации которых зиждились основы феодального строя. Но казачество имело особое значение для правительства как большая военная сила, содержание которой требовало намного меньше средств, чем содержание регулярной армии. Заинтересованность правительства в казачьем войске увеличивалась в период разложения феодально-крепостнического строя, ибо государство стремилось превратить казачество в свою надежную опору, в которой в тот период оно остро нуждалось.

Между тем, чрезмерное усиление гнета влекло за собой не только ухудшение материального положения казачества и обострение классовой борьбы на Дону, но и утрату боевых качеств казачьего войска. В 1717 г., например, Войско донское жаловалось правительству на резкое увеличение почтовой повинности, в результате чего, по его словам, «многие казаки обесконили и во время случая в службы по твоему великого государя указу подняться будет не на чем, а за оскуденем купить нечем».[6]

В 1735 г. донские казаки снова доносили в Военную коллегию о непосильности возлагаемых на них «тягостей, особенно подводной, отчего «приттить имеем в убожество и разорение немалое и опасны, того, чтоб к службе вашего и. в. и к содержанию караулов и разъездов чрез оные тягости не имели бы казаки быть лошадьми неисправны, а другие б же и вовсе, лишась оных, не остались бы пешими».[7] Подобного рода заявлений казаков (особенно в документах второй половины XVIII в.)

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 115, л. 407.
[2] ЦГАДА, ф. 259, д. 1620, лл. 1—2.
[3] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 640, л. 2.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 15.
[5] К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1949, стр. 811, 815.
[6] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1471, л. 39.
[7] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, д. 191, л. 454.

о невозможности вследствие усиления эксплуатации и обнищания «исправиться к службе» и нести ее должным образом в архивах Войска и Военной коллегии имеется бесчисленное количество.

Отдавая себе отчет в том, к каким последствиям могло бы привести такое положение, правительство стремилось непрерывно поддерживать казачество на сравнительно более высоком уровне материального благосостояния и закрепить его сословную замкнутость.

Но при проведении такой политики правительство неизбежно должно было задевать интересы казачьей верхушки, создававшей свое благополучие прежде всего за счет рядовой массы, узурпируя ее права и перекладывая всю тяжесть повинностей на казачество. А так как именно старшины и богатые казаки составляли действительную опору самодержавного государства на Дону, то правительство не считало возможным обострять с ними отношения. Наоборот, поддерживая казачество в целом, правительство при столкновении между рядовой казачьей массой, с одной стороны, и старшинской верхушкой, с другой — всегда становилось на сторону последней.

В конце XVIII в. выявилось, что всевластие старшин на Дону привело к такому резкому снижению уровня жизни массы рядового казачества и росту недовольства в его среде, что правительство решило более активно вмешаться в дела Войска. В самом начале XIX в. в Сенате рассматривалось донесение присутствовавшего в Войсковой канцелярии генерала князя Горчакова о нетерпимом, с точки зрения государственных интересов, положении на Дону. Горчаков высказывал мнение о необходимости выдать станицам особые грамоты на их юрты и довести их до размеров, при которых все казаки были бы полностью обеспечены землей. В 1804 г. Сенат вынес решение об отводе дополнительных наделов малоземельным станицам и выводе в Миусский район крестьян, поселенных чиновниками на станичных юртах.[1] При обсуждении этого вопроса в Сенате в 1803 г. граф Воронцов шел еще дальше, предложив всех поселенных на землях войска Донского крестьян зачислить в казаки, а впредь запретить селить там крестьян на том основании, что земля принадлежала Войску, а чиновники не имели права обзаводиться там поместьями.[2]

Когда стало ясно, что эти меры оказались недостаточными, в 1819 г. был создан Комитет об устройстве войска Донского, который, по словам И. Игнатович, должен был провести «частичное изменение экономического, социального и политического порядка, сложившегося на Дону к тому времени».[3] Однако все это происходило уже в первой половине XIX в. и выходит за пределы нашей темы.

Подведем итоги. 1. К концу XVII в. донское казачество превратилось в замкнутое военное служилое сословие. Его положение определялось прежде всего тем, что за службу феодальному государству оно наделялось землей. Полученную таким образом землю Войско распределяло между станицами, которые раздавали ее «служилым» казакам. Следовательно, на Дону в XVIII в. существовала одна из форм «средневекового пользования землей за службу» (В. И. Ленин), а каждый казак был условным держателем земли.

2. Средневековая форма пользования землей за службу давала определенные права казакам: личную свободу, освобождение от государственных податей и повинностей и рекрутчины, право беспошлинной торговли, безоброчной ловли рыбы, свободного винокурения и т. п. Наделение казачества особыми правами и привилегиями делало его замкнутым привилегированным сословием и имело большое значение для защиты интересов казачества от посягательств со стороны представителей

[1] АГС, т. IV, СПб, 1892, стб. 552.

[2] «Столетие Военного министерства», т. XI, ч. 4, СПб, 1911, стр. 46.

[3] И. Игнатович. Указ. соч., стр. 19.

других классов и сословий. Все это обеспечивало казачеству в целом несколько более высокий уровень экономической жизни по сравнению с основной массой крепостного крестьянства Российской империи.

3. Средневековая форма пользования землей определяла не только права, но и обязанности казачества. Важнейшей из них было несение службы. В XVIII в. служба превратилась в тяжелую государственную повинность, уклониться от которой казаки не имели права. Помимо службы, казаки должны были выполнять целый ряд других обязанностей, большинство из которых постепенно превратилось тоже в тяжелые повинности: подводную, почтовую, постойную и др.

4. Выполнить все служебные обязанности и повинности казачество могло лишь при сохранении за ним особых прав и привилегий. Однако в течение XVIII в. старшина не только узурпировала их у рядового казачества, но и использовала для дальнейшего угнетения его. В то же время старшина перенесла на рядовых казаков всю тяжесть повинностей, лежавших на Войске.

5. Фактическая потеря массой рядовых казаков прав и привилегий, с одной стороны, и непрерывное увеличение тяжести повинностей, с другой — приводили к неуклонному снижению уровня экономического благосостояния казачества, положение которого особенно ухудшилось во второй половине XVIII в.

6. Так как это влекло за собой обострение классовой борьбы на Дону и потерю войском Донским тех его боевых качеств, в сохранении которых феодальное государство было особенно заинтересовано, то правительство решило более активно вмешаться в обстановку, создавшуюся на Дону. Однако практически это осуществлялось уже в первой половине XIX в.

Глава II

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДОНСКИХ СТАРШИН В ЧИНОВНИКОВ-ДВОРЯН

1. ПОЛОЖЕНИЕ СТАРШИНЫ В XVI—XVII ВЕКАХ

В предыдущей главе уже отмечалось, что среди казачества с самого его возникновения не было равенства, а уже в XVII в. казачество распалось на две социальные группы — домовитых и голутвенных казаков. В течение очень короткого времени домовитые заняли господствующее положение в Войске и составили тот слой «среднего», «зажиточного» казачества, на которое опиралось правительство при проведении своей политики на Дону. Однако и «зажиточное» казачество не было однородным по своему составу. В силу специфических условий существования из среды казачества прежде всего выделились «вожди»-атаманы, заняв особое положение в Войске. В XVI и XVII вв. атаманские должности еще были выборными и временными. На первых порах атаман, сложивший по какой-либо причине свои обязанности, возвращался в лоно массы рядового казачества и в правовом отношении уже ничем не отличался от простых казаков. Еще в первой половине XVII в. донские казаки заявляли, что «все они меж себя равны».[1] Но такое положение сохранялось недолго. Преимущества, которыми пользовались войсковые и станичные атаманы, были настолько значительными, что казачья верхушка стремилась удерживать эти должности в своих руках. Так, с 1637 по 1661 г. должности войсковых атаманов войска Донского занимало всего 7 человек. В течение этих 25 лет каждого из них выбирали по нескольку раз, а Наума Васильева, бывшего в общей сложности атаманом около тринадцати лет, даже 5 раз.[2] Во второй половине XVII в. войсковые атаманы также избирались из небольшого круга людей, причем круг этот все более сужался. Очень долго атаманом войска Донского был известный усмиритель Разинского восстания Корнилий Яковлев.[3] С 1680 по 1699 г. почти без перерыва войсковым атаманом был Фрол Минаев, которого выбирали почти 20 раз, а затем эту должность с небольшими перерывами занимали его сыновья Максим и Василий Фроловы. В течение многих лет и другие представители этой семьи неоднократно занимали должности станичных атаманов и атаманов зимовых и легких станиц. Власть Фроловых в этот период была очень большой, и некоторые из старшин даже выражали опасение, что «кто-

[1] ДД, кн. I, стб. 660—661.

[2] «Столетие Военного министерства», т. XI, ч. 2, СПб, 1902, стр. 214.

[3] А. И. Данилов. Атаман Корнилий Яковлев. ДОВ, № 43—44, 1904; Акты Лишина, т. I, стр. 56—104.

нибудь из Фроловых получит себе вечное атаманство».[1] Еще дольше, чем Фроловы, с 1738 по 1772 г., находились на должности войсковых атаманов представители рода Ефремовых, основатель которого — сын московского купца Ефрем Петров — был в 1708 г. казнен в Черкасске Кондратием Булавиным.[2]

Уже в первой половине XVII в. войсковой и станичные атаманы настолько отделились от общей казачьей массы, что их начали именовать старшинами.[3] Со временем это понятие несколько расширилось, и старшинами стали называть не только атаманов, но и вообще всех «знатных людей», к числу которых относились и бывшие атаманы, сохранявшие вес и влияние в Войске, а также их родственники.

Постепенно понятие старшина приобрело социальный смысл. Отличительным признаком старшины становился не военный опыт и не административные качества, а занимаемая должность и накопленное богатство. Приобретенное благодаря особому положению атаманов, прежде всего во время походов и набегов, а также и при дележах угодий, оно укрепляло положение старшин в войске, делая их наиболее сильными претендентами на атаманские и прочие должности.

Таким образом, к концу XVII в. из общей массы казачества выделилась особая привилегированная группа донской старшины. Формально она отличалась от других казаков тем, что ее представители занимали выборные атаманские должности в Войске. Фактически это была уже потомственная корпорация людей, обладавших богатством и пользовавшихся большим влиянием.

Богатство и влияние в Войске дали в руки старшины большую власть. Уже в XVII в. казаки часто именовали старшин «советниками» войскового атамана.[4] И это соответствовало действительности, так как атаманы считались с мнением старшин, а когда возникала необходимость решать особенно важные дела, атаманы, прежде чем вынести их на войсковой круг, устраивали «тайные круги с старшиною малыми людми».[5] Если казаки все же пытались отстаивать на кругу угодные им решения, старшина уже имела достаточно сил, чтобы этого не допустить. Так было, например, в 1683 г. во время распределения царского жалованья на кругу. По словам подьячего, привезшего его на Дон, «казаки никаких слов не говорили», ибо «только де они почали было говорить о сорочках», которых не было прислано, «атаман де Фрол Минаев, Иван Семенов и старшина закричали, о чем шуметь».[6]

Привилегированное положение старшин в войске Донском поддерживалось московским правительством. При численном росте казачества и увеличении его военной силы московское правительство могло сохранять свою власть над казачеством лишь при наличии там надежной социальной опоры, которой, естественно, могло быть лишь домовитое казачество и прежде всего его верхушка — донская старшина. Вот почему уже во второй половине XVII в. правительство обратило на нее особое внимание. С этого времени в царских грамотах на Дон главные атама-

[1] Акты Лишина, т. 1, стр. 102—189; Л. М. Савелов. Донское дворянство. Семья Фроловых на Дону. М., 1914; С. М. Соловьев. История России, изд. 2, кн. IV, гл. XVIII, стб. 837, 1379—1380. Опасения старшин о превращении Фроловых в «вечных» атаманов частично оправдались, когда 18 января 1718 г. на Дон была послана грамота, в которой указывалось Василию Фролову быть войсковым атаманом «для показанных твоих к нам, великому государю, услуг и верности впредь до нашего великого государя безпеременно, и тебе б войсковому атаману Василию Фролову, видя нашу, царского величества, к тебе милость, служить нам, великому государю, верно» (ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, ДД, 1718, № 31, л. 23).

[2] Л. М. Савелов. Род Ефремовых, СПб, 1900; Сб. «Булавинское восстание», № 246, стр. 463.

[3] «Историческое описание земли войска Донского», стр. 392—393.

[4] АИ, т. III, № 296, стр. 477.

[5] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДК № 4, лл. 1—19.

[6] Там же, ДД, 1683, № 31.

ны войска Донского назывались поименно. Посылая на Дон военные указы, правительство требовало в отдельных случаях, чтобы, кроме «войскового атамана и старшины, кому надлежит», никому читать их не давали.[1] Когда в столицу приезжали зимовые и легкие станицы, состоявшие, как правило, из старшин и знатных казаков, правительство щедро их награждало именными золотыми и серебряными ковшами, соболями, дорогими шерстяными и шелковыми материями, кормовыми и дорожными деньгами и т. п.[2] При этом львиная доля подарков доставалась атаманам и ближайшим к ним людям. Так, во время пребывания в Москве Корнилы Яковлева, Михайлы Самаренина и Фрола Минаева им, помимо жалованья, в знак особого расположения, «по челобитью их даваны с конюшни лошади с саньми с приезду их и до отпуску, и корм на тех лошадей даван с Конюшенного приказу», а когда атаман зимовой станицы Иван Семенов в 1683 г. привез с собой «сынишка своего Нефедка», то получил на него «сверх указной дачи сукно лундыш, атлас, денег тринадцать рублев, пару соболей в пять рублев, пищаль винтовальную в два рубля с полтиною».[3] Но особенно большие награды получали старшины за «радение о государевых делах». В 1671 г. атаман Корнила Яковлев с легкой станицей, состоявшей из «лучших» казаков, привез в Москву Степана Разина. За это вся станица получила большое вознаграждение, а Корнила Яковлев в знак особой милости получил еще и тайные награды.[4] В 1683 г. заболел атаман Фрол Минаев. Правительство учло его особые заслуги, и из Посольского приказа «пожаловали... нельми ему дать... жалования для ево болезни на лекарства элексиру».[5] В том же году и некоторые другие старшины «тайно получали на Дону соболей».[6] За разгром раскольнического движения старшины получили деньги и соболя; за подавление Астраханского восстания Войско получило 20 тыс. руб., а старшины — «почетные подарки», за «верность и усердие» во время Булавинского восстания Войску было выдано 10 тыс. руб., а старшины получили персональные награды: Василий Фролов и его приближенные — 1400 руб., атаманы Иевалов и Федосеев и их «товарищи» — по 100 руб. и т. д.[7]

В процессе социального расслоения на Дону, которому способствовала правительственная политика, старшины настолько отделились от массы рядового казачества, что уже в 80-х годах XVII в. казаки именовали их «станицными бояры и воеводы»,[8] а активное участие их в подавлении крестьянской войны под предводительством Степана Разина и других народных волнений вызывало у рядового казачества такую острую ненависть к ним, что казаки выражали горячее желание у «войсковых старшин головы резать и бородами связывать, и через якару (т. е. на якоре. — **А. П.**) вешать...»[9] Впрочем, так они и поступали. Когда, например, в мае 1708 г. казаки во главе с Кондратием Булавиным заняли г. Черкасск, то, как отмечалось в письмах К. Булавина на Кубань и к запорожским казакам, «чинили суд» на своих прежде быв-

---

[1] «Историческое описание земли войска Донского», стр. 393.

[2] Подробно перечислены подарки в следующих работах: М. М. Постникова-Лосева. Русские серебряные и золотые ковши. Тр. ГИМ. Памятники культуры, вып. X, М., Госкультпросветиздат, 1953, стр. 40—41; В. Г. Дружинин. Раскол на Дону, стр. 49—50.

[3] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1683, № 40, лл. 33—34.

[4] В. Г. Дружинин. Раскол на Дону, стр. 53, примечание 47, см. также «Историческое описание земли войска Донского», стр. 394—396.

[5] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1683, № 5, л. 4.

[6] Там же, № 26, лл. 30—31.

[7] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 4, лл. 396—397; ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДК, № 21, лл. 163—165; № 22, лл. 594, 612, 626; № 25, л. 37 об.; «Историческое описание земли войска Донского», стр. 361, примечание 547; Е. П. Савельев. Указ. соч., т. III, стр. 214.

[8] ДАИ, т. XII, стр. 271.

[9] Там же, стр. 280.

ших старшин, на Лукьяна Максимова, на Ефрема Петрова с товарищи» « и тех неправедных старшин своих... за их неправду и многое разорение, приговоря Войском, казнили их смертью».[1]

Хотя во второй половине XVII — начале XVIII в. противоречия между старшинами и рядовыми казаками в отдельные периоды резко обострялись, в целом они еще не являлись противоречиями двух антагонистических классов. Старшин с остальным казачеством объединяли общие сословные интересы, и прошло еще немало времени, прежде чем старшины окончательно отделились от казачества и влились в ряды дворянского сословия.

2. ПРЕВРАЩЕНИЕ СТАРШИН В КРУПНЫХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ

При господствовавших в стране феодально-крепостнических отношениях важнейшим условием перехода старшин в дворянское сословие было превращение их в крупных землевладельцев.

Между тем, осуществить это старшинам было особенно трудно, так как до 60-х годов XIX в. на Дону юридически частной земельной собственности не было. Вся земля принадлежала государству, которое передавало ее Войску за службу.

Это обстоятельство, между прочим, ввело в заблуждение многих буржуазных исследователей земельных отношений на Дону. В. Н. Ветчинкин и С. Ф. Номикосов считали, что не только юридически, но и фактически частная земельная собственность возникла там только в XIX в., причем первыми собственниками земель стали крестьяне, выкупившие землю после отмены крепостного права. Частное землевладение помещиков, по их мнению, появилось еще позже, после издания закона 1868 г.[2] В отличие от названных исследователей П. А. Соколовский полагал, что частная поземельная собственность возникла на Дону еще до отмены крепостного права, но тоже лишь в XIX в., «когда чиновникам были выделены в наследственное владение участки земли, размеры которых обуславливались служебным положением их владельцев». К тому же, как и названные выше авторы, П. А. Соколовский считал, что она возникла не в силу развития социальных отношений, а «была введена... правительством».[3]

Такой взгляд на происхождение частной земельной собственности на Дону объясняется сугубо юридическим подходом к этому вопросу, когда, по выражению Ф. Энгельса, «бумажку принимают за сущность дела». Разумеется, существование особой «войсковой» собственности на землю оказывало свое влияние на развитие земельных отношений. Оно, в частности, тормозило и ограничивало процесс сосредоточения земельной собственности в руках казачьей верхушки. Однако юридическое признание всей земли на Дону «войсковым» владением не могло воспрепятствовать возникновению частной собственности на землю, потому что, как и в других подобных случаях, появление ее определялось не законодательными актами, а развитием производственных отношений.[4]

Частная собственность на землю стала утверждаться на Дону после того, как там начали распространяться земледелие и скотоводство. До этого и земля не представляла никакой ценности, да и условия жизни были такими, что казаки вынуждены были объединяться в небольшие

---

[1] «Булавинское восстание», № 246, стр. 461, 463 и № 243, стр. 457—459.

[2] В. Н. Ветчинкин. Указ. соч. ТОВДСК, вып. II, стр. 34—35; С. Ф. Номикосов. Статистическое описание области войска Донского. Новочеркасск, 1884, стр. 49.

[3] П. А. Соколовский. Указ. соч., стр. 228.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1953, стр. 153—154.

товарищества, артели, «сумы», которые сообща добывали средства существования и делили их между собой.[1]

После появления на Дону земледелия некоторый период времени казаки им занимались сообща. Хорошо знавший древний хозяйственный уклад Казанской станицы, И. В. Тимощенков рассказывал, что «скотоводство и земледелие производилось в начале здесь таким образом: не в дальнем расстоянии от городка, на возвышенном, сравнительно с городом, месте, были устроены базы, где помещался скот и жили попеременно некоторые из граждан. Здесь же на время зимы заготовлялся для скота корм: сено и солома. Во время опасности от неприятелей — нападения неприятелей в этот период времени были еще очень часты — скот весь загонялся во внутренность городка. Земледелие тоже не могло развиваться свободно. Причина этому была та же самая. Выезжали в поле всегда всею станицею с оружием в руках. Работали так, чтобы каждой артели быть на виду у всех других. На ночь все возвращались в городок, или оставались в поле, но съезжались вместе».[2] Подобным же образом занимались сельским хозяйством на первых порах жители Верхне-Курмоярской и других станиц.[3] Между тем, опасность разорительных набегов кочевников уменьшалась, а численность казачьего населения росла. В этих условиях не было настоятельной необходимости в сохранении артелей как формы организации труда в земледелии и скотоводстве. А так как при существовавшем в то время уровне развития производительных сил индивидуальная форма ведения хозяйства давала большой экономический эффект, то на Дону стало зарождаться частное землевладение. Начальной формой его явился вольный трудовой захват, заимка, основанная на личном труде непосредственного производителя. Такая форма землевладения получила распространение потому, что на первых порах свободных земель было значительно больше, чем требовалось разбросанному небольшими поселениями по обширной территории Донской земли казачеству. Поэтому Войско — фактический распорядитель всего земельного фонда — не препятствовало казакам занимать любой свободный участок земли и обрабатывать так, как они находили это нужным — засевать хлебом, обращать под покос, выгон и т. п.

Стремясь извлечь личную выгоду, казаки начали занимать земли для ведения собственного хозяйства. А так как этот процесс происходил в период высокого развития товарных отношений во всей стране, которые втягивали в свою сферу и землю донских казаков, то по обширной ее территории быстро стали распространяться зимовники и хутора отдельных казаков.

В новых условиях земля стала представлять несравненно большую, чем прежде, ценность для казачества. В связи с этим Войсковой круг положил конец существовавшей ранее практике самовольного устройства казаками городков там и тогда, где и когда они этого желали. Уже в 1672 г., когда группа казаков захотела основать новый Боровский городок и выбрала для этого место, Войско сочло нужным прежде всего выяснить, не будет ли от этого другим станицам «утеснения», и лишь после этого разрешило им «юрт занять и, собрав станицу, городок устроить, и жить, как и иные наши городки». С этого времени казаки для устройства нового поселения должны были получить от Войска «заимочную грамоту». Древнейшая из дошедших до нас заимочных грамот относится к 1681 г. Согласно ей и другим подобным грамотам, группа

[1] «Историческое описание земли войска Донского», стр. 390. Мы уже отмечали, что и в таких товариществах не было равенства, так как большая часть добычи попадала в руки атаманов и старшин.

[2] И. В. Тимощенков. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы. ТОВДСК, вып. II, отд. I, стр. 146.

[3] Е. Кательников. Указ. соч., стр. 14.

казаков, желавшая переменить старое место жительства и основать новый городок, должна была выбрать для этого подходящее место, явиться в Войско и на кругу просить «обысканный юрт занять». Если Войско находило, что от вновь устроенного поселения юртам соседних городков стеснения не будет, то оно давало свое разрешение.[1] С начала XVIII в. при основании нового городка одних заимочных грамот стало уже недостаточно. Поселившись на новом месте, казаки обязаны были теперь произвести «развод рубежей» с соседними станицами и, представив материалы в Войско, получить от него соответствующую «разводную грамоту», которая служила основным документом, определявшим права станицы на ее «юрт».[2]

Почти одновременно выяснилось, что и давно существовавшие станицы плохо знали границы своих владений («юртов»). А так как многие из них были расположены сравнительно близко друг от друга, то вследствие быстрого распространения зимовников и хуторов между казаками отдельных станиц стали возникать споры за право владеть тем или иным местом. В таких случаях Войско поручало специально назначенным людям (они назывались «правдами») производить «развод рубежей».

В ходе этой работы составлялись «разводные грамоты», а после утверждения их в Главном войске станицам выдавались особые грамоты, утверждавшие их права на владение «юртом». Древнейшая дошедшая до нас «разводная грамота», относится к 1687 г.,[3] хотя есть основания полагать, что разграничение «юртов» между некоторыми станицами проводилось уже и раньше. Как свидетельствуют источники, Войску не удалось произвести «развод рубежей» между всеми станицами в короткий срок. Споры между некоторыми из них продолжались непрерывно на протяжении всего XVIII в., и проведение границ, а также выдача грамот на владение производились все это время. Часто бывало так, что «развод рубежей» приходилось производить через 10—15 лет вторично, а если через некоторое время снова возникали споры, — то и в третий раз.[4]

Введение «заимочных» и «разводных грамот» до некоторой степени задерживало процесс развития частного землевладения на Дону. В заимочных грамотах, например, строго запрещалось на отводимых казакам землях селить «новопришлых» людей, а в случае нарушения этого, как указывалось в грамоте от 14 декабря 1705 г. «на основание» Лукьяновской станицы, «атаману будет смертная казнь без пощады, а на всей станице наша войсковая пеня, и совсем будете разорены и от юрта вам (казакам. — **А. П.**) будет отказано».[5] Грамоты, которые устанавливали границы между станицами и определяли их права на ту или иную территорию, ограждали станичные юрты от захвата их казаками соседних станиц.

Но если войско Донское уже с последней трети XVII в. начало строго следить за распределением земельного фонда между станицами, то, передав отдельным станицам право распоряжаться их юртами, оно значительно меньше вмешивалось в их внутренние дела. Между тем и вну-

---

[1] «Акты об устройстве станиц, о станичных юртах и о поселении хуторов на войсковых свободных землях». ТОВДСК, вып. I, отд. 2, стр. 57, 64—65; В. Н. Ветчинкин. Указ. соч. ТОВДСК, вып. II, стр. 27.

[2] «Историческое описание земли войска Донского». стр. 382—383; М. Н. Харузин. Сведения о казацких общинах на Дону, вып. I. М., 1885, стр. 4.

[3] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 363, л. 1.

[4] ТОВДСК, вып. I, отд. 2, стр. 57—85; СОВДСК, вып. II, 1901, стр. 109—114; вып. III, стр. 129—140; З. И. Щелкунов. Об устройстве казачьих поселений и об юртовых при них довольствиях. СОВДСК, вып. VII, стр. 51—65; И. В. Тимощенков. Указ. соч. ТОВДСК, вып. II, отд. 1, стр. 145.

[5] «Акты об устройстве станиц, о станичных юртах и о поселении хуторов на войсковых свободных землях». ТОВДСК, вып. I, отд. 2, стр. 65.

три станичных юртов, где еще совсем недавно свободных земель было больше, чем требовалось казакам того или иного городка, с последней четверти XVII в. начал ощущаться их недостаток. Уже в это время выяснилось, что если права на занятие земель у всех казаков были неограниченные, то возможности были разные. В лучшем положении оказались прежде всего те, кто успел захватить наиболее удобные участки; и это способствовало их быстрому обогащению. К тому же и возможности для обработки земли у разных казаков были неодинаковые. Многие казаки вели хозяйство силами своей семьи (причем мужчины большую часть времени находились в походах) и с большим трудом могли обработать небольшой участок, едва обеспечивавший их минимальные потребности. Напротив, домовитые казаки могли вложить в свое хозяйство некоторые денежные средства, имели возможность использовать труд наемных работников, тягловую силу и орудия труда. Они могли захватить в свои руки более крупные земельные участки и использовать их не только для удовлетворения своих потребностей, но и как средство для дальнейшего обогащения. Так как не только в XVII, но и в течение всего XVIII в. регулярных переделов земель в казачьих станицах не производилось, то некоторая часть домовитых быстро превращалась в крупных земельных собственников и богатеев. Таким путем уже в конце XVII в. стала развиваться на Дону частная земельная собственность, основанная на эксплуатации чужого труда.

Однако подавляющее большинство среднего казачества не достигло в этом больших успехов. Их экономические возможности были слишком слабыми, а влияние на станичные дела не таким значительным, чтобы преодолеть сопротивление станичного общества. Хотя на Дону не было регулярных переделов, все-таки поддерживались «древние обычаи» пользоваться «поземельными довольствиями... по единодушным приговорам на станичных сборах».[1] По мере сокращения земельного фонда станичные общества все более энергично вмешивались в земельные дела и, стараясь обеспечить права всего казачества на землю, мешали развитию частного землевладения. По свидетельству И. В. Тимощенкова, в Казанской станице, например, не все земли подлежали свободной заимке: луговые и сенокосные места ежегодно делили на паи. В той же станице захваченная на правах вольной заимки земля принадлежала владельцу лишь четыре года. Если на пятый год он ее не вспахал, то ее мог занять любой другой казак.[2] Во многих других станицах тоже действовали подобные правила.[3] Более того, когда оказывалось, что захваченный кем-нибудь участок земли представлял большой интерес для целой группы казаков, то станичное общество выносило решение о разделе его на паи или о передаче в общее владение.[4] Бывали случаи, что такие казаки-заимщики не подчинялись решению станичного сбора. Тогда станичники, опираясь на свои «древние обычаи», переходили к более решительным действиям. Они, например, «опахивали» владения таких заимщиков со всех сторон и, лишив скот выхода к воде, заставляли их идти на компромисс со станичным обществом. В других случаях казаки травили своими табунами их хлеб, «подрубали» незаконно поставленные мельницы и т. п.[5]

Но если станичные общества достигали определенных успехов в борьбе рядовыми казаками, которые стремились к захвату земель [illegible] за счет эксплуатации чужого труда, то значи-

министерства», т. XI, ч. 2, стр. 296.
в. Указ. соч. ТОВДСК, вып. II, отд. 1, стр. 146—147.
з. соч., стр. 19—20.
ов. Землеустройство казачьих войск. «Столетие Военного 4, стр. 16.
I, д. 11, лл. 282, 282 об. и др.; А. М. Греков. К истории льных порядков на Дону, СОВДСК, вып. VIII, стр. 43—44.

тельно труднее было им вести подобную борьбу со старшиной. Именно в это время изменилось отношение старшин к землевладению. В предыдущий период они ограничивались захватом большей части добычи и царского жалованья, а также получением особых наград от царя во время пребывания зимовых и легких станиц при дворе или по какому-либо другому поводу. Но с тех пор как на Дону создались благоприятные условия для развития частного землевладения и оно стало основным условием обогащения и приобретения привилегированного положения, старшины настойчиво добивались захвата как можно большего количества земли и стремились поселить на ней крестьян, а также «завести хозяйства», основанные на эксплуатации чужого труда.

Для достижения своих целей старшине пришлось вести упорную борьбу со станичными обществами. Но в отличие от рядовых казаков, которые тоже стремились к захвату земель и т. п., но не имели для этого соответствующих средств, старшина использовала не только свое экономическое могущество, но и привилегированное положение в Войске, а также опиралась на определенную поддержку со стороны правительства, видевшего в лице старшин свою социальную опору. Правда, и при этом старшина довольно долго боролась за достижение своих целей. Но к концу XVIII в. эта борьба завершилась победой.

Пока свободных земель было достаточно, старшины, пользуясь, как и другие казаки, правом свободной заимки, захватывали земли, не задевая чужих интересов. Выбрав подходящий участок земли, они закрепляли его за собой на общем основании на 3—4 года. Но уже в это время заимка производилась ими в других масштабах и преследовала иные цели. Если вольная заимка массой казачества ограничивалась, как правило, фактическим трудовым захватом, когда казак занимал земли столько, сколько мог обработать силами своей семьи с применением в отдельных случаях небольшой дополнительной (например, наемной) рабочей силы, то старшины стремились к обзаведению хозяйствами, основанными на использовании чужого труда. По свидетельству И. В. Тимощенкова, уже в начале XVIII в. старшины и богатые казаки, чтобы захватить как можно больше земли, основывали свои хозяйства «где-нибудь в глухой степи». Там «строили гумна во многих местах, землю же кругом гумна на 50 саженей, хотя и не паханную, никто не мог занять, а они оставляли себе под сенокос, далее этого расстояния пахали, но так, что между пашнями оставались широкие клины». Такие старшины, писал далее И. В. Тимощенков, «имели по многу скота, сеяли десятки, а то и сотни десятин хлеба, а сами между тем не имели ни косы, ни плуга. Все это им делали иногородние люди, малороссияне, которые работали у них под тем видом, что будто наняты были ими, а в самом деле пахали с третьей или четвертой борозды, косили с известной копны и молотили с меры». [1]

Видя, что распространение старшинских хозяйств, основанных на эксплуатации чужого труда, приводило к обострению отношений между старшинами и казаками, увеличивавшемуся по мере сокращения свободного земельного фонда, Войско (в пределах войсковых земель) и станичные общества (в пределах станичных юртов) начинали ограничивать право вольного захвата. Уже в конце XVII — начале XVIII в. каждый желавший занять землю должен был получить специальное разрешение от Войска или станицы, которое давалось лишь в том случае, если никому от этого не могло быть «утеснения». Но как свидетельствуют перепись 1763 г. и другие документы, не только в конце XVII, но и на протяжении всей первой половины XVIII в. самовольный захват свободных земель не считался серьезным правонарушением, и многие стар-

[1] И. В. Тимощенков. Указ. соч. ТОВДСК, вып. II, отд. 1, стр. 148.

шины продолжали устраивать свои хутора, «не имея от войска Донского повеления, сами собой».[1]

Однако и необходимость иметь разрешение Войска или станицы на занятие земельного участка недостаточно ограничивала распространение старшинского землевладения. Старшины начинали, как правило, с малого, прося разрешения на устройство постоялого двора, стойбища для скота, мельницы и т. п., в чем обычно никому не отказывали. Но, получив такое разрешение, они на выделенных им небольших участках селили приписных крестьян и организовывали крупные хозяйства. Богатый казак, а потом старшина Алексей Каршин начал в 1753 г. с устройства небольшого временного хутора. Вскоре, по его словам, «собственным немалым коштом» «построил дом, также для содержания военных и других лошадей и скота присовокупил надежный пристрой, прудовую мельницу и виноградный сад».[2] В 1761 г. атаман Степан Ефремов приобрел мельницу. Через некоторое время здесь образовался поселок, в котором по 4-й ревизии (1782 г.) уже числилось более двухсот приписных.[3] В 1776 г. вдова есаула Анна Волошинова просила у Войска разрешения на постройку мельницы на речке Полной, впадающей в реку Сал. Однако мельница ею выстроена не была. Зато, как отмечено в определении Войскового правительства от 18 августа 1787 г., «оказалось заведено из малороссиян поселение, имеющее[ся] в четырех дворах с левой в течении оной речки Полной стороны, и кабачок построен на другой стороне, при коем и малороссиянин приписной за нею Волошиновою Данило Береженко с семейством и скотом жительствует».[4]

Определением Войсковой канцелярии от 15 июня 1777 г. старшине Ивану Кумшацкому было разрешено построить двор на левом берегу Тузлова, в урочище неподалеку от Сухого буерака. Вокруг двора начали селиться «малороссияне». На плане 1798 г. двор уже обозначен хутором Кумшацким, в котором в 1801 г. числилось 12 дворов с населением в них 76 приписных (42 мужского и 34 женского пола).[5]

В 1784 г. определением Войсковой канцелярии старшине Ивану Васильеву было разрешено при речке Ольховке, там, где проходил почтовый тракт, построить постоялый двор. Обжившись, старшина начал здесь селить приписных. В 1801 г. здесь уже было поселение Ольховчик из 30 дворов, в которых жило 232 человека.[6]

По определению Войскового гражданского правительства от 20 августа 1785 г. генерал-майору Родионову было разрешено устроить зимовник для содержания зимою скота на левой стороне Тузлова. Обосновавшись, он без разрешения устроил хутор и населил его крестьянами.[7]

В 1786 г. жена есаула Козлова на берегу Мокрого Еланчика построила водяную мельницу. В 1802 г. здесь уже существовало поселение называвшееся хутором Николаевского (Козлова).[8]

Но даже в тех случаях, когда старшины захватывали землю без разрешения (независимо от того, была ли она свободной или закрепленной за станицею), опираясь на свое особое положение в Войске и свою экономическую силу, они добивались закрепления занятых ими земель за собой. Особенно больших успехов в этом отношении достигали старшины после образования в 1775 г. Войскового гражданского правительства. В начале 70-х годов отставной старшина Колпаков сообщил в Войсковую канцелярию о продаже им своего хутора, находившегося по р. Калитве при Усть-Меловой, и просил разрешения заселить новый

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 633—635, 678, 761—762 и др.
[2] Там же, св. 104, л. 657.
[3] ДОВ, 1902, № 143.
[4] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 630.
[5] И. Сулин. Материалы. СОВДСК, вып. VI, стр. 152.
[6] Его же. Материалы. СОВДСК, вып. VI. стр. 134—135.
[7] Его же. Материалы. СОВДСК, вып. VIII, стр. 189.
[8] Его же. Материалы. СОВДСК, вып. V, стр. 103.

хутор в Мокром Лугу. Хотя заселение хутора Колпаков произвел еще до получения разрешения от Войсковой канцелярии, этот захват в 1776 г. был утвержден.[1] В 1775 г. отставной старшина Петр Греков купил у старшины Карпа Колпакова на речке Кундрючьей хутор. Определением Войскового правительства от 22 марта 1776 г. ему было предложено этот хутор «за утеснением имеющимися близ того хутора пашнями здешних кортовых калмык уничтожить и все оттуда свесть». Однако Греков использовал свои связи в Войсковом правительстве, и 30 мая 1776 г. правительством было принято новое решение: так как «хутор у старшины Колпакова куплен ценою за 100 рублев», а кроме того Греков «изготовил как собственно для его, так и общенародной пользы к построению мельницы купленного и вывезенного из буераков не мало леса и иметь обывателей намерен отнюдь не более четырех с семейством землянок, а для оных к собственному продовольствию землепашество и сенокос», то «показанному старшине Грекову на речке Кундрючье при Усть-Сорокиной балке хутор и мельницу иметь».[2]

Подобных фактов, когда Войсковое правительство задним числом утверждало за старшинами захваченную ими землю, можно привести очень много.[3]

Войсковое гражданское правительство шло навстречу старшинам даже и в тех случаях, когда они добивались прав на владение несколькими хуторами. В 1777 г. получили разрешение на основание второго хутора отставной старшина Ульянов и полковой есаул Федор Проциков.[4] В том же году старшина Иван Янов просил у Войска разрешения на заселение хутора и постройку при нем мельницы в устье р. Малой Нагольной. 20 января 1777 г. его ходатайство было удовлетворено. Вскоре он получил разрешение на устройство еще одного хутора в другом месте. В том же году будущий войсковой атаман старшина М. И. Платов получил разрешение из Войсковой канцелярии на основание двух хуторов: одного в верховьях р. Малой Крепенькой, а другого при устье балки Ольховой, впадающей в р. Миус. В 1781 г. войсковой старшина Андрей Караулов получил разрешение на устройство поселка Вознесенского в районе слободы Павлопольской. Утвердившись там, он через несколько лет получил разрешение на основание нового хутора на левом берегу Кальмиуса. В 1796 г. ему принадлежал еще один хутор с мельницей на левом берегу этой же реки при устье балки Камышевахи.[5]

До 1775 г. границы отводимых казакам и старшинам земельных «довольствий» устанавливались в общих чертах по «живым урочищам» или путем указания числа верст от хутора по реке и в степь в разные стороны.

После образования Войскового гражданского правительства была создана войсковая межевая чертежная во главе с войсковым землемером. С этого времени границы хуторов, зимовников и других земель, отводимых донским старшинам и казакам, устанавливались землемерами. Войско неоднократно демагогически заявляло, что таким путем оно наведет «полный порядок» в распределении земель и устранит произвол и злоупотребления со стороны старшин. На самом деле этого не произошло. Используя свою власть в Войске, которая непрерывно укреплялась, старшины превратили землемеров в послушных исполнителей своей воли. Основываясь на достоверных рассказах старожилов,

---

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 3, л. 46 об.

[2] Там же, лл. 47 об. и 62 об.

[3] Там же, д. 2, лл. 608—608 об., 673; д. 5, лл. 3—5, 25—26, 28, 29, 31, 33, 40, 47 и др.

[4] Там же, д. 5, лл. 25 об. и 47 об.

[5] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 5, л. 29 об.; И. М. Сулин. Материалы. СОВДСК, вып. V, VI, VIII; его же. Материалы. СОВДСК, вып. VIII; его же. Исторические данные, относящиеся к колонизации земли Донского войска казачьими и крестьянскими хуторами. ДОВ, 1902, № 143, 145, 146.

В. Н. Ветчинкин показывает, как в одних случаях землемеры составляли «план на просимое отводное довольствие в масштабе полверсты или даже 100 сажен в дюйме, представляя на бумаге громадную фигуру, всегда подвергающуюся атаманской властью уменьшению на половину или треть», а в других, когда старшина «имел протекцию свыше или хорошие средства на приобретение большого количества угодий, план сочинялся в масштабе одной и двух верст в дюйме» и представлял собой «такую малую площадь на бумаге, что она никогда не могла встретить со стороны атамана препятствий к утверждению полного отвода земли».[1]

Надо полагать, что у войскового атамана и не было особого желания чинить старшинам подобного рода препятствий. Как показывает В. Н. Ветчинкин, землемеры пользовались и другими средствами, чтобы придать законную форму бессовестному захвату старшинами донских земель.[2]

Прямым следствием поддержки старшин со стороны Войскового гражданского правительства явилось быстрое увеличение их земельных владений. В рапорте, поданном в Войско в 1790 г., премьер-майор Харитонов указывал, что на Дону уже многие «господа войсковые старшины не только одним, но многими хуторами пользуются»,[3] а по свидетельству генерал-майора Василия Орлова, к концу XVIII в. ряд старшин сумел заселить «на войсковой земле по две и по три слободы».[4] При этом следует учитывать и быстрое разрастание многих старшинских хуторов. Мы уже приводили некоторые свидетельства этого. Но их число можно было бы значительно увеличить. В середине XVIII в. хутора, принадлежавшие старшинам, никак не походили на одиночные выселки. Это были, как правило, крупные поселения, в которых проживали десятки и сотни зависимых от старшин людей.[5] Еще более крупными поселениями были слободы, которых, как уже отмечалось, к 1801 г. насчитывалось на Дону около 40. Население таких хуторов и слобод занимало сотни десятин земли, которая не принадлежала казакам, а находилась в неограниченном распоряжении у старшин, захвативших эту землю в течение одного XVIII столетия.

Стремление донских старшин и богатых казаков захватить землю увеличивалось по мере включения Донской земли в орбиту всероссийского рынка и развития на Дону крепостнических отношений. А так как пустых, никем не занятых земель становилось все меньше, то между землевладельцами за право владения захваченными ими угодьями происходили непрерывные столкновения.

В 1776 г. уже упоминавшаяся старшинская вдова Анна Волошинова получила разрешение на устройство хутора в 5 верстах от своих прежних владений и в 2 верстах от хутора вдовы — «старшинской жены» — Марфы Никоновой. Построив мельницу и «одну для продажи горячего вина землянку», она начала захватывать «не только за ту зашедшею мельницу, но и по сю сторону лежащею пахотную землю», которой владела Никонова. Начавшееся спорное дело между старшинскими женами было решено только через 11 лет, в 1787 г.[6]

В 70-х годах подошли близко друг к другу владения премьер-майора Леонова и старшины Меньшова Янова на р. Нагольной. В связи с этим Леонов просил у Войскового правительства разрешения занять другое место под хутор на р. Севастьянке, куда, по его словам, он намерен был перенести свое селение. Войско удовлетворило его просьбу. Однако он

[1] В. Н. Ветчинкин. Указ. соч. ТОВДСК, вып. II, отд. 1, стр. 36.
[2] Там же, стр. 35—36.
[3] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 23, л. 218 об.
[4] ЦГВИА, ф. 41, оп. 199, св. 37, ч. III, д. 446, л. 83.
[5] ЦГАДА, дела 1-го департамента Сената, кн. 4267, л. 825 об.
[6] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, лл. 629—630; оп. 3, д. 2, л. 894.

«не токмо селения своего не перенес, но и Янова хутор купил», став владельцем трех больших хуторов. Завладев огромной территорией, он самовольно запретил рубить находящийся в этой округе лес, «в обиду» многим жителям этого района. В числе прочих на этой территории занимали места приписные премьер-майора Петра Кулыбакова. Как сообщали они Войску в 1787 г., к ним в селение явился приказчик Леонова «с рабочими людьми до десяти человек, пьяные» и от имени Леонова запрещали пользоваться лесом, применяя при этом угрозы и насилия, а когда они попытались оказать сопротивление, то были жестоко избиты.[1]

В 1790 г. поступила в Войско жалоба премьер-майора Гордеева, который писал, что во время пребывания в походе его земли были «распаханы старшиною Михайлою Грековым и подданными людьми старшины и судьи Василья Иловайского, то ж казаком Дежуровым в чувствительную обиду». В связи с этим Гордеев просил вернуть принадлежавшие ему земли и указать, «дабы никто впредь показанных уступленных ему, Гордееву, есаулом Персияновым пахотных мест не распахивал».[2]

В 1792 г. в Войсковую канцелярию поступила жалоба отставного старшины Андрея Харитонова, который владел уже много лет на речке Бузлук в Казаринском войсковом юрте (в устье речки Завязки) хутором. «В недавнем же времени, — писал Харитонов, — по нахождению его на службах, с Хопра Зотовской станицы полковой есаул Михайла Курин без всякого повеления, а сам собою при означенной усть-речки Завязки на самом его, Харитонова, сенокосе поселившись хутором, причиняет обиды, как то скотом беспощадно луга отолачивает, в стогах сено травит и сам собою сенокос имеет, не слушаясь его уговоров». «Во отвращение сего» Харитонов просил Войско «означенные сенокосные места по древнему его, Харитонова, довольствию отдать ему... а реченному есаулу Курину повелеть иметь сенокос во особых местах».[3]

В 1792 г. полковой есаул Иван Ушаков донес в Войсковое гражданское правительство, что «по бытности ево, Ушакова, на службе, вдова старшинская жена Авдотья Лазарева, имевшая там хутор, заведенный... покойным мужем ее, по приезде с прикащиком и обывателями своими на пашни ево, Ушакова, владелые издавна, не знатно почему самой лутчей пшеницы пятнадцать копен, стоющая каждая копна по тогдашней продаже по два рубля, самовольно забрала. А по приезде ево, Ушакова,... не токмо ту забранную пшеницу ему не поворотила, но еще к вящему утеснению ево с братьями ево и дядею стала для хлебопашества туды въезжать и в владелый им, Ушаковым, сенокосный луг не допущать, а только сама во оном с приписными за нею и вновь прибылыми к ней после ревизии малороссиянами во всем довольствуется».[4]

В 1797 г. в Войсковое гражданское правительство поступила жалоба полковника Ивана Андрианова на отставного старшину Мирона Ежова, который, по его словам, «присваивает по одному его владению от хутора его вверх по речке Песковатке довольствий против его гораздо более и едва не вдвое, а особливо самые лучшие сенокосные места весьма с избытком, хлебопашеством же своим и людей его распространился уже с правой стороны той речки почти против хутора ево, и тем притесняя его Андрианова с людьми, нередко причиняет и чувствительные обиды».[5]

В стремлении приобрести земельные владения старшины, особенно во второй половине XVIII в., не ограничивались захватом свободных войсковых земель. Они старались завладеть землями, переданными Вой-

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 461.
[2] Там же, ф. 341, оп. 1, д. 23, л. 580.
[3] Там же, д. 27, лл. 567—567 об., 574—574 об.
[4] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 27, лл. 567—567 об., 574—574 об.
[5] Там же, ф. 339, оп. 1, д. 16, лл. 1—1 об.

ском другим владельцам. В 1776 г., например, жаловались Войску «все калмыки», селившиеся у Тузловского Красного Яра, на «утеснение» их кочевьев старшинскими и казачьими хуторами.[1] В 80-х годах XVIII в. захваты земель в калмыцких кочевьях производились полковником Василием Орловым, премьер-майором Иваном Бузиным, полковым сотником Ефремом Кирпичевым и др.[2]

Но особенно энергичную деятельность развили старшины по захвату станичных юртовых земель. К тому времени, когда старшины, захватив свободные войсковые угодья, обратили свое внимание на станичные земли, большая часть их была занята казачьими хуторами. Но это обстоятельство не остановило старшин: их желание захватить земли было настолько сильным, что они не брезгали любыми средствами, чтобы отнять эти земли у казаков.

Несмотря на то, что находившаяся в сословном владении земля донских казаков юридически не подлежала отчуждению, старшины превратили ее уже в XVIII в. в объект купли и продажи.[3] Правда, формально продавалось хозяйственное обзаведение, находившееся на этой земле, но вместе с ним к покупателю переходила и земля. Первую известную нам покупку такого рода на Дону совершил войсковой атаман Василий Фролов, купив в 1721 г. трехжерновую мельницу казака Голубинского, перешедшую к Войску за его измену и побег с Дона. Вместе с мельницей Фролов получил землю и 110 овец.[4] Почти в то же время купил две мельницы Мигулинский монастырь: одну в 1723 г. у войскового атамана Василия Фролова, а другую в 1725 г. у казака Сергея Коновалова.[5] В дальнейшем источники непрерывно свидетельствуют о купле-продаже хуторов, чаще всего под видом покупки расположенных на них хуторских строений. В связи с развитием товарно-денежных отношений с середины XVIII в. значительно расширилась покупка и продажа земельных владений. В 1750 г. старшина Никифор Сулин купил хутор у озимейного казака Евтея Черного, а в 1751 г. Илья Денисов — у казака Аникея Спиридонова.[6] Примерно в то же время отец секунд-майора Петра Симерникова купил хутор у старшины Гарбузлаева,[7] а отец премьер-майора Якова Табунщикова купил хутор у священника Рыковской станицы Иоанна Алексеева.[8] По свидетельству Степана Ковалева, приказчика подполковника Машлыкина, в начале 50-х годов XVIII в. Машлыкин в юрте Митякинской станицы купил мельницу, около которой «населил сам собою без станичного позволения малороссиян более двадцати семей, кои имели довольствие хлебопашеством и сенокошением в станицком их юрте со утеснением... казаков, имевших уже в то время там свои хутора, в защищение коих станица хотя и настаивала требованием, чтобы он, Машлыкин, тех малороссиян с сего места, яко принадлежащего в юрт станицкой, свел и впредь не заселял, однако ж он, несмотря на сие, не то што первых не свел, но повременно еще оных размножал».[9]

В 1764 г. казачка Пелагея Васильева продала свой хутор казаку Якову Мелентьеву.[10] В 1767 г. казак Лукьян Петров продал казаку Алексею Андрееву Полякову «хутор и со всем, что при нем есть, то есть два

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 3, л. 66 об.
[2] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, лл. 269—270, 335, 339.
[3] Хотя земля окончательно становится товаром только в эпоху капитализма, ее покупка и продажа в той или иной мере обычно происходила и в рабовладельческом, и в феодальном обществе (см.: М. В. Колганов. Собственность в социалистическом обществе. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 13, 25, 32—33 и др.).
[4] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1476, лл. 32—34.
[5] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 969.
[6] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 751 об.
[7] И. М. Сулин. Материалы. СОВДСК, вып. VIII, стр. 197.
[8] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 713.
[9] Там же, оп. 1, д. 27, лл. 522—522 об.
[10] И. М. Сулин. Материалы. СОВДСК, вып. V, стр. 122.

куреня, один амбар, погребище с погребцом, одним словом, дворовая построенная усадьба вся, и распаханная моя пашня, кроме хлеба, что в гумне».[1] В 1770 г. старшинская вдова Байгаринская продала принадлежавший ей хутор на р. Быстрой полковнику Ивану Янову.[2] В 1776 г. по войсковой грамоте дьякон Арженовской станицы Григорий Васильев приобрел хутор в районе верхнего течения р. Песковатки. Вскоре свой хутор он продал пономарю Федосеевской станицы Афанасию и казаку Ивану Попову, которые в свою очередь в 1790 г. продали его полковнику Ивану Андрианову.[3] В 1783 г. казак Павловской станицы Петр Власов купил хутор на устье Мокрого Чалтыря. В 1788 г. после его смерти этот хутор был куплен старшиной Афанасием Болдыревым, который таким образом расширил свое владение, так как имел по соседству с купленным другой хутор.[4] В 1784 г. казак Иван Щепкин, основавший хутор на правом берегу Миуса, продал его поручику Алексею Сапухину.[5] 12 июня 1786 г. войсковой есаул Михаил Киселев купил у жены приписного крестьянина Бориса Карпова, Натальи, бахчевое место, «доставшееся ей по наследству от умершего отца казака Артамона Егорова».[6] В 1792 г. казак Заичкин свой хутор продал есаулу Илье Попову, который в 1805 г. уступил его войсковому атаману М. И. Платову.[7] В 1796 г. майор Кондрат Мелехов купил хутор у казака Филоновской станицы Петра Щелкалова.[8] Помимо перечисленных, можно указать еще на целый ряд фактов покупки старшинами хуторов и даже целых слобод.[9]

Старшины не только покупали хутора, но при необходимости с выгодой для себя продавали их. Так, в 1762 г. старшинская вдова Варвара Фролова продала свой хутор казаку Федору Коломойцеву.[10] В 1766 г. старшина Степан Денисов продал хутор казаку Верхне-Чирской станицы Николаю Скобелеву.[11] Когда в 1792 г. есаулу Кирпичеву было приказано войском Донским снести хутор, устроенный им на р. Бузулуке, в войсковом юрте, он срочно продал его старшине Курнакову,[12] которого, кстати, не могли уже заставить снести этот хутор, потому что он достался ему «по покупке».

Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить, так как во второй половине, а особенно в последней четверти XVIII в. получила широкое распространение спекуляция земельными владениями. Она ускоряла процесс сосредоточения земельных владений в руках небольшой группы донских старшин, а некоторым из них дала возможность превратиться в крупнейших землевладельцев.

В тех случаях, когда простая покупка земли не удавалась, старшины опутывали станицы долгами и в виде компенсации добивались от них права на владение землей. Житель Верхне-Курмоярской станицы Е. Кательников, например, сообщал, что в 1762 г. их станица «на какую-то нужду заняла у зимовейского казака Крылова сто рублей, потому что во всей станице набрать такой суммы было невозможно, а за это позволила ему поселиться хутором на нашей Долгинской лесной крепе и довольствоваться до заплаты».[13]

Свои капиталы старшины часто использовали и для взятия на откуп

---

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 233, л. 1.
[2] Там же, ф. 55, оп. 1, д. 1041, л. 150.
[3] Там же, ф. 339, оп. 2, д. 16, л. 1.
[4] И. М. Сулин. Материалы СОВДСК, вып. VIII, стр. 200.
[5] Его же. Материалы СОВДСК, вып. V, стр. 124.
[6] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 363.
[7] И. М. Сулин. Материалы СОВДСК, вып. V, стр. 101.
[8] ГАРО, ф. 494, оп. 2, д. 22, лл. 1—1 об.
[9] Там же, оп. 1, д. 13, лл. 1—1 об.; ф. 341, оп. 1, д. 27, л. 222.
[10] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 89.
[11] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 7*3.
[12] Там же, оп. 1, д. 27, лл. 232, 236 об.—237.
[13] Е. Кательников. Указ. соч., стр. 39.

войсковых и станичных угодий. Во второй половине XVIII в. много прекрасных рыболовных мест было на откупе у войскового атамана и старшин.[1] Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1792 г. только с откупщиков рыболовных мест Войско получало 2290 руб. дохода.[2] Огромные пространства пахотных и сенокосных земель на р. Медведице, оказавшиеся «пустовыми» после разорения там станиц за участие их в Булавинском восстании, тоже отдавались Войскам на откуп, причем в 60-х годах XVIII в. значительная часть их находилась в руках крупного откупщика старшины Максима Гуляева.[3] Как видно из войсковой грамоты, датированной мартом 1790 г., часть хоперских земель, прилегавших к границам Саратовского, Тамбовского и Воронежского уездов, была отдана на откуп старшине Семену Курнакову.[4] Крупными откупщиками сенокосных лугов и пахотных земель являлись и некоторые другие старшины. Особенно часто, используя свою по существу неограниченную власть, брали на откуп войсковые и станичные земли и рыболовные места войсковые атаманы.

Взятые на откуп земли старшины или обрабатывали зависимыми от них людьми, или со своей стороны передавали на откуп казакам.[5]

Для захвата станичных земель старшины использовали не только свое экономическое могущество, но и различные средства внеэкономического принуждения. Правда, на первых порах они старались придать этому законную форму. Так, войсковой атаман Петр Емельянов, захватив у казаков Казанской станицы мельницу, заставил их написать в 1714 г. дарственную, в которой казаки обещали свою мельницу после смерти атамана «на жене... и на детях» его «не спрашивать и назат не отнимать».[6]

Во второй половине XVIII в. некоторые старшины тоже заботились о том, чтобы захват ими станичных земель не приводил к резкому обострению отношений между ними и казаками. Об этом свидетельствуют, например, действия полковника Машлыкина. Как говорилось в жалобе казаков Митякинской станицы, поступившей в Войско 2 октября 1777 г., он, вторгшись в их юрт, занимался «вымогательным прошением» «имевшихся под владением их пахотных земель, сенных залогов» и вскоре добился отдачи казаком Иваном Ушаковым «ему, Машлыкину, для прогону скота без ведома их, станицнова, несколько земли».[7]

В известной степени видимость законной формы имел захват старшинами земель и в тех случаях, когда станицы не могли документально подтвердить свои права на то или иное владение. Пользуясь тем, что границы станичных юртов точно не определялись даже в «зажмочных» и «разводных грамотах», старшины при возникновении споров обращались в Войско, а так как у казаков часто не бывало документов, подтверждавших их права на владение той или иной территорией, то она у них отнималась.

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105; ф. 41, оп. 1/199, св. 35; ч. IV, № 166, д. 315, лл. 43—48 об.; ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 3, л. 49 об.; д. 4, лл. 56 и др.

[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 147, ч. II, л. 433.

[3] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 115, лл. 56—60; ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1490, лл. 106—111; Акты Лишина, т. III, № 2, стр. 2—5. Согласно «Описи находящимся в войске Донском юртам, в коих именно местах, какой длины и ширины, кто оными владеет», на откупе у старшины Максима Гуляева в 1763 г. находились следующие юрты: Неврюевский — по обеим сторонам р. Медведицы «в длину и поперечины 20 верст»; Бурацкий — по обеим сторонам р. Медведицы «в длину и поперечины 30 верст 125 сажен»; Олсяпинский — по обеим сторонам р. Бузулука «в длину и поперечины 10 верст 432 сажен»; Высоцкий — по обеим сторонам р. Медведицы и по р. Кардаилу «в длину и поперечины 22 версты 477 сажен»; Островский — по обе стороны р. Бузулук «в длину [и] поперечины 21 верста 250 сажен»; Казаринский — 62 версты 16 сажен; Кардаильский — 43 версты 220 сажен (ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 115, лл. 58—60).

[4] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 531, л. 19.

[5] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 115, лл. 58—60.

[6] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 368, л. 1 об.

[7] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 4, 237 об.

Но подавляющее большинство старшин мало заботилось о том, чтобы хоть в какой-то степени придать законный вид захватам станичных земель, которые они производили непрерывно на протяжении всего XVIII в. Используя свою военную и гражданскую власть на Дону и опираясь на поддержку правительства, они вторгались в юрты, давно уже закрепленные за той или иной станицей и заселенные казаками, и, не считаясь ни с чем, строили хутора и поселяли на них своих людей. Крупными земельными хищниками в это время были Себряковы. Как доносило Войско в Военную коллегию в 1753 г., основатель этой «династии» Сидор Себряков «в некоторых станицах завладел казачьими пахотными землями, сенокосами, також ис рыбными и лесными угодьями без дозволения Войска, самовластно».[1] Во время пребывания его в Петербурге в 1761 г. он добивался передачи ему во владение всего юрта Кобылинского городка, уничтоженного за активное участие в Булавинском восстании. И хотя он не дожил до решения этого вопроса, по указу Петра III от 24 мая 1762 г. его сыну Михаилу Себрякову в нарушение существовавших на Дону земельных порядков этот юрт был пожалован «в вечное и потомственное владение».[2]

Казалось, что обладание столь огромной земельной площадью должно было умерить аппетиты семьи Себряковых. Однако в 1776 г. в Войсковой канцелярии разбирались жалобы Глазуновской, Кепенской, Арчадинской и Етеревской станиц на «утеснения», чинимые им Себряковым.[3] В 1792 г. там же рассматривалась жалоба казаков Арчадинской станицы, заявлявших, что Себряков «владением в их юрт входит и чинит» им «чувствительные обиды»,[4] а в ноябре 1793 г. казаки Раздорской на Медведице станицы доносили представителю Войска секунд-майору Краностанову, что бригадир Себряков «усиливается... отнять в свое владение у них издревле владелую речку Лычаг».[5]

До нас дошел «Реестр завладелым полковника Себрякова землям и протчим по ним угодьям», составленный в июле 1763 г. Из него видно, что Себряков претендовал на всю территорию Кобылинского юрта, окружность которого составляла 102 версты 246 сажен».[6] Войско сначала не подчинилось указу 24 мая 1762 г., за что было наказано штрафом в 10 тыс. руб. Тогда оно пыталось хотя бы ограничить владения Себрякова площадью в 17653 десятины удобной и неудобной земли. Однако после упорной и временами кровавой борьбы в 1804 г. за Себряковым было окончательно закреплено свыше 40 тыс. десятин земли, из которых 34583 десятины считались удобными для хлебопашества.[7]

Не менее крупными хищниками были Ефремовы. В 1747 г. войсковому атаману Даниле Ефремову был пожалован «пустовой» Черногаевский юрт длиною 17 верст 250 сажен,[8] где он основал большую слободу Даниловку.[9] Его сын и преемник по должности не только, по словам его мачехи, «все имения (отца.— А. П.) в свои руки захватил»,[10] но и непрерывно добивался от Войска прав на новые земельные владения. Однако и этого ему было мало, и он самовольно основывал новые хутора на землях, принадлежавших другим владельцам, а территорию ста-

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 87, л. 119; ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1486, л. 92.
[2] Акты Лишина, т. III, стр. 2—5, 14—16.
[3] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 3, лл. 58 об. — 60 об.
[4] Там же, оп. 1, д. 27, л. 905.
[5] Там же, д. 30, лл. 124—125.
[6] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 104, д. 85, лл. 182—185.
[7] Подробно об этом см. В. Н. Ветчинкин. Указ. соч. ТОВДСК, вып. II, отд. I, стр. 17—19.
[8] ЦГВИА ф. 13, оп. 107, св. 115, лл. 58—60; ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1490, лл. 106—111. По другим данным его длина была еще больше — 38 верст 455 сажен (ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 138, л. 86 об.; ДОВ, 1902, № 6).
[9] ПСЗ, т. XI, № 5889.
[10] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 115, л. 554.

рых хуторов значительно расширял, тесня при этом соседние станицы.[1]

Подобным же образом действовал и полковник Илья Денисов. В 1773 г. ему было разрешено «на пустопорожней реке Карповке», «противу юрта Пятиизбянской станицы», построить хутор, причем предупреждалось о «беспрепятственном и неутеснительном от других» содержании.[2] Однако уже в 1777 г. Пятиизбянская станица доносила Войску, что Денисов рубил их лес и ловил рыбу в принадлежавшей им речке.[3] Через 2 года станица снова жаловалась на незаконное пользование Денисовым их «рыбными ловлями»,[4] а в 1787 г. отставной казак Иван Скобелев донес Войску, что Денисов со своими людьми «делает им (казакам. — А. П.) распахиванием сенокосного луга и выкашиванием... травы обиды». Он действовал так нагло, что, по словам Скобелева, «совсем тот хутор их присваивает за свой», а когда казаки пытались оказать ему сопротивление, применил против них вооруженную силу.[5]

Столь же активно стремился стать крупным землевладельцем полковой есаул Андрей Чекунов. Он захватывал землю, где только было возможно, отчего «пашни его», как говорилось в Войсковой грамоте от 10 сентября 1790 г., «простираются по разным местам, яко то вверх по Калитве и вниз по оной и по балке Бакая, да и по Кадамовой речке».[6]

От крупных хищников старались не отстать и более мелкие с той только разницей, что их «деятельность» по захвату станичных угодий была менее активной и развернулась она главным образом во второй половине, а особенно в последней четверти XVIII в. В 1757 г. в Войсковую канцелярию поступил рапорт от казака Дурновской станицы Якова Магжишевского о «сгонке» его из принадлежавшего ему хутора Виноградного атаманом Раздорской станицы.[7] В 1776 г. в Войсковом гражданском правительстве рассматривалась жалоба казаков Глазуновской станицы на походного есаула Кузьму Сергеева «о завладелых им, Сергеевым, их хлебопахотными землями»[8] и дело о самовольной порубке леса в юрте Гундоровской станицы людьми старшинской вдовы Марьи Поздеевой.[9] В 1777 г. слушались дела о «самовольном» построении походным есаулом Алексеем Борисовым хутора на Песчаном буераке, принадлежавшем Зотовской станице, о захвате старшиною Алексеем Головым сенокосных лугов у вдовы Ульяны Сафоновой и о потраве сена Заплавского стана табунами старшины Павла Кирсанова.[10] В 1779 г. жаловались Войску отставной казак Самойла Ноздрин на выкашивание «сенов» «близ ево и им владелых лугов» есаулом Федором Прощиковым,[11] а казаки Митякинской станицы — на подполковника Василия Машлыкина за «вырубку» им в «юрте оной станицы леса».[12] В 1789 г. генерал-майор Курнаков вытеснил казака Михаила Сердюкова из принадлежавшего ему хутора на Тузлове, а когда казак перешел на новое место, то генерал вскоре захватил и эту землю.[13]

---

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 115, лл. 264—265; ДОВ, 1902, № 143. Стремясь к захвату станичных земель, Ефремов неоднократно прибегал к прямому обману. Как сообщали в Войско казаки Семикаракорской станицы, в 1758 г. он получил от них разрешение построить на их земле мельницу «с тем, чтобы на каждый год взносить за то место станице по 10 рублей». Однако, по словам казаков, «ни одного рубля станица (от него. — А. П.) не получила», хотя Ефремов владел их землей много лет (ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1041, л. 43).

[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 104, л. 222; Акты Лишина, т. III, № 97, стр. 191—192.

[3] ГАРО. ф. 341, оп. 3, д. 5, л. 56 об.

[4] Там же, оп. 1, д. 11, л. 275 об.

[5] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, лл. 743—744.

[6] Там же, оп. 1, д. 23, л. 103.

[7] Там же, ф. 55, оп. 1, д. 1041, л. 35.

[8] Там же, ф. 341, оп. 3, д. 12, л. 723.

[9] Там же, д. 3, л. 69 об.

[10] Там же, д. 5, лл. 21 об., 44 об., 55 об.

[11] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 307 об.

[12] Там же. л. 151 об.

[13] И. М. Сулин. Материалы. СОВДСК, вып. VIII, стр. 196.

Захват станичных земель особенно усилился в 90-х годах XVIII в. В 1790 г. в Войске рассматривались рапорты казаков Кременской станицы о захвате земель «в сущую им обиду и притеснение» есаулом Старогригорьевской станицы Алексеем Абрамовым[1] и казаков Глазуновской, Скуришенской и Кепенской станиц «о завладении их юртовых земель» есаулом Авдеевым и майором Поздеевым.[2] В том же году казаки Нижне-Чирской станицы подали рапорт в Войско о том, что хорунжий Маслов и казак Кошенков с 1786 г. почти все «прикосновенные» к их хуторам «сенокосные луга и водопойные места от них отбили и довольствуются одни, а лесные угодья присвоили в свое владение осенью 1789 года».[3] В 1792 г. в Войсковой канцелярии рассматривалась жалоба казаков Сиротинской и Старогригорьевской станиц на полкового есаула Василия Макарова, что он принадлежавшую их землю «нагло опахал».[4] В том же году в Войсковое правительство поступила жалоба от казаков Арчадинской станицы на полкового есаула Семена Сергеева за то, что он в их «станишном юрте, на речке Безымянке, среди хуторов и сенокосных лугов самовольно, в притеснение оных и к сущей через могущую следовать толоку лугов обиде, начал строить мельницу, и хотя от той станицы... о прекращении заведенного у оной строения приказано ему, с подтверждением о том, чтоб он, Сергеев, о построении напоминаемой мельницы просил от команды позволения, было, однако он, невзирая на то, остался в своей упорности».[5] В том же году Войсковая канцелярия получила рапорт казаков Трехостровянской станицы, в котором указывалось, что «станицы де их старшины и казаки в противность войсковых повелениев и станичных их приговоров, опустошают сенокосные луга, сеют на оных хлеб и на луговой стороне (т. е. на левом берегу Дона. — **А. П.**) отолачивают скотом травы, чем и доводят ту станицу до нужного (т. е. до нужды. — **А. П.**) в сенокошении и продовольствии».[6]

Наглость, с которой действовали старшины при захвате земель, буквально не имела границ. Они не только игнорировали протесты станичных обществ, но в тех случаях, когда Войско или представители государственной власти почему-либо их не поддерживали, продолжали пользоваться незаконно захваченными ими землями. Ярким примером этого служит свидетельство одного из старых донских историков, основанное на предании. Во второй половине XVIII в. один старшина захватил землю между Митякинской и Луганской станицами площадью около 4500 десятин и отстоял ее «против всей генеральной комиссии (т. е. Комиссии по генеральному межеванию. — **А. П.**), которая принуждена была обойти кругом землю храбреца».[7]

Но старшины редко вступали в конфликт с Войсковым гражданским правительством, которое защищало прежде всего их интересы. Войско позволяло старшинам без особых ограничений расширять свои владения, а в 1784 г. Войсковым гражданским правительством было приказано «подтвердить грамотами и приказали, чтобы впредь никто без войскового позволения, кроме старшин, владением в войсковых юртах не обзаводился». Установив тем же приказом обязательное получение «от войска Донского позволительных грамот и приказов под опасением не только уничтожения и сноса самовольно заводимых селений, но и учинения за то виновным неупустительного взыскания»,[8] Войско, по существу, защитило старшин от конкуренции в захвате войсковых земель со

[1] Гаро, ф. 341, оп. 1, д. 23, лл. 97—98.
[2] Там же, д. 24, л. 230 об.
[3] Там же, оп. 2, д. 273, л. 1.
[4] Там же, оп. 1, д. 27, л. 114 об.
[5] Там же, л. 514.
[6] Там же, л. 803.
[7] В. Н. Ветчинкин. Указ. соч. ТОВДСК, вып. 11, отд. 1, стр. 6.
[8] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 736, лл. 64—65.

стороны рядовых казаков. С этого времени на все просьбы казаков Войско отвечало только отказом,[1] а с 1791 г. постановило «предписать во все станицы и сыскным начальникам, чтоб (из казаков.— А. П.) желающие иметь хутора, особливых для оных мест себе не искали, а просили б позволения пристраиваться к другим заселенным уже хуторам станичников их, где могут иметь общее во всем довольствие».[2] Во всех спорах между старшинами и казаками из-за станичных юртовых земель Войско тоже становилось на сторону старшин.

Иначе относилась к этому центральная власть. Видя в лице старшин социальную опору абсолютной монархии на Дону, она в большинстве случаев смотрела сквозь пальцы на захват старшинами земель и попустительство по отношению к ним со стороны войсковых властей, а в тех случаях, когда старшины обращались с просьбой утвердить их права на владение землей, шла им навстречу. Правда, обращение к правительству было сопряжено с хлопотами в Петербурге, подношением даров и т. п., отчего не многие старшины решались на это и удовлетворялись решением земельных вопросов в Войсковой канцелярии, где они без особого труда могли найти поддержку. Но те, кто получал царскую грамоту, имели, разумеется, более прочную гарантию их прав на занятую землю. Так, пожалованные по указу Петра III в 1762 г. старшине Себрякову огромные земельные владения были закреплены за ним и его потомками рядом указов, и хотя Войско пыталось возвратить себе эти земли, но ничего сделать уже не могло.[3]

В 1763 г. обращался в Военную коллегию генерал-майор Федор Краснощеков и получил право на владение землей «при реке Дону, неподалеку от крепости св. Димитрия Ростовского».[4] В 1773 г. в ответ на просьбу полковника Денисова указом Екатерины II ему было разрешено на речке Карповке «построить хутор» и «иметь по тамошнему обыкновению скотоводство и другие промыслы».[5] Когда в 1791 г. войсковой атаман Иловайский отказал жене старшины Денисова в просьбе «об отводе под поселение малороссиян места в округе войска Донского при реке Медведице», то он имел серьезные основания опасаться, что Денисова получит на них разрешение от правительства, что, по всей вероятности, и произошло.[6]

Однако общегосударственные интересы заставляли правительство не всегда поступать подобным образом. Во второй половине XVIII в. начало выявляться, что развитие старшинского землевладения отрицательно сказывалось на обеспечении землей рядовых казаков, влекло за собой снижение уровня экономического благосостояния их, приводило к обострению классовой борьбы на Дону и потере Войском его боевых качеств. В связи с этим правительство решило подчинить своему контролю захват старшинами станичных и войсковых земель. Уже в 1763 г. оно потребовало у Войска представить сведения о том, какие «из имеющихся в нашем войске Донском пустопорожних юртов как у войскового атамана Ефремова..., [так]... и у прочих старшин во владении имеются и по каким указам или по одним нашего войска Донского войсковым определениям». В следующем году Военная коллегия создала при Ростовской крепости следственную комиссию под председательством генерал-майора Романуса, которой предписала, помимо других вопросов, выяснить «о всех состоящих в нашем войске Донском юртах, кто именно как войсковой атаман, так и старшины и другие казаки или и прочие

---

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 23, лл. 60 об.—66; д. 24, лл. 243—243 об
[2] Там же, ф. 494, оп. 2, д. 18, л. 1; ф. 341, оп. 1, д. 27, лл. 132, 752—752 об.
[3] В. Н. Ветчинкин. Указ. соч. ТОВДСК, вып. II, отд. 1, стр. 17—19.
[4] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 104, л. 222.
[5] Акты Лишина, т. III, № 97, стр. 191—192
[6] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 596, лл. 5—6 об.

тамошние жители, где, какими юртами, давно ль, почему и по каким указам владеют и какие ж с них доходы получают».[1]

Однако работа комиссии не принесла никаких результатов. По словам Романуса, она действовала через Войсковую канцелярию, а та постаралась этот вопрос обстоятельно запутать.[2]

Но и независимо от комиссии многие факты правительству были известны. В связи с этим, указом от 25 мая 1764 г. Военная коллегия повелела Черногаевский юрт, как незаконно захваченный Ефремовым, у него отобрать, «тако ж и протчим старшинам и казакам, кои таковыми ж собою без указу владеют, по тому ж всем отказать и накрепко запретить».[3] Издавались и некоторые другие указы подобного рода.

Под давлением правительства вынуждено было принимать меры по ограничению захвата земель старшинами и Войско. Войсковым определением от 15 марта 1777 г. было приказано жене походного есаула Кумылженской станицы Алексея Борисова выселиться из хутора, самовольно построенного ее мужем на Песчаном буераке Зотовской станицы.[4] В том же году Войсковое правительство потребовало от вдовы бывшего атамана Данилы Ефремова объяснений по поводу незаконного владения двумя угодьями на войсковой земле.[5] В 1779 г. Войско не разрешило старшине Родиону Петрову занять «в действительное владение» морскую косу, именуемую Белый Камень, с принадлежащими к ней рыбными ловлями,[6] а в 1792 г. было отказано в просьбе занять места под хутора подполковнику Ивану Кумшацкому и старшине Ивану Тарасову.[7]

В самом конце XVIII в., когда Павел I направил на Дон для разбора дел о захвате войсковой земли несколько комиссий, Войско проявило особенное усердие. Войсковой атаман даже представил царю записку о необходимости провести упорядочение земельного вопроса на Дону, а 5 августа 1797 г. подписал приказ, чтобы «все заведенные в станичных юртах старшинами и казаками и заселенные малороссиянами хутора и слободы снесть в двухмесячный срок».[8] Однако чиновники, состоявшие из старшин, выполняли войсковые распоряжения очень неохотно, по существу саботируя их. А когда пришел на Дон указ Павла I, в котором он заявлял, что утверждает «совершенно и без изъятия все прежде бывшие постановления войска Донского» и обещал не поддерживать «злоупотреблений и сделанных перемен князем Потемкиным», то Войско истолковало это как поддержку старшинских интересов в земельном вопросе.[9]

Сразу же после смерти Павла I присутствовавший в Войсковой канцелярии генерал князь Горчаков направил на имя Александра I подробное донесение, в котором охарактеризовал сложившуюся на Дону обстановку и указал на необходимость изменения порядка землепользования. В ответ 11 мая 1802 г. Войско отправило в Сенат пространный рапорт, доказывая, что старшинские хутора и поселки «не только не представляют утеснения отдельных юртов казачьих», но «приносят при том не малую помощь казакам наемкою приходящих из тех селений обывателей, а паче во время нахождения казаков в дальних и продолжительных службах, в их семействах для временных работ, без чего они не только бы нуждались, но могли бы совсем ослабевать в содержании своего хозяйства». Войско старалось доказать, что «раздача и

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 138, л. 21; см. также Акты Лишина, т. III, № 2.
[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 138, лл. 121—123 об.
[3] Там же, лл. 21—23.
[4] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 5, л. 21 об.
[5] Там же, л. 27 об.
[6] Там же, оп. 1, д. 11, л. 133 об.
[7] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 27, лл. 841—841 об.
[8] ДОВ, 1902, № 143.
[9] Акты Лишина, т. III, № 124, стр. 223.

отвод земли для зимовников и хуторов происходили всегда, как и ныне, с рассмотрения Войсковой канцелярии и по уважению нужды просящих, и при том, чтобы никому не причинилось утеснение, а паче убытка». Поэтому «на Дону неудовольствий и утеснений казакам нет», а князь Горчаков «не вникнул в состояние поземельных здешних довольствий, ибо не мог их изъяснить в таком существе, как оные в самом деле есть».[1]

Однако Войско не могло убедить правительство. Захват старшинами земель и их произвол создали в конце XVIII в. такое положение, что даже с точки зрения государственных интересов мириться с ними уже было невозможно. Поэтому правительство издало несколько постановлений, направленных на защиту казачьих юртовых земель от покушений на них со стороны старшин. Это еще раз было подтверждено «Положением» о войске Донском 1835 г. Однако характеристика всех этих мероприятий правительства, разрядивших напряженную обстановку на Дону и превративших казачество окончательно в замкнутое привилегированное сословие, выходит за хронологические рамки нашего исследования.

3. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТАРШИНАМИ СВОИХ ХОЗЯЙСТВ РАБОЧЕЙ СИЛОЙ

По мере расширения земельных владений старшин усиливалось их стремление обеспечить свои хозяйства возможно большим количеством рабочих рук. Вначале наиболее выгодным контингентом для этого были военнопленные («ясырь»). В XVI—XVII вв. казаки в большом числе брали их во время набегов на земли турок, татар и других кочевых народов.[2] Большую часть пленных продавали, остальных выменивали на русских военнопленных или за выкуп возвращали.[3] Но тот небольшой период времени, пока пленные находились у казаков, они работали в домашнем хозяйстве. Со временем использование их труда стало более широким. Уже в последней трети XVII в. «ясыри» работали в сельском хозяйстве в качестве пастухов, а некоторые даже на пашне. Теперь уже старшины не спешили с обменом пленных. Многие из них, стремясь увеличить число таких работников в своих хозяйствах, покупали «ясырей» у своих же казаков.[4]

Труд военнопленных-рабов использовали старшины и в XVIII в. Как свидетельствуют документы, казаки, участвовавшие в Северной войне, при возвращении на побывку в 1704 г. часть захваченных ими в плен распродали, а остальных оставили у себя и просили, «чтоб тот остаточный полон повелено было им с Москвы отвести в домы свои для домашней их потребы». Примерно в то же время возвращалась из похода домой и везла с собой около 30 пленных другая группа казаков.[5] В 1708 г. казаки вели на Дон более 300 пленных поляков.[6]

По международным договорам, которые заключала Россия в конце XVII — начале XVIII в., пленные христиане подлежали обязательному обмену. Но это правило не распространялось на пленных мусульман. Наоборот, манифестом от 16 ноября 1737 г. разрешалось «калмык и других наций [людей]... покупать, крестить и у себя держать без всякого

---

[1] Акты Лишина, т. III, № 124, стр. 221—223.

[2] А. А. Новосельский. Из истории донской торговли в XVII веке. «Исторические записки», т. 26, 1948, стр. 213; ДД, кн. I, стб. 707, 780—781; кн. II, стб. 56, 127—128; кн. IV, стб. 517, 541—542; кн. V, стб. 46—43, 255, 509.

[3] А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 214. По преданию, место выкупной торговли военнопленными находилось неподалеку от Азова. Оно называлось Окупным яром.

[4] ДАИ, т. XII, стр. 198.

[5] П. П. Сахаров. Белое рабство на Дону. «Донская церковная старина», вып. III, стр. 152.

[6] Там же, стр. 152—153.

платежа подушных».[1] Поэтому на протяжении всего XVIII в. старшины держали у себя пленных мусульман в качестве рабов.[2] Наряду с этим, нелегально, старшины имели и пленных христиан.[3] Наконец, известны случаи, когда старшины задерживали у себя на некоторое время и отбитых в походах русских военнопленных, именовавшихся «болдырями».[4]

Хотя «ясыри» находились на положении рабов, рабский труд не получил на Дону широкого распространения. Как форма общественных отношений рабство было пережитком столь древних времен, что не могло долго удерживаться на Дону. Казаки предпочитали «ясырок» брать себе в жены, а пленных мужчин продавать или выменивать. Если же рабов оставляли для работы, то большей частью в качестве домашней прислуги. Нередкими были случаи, когда пленных по той или иной причине освобождали и принимали в Войско или даже отпускали домой.[5] Кроме того, постепенно все более сужались источники рабства. Уже в конце XVII — начале XVIII в. военные походы в Турцию и Крым стали очень затруднительными, и добыча «ясыря» резко сократилась. Правда, существовали еще широкие возможности приобретения «ясыря» путем покупки. Еще в конце XVIII в. активную торговлю рабами вели нахичеванские армяне, покупая их за Кубанью и сбывая старшинам. Но правительство вело с этим борьбу, а в 1804 г. «сей постыдный торг» был запрещен.

Некоторое значение в обеспечении рабочей силой хуторских хозяйств старшины и богатого казачества имела также покупка крепостных крестьян у помещиков центральных губерний России, главным образом ближайших к Дону уездов (Тамбовский, Шацкий, Козловский и др.). Защищая интересы помещиков, правительство долго не давало официального разрешения на покупку крестьян донскими старшинами. При этом оно опиралось на опубликованный 14 марта 1746 г. специальный указ, которым предписывалось «впредь купечеству... и крестьянам... тако же казакам... людей и крестьян с землями и без земель покупать во всем государстве запретить».[6] Тем не менее старшины продолжали добиваться этого. 10 июля 1764 г. Войско просило Военную коллегию разрешить старшинам покупать крестьян.[7] В 1767 г. в Комиссии по составлению нового Уложения депутат войска Донского Никифор Сулин снова требовал «внести в закон» право донских атаманов и старшин «покупать дворовых людей и крестьян».[8] Тогда эти требования не были удовлетворены. Но после подавления крестьянского восстания под предводительством Е. И. Пугачева за проявленные «верноподданость» и усердие донским старшинам и полковникам, которые в походах командовали полками, были пожалованы армейские штаб-офицерские чины, благодаря чему они получили право на покупку крестьян и владение ими.[9] С этих пор донские чиновники, многие из которых обладали немалыми денежными средствами, стали покупать крестьян у помещиков центральных губерний России довольно часто. Но и в предшествующий период, полулегально, донские старшины и богатые казаки непрерывно покупали крестьян и переводили их на Дон. Из известных случаев покупки крестьян донскими старшинами наиболее ранний относится к 1734 г.[10]

[1] ПСЗ, т. X, № 7438.

[2] ГАРО, ф. 398, оп. 1, д. 150, л. 4; д. 468, л. 3; М. Сенюткин. Донцы, ч. II, стр. 277.

[3] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 104, лл. 803—806.

[4] ДД, т. I, стб. 640, 642, 885—887; А. Савельев. Трехсотлетие войска Донского, стр. 65.

[5] В. Г. Дружинин. Раскол на Дону, стр. 26, примечание 83.

[6] ПСЗ, т. XII, № 9267.

[7] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 115, лл. 208—214.

[8] Сб. РИО, т. VIII, СПб, 1871 г., стр. 229.

[9] ПСЗ, т. XX, № 14251; В. Н. Ветчинкин. Указ. соч. ТОВДСК, вып. II, отд. 1, стр. 30.

[10] ДВ, 1867, № 47.

К середине XVIII в. покупка крестьян в центральной России получила более широкое распространение. Так, из донесения Войсковой канцелярии в Военную коллегию от 21 декабря 1753 г. видно, что у старшины Сидора Себрякова было 55 «покупных» крестьян.[1] В 1762 г. у войскового атамана Степана Ефремова числилось приобретенных «по крепостям» 32 души мужского пола и 39 душ женского пола, а в донесении канцелярии Ростовской крепости в Военную коллегию от 10 июля 1764 г. указано, что у донских казаков было 304 «покупных» человека, включая 71 крестьянина, принадлежавшего атаману Ефремову.[2] По ведомости, представленной в мае 1764 г. в Войсковую канцелярию атаманом Михайловской станицы Петром Лащилиным, за ним числилось 48 «покупных» крестьян, за старшиной Аксеном Лащилиным — 18, за отставным казаком Тимофеем Устиновым — 17.[3] В 1773 г. войсковому атаману Степану Ефремову принадлежало «дворовых людей и крестьян мужеска и женска полу 291 душа», большая часть из которых была куплена у великороссийских помещиков.[4] Как отмечено в настольном журнале Войсковой канцелярии, в 1777 г. старшина Матвей Платов купил у прапорщицы Анны Сабуровой 43 крестьян и переселил их из Верхнеломовского уезда в свои селения.[5]

Число прямых свидетельств о приобретении старшинами крепостных крестьян путем покупки можно было бы увеличить.[6] Именно с этого времени приобрела печальную известность как центр торговли крепостными Урюпинская ярмарка. Даже некоторые чиновники самодержавно-крепостнического правительства с возмущением писали, что помещики центральных губерний России, «прельщенные прибытком», «забыв священный долг свой», везли на продажу своих крестьян, часто в оковах и сбывали их семьями и даже поодиночке.[7] Иногда такая продажа производилась неофициально, например, под видом отдачи «в заклад» или на обучение сроком на 25—30 лет[8]. И все же число «покупных» крестьян у донских старшин было невелико. В 1782 г. из 26579 крестьян «покупных» числилось 1 106, а в 1796 г. из 54628 крестьян их было всего 3995 человек.[9] Большинство из них были дворовыми и, следовательно, не являлись основной рабочей силой в хуторских хозяйствах старшин и богатых казаков.[10]

С тех пор как на Дону стала ощущаться потребность в рабочих руках, туда начали приходить жители Великороссии и Украины для временной работы, на заработки. Как выяснили В. Г. Дружинин и А. А. Новосельский, труд отходников на Дону использовался уже в конце XVII в.[11] Еще более широко он применялся в XVIII в. Об этом прежде

---

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 87, лл. 115—135.

[2] Там же, св. 115, лл. 191, 208—214 об.

[3] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 123, л. 2.

[4] «Материалы для истории войска Донского». ТОВДСК, вып. II, отд. 2, стр. 62.

[5] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 4, л. 322.

[6] Там же, оп. 2, д. 269, лл. 479—480 и др.; А. К. Денисов. Записки Донского атамана. «Русская старина», 1874, май, стр. 34.

[7] Покупка крестьян с переводом на землю войска Донского официально была запрещена постановлением Государственного Совета от 1 февраля 1816 г. на том основании, что «никто не имеет там собственной земли своей, а земли в войске Донском принадлежат Войску без разделения на частные собственности».

[8] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 124, л. 1; «Русская старина», 1903, стр. 458—459; Н. Л. Янчевский. Разрушение легенды о казаках, стр. 50—51.

[9] ДВ, 1867, № 47; К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XIII, стр. 36—37.

[10] Указом от 26 февраля 1816 г. продажа «донским чиновникам крестьян» для переселения их на земли войсковые «была воспрещена до разрешения сего вопроса в Государственном Совете и издания на то положительного постановления» (ПСЗ, т. XXXIII, № 26164).

[11] В. Г. Дружинин. Раскол на Дону, стр. 20; А. А. Новосельский. Из истории донской торговли в XVII веке. «Исторические записки», т. 26, 1948, стр. 206—207.

всего свидетельствуют топографические описания южных наместничеств конца XVIII в. В «Описании» Киевского наместничества указывалось, что жители некоторых уездов часто «отходят по пашпортам для промыслов и работ своих в донские станицы». Шли туда «для ловли рыбы», а «некоторые художники по своим художествам» (ремеслам. — А. П.), а также для «косьбы сена за наем по пашпортам». В «Описании» Харьковского наместничества также отмечается отход «по паспортам и покормежным для промыслов на Дон за рыбою и солью». Еще более широко благодаря удобному сообщению по Дону был распространен отход из Воронежского наместничества, откуда, как свидетельствует его топографическое описание, непрерывно шли люди в донские станицы, Таганрог, Ростовскую крепость и другие места.[1] Широкое распространение отхода на Дон, особенно во второй половине XVIII в. подтверждается и другими документами. Задержанный в одном из сыскных начальств крестьянин харьковской помещицы Сомовой, Клисов, показал в 1787 г., что он «назад тому лет с всем со взятою от ней, Сомовой, покормежною сроком на один год прибыл... на Дон и находился в работах по разным людям».[2] В 1792 г. пошел на Дон на заработки сын казенного поселянина с. Берки Миргородского уезда Киевской губернии Федор Верещенко и до весны 1794 г. работал на рыболовном промысле.[3] По свидетельству Гильденштедта, в Тепикинской станице в 1769 г. в связи с тем, что «все мужское население отправилось на войну... поля обрабатывали русские наемные мужики».[4] Как отметил В. А. Голобуцкий, в середине XVIII в. приходили на Дон на временные заработки жители далекой Задунайской Сечи.[5] Фактов прихода на Дон из разных концов России для временной работы можно привести очень много.

Этим людям охотно давали работу как казаки, так и старшины.[6] В связи с тем, что казаки мало занимались ремеслом, большинство отходников выполняли сапожные, портняжные, кровельные, малярные и т. п. работы.[7] Многие из них в течение летнего сезона работали пастухами,[8] и на покосе, где требовалось особенно много сезонной рабочей силы.[9] Однако все это были работы временные. Не имея своего хозяйства и не будучи прикрепленными к земле, отходники не могли стать основным контингентом рабочей силы в старшинских хозяйствах.

В несравненно большей степени хозяйства старшин обеспечивались за счет притока на Дон для постоянного жительства великорусских и украинских крестьян, то есть за счет вольной колонизации.

С тех пор как в 1673 г. Дон лишился права убежища, беглые официально потеряли возможность стать казаками. Не получая царского жалованья и не имея права на пользование землей, масса беглых попадала

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18668, лл. 94 об., 139, 149; д. 18768, лл. 46, 62, 71 об., 80, 82 об.—83; д. 19134, лл. 103—103 об., 110 об.. 119 об. Подробно об этом см. Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг., стр. 180—183.

[2] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, лл. 405—405 об.

[3] В. А. Голобуцкий. Черноморское казачество, стр. 165.

[4] J. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland, Teil 1, 1787, S. 65.

[5] В. А. Голобуцкий. О социальных отношениях в Задунайской Сечи. «Исторические записки», т. 30, 1949, стр. 222.

[6] Стремясь добиться прекращения приема беглых на Дону, правительство указом от 16 июня 1749 г. предписало «приходящих в верхние казачьи городки великороссийских людей не токмо из дальних, но и с ближних мест ни с какими пашпортами в работы не принимать и отнюдь не держать» (Акты Лишина, т. II, ч. II, стр. 535). Однако этот указ почти не имел практического значения, а число отходников на Дону и после указа 1749 г. непрерывно возрастало (С. И. Тхоржевский. Рабочие и крестьяне на Дону в XVIII веке. «Труд в России», кн. 2. Л., 1924, стр. 63).

[7] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 142, лл. 16, 23; д. 354, л. 24; д. 435, л. 6; д. 625, л. 2; ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 1215—1226.

[8] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 142, л. 24; д. 143, л. 24.

[9] Е. Кательников. Указ. соч., стр. 18; «Письма Н. Л. Астахова к своим детям». СОВДСК, вып. VI, стр. 191.

на Дону в очень тяжелое положение, а многие из них буквально голодали.[1] Они готовы были заниматься чем угодно, чтобы обеспечить свое существование. А так как старшинам в их хозяйствах требовались рабочие руки, то они начали применять труд беглых. Использование труда беглых старшинами уже в последней четверти XVII в. приняло очень большие размеры.[2] В дальнейшем на протяжении всего XVIII в. старшины также широко применяли их труд. Правда, делалось это нелегально, отчего многие факты подобного рода остались неизвестными. Однако кое-какие свидетельства источников сохранились. Так, в 1718 г. донской протопоп Федор Олимпиев доносил государю, что «бывшие атаманы Петр Емельянов, Максим Кумшацкий и нынешний Василий Фролов принимают в Черкаском и в городках всяких чинов многих пришлых людей и беглых драгун и солдат и московских стрельцов, попов и детей их у себя укрывают; и по многим твоим государевым указам всяких чинов пришлых людей, драгун и солдат на Дону принимать и вновь городков строить не велено, и они, казаки не точию, что городки вновь строить и деревни многие населили пришлыми людьми, пашут и всякую работу на них работают... и от таких беглых новопришлых всяких чинов людей опасны какова возмущения и бунту».[3] В 1763 г. в Филоновской станице был пойман «великороссийский беглец» из города Переяславля Рязанского Панфил Лукьянов, «а жил в показанной Филоновской станице у старшины Григория Коблова семь лет».[4] Во многих царских грамотах, посланных на Дон, указывалось, что старшины и богатые казаки держат беглых на своих «партикулярных работах», причем занимается этим и сам атаман Ефремов.[5] В донесении войска Донского правительству от 21 декабря 1753 г. указывалось, что старшина Сидор Себряков при выполнении обязанностей по сыску беглых «в некоторых станицах... пожиточных людей... в вечное себе крестьянство побрал с немалыми тем станицам во взыскании пожилых денег насилиями».[6] В самом начале XIX в. знаменитый М. И. Платов даже попал под суд за прием и укрывательство беглых.[7]

Старшины и богатые казаки не ограничивались приемом беглых, оказавшихся на Дону. Будучи заинтересованы в обеспечении рабочей силой своих хозяйств, они, вопреки предупреждениям правительства о суровом наказании, подговаривали крепостных к бегству на Дон и устраивали их в своих хуторах и зимовниках. Так, захваченный в 1675 г. у возвращавшихся из Москвы донских казаков крепостной Сидор Кондратьев показал, что «подговорил де ево, Сидорку, донской казак Васка Микитин и хотел свесть с собою на Дон, и жить было ему, Сидорку, у того казака в работе».[8] В 1692 г. в струге у атамана легкой станицы, возвращавшейся на Дон, Владимира Дмитриева, и у иных казаков были «многие беглые же люди з женами и з детми».[9] В последней четверти XVII в. сманивание казаками на Дон крестьян, холопов и ратных людей получило уже столь широкое распространение, что 1 марта 1682 г. правительство издало по этому поводу специальную грамоту, угрожая виновным смертной казнью.[10] Но ни эта грамота, ни целый ряд подобных

---

[1] АИ, т. IV, № 202 (1).

[2] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1673, № 13, лл. 2—4, 23; В. Г. Дружинин. Раскол на Дону, стр. 11.

[3] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1472, лл. 190—191; см. также лл. 30—31.

[4] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 136, л. 25а.

[5] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 380, стр. 359—362.

[6] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 87, лл. 119—135.

[7] М. С. Жиров. Гражданский суд над Платовым в 1801 г. СОВДСК, вып. XI, стр. 109 и др. Подробно об укрывательстве беглых см. К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XI, стр. 1—68.

[8] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1; ДК, № 11, лл. 366—369.

[9] Там же, ДД, 1693, № 10, лл. 40—48.

[10] Акты Лишина, т. I, № 71, стр. 109.

указов, изданных в XVIII в., не остановили старшин и богатых казаков. Они по-прежнему продолжали сманивать крепостных на Дон.

Заинтересованность старшин в труде беглых была одной из главных причин тех трудностей, которые испытывало правительство, стремясь добиться возвращения их русским помещикам. Правда, Войсковая канцелярия добросовестно рассылала по станицам все правительственные распоряжения о сыске беглых. Более того, интересы всего сословия старшин требовали сокращения числа беглых, ибо скопление их было чревато возникновением народных движений, таких, например, как крестьянская война под предводительством С. Разина или Булавинское восстание. Однако подавляющее большинство старшин руководствовалось прежде всего узкокорыстными интересами и поэтому продолжало укрывать беглых в своих владениях. О том, как ловко старшины и богатые казаки прятали беглых, видно из неоднократных жалоб правительству в середине XVIII в. шацкого помещика Ярцева. В течение пятнадцати лет он пытался вернуть своих крестьян, бежавших на Дон. В этом по приказу Военной коллегии помогала ему Войсковая канцелярия, и тем не менее он ничего не добился, так как при появлении старшин, посланных из Войсковой канцелярии для сыска его людей, казаки прятали их в своих хуторах, а старшины, по-видимому, не проявляли особого стремления к проведению более тщательного розыска.[1]

В то же время старшины, которым поручались сыск и высылка беглых, широко использовали свое положение для личного обогащения, беря взятки как с беглых, так и с тех, кто скрывал их в своих хозяйствах. Так, в 1717 г. черкасский протопоп Федор Олимпиев донес правительству, что на Дону «атаманы и старшины посылают в верхние городки, будто для розыску, ис кругу старшин во все городки разыскивать пришлых людей; и розыщики де с пришлых людей из станиц берут многие взятки и велят оным пришельцам жить в городках, а протчим жилые и письма дают».[2] Вызванный по этому доносу в Посольский приказ, Федор Олимпиев свое показание подтвердил под присягой.[3]

Почти одновременно в Посольском приказе был допрошен поп Островской станицы Алексей Никитин. Он сообщил, что туда для сыска беглых был прислан старшина Степан Михайлов, который «хотел было тех пришлых людей вести на Воронеж», но «они ему дачу дали, и он их не повез, а велел им жить в той станице». Вскоре в ту же станицу приехал другой «сыщик» — Куприянов Орленок и «за укрывательство помянутых же людей взял десять рублев да всякого запасу, а по чему з двора, не упомнит». Через некоторое время туда приехал третий «сыщик» — Василий Сугоняй с Тимофеем Абросимовым и «за помянутых же пришлых людей взял тридцать рублев да запасу десять четвертей и тех беглецов не выслал же». «В четвертую посылку», как показал Алексей Никитин, приехал к ним Борис Фокин и «с той же станицы за прикрывательство помянутых же беглецов взял семь рублев да запасу ветчины, а сколько, не упомнит. А те пришлые и доныне живут в той же Островской станице».[4]

Подобных примеров можно привести значительно больше. И все они свидетельствуют о том, что меры, принимавшиеся правительством для сыска и высылки беглых с Дона, не приводили к желательным результатам, так как старшины, которым поручалось вести этот сыск, по существу, саботировали его.[5]

---

[1] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 575, 590.

[2] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1472, л. 55.

[3] Там же, лл. 95—96.

[4] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1472, лл. 98—99.

[5] Подробнее об этом см.: П. П. Сахаров. Белое рабство на Дону. «Донская церковная старина», вып. III, стр. 149—150; К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XI, стр. 1—68.

Нет возможности определить число беглых на Дону в конце XVII и в XVIII в., ибо никакого учета их не велось. Однако есть все основания полагать, что их было немало, и косвенным свидетельством этого является поток правительственных распоряжений о возвращении беглых владельцам, а также большое количество сохранившихся в Войсковой канцелярии дел об их сыске. Часть беглых находилась на нелегальном положении, надеясь, что старшины за взятку или в силу личной в них заинтересованности не выдадут их. Другие же укрывались под именем «малороссиян», которые до ликвидации свободы крестьянских переходов на Украине в 1783 г. имели право поселяться на Дону легально. Но на каком бы положении они ни находились на Дону, для подавляющего большинства из них не было иного выхода, как работать в хозяйствах старшин и богатых казаков. И этим широко пользовались старшины, заставляя беглых работать на самых кабальных условиях.

Помимо выходцев из Великороссии, на Дону было значительное число украинских переселенцев. До ликвидации права свободных переходов украинских крестьян они могли поселяться на Дону легально. Первое время большинство из них становилось казаками. Когда же с конца XVII в. доступ в ряды казачества начал ограничиваться, в число казаков попадала лишь наиболее зажиточная часть украинских переселенцев. Остальных старшины стремились использовать для работы в своих хозяйствах, а так как приходившие на Дон украинские крестьяне, как правило, не имели средств производства и прав на землю, то старшины, наделяя их тем и другим, постепенно закабаляли, превращая в зависимых от себя людей.

После переписи 1763 г., когда правительство обложило украинских крестьян семигривенным окладом [1] и в соответствии с существовавшей в то время практикой для обеспечения «исправности» платежей указало приписать их к станицам или частным лицам, старшины получили официальное право использовать труд приписных в своих хозяйствах. Они, конечно, не преминули этим воспользоваться и стремились к дальнейшему увеличению числа украинских крестьян в своих владениях. Постепенно сначала свободные, а потом зависимые украинские крестьяне стали основным контингентом рабочей силы в старшинских хозяйствах.

Стараясь привлечь в свои хозяйства возможно большее число крестьян, старшины не только охотно принимали тех из них, которые сами приходили на Дон, но и посылали на Украину своих агентов (осадчих), которые сманивали к ним в «слободы» украинцев. В одном из указов Сената 1763 г., например, указывалось, что «из Острогожского слободского люлку казачьи свойственники и подпомочники» «из жилищ своих бежали по подговорам живущих войска Донского за старшинами в юртах и хуторах малороссиян».[2] Подобная практика существовала и в дальнейшем.

Для того, чтобы крестьяне охотнее к ним шли, старшины на первых порах предоставляли им в своих «слободах» различные льготы, обещая, что крестьяне будут работать только «на себя», не неся никаких повинностей, или в крайнем случае будут платить владельцу «чинш [3] легкой». Однако свои обязательства старшины сами же скоро нарушали и постепенно увеличивали повинности. Крестьяне, конечно, понимали, что их ожидает. Но возможность хотя бы на первых порах иметь льготные условия привлекала крестьян, и они записывались за владельцами, предоставлявшими такие условия.

Для обеспечения своих хозяйств рабочей силой и для переписки крестьян на свое имя старшины прибегали к любым средствам, многие

[1] П. П. Сахаров. Материалы по истории колонизации и быта. СОВДСК, вып. X, стр. 109—110.

[2] ПСЗ, т. XVI, № 11928.

[3] Плата деньгами или натурой.

из которых были незаконными. Так, в 1739 г. войсковой атаман Данила Ефремов нелегально поселил у себя на тузловской мельнице 50 украинских семейств. Он пытался объяснить это тем, что якобы крестьяне сами «жалают жить на мельнице». Но даже правительство Елизаветы, которое в своей политике на Дону опиралось на Ефремова и многое ему прощало, на этот раз не могло признать его действия законными и указом от 28 февраля 1740 г. заставило его «выслать на прежние жилища»[1] этих крестьян.

В свою очередь Ефремовы чуть не оказались жертвами другого хищника— Себрякова, который в 1765 г. сманивал у них крестьян, предлагая им более выгодные условия. Чтобы придать видимую законность своим действиям, он заставил перешедших к нему крестьян написать прошение, в котором они, жалуясь на недостаток земли, просили перевести их во владения Себрякова.[2] На этот раз Ефремовы сумели постоять за себя, и ушедшие от них крестьяне были к ним возвращены. Но много было и таких случаев, когда крупные донские чиновники переманивали к себе крестьян мелких владельцев и закрепляли их за собой.[3]

В погоне за крестьянами старшины и богатые казаки обратили свои взоры и на тех, кто был записан за станицами, и старались переписать их на свое имя, используя всякие средства, в том числе и «добровольное» согласие крестьян и станичников. В 1779 г., например, войсковой атаман А. И. Иловайский направил приказ в Середнюю станицу о том, чтобы крестьянина Лебедева с детьми, Артемом и Захаром, «по желанию его, а по увольнению вашей станицы при подаче на сей 779 год ведомости, исключа из вашей станицы, приписать за господином бригадиром и войсковым наказным атаманом Поздеевым».[4] В том же году, по распоряжению Войска, на имя премьер-майора Исаева были переписаны два «малороссиянина» Луганской станицы «по притчине чинимых им от оной станицы обид»,[5] а в 1792 г. была удовлетворена просьба приписного за Прибылявской станицей Германа Петренко о приписке к старшине Василию Иловайскому.[6]

В числе старшин, которые буквально ни перед чем не останавливались в стремлении переписать на свое имя станичных «малороссиян», был и сам войсковой атаман А. И. Иловайский. В 1799 г. казаки Луганской станицы подали Екатерине II жалобу, указав, что атаман «принужденно» выселил из их станицы более 80 приписных и передал их «в подданство к сыну его г.-м. Павлу Иловайскому, которые хотя и искали от того избавления, но остались тщетно». По этой жалобе на Дон была направлена следственная комиссия во главе с генералом Кнорингом. Но А. И. Иловайский использовал свое влияние, и, после почти двухлетнего расследования, в 1801 г. комиссия пришла к заключению, что Луганская и другие станицы «добровольно» уступили «за утеснением в землях» генералу от кавалерии Иловайскому 425 записанных за ними по ревизии крестьян.[7] В итоге число крестьян, записанных за станицами, резко сократилось. Если в 1763 г. их числилось 8626, то в 1782 г. их уже было 7456, а в 1795 г. только 3864.[8] В начале XIX в. старшины переписали на свое имя почти всех станичных «малороссиян», а остальные были переведены в казаки. По ревизии 1811 г. крестьян, приписанных к станицам, не значится. Старшины проявили много энергии, чтобы исполь-

[1] ПСЗ, т. XI, № 8024.
[2] К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XIII, стр. 48—49.
[3] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 23, лл. 461—461 об.; оп. 3, д. 4, л. 361 об.
[4] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 650, лл. 7—7 об.
[5] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 188.
[6] Там же, д. 27, лл. 241, 262.
[7] «Материалы для истории войска Донского». СОВДСК, вып. X, стр. 171—173; ПСЗ, т. XXXI, ф. 24771; Х. Попов. По поводу статьи «Малороссияне на Дону», ДВ, 1867, № 47.
[8] К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XIII, стр. 81.

зовать и этот резерв обеспечения своих хозяйств зависимыми людьми и исчерпали его основательно. Резкое сокращение в XVII в. числа крестьян, приписанных к станицам, было особенно заметно потому, что в этот период общее число крестьян на Дону увеличилось.

Деятельность старшин и богатых казаков по заселению своих владений украинскими крестьянами стала особенно активной с середины XVIII в. В 40-х годах старшина Федор Краснощеков на пустом месте основал слободу Сладковскую. В 1767 г. в ней уже проживало 28 приписных.[1] В 1747 г. другой старшина Краснощеков, видимо его брат, основал поселение Западенское, в котором в 1801 г. уже числилось 76 приписных.[2] В 60-х годах XVIII в. в верховьях речки Грушевки есаул Табунщиков основал хутор; через два десятилетия в нем насчитывалось около 100 приписных.[3] В 1773 г. старшина Луковкин основал поселение на речке Нагольной, а через четверть века в нем было уже 40 дворов с населением в 266 человек.[4] В 1775 г. им же было основано неподалеку еще одно поселение, а через 10 лет там уже было 89 дворов, в которых проживало 348 крестьян.[5] Тот же Луковкин в 1777 г. получил разрешение построить третий хутор на речке Крынке, а через 10 лет в нем уже было 103 двора с населением свыше 400 человек.[6]

Энергичная деятельность старшин и богатых казаков по приписке на свое имя украинских крестьян привела к тому, что многие из них уже во второй половине XVIII в. владели значительным числом крестьян. По официальным данным поверочной переписи 1764 г., за войсковым атаманом Степаном Ефремовым числилось 502 крестьянина мужского пола, за генерал-майором Федором Краснощековым—587, за полковником Михаилом Себряковым — 137, за Степаном Грековым — 70 человек и т. д.[7] По переписи 1782 г. и относящимся к тому же времени материалам о рекрутском наборе, видно, что за вдовой бывшего атамана Степана Ефремова, Меланьей Карповной, числилось до 600 крестьян мужского пола, за старшиной Василием Манковым — до 400, за премьер-майором Иваном Исаевым — 355, за старшиной Иваном Васильевым—327, за войсковым атаманом Алексеем Иловайским—427, за полковником Дмитрием Мартыновым — 536, за Михаилом Себряковым — до 200, за полковником Василием Иловайским — до 400, за генерал-майором Исаевым — до 200, за полковником Леоновым — до 200, за полковником Яновым— до 200 и т. д.[8] В 1790 г. Себрякову принадлежало уже около 450 крестьян.[9] По ревизии 1795 г., за войсковым атаманом А. И. Иловайским числилось более 500 крестьян, примерно столько же — за наследниками старшины Ивана Платова,[10] а у одного из сыновей бывшего войскового атамана Степана Ефремова только «подданных малороссиян» было 563 человека.[11] По данным, относящимся к 1797—1798 гг., генерал-майору Мартынову принадлежало 3723 крестьянина (из них в слободе Мартыновке находилось 1941); подполковнику Семену Курнакову—1400, майору Федору Мелентьеву в слободе Завязке — 610 крестьян, майору Кондрату Мелехову в слободе Тростянке — 241 крестьянин и т. д.[12]

---

[1] И. Сулин. Материалы. СОВДСК, вып. VIII, стр. 163.
[2] Там же, стр. 180—181.
[3] Там же, стр. 184.
[4] И. Сулин. Материалы. СОВДСК, вып. VII, стр. 133—134.
[5] Там же, стр. 135—136.
[6] И. Сулин. Материалы. СОВДСК, вып. V, стр. 112—113.
[7] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 138, лл. 202—208; см. также П. П. Сахаров. Белое рабство на Дону. «Донская церковная старина», вып. III, стр. 161—162.
[8] ЦГАДА, дела 1-го департамента Сената, кн. 4267, д. 7, л. 825 об.; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1056, лл. 92—95.
[9] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 24, л. 25 об.
[10] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 1056, лл. 92, 93 об.—95.
[11] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 46, л. 12.
[12] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1075, лл. 3—6, 8; д. 1091, л. 3.

Примерно в это же время известный на Дону полковник Евграф Грузинов владел тысячей душ крестьян, «всемилостивейше ему пожалованных» Павлом I.[1] Наконец, из приведенной уже нами сводки о численности населения в донских слободах за 1801 г. видно, что в каждой из 40 слобод, бывших в то время на Дону, проживали сотни украинских крестьян. Немало было слобод с числом населения, далеко превышавшим тысячу. Так, в Усть-Меловой слободе числилось 1710 жителей мужского пола, Машлыкиной — 1974, Большинской — 1770, Мартыновке (Сальской) — 1026, Исаевке — 1302, Луковкиной — 1710 и т. п.[2] Если учесть, что каждая слобода принадлежала одному владельцу, то можно сделать вывод, что к концу XVIII в. часть старшин стала по существу крупными душевладельцами.

По мере того, как увеличивались земельные владения старшин и число записанных за ними крестьян, а также по мере вовлечения старшинских хозяйств в орбиту всероссийского рынка менялось отношение старшин к сельскому хозяйству. Еще в первой половине XVIII в. основным делом старшин считалось участие в военных походах, а главным достоинством их была боевая слава. Военной службой старшины продолжали заниматься и во второй половине XVIII в., потому что она была для них важнейшим средством приобретения дворянских прав и привилегий. Но они мечтали уже о том, чтобы стать помещиками и заниматься сельским хозяйством так же, как занималось им дворянство в центральной России. Даже знаменитый, увенчанный боевой славой старшина, а впоследствии атаман войска Донского Адриан Карпович Денисов мечтал об отставке, а когда ее получил в 1788 г., то с радостью писал: «Я еду домой и буду учиться пахать и жить своими трудами».[3] Старшин, подобных А. К. Денисову, во второй половине XVIII в. было уже немало.[4]

Многие из них обзаводились имениями. Правда, как и у всех казаков, их владения часто именовались хуторами. Но такой «хутор» значительно отличался от несложного хуторского строения рядовых казаков. Вот, например, описание хутора, проданного старшинской женой Ириной Колпаковой подполковнику Василию Машлыкину: «В хуторе двойной дом, галдарейка, выход, конюшня с амбаром, баня, людской дом, кухня, два сада, один виноградный, а другой древесный, и землянка, две мельницы, двести овец, а скотины, сколько ее есть, неизвестно».[5] И цена ему соответствующая — 720 руб. Примерно столько же стоил хутор подполковника Карасева, который тоже имел господский дом, «людской дом», хлебный амбар, скотские базы, причем только крупный рогатый скот, находившийся в них, был оценен почти в 300 руб., а кроме того были лошади и 92 овцы.[6]

У некоторых старшин были еще большие по размерам имения, и стоили они дороже. Из купчего письма от 14 июля 1787 г. видно, что жена богатого казака Скородумовской станицы Кучерова продала старшинской вдове Прасковье Машлыкиной за 1300 руб. «состоящую в войсковом юрте на речке Кагальнике собственную свою мельницу и хутор с переписною жительствующих при оной малороссиян в двенадцати душах мужского пола».[7] Имение, перешедшее по наследству от известного донского откупщика Кирилла Селиверстова, к его сыну, было

---

[1] ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 487, л. 3.

[2] См. стр. 68 настоящей работы.

[3] А. К. Денисов. Записки донского атамана, «Русская старина», 1874, май, стр. 34.

[4] См. «Письма Н. Л. Астахова к своим детям», СОВДСК, вып. VI, стр. 191—195, 197—200, 202—204.

[5] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, лл. 566 и 569.

[6] Там же, д. 555, лл. 2—2 об.

[7] Там же, д. 269, лл. 283—283 об.

продано им есаулу Ф. П. Тарасову за 2000 руб.[1] О размерах хутора на Мокром Еланчике, в котором должен был поселиться старшина Ханженков в 1779 г., можно судить по тому, что на сооружении его работало 22 человека, и обошлось это строительство в 700 руб.[2]

Насколько значительными были все эти суммы, можно судить по тому, что дом и все личное владение рядового казака, жившего в Беляевоком городке в 1675 г., стоило 6 руб.[3], а все хозяйство среднего казака в середине XVIII в. оценивалось примерно в 30—50 руб.

4. ЗАКРЕПЛЕНИЕ ЗА СТАРШИНОЙ ДВОРЯНСКИХ СОСЛОВНЫХ ПРАВ

В течение XVIII в., как мы уже отмечали, старшины постепенно превратились в крупных и средних землевладельцев, хозяйства которых основывались на применении труда зависимых и наемных людей. Уже в 1768 г. комендант Ростовской крепости доносил в Военную коллегию, что многие старшины имели рыбные заводы, хутора, сады, мельницы и слободы, в которых по переписи 1763 г. «состоит слишком семнадцать тысяч душ в их собственных работах, принося разным хозяевам своим прибыли».[4] К концу XVIII в. из 14 млн десятин донской земли в распоряжении старшин оказалось 4,5 млн десятин лучшей по качеству и наиболее удобной для сельского хозяйства земли, на которой трудилось более 50 тысяч их приписных крестьян.[5]

Разумеется, не все старшины обладали землей и зависимыми людьми в равной мере. Выше отмечалось, что уже в XVIII в. на Дону были очень крупные землевладельцы и душевладельцы, такие, как Себряковы, Ефремовы, Мартыновы, Денисовы, Луковкины, Орловы и др. Но их было немного. По словам де Романо, в самом начале XIX в. их насчитывалось всего несколько десятков.[6] Основная масса старшин принадлежала к числу средних землевладельцев и мелких душевладельцев. По переписи 1763 г., подавляющее число владельцев приписных имело менее 20 душ мужского пола, т. е. такое число, которое освобождало владельцев как «самых малопоместных» от поставки рекрутов «натурой».[7]

В течение последних четырех десятилетий XVIII в. число приписных у некоторых владельцев значительно выросло. Но у большинства из них оно по-прежнему оставалось незначительным, а если росло, то не очень быстро.[8] В то же время многие рядовые казаки в XVIII в. совсем почти не имели приписных, а в земельных довольствиях испытывали все большие трудности. Поэтому пропасть между старшинами, с одной стороны, и рядовым казачеством, с другой — все более углублялась. В XVIII в. старшины превратились в земле- и душевладельцев, а казаки, хотя и владели землей, оставались мелкими самостоятельными производителями.

Были и другие моменты, которые отделяли старшин от основной массы казачества. Многие из них обладали большими богатствами, накопленными не только в результате эксплуатации крестьян, они и во время военных походов, путем торговли, а также полученными от доходных промыслов, которые находились у них на откупе, и ростовщичества. После смерти вдовы войскового атамана А. И. Лопатина в 20-х

[1] И. Сулин. Материалы. СОВДСК, вып. V, стр. 84.
[2] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 578.
[3] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1675, № 1/а, л. 2.
[4] Акты Лишина, т. III, № 65.
[5] СОВДСК, вып. I, отд. 1, стр. 87.
[6] A. L. de Romano. Coup d'oeil philosophique, t. II, p. 207.
[7] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105.
[8] И. Сулин. Материалы. СОВДСК, вып. VII, стр. 137, 146; вып. VIII, стр. 180—181, 183, 207.

годах XVIII в. его дочери досталось 47 тыс. руб., 400 золотых червонцев и бесчисленное количество драгоценностей.[1] Данила Ефремов, умерший в 1760 г., оставил своему сыну Степану в наследство денег серебряной монетой 500 тыс. руб., червонцев на 70 тыс. руб., 5 фунтов жемчугу, три сундука с разною серебряною посудою и другое в буквальном смысле несметное богатство. За время своего атаманства Степан Ефремов все это приумножил.[2] В 1790 г. отставной сотник Родион Наумов задолжал старшине Грекову 12245 руб., но этот долг был обеспечен его имением.[3] О богатстве секунд-майора Максима Мануилова можно судить по тому, что в 1785 г. он купил у адрианопольского купца жемчугу на 2750 руб., и эту сумму заплатил наличными деньгами.[4] Подобных примеров, свидетельствующих о богатстве старшин в XVIII в., можно привести много.

В особое положение по сравнению с рядовыми казаками ставила старшин сосредоточенная в их руках гражданская и военная власть, которая к тому же с каждым десятилетием укреплялась. Но в условиях феодально-крепостнического строя, господствовавшего в России в XVIII в., все это имело второстепенное значение по сравнению с дворянскими правами и привилегиями. Поэтому старшины стремились к их приобретению. А между тем русское дворянство долгое время не желало видеть в рядах своего «благородного» сословия донскую казацкую старшину.

На протяжении XVIII в. донская старшина по своему социально-экономическому положению все более и более приближалась к дворянству. Но в течение этого же периода дворянство все в большей степени замыкалось в особое привилегированное сословие. «Манифест о вольности дворянской», «Жалованная грамота дворянству» и целый ряд других законодательных актов ограждали дворянство от проникновения в его ряды представителей других сословий, а в том числе и донской казачьей старшины, происхождение которой было к тому же, по общему мнению дворян, выраженному Н. М. Карамзиным, «не весьма благородно».[5]

Однако донская старшина прекрасно понимала свою роль на Дону и свое значение для феодально-абсолютистского государства. Поэтому, используя свое положение, в течение XVIII в. она добилась закрепления за собой дворянских прав и привилегий.

Для достижения своих целей старшины использовали военную службу. Согласно «Табели о рангах», «Жалованной грамоте дворянству» и другим указам, изданным в XVIII в., все находившиеся на государственной службе при достижении известных чинов причислялись к дворянству.[6] Войско Донское тоже «служило» государству, а старшины занимали в нем командные должности. Казалось бы, что при получении определенного чина, старшины могли рассчитывать на причисление к дворянству. Но на иррегулярные войска действие этих общих указов не распространялось. К тому же в XVI и XVII вв. за старшинами войска Донского звание старшин сохранялось до тех пор, пока они занимали командные должности, а затем они снова зачислялись в казаки.

С последней четверти XVII в. старшины стали удерживать свое зва-

[1] П. П. Сахаров. Белое рабство на Дону. «Донская церковная старина», вып. III, стр. 150—151.

[2] А. Филонов. Войсковой атаман Степан Ефремов, в кн. «Очерки Дона», СПб, 1859, стр. 103—106; М. М. Постникова-Лосева. Из истории социально-экономических отношений на Дону в XVIII в. «Исторические записки», т. 60, стр. 255—266.

[3] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 24, лл. 71—76.

[4] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 37, ч. III, д. 446, л. 163.

[5] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.». М., 1956, стр. 75—84; Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. II, т. VIII, стб. 86.

[6] ПСЗ, т. VI, № 3890; т. XX, № 16187.

ние и по истечении полномочий. Постепенно их позиции настолько укрепились, что это звание давало преимущество при занятии свободных должностей в Войске. Так превратились они в «чиновников» войска Донского.

Со временем должности старшин из выборных стали жалованными. Официально это было введено указом от 18 октября 1754 г. и подтверждено указами от 19 ноября 1756 и 31 декабря 1765 гг.[1] Но фактически уже во второй четверти XVIII в. Военная коллегия и войсковой атаман, не считаясь с мнением войскового круга, от своего имени возводили в это звание угодных им лиц. Так, по царскому указу от 25 февраля 1732 г. казак Иван Фролов «за службы деда и отца его» был произведен в старшины.[2] Указом от 13 декабря 1734 г. присвоено звание старшины Ивану Иловайскому,[3] а указом от 12 января 1735 г. — сыну атамана Данилы Ефремова, Степану.[4] В 1737—1738 гг. были удостоены звания старшины «за многие службы» «их отцов и дедов» Андрей Краснощеков, 14-летний Василий Машлыкин, 16-летний Адриан Карпович Денисов, 11-летний Ефим Кутейников и др.[5] В воспоминаниях А. К. Денисова отмечаются случаи пожалования звания войскового старшины даже грудным детям наиболее знатных людей войска Донского.[6]

К 1755 г. в Войске произведенных в звание старшины атаманом войска Донского числилось 32 человека, а кроме того, десяти было присвоено это звание фельдмаршалами Ласси и Минихом во время русско-турецкой войны 1735—1739 гг.[7] После указа 1754 г. старшинское звание вообще стало жалованным.

Звание старшины открывало широкие возможности для получения войсковых чинов и укрепляло личное положение старшин в Войске. Но так как еще долгое время оно не давало тех привилегий, какими пользовались армейские чины регулярной армии, то старшины стали добиваться получения армейских чинов. Впервые такой чин на Дону получил старшина Иван Краснощеков. Указом от 4 марта 1738 г. ему за «долговременные и ревностные службы» было присвоено звание армейского бригадира, что сразу поставило его «старшим над всеми прочими старшинами».[8] В 1740 г. тот же чин получил Иван Фролов.

На первых порах добиться армейского чина донским старшинам было очень трудно. Когда, например, в 1742 г. старшина Федор Краснощеков «бил челом, чтоб за службы отца ево, бригадира Ивана Краснощекова также и ево з братьями и за смерть, полученную оным отцом его от неприятеля, пожаловать на место ево бригадиром же», то правительство ему отказало на основании того, что «донские старшины издревле воинскими регулярными рангами николи не бывали в награждении, кроме двух бригадирскими рангами — Краснощекова и Фролова через Минихового представление были. А по регулу военному противно помянутых донских производить, что великая обида полковникам регулярным».[9] Так как, с точки зрения правительства, Федор Краснощеков

---

[1] ЦГВИА, ф. 18, оп. 107, св. 90, л. 273; Акты Лишина, т. II, ч. II, № 621, стр. 775—777; т. III, № 32, стр. 41—42.

[2] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 52, стр. 54.

[3] Там же, № 99, стр. 105.

[4] Там же, № 103, стр. 108.

[5] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 159, стр. 163; Л. М. Савелов. Донское дворянство. М., 1905, стр. 11. В одном из документов говорится, что в 1750 г. Войсковая канцелярия отказала в присвоении звания старшины Илье Денисову «по молодости ево службам». Тогда он был произведен в старшины приказом войскового атамана (ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1486, лл. 130—131).

[6] А. К. Денисов. Записки донского атамана. «Русская старина», 1874, май, стр. 29 и др.

[7] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 89, лл. 209—223.

[8] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 202, стр. 191.

[9] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 91, лл. 478—483.

все же заслуживал награждения, то ему, как и другим старшинам в подобных случаях, выдали ковш, саблю и 30 руб. При этом правительство снова подчеркнуло невозможность удостаивать и «впредь как донского, так и прочих нерегулярных войск старшин воинскими регулярными рангами, дабы регулярным офицерам обиды быть не могло».[1]

Это строгое предупреждение задержало присвоение донским старшинам армейских чинов лишь на время. Уже в 1753 г. войсковой атаман Данила Ефремов получил чин генерал-майора. В мае 1755 г. Федору Краснощекову, которому в 1742 г. отказали, было присвоено звание бригадира, а его брату Андрею — полковника.[2] В октябре 1756 г. старшина Сидор Себряков был произведен в чин армейского полковника, а в мае 1759 г. — в чин бригадира.[3] В том же 1759 г. за особые заслуги перед самодержавием Даниле Ефремову, первому из донских казаков, был пожалован гражданский чин тайного советника.[4] В 1762 г. получил звание полковника войсковой старшина Михаил Себряков. В 1763 г. чин армейского полковника был присвоен войсковым полковникам Василию Попову, Петру Ребрикову, Даниле Краснощекову и походному есаулу Григорию Сычеву.[5]

В дальнейшем за особые заслуги правительство продолжало присваивать донским старшинам армейские чины.[6] Но этого им уже было недостаточно. Поэтому на Уложенной комиссии 1767 г. депутаты войска Донского настойчиво требовали уравнения казачьих чиновников-старшин в правах с великорусским дворянством.[7]

Правительство сразу не пошло им навстречу. Однако обострение классовой борьбы на Дону в 1772 г. и события крестьянской войны 1773—1775 гг. убеждали правительство в необходимости поддерживать со старшиной прочный контакт. Поэтому после разгрома народного восстания 1773—1775 гг. правительство не ограничилось поощрением тех, кто особо отличился в борьбе «противу самого изменника Пугачева».[8] Оно пошло навстречу притязаниям всей корпорации старшин, на которую опиралось в борьбе с народным движением. 14 февраля 1775 г. на Дон был отправлен царский указ, по которому все старшины, командовавшие в походах полками, приравнивались к штаб-офицерским чинам.[9]

Это имело большое значение для донской старшины. Теперь в правах с дворянством уравнивались не отдельные ее представители, а значительная группа старшин, как это видно из составленной нами таблицы 10.[10]

Что же касается мелких чинов — есаулов и сотников, то их с дворянством не уравнивали. Но так как признавалось, что они «по службе своей равные офицерской чести должности отправляют», то повелевалось оказывать им «должное уважение» и «принимать их прилично офицерскому чину и в налагаемых наказаниях поступать так, как об офицерах установлено».[11]

За последнюю четверть XVIII в. экономические и политические позиции донской старшины настолько укрепились, что ее уже не удовле-

---

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 91, лл. 478—483.
[2] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 602, стр. 735—740.
[3] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1490, л. 112; Акты Лишина, т. II, ч. II, № 619, стр. 770—772.
[4] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 631—633; А. И. Ригельман. История о донских казаках, стр. 106—107.
[5] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1490, лл. 112—117; Акты Лишина, т. III, № 5.
[6] Там же, ф. 333, оп. 1, д. 836, л. 14.
[7] Сб. РИО, т. VIII, СПб 1871, стр. 229.
[8] А. И. Ригельман. История о донских казаках, стр. 142; М. Сенютkин. Донцы, стр. 86—88; А. Савельев. Трехсотлетие войска Донского, стр. 92—93.
[9] ПСЗ, т. XX, № 14251; Акты Лишина, т. III, № 115, стр. 205—208.
[10] Таблица составлена на основе ведомостей о числе в войске Донском генералов, офицеров, старшин и рядовых казаков и соответствующих именных списков (ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 766, лл. 1, 5; ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 144, лл. 157—160).
[11] ПСЗ, т. XX, № 14251; Акты Лишина, т. III, № 115, стр. 205—208.

творяли отдельные пункты указа от 14 февраля 1775 г. Она, например, выражала недовольство тем, что, согласно этому указу, донские полковники считались «зауряд младшими перед армейскими майорами».[1] Старшина стремилась к тому, чтобы закрепить права дворянства не только за теми из их числа, кто имел высокие чины, но и за всеми казачьими офицерами.

Таблица 10

Число донских старшин, имевших дворянские чины в соответствии с Указом от 14 февраля 1775 г.

Звание, чин	Годы			
	1776	1777	1788	1796
Генерал-поручик	—	—	1	1
Генерал-майор	—	1	1	5
Бригадир	—	—	2	1
Полковник	3	2	4	5
Подполковник	6	5	13	31
Премьер-майор	15	19	17	52
Секунд-майор	—	—	—	42
Старшина войсковой	65	68	100	69
Всего	89	95	138	206

Правительство не спешило удовлетворять эти новые претензии старшин. Но усиление классовой борьбы заставило его вновь пойти им навстречу. Во время волнений донских казаков 1792—1794 гг. была прислана на Дон жалованная грамота, закреплявшая за Войском в «бесспорное и на вечные времена владение» принадлежавшие ему земли.[2] Указом от 12 декабря 1796 г. была отнята возможность и у донских приписных крестьян уходить от своих владельцев — старшин.[3] Вслед за этим, по указу Павла I от 22 сентября 1798 г., за «ревность и службу войска Донского» и «в знак признательности» царское правительство признало за всеми донскими чиновниками права великороссийского дворянства, приравняв чин войскового старшины к чину майора, есаула — к чину ротмистра, сотника к поручику, хорунжего к корнету.[4] В дополнение к этому указу в 1799 г. было установлено выдавать «чиновникам» войска Донского при удалении их более чем на 100 верст от своей области жалованье такое же, как и чинам армейских полков, а в 1800 г. такой же порядок был введен и в отношении провианта и фуража.[5]

Признание равных с великороссийским дворянством прав обеспечивало старшинам также «пожалование» от правительства за пределами земли войска Донского земельных владений, поэтому старшины старались получить такие пожалования. Они производились и раньше, но в связи с укреплением позиций донских старшин в последнем десятилетии XVIII в. их стали делать чаще и в более крупных масштабах. В 1790 г. старшина Иван Исаев получил земли в Мариупольском уезде и поселил на них 21 приписного своего крестьянина.[6] В 1793 г. А. Г. Потемкин подарил М. И. Платову в Херсонской губернии на р. Куяльник 9 тыс.

[1] В связи с этим среди старшин получила распространение поговорка «нашего полковника пожаловали в майоры».
[2] ПСЗ, т. XXIII, № 17126.
[3] Там же, т. XXIV, № 17638.
[4] Там же, т. XXV, № 18673.
[5] Там же, т. XXV, № 19195; т. XXVI, № 19314 и 19675.
[6] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 24, л. 199.

десятин земли, а его брату—3 тыс. десятин.[1] 8 августа 1795 г. генерал-лейтенанту Федору Денисову были пожалованы «в вечное и потомственное владение» местечко Полянов Минской губернии и 1200 проживавших там крестьян.[2] В 1799 г. это пожалование было подтверждено, а вслед за тем генерал Денисов был возведен в графское достоинство.[3] В январе 1797 г. Павел I пожаловал подполковнику Войска Евграфу Грузинову 1 тысячу крепостных крестьян, проживавших в селе Воздвиженском и в окрестных деревнях Московской губернии, а также в селе Сержалом и деревне Левиной в Тамбовской губернии.[4] Находившийся на Дону в самом начале XIX в. А. Л. де Романо отметил, что «в настоящее время владельцы большого количества крестьян (т. е. донские старшины. — **А. П.**) усиленно хлопочут о новом наделении их землею по реке Ее, а также в таганрогской и луганской округе, в местах по-истине злачных».[5]

Столь же сильным было стремление донских старшин к покупке земель за пределами Дона у великороссийских помещиков. Так, в конце XVIII в. Адриан Карпович Денисов получил от родителей огромное наследство, состоявшее из недвижимого имущества и большого количества скота. Как пишет Денисов в своих «Записках», он решил, «не теряя времени, улучшить свое состояние: все стада — конные и скотские — послал на ярмарки продать». К вырученным 30 тыс. руб. он добавил деньги, имевшиеся у него ранее, и приобрел земельные владения на территории войска Донского и в Воронежской губернии.[6] В начале XIX в. вдова генерала от кавалерии Василия Петровича Орлова (бывшего войскового атамана) купила в Саратовской губ. у помещика Сердобского уезда князя Голицына село Никольское с землею и людьми (55 душ мужского и 53 женского пола).[7]

XVIII век не принес полной победы донской старшине в ее борьбе за уравнение в правах с великороссийским дворянством. Правительство так и не признало юридически коллективную принадлежность донской старшины к дворянству как к сословию. Только в XIX в. (и то вначале не вполне легально) донским старшинам удалось создать свою сословную организацию «чиновников», имевшую особые, по сравнению со всей массой казачества, права и привилегии, которая получила официальное признание лишь с изданием «Положения о войске Донском» (1835 г.).[8]

Но то, что было достигнуто в XVIII в. — захват старшинами земель, превращение донских крестьян в зависимых от них людей и приобретение армейских чинов, а вместе с ними личного и потомственного дво-

---

[1] М. С. Жиров. Материалы для биографии графа Матвея Ивановича Платова. СОВДСК, вып. XI, стр. 93. По неизвестным причинам М. И. Платов не заселил свою землю крестьянами, а так как в начале XIX в. она понадобилась правительству, то по указу от 12 февраля 1804 г. была отобрана с уплатой владельцу по одному рублю за десятину (там же).

[2] ГАРО, ф. 360, оп. 1, д. 12, лл. 1—2. В 1785 г. Федор Денисов самовольно захватил земли в Таврической губернии, заселил их своими приписными и добивался у Таврического областного управления отвода ему 20 тыс. десятин земли. Когда ему в этом было отказано, с подобной же просьбой в 1792 г. он обращался в Сенат. Однако Сенат его ходатайство не удовлетворил (ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 144, л. 210; св. 145, лл. 245—247.

[3] ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 311, л. 2 об.; «Дон», 1887, № 3, стр. 43—50.

[4] В. З. Джинчарадзе. Военно-судное дело гвардии полковника Евграфа Осиповича Грузинова (1800 г.). Уч. зап. Новгородского пед. ин-та, т. 1, Новгород, 1956, стр. 121.

[5] A. L. de Romano. Coup d'oeil philosophique, t. II, p. 135.

[6] А. К. Денисов. Записки донского атамана. «Русская старина», 1835, февраль, стр. 246.

[7] И. Сулин. Материалы. СОВДСК, вып. VII, стр. 139.

[8] Издававшиеся на протяжении первой половины XIX в. законоположения о чиновниках войска Донского были объединены в Своде законов Российской империи (т. IX, тл. 1, ст. 23, 159, 178—187 и др.). Подробно о том, как добивались юридического признания дворянских прав донские чиновники в XIX в. см. И. Игнатович. Крестьянское движение на Дону в 1820 г., стр. 47—49.

рянства, — привело к окончательному отделению в конце XVIII столетия казачьей верхушки от всей массы казачества. Происшедшие перемены были настолько заметными, что отмечались многими современниками. Так, например, академик Паллас, побывавший на Дону во время своего второго путешествия в 1793 г., писал: «Преимущества и отличия, слишком легко пожалованные с недавнего времени старшинам, сделали их высокомерными и надменными... Они основывают поселения, наполненные бродягами, привлеченными приманкой добычи, на прекрасных землях... Они изыскивают все средства для угнетения беднейшего класса, который несет на себе тяжесть воинской службы, от которой богатые избавляются путем наемки. Казаки не всегда даже получают то, что им полагается. Рождающееся отсюда неудовольствие, которое старшины рассматривают, как неповиновение и мятеж, служит для последних предлогом еще более сильного угнетения казачества.

Благодаря этому, народ этот, по природе своей добрый, доставляющий России великолепные легкие войска, несмотря на свою свободную конституцию, находится во все более возрастающем порабощении со стороны аристократии своих вождей и выказывает все больше отвращение к службе, в то время как богатые и знатные живут в самой сладострастной лени и полнейшей распущенности нравов».[1]

Так завершился в конце XVIII в. длившийся более ста лет процесс превращения донской старшины в жалованное дворянство.

Подведем итоги. 1. В непрерывном процессе социальной дифференциации уже во второй половине XVII в. из общей массы казачества выделилась особая группа донской старшины. Свое богатство, привилегированное положение в Войске и поддержку центрального правительства она использовала для приобретения дворянских прав и привилегий.

2. Важнейшим условием этого являлось превращение старшин в крупных землевладельцев. Поэтому с начала XVIII в. старшины стали захватывать земли в свои руки. Это тормозилось тем, что земля на Дону составляла феодальную собственность государства, которое передало ее во владение всего Войска. Но, используя свое привилегированное положение на Дону, старшины в течение XVIII в. значительную часть войсковой земли превратили в свою (по существу, помещичью) собственность. Центральная власть, видя в старшинах свою опору, на протяжении почти всего XVIII в. не препятствовала им в захвате земель. Когда же стало ясно, что это подрывает принципиальные основы существования казачьего войска и влечет за собой усиление классовой борьбы, правительство изменило свою позицию. Однако к этому времени старшины успели уже в достаточной степени обеспечить себя земельными владениями.

3. Захваченные старшинами земли могли с успехом эксплуатироваться лишь при наличии в их распоряжении рабочих рук. Первое время с этой целью использовался труд военнопленных («ясыря»). Позже старшины стали покупать крепостных крестьян у помещиков центральных губерний. На протяжении всего XVIII в. использовался труд отходников, которые приходили на Дон временно, на заработки.

В несравненно большей степени старшины применяли труд поселявшихся на Дону великорусских и украинских крестьян, для которых с конца XVII в. доступ в ряды казачества был ограничен. Великорусские крестьяне работали у старшин по вольному найму. Но так как они жили на Дону нелегально, то вынуждены были работать у старшин на кабальных условиях. Украинские крестьяне долгое время пользовались правом свободных переходов. Но, не имея земли и других средств производства, они тоже вынуждены были идти в кабалу к старшинам. После переписи 1763 г., когда украинские крестьяне были обложены

[1] P. S. Pallas. Second voyage, Paris. 1811, p. 217—218.

подушной податью и для обеспечения «исправности» платежей приписаны к владельцам, старшины постепенно закрепили их за собой. К концу XVIII в. около 50 тысяч украинских крестьян, живших на Дону, было приписано к старшинам.

4. В XVIII в. старшины добились закрепления за собой дворянских прав. Уже в первой половине XVIII в. звание старшины стало чином, который рядовые казаки могли получить в очень редких случаях. Примерно с этого же времени отдельные старшины стали получать армейские чины. После разгрома народного восстания под предводительством Е. И. Пугачева за проявленные «верноподданность и усердие» старшин, которые в походах командовали полками, приравняли к штаб-офицерским чинам. Обострение классовой борьбы на Дону в последней четверти XVIII в. заставило правительство и в дальнейшем удовлетворять притязания старшин. Выдав Войску в 1793 г. грамоту, которая ограждала донские земли от захвата со стороны других сословий, и закрепив в 1796 г. власть старшин над приписными крестьянами, правительство указом 1798 г. уравняло войсковые чины войска Донского с армейскими и тем самым превратило чиновников-старшин в служилое дворянство.

Глава III

ПОЛОЖЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШИХ В СОСТАВ КАЗАЧЬЕГО СОСЛОВИЯ

1. БУРЛАКИ

В XVI—XVII вв. все, кто попадал на Дон, считались казаками.[1] Это относилось прежде всего к тем, кто служил в Войске, получая жалованье. Но и те, которые «государевой службы» нести не желали, тоже были «вольными казаками», так как земля Донская и их освобождала «от всяких бед».[2] Основная масса жителей Донской земли в силу пограничного положения края, а также ввиду отсутствия на Дону условий для занятия сельским хозяйством и мирными промыслами должна была принимать участие в военных походах. Те же, кто этим заниматься не мог или не хотел, вынуждены были уходить с Дона в более безопасные места или возвращаться к своим прежним владельцам и снова попадать под власть крепостников.

С последней четверти XVII в. положение начало меняться. Правительство ликвидировало старинное право Войска «не выдавать с реки» беглых. А так как оно подкрепляло свои указы репрессиями и мерами экономического характера, то Войско почти перестало зачислять беглых в казаки. С этого же времени и казачество стало превращаться в замкнутое сословие, поэтому в значительном увеличении числа казаков на Дону оно не было заинтересовано. Правительство и Войско начали постепенно ограничивать доступ в ряды казачества и тем, кто имел право свободно поселяться на Дону (например, украинским крестьянам).

Но все это не уменьшило притока на Дон новых поселенцев. Напротив, с резким усилением феодального гнета в России со второй половины XVII в. и после распространения крепостничества на территорию от Воронежа до Тамбова, Слободской Украины, Рязанского, Ряжского, Козловского, Тамбовского и Лебедянского уездов этот приток усилился.

Так как казачество не сразу превратилось в замкнутое сословие то и после ликвидации на Дону права убежища часть беглых становилась казаками, участвовала в походах, получала жалованье и землю. Не только во время крестьянской войны под предводительством С. Разина, но еще и в 80-х годах XVII в. отличить казака от «наброду» было трудно. Так, во время восстания 1682 г., например, бурлаки и голутвен-

[1] Исключение составляли пленные, часть которых была на положении рабов.

[2] Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 4. М., 1906. стр. 135.

ные казаки находились в одном лагере и по существу, как отметил Л. В. Черепнин, ничем не отличались друг от друга.[1] Кто хотя бы раз принял участие в походе, имел основание считать себя казаком и приходить на круг «дуванить» жалованье. По словам атамана Фрола Минаева, при раздаче жалованья в 1683 г., помимо старых, добрых казаков, «набралось к тому жалованью таких вышеписанных воров многое число, а как почали делить то государево жалованье и многим того жалованья не доставало, потому что прежде сего делили они только на 6000 человек и слишком, а ныне де делили на 7000 не по большему, а доставалось денег по 25 алтын».[2] Подобное положение сложилось и в 1689 г., когда, по свидетельству казаков, в один из походов вместе с ними самовольно «пошли из казачьих городков бездольные люди и бурлаки».[3] Однако в последней трети XVII в. такие случаи становились все более редкими.

В связи с ограничением доступа в ряды казачества лишь небольшой части пришлых, главным образом зажиточных людей, сравнительно легко удавалось попасть в казаки. За службу они получали землю и царское жалованье, им доставалась доля в военной добыче. Остальные новые поселенцы, а их было большинство, оставались без всяких средств к существованию и, как отмечалось в документах, уже в конце 60-х годов XVII в. испытывали «на Дону голод большой».[4]

Между тем, на Дону в это время начали меняться общие условия экономической жизни. Стали развиваться земледелие и скотоводство, а в связи с этим появились условия для применения в хозяйствах старшин и богатых казаков чужого труда. Так как у массы пришлого населения не было источников существования, то единственным выходом для нее явилась работа в этих хозяйствах. Так из новых поселенцев, главным образом из тех, которые не имели средств к существованию и вынуждены были работать по найму, стала образовываться особая группа людей. В источниках XVII—XVIII вв. эти люди обычно назывались работными или бурлаками.

Мы не можем точно сказать, когда впервые на Дону появились бурлаки, но уже в 60-х годах XVII в. источники их упоминают.[5] К середине 70-х годов существование на Дону бурлаков стало столь обычным явлением, что отдельных великорусских крепостных сманивали на Дон не в казачество, а для наемной работы. Так, в 1675 г. при попытке к бегству на Дон был схвачен крепостной Сидор Кондратьев. Во время допроса в Посольском приказе он показал, что был подговорен к побегу донским казаком Василием Никитиным, причем условились, что «жить было ему, Сидорку, у того казака *в работе*» (курсив наш. — **А. П.**).[6]

В 80-х годах XVII в. не только увеличилось число бурлаков на Дону,[7] но и определилось их положение. Это были люди, по выражению самих казаков, «бездольные» и в экономическом, и в правовом отношениях. Так как они не были казаками, то не имели права принимать участия в деятельности казачьего круга.[8] Земли и царского жалованья они не получали, а многие из них не имели в станицах даже собственных домов. По словам Фрола Минаева, большинство из них «живут между людьми, а не своими куренями».[9] Свое существование они обе-

[1] Л. В. Черепнин. Классовая борьба на юге Московского государства в 1682 г. «Исторические записки», т. 4, стр. 69—70.
[2] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1683, № 28; ДК, № 11.
[3] Там же, ДД, 1689, № 13, лл. 104—107.
[4] АИ, т. IV, № 202 (1), стр. 374.
[5] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1673, лл. 2—4.
[6] Там же, ДК, № 41, лл. 366—369.
[7] ДАИ, т. XII, стр. 197, 214, 264.
[8] В. Г. Дружинин. Раскол на дону, стр. 41; А. А. Леонов. Войсковой круг, ДОВ, 1862, № 26—28.
[9] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1686, № 22.

спечивали работой по найму. Допрошенный в Посольском приказе в 1685 г. бурлак Осип Алексеев показал, что «он пошел на Дон своею охотою зимун добывать». Однако в казаки не попал, а потом «работал по найму».[1] В том же году прибывшего на Дон украинца Ивашку Федорова нанял «в гребцы на будару» зажиточный казак Герасим (фамилия неизвестна). К атаману Самойле Лаврентьеву попал в работники Гришка бурлак, который «ходил за скотиной и жил на скотном дворе», а у Кирюшки Матвеева «работал черную работу» бурлак Ермошка.[2]

В дальнейшем число бурлаков, вынужденных обеспечивать свое существование работой по найму, росло очень быстро. В конце XVII в. в некоторых казачьих городках бурлаки составляли треть населения, а в отдельных городках их было еще больше (табл. 11).

Таблица 11

Сведения о числе бурлаков в медведицких станицах по данным переписи 1698 г.[3]

Наименование городка	Число		Наименование городка	Число	
	станичных казаков	бурлаков		станичных казаков	бурлаков
Усть-Медведицкий	135	154	Раздоры	35	31
Островский	67	51	Орлов	21	18
Глазуновский	55	41	Заполянский	34	35
Скуриха	47	39	Малодель	15	17
Кепный	23	30	Березовский	33	20
Арчада	29	24	Черногай	21	19
Кобыльев	27	22	Неврюевский	11	12
Етерев	31	29	Бурлуцкий	30	15

Вследствие тяжелого экономического положения, в котором находились бурлаки с самого появления на Дону, они являлись наиболее «неспокойной», наиболее революционной частью населения края. Наряду с голутвенными казаками они были основными участниками крестьянской войны под предводительством С. Разина.[4] Большую роль сыграли они и в восстании 1682 г.[5] В Булавинском движении, как свидетельствуют документы, также участвовало очень много бурлаков, «бесконных и безоружейных и безодежных».[6] И в дальнейшем бурлаки доставляли много хлопот правительству. Так, в 1740 г., когда для осуществления указа о высылке беглых прибыл в Мигулинскую станицу поручик Неклюдов, то к дому, где он остановился, пришло около тысячи человек; из них, по словам Неклюдова, «большая половина, яко до семи или осьмисот человек бурлачества разных чинов беглых людей», которые, не желая слушать царский указ, вступили в бой с сопровождавшими Неклюдова солдатами и били их «смертным боем».[7] Стремясь сократить число бурлаков на Дону, правительство и войсковые власти усиливали борьбу с беглыми. Однако это не давало заметных результатов, так как приток на Дону беглого населения из года в год увеличивался.

[1] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1685, № 3.

[2] В. Г. Дружинин. Указ. соч., стр. 10—11.

[3] В. С. Попов. Материалы к истории войска Донского. СОВДСК, вып. XXII, стр. 166—201; Н. Л. Янчевский. Разрушение легенды о казачестве, стр. 37. Следует иметь в виду, что фактически число бурлаков на Дону в это время было еще больше, так как многие из них, будучи беглыми, скрывались от переписчиков.

[4] «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», сб. документов, т. 1, №166, стр. 290; № 171, стр. 295.

[5] Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 69—70.

[6] «Булавинское восстание», № 15, стр. 129.

[7] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, ед. 58, лл. 44—44 об.; Акты Лишина, т. II, ч. I, № 257, стр. 239.

В XVIII в. бурлачество состояло уже не только из беглых. С каждым десятилетием в среде бурлаков увеличивалось количество свободных, которые из-за своей бедности не смогли войти в ряды казаков и обзавестись хозяйством. Как свидетельствуют документы, уже в 20—40-х годах XVIII в. во многих станицах большая часть бурлаков состояла из незакрепощенных украинских переселенцев.[1] В 1763 г. они вместе со всеми украинскими крестьянами, поселившимися на Дону, были обложены семитиренным окладом и приписаны к станицам и владельцам. Однако это не изменило их экономического и социального положения. Они по-прежнему оставались бурлаками, причем число их в составе донских приписных крестьян было значительным. По данным поверочной переписи 1764 г., из 538 крестьян, приписанных за Луганской станицей, бурлаков было 182, из 169 крестьян, записанных за Митякинской станицей, бурлаков числилось 81, из 140 крестьян Каменской станицы бурлаков было 49, из 61 крестьянина Прибылянской — 9.[2] Столь же большим был процент бурлаков среди крестьян, записанных за владельцами. Так, у старшины Алексея Голова из 60 крестьян было 27 бурлаков, у старшинской вдовы Евдокии Марковой из 69 крестьян было 10 бурлаков, у вдовы Марии Сериновой из 55 крестьян было 13 бурлаков и т. п.[3] В дальнейшем число бурлаков увеличивалось, но в процентном отношении оно почти не менялось, так как одновременно росло все население на Дону.

Огромная масса бурлаков на Дону постепенно оказывалась во все более тяжелом положении. Если еще в конце XVII — начале XVIII в. многие из них, прожив какой-то срок на Дону, зачислялись в казаки, то со временем эти возможности уменьшались. Уже в 20-х годах XVIII в. на Дону существовала значительная прослойка «зажилых бурлаков» которые десятки лет обитали на Дону, так и не изменив своего положения.[4] С каждым годом количество их росло так же, как и увеличивалось число лет, которые должны были прожить на Дону бурлаки, чтобы получить какую-то возможность войти в ряды казачества или хотя бы обзавестись хозяйством.

При всевластии на Дону старшины условия найма для бурлаков, не имевших средств производства и вынужденных брать работу на любых условиях, были очень тяжелыми. К тому же многие из них находились на нелегальном положении. Опасаясь выдачи властям, возвращения владельцам и жестокого наказания, они часто не решались протестовать против самого бесчеловечного обращения с ними.

Очень яркой иллюстрацией этого является судьба бурлака Артема Яковлева. Как выяснилось в 1744 г. при допросе в Посольском приказе, он, убежав от своего владельца, поселился сначала в Михайловской станице «и жил заведомо, что он беглый помещичий», у казака Петра Медведева один год. Затем он перешел в Усть-Бузулукскую станицу и работал по найму у казака Якова Соменка полгода, откуда перешел в Островскую на Медведице станицу и два года работал у казака Никона Казинкина. Так как Яковлев не имел своего дома, то отдал Казинкину «для сохранения» часть своего имущества — «денег 13 руб. да коробью, за замком, в ней холста посконного 70 аршин, ценою на 1 руб. на 75 к., шапка сукна кармазинова красного, околыш черный, ценою в 80 коп., штаны пестрядинные, ценою в 25 коп., 4 ножа черненые костяные, ценою 40 коп.» Однако Казинкин, воспользовавшись нелегальным положением Яковлева, все это присвоил.[5]

[1] К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XI, стр. 60—61; вып. XIII, стр. 30—39.

[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 1034—1046, 1046 об.—1047 об., 1048—1052—1062 об.—1066.

[3] Там же, лл. 1030—1031, 1032—1034, 1090—1092.

[4] ДВВ, 1865, № 8.

[5] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 380, стр. 359—360.

После этого Яковлев два года работал у разных казаков, а затем нанялся к старшине Тарасу Гуляеву. Заработав деньги, он «купил было для продажи себе дегтю одну колоду мерою в 20 ведр, ценою 8 рублев». Будучи по-прежнему бездомным, он решил довериться теперь Гуляеву и отдал ему на сохранение деготь, а также «коробью за замком, в которой имелось двое сапоги козловые — одни немецкие, другие черкесские, ценою в 1 руб. 60 коп., холста алленова 10 аршин, в 50 коп., кушак верблюжий красный, в 30 коп.» и другую разную мелочь. Однако и Гуляев не преминул воспользоваться положением Яковлева и присвоил все его имущество, а заодно, «будучи в той станице атаманом, в станичный сбор взял с него 40 коп.»[1]

Уйдя от Гуляева, он вместе с другими пятью беглыми нанялся «для сгонки» с верховьев Дона до Черкасска будары войскового атамана Ефремова и дьяка Григория Каршина. В течение двух месяцев они выполняли эту работу, рассчитывая, как было в договоре, получить по 2 руб. на человека. Однако «оных денег ему, Артему, не отдали».[2] Затем он вместе с другими такими же беглыми два года жил за Аксаем на бахче у войскового атамана «и всякую работу работали на него, Ефремова, без платы». На подобного же рода условиях он работал затем и в других местах, а когда однажды на Хоперской заставе был схвачен, то откупился за 15 руб.[3]

Не менее тяжелой оказалась судьба беглого бурлака Никиты Шаевского. Придя в 1773 г. на Дон, он сначала поселился в Усть-Хоперской станице, «где по разным хуторам у живущих казаков по найму работал». Затем перешел в Березовскую станицу, где нанялся «косить в степи сено». Тяготясь нелегальным положением, он за 4 руб. купил подложный паспорт. Однако подделка была обнаружена. Шаевский был схвачен, жестоко избит и посажен в Павловскую крепость, откуда вскоре его перевели в Воронеж для допроса, наказания и возвращения владельцу.[4]

Бывали случаи, когда бурлаки жаловались войсковым властям на своих хозяев «в неотдаче им заработанных денег», насилиях над ними и т. п.[5] Однако при получении жалоб войсковые власти прежде всего стремились выяснить, на каком основании находился такой бурлак на Дону, и, если он был беглым, принимали меры к высылке его на прежнее место жительства. Если все же оказывалось, что он имел законное основание проживать на Дону, то, как правило, войсковой суд был на стороне хозяев.[6]

Так же как в центральной России XVII в., на Дону в первой половине XVIII в. сохраняли свое значение «урочные» или, как они тут чаще именовались, «указные» годы для предъявления исков о беглых.[7]

Указом от 11 июня 1703 г. разрешалось оставаться на Дону тем, кто пришел до 1694 г. и участвовал в Азовских походах.[8] По указу от 9 сентября 1728 г. срок для высылки беглых был перенесен на 15 лет, а подлежали возвращению владельцам только те, кто пришел на Дон после 1710 г.[9] Продолжительное пребывание на Дону являлось основанием для невысылки беглых почти до середины XVIII в. Еще в 1747 г. в ответ

---

[1] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 360, стр. 360.
[2] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 380, стр. 360.
[3] Там же, стр. 360—361.
[4] «Пугачевщина», т. II, № 82—83, стр. 244—248.
[5] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 273.
[6] О тяжелом положении бурлаков на Дону свидетельствуют широко распространенные еще в XIX в. поговорки: собака не тронь бурлака, бурлак сам собака; бурлак, что сиротка, когда белая рубашка, тогда и праздник и т. п.
[7] Ср. «Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в.», гл. I, § 6, стр. 176—181.
[8] Акты Лишина, т. I, № 140, стр. 219—220.
[9] Там же, т. II, ч. I, № 26, стр. 31.

на требование Шацкой провинциальной канцелярии выдать бежавшего от советника Ярцева крестьянина Куприянова, Войско отвечало, что он «указные годы на Дону зажил».[1] И только указом от 16 июля 1749 г. правительство окончательно отменило «указные» годы, предоставив право владельцам возвращать своих беглых независимо от срока пребывания их на Дону.[2]

Бурлаки, которые «указные годы зажили» и имели официальное право жить на Дону, в отличие от беглых бурлаков, именовались «зажилыми». Они, разумеется, находились в лучшем положении, чем беглые. Но признание за «зажилыми бурлаками» права жить на Дону не принесло значительного облегчения их положения. Уже в 1718 г. было приказано всех живущих в станицах «заядлых» бурлаков переписать, а вслед за тем на них стали возлагать станичные и войсковые повинности.

Ввиду того, что бурлаки воинской службы не несли, станичные власти широко использовали их при выполнении других нарядов. Так как они были, по существу, бесправны, то с каждым годом тяжесть повинностей, возлагавшихся на них, увеличивалась, в силу чего, живя по многу лет при станице и честно работая, они не только оставались в положении бурлаков, но не могли освободиться от долгов. Вот, например, как описывается положение зажилого бурлака Кувымы Иванова в «сказке», данной ему в 1727 г. кочетовским станичным атаманом в связи с тем, что бурлак решил переселиться в Середнюю станицу «Жил он у нас в станице без осходно 15 лет и войсковые ваши третчины и всякие работы от нашей станицы работывал, а также и наши станичные караулы и подводы, и ваши войсковые грамоты нашевал с нашими станичными казаками во всем пол с полу; а пошел он, Кузьма, из нашей станицы долги свои отрабатывать, а не выслан».[3]

Первое время правительство и войсковые власти смотрели на это сквозь пальцы. Но после того, как «зажилые бурлаки» были обложены подушной податью, государственные интересы заставили их присмотреться к положению бурлаков более внимательно. Учитывая отсутствие у бурлаков собственного хозяйства, а следовательно, их экономическую «маломочность» и боясь, что «в случае» бурлаки «могут прийти и к платежу казенных денег не в состояние», правительство и войсковые власти предписывали возлагать на них «одни внутренние станичные тягости поочередно, а в дальние их не командировать».[4] Однако сами же станичные и войсковые чиновники постоянно нарушали этот порядок. Так, приписные Тишанской станицы Губин и Данила Жеребцов в 1768 г. жаловались что, хотя они, бурлаки, и не имеют скота и «хлебопахотных земель», они в нарушение установленного порядка «посылаются от станицы нашей в отдаленные места против станицы нашей малороссиян, живущих своими домами».[5] Правда, в отдельных случаях за подобные нарушения войсковые и станичные чиновники получали взыскание, но это их не останавливало, и они продолжали давать бурлакам непосильные наряды.

Следствием такого «крайнего отягощения» бурлаков являлось дальнейшее их обнищание. Многие из них жили на Дону по 15—25 лет, а некоторые столь же длительный срок проживали в одной станице, но так и не могли обзавестись собственным домом, хозяйством, а работали до старости, «где кому случится» и «с найма».[6]

---

[1] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 441, стр. 469.
[2] Там же, т. II, ч. II, № 481, стр. 534—535; № 488, стр. 541—542; С. Тхоржевский. Рабочие и крестьяне на Дону в XVIII веке. «Труд в России», кн. 2, стр. 62.
[3] ДВВ, 1862, 9 октября.
[4] ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 69, лл. 3—3 об., 9.
[5] Там же, л. 5.
[6] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл 1040—1046.

2. ОЗЕМЕЙНЫЕ

В то время как положение основной массы бурлаков на протяжении многих лет не менялось, некоторым из них удавалось, прожив в станицах какой-то срок, перейти не только в разряд «зажилых», но и обзавестись землей и хозяйством. В источниках такие люди именуются «озимейными» или «оземейными». Отдельные исследователи, например А. А. Леонов и К. В. Марков, считают верным только одно наименование — «озимейный» и объясняют происхождение указанной группы населения тем, что представители ее проводили «зиму на одном месте».[1] При этом они указывали, что и жители Дона XVIII в. так же понимали этот термин, почему в документах слово «озимейный» встречается чаще, чем «оземейный».

Как нам представляется, мнение Леонова и Маркова не выдерживает критики. Если даже подходить к этому с филологической точки зрения, то в донском говоре вполне допустимо употребление «озимейный» в смысле «оземейный». Этот говор принадлежит к числу южнорусских, и ему свойственно яканье, т. е. совпадение гласных «е», «и», «а» (после мягких согласных) в безударных слогах в одном звуке. Правда, есть разные типы яканья. Но на Дону распространена особая разновидность десимилятивного типа, в котором, если под ударением стоит гласный «е», в предударном произносится «и».[2] На этом основании можно считать, что написание слова «озимейный» в смысле «оземейный» вполне допустимо.

Однако дело не только в этом. При том толковании, которое предлагают Леонов и Марков, остается неясным, чем «озимейные» отличались от «зажилых» бурлаков, многие из которых «на одном месте» живали не одну зиму. При всей нечеткости деления населения Дона в XVIII в. на отдельные группы различие между этими двумя категориями жителей было, и оно состояло в том, что вторая группа была не только «зажилой», но прежде всего «оземейной», т. е. наделенной землей. Именно так, т. е. «оземейными», они именовались в найденной А. А. Леоновым «Книге записной Середней станицы оземейным казакам» от 19 декабря 1720 г., в отдельных местах переписи 1763 г. и других документах.[3]

Оземейные составляли обособленную группу населения, и зачисление в нее проводилось по решению станичного сбора. Такие решения до нас не дошли. Но сохранилось много документов, которые косвенно подтверждают, что существовал именно такой порядок зачисления в оземейные. В дошедших до нас в большом количестве следственных делах о беглых законность проживания в станице того или иного лица не вызывала сомнений, если устанавливалось, что он «приписан де был... в озимейные... с согласия всей станицы».[4]

Фамилии зачисленных в оземейные вносили в особые книги.[5]

В оземейные принимали прежде всего тех, кто имел право легально жить на Дону, был уже «зажилым», но не был еще принят в казаки. Так, в числе оземейных Качалинской станицы был «вольный черкашенин» Василий Кузнец. Как указано в переписи 1763—1764 гг., он жил там с 1744 г., был «женат на вдове, казачьей жене... и жительствует при станице своим домом», при этом войсковые и станичные тягости, он, Кузнец, отправляет в равенстве с казаками».[6]

Во второй половине XVIII в. оземейные стали социальной группой,

[1] А. А. Леонов. О том как поступали в казаки в старое время, ДВВ, 1862, № 39—40; К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XI, стр. 60.
[2] См. Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. I, М., Учпедгиз, 1949, стр. 85—86.
[3] ДВВ, 1853, № 17.
[4] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 406, л. 5.
[5] ДВВ, 1853, № 17.
[6] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 839.

в ряды которой зачисляли часто независимо от срока проживания на Дону, иногда даже и вновь поселившихся. Так было, например, с «вольным» человеком Борисом Егоровым, который заявил в 1767 г., что желает «с прочими иностранцами приписатца в Середнюю станицу, в озимейные».[1] Несколько позже прямо в оземенные были зачислен выходец из Польши, имевший «увольнительный аншит».[2] В этот же период в оземенные стали зачислять из выростков или из тех людей, кто имел все права на принятие прямо в казаки, но по тем или иным причинам в казаки не зачислялся. Так, в 1767 г. было приказано группу выростков, казачьих детей, «за имеющимися у них болезнями и другими невозможностями к написанию в казаки» «причислить... в озимейные».[3] В других случаях не принимали в казаки, а зачисляли в оземейные того или иного человека ввиду бедности, «впредь до действительного ево к службе всем потребным исправления».[4]

Как социальная группа, оземейные занимали промежуточное положение. По общему правилу, станица наделяла их землей и рассматривала как первых кандидатов в казаки. По прошествии определенного срока многие из них действительно становились служилыми казаками.[5] В силу этого Войско и станицы не препятствовали женитьбе их на казачьих вдовах и дочерях, и такие браки были нередким явлением.[6] Хотя они военной службы не несли, но во время больших войн, когда проводилась поголовная мобилизация казаков, Войско требовало, чтобы и «озимейные б каждый имели исправные ружья и пули».[7] Многие из них были людьми среднего состояния, имели свои лавки.[8] По всей вероятности, за ними было признано официальное право владеть приписными. Вот свидетельства переписи 1763 г. С 1754 г. жил на Дону оземейный Кондрат Яковлев сын Бакчевник. У него «в работе» было 3 человека, и каждый из них был «в подушный оклад положен за показанными озимейным Бакчевником».[9] С 1744 г. жил на Дону оземейный Парфен Осипов сын Красник. У него «в работе» был Иван Захаров, который в 1763 г. был «в подушный оклад положен за показанным озимейным Красником».[10] В том же году за Красником был приписан в подушный оклад Яким Байков, за оземейным Кондратом Степановым — 2 работника, за оземейным Иваном Черновым — один, за оземейным Семеном Прасолом—один и т. д.[11] Разница между оземейными и казаками была настолько незначительной, что в источниках они именуются часто «озимейными казаками».[12] И все же эта разница была, ибо оземейные принадлежали к податному сословию со всеми вытекающими из этого последствиями. До тех пор, пока им не удавалось войти в ряды казачества, их положение было очень шатким. Они не только обязаны были нести станичные и войсковые повинности, а с 1763 г. выплачивать подушную подать, но непрерывно находились под угрозой приписки их к тому или иному старшине, вслед за чем через какой-то срок следовало и полное закрепощение. Так было, как уже выше отмечалось, со многими приписными за станицами крестьянами, под тем или иным предлогом переписанными на имя частных владельцев.

Положение «зажилых бурлаков» и «озимейных» свидетельствует

---

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 35, л. 19 об.
[2] Там же, д. 636, лл. 1—1 об.
[3] Там же, д. 35, л. 3, д. 406, л. 1 об.
[4] Там же, лл. 19—19 об.
[5] Там же, д. 614, л. 2; д. 636, лл. 1—2; А. А. Леонов. Указ. соч. ДВВ, 1862, № 39 и 40; 1863, № 20.
[6] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 205, л. 2; ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 869—878, 1033—1049.
[7] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 42, л. 2 об.
[8] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 1473.
[9] Там же, л. 8 об.
[10] Там же, л. 12.
[11] Там же, лл. 12, 9 об. — 10, 15 об. и др.
[12] Там же, лл. 8 об, 12; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 185, л. 1; д. 205, л. 2.

о том, что не только в XVII, но и в XVIII в. ряды казачества пополнялись за счет пришлого населения, которое должно было только пройти какой-то «искус» на Дону, доказать свою годность к несению казачьей службы и, разумеется, располагать определенными экономическими возможностями, соответствующими этому званию. В какой-то степени это отвечало общим интересам казачества и правительства. В непрерывных войнах, походах и при массовых переселениях ряды казаков заметно редели, и их необходимо было все время пополнять. Поэтому если правительство наказывало за прием в казаки беглых,[1] то оно не препятствовало зачислению в казаки достойных, с его точки зрения, кандидатов, особенно в тех случаях, когда этого требовал государственный интерес. В царской грамоте от 15 ноября 1731 г. указывалось: «Которые из донских жителей показывают о себе, что они—малороссияне и желают жить в казацкой службе», то их желание следует удовлетворить, если они согласятся поселиться на Царицынской линии».[2] Указом от 21 сентября 1734 г. в ответ на представление Войска было разрешено зачислить в казачью службу бурлака Семена Васильева, «ежели он подлинно по сдаче Азова (т. е. еще в 1711 г. — **А. П.**) вышел в Черкасской в малых летах, а не беглой».[3] В том же году был зачислен в казаки зажилой бурлак Мирон Петров,[4] а в 1758 г. оземейный Украинсков[5] и д. д. Наглядным свидетельством того, что в ряды казачества в первой половине XVIII в. вливались самые разнообразные элементы, могут служить данные о составе жалованных казаков Средней станицы в 1726—1728 гг., где из 211 человек пришлых, но живших на Дону 17 и более лет было 59, кроме того поляков — 9, армян — 1, литовцев — 1, греков — 1 и т. д.[6]

Значительно труднее было попасть в казаки тем оземейным, которые после переписи 1763—1764 гг. были обложены подушной податью. Когда, например, в 1766 г. Войско обратилось в Военную коллегию с ходатайством о зачислении в казаки украинца Степана Савельева, то было приказано прежде всего выяснить, не состоит ли он в подушном окладе,[7] а в 1769 г. Военная коллегия в просьбе Войска перевести в казаки двух приписных — братьев Синеоковых отказала.[8] Однако и в это время состав казачьего Войска непрерывно пополнялся. Легче всего было попасть в казаки вольным, свободным людям, в числе которых были не только великоруссы и украинцы, но и поляки, молдаване, грузины.[9] Их, разумеется, было недостаточно, чтобы заполнить ряды казаков, особенно сильно редевшие в непрерывных войнах Российской империи во второй половине XVIII в. Поэтому правительство постепенно стало разрешать зачислять в казаки приписных. На первых порах такое право получали те приписные, кто шел по найму за казака на службу и участием в походах и боях приобрел право на звание казака.[10]

Но правительство и войсковые власти были заинтересованы в том, чтобы ряды казачества пополнялись за счет людей экономически более состоятельных. Поэтому они стали зачислять в казаки приписных независимо от их боевых заслуг в прошлом. Во второй половине XVIII в. правительство интересовалось прежде всего тем, чтобы они «были хорошего состояния» и могли «отправлять безостановочно казачью службу», а из них предпочтение отдавалось «женившимся на казачьих дочерях

[1] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 94, стр. 97; № 374, стр. 350—351; № 380, стр. 359—362; т. II, ч. II, № 389, стр. 372.
[2] Там же, т. II, ч. I, № 48, стр. 51.
[3] Там же, № 93, стр. 96.
[4] «Дон», 1881, № 5, стр. 40.
[5] ДОВ, 1853, № 20.
[6] Н. Л. Янчевский. Разрушение легенды о казачестве, стр. 40.
[7] Акты Лишина, т. III, № 38, стр. 77.
[8] П. П. Сахаров, Белое рабство на Дону. «Донская церковная старина», вып. III, стр. 175.
[9] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 205, лл. 3, 11, 16.
[10] К. В Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XIII, стр. 80.

и вдовах и [на] прижитых с ними детях», которые хотя и от малороссиянского рода, но по давнему отцов их и матерей в приписке жительству родились и взросли здесь при Войске». Правительство разрешало зачислять в казаки и неженатых, «ежели только по точному станицы той, в коей они жительствуют, сведению, исправны они своим поведением и по расторопности и промыслам их или художеству надежным сочтены будут на употребление в службу».[1]

Особенно широкие возможности для зачисления в казаки зажилых и оземейных из числа приписных появились во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Как показала Е. И. Дружинина, правительство по инициативе Г. А. Потемкина приняло в этот период ряд мер, направленных на увеличение русской армии за счет населения южной России путем создания новых и увеличения старых казачьих войск.[2] Считая также необходимым пополнить ряды Донского казачьего войска, Потемкин в 1789 и 1790 гг. направил на Дон несколько распоряжений, требуя любыми путями увеличить число казачьих полков. Так как наиболее подходящим резервом для этого были оземейные и зажилые, то 3 мае 1790 г. войсковой атаман Иловайский разослал сыскным начальникам особое распоряжение — срочно выяснить в станицах, «сколько из приписных во оных, а также и за частными тех станиц владельцами малороссиан окажется способных к службе», и «оным всем сочинить постанично именные списки».[3]

Такая политика правительства, разумеется, давала некоторые результаты. Только в течение русско-турецкой войны 1787—1791 гг. согласно донесению войскового атамана Иловайского Г. А. Потемкину от 8 июля 1792 г. было приписано в казаки 1703 человека.[4] Но политика правительства, направленная на увеличение казачьего войска, и стремление донского крестьянства войти в ряды казачества встречали сопротивление донских старшин. Поэтому, как доносило Войско в Сенат 11 мая 1802 г., за всю последнюю четверть XVIII в. из числа «пришельцев на Дон» было принято в казаки только 4453 человека.[5] Причину незначительного увеличения числа казаков за счет приписных Войсковая канцелярия пыталась объяснить тем, что она «увидела их слабости и неудобство, в которое она вовлечена была обманчивою наружностью поступивших в казаки; хотя из них были и люди такие, кои давали надежду к службе, но все они, не имея к тому навыка от молодых лет и будучи на своих местах или земледельцы, или люди в праздность попружненные, оказались бесполезными, тем еще более, что нередко происходят от них из полков побеги и другие постыдные по службе упущения, касающиеся до нарекания донских казаков, которые, и рождением, и воспитанием своим, получая свойственное предков их состояние, имеют особливые способности и усердие к службе, чем Войско сие приобрело славу, особливые милости и знаки своих государей».[6]

Однако действительная причина этого состояла совсем в другом. Превращаясь в течение XVIII в. в крупных и средних землевладельцев, донские старшины нуждались в большом количестве рабочих рук. Труд военнопленных, покупных крестьян и отходников лишь в незначительной степени мог удовлетворить эти потребности. Более широко использовался труд беглых. Но это приходилось делать нелегально, так как их укрывательство могло повлечь за собой всякого рода неприятности как старшинам, так и беглым людям.

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 160, л. 19; ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 35; ч. IV, д. 315, лл. 41—41 об.; Н. Л. Янчевский. Разрушение легенды о казачестве, стр. 47; К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XIII, стр. 80—81.

[2] Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье, стр. 187—191.

[3] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 160, л. 2.

[4] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 35; ч. IV, д. 315, лл. 41—41 об.

[5] Акты Лишина, т. III, № 124, стр. 222.

[6] Там же.

В то же время в XVIII в. на Дон непрерывно шло большое число людей свободных, прежде всего украинских крестьян, пользовавшихся, как уже отмечалось, до 1783 г. правом переходов. Их труд можно было применять без всяких ограничений. Для этого требовалось только, чтобы они, оказавшись на Дону, оставались в том же положении, в каком они были на прежнем месте жительства, т. е. являлись крестьянами. Вот почему старшины так энергично стремились преградить доступ в ряды казачества основной массе поселившихся на Дону крестьян. Осуществив это, старшины приложили все усилия к превращению крестьян в зависимых, а затем и закрепощенных людей. Этого старшины добились к концу XVIII в.

Так образовалось наиболее многочисленная группа неказачьего населения на Дону, к характеристике которой мы переходим.

3. КРЕСТЬЯНЕ

Численность крестьянского населения на Дону в XVIII в. росла во много раз быстрее, чем изменялось в этот же период число крестьян во всей России. Только по официальным данным переписей, в 1763 г. их насчитывалось 18876 человек мужского пола, в 1782 г.— 26579, а в 1795 г.— 54628 человек.[1] Такое резкое увеличение происходило не столько за счет естественного прироста населения, сколько за счет непрерывного притока на Дон крестьянского населения из Великороссии и Украины. Если казачьи городки XVI—XVII вв. строились главным образом вдоль берегов рек, то крестьяне селились в хуторах и слободах на неосвоенных еще пространствах, превращая всю Донскую землю в культурную область. Наряду с казачеством донскому крестьянству принадлежит большая заслуга в освоении и дальнейшем экономическом развитии Донского края.

Крестьяне, придя на Дон и не попав в ряды казачества, с самого начала оказывались в тяжелом положении. Уходя со старого места, они оставляли более или менее налаженное хозяйство, а тут все приходилось начинать заново. Большая часть имущества была брошена на старом месте или продана за бесценок. Здесь же всем надо было обзаводиться. Скот, измученный долгой и трудной дорогой, был слаб, а сельскохозяйственного инвентаря и семян не хватало.[2] К тому же все неказачье население не имело никаких прав на основное средство производства—землю, которая принадлежала Войску. Поэтому крестьяне вынуждены были работать в хозяйствах старшин и богатых казаков. На первых порах они работали по вольному найму и по существу ничем не отличались от бурлаков. Об их положении в этот период свидетельствуют данные переписи 1763—1764 гг. Приведем некоторые примеры. Житель Богаевской станицы (фамилия неизвестна) показал, что пришел на Дон из Переяславского полка в 1727 г. и до 1758 г. работал «по разным казакам».[3] Пришедший в 1740 г. из слободы Арнаутовой Белгородской губернии Михаил Петренков сообщил, что сначала « шел на Дон в Кагальницкую станицу, а оттуль, переходя по разным станицам, имел жительство по 1754 год. А в том году пришел я Бесергеневской станицы к казаку Петру Янченкову, у которого и по разным станицам с найма имею жительство».[4] Подобной же была судьба выходца из села Воронки Лубенского полка Павла Герасименки. По его словам, он «в 1744 г. шел ведомства войска Дон-

[1] Ср. П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 1, 1947, стр. 406—415; его же. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII в. «Исторические записки», т. 16.

[2] М. М. Шульгин. Землеустройство и переселения в России в XVIII и первой половине XIX в. Тр. Московского межевого ин-та по факультету землеустройства и переселения, М., 1928, стр. 66.

[3] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 284.

[4] Там же, л. 294.

ского на Аксайскую мельницу бывшего бригадира Ивана Васильева Фролова. А оттуль, переходя станица до станицы, имел жительство по 754 год. А в том году пришел на Дон в Раздорскую станицу к казаку Ефиму Сергееву, у которого, то ж по разным казакам с найма имею жительство».[1] Приведем еще одно показание крестьянина Валуйского уезда Филиппа Здоровцева, который «в прошлом 754 году сшел на Дон в город Черкасск, жил с найма по разным казакам по 759 год, а в том году пришел в Кременскую станицу и по разным казакам с найма до сего времени (т. е. до 1763 г. — **А. П.**) жительствует.»[2] Подобной была судьба многих свободных переселенцев, оказавшихся на Дону в конце XVII — первой половине XVIII в. Помимо переписи 1763—1764 гг., об этом свидетельствуют сохранившиеся в большом числе в Войсковой канцелярии протоколы допросов лиц, заподозренных в том, что они беглые. В 1754 г., например, украинский крестьянин Яков Найденко показывал, что «от роду ему 55 лет, уроженец Миргородского полка, городища Сотенного, заподлинно малороссиянин; откуль сшел назад тому 17 лет, а пришел на Дон и жил по разным казакам, работывал черную работою, и овец пас, будучи в Михайловской станице, где сего лета и прежде сих помянутой мельнице пас овец. И сего мая 24 дня живущей на оной мельнице великороссийской женке, а откуда она сошла, того не знает, Пелагеи, как отечеством, не знает, ... обвенчаны».[3]

Необходимость непрерывно «шататься меж двор» в поисках работы не устраивала крестьян, приходивших на Дон с семьями; обладая устойчивой привычкой к сельскохозяйственному труду, они стремились осесть и стать вольными земледельцами на вольной земле. Но земля принадлежала Войску, которое теперь лишь некоторых, наиболее зажиточных крестьян принимало в свои ряды. Для остальной массы крестьян оставалась единственная возможность — получить землю в надел от старшин, захвативших в свою личную собственность значительную часть войсковых и станичных угодий. Они охотно предоставляли ее крестьянам, но при условии выполнения ими феодальных повинностей в пользу старшин. Мы не можем определить точно, с какого времени крестьяне стали получать землю на этих условиях. Есть основания полагать, что такие отношения между старшинами и крестьянами складывались на Дону уже в первой четверти XVIII в. В «сказке» стольнику Кологривову, данной казаками Донецкого городка в 1703 г., упоминаются «захребетники», а в другом документе, относящемся примерно к тому же времени, говорится, что крестьяне, приходившие на Дон с семьями, сеяли хлеб на «наемной земле».[4]

Но если эти данные источников еще очень смутны, то о существовании феодальных повинностей во второй четверти XVIII в. источники говорят совершенно определенно. Первое известное нам свидетельство документов о выполнении крестьянами феодальных повинностей за землю, полученную ими от владельцев, относится к 1731 г. В переписи донских крестьян 1763—1764 гг. сообщается о том, что родившийся в сотенном городке Каменце в Слободской Украине «вольный черкашенин» Иван Максимов Мельник в 1731 г. «сшел на Донец в Луганскую станицу... и жил у казака Якова Волутского при мельнице из четвертой части по 754 год».[5] Примерно к этому времени относится еще одно свидетельство источников о характере феодальных повинностей донских крестьян. Оно, правда, очень неопределенное. В 1735 г. генерал-майор Тараканов начал заселять пустые места по речкам Белой Калитве и другим, предлагая переселенцам следующие условия: «А как людей

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 351.
[2] Там же, л. 658.
[3] ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 21, л. 40.
[4] ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, ДД, 1707, № 1; дела разрядные, кн. № 13, л. 434.
[5] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 884.

соберется довольно, тогда с совета с лучшими людьми и со всеми той слободы людьми положен будет чинш легкой, а пашни и никакой работы панской не будет».[1]

Следующее по времени сообщение о характере феодальных повинностей донских крестьян относится к 1744 г. Как свидетельствует поверочная перепись 1764 г., родившийся в Слободской Украине «вольный черкашенин» Абрам Лавренов Коструба в 1744 г. «пришел на речку Иловлю, на мельницу господина войскового атамана Степана Даниловича Ефремова... и жил на предписанной мельнице с четвертой части по 754 год. А в том году пришел на речку Чир и жительствует при мельнице у казака Лосева из четвертой части до сего времени», т. е. до 1764 г.[2]

В той же переписи находим немало сведений о характере феодальных повинностей донских крестьян, установившихся к 1763—1764 г. В 1756 г. пришел в Грушевские хутора уроженец гор. Ромны украинский крестьянин Данила Рядченко и поселился у старшины Абросима Луковкина, за которым был записан в 1763 г. За работу на земле старшины он получал «с хутора ево сеенова хлеба третью часть».[3] В 1763 г. были положены в подушный оклад крестьяне, поселившиеся на землях казака Фаддея Максимова, отец которого старшина Максим Гуляев построил здесь мельницу по данной ему войсковой грамоте. По показанию Фаддея Максимова, «в подушный семигривенный оклад... положено 84 души, а ныне (в 1764 г. — А. П.) из показанного числа за побегом других в наличности оных состоит за мною точию 74 без всякого положенного на них денежного и другого оброка, кроме того, что токмо один день в каждой недели исправляют мою надобность безденежно».[4] Во время переписи 1763 г. за походным есаулом Иваном Платовым при его хуторе и мельнице на речке Деркуле был записан 61 крестьянин. В поверочной переписи 1764 г. отмечено, что «оброку с них никакого не збирается и только безденежно два дни косят, тож в хуторских и мельничных правлениях случайное чинят вспоможение».[5] Показания во время переписи многих из крестьян, поселившихся в хуторе полковницы Мавры Краснощековой, были зафиксированы следующим образом: «И в оклад записан, и от оной ничего не получаю, и оброку никакого не плачу», «только временем в хуторе ее имею послушание». Подобным же образом записаны показания крестьян, живших на хуторе вдовы Варвары Фроловой и у многих донских старшин.[6]

Приведем еще один пример. Правительственным указом от 4 июня 1711 г. Троицкий Мигулинский монастырь получил право «владеть пашенными землями и сенными покосы и лесными угодьи от того их монастыря по Дону вниз с Крымской стороны до Решетовского юрта».[7] На каких условиях первоначально селились крестьяне — неизвестно, но во время переписи 1763—1764 гг. они уже «на монастырь косят сено и жнут хлеб в недели по одному дню; то ж в монастырских исправлениях чинят обыкновенное вспоможение».[8]

Все эти факты совершенно определенно говорят о том, что уже во второй четверти XVIII в. донские крестьяне обязаны были нести барщинную повинность.

О том, что крестьяне несли повинности за полученный ими надел, источники свидетельствуют неоднократно. Перепись 1764 г., как прави-

[1] ДВ, 1867, № 47.
[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 959/1055.
[3] Там же, л. 81 об.
[4] Там же, л. 1400.
[5] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 1047 об.
[6] Там же, лл. 84—88 об., 89 об.—90 и др.
[7] Там же, св. 138, л. 88.
[8] П. Сахаров. Белое рабство на Дону, «Донская церковная старина», вып. III, стр. 164.

ло, точно оговаривала, за счет каких угодий обеспечивались довольствиями донские крестьяне. В приводимом уже примере о 61 приписном крестьянине Ивана Платова точно указано, что они «пашнею, сенными покосами и протчим довольствуются по вышеописанной речке Деркулу».[1] В других случаях отмечается, что крестьяне «семьянистые пашнею, сенными покосами и протчим довольствуются во владелом станичном юрте»[2] и т. д.

По тем же данным источников можно судить и о величине барщинной повинности крестьян. Во второй и в начале третьей четверти XVIII в. крестьяне, как правило, работали на владельца один день в неделю, а остальные дни на своем поле или целиком на барщине, получая четвертую — третью часть урожая. Сравнительно нетяжелая барщина в это время объясняется тем, что донские землевладельцы, обзаводясь хозяйством с применением крестьянского труда, вначале крайне нуждались в рабочей силе и предоставляли крестьянам сравнительно льготные условия, тем более, что крестьяне еще пользовались правом перехода и в любой момент могли уйти от своих временных владельцев. Известно немало случаев, когда землевладельцы на несколько лет отказывались от барщины, а иногда даже платили крестьянам в течение 5—6 лет ежегодно некоторую сумму денег с тем, чтобы последние после обзаведения хозяйством несли барщину.[3] По мере же того, как крестьяне оседали на земле, и вместе с ограничением прав крестьянских переходов барщинная эксплуатация на Дону очень быстро усиливалась.

Посетивший Донской край в 1768/69 гг. академик С. Г. Гмелин отметил тяжелое положение донских крестьян, которые, по его словам, работали «на своих начальников, как подчиненные и по принуждению».[4] Сообщение Гмелина не содержит сведений о размере крестьянской барщины, но из других данных видно, что уже в это время, а особенно в 80-х годах XVIII в., она превышала 2 дня в неделю. Вспышки классовой борьбы заставляли войсковые власти законодательными мерами ограничивать барщинную эксплуатацию крестьян. В 1783 и 1784 гг. войсковой атаман А. И. Иловайский издал приказы, в которых, разрешая землевладельцам использовать на барщине всех крестьян не моложе 18 лет, предупреждал, чтобы она не превышала двух дней в неделю.[5] В приказе Войскового правительства от 6 ноября 1788 г. снова указывалось, что барщинная работа крестьян «по учиненному в правительстве положению» должна быть «в неделю по два дня», но не более.[6] Однако донские помещики не считались с этим. Так, в 1788 г. крестьяне казака Алексея Фомина жаловались, что он заставлял их работать более двух дней в неделю. У крестьянина «Павла Гречки, — писали они, — при жестоком бое из рук выбили из рота зуб за то только, что он не пошел в одной недели третий день со всем семейством [выполнять] работу; Макара Григорьева за то ж самое били немилостиво».[7]

Факты, приводимые в документе, подтверждаются преданием, согласно которому в 80—90-х годах XVIII в. барщинная работа крестьян у отдельных владельцев достигала 3—4-х дней в неделю.

Быстрое увеличение барщины во второй половине XVIII в. является одним из показателей общих изменений, происходивших на Дону. В этот период земля Донская втягивалась в орбиту складывавшегося всероссийского рынка. С каждым годом хозяйство новоявленных донских поме-

---

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 1047 об.
[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 1052—1052 об.
[3] Там же, лл. 17, 81, 83—89 об., 95, 129, 152 об., 179 об., 850, 854—863, 865 и др.; св. 118, л. 66 об.; св. 119, л. 233, ДВ, 1867, № 47.
[4] С. Г. Гмелин. Указ. соч., ч. 1, СПб, 1771, стр. 268—269.
[5] К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XIII, стр. 93.
[6] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 695, л. 10.
[7] Там же, л. 9 об.

щиков—старшин и верхушки казачества приносило им все бо́льшие доходы, и они стремились к дальнейшему увеличению их.

Если большинство землевладельцев предоставляло крестьянам землю при условии выполнения ими прежде всего барщинной повинности, то некоторые сверх барщины или взамен ее заставляли крестьян платить оброк. Сведения об оброчной повинности до 1764 г. в источниках почти не встречаются.[1] Напротив, многие документы, к числу которых относится и поверочная перепись 1764 г., прямо указывают, что в это время крестьяне никакого оброка не платили.[2] Это объясняется тем, что крестьяне были еще «не крепки» у своих владельцев. Но после переписи и в связи с развитием на Дону во второй половине XVIII в. товарно-денежных отношений в некоторых хозяйствах барщина заменялась, а в отдельных случаях дополнялась оброком. Сманивая в 1765 г. к себе крестьян, известный землевладелец Дона Михаил Себряков предлагал им «на оброке за платеж денег по одному рублю с семьи и за косьбу три дни безденежно сена».[3]

Появление оброка способствовало распространению отходничества среди донских крестьян. Уже в 60-х годах XVIII в., как отмечают источники, большое число донских крестьян находилось «по разным людям в работах».[4] О том, что из приписных многие «на одних местах не живут, а отходят в работы, и на рыболовство, и для других промыслов, кому в чем удобность есть», и что этим создаются трудности при сборе подушных податей, отмечалось в царском указе от 22 апреля 1766 г.[5] и в войсковом приказе от 9 марта 1766 г.[6] В дальнейшем отход донских крестьян получил еще большее распространение.[7] В это время многие из приписных уходили на заработки за пределы области войска Донского. Так, в 1768 г. значительное число их было отпущено «для вырабатывания на платеж подушных денег в малороссийские и великороссийские городы»,[8] в 1798 г. большая группа приписных, «живущих в донских станицах», работала на Луганском литейном заводе[9] и т. д.

Как ни тяжелы были повинности в пользу землевладельцев, ими не ограничивалась крепостническая эксплуатация донских крестьян в XVIII в. И до переписи 1763—1764 гг., а особенно после нее приписные крестьяне обязаны были нести многие натуральные повинности — станичные, войсковые и государственные. Некоторые из этих повинностей стали возлагать на донских крестьян уже в 40-х годах XVIII в. В приказе войскового атамана от 14 октября 1746 г. атаману и казакам Середней станицы указывалось, что крестьян «не токмо для возки подвод (имеется в виду подводная повинность. — А. П.) они употребляют, но сверх того накладывают на них годовую почтовую гоньбу и другие станичные тяготы, которые им снести невозможно».[10] Как видно из дальнейшего текста приказа, войсковой атаман пытался уменьшить тяжесть натуральных повинностей. Но так было лишь первое время. В дальнейшем станичные, войсковые и государственные повинности продолжали расти, а правительство и войсковые власти не принимали почти никаких

[1] В 1735 г. генерал-майор Тараканов, как уже отмечалось, собирался возложить на своих крестьян «чиш легкой». В этом сообщении можно видеть указание на оброк. Но, во-первых, это единственный факт, а, во-вторых, он относится не к донскому землевладельцу, а к русскому помещику, пытавшемуся овладеть донскими казачьими землями и поселить на них своих крестьян.

[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 33 об., 1000 и др.

[3] Там же, лл. 1, 10 об. и др.; св. 118, л. 56 об.; К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XIII, 1915, стр. 48.

[4] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 576, л. 1; д. 586, л. 10; д. 600, лл. 5—5 об.

[5] Акты Лишина, т. III, стр. 84—85.

[6] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 576, л. 1.

[7] Там же, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 448; оп. 3, д. 5, л. 61.

[8] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 596, л. 1.

[9] ЛОГА, ф. 1, оп. 1, д. 73, лл. 6—11.

[10] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 504, лл. 1—1 об.

мер к их сокращению. Даже ямская гоньба долго лежала на плечах донских крестьян и была отменена лишь войсковою грамотою от 18 марта 1776 г., а между тем эту повинность не знали помещичьи крестьяне центральных губерний России.[1] Представители войсковых и станичных властей с особенным усердием требовали выполнения крестьянами возложенных на них натуральных повинностей и строго следили, чтобы владельцы осуществляли за этим контроль.

Невозможно перечислить все натуральные повинности, которые должны были нести крестьяне. Архивы станичных правлений буквально заполнены распоряжениями на этот счет. Наибольшее число распоряжений относится к назначению крестьян для выполнения всякого рода казенных и войсковых работ. В отдельных случаях для этой цели наряжалось несколько сот человек, а иногда и до тысячи.[2] Особенно часто крестьянам приходилось выполнять всякого рода работы в приазовских портах, а также при сооружении и ремонте крепостей. По сведениям Войсковой канцелярии, ежегодно направлялись «на суда в крепость св. Димитрия 189 человек, в Таганрогскую — 270 и, кроме того, в крепость для работ — 1 пеший и с телегами — 18, всего 478 человек».[3] Помимо этого, крестьяне выполняли всякого рода срочные работы. Так, в июне 1789 г. по распоряжению правительства в Таганрогский порт было отправлено 200 человек «для провода кораблей в скором времени, дабы не упустить способного времени и корабли приготовить на службу»,[4] в середине марта 1791 г. для провода кораблей туда же было направлено еще 300 человек из приписных за станицами и владельцами,[5] а по распоряжению Войскового правительства от 3 апреля 1792 г. следовало «на провод из Роговской верфи через Кутеремский форватер корабля нарядить 300 человек малороссиян (т. е. приписных крестьян. — **А. П.**) из ближайших селений (они перечисляются)... с месячным провиантом» и «отправить на их подводах при именных списках».[6] В один день — 29 июня 1795 г. было издано сразу два приказа Войскового правительства. Согласно первому, предписывалось «для перевозки кирпичей к каменному войсковому строению и других работ учинить наряд... ста человекам пешим и пятидесяти с пароволовыми каждого по одной подводами»,[7] а по второму для проведения других войсковых работ предписывалось выделить из числа приписных за станицами и владельцами от каждых ста человек двух пеших с трехмесячным провиантом.[8] В одном из войсковых приказов, посланных в Верхнюю Чирскую станицу, предписывалось нарядить «с приписных за их станицею по первой и второй ревизии в казенные и войсковые работы» 42 человека.[9] Войсковых работ было, видимо, так много, что в распоряжении Войсковой канцелярии всегда находились не только из числа казаков, но и из приписных крестьян «войсковые плотники», «войсковые каменщики» и другие ремесленники, которые наряжались станицами на длительный срок и постоянно находились в Черкасске.[10] Помимо этого, для выполнения всякого рода срочных работ по назначению Войска ежедневно направлялось в разные места определенное число приписных, часть из которых должна была идти с тягловой силой.[11]

[1] ДВ. 1867, № 47.
[2] К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XIII, стр. 77; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 341, л. 1.
[3] К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XIII, стр. 57.
[4] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1035, лл. 27—27 об.
[5] Там же, д. 241, л. 25.
[6] Там же, ф. 341, оп. 1, д. 27, лл. 824—824 об.
[7] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 1070, л. 25.
[8] Там же, д. 1051, л. 42 об.
[9] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 587.
[10] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 237, л. 16; д. 222, л. 8; д. 223, л. 7.
[11] Там же, д. 179, л. 12; д. 1018, л. 25 об.; д. 1051, л. 46; д. 1035, л. 55 об., 76; д. 1025, л. 45; д. 1043, л. 49 об. и др.

Столь же обременительным являлось для крестьян выполнение подводной повинности, отрывавшей крестьян и тягловую силу от хозяйства часто на длительный срок. Распоряжения о подводной повинности встречаются в архивах станичных правлений очень часто. 5 марта 1789 г. для перевозки из Ростовской крепости в Черкасск 200 кулей овса на корм почтовым лошадям приказано было выделить десяти черкасским станицам 40 лошадей с подводами,[1] а вслед за этим для выполнения подводной повинности потребовалось еще 6 человек с тягловой силой, которых опять-таки приказано было нарядить из тех же станиц.[2] В марте 1791 г. для работы в Таганрогском порту срочно потребовалось 8 человек, которые направлены были от черкасских городских станиц. Для быстрейшей доставки их на место работ было приказано выделить 2 подводы с проводником.[3] В 1792 г. выполнялись какие-то большие войсковые работы. В связи с этим одно за другим следуют 4 распоряжения Войсковой канцелярии о наряде «пристойного числа подвод с погонщиками».[4] Очень широко подводная повинность крестьян использовалась для доставки провианта.[5]

Во второй половине XVIII в. подводная повинность имела тенденцию превратиться в дополнительный государственный налог. Так, определением Войскового правительства от 21 августа 1789 г. отмечалось, что для перевозки войскового провианта «употреблено из войсковой суммы денег сто двадцать рублей»; эту сумму было «велено при подушном сборе расположить на всех приписных по войску Донскому малороссиян и, взыскав, возвратить в войсковую сумму».[6]

Тяжелым бременем лежала на крестьянах и постойная повинность. Во второй половине XVIII в. она настолько увеличилась, что даже войсковые власти, которые ранее, как правило, не обращали никакого внимания на то, насколько она по силам крестьянам, теперь вынуждены были вмешиваться и добиваться более равномерного ее распределения между крестьянами. Так было, например, в Миусском округе. Как указывалось в определении Войскового правительства от 2 декабря 1790 г., там уже в ноябре в каждом крестьянском доме находилось по одному рекруту. Вскоре там же расположились кавказские мушкетерские батальоны. Даже Войсковое правительство вынуждено было признать, что «жители претерпевают от многого количества солдат крайнюю нужду». А так как это усиливало недовольство крестьян, то оно предписало расширить район расположения войск на постое, придерживаясь принципа, «чтоб в каждом доме не более одного постояльца было, изъемля токмо от сего постоя одну слободу господина генерал-майора и кавалера Мартынова, по причине имеющегося уже в ней квартирования рабочих для рубки на корабельное казенное строение леса».[7]

Однако даже в последнем десятилетии XVIII в. войсковые власти не всегда вмешивались в распределение постойной повинности между крестьянами, а это приводило к тому, что в отдельных районах постойная повинность стала особенно тяжелой. Так, например, 11 марта 1796 г. было приказано в хуторах черкасских станиц расквартировать 200 человек «из состоящей за Доном при хуторах казачьей команды», а 13 марта «в добавок к двумстам человекам» было приказано там же расположить по квартирам еще 100 человек из той же команды.[8] Крестьяне, селения которых были расположены вдоль больших дорог, поми-

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1035, лл. 58—58 об.
[2] Там же, д. 1043, л. 49.
[3] Там же, д. 1045, лл. 5 об.—6.
[4] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1066, лл. 28—28 об.
[5] Там же, д. 1018, л. 30 об., д. 708, л. 38 об.
[6] Там же, ф. 339, оп. 1, д. 258, л. 2.
[7] Там же, ф. 341, оп. 1, д. 27, лл. 174 об.—175.
[8] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1064, лл. 10—11.

мо приема и содержания военных частей, должны были непрерывно содержать и проезжавших чиновников.

Чем больше развивался обмен и чем многообразнее становились внутренние связи, тем более увеличивались подводная и постойная повинности. Столь же интенсивно во второй половине XVIII в. возрастала тяжесть других натуральных повинностей крестьян.

Чтобы избавить себя от крайне обременительных станичных и войсковых обязанностей, крестьяне неоднократно пытались скрыться в старшинских хуторах, владельцы которых охотно укрывали крестьян, чтобы эксплуатировать их «на своих партикулярных работах». Сами они также стремились уклониться от несения станичных повинностей. Войсковое правительство, удовлетворяя притязания донских старшин и богатых казаков, в 1791 г. согласилось, «что полковые чиновники, яко состоящие в офицерском, а не в казачьем звании, к таковой тягости (подводной, постойной и др. — **А. П.**) в равне с казаками принуждены быть не должны», и избавило их от несения станичных повинностей.[1] Однако, защищая сословные интересы казачьей верхушки, оно вело решительную борьбу против попыток укрыть под каким-либо предлогом рядовых казаков и крестьян от выполнения станичных и войсковых повинностей. 3 июля 1777 г. определением Войскового правительства строго наказывалось «послать грамоту и велеть, всех жительствующих на хуторах казаков и малороссиян собрав, подтвердить им накрепко, чтоб они на хутора отъезжали временно и с позволения атамана, а не имеющие домов старались построить с тем, если они в станице жить не будут, то хутора их будут разорены, в чем и обязать их подпиской».[2] И хотя это распоряжение неоднократно нарушалось, Войско принимало энергичные меры к розыску виновных и жестоко наказывало их (см. определения Войсковой канцелярии за 1779, 1780, 1790 гг. и другие, хранящиеся в ГАРО).

Свои действия войсковые власти объясняли тем, что в случае уклонения от повинностей одних, они перекладывались бы на других, в связи с чем возникало опасение, «дабы прочие их братья, отправляющие тягости, не пришли во изнурение и бедность».[3] «Заботу» о благосостоянии крестьянских хозяйств войсковые власти проявляли и в других случаях, издавая иногда приказы, чтобы крестьян «во излишние тягости, кои до них не принадлежат, отнюдь не употребляли».[4] Но эта забота объясняется лишь стремлением властей обеспечить «исправное» выполнение все возраставшего числа войсковых и станичных повинностей. Об этом можно судить хотя бы по тому, что Войсковая канцелярия всячески препятствовала освобождению крестьян от «тягостей» и работ даже по старости и в случае серьезных заболеваний.[5]

Стремясь обеспечить возможно более «исправное» выполнение повинностей, войсковые власти пытались связать крестьян круговой порукой. 15 ноября 1787 г. Войсковым гражданским правительством было приказано выбирать из крестьян станичных (слободских и хуторских) старост, атаманов.[6] На первых порах они избирались «для одного наблюдения при нарядах порядка взыскания подушных денег».[7] Очень скоро войсковые власти убедились в том, что, связанные круговой порукой, крестьяне более исправно выполняли натуральные повинности. В связи с этим в изданном специально по приказе Войскового правительства от 22 сентября 1788 г. предписывалось «избирать над малороссиянами

[1] ГАРО, ф. 338, д. 1041, лл. 56—56 об.
[2] И. Сулин. Исторические данные, относящиеся к колонизации земли Донского войска, ДОВ, 1902, № 146.
[3] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1008, лл. 48—48 об.; см. также д. 434, л. 3.
[4] Там же, д. 694, л. 35 об.; ф. 339, оп. 1, д. 69, л. 1.
[5] Там же, д. 1025, лл. 18 об.—19; д. 1035, л. 41 об.
[6] Там же, д. 1017, лл. 32—32 об.
[7] Там же, д. 288, лл. 28—28 об.

из них самих людей доброго состояния, одомовленных и зажиточных, в атаманы и есаулы». Помимо сбора подушных податей, атаманам вменялось в обязанность, чтобы «малороссиян же наряжали б в работы и тягости по требованиям станичных атаманов оные малороссийские атаманы неотложно». [1]

Натуральные повинности крестьян являлись одним из видов феодальной отработочной ренты.[2] Они сохранили свое значение вплоть до отмены крепостного права на Дону. Господство натурального хозяйства и недостаток наемной рабочей силы способствовали сохранению этой запоздалой формы отработочной докапиталистической ренты, которая перерастала в форму государственного налога.

Изыскивая средства для покрытия непрерывно возраставших во второй половине XVIII в. государственных расходов, крепостническое правительство обратило свое внимание на значительную группу еще окончательно незакрепощенного населения, не состоявшего в рядах казачества — на донских крестьян. В 1763 г. они были включены в третью общероссийскую перепись и обложены, как и остальное податное население России, семигривенным окладом. К барщине и большому числу натуральных повинностей добавились теперь государственные подати.

Подать, которой были обложены все «души» мужского пола, не несшие государственной службы, независимо от степени трудоспособности, с первого же момента оказалась крайне обременительной для донских крестьян. Едва справлявшиеся с прочими повинностями, они с большим трудом выплачивали семигривенный оклад. И несмотря на то, что все внимание правительства и местных властей было обращено на обеспечение своевременного сбора подушных податей, недоимки по государственной подати непрерывно росли. Уже в конце 1765 г. ответственный за сбор подушных податей на Дону комендант Ростовской крепости генерал-майор Потапов доносил, как нерегулярно и с каким недобором они собирались. По данным Потапова, в 1763 г. было собрано 10092 р. 40 к., в 1764 г. — 3598 р. 60 к., в 1765 — 22646 р. 70 к., а всего за 3 года — 36337 р. 70 к.[3] Как указывал Потапов в другом документе, «ежели [б] во всех годах окладная сумма в сборе была, то надлежало б быть 42 тысячи 646 рублей 70 коп., а собрано только 36 тысяч 337 руб. 70 коп., затем в недоборе 6 тысяч 548 руб. 50 коп.».[4]

Такая значительная сумма недоимок, накопившихся за 3 года, составлявшая около 13% общего сбора по подушному семигривенному окладу, обеспокоила правительство. В том же 1765 г. на Дон был направлен указ Сената, которым устанавливался строгий порядок сбора подушных податей, а для успешного выполнения его обер-комендантом Ростовской крепости было составлено «Наставление, каким образом с приписавшихся в войске Донском малороссиян положенный с них в годовой семигривенный оклад собирать надлежит». Как указывалось в этих документах, главная задача должностных лиц на Дону должна бы-

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1025, лл. 7—7 об.

[2] Ср. Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа. П. Д. Киселева, т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946, стр. 46—47.

[3] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 138, л. 202.

[4] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 574, л. 26. Очень близки к данным Потапова, хотя и несколько с ними расходятся, сведения ведомости, присланной от войска Донского о том, «что с состоящих в том Войске черкас в нижеписанных годах в сборе было по подушных денег»: в 1763 г.—1232 р. 80 к., в 1764 г.—10183 р. 20 к., в 1765 г.—10788 р. 40 к., в 1766 г. — 11008 р. 90 к., в 1767 г. — 11379 р. 90 к. Всего было собрано 56682 р. 20 к.

«Да сверх того з даваемых им паспортов пошлинных 28 руб. 90 коп». Расхождения в цифрах следует объяснять тем, что Потапов в ежегодную сумму причитающихся и полученных канцелярией денег включал и все старые долги. Согласно представленным войском Донским сведениям, общая сумма подушных податей за 1763—1768 гг. исчислялась в 64884 р. 50 к., следовательно подушная подать за 1768 г. равнялась: 64884 р. 50 к. — 56682 р. 20 к. = 12202 р. 30 к. (ЦГВИА, ф 13, оп. 107, св. 138, лл. 219—219 об.).

ла состоять в том, чтобы «особливо стараться положенный с малороссиян подушный годовой оклад собирать не только сполна, но и в сроки без послабления».[1] Поэтому в «Наставлении» предписывалось, чтобы годовой оклад подушных денег собирался станичными атаманами с донских крестьян до наступления каждого полугода, а «по прошествии каждого полугода в первом месяце крепости святого Дмитрия Ростовского в гарнизонную канцелярию отправлять, которой, принимая, и записывать в приход, и в Коллегию и в Главный Комиссариат отправлять».

Помимо установления строгого порядка в сборе подушных податей, принимались и другие конкретные меры, направленные на то, чтобы «платеж сих (подушных. — А. П.) денег верно и исправно в казну поступал без наималейшей недоимки». Особое значение имел пункт 4 «Наставления», по которому ответственность за исправное поступление с крестьян подушных податей возлагалась на владельцев и станичных атаманов, «а чтобы в сборе тем помешательства не делалось», самовольные переходы крестьян от одного владельца к другому запрещались.

Как видно из других пунктов «Наставления», крестьянам разрешалось уходить на заработки, но при условии получения ими паспортов с указанием возраста и внешних примет, а также при наличии поручителей с тем, чтобы в случае, «ежели иногда из них кто на сроки или вовсе не явится, то поручители подушные деньги за тех платить имели бездоимочно» (пункт 9). Таким образом, стремясь обеспечить регулярное поступление подушных податей в казну, правительство способствовало усилению крепостнической зависимости донских крестьян от их владельцев и уничтожению сохранившегося еще за ними права свободных переходов.

Правительство и войсковые власти и в дальнейшем использовали любые средства, чтобы обеспечить поступление государственных податей. Один за другим публиковались приказы с предупреждением о жесточайшем наказании за «наималейшие» упущения в сборе подушных денег. В 1772 г., например, было «подтверждено о жестоком штрафовании владельцев», не обеспечивших взнос подушных денег: «чиновные взысканием в казну из собственного их капитала двойных денег, а казаки наказанием плетьми».[2] В 1786 г. было приказано владельцев, которые не обеспечили своевременный взнос их крестьянами подушных податей за два предыдущих года, подвергнуть аресту и «держать... без выпуску, доколе не заплатит каждый за своих малороссиян всех подушных денег».[3]

Эти меры правительства и войсковых властей имели своим следствием усиления нажима со стороны владельцев на крестьян. Между тем экономические возможности мелкого крестьянского хозяйства были крайне ограниченными; крестьяне с трудом справлялись с выполнением непрерывно возраставших барщинных и натуральных повинностей, а задолженность по выплате государственных податей продолжала расти. С 1773 по 1776 г., за 4 года, по подушному окладу за крестьянами накопилось недоимок в размере 20240 р. 8 к.[4] Если учесть, что по переписи 1763 г. на Дону числилось 18876 крестьян, а по ревизии 1783 г. — 26579, то можно считать, что в промежуточные годы число донских крестьян, обязанных платить семигривенный оклад, не могло превышать 25 тысяч. Ежегодная подушная подать с них должна была исчисляться в сумме не более чем 17,5 тыс. руб., а за 4 года — в 70 тыс. руб. Следовательно, недоимка в 20240 р. 8 к., накопившаяся за 1773—1776 гг., со-

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 574, лл. 26—31; см. также д. 582, лл. 16—21.
[2] Там же, д. 614, лл. 2—2 об.
[3] Там же, д. 1008, л. 47; см. также л. 32 об.
[4] С. Щелкунов. Войско Донское при атамане Алексее Ивановиче Иловайском СОВДСК, вып. X, стр. 27.

ставляла во всяком случае не менее 28,5% от общей суммы подушного оклада за эти годы. Если сопоставить ее с задолженностью за 1763—1765 гг., составлявшей 13% от общей суммы подушного оклада, то станет ясно, как быстро росли недоимки донских крестьян по подушной подати.

Так как никакие угрозы и наказания не обеспечивали исправного взноса семигривенного оклада, а, наоборот, недоимки продолжали расти, то войсковые власти решили связать крестьян в выплате подушных податей круговой порукой. Приказом Войскового правительства от 15 ноября 1787 г. предписывалось «поручить таковой сбор слободским и хуторским их (крестьянских. — А. П.) атаманам или прикащикам, у коих тех денег им, владельцам, не принимать, а сами б они, атаманы или прикащики, собирая благовременно, доставляли в правительство при «сказках».[1] Войсковые власти принимали меры, направленные на то, чтобы в атаманы и есаулы избирали «людей доброго состояния, одомовленных и зажиточных».[2] Но и они не были в состоянии обеспечить сбор подушных податей со всех крестьян. Мало помогала этому и «круговая порука», так как зажиточные крестьяне не имели достаточных средств, чтобы платить за всех «недостаточных». Приводя к расколу крестьян, эта мера по-прежнему не обеспечивала своевременной выплаты государственных податей, а недоимки росли.[3] Причина этого заключалась в тяжелом экономическом положении крестьян и непосильном крепостном гнете, который испытывали они во второй половине XVIII в.

В последнем десятилетии XVIII в. к непрерывно увеличивавшимся барщинным и натуральным повинностям, а также к бремени государственного налога, присоединилась рекрутская повинность. Она была введена на Дону еще до окончательного закрепощения крестьян — 1 февраля 1795 г., а осенью того же года производился на Дону набор 53 рекрутов.[4] Рекрутская повинность для донских крестьян была столь же обременительна, как и для крестьян все Российской империи.

Усиление феодально-крепостнического гнета на Дону выразилось также в резком ограничении сословных прав донских крестьян.

Право свободных переходов, которым первоначально пользовались крестьяне на Дону, было почти единственным средством, имевшимся в их распоряжении для защиты своих интересов от растущего крепостнического угнетения. Однако в сохранении этого права не были заинтересованы владельцы приписных крестьян, войсковая администрация и государственная власть, которые видели в ограничении крестьянских переходов единственное средство обеспечения исправного выполнения крестьянами феодальных повинностей и выплаты государственных податей. Чем быстрее развивались на Дону феодальные отношения, чем больше росла потребность в крепостном труде, тем резче ставился вопрос о закреплении крепостных за владельцами, об ограничении свободы крестьянских переходов.

Решающее значение в ликвидации права крестьянских переходов принадлежит переписи 1763 г., в результате которой крестьяне были записаны за владельцами. Хотя целью ее был учет крестьянского населения на Дону и обеспечение исправной выплаты государственных податей, владельцы, за которыми записывали крестьян, стали трактовать эту запись шире, объявляя всех крестьян, уходивших от них после переписи 1763 г., беглыми.[5] Правда, ввиду отсутствия специального указа на этот счет представители государственных и войсковых властей не

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1017, лл. 32—32 об.; д. 1787, лл. 15—15 об.
[2] Там же, д. 1025, лл. 7—7 об., д. 1035, лл. 38 об.—39.
[3] Там же, ф. 339, оп. 1, д. 254, л. 5; ф. 338, оп. 1, д. 61, л. 90.
[4] Там же. ф. 338, оп. 1, д. 1056, лл. 92—95.
[5] ЦГВИА, ф. 13, оп. 137, св. 105, лл. 88 об., 92 об., 113 об., 123 об., 126 об., 127, 141, 146, 149—151 и др

могли принимать административных мер по борьбе с уходами крестьян от их владельцев. В связи с этим комендант Ростовской крепости генерал-майор Потапов в 1765 г. доносил в Военную коллегию, что украинские крестьяне — «малороссы» — «по всему Донскому войску жительствуют и вольно из места в место, куды хотят, переходят, а он без особого на то указу вступаться должности никакой и не имеет».[1] Об этом же Потапов донес и в начале 1766 г.[2]

В ответ на представление Потапова, а также с целью удовлетворения притязаний донских старшин Военной коллегией было предписано, а в известном уже нам «Наставлении» о сборе с крестьян подушного оклада от 20 октября 1766 г. объявлено, чтобы «из одной в другую станицу, ниже от одного владельца к другому черкас собою не переводить и не переписывать, но быть им в тех местах, где кто доныне написан, навсегда».[3] Согласно «Наставлению», крестьянам разрешалось уходить на заработки при наличии паспортов, выдача которых зависела от владельцев и чиновников. Но это отнюдь не означало, что крестьяне сохраняли за собой право переходов от одних владельцев к другим. Наоборот, как свидетельствуют документы, и владельцы, и войсковые власти, и государственные чиновники в своей повседневной практике исходили из того, что уже с конца 60-х годов XVIII в. крестьяне не имели права самовольно уходить от одного владельца к другому. Когда, например, в 1768 г. 7 семейств приписных крестьян ушли из хутора казака Кумшацкого и поселились за Донцом в «новопоселенной» слободе Ольховой, состоявшей под ведением Бахмутского гусарского полка подполковника Шевича, то старшина по сыску и высылке беглых Николаев «от него, Шевича, яко вышедших самовольно о высылке к нему, а при том и по каким обстоятельствам они в той слободе жительством содержатся, письменного уведомления требовал».[4] Шевич пытался удержать крестьян у себя. Между ним и Кумшацким возник конфликт, затянувшийся на несколько лет. Дело дошло до правительства, которое признало требование Кумшацкого законным. Грамотой от 8 января 1771 г. Шевичу предписывалось вернуть крестьян казаку Кумшацкому.[5] В 1768 г. к жене генерал-майора Краснощекова самовольно перешли на жительство крестьяне казака Луганской станицы Афанасия Стехина. Стехин подал жалобу и, несмотря на все влияние в Войсковом правительстве генеральши Краснощековой, ей удалось удержать за собой крестьян только до 1776 г., а потом пришлось передать владельцу.[6] В 1789 г. в расположении Ростовской крепости поймали «праздношатающегося, без письменного вида», приписного Прокофия Ковалева. Войсковым правительством было «приказано его, Ковалева, чтобы он впредь не отваживался, наказать на рынке кошками». Вместе с тем всем владельцам было подтверждено, чтобы «малороссиян ни на самократчайшее время без письменных видов в крепость святого Димитрия и никуда не отпущали, и сами они туда и никуда без оных не отлучались с тем, что они за преслушность того, в случае поимки их жестоко будут наказаны».[7]

Впрочем, на протяжении всей последней четверти XVIII в. случаи перехода крестьян от своих владельцев еще наблюдались. Но правительство не препятствовало этому, если переходы соответствовали его интересам. Так, в 1770 г. комендант Таганрогской крепости Дежедерас заселял район крепости приписными, принимая в числе прочих и владельческих крестьян. Узнав об этом, старшины и богатые казаки подали

---

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 138, лл. 78—79.
[2] Там же, л. 146.
[3] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 574, лл. 26—31.
[4] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 118, л. 418 об.
[5] Там же, л. 430; Акты Лишина, т. III, № 79 и 83.
[6] К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XIII, 1915, стр. 86.
[7] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1035, л. 34 об.; д. 288, лл. 21—22.

в Военную коллегию жалобу, в которой указывали, что Дежедерас, «не уважая владельцов ведомства их старшин и казаков», приписывает их крестьян к Таганрогской крепости и просили Военную коллегию, «дабы повелено было вышеупоминаемых записанных у них в войске Донском в подушной оклад малороссиян из записи на поселение оного Таганрога исключить».[1] Однако их претензии были отклонены, ибо, как писалось в изданном на этот счет указе, «в Таганрог малороссиян до 300 семей повелено поселять по высочайшему именному нашего императорского величества указу».[2]

Донские землевладельцы, фактически закрепостившие крестьян уже в середине XVIII в., были недовольны тем, что право крестьянских переходов, хотя и призрачное, на Дону сохранялось. Они добивались издания законодательного акта о закреплении за ними крестьян, и правительство, видя в лице донской старшины свою социальную опору, шло им навстречу. Впрочем, в XVIII в. правительство так и не издало законодательного акта о закрепощении донских крестьян. Но большую роль в фактическом их закрепощении сыграл указ от 12 декабря 1796 г. Этот указ был вызван стремлением правительства удовлетворить ходатайство всего южнорусского дворянства и поставить «преграду самопроизвольному поселян переселению, законопротивному подговору, приему и держанию чужих крестьян и всякого рода беглых людей». В связи с этим правительство считало необходимым «утвердить в вечность собственность» на крепостных крестьян, принадлежавших их владельцам, а в Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской губерниях, в области Таврической, «а также и на Дону», помимо этого, установило, чтобы «каждый из поселян остался в том месте и звании, как он по нынешней ревизии записан будет».[3] Так как правительству было хорошо известно, что еще за год до этого указа, в 1795 г., донские крестьяне по пятой ревизии числились приписными, а указом от 1 февраля 1795 г. предписывалось производить рекрутский набор среди донских крестьян так же, как среди жителей казенного ведомства, то нет оснований для утверждения о прямом закрепощении всех донских крестьян по указу от 12 декабря 1796 г., которые по-прежнему оставались в положении приписных.[4] Но, запретив окончательно «своевольные переходы поселян с места на место», правительство предоставило донским старшинам более широкие возможности для дальнейшего наступления на права приписных крестьян. И хотя указ юридически не ввел на Дону крепостного права, старшины, используя заинтересованность правительства в «исправном» получении подушной подати, старались еще более прочно закрепить за собой донских крестьян. Не случайно четверть века спустя председатель Комитета об устройстве войска Донского генерал-адъютант Чернышев, не признававший прав донских старшин на дворянство, соглашался с тем, что перепись 1763—1764 гг. и особенно указ 1796 г. произвели «укрепление за чиновниками» донских крестьян.[5] Таким образом, указ 12 декабря 1796 г. сделал еще один шаг по пути юридического оформления развивавшихся на Дону крепостнических отношений. Уходя на Дон, крестьяне ненадолго спасали себя от крепостнического ярма. Оно, «точно бурмистр старого барина, побежало за ними вдогонку, чтобы донять их и на новом месте».[6]

---

[1] Акты Лишина, т. III, № 81, стр. 172—173.

[2] Там же, стр. 173.

[3] ПСЗ, т. XXIV, № 17638.

[4] Автор признает правильным указание Е. И. Дружининой на неточное толкование им указа 1796 г. в статье «Усиление крепостного гнета на Дону в XVIII в.», помещенной в ж. «Вопросы истории», 1955 г. № 6 (см. Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг., стр. 195—196).

[5] См. И. И. Игнатович. Крестьянское движение на Дону в 1820 г., стр. 24 и 60.

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 89.

С развитием феодально-крепостнических отношений на Дону, а особенно после переписи 1764 г., донские крестьяне стали рассматриваться как люди «записанные», т. е. прикрепленные к земле и владельцу, и в правовом отношении почти ничем не отличавшиеся от крепостных.

Донские крестьяне имели право на владение домом и скотом. Когда войсковым приказом от 18 октября 1770 г. давалось разрешение на переселение 7 семейств приписных крестьян в Таганрогскую крепость, то предписывалось «имеющие у них собственный скот и хлеб, посеянный и состоящий в домах, от них не отбирать».[1] Во второй половине XVIII в. было немало крестьянских семей, у которых были собственные дома, по нескольку лошадей, 2—4 быка, 2—3 коровы и т. п.[2]

Быстрое развитие товарно-денежных отношений, имевшее своим следствием имущественное расслоение крестьян, приводило к появлению среди крестьян зажиточных людей. Так, у приписного за старшиною Василием Иловайским Ивана Мичисина в 1790 г. имелось 7 голов крупного рогатого скота.[3] В хозяйстве приписного Константинова в 1781 г. было «волов четыре пары, каждая по двадцати рублев, а всего на 80 рублев, коров с телятами 12, каждая по 10 рублев, а всего на 120 рублев, коров холостых 8, каждая по осми рублев, всего на 64 рубли, быков четырехлетних 3 пары, каждая пара по 12 рублев, всего на 36 рублев, быков же трехлетних 5 пар, каждая пара по 6 рублев, всего на 30 рублев»[4] и т. д. У некоторых из приписных были свои наемные работники.[5] Однако при отсутствии наследников выморочное имущество крестьян переходило к владельцу.[6]

Вместе с тем крестьянам категорически запрещалось владеть хуторами и рыбными заводами. Когда, например, в 1792 г. Войску стало известно, что приписной жены бывшего войскового атамана Меланьи Ефремовой крестьянин Дмитрий Губаренков купил у казака Василия Ушакова хутор с землею, немедленно последовал строжайший приказ, в котором предписывалось «оному малороссиянину Губаренкову объявить и объявлено, что ему купленным у казака Ушакова хутором и землею довольствоваться позволить не можно, а должно жить и довольствие иметь в слободе помещицы своей атаманши Ефремовой. И для того ему оный хутор возвратить казаку Ушакову... А дабы никто малороссиянам таковым образом хуторов не продавал о том по всему войсковому ведомству публиковать».[7] Правда, некоторым особенно богатым приписным удавалось стать хозяевами рыбных заводов и даже владеть землею. Но приобретали их крестьяне не на свое, а на подставное имя, например, на имя какого-нибудь казака, хотя это преследовалось войсковыми властями.[8]

Правовые ограничения донских крестьян выразились и в запрещении им брать деньги в долг под векселя и заемные письма. В этом отношении приписные крестьяне Дона приравнивались ко всем прочим категориям крестьянского населения Российской империи XVIII в.[9] Между тем в силу развития товарно-денежных отношений и все более активного участия крестьян в торговле, они, несмотря на повторяющиеся запрещения, продолжали брать деньги в заем. В 1787 г. выяснилось, на-

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 871, лл. 1—3; д. 589, лл. 4—6; д. 1035, лл. 22 об—23; ф. 339, оп. 1, д. 205, лл. 1—44.

[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 268—283, 300—327 и др.; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 2, л. 1; д. 201, л. 3; ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 318.

[3] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 27, л. 217.

[4] Там же, оп. 2, д. 269, л. 579.

[5] Там же, оп. 1, д. 27, л. 619.

[6] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 434, л. 4.

[7] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1066, л. 78 об.

[8] Там же, д. 582, лл. 3—3 об.

[9] Там же, д. 1008, лл. 25 об.—26; д. 1016, л. 42; д. 694, л. 33; д. 1055, лл. 13—14; ПСЗ, т. VIII, № 5789, 5987 (п. 6); т. IX, № 6551; т. X, № 7514; т. XV, № 11204; т. XVII, № 12498.

пример, что приписному в Кривянском стане Ивану Лотошникову заимодавцы доверили «немалую сумму».[1] В 1795 г. поступили жалобы в Войсковое правительство на приписного за Усть-Аксайским станом Кирилла Назименко, который объявил, что он «за разными последовавшими ему убытками платить должных кредиторам его денег не в состоянии».[2]

Стремясь к еще большему ограничению прав приписных, в 1776 г. Войско ходатайствовало перед Г. А. Потемкиным о запрещении приписным переходить в купеческое сословие, однако на этот раз правительство не пошло Войску навстречу.[3]

Правовые ограничения донского крестьянства привели к установлению грани между ним и казачеством. С начала XVIII в. переход крестьян в казачье сословие становился уже очень трудным, а с середины века для массы крестьян почти невозможным. Приказ войскового атамана от 17 апреля 1755 г. предупреждал, «чтобы казаки как сами, так и дети их на беглых и на протчих великороссийских женках и девках не женились, также бы и своих казачьих дочерей за великороссийских людей и сказочных замуж не отдавали и к таковому замужеству овдовевших казачьих жен не допускали».[4] В дальнейшем на протяжении второй половины XVIII в. Войско еще несколько раз подтверждало это распоряжение, угрожая не только «жестоким» наказанием нарушителям, но и «неизбежным станичным атаманам штрафом».[5] Священникам также было строго приказано, чтобы «соглашающих иттить в замужество за малороссиян и великороссиян казачьих жен и дочерей не венчали».[6] К середине XVIII в. не могло быть и речи об участии крестьян в станичных делах, которое и в более раннее время было крайне ограниченным.[7] Выделенные в особое сословие, крестьяне, как мы видели, были связаны круговой порукой, обеспечивавшей правительству и войсковым властям более или менее исправное выполнение приписными натуральных повинностей и государственных податей. Так, постепенно, становилась более резкой сословная грань между казачеством и крестьянством.

С каждым десятилетием положение донских крестьян ухудшалось еще и потому, что непрерывно усиливался произвол со стороны их владельцев, а также войсковых и государственных чиновников.

Как правило, старшины заставляли своих крестьян работать на барщине сверх установленных обычаем дней. Если же крестьяне противились этому, то старшины применяли меры насилия. Так, казачья жена Авдотья Лобаниха своей крепостной Авдотье Ивановой чинила столь «несносные ей побои и изнурения», что последней пришлось бежать, «оставя у ней сына своего Прокофья с дочерью Еленой, в русский поселок Поворино».[8] В 1777 г. в Войсковом правительстве разбиралась жалоба приписного Корнея Запорожца на старшину Ефима Кутейникова «за напрасно причиненные ему побои».[9] В 1782 г. привлекалась к ответственности казачья жена вдова Ефимья Поздеева «чрез оказанные приписным за ней малороссиянам побои и другие тиранские угнетения».[10] Следственное дело о крестьянах Алексея Фомина (1788 г.) рисует кар-

---

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1016, л. 42.
[2] Там же, д. 1055, лл. 13—14.
[3] Там же, ф. 341, оп. 3, д. 3, л. 54 об.
[4] Там же, ф. 339, оп. 1, д. 20, лл. 2—2 об.; см. также лл. 3—6.
[5] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 642, лл. 26—26 об.; оп. 3, д. 4, лл. 301, 310.
[6] С. З. Щелкунов. Войско Донское при атамане Алексее Ивановиче Иловайском. СОВДСК, вып. X, стр. 26.
[7] А. А. Карасев. Донские крестьяне. ТОВДСК, вып. I, отд. I, стр. 78.
[8] ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 12, л. 4.
[9] Там же, ф. 341, оп. 3, д. 5, л. 60 об.
[10] Там же, ф. 339, оп. 1, д. 978, л. 3.

тину жесточайших издевательств над крестьянами со стороны владельца, его жены и приказчика.[1]

До нас дошло сравнительно немного документальных свидетельств жестокого обращения владельцев со своими крестьянами, так как обычно крестьяне, боясь расправы, вообще не подавали жалоб. В тех же случаях, когда они обращались в Войско, их жалобы, как правило, не разбирались.[2] Но и известные нам факты, а также огромное количество сообщений о бегстве донских крестьян от своих владельцев,[3] позволяют совершенно определенно сделать вывод о жестоком обращении старшин со своими крестьянами.

Не менее тяжелым для крестьян был произвол войсковых и государственных чиновников. Выколачивание государственных податей производилось самым беспощадным образом. Так как чиновники при этом брали взятки, причиняя ущерб и государству, то правительство принимало меры к ограничению бесконтрольности чиновников при сборе податей. В «Наставлении» о сборе подушных податей от 20 октября 1766 г. комендант Ростовской крепости генерал-майор Потапов предупреждал донских старшин «сверх положенного числа никаких сборов не чинить и накладов без указу не делать».[4] Войсковой приказ от 31 декабря 1784 г. снова предупреждал чиновников, кроме подушной подати, «себе в корыстолюбие» от крестьян «отнюдь ничего не требовать».[5] Однако эти распоряжения реальных результатов не давали, и чиновники, ведавшие сбором государственных податей, продолжали грабить население.

Столь же самовластно распоряжались старшины и нарядами на войсковые и станичные работы. Так, в 1792 г. приписной Березовской станицы Григорий Коршунов жаловался Войсковому правительству, что станичный атаман Евдоким Филатов «ево, Коршунова, без всякой очереди в чувствительную обиду прислал сюда (в Черкасск. — **А. П.**) с войсковым лесом».[6] Уличенному в неправильных действиях атаману Филатову было предписано «Коршунова, да и других станицы вашей малороссиян, в станицные ваши и другие тягости без очереди не употреблять... дабы без очередного наряда в тягости не выходило ссор».[7] В этом и других подобных случаях войсковые власти поступали таким образом потому, что опасались обострения классовой борьбы. Но предупреждения Войскового правительства имели незначительный успех, и старшины, пользуясь своим положением, давали наряды на выполнение войсковых и станичных работ по своему усмотрению.

Наконец, особенно широко пользовались своим положением для беззаконных действий те старшины, которые ведали сыском и высылкой беглых

Пользуясь попустительством со стороны старшин по сыску, задабривая их взятками, творили беззаконие станичные атаманы и другие чиновники Войска. В 1788 г., например, группа крестьян бежала от старшины Алексея Пантелеева и находилась «под укрывательством на речке Калитвенце в хуторе Калитвенской станицы казака Лукьяна Леонова». Следствием было установлено, что виноват в этом не только сам Леонов; «станичный атаман Иван Статейкин не менее оказался виновен тем самым, что когда сии крестьяне начально по побеге, пришед в ту станицу к священнику Ивану Леонтьеву, были им, священником, явлены к нему, Статейкину, то он, Статейкин, по долгу своему не задержал их

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 695, лл. 9—10.

[2] Показательно в этом отношении определение Войскового гражданского правительства «о предании воле божией дела о смерти будто бы от побоев малороссиянки Дарьи Васильевой» (ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 2, лл. 905—906).

[3] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 599, 875, 494 и др.; ф. 339, оп. 1, д. 196.

[4] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 574, лл. 26—31 об.

[5] Там же, д. 1006, лл. 4 об.—5 об.; д. 993, лл. 2—2 об.

[6] Там же, ф. 313, оп. 1, д. 16, л. 1.

[7] Там же, д. 16, л. 1.

под караулом, позволил еще жить им свободно, а тем и подал им повод к дальнейшему побегу».[1] В 1792 г. при попустительстве со стороны сыскного начальства полковой есаул Быкадоров, «не имея за собой ни одного человека по ревизии в приписке, самовольно дал малороссийского наречия бродягам человеком до десяти срочные билеты с названием приписными его».[2]

Произвол чиновников по отношению к приписным проявлялся также и в жестоких телесных наказаниях, которым подвергали чиновники донских крестьян. За малейшую провинность их наказывали «кошками», плетьми. А в 1788 г. Военная коллегия приказала разжаловать в рядовые полкового есаула Андрея Караулова «за причиненное жестокоетроекратное наказание плетьми двух малороссиян Забратчикова Тихона и Матвея, отчего оба они померли».[3] И этот случай являлся далеко не единственным. 3 марта 1792 г. в Войсковом правительстве слушалось дело «о последовавшей приписному за премьер-майором Никитою Мартыновым малороссиянину Степану Григорьенкову после причиненного ему от полкового сотника Еремея Маноцкого и казака Степана Шемардина боя смерти».[4]

Жестокий произвол владельцев и чиновников вынуждал крестьян жаловаться войсковым властям. Однако многие жалобы так и не доходили до Войскового правительства, задерживаясь в руках чиновников или оседая в станичной канцелярии. Другие без всякого рассмотрения попадали в архив Войска. Лишь по некоторым из жалоб Войсковое правительство принимало решения. Но, выражая интересы казачьей верхушки, оно, как правило, становилось на сторону владельцев и чиновников и этим поощряло их на дальнейшие беззакония. Так, по поводу жалобы крестьянки Ивановой на столь жестокое обращение с ней Авдотьи Лобанихи, что она вынуждена была бежать, Войско 28 ноября 1752 г. вынесло решение: разыскать бежавшую крепостную Иванову и наказать ее.[5] Определением Войскового правительства от 3 октября 1777 г. старшина Яким Уваров «за бой и изувечие дворовой женки» был приговорен к выплате штрафа в 1 рубль,[6] а после разбора дела сотника Корнея Николаева о смерти его крестьянки «по причине чинимого ей побоя» Войско вынесло решение отдать Николаева «к исправлению епитимию, к церковному покаянию».[7] Когда в 1782 г. в Войско поступила жалоба на «тиранские угнетения» крестьян Ефимьей Поздеевой и она была во всем признана виновной, то было вынесено решение отобрать у нее хутор и передать его другому владельцу, который, однако, должен был заплатить Поздеевой «настоящую и ей безобидную цену».[8] Столь же несправедливым и циничным было решение по поводу жалобы крестьян на упоминавшегося уже Алексея Фомина, которому лишь мягко напомнили, чтобы он своих крестьян направлял «в должные работы по учиненному в правительстве положению в неделю по два дня, более же того ни к каким работам не принуждал».[9] По существу, осталась без ответа и жалоба крестьян Гундоровской станицы о потраве «господ бригадира Поздеева и старшины Дячкина конными табунами (у них.— **А. П.**) хлеба и овса».[10] А когда в Войско поступила жалоба от приписного крестьянина Матвеева по поводу «взятых у него неизвестно за что,

---

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1015, лл. 24 об.—26 об.
[2] Там же, ф. 494, оп. 1, д. 5, л. 2.
[3] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 439, л. 5; см. также: д. 440, л. 1; д 763, л. 2; д. 1035, л. 34 об.; д. 288, лл 21—22 и др.
[4] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 27, лл. 325—329 об., 332—340.
[5] Там же, ф. 339, оп. 1, д. 12, л. 4.
[6] Там же, ф. 341, оп. 3, д. 5, л. 44 об.
[7] Там же, оп. 1, д. 11, л. 315.
[8] Там же, ф. 338, оп. 1, д 978, л. 3.
[9] Там же, д. 695, л. 10.
[10] Там же, ф. 341, оп. 1, д. 11, лл. 78 об.—79.

старшиною Суворовым» пяти рублей, то правительство не посчитало нужным наказать старшину, а предложило ему вернуть взятые деньги.[1] Чиновникам за беззаконные действия по отношению к крестьянам также только «выговаривали». Наказывали их редко и то, как правило, в тех случаях, когда их поступки затрагивали государственные интересы. Так, 28 июля 1767 г. был смещен с должности и заключен на 2 недели в тюрьму атаман Середней станицы Мартынов за двойное взыскание подушных денег и их утайку.[2]

Развитие крепостнических отношений на Дону, быстрый рост барщины и увеличение числа других повинностей, беспощадное «выколачивание» податей, произвол помещиков и чиновников — все это приводило к разорению крестьянских хозяйств. Это выразилось прежде всего в значительном росте среди приписных бурлаков, т. е. тех обнищавших крестьян, которые не имели своего хозяйства, земли, скота и в некоторых случаях постоянного жилья, а жили и работали, «где кому случится и с найма».[3] Рост числа бурлаков из приписных свидетельствовал о подрыве основ феодально-крепостнической системы, одним из важнейших условий существования которой, как указывал В. И. Ленин, являлось наделение непосредственного производителя средствами производства вообще и землею в частности.[4]

Положение приписных, которые жили в собственных домах, имели пахотную землю и скот, вели свое хозяйство, было несколько лучшим. Однако многие из них тоже находились на грани разорения. В середине XVIII в. дочь казака Кочетовской станицы Пелагея Артамонова вышла замуж за приписного Дурновской станицы Остапа Павлова, став «малороссийской женкой». В 1772 г. их дом сгорел, и они вынуждены были жить в землянке 16 лет, так и не сумев отстроить себе нового дома.[5] В 80-х годах XVIII в. приписной Скородумовской станицы Иван Нацупин был заочно зачислен в казаки. Узнав об этом, он сообщил в Войсковую канцелярию, что «отправлять казачью службу по бедности не может».[6]

Еще более тяжелым было положение владельческих крестьян; процесс обнищания в их среде шел очень быстро. Так, в 1790 г. известный донской землевладелец старшина Себряков, за которым в это время было приписано около 450 крестьян, вынужден был признать, что большинство его приписных находилось в «сущей» бедности.[7] Не лучшим было положение крестьян, приписанных к другим владельцам.

В таком направлении на протяжении XVIII в. менялось положение наиболее многочисленной группы неказачьего населения Донской земли — крестьянства. В конце столетия оно уже почти ничем не отличалось от крепостных центральных губерний Российской империи.

Подведем итоги. 1. С конца XVII в. доступ в ряды казачества начал ограничиваться. Но так как приток населения на Дон в это время не уменьшался, а увеличивался, то на Дону стали образовываться различные группы неказачьего населения. В конце XVIII в. численность неказачьего населения составляла около 1/3 всех жителей земли войска Донского.

2. Уже в XVII в. отдельные казаки оставляли у себя пленных («ясырь») и использовали их труд главным образом в домашнем хозяйстве.

---

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 5, л. 60 об.

[2] А. А. Карасев. Донские крестьяне. ТОВДСК, вып. I, отд. 1, стр. 76; см. также: ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1015, лл. 24 об.—26 об.; ф. 313, оп. 1, д. 16, л. 1.

[3] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, д. 1040; ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 69, лл. 3, 4, 5, 9 и др.; ф. 341, оп. 1, д. 11, лл. 222, 257 об.—258, 291 и др.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 183—185, 198—199, 314; соч., т. 12, стр. 235—237; т. 20, стр. 220, 348.

[5] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 68, л. 8.

[6] Там же, ф. 445, л. 2.

[7] Там же, ф. 341, оп. 1, д. 24, л. 25 об.

3. В 60-х годах XVII в. на Дону стала образовываться группа людей, не имевших средств к существованию и вынужденных работать на старшин и богатых казаков. Наиболее многочисленный слой ее на первых порах составляли бурлаки. У них не было своего хозяйства, а у многих — даже собственных домов; они не имели равных прав с казаками и находились в кабале у старшин и богатых казаков. В особенно тяжелом положении были бурлаки, жившие на Дону нелегально. Но и те, кто имел право свободно жить на Дону, испытывали двойной гнет: кабальные условия работы и обязанность нести станичные повинности. Многие из бурлаков, живя на Дону по 15—20 лет, не могли изменить своего положения и обзавестись хозяйством. Уже в 20-х годах XVIII в. число таких «зажилых» бурлаков было очень значительным, а в дальнейшем оно росло.

4. В несколько лучшем положении находились те из «зажилых» бурлаков, кто получал от станицы землю и обзаводился хозяйством. В XVIII в. они составляли особую категорию «оземейных». Станичные общества рассматривали их как первых кандидатов в казаки, не препятствовали их женитьбе на казачьих вдовах и дочерях, а некоторые из «оземейных» даже имели зависимых от себя людей («приписных»).

5. Наиболее многочисленной группой неказачьего населения на Дону в XVIII в. были крестьяне. Как правило, они приходили на Дон без средств производства и, работая по найму, на первых порах почти не отличались от бурлаков. Стремясь осесть на земле, крестьяне вынуждены были поселяться на землях, захваченных старшинами. Это ставило крестьян в феодальную зависимость от старшин. Господствующей формой ренты на Дону являлась отработочная (барщина), которая на Дону росла очень быстро. В середине XVIII в. она достигла двух, а в 80—90-х годах у отдельных старшин — трех-четырех дней в неделю. Быстрое увеличение барщины во второй половине XVIII в. являлось одним из показателей вовлечения Донской земли в орбиту всероссийского рынка. Дальнейшее развитие товарно-денежных отношений повлекло за собой появление в отдельных хозяйствах оброка взамен барщины или в дополнение к ней. В связи с этим среди донских крестьян стало распространяться отходничество.

6. Донские крестьяне в XVIII в. обязаны были также нести натуральные повинности: станичные, войсковые и государственные. С 1763 г. крестьяне были обложены подушной податью. Она легла на них тяжелым бременем, с которым крестьяне не могли справиться; поэтому недоимки по подушному окладу быстро росли. В последнем десятилетии XVIII в. на Дону была введена рекрутская повинность.

Ответственность за выполнение государственных, войсковых и станичных повинностей возлагалась на владельцев, и это усиливало зависимость крестьян от них.

7. Развитие на Дону крепостничества выразилось также в ограничении сословных прав донских крестьян. Уже в 60-х годах XVIII в. они фактически были лишены права перехода, а указом от 12 декабря 1796 г. был сделан еще один шаг по пути их закрепощения.

Крестьянам запрещалось владеть хуторами и рыбными заводами, оформлять на свое имя векселя и заемные письма. К концу XVIII в. донские крестьяне, как сословие, поселившиеся на захваченной старшинами земле и обязанное платить феодальную ренту, уже резко отделялись от казаков.

8. Усиление крепостного гнета на Дону имело своим следствием обнищание крестьянских хозяйств и рост числа бурлаков, которые не имели хозяйства, земли, скота и жили работой «с найма».

Часть III

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ НА ДОНУ В XVIII ВЕКЕ

Глава I

ЛИКВИДАЦИЯ АВТОНОМИИ ВОЙСКА ДОНСКОГО

1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ЗЕМЛИ ДОНСКОЙ В XVI—XVII ВЕКАХ

XVIII в. был периодом значительных изменений не только в области социальных отношений, но также и в организации власти и управления на Дону. Они определились прежде всего утверждением в России абсолютизма «с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма»...»,[1] который в интересах господствующего класса не мог мириться с «особенностями» социального строя и организации управления в отдельных землях. Сохранение автономного устройства на окраинах противоречило самой сущности абсолютной монархии, и она вступила на путь решительной борьбы за централизацию и бюрократизацию местного управления.

Произошло это не сразу и не одновременно во всех землях Российского государства. Особенности исторического развития отдельных районов России, своеобразие социальных отношений и классовой борьбы определили своеобразие процесса бюрократизации и централизации аппарата государственной власти в каждом из этих районов.

Земля Донская не являлась в этом отношении исключением. В течение XVIII в. вассальная по отношению к Московскому государству *«христианская казацкая республика»*[2] превратилась по существу в провинцию Российской империи, сохранив лишь незначительные особенности в организации управления.

Утверждение самодержавной власти на Дону являлось частью общей крепостнической политики царизма, направленной на увеличение эксплуатации и угнетения народных масс. Естественно поэтому, что оно наталкивалось на сопротивление низов донского казачества. Однако правительству приходилось все время учитывать и позицию старшинской верхушки. Составляя на протяжении всей истории Дона социальную

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 308.
[2] Архив Маркса и Энгельса, т. VIII. М., 1946, стр. 154.

опору самодержавия, заинтересованная в его поддержке, старшина была активным проводником централизации и бюрократизации аппарата управления на Дону, но она стремилась при этом к сохранению и даже укреплению своих позиций.[1]

В силу указанных причин централизация государственного аппарата на Дону происходила медленно, в преодолении противоборствующих тенденций, и понять ее можно лишь при всестороннем учете расстановки классовых сил на каждом этапе.

Чем же отличалась организация власти и управления на Дону до тех нововведений, которые в последней трети XVII в. начало решительно проводить правительство?

Уже во второй половине XVI в. разрозненные общины донских казаков объединились в своеобразную военную и общественную организацию, которая с начала XVII в. стала именоваться войском Донским. На первых порах существование Войска возможно было только при господстве военно-демократического строя, элементы которого удерживались на Дону почти до конца XVII в.

Высшим органом власти был круг, собиравшийся в главном городе Войска — Черкасске на площади перед собором.[2] На кругу решались важнейшие дела, касавшиеся всего Войска, и прежде всего вопросы объявления войны и заключения мира. Тут же велись переговоры с послами и решались вопросы об отправлении своих станиц в Москву или посольств к соседним народам, делили «государево жалование» и добычу, обсуждали вопросы о командировании своих отрядов в помощь царским войскам, принимали законы, «обязательные для всей реки», и в соответствии с ними судили казаков. На кругу избирали всех должностных лиц Войска, определяли состав зимовых и легких станиц, решали дела о приеме новых казаков и устройстве городков, обсуждали церковные вопросы.[3]

В решениях круга на разных правах принимали участие все казаки. Поэтому при возникновении особо важных дел представители Войска ездили по станицам, призывая казаков приехать в Черкасск, а в остальных случаях дело ограничивалось сбором казаков из ближайших городков и посылкой своих представителей «для совета» с остальными казаками.[4] Постепенно на основе традиций и постановлений круга сложилось особое «казацкое войсковое право», которое распространялось на всю Донскую землю.[5]

Исполнительная власть находилась в руках войскового атамана, помощниками которого являлись войсковой есаул и два войсковых дьяка. На первых порах власть атамана была очень небольшой, особенно в мирное время, когда его роль состояла в подготовке и проведении войскового круга и точном исполнении его воли. Во время войны, когда требовалось принимать быстрые решения, роль войскового атамана и ближайших его помощников возрастала. Но во всех случаях, если круг выражал недовольство действиями атамана, он должен был сложить

---

[1] К. Маркс. Стенька Разин. «Молодая гвардия», 1926, кн. 1, стр. 108. Подробно с позиции старшины в XVII в. см. в работе И. В. Степанова «Социально-политическая обстановка на Дону», стр. 53—55.

[2] Происхождение этого термина объясняется тем, что казаки при обсуждении своих дел действительно становились «в круг», в центре которого находились избранные казаками атаман, есаул и другие должностные лица.

[3] См. С. И. Тхоржевский. Донское войско. «Русское прошлое», 1923, № 3, стр. 15—19; В. Г. Дружинин. Раскол на Дону, стр. 22—26. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 266.

[4] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1675, № 8, лл. 3—8, № 18, лл. 1—15, 1680, № 1; ДАИ, т. XII, стр. 179, 192 и др.; В. Г. Дружинин. Раскол на Дону, стр. 22—25.

[5] С. И. Тхоржевский. Указ. соч., стр. 15—16; З. И. Щелкунов. Преступления против Войска по древнему казачьему праву. СОВДСК, вып. VIII, стр. 164—169; А. Кириллов. Обычное право на Дону. СОВДСК, вып. VIII, стр. 170—173; его же. Станичное право на Дону. Там же, стр. 174—178.

свои обязанности. Так было, например, в 1675 г., когда известный атаман Корнила Яковлев, пользовавшийся поддержкой правительства «атаманство де свое здал», по его словам, «для того, что тот чин ему надокучил, да и для того, что казаки против государева указу на ерек не пошли и городов не строили, а он им о том, против государеву указу, говаривал многожды».[1]

Подобным же образом было организовано управление в казачьих городках. Здесь тоже созывались круги, где казаки разбирали дела, которые могли решить сами, без Войска: тяжбы по личным оскорблениям, захват чужой собственности, жалобы на несоблюдение постов, брачные отношения и т. п. На кругу же избирались атаман и есаул, власть которых тоже не выходила за пределы точного исполнения воли всех казаков станицы.[2]

Таким образом, отличительной особенностью организации власти и управления в войске Донском в этот период являлась автономия в области суда, управления и внешних сношений и сохранение еще в XVII в. элементов демократических порядков во внутренних делах.

Эти особенности общественно-политического строя войска Донского во второй половине XVII в. были засвидетельствованы хорошо знавшим положение на Дону подьячим Посольского приказа Г. Котошихиным, который писал, что «дана им (казакам. — **А. П.**) на Дону жить воля своя, и начальных людей меж себя атаманов и иных избирают, и судятца во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу. А кого лучитца им казнити за воровство, или за иные дела и не за крепкую службу, и тех людей, посадя на площади, или на поле, из луков или из пищалей расстреляют сами; так же будучи на Москве или в полкех, кто что сворует, царского наказания и казней не бывает, а чинят они меж собою сами ж».[3]

Хотя и в XVI, и в первой половине XVII в. в рамки представлений правительства о самодержавной власти не укладывалось особое устройство земли донских казаков, но удаленность основного массива государственных земель и слабость вооруженных сил не давали возможности государственной власти активно вмешиваться во внутренний строй Войска. Правда, в официальных документах правительство заявляло неоднократно, что «на Дону живут из наших россейских государств воры беглые люди и казаки вольные, которые бегают из наших государств заворовав, от татьбы и от разбою и от всяких смертных вин, боясь от нас смертныя казни, и тут на Дону живучи, воруют».[4] Однако в сношениях с Войском оно признавало и особое казачье устройство, и особое казачье право.

В 1646 г. правительство распорядилось сформировать в украинных городах из «вольных охочих людей» вооруженный отряд в 3 тысячи человек. Когда это было выполнено, правительство предписало воеводам «тех вольных людей отдать на Дону атаманам и казакам», а «атаманам и казакам и нашим вольным людям велели быть к себе и учинить круг и сказали, чтобы вольные люди были у атаманов и у казаков в послушанье.»[5]

Еще чаще встречаются документы, свидетельствующие о признании правительством войскового права. Самодержавие продолжало считаться с ним даже в последней трети XVII в., когда добилось уже значительных успехов в утверждении своей власти на Дону. Так, в грамоте из Посольского приказа от 22 марта 1667 г., посланной на Дон в связи с

[1] ЦГАДА. Ф. 141, оп. 1, ДД, 1676, № 19; ДАИ, т. X, № 97, стр. 430.
[2] Е. П. Савельев. История Дона и донского казачества, ч. III, стр. 174—175.
[3] Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, стр. 135.
[4] ДД, кн. 1, стб. 62, 70, 89, 147; «Историческое описание земли войска Донского», стр. 33, прим. 176.
[5] ДД, кн. 2, стб. 1085; А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами, стр. 373 и далее.

появлением в Паншине и Качалинском городках «воровских казаков», войсковому атаману Корниле Яковлеву предписывалось не пускать их «под Царицын и в иные места... и ото всякого дурна и воровства... их унять». При этом повелевалось виновным учинить наказанье по нашему великого государя указу и по войсковому праву.[1] Через несколько лет, уже после разгрома крестьянской войны под предводительством Степана Разина, царь повелел Степана и его брата Фрола «привесть к Москве, а иным бы пущим заводчикам учинить указ по войсковому праву».[2] 8 октября 1673 г. правительство направило на Дон грамоту о неприеме в казачьи городки беглых ратных людей и указало виновных в том наказывать «жестоким своим казацким правом».[3] В 1683 г. правительство снова предписало Войску за нападение казаков на «юртовых» татар «учинить наказание по своим войсковым правам»,[4] а в 1700 г. за препятствия, чинимые казаками при осмотре войсковых лесов, предписало наказать виновных «под жестоким своим войсковым приговором».[5]

Уже со второй половины XVII в. позиции московского правительства на Дону значительно укрепились. Это выразилось прежде всего в усилении экономической зависимости донских казаков от Москвы. Она существовала и раньше, но после воссоединения Украины с Россией и устройства Белгородской укрепленной линии земля Донская оказалась в окружении русских владений с трех сторон — с запада, севера и востока и не могла уже ни с кем иметь таких прочных экономических связей, как с Россией. А так как казаки в XVII в. не могли обходиться без привозного хлеба, то правительство в нужный момент широко пользовалось своим выгодным положением. Получив в 60-х годах XVII в. сведения о быстром увеличении числа беглых на Дону, оно решило пресечь это мерами экономической изоляции Дона. Казакам было строго запрещено ездить за хлебом в соседние города, а воеводам этих городов предписывалось никаких товаров казакам не возить.[6] Еще более активно осуществляло правительство экономическую блокаду Донской земли во время крестьянской войны под предводительством С. Разина. В это время во все «украинные» города непрерывно шли царские указы с требованием, чтобы «торговые б люди ни с какими товары и с хлебными и з съестными запасы и с-ными ни с чем на Дон нихто не ездили, покаместа от ево, Стеньки, воровства Дон очиститца». При этом указывалось, что если «торговые люди учнут с какими товары и з запасы или с-ным с чем к ним ездить, и ис тех людей хто ково поймает или по чьему извету их изымут... казнить смертью безо всякие пощады и служилых людей поместья и вотчины розздать челобитчиком».[7] Мерами экономического воздействия правительство надеялось добиться послушания казаков и в 1675 г.[8]

Значительно увеличилась к этому времени и военная зависимость

---

[1] «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, № 39, стр. 74.
[2] «Историческое описание земли войска Донского», стр. 272, прим. 399.
[3] И. П. Прянишников. Материалы, стр. 100.
[4] ДАИ, т. X, № 49, стр. 150.
[5] Акты Лишина, т. III, дополнение № 123, стр. 293.
[6] И. В. Степанов. Социально-политическая обстановка на Дону стр. 49—50.
[7] «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, № 114, стр. 166; см. также № 117 и др. К каким результатам приводила эта мера, а также невысылка на Дон царского жалованья свидетельствуют сами казаки в отписках царю, заявляя: «Мы... на Дону помираем голодною смертью, потому что к нам... жалования и торговых людей ни единого судна не бывало». Так как правительство объявило хозяйственную блокаду Дона до выдачи С. Разина, то после выполнения старшинами и богатыми казаками этого условия блокада была снята. 12 мая 1671 г. воевода Белгородского разряда г. Ромодановский получил царскую грамоту, в которой разрешалось везти «хлебные запасы» рекою Северским Донцом, а 8 июня 1671 г. было разрешено возить «хлебные запасы» по Дону (И. В. Степанов. О некоторых вопросах истории крестьянской войны 1670—1671 годов в России. Вестник ЛГУ, № 14, серия истории, языка и литературы, вып. 3, Л., 1959, стр. 121).
[8] «Историческое описание земли войска Донского», стр. 304, прим. 450.

Войска от царского самодержавия. Утвердившись по Белгородской черте, вооруженные силы России оказались в непосредственной близости от Дона, а усиление агрессивных действий Турции после Азовского осадного сидения и воссоединения Украины с Россией (при ослаблении в это время казачества) заставляло Войско обращаться к правительству за поддержкой. Следствием этого явилась посылка на Дон уже в 1646 г. 3205 человек «вольных охочих людей» во главе со Жданом Кондыревым. В 1648 г. на Дон был послан еще один отряд из тысячи солдат под командованием А. Лазарева. С этих пор царские войска на Дону находились непрерывно, причем число их все время росло. По данным Н. Л. Янчевского, после присылки на Дон из Воронежа войска под командованием Семена и Ивана Хитрово там насчитывалось уже 7 тысяч ратных людей, а в середине 60-х годов XVII в. прибыл еще один крупный отряд ратных людей под начальством воеводы Ивана Хвастова.[1]

Пребывание царских войск на Дону вызывало недовольство казаков. Заявляя правительству, что «им такого утеснения... никогда не бывало», они даже угрожали «уйти с реки». Однако правительство считало себя достаточно сильным, чтобы не идти в этом отношении на уступки, и продолжало держать свои войска на Дону.

Наконец, экономическая несамостоятельность и необходимость обращаться за помощью к Москве ставили Войско и в политическую зависимость от нее. Во второй половине XVII в. донские казаки не часто осмеливались вступать в войну с соседями вопреки воле московского правительства. И. В. Степанов справедливо отметил, что уже накануне крестьянской войны 1670—1671 гг. «свои взаимоотношения с султанской Турцией, в частности с Азовом, с Крымским ханством и различными кочевыми ордами Придонья и Прикаспия, донские казаки вынуждены были также подчинить внешнеполитической линии царского правительства».[2]

Усиление экономической, военной и политической зависимости казаков позволяло представителям самодержавной власти нарушать автономию Войска. После оставления казаками в 1642 г. Азова, когда турки усилили свои нападения на них и Войско оказалось в тяжелом положении, оно запросило у правительства помощи. Правительство направило в 1646 г. на Дон дворянина Ждана Кондырева с царским жалованьем и значительным отрядом «вольных охочих людей», но при этом снабдило Кондырева строгим наказом: в казачий круг не являться, а потребовать, чтобы представители Войска сами пришли в его стан. Предвидя, что Войско может решительно воспротивиться, оно разрешало Кондыреву в крайнем случае пойти на некоторые уступки и согласиться сойтись с представителями Войска в нейтральном месте.[3] Так и получилось. Выслать делегацию в стан Кондырева Войско решительно отказалось. Оно угрожало царскому посланнику, что если тот в круг не пойдет, то «впредь к вам о том от Войска пересылки никакие не будет; и государевы казны и запасов не примем».[4] Но так как Кондырев твердо стоял на своем, то Войско вынуждено было пойти на компромисс, и его представители сошлись с московским послом в нейтральном месте, у часовни.[5]

Прибывший в следующем году на Дон царский посланец Андрей Лазарев тоже заявил, что ему идти на круг «непригоже» и требовал,

---

[1] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД. 1665, № 6, лл. 1—2; 1669, № 2, л. 49; И. В. Степанов. Социально-политическая обстановка на Дону, стр. 52—53; Н. Л. Янчевский. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI—XVII вв. Ростов н/Д., 1930, стр. 138.

[2] И. В. Степанов. Указ. соч., стр. 48.

[3] ДД, кн. II, стб. 755.

[4] Там же, кн. III, стб. 53—54.

[5] См. С. З. Щелкунов. Вольные люди и их служба на Дону. СОВДСК, вып. XII, стр 92—112.

чтобы казаки сами пришли в его стан.[1] В 1653 г. отправленному на Дон Парамону Золотареву также предписывалось в круг не идти, потому что «то будет государеву имяни не к чести».[2] Однако в этот период далеко не всегда удавалось заставить казаков выполнять подобные требования, если они нарушали суверенитет Войска. Понимая это, приехавший на Дон в 1656 г. царский посланец Е. Прибытков не счел возможным требовать явки казаков к себе в стан и «в кругу» «речь говорил».[3] Так же поступало большинство царских послов и в дальнейшем, в течение всей второй половины XVII в.

2. ЛИКВИДАЦИЯ АВТОНОМНЫХ ПРАВ ВОЙСКА И УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ НА ДОНУ

Если в середине XVII в. правительство не имело еще сил для решительного наступления на «вольности» Дона, то через четверть века создались для этого значительно более широкие возможности. Это определялось не только тем, что с укреплением самодержавной власти и приближением к Дону помещичьей и государственной колонизации подчинение донских казаков стало очередной задачей правительства, но и тем, что в лице старшины, выделившейся к этому времени из общей массы казачества, правительство имело социальную опору на Дону. Влияние и власть старшины, заметные уже в середине XVII в., росли очень быстро. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина показала, как сильно разошлись интересы старшины и казачьей голытьбы, которая угрожала уничтожить не только дворянство и самодержавную власть в России, но и верхушку казачества. Поняв это, старшина решительно стала на сторону правительства. Поэтому, когда Разин после поражения под Симбирском снова появился на Дону, старшины единым фронтом выступили против него. В начале декабря 1670 г. они раскрыли заговор сторонников Разина против Корнилы Яковлева, а организатора заговора — Якова Гаврилова убили. На созванном вслед за этим войсковом кругу было вынесено решение сохранять верность правительству. В январе 1671 г. число сторонников старшины достигало 5 тысяч человек. Стремясь к скорейшему разгрому восстания, они даже обратились к царскому правительству за военной помощью и, взяв 14 апреля 1671 г. Разина в плен, в нарушение донских традиций, выдали его царю.[4]

Имея в лице старшины социальную опору на Дону, правительство после разгрома крестьянской войны смогло перейти к более решительным действиям. 24 августа 1671 г. вместе с зимовой станицей, во главе с К. Яковлевым возвращавшейся после выдачи С. Разина, прибыл на Дон стольник Косагов с большим отрядом рейтар и драгун. Объявив казакам «царскую милость» и выдав большее, чем прежде, жалованье, Косагов потребовал от них присяги царю.

Со стороны правительства такое требование предъявлялось не впервые. Упорно настаивало оно на этом уже в 1632 г. после убийства казаками царского посла Карамышева; однако казаки, ссылаясь «на старину», решительно отказались целовать крест, и правительство не смогло заставить их это сделать.[5]

---

[1] ДД, кн. IV, стб. 239–244.

[2] Там же, стб. 618—783.

[3] Там же, стб. 950.

[4] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 308

[5] Х. И. Попов. Материалы для истории войска Донского. СОВДСК, вып. XIII, стр. 160—166; СОВДСК, вып. XII, стр. 83. Составленная к этому случаю и дошедшая до нас «крестоцеловальная запись для донских казаков» («Акты Московского государства», т. I. СПб, 1890, № 469, стр. 434—435; Вр. МОИДР, т. IV, смесь, стр. 52—54) послужила основанием Н. И. Костомарову и В. Г. Дружинину для предположения, что «присяга была принята казаками после Смутного времени и после убийства в

В 1671 г. правительство тоже сначала натолкнулось на сопротивление казаков. Собранный в первый день круг не принял никакого решения. Как позже докладывали в Посольском приказе стольник Косагов и его помощник дьяк Богданов, и «на другой, и на третий, и на четвертый день были круги, и в тех кругах говорили казаки молотчие люди, что они великому государю служить ради верно и без крестного целования, а креста де им в том целовать не для чего».[1] Однако за 40 лет, прошедших с 1632 г., позиции старшины значительно укрепились. К тому же круг, собранный вскоре после разгрома крестьянской войны, состоял, главным образом из «верных» казаков.[2] Им удалось преодолеть сопротивление «молотчих людей». На четвертый день было решено целовать крест, «а есть ли кто из них к тому обещанию не пойдет, и того по войсковому праву казнить смертью и животы их грабить».[3]

С этого времени казаки стали давать присягу каждому новому государю.[4] Беря с казаков клятву вести борьбу с тайными заговорами и возмущениями против государя и отечества, а главных заговорщиков присылать в Москву, правительство тем самым положило начало ликвидации старинного права донских казаков «не выдавать с реки». Этим же актом подрывался существовавший до сих пор суверенитет Войска и в области внешних сношений, так как «ссылка» с «неприятелями своего отечества», в частности «с поляками, немцами или татарами», согласно тексту присяги, рассматривалась теперь как измена.[5]

Добившись в 1671 г. первых успехов в ликвидации «права убежища» и «права внешних сношений», правительство вслед за тем приняло решительные меры к полному уничтожению этих прав войска Донского. Если присягой 1671 г. отнималось у Войска право политического убежища, то в марте и ноябре 1673 г. последовали царские указы о неприеме на Дону беглых крестьян, солдат, матросов и т. п.[6] Правда, Войско еще некоторое время не подчинялось этому указу. Когда, например, в 1675 г. правительство потребовало выдать укрывшегося в Беляевском городке на Хопре Сеньку Буянку, то Войско этого не выполнило, отписав царю, что никогда «с твоей государской вотчины, с реки Дона беглых и приточных всяких чинов людей не выдавали».[7] И в дальнейшем Войско в силу разных причин старалось удержать за собой право убежища для всякого рода беглых. Однако правительство твердо стояло на своем, и уже в 80-х годах XVII в. попытки укрытия беглых рассматривались им как нарушение закона и подлежали наказанию.

Столь же решительное наступление повело правительство на право внешних сношений Войска. В предшествующий период оно не имело возможности препятствовать в этом отношении Войску, которое начинало войны и заключало перемирия по своему усмотрению, руководствуясь только правилом, чтобы действия казаков в общем служили «дому Пречистой Богородицы» и московскому государю, интересы ко-

---

1630 г. посла Карамышева». (В. Г. Дружинин. Раскол на Дону, стр. 44; Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина. Монографии и исследования, т. II, СПб. 1872, стр. 202). Между тем сам же В. Г. Дружинин приводит веские доводы в опровержение этого мнения (см. В. Г. Дружинин. Указ. соч., гл. II, прим. 24).

[1] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД. Распросные речи стольника Косагова и дьяка Богданова, 8 ноября 1671 г.

[2] Е. П. Савельев отмечает, что круг состоял главным образом из казаков черкасских станиц и низовых городков (Е. П. Савельев. История Дона и донского казачества, ч. III, стр. 170).

[3] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 8 ноября 1671 г. Распросные речи стольника Косагова и дьяка Богданова.

[4] ПСЗ, т. II, № 622, 917, 931; В. Г. Дружинин. Раскол на Дону, стр. 43.

[5] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД. Наказ отправленному на Дон стольнику Косагову в июне 1671 г. (Текст записи, по которой атаманы и казаки приведены к присяге см. в «Историческом описании земли войска Донского», стр. 273—274).

[6] Акты Лишина, т. I, № 52, 53, стр. 82—84.

[7] ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1675, № 196, лл. 23—25.

торого, по словам С. И. Тхоржевского, они определяли сами, не забывая при этом и своих собственных.[1]

В середине XVII в. внешние сношения Войска находились уже в большей зависимости от русского правительства, хотя формально оно не мешало казачеству поддерживать самостоятельные отношения с некоторыми странами. Чем прочнее утверждалась государственная власть на юго-востоке страны, тем меньше она мирилась с независимой внешней политикой Войска. По присяге 1671 г. казаки обязались прекратить самостоятельные сношения с «поляками, немцами и татарами», а с калмыками ограничить их до предела. Правда, казаки сразу этому не подчинились. Так, в 1684—1685 гг. на Дону, вопреки присяге, находились посланцы от польского короля и запорожского кошевого атамана. Они просили Войско разрешить охотникам поступить на службу к польскому королю.[2] В нарушение той же присяги и Бахчисарайского мирного договора от 13 января 1681 г. между Россией, Турцией и Крымом казаки, желая, по их словам «его (русского царя.— **А. П.**) неприятельским людем от похода помешку учинить», разорвали мир с азовцами и в 1685 г. совершили несколько походов в Черное море и к крымским берегам. Узнав об этом, правительство потребовало от них прекращения войны с Азовом и Крымом. Однако казаки в ответ заявили, что «с азовцы де они в миру быть желают», но первые «к ним посылать для договора о мире не будут».[3]

Таким образом, в нарушение присяги 1671 г., еще в 80-х годах XVII в. Войско проявляло самостоятельность в отношениях с некоторыми государствами, в частности с Польшей и турецкими вассалами — Азовом и Крымом.

Новый удар по праву внешних сношений был нанесен грамотой Петра I от 6 мая 1703 г., по которой Войску строжайше запрещалось отправлять послов к соседним народам без ведома Азовского губернатора.[4] Примерно в это же время по требованию Москвы были прекращены дипломатические отношения между Войском и Польшей. Но и после этого Войско старалось сохранять самостоятельные отношения с некоторыми странами. Так, переписка с Азовом продолжалась до 1713 г.[5] Примерно до этого же времени удерживались сношения с Крымским ханством.[6]

С переходом Войска в ведение Военной коллегии в 1721 г. оно окончательно утеряло право внешних сношений. Исключение составляли лишь самостоятельные отношения с калмыками, которые сохранялись до 30-х годов XVIII в. Однако они имели уже совсем иной характер, ибо Войско выступало здесь в качестве агента царской власти.

Дальнейшие успехи самодержавия в укреплении власти на Дону связаны были с усилением феодально-абсолютистского государства в конце XVII — первой четверти XVIII в., благодаря чему России удалось продвинуться в Подонье—Приазовье и создать опорные пункты в виде государственных крепостей.

Еще задолго до описываемых событий правительство придавало большое значение устройству городов-крепостей, которые должны были

---

[1] С. И. Тхоржевский. Донское войско, стр. 22—23.

[2] Опасаясь царского гнева, Войско не приняло указанного предложения.

[3] Акты Лаптева, т. I, № 84, 87, 92, 94; «Историческое описание земли войска Донского», стр. 322—326. По всей вероятности, это не осталось бы без наказания, которого казаки и ожидали. Но неожиданно для них из царской грамоты от 29 июля 1686 г. они узнали о заключении 6 мая 1686 г. «вечного мира с Польшей», о разрыве отношений России с Турцией и разрешении в связи с этим казакам нападать на владения турецкого султана и крымского хана.

[4] Акты Лаптева, т. I, № 137, стр. 216—217.

[5] Там же, т. I, № 173, стр. 273—274; ДАИ, т. XII, стр. 291, 119—120.

[6] Еще в 1718 г. крымский хан направил свой «лист» войску Донскому, но его тут же переслали в Петербург. См. ДАИ, т. XI, стр. 255, 256.

играть роль опорных пунктов в колонизационной политике русского самодержавного государства на Дону. Однако попытки правительства создавать такие форпосты на территории войска Донского или в непосредственной близости от нее в XVI—XVII вв. наталкивались на упорное сопротивление казачества и не давали желаемых результатов. Так, выстроенный в конце XVI в. «для обуздания донских казаков», по словам царя Бориса Годунова, город Царев-Борисов простоял очень недолго и во время крестьянской войны начала XVII в. был разрушен донскими и терскими казаками.[1] После крестьянской войны начала XVII в., когда правительство еще не окрепло, казаки выражали недовольство существованием даже сравнительно далеко расположенной от них Царицынской крепости. Заявляя, что им «от царицынских служилых людей чинится теснота великая, везде де их казаков на переходех побивают» и что Царицын им «стал пуще Азова», они угрожали «пришод, город (Царицын. — А. П.) зажечь и людей побить».[2]

Войско согласилось на присылку царских войск и устройство «города» на Дону после того, как понесло значительные потери во время Азовского сидения и усиленного вслед за тем наступления турок и татар.[3] Но когда в 1674 г. правительство приступило к сооружению крепости на Миусе, даже не на земле Войска, а лишь вблизи от нее, то казаки стали всячески противиться этому.[4] В 1675 г. правительство пыталось заставить казаков выстроить две крепости в районе Азова и Каланчинских башен для борьбы с турками, сидевшими в Азове. Но казаки увидели в этом угрозу для своего существования и не выполнили распоряжения правительства, заявив, что они «за царя своего» рады умереть «и без городков».[5]

Наконец, еще в 1683 г. казаки угрожали расправой царицынскому дворянину Ивану Бакунину, когда, по его словам, узнали, что он делал валовой чертеж «от Царицына через степь по Дону до Паншина городка... где пристойно быть в котором месте каким крепостям».[6]

Между тем уже в середине XVII в. Донскую землю опоясывала оборонительная линия от Тамбова через новопоселенные города — крепости Керенск, Верхний и Нижний Ломов, Инсар, Саранск и Корсунь на Симбирск, а в 80-х годах XVII в. от Нижнего Ломова линия была выдвинута на юг через Пензу, а отуда на восток к Сызрани. Находясь в непосредственной близости от земли донских казаков, она значительно усиливала позиции самодержавия на Дону.

Еще большее значение имели Азовские походы. После взятия Азова внешнеполитическое положение России значительно укрепилось, особенно на юге, и это создавало благоприятные условия для овладения в дальнейшем берегами Азовского и Черного морей. Поэтому русское правительство сразу приступило к созданию новых мощных укреплений в Азове и строительству гавани и крепости в Таганроге. Но эти же крепости были важны русскому правительству и как опорные пункты в утверждении его власти над казачеством. Во время переговоров о мире с Турцией в 1699 г. русский посол заявлял, что «когда Азов, Казыкермень и другие крепости будут в русском владении, то своевольные люди обоих государств уймутся; эти крепости великий государь не для какой-нибудь себе славы в своей стороне держать изволяет, но только для унятия с обеих сторон своевольных людей».[7]

---

[1] «Историческое описание земли войска Донского», стр. 64; «Памятники древней письменности, относящиеся к Смутному времени». СПб, 1891, стр. 602—603.

[2] ДД, кн. I, № XX, IV, стб. 343—344.

[3] Там же, кн. III, № XXI, 19, стб. 793.

[4] Акты Лишина, т. I, № 57, стр. 91—93.

[5] «Историческое описание земли войска Донского», стр. 301—304.

[6] ДАИ, т. X, № 49, стр. 161.

[7] С. М. Соловьев. История России, кн. III, т. XIV, стб. 1232.

Созданием Азовской и Таганрогской крепостей было положено начало устройству опорных пунктов государственной власти в непосредственной близости от казачьих земель. Почти одновременно в 1698 г. на Медведице была выстроена крепость Петровск, а вслед за тем на Хопре — крепость Павловск.[1] В начале XVIII в. изюмский полковник Ф. В. Шидловский сделал попытку отнять у казаков Бахмутский городок со всей прилегавшей к нему территорией, выстроить там крепость и превратить ее в опорный пункт для защиты «от самовольных жителей». Это вызвало сильный протест казаков и послужило одним из поводов к Булавинскому восстанию.[2] Но после разгрома народного движения 1707—1708 гг. вокруг Донской земли правительством было построено несколько крепостей, в том числе Бахмутская (на отнятой у донских казаков земле), а также Ново-Павловская на р. Осереде, Лютик в устье Дона и выстроенная в 1716 г. Новохоперская.[3]

Не удовлетворяясь этим, правительство уже в начале XVIII в. пыталось выстроить крепости на территории, занятой казаками.

В апреле 1704 г. царицынскому воеводе Быкову было поручено в районе казачьих городков Паншина, Качалина и Иловлинского «осмотреть мест по реке Дону на луговой и на нагорной сторонах, где б пристойно быть городу, чтоб место высокое, не поемное и к крепостем и к угодьям... и те городки и острова осмотреть и измерить, и где место угодное в тех местех на городовое строение обыщется, измерить и учинить чертеж».[4] В 1706 г. азовский губернатор предложил выстроить городок в устье Айдара для приема хлеба, предназначавшегося гарнизонам Азова и Таганрога, а заодно и наблюдения за тем, «чтоб донские казаки поселений своих болши того не разширяли».[5]

Обе эти попытки не дали результатов, так как встретили упорное сопротивление со стороны казачества.[6] Но правительство от своих планов не отказалось, и когда по Прутскому миру 1711 г. пришлось сдать туркам Азовскую и срыть Таганрогскую крепости, оно выстроило свою новую крепость — Транжамент на земле войска Донского вблизи главного города Войска — Черкасска. Окружение земли казаков сетью крепостей дало возможность правительству иметь своих наблюдателей за донскими казаками и исполнителей его воли в непосредственной близости или даже на территории войска Донского.

Азовскому губернатору непрерывно поручалось разбирать земельные споры донских казаков с соседями и, в частности, спор Войска с Изюмским слободским полком из-за Бахмутских солеварен. В 1703 г. Петр I предписал Апраксину разбирать «ссоры и несогласия», возникавшие у казаков с калмыками и запорожцами, а когда в связи с Астраханским восстанием 1705 г. на Дону создалось очень напряженное положение, Петр I предписал азовскому губернатору не только охранять Азов и Таганрог, но «и донских казаков ведать, как Вас бог вразумит».[7]

Место для Транжамента выбиралось вскоре после разгрома Булавинского восстания. Крепость нужна была не только для обороны от турецких набегов, но, как указывал Петр I, и «для казаков». Снабженная артиллерией, вывезенной из Азова, и имевшая значительный гарнизон, крепость должна была «внутренние иногда шатости по тутошнему

[1] А. А. Гераклитов. История Саратовского края в XVI—XVIII вв. Саратов, 1923, стр. 305—308.

[2] «Булавинское восстание», стр. 30—31.

[3] Е. Болховитинов. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1801, стр. 109—110; «Столетие военного министерства», т. XI, ч. 1, стр. 65—66.

[4] Акты Лишина, т. I, № 150, стр. 232—233.

[5] П и Б, т. VI, СПб, 1912, № 2213, стр. 210.

[6] Акты Лишина, т. I, № 150, стр. 234.

[7] Там же, № 139, стр. 218.

месту пресекать»[1] и быть посредником между царской властью и донскими казаками. У коменданта крепости казаки получали разрешение на совершение поисков против турок и татар, к нему же они обращались для урегулирования всякого рода спорных вопросов с калмыками и нагайцами. Нередкими стали случаи, когда правительство свои распоряжения посылало коменданту Таганрога, а тот со своей стороны направлял Войску «промемории» и «реляции».[2]

Пользуясь доверием правительства, коменданты крепости часто превышали свои полномочия, а некоторые из них проявляли столь явное неуважение к правам донских казаков, что вызвали с их стороны открытое возмущение. Так, назначенный царским указом от 13 декабря 1728 г. «командиром» (комендантом) Таганрога генерал Тараканов имел указание «смотреть, чтоб от донских казаков какой шатости и никаких противных поступков не происходило», а «буде что противно усмотрит или заподлинно уведает, до того их не допускать...»[3] Бравый генерал столь ретиво выполнял это распоряжение правительства, что возбудил против себя большое недовольство казаков. Среди них, как писал А. И. Ригельман, «затлелась искра» и начались волнения. Тараканову пришлось бежать в Таганрог и спастись от расправы ему удалось только благодаря его крепким стенам.[4]

Этот случай не послужил уроком для других комендантов правительственных крепостей, расположенных на Дону и в Приазовье. Наоборот, по мере укрепления абсолютной монархии в России они все более активно вмешивались в дела войска Донского.

Указом Сената от 3 августа 1731 г. коменданту выстроенной вместо Таганрога Анненской крепости (тому же генералу Тараканову) предписывалось, минуя Войско, разослать своих офицеров по станицам для записи желающих переселиться на Царицынскую линию.[5] В 1737 г. другой комендант Анненской крепости генерал-аншеф Левашов своим распоряжением уволил в отставку казака Осипа Черного.[6] В 1745 г. по указу Военной коллегии Войску предлагалось выдать «старшину Бобрикова в крепость святой Анны по некоторому следственному делу».[7]

По указу от 24 марта 1748 г. комендант Анненской крепости производил расследование о «ссорах и несогласиях» между войсковым атаманом Д. Ефремовым и старшиною Федором Краснощековым.[8] В 1749 г. генерал Левашов разрешил полковнику Азовского казачьего полка Васильеву на войсковой земле основать хутор и занять земли столько, «сколько без излишества обнять может»,[9] а несколько ранее он же пытался поселить на войсковой земле группу однодворцев.[10]

Коменданту основанной в 1749 г. Ростовской крепости были даны правительством столь широкие полномочия, что население Войска ча-

---

[1] А. И. Ригельман. История о донских казаках, стр. 99. По выводе войск из Азова часть их была переведена в ретраншемент, а часть, как свидетельствует В. Броневский, непосредственно в Черкасск. По его словам, это делалось не только для защиты главного города донских казаков от нападения турецких войск, но и для содержания их «в страхе и повиновении» (В Броневский. История Донского войска, ч. I, стр. 276).

[2] Е. П. Савельев. История Дона и донского казачества, вып. III, стр. 217.

[3] ПСЗ, т. VIII, № 5361.

[4] А. И. Ригельман. История о донских казаках, стр. 102—103.

[5] ПСЗ, т. VIII, № 5834.

[6] Этот акт вызвал резкий протест со стороны Войска, которое заявило, что подобным образом «и многие казаки, уклоняясь от службы и походов, помимо своего настоящего начальства (команды) начнут искивать себе отставки и расходиться от Войска». Военная коллегия признала, что Левашов превысил на этот раз свои полномочия, и отменила его распоряжение (А. Савельев. Трехсотлетие войска Донского, стр. 64).

[7] «Дон», 1877, № 7—8, стр. 46.

[8] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 456, стр. 497.

[9] И. Сулин. Материалы... СОВДСК, вып. 8, стр. 198—199

[10] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 512 и 522, стр. 573, 586—589.

сто не знало, обращаться ли за разрешением спорных вопросов в Войсковую канцелярию или к нему. В связи с этим комендант крепости Потапов в 1766 г. просил Военную коллегию разъяснить, какие дела Войска подлежат его ведению. Так как правительству было известно, что вмешательство комендантов крепостей во внутренние дела Войска вызывало сильное раздражение донских казаков, а также недовольство войсковых властей, Военная коллегия указала Потапову «нашего войска Донского только те следственные дела производить, о которых по прежде посланным из Военной коллегии указам велено и впредь определено будет от коллегии, а вновь челобитен того Войска на старшин и казаков не принимать, ибо оные должны свои удовольствия требовать и суд иметь в Войсковой канцелярии».[1]

Но это распоряжение не имело существенного значения. Той же грамотой коменданту Ростовской крепости разрешалось разбирать те дела, где «просители поданными своими челобитными объявлять к нему будут, что они в Войсковой их канцелярии обвинены по силе точных на то дело законов и указов неправильно».[2] Следовательно, комендант Ростовской крепости рассматривался правительством как представитель государственной власти, имевший право ревизовать решения Войска.

Как представитель государственной власти, стоявшей над Войском, действовал генерал Потапов при выколачивании из крестьянского населения Дона подушных податей. Во время волнений казаков в 1772 г. Ростовская крепость играла роль цитадели, опираясь на которую самодержавию удалось навести «порядок» на Дону. Как только началась крестьянская война под предводительством Е. Пугачева, комендант крепости генерал Потапов разослал своих офицеров «для наблюдения за донскими казаками», приказав войсковым властям, а также комендантам Азовской, Таганрогской, Бахмутской, Царицынской и Новохоперской крепостей «встретить его (Пугачева. — А. П.) общими силами, если б он иногда стремился ворваться в донские селения».[3]

Особая роль Ростовской крепости как оплота самодержавной власти на юго-востоке России сохранялась до самого конца XVIII в. Историк военно-инженерного дела в России Ф. Ласковский отмечал в свое время, что с точки зрения фортификационной крепость предназначена не только для охраны границ, но и для того, чтобы удерживать в повиновении донское казачество.[4] И это было хорошо известно современникам. Поэтому посетивший Дон в 1793 г. академик Паллас писал, что крепость «важна хотя бы для того, чтобы держать в уважении донских казаков и защищать устье Дона»[5], а в рапорте инженер-генерала де Волана, осматривавшего крепость в самом конце XVIII в., тоже отмечалось ее значение «для наблюдения за донскими казаками».[6]

По мере укрепления абсолютной монархии в России правительство все более активно вмешивалось непосредственно в войсковые распорядки.

Уже в начале XVIII в. стал нарушаться старинный принцип, согласно которому распоряжаться земельными угодьями на Дону могло только Войско. Так, царской грамотой от 22 июля 1700 г. войску Донскому повелевалось казаков верховых городков, которые живут по Хопру, по Медведице и по разным рекам, «перевесть и поселить по дву дорогам к Азову».[7] Указом 1703 г. донским казакам устанавливались «запретные воды» для рыбной ловли в районе Азова, «вверх по Дону, до

[1] Акты Лишина, т. III, № 35, стр. 65; см. также № 54, стр. 96—97.
[2] Там же.
[3] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 1, лл. 352—352 об.
[4] «Азов, Ростов, Таганрог. К истории городов Ростовской области». Ростиздат, 1939, стр. 48.
[5] P. S. Pallas. Second voyage, t. II. Paris, 1811, p. 228.
[6] Военная энциклопедия, т. IX, 1912, стр. 133.
[7] Акты Лишина, т. I, № 123, стр. 190—191

устья Мертвого Донца, на 10 верст... а вниз от города Азова до взморья на 4 версты на 150 сажен».[1] Рядом грамот, посланных на Дон в 1704—1706 гг., предписывалось «городки, которые поселены не по указу (22 июля 1700 г.—А. П.) и не на шляхах, а именно Новый Айдар, Шюльгин, Осиновый Ровенек, на Красной Кабаней, и которые построены, кроме Старого Айдара, по иным запольным речкам, после Азовской службы, свесть и старожитных казаков... перевесть на Северный Донец».[2] О вмешательстве правительства в земельные дела войска Донского свидетельствует и известная грамота от 28 февраля 1706 г., которая запрещала казакам занимать «пустопорожние земли» и основывать на них городки без разрешения Войска.[3] В те же годы правительство ограничило право донских казаков на рубку лесов, расположенных на земле Войска Дразо свободной торговли и т. д.[4]

Убедившись, что Войско плохо выполняет указ о сыске беглых, в марте 1698 г. Петр I в нарушение старых донских традиций подписал указ об отправке на Дон правительственных «сыщиков добрых и знатных и пожиточных людей из Посольского приказу».[5] После некоторой подготовки на Дон с этой целью в 1703 г. были посланы два стольника—М. Ф. Пушкин и М. Н. Колотривов, а по указу от 6 июля 1707 г.—Ю. В. Долгорукий со значительным отрядом.[6]

В самом начале XVIII в. правительство разрешило владельцам самим ловить на Дону беглых, предписав Войску не только не чинить им препятствий, но выдавать немедленно найденных ими беглецов. В апреле 1700 г. представители каширского помещика Кротова разыскивали его людей, которых на Дон сманил их земляк, поселившийся там еще раньше. В августе 1700 г. находился на Дону, преследуя бежавших от него пятерых крестьян, козловский подьячий Свешников.[7] Владельцы искали своих людей и в последующие годы.

Усиление самодержавно-крепостнического гнета в России и жестокие меры, которыми сопровождалось наступление помещичьего государства на донское казачество — все это привело к возникновению одного из крупнейших в истории феодальной России народных движений—Булавинскому восстанию. Уже через полгода после начала движения оно достигло такого размаха, что после взятия восставшими Черкасска Петр I счел необходимым самому ехать на Дон, «дабы с помощию Божиею безопасно тот край сочинить».[8]

Царь и его приближенные ясно видели силу и размах народного движения, развернувшегося в это время на Дону. В донесении Петру I от 7 мая 1708 г. А. Д. Меншиков утверждал, что «все они [донские] казаки заодно»,[9] азовский губернатор И. А. Толстой 10 мая 1708 г. тоже доносил об «измене» всех казаков»,[10] а находившийся на Дону кн. В. В. Долгорукий 15 июля 1708 г. также писал, что «все [донские казаки] изменили сплошь».[11]

---

[1] «Булавинское восстание», № 1, стр. 77—78.

[2] «Булавинское восстание», стр. 22. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.», стр. 255. При этом казаки предупреждались: «а буде вы... нынешнего лета с Хопра и с Медведицы казаков на вышеписанные две дороги в назначенныя урочища не сведете и не поселите», то «по нашему, великого государя, указу те хоперские и медведицкие казаки поселены будут в иных местах».

[3] В. Н. Ветчинкин. Очерк поземельного владения. ТОВДСК, вып. II, отд. 1, стр. 27.

[4] Н. С. Чаев, К. М. Бибикова. Указ. соч., стр. 20.

[5] ПСЗ, т. III, № 1644.

[6] Акты Лишина, т. 1, № 140, стр. 219—220; «Булавинское восстание», № 7, стр. 113—114.

[7] ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, ДД, 1700 г., № 14, лл. 28—33.

[8] П и Б, т. VII, № 2403, стр. 187—188.

[9] Там же, прим. к № 2347, стр. 637.

[10] «Булавинское восстание», № 64, стр. 236.

[11] Там же, № 113, стр. 298.

Но, обрушившись на восставших всей мощью своих вооруженных сил и жестоко расправившись с участниками движения после его разгрома, правительство не считало необходимым и возможным ликвидировать войско Донское. В известном приказе царя В. В. Долгорукому от 19 июня 1708 г. об «опустошении» и отторжении от Войска огромной территории, между прочим, предписывалось «добрых обнадежить». А В. В. Долгорукий в донесении Петру I от 15 июля 1708 г. тоже указывал, что донское казачество следует сохранить, но, учитывая, «какие они шаткие люди», «надобно определение с ними сделать, чтоб и впредь им нельзя не токмо делать и мыслить, [но] и вольность у них убавить».[1]

Правительство начало с того, что при проведении реформы областного управления по указу от 18 декабря 1708 г. включило Дон в состав Азовской губернии.[2] На первых порах целостность Войска как военно-административной единицы не нарушалась и оно по-прежнему оставалось в ведении Посольского приказа, а когда после Прутского мира Азов был срыт и губернский центр был переведен в Воронеж, власть губернатора над Войском стала еще более слабой.

Но уже с 1716 г. делами войска Донского стал распоряжаться Сенат,[3] а царским указом от 3 марта 1721 г. войско Донское вместе с Яицким и Гребенским было передано в подчинение Военной коллегии.[4] Этим актом завершалась полная ликвидация суверенных прав войска Донского, многие из которых к этому времени имели уже лишь формальное значение.

Затем правительство отменило выборность атаманской должности. Насколько большое значение придавалось этому, можно судить по приказу Петра I В. В. Долгорукому от 19 июня 1708 г., где предписывалось строго следить за тем, чтобы казаки «выбрали атамана доброго человека». Но когда Петр I 19 апреля 1709 г. прибыл в Черкасск и произвел розыски, то выяснилось, что предавший К. Булавина войсковой атаман Зерщиков и целый ряд известных старшин Войска тоже были замешаны в восстании. По приказу Петра I они были казнены. Но царь уже не разрешил войску выбирать себе атамана и, как отмечает А. И. Ригельман, собственною волею «пожаловал им из них же в войсковые атаманы Петра Емельянова, сына Рамазанова, по смерть его».[5]

Войско еще надеялось сохранить за собой право выбора атамана, хотя бы при условии утверждения его царем. Поэтому после смерти Рамазанова[6] для избрания нового атамана в Черкасске был созван круг. Однако правительство зорко следило за тем, что там происходило. И когда из донесения коменданта Таганрога стало известно, что «решено было у них быть войсковым атаманом Кумшацкому, и насеку ему вручили впредь до указу», Петр I своего указа об утверждении Кумшацкого войсковым атаманом не прислал. Тогда Войско в 1716 г. избрало нового атамана — Максима Фролова, но и он не был утвержден. И только после избрания в следующем году атаманом Василия Фролова, сына сподвижника Петра I Фрола Минаева и лично угодного царю, 18 января 1718 г. на Дон была послана царская грамота о его утверждении, причем без права переизбрания его на кругу, если не будет на этот счет специального разрешения царя.[7]

Василий Фролов был последним войсковым атаманом «по выбору всего Войска». После его смерти в 1723 г. круг избрал войсковым ата-

[1] «Булавинское восстание», стр. 299.
[2] ПСЗ, т. IV, № 2218.
[3] В. Броневский. История Донского войска, ч. 1, стр. 233—234.
[4] ПСЗ, т. VI, № 3750.
[5] А. И. Ригельман. История о донских казаках, стр. 97; Г. Левицкий. Старочеркасск и его достопримечательности, стр. 49.
[6] А. И. Ригельман полагал, что он даже не умер, а был смещен кругом (см. указ. соч., стр. 101).
[7] «Русский инвалид», 1870, № 110, стр. 3—4.

маном Ивана Матвеевича Краснощекова, но Петр I его не утвердил, а, минуя войсковой круг, указом от 9 июля 1723 г. самостоятельно — «впредь до нашего указу», т. е. без права переизбрания его на кругу, назначил старшину Андрея Лопатина.

С этого времени все войсковые атаманы назначались только верховной властью и ни в какой мере уже не зависели от войскового круга. Значительный период времени они даже именовались не войсковыми, а наказными атаманами. А когда окончательно забылось значение этой должности как выборной, указом от 4 марта 1738 г. она была введена вновь, но уже рассматривалась как жалуемый правительством чин.[1]

Подведем итоги. 1. В силу особых исторических условий на Дону уже в середине XVI в. возникла своеобразная военная общественная организация — войско Донское, пользовавшееся почти до конца XVII в. автономией в области суда, управления и внешних сношений и отличавшееся демократическим устройством.

2. По мере укрепления самодержавной власти на Дону и усиления старшинской верхушки правительство уже с последней четверти XVII в. стало ограничивать «вольности» донских казаков. После разгрома крестьянской войны 1670—1671 гг. казаки были приведены к присяге, а вслед за тем потеряли «право убежища» и «право внешних сношений».

3. С начала XVIII в., а особенно после разгрома Булавинского движения, правительство, учитывая социальные перемены в среде донского казачества, перешло к решительному уничтожению автономных прав Войска и ликвидации его демократического устройства. Уже в 1721 г. Войско было подчинено Военной коллегии. Вслед за тем была ликвидирована выборность войсковых атаманов, а в течение XVIII в. они превратились в послушных чиновников самодержавного государства. Наряду с ними важную роль агентов самодержавной власти и исполнителей ее воли стали играть коменданты государственных крепостей, сооружавшихся на Дону с конца XVII в.

---

[1] ПСЗ, т. X, № 7525. О превращении должности войскового атамана в жалуемый правительством чин еще в большей мере свидетельствует указ от 14 августа 1753 г., которым в ответ на просьбу Данилы Ефремова должность войскового атамана передавалась Степану Ефремову. При этом Данила Ефремов получал чин генерал-майора, а Степан Ефремов, как говорилось в указе, должен был поступать «по его ордерам и наставлениям» и обо всем «обстоятельно Военной коллегии доносить» (ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 89, л. 258; см. также Акты Лишина, т. II, ч. II, № 480, 503, 622, 632, 633.

Глава II

ОЛИГАРХИЧЕСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ СТАРШИН. ПОСТЕПЕННОЕ УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ НА ДОНУ

1. ПАДЕНИЕ ПРЕЖНЕГО ЗНАЧЕНИЯ ВОЙСКОВОГО КРУГА И СОСРЕДОТОЧЕНИЕ ВСЕГО УПРАВЛЕНИЯ В РУКАХ АТАМАНА И КАНЦЕЛЯРИИ ВОЙСКОВЫХ ДЕЛ СТАРШИН

Укрепление позиций самодержавия на Дону было возможно лишь при наличии там социальной опоры. Правительство, как и в прежнее время, находило ее в лице старшины, которая в свою очередь нуждалась в поддержке правительства, ибо без него не могла сохранять свое господство над трудовой массой казачества. Союз этих двух социальных сил укреплялся с каждым десятилетием, и все дальнейшие перемены в управлении Войском являлись его непосредственным результатом.

Это нашло свое выражение прежде всего в коренном изменении роли высшего органа управления — войскового круга. Как уже отмечалось, еще в конце XVII в. войсковой круг перестал быть органом народной власти, а решающее слово на нем стало принадлежать старшинам. Но по мере укрепления их социально-экономических позиций старшинам этого становилось уже недостаточно, и постепенно они добились ликвидации войскового круга на Дону.

Впрочем, формально, по традиции, войсковой круг продолжали созывать и в XVIII в. Но, так как он уже не имел прежнего значения и не был органом верховной власти на Дону, на круг собирали лишь казаков черкасских городских станиц, а жители дальних станиц часто даже не знали о его созыве.

Сужение компетенции войскового круга выразилось прежде всего в том, что он собирался главным образом для выслушивания царских указов и получения царского жалованья. Кроме того, на кругу избирали должностных лиц. Однако еще при Петре I круг потерял право избирать войсковых атаманов, в 1732 г. — походных атаманов[1], а с 1754 г. — войсковых старшин.[2] Сравнительно долго избирались на кругу зимовые станицы. Но, во-первых, атаманами этих станиц уже с 20-х годов XVIII в. стали в силу своего положения, а не по выбору, войсковые атаманы или назначаемые ими старшины, чаще всего из числа их же родственников,[3] а, во-вторых, зимовые станицы в XVIII в. уже не

[1] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 53, стр. 55; см. также т. II, ч. I, № 194, стр. 185 и т. II, ч. II, № 421, стр. 423 и № 428, стр. 433.

[2] Там же, т. II, ч. II, № 621, стр. 775—776.

[3] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 566, стр. 663.

играли роли представителей войска Донского при царском дворе. К тому же со второй четверти XVIII в. правительство стало строго регламентировать количество и состав зимовых и легких станиц.[1] До конца XVIII в. за кругом сохранялось право избрания других должностных лиц (есаулов, дьяков и т. п.). Однако свобода выборов их была ограничена указом от 31 декабря 1765 г., которым «повелено [было] во всякие чины выбирать достойных, заслуженных и неподозрительных людей по порядку из десятников в сотники, из сотников в есаулы» и т. д.[2], а по определению Войскового правительства от 28 марта 1776 г. на военные должности сотников, хорунжих и квартермистров можно было попасть лишь по «выбору» самих полковников, т. е. по назначению.[3] Дольше других оставались выборными гражданские чиновничьи должности (войсковые есаулы, члены Войскового гражданского правительства). Однако, пользуясь своим влиянием в круге, атаман и старшины проводили на эти должности, как правило, угодных им кандидатов.[4]

Потеря войсковым кругом былого значения выразилась и в том, что со второй четверти XVIII в. отдельных лиц стали зачислять в казаки по распоряжению правительства. В 1734 г. царскими грамотами предписывалось зачислить в казаки «вышедшего из Азова турчанина Малмута» и бурлака Семена Васильева, «ежели он подлинно по сдаче Азова вышел в Черкасской в малых летах».[5] В 1735 г. Войску было приказано «приверстать в казаки солдатского сына Ивана Жарикова»,[6] в 1772 г. — крещеного калмыка Яковлева[7] и т. д. Примерно с того же времени правительство стало издавать распоряжения и об исключении отдельных лиц из числа донских казаков по тем или иным причинам.[8]

После разгрома крестьянской войны 1773—1775 гг. почти за все время существования на Дону Войскового гражданского правительства о деятельности войскового круга в источниках ничего не говорится. Если в этот период он и созывался, что мало вероятно, то никакой роли в жизни казачества не играл. Лишь после смерти Екатерины II, когда Павел I манифестом от 6 июля 1797 г. пообещал восстановить «все бывшие постановления войска Донского»,[9] был созван круг, где торжественно было объявлено о воле государя. Некоторое время после этого войсковой круг собирали регулярно, шесть раз в году. Однако и при Павле I он не имел никакой власти и все сводилось к торжественному чтению царских указов и войсковым парадам.

Но если в обычное, «мирное» время войсковой круг уже в XVIII в. не играл никакой роли в жизни донского казачества, то в периоды народных движений волею рядовой казачьей массы возрождалось его былое значение.

В самом начале Булавинского восстания после сражения на Айдаре

[1] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 45, стр. 48, № 96, стр. 98—99; т. III, № 106, стр. 197—198.

[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 116, д. 39, лл. 234—234 об.

[3] Определение Войскового гражданского правительства дано было по частному случаю; оно касалось полков, направленных в распоряжение Московской, Финляндской и Белорусской дивизий. Но с этого времени назначение военных чинов получило на Дону всеобщее распространение.

[4] В источниках отмечены случаи проведения атаманами своих ставленников на те или иные должности в обход войскового круга. Так, наказной атаман С. Сулин назначил есаулом войска Донского своего сына Дмитрия, а войсковой атаман С. Ефремов, уезжая в Москву, назначил временным наказным атаманом «не по общему войсковому согласию» Сидора Кирсанова. Эти дела получили огласку потому, что «обойденные» старшины подали жалобу в Военную коллегию (см. Акты Лишина, т. III, № 49, стр. 90, 95); см. также жалобу старшины Лукьянова о назначении войсковым атаманом Ефремовым наказными атаманами «младших старшин пред старшими» (Там же, т. III, № 72, стр. 263—264).

[5] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 93, стр. 94—95, № 93, стр. 96—97.

[6] Там же, № 120, стр. 123.

[7] Там же, № 271, стр. 249.

[8] Там же, № 112, стр. 118.

[9] ПСЗ, т. XXIV, № 18239.

в Черкасске происходило собрание войскового круга, где решался вопрос об отношении казаков к вспыхнувшему восстанию.[1] Когда восставшие обосновались в Пристанском городке, то, по сообщению азовского губернатора И. А. Толстого, «разыслали по реке Хопру и по Медведице и по Бузулуку письма, по всем станицам, чтоб изо всякой станицы съезжались лутчих людей по 20-ти человек из станицы в Пристанской городок на совет. И как де из тех станиц съехались и учинили круг, и в том де кругу явился Кондрашка Булавин». По сообщению И. А. Толстого, на кругу был произведен выбор «старшин и полковников, есаулов и знаменщиков», а также «послали по Хопру и по Медведице и по Бузулуку и по Дону вверх и вниз по станицам письма, чтоб изо всех станиц по половине с ним Кондрашкою шли на вниз до Паншина, и в Паншине де съехався пойдут на Черкаской остров».[2]

После взятия восставшими Черкасска круг по существу превратился в высший орган власти на Дону. По решению круга 6 мая 1708 г. были казнены войсковой атаман Л. Максимов и его ближайшие помощники. 8 мая Булавину стало известно о приходе на Дон царских войск, и снова был созван круг, где было принято решение о борьбе с ними. 9 мая на войсковом кругу К. Булавин был избран войсковым атаманом.[3]

В это время круг был органом подлинно народной власти. Поэтому, когда были конфискованы церковные деньги (20 тыс. руб.), они были розданы всем казакам поровну, а богатым черкасским казакам не дали ничего. Мало того, по словам И. А. Толстого, атаману Булавину на кругу голытьба заявляла, что надо «черкасских природных казаков всех побить и пожитки их разграбить».[4]

Сила войскового круга была в это время столь большой, что атаман как в этом, так и в других вопросах не смел ничего решать без санкции круга. Булавин, например, держал под арестом около двадцати старшин и ожидал от круга решения их судьбы. В середине мая 1708 г. Булавин стал настаивать на походе против Азова. Но казаки, во-первых, заявили, что для совершения похода нужно дождаться подмоги из верховых городков, и, во-вторых, потребовали отпустить их на сенокос. И Булавин вынужден был уступить и отложил поход до начала июля 1708 г.[5]

Разгромив Булавинское восстание, правительство нанесло сильный удар органу народной власти донского казачества — войсковому кругу. В дальнейшем, в течение всего XVIII в., продолжалась ликвидация остатков влияния войскового круга на жизнь донского казачества. Но до конца века сделать это полностью так и не удалось. И в период абсолютной монархии XVIII в. рядовая казачья масса оставалась еще силой, с которой приходилось считаться господствующему классу. Правда, объединенными усилиями самодержавной власти и донских старшин эта сила была в значительной степени подорвана. Однако во время народных движений она еще давала себя знать даже в последнем десятилетии XVIII в.

Взять, к примеру, волнения донских казаков, происходившие в 1792—1794 гг. Они начались с того, что находившиеся на Кубани казаки созвали круг и, выбрав своих атаманов и старшин, двинулись на

---

[1] На этом кругу с ведома Ильи Зершикова и некоторых других старшин, оппозиционно настроенных к Москве, присутствовал переодетый в монашеское платье К. Булавин (Н. С. Чаев. Булавинское восстание. Вводная статья к сб. «Булавинское восстание», стр. 39).

[2] «Булавинское восстание», № 29, стр. 169.

[3] Там же, № 66, стр. 238—239.

[4] «Булавинское восстание», № 66, стр. 239.

[5] Там же, № 64, стр. 239; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.», стр. 261—264. Ценные сведения о роли казачьих кругов во время Булавинского восстания имеются в новой публикации Е. П. Подъяпольской «Новое о восстании К. Булавина» (Исторический архив, 1960, № 6).

Дон. Придя 30 мая 1792 г. в Черкасск, они потребовали от войскового атамана А. И. Иловайского немедленного созыва войскового круга.[1] В условиях начавшихся волнений войсковые чиновники, хотя и оставались верными правительству, вынуждены были считаться с народной властью и не препятствовали созыву круга. Но и после того, как старшины оправились от первого испуга и, подавив восстание (на первом этапе), произвели аресты, было приказано 6 человек «пущих заводчиков» (чтобы не упускать из своих рук) наказать в Ростовской крепости, а остальных, «чтобы не ожесточать пуще чернь, которая завсегда и обыкновенно бывает в предубеждениях своих упорна, и старинных обыкновений и обрядов держится до исступления», было приказано «по обыкновению казачьему наказать в кругу публичном плетьми».[2]

В ходе волнений, когда Екатерина II 26 мая 1793 г. подписала Жалованную грамоту Войску, в Петербург была отправлена особая избранная *войсковым кругом* депутация, которая получила грамоту из рук самой Екатерины. По возвращении делегацию торжественно встретили уже на границе Войска. А когда она прибыла в Черкасск, там для приема жалованной грамоты был созван *войсковой круг*. В дальнейшем до конца волнений 1792—1794 гг. казачий круг как орган народной власти действовал неизменно.

Но так бывало лишь в периоды народных волнений. В обычное время роль войскового круга неуклонно падала, а к концу XVIII в. он потерял всякое значение, несмотря даже на формальное восстановление его Павлом I.

В то же время непрерывно росли на Дону влияние и власть войскового атамана и старшин. Уже в середине XVII в. они негласно оказывали влияние на дела Войска. Используя свое привилегированное положение и поддержку московского правительства, они нередко заставляли войсковой круг принимать угодные им решения.[3]

С начала XVIII в. положение старшины настолько укрепилось, что она даже в очень важных случаях принимала решения за все Войско без санкции круга. Так, 21 февраля 1706 г. донская старшина удостоилась царской милостивой грамоты за то, что во время Астраханского восстания, устранив круг, самостоятельно приняла решение о борьбе с восстанием. Как указывалось в царской грамоте, когда прибыли на Дон представители из Астрахани, «атаман Лукьян Максимов с знатною и с разумною старшиною и с прочими добрых сердец казаками» их арестовали и доставили в Москву. Тот же «войсковой атаман и знатная старшина, с доброго и усердно радетельного своего совету (но без войскового круга. — **А. П.**), во все донские верховые городки с низу послали того ж времени к станичным атаманом и казаком крепкие войсковые указы с нарочными посыльщики, чтоб в тех донских городках отнюдь никто из них станичных атаманов и из казаков к тому злому делу не приставали». Наконец, не круг, а «войсковой атаман и вся старшина» для борьбы с восстанием, «отобрав несколько тысяч добраго воинства со всяким воинским оружием и с знатною и доброю и верною старшиною с Максимом Фроловым да с Васильем Поздеевым с товарыщи к Царицыну послали без мотчания».[4]

---

[1] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 35, ч. IV, д. 309, лл. 71—72; Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 12.

[2] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 42, ч. IV, д. 406, л. 29 об.; И. И. Дмитренко. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска, т. 1, стр. 183.

[3] См. ч. II, гл. II, § 1 настоящей работы.

[4] «Историческое описание земли войска Донского», прим. 547, на стр. 361—362; А. В. Чернов, Н. Б. Голикова. Астраханское восстание 1705—1706 гг. В кн. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Первая четверть XVIII в.», стр. 245—246.

Источники неоднократно свидетельствуют, что и в других случаях старшины действовали столь же самоуправно, не считаясь с войсковым кругом. В отписке Булавина, отправленной представителям царской власти в мае 1708 г., говорилось о многих несправедливых действиях старшин, которые совершались без ведома войскового круга: «которая его в. г. присылаетца к нам Войску годовое денежное и хлебное жалованье... они старшины в дуван ничего не давали. Да они ж... против прежних ево в. г. указов и грамот, каковы присланы были к нам войску... о непринимании новопришлых с Руси людей, и они старшины с Руси людей многое число принимали и о заимке юртов без нашего войскового ведома письма многие давали, и за те письма многие к себе взятки брали».[1] В донесении черкасского протопопа Федора Олимпиева з 1718 г. указывалось, что «прежние де войсковые атаманы и нынешней Василей Фролов принимают в Черкасском и в других городках беглых драгун и солдат и всяких чинов пришлых людей, и в которых местах вновь городков строить не велено, построили и поселили теми пришлыми людьми».[2] Подобных фактов можно привести много.

Если еще в первом и втором десятилетиях XVIII в. старшины решали войсковые дела неофициально, то после перехода донского казачества в 1721 г. в ведение Военной коллегии положение начало постепенно меняться. Она не признавала войсковой круг органом войскового управления. Поэтому вела дела с войсковым атаманом, в лице которого видела чиновника абсолютистского государства и верного исполнителя воли самодержавной власти. Так как в связи с переходом Войска в ведение Военной коллегии резко увеличилась бюрократическая переписка, то при войсковом атамане возникла канцелярия. На первых порах это было совершенно неофициальное учреждение, созданное для ведения текущих дел по указанию войскового атамана. Но дела в канцелярии вели старшины, и они стали оказывать влияние на решения тех или иных вопросов. Постепенно при атамане создался постоянный орган управления — Войсковая канцелярия, или Канцелярия войсковых дел старшин, а группа старшин, наиболее близко стоявших к атаману и принимавших участие в решении важнейших дел, стала именоваться сбором старшин в Войсковой канцелярии.

Мы не имеем возможности установить, с какого времени существовал такой орган как официальное учреждение. По всей вероятности, он существовал со времени перехода Войска в ведение Военной коллегии, т. е. с 20-х годов XVIII в. Но нам известно, что с начала 30-х годов Войсковая канцелярия принимала жалобы от казаков и готовила по ним проекты решений, которые принимались на войсковом кругу. Еще через десять лет, в 40-х годах XVIII в., Канцелярия войсковых дел старшин как официальное учреждение уже действовала непрерывно.[3]

Один из наиболее рьяных апологетов самодержавия и крепостничества историк 30-х годов XIX в. В. Л. Броневский в создании Канцелярии войсковых дел старшин видел положительное явление. «Учреждением правления старшин, — писал он, — уничтожены шумные и бесчинные собрания войскового круга, где всякий казак имел равный голос; где войсковой атаман мог только предлагать, докладывать и соглашать умы разномыслящей толпы; и где, посему, всякий вопил и требовал исполнения того, чего ему хотелось».[4] В то же время В. Л. Броневский, как, впрочем, и другие дворянские и буржуазные историки донского казачества, затушевывал социальный характер нового учреждения. А между

[1] «Булавинское восстание», № 239, стр. 452.

[2] ГАРО, ф. 66, оп. 1, д. 1473, лл. 30—31.

[3] Е. Кательников. Указ. соч., примечания Х. И. Попова, № 17, стр. 56—57; А. П. Пронштейн. Обзор материалов по истории донского казачества XVIII—XIX веков, стр. 229.

[4] В. Л. Броневский. История Донского войска ч. I, стр. 284.

тем ликвидация войскового круга и создание Канцелярии войсковых дел старшин выражали собой не только экономическое и политическое господство старшинской верхушки на Дону, но и полный произвол ее по отношению к рядовой массе казачества. Так, в 1738 г. казаки, находившиеся на Царицынской линии, сообщили Войску, что старшина Михайла Гнутов «по бытности ево при Царицынской линии с командою» похитил «к своему интересу полученных с казны е. и. в. подлежащих к раздаче казакам провиантских и фуражных денег». Установив, что факты, сообщенные казаками, имели место, а также «за прочие продерзостные поступки» Войсковая канцелярия разжаловала Гнутова в рядовые на 5 лет. Но прошло лишь немного времени, и Гнутов, как писали казаки, по-прежнему был «определен старшиною».[1]

В 1752 г. в правительство поступила пространная жалоба казака Клецкой станицы Сидора Осипова. Он доносил, что в 1750 и 1751 гг. его дважды вызывали в Черкасск «якобы по доказательству в держании беглых российских, а в самом деле только для того, чтобы меня, нижайшего, взятками обрать и разорить, ибо, стращая меня, и обрали деньгами шездесят пять рублев».

В том же документе говорилось, что в декабре 1751 г. прибыли в Клецкую станицу старшины Яков Уваров и Алексей Ларионов и объявили, что числящийся по спискам станицы казак Федор Июдин не казак, а «пришлец тому уже с 30 лет». Угрожая наказанием казакам за держание беглого, старшины «взяли себе во взяток на год безденежно станичный кабак». Осипов указывал также, что в январе 1752 г. «определенной от Качалинской до Казанской верхней станицы для изыскания беглых старшина Казма Орлов, будучи тамо ж в Михайловской при ярмонке и уведав в взятках означенных старшин и нарочно оттуль приехав, и с оной Клецкой станицы просил денег сто рублев с тем, когда де не дадите, то всей станице беду он сделает». Так как станица денег не дала, то атамана и 10 «лучших» казаков вызвали в Черкасск, где после следствия «Июдин (как беглый. — **А. П.**) был сослан в Хоперскую крепость, а представителей станицы «бив и мучив тиранскими, атамана насеками, а казаков плетьми... отдали на целое лето в каменную работу».

Чтобы избавиться от нее, писал Осипов, «принуждены были мы нижайше, для выкупу с той мучительной работы занять денег у старшины Романа Емельянова 300 рублев да проценту 60 рублев, масла коровья 8 пуд, у Селивана Немухина 100 рублев, да в место процента дали ему 1000 дерев тыну, у Максима Федотова 100 рублев, да проценту ему 20 рублев, масла коровья один пуд, у Осипа Дмитрова двести рублев да проценту ему 10 рублев, масла коровья 4 пуда» и т. п. Эти деньги были даны войсковому атаману Даниле Ефремову, сыну его Степану, дьяку Карпу Колпакову, старшине Тимофею Туроверову и его сыну.

После освобождения этих «лучших» казаков с каменной работы «на заплату показанных денег с той Клецкой станицы собирали с каждого казака по 5 руб. по 25 коп., и теми деньгами вышереченные долги заплатили да сверх того еще на той станицы имеютца заемных денег с тысечю рублев, которые деньги из станицы издержаны для прежних безвинных нападков же и нечем уже оных и оплатить, так принуждены были в заклад тем, у кого деньги в долг браны до платежа, закладывать в юртах своих рыбные ловли и лучшие сенные покосы и за проценты скот свой отдать, чего ради во всей оной станицы казаки пришли в самую нищету и в изнурение, а которые биты и на каменной работе были, те и я, нижайший, поныне скорбми страдаем, так что от такова тиранства и немилосердных нападков и разорений уже и к службе е. и. в. стали быть почти не в состоянии».[2]

[1] ЦГАДА, Госархив, р. XX, д. 54, ч. 2, л. 289.

[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 87, лл. 1055—1057; ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1486, лл. 77—81.

Нам неизвестно, как реагировало правительство на эту жалобу. Но если даже оно и наказало виновных, приведенные в ней факты ярко свидетельствуют о произволе войскового атамана и старшин по отношению к рядовой казачьей массе.

Подобные случаи в эти годы отмечаются очень часто. В том же 1752 г. правительство направило на Дон специальную грамоту по поводу «обид» и «разорений», чинившихся по отношению к большому числу казаков со стороны войскового атамана Данилы Ефремова, его сына Степана, войскового дьяка Карпа Колпакова и ряда других старшин.[1] Почти одновременно в Военную коллегию была подана жалоба казачки Добринской станицы Федоры Елистратовой на старшину Афанасия Волошенинова, который без всякой причины посадил ее под караул, где ее жестоко били. А когда муж, выкупив ее за 15 рублей и ведро водки, попытался пожаловаться войсковому атаману, то войсковой дьяк Карп Колпаков посадил его в тюрьму, «и на обе ноги наложили ему колодки».[2] В 1754 г. в Военную коллегию поступила жалоба от казака Сиротинской станицы Андрея Григорьева, где говорилось, что во время пребывания в станице проездом атамана Степана Ефремова, он, «прислал от себя в дом наш казаков Семена Сулина да Петра Глазкова, и взяли из дому нашего сильно (насильно. — **А. П.**) родную мою дочь... и объявили, что она надобна войсковому атаману». Когда же мать и бабка попытались ее отбить, то «оные казаки хотели их бить немилосердно».[3]

В делах одного из крупных петербургских сановников XVIII в. сохранился донос старшины Себрякова. Ярко и образно описаны в нем произвол старшин и бесправие рядовой массы казачества в это время. «Войско Донское, — писал Себряков в 1753 г., — пришло в наибеднейшее состояние и крайнее разорение от наглого нападения, неутолимого лакомства и нестерпимого насилия атамана Данилы Ефремова. Посылаемые от него старшины и прочие его люди вверх по Дону, Донцу, Медведице, Хопру и Бузулуку и во всех станицах делают великие притеснения; станичных атаманов и казаков немилосердно бьют понапрасну и берут большие деньги, которые делят с атаманом, отчего почти все станицы сильно задолжали, бедные казаки принуждены юрты свои, сенокосы и прочие угодья заложить у старшин с большими процентами и горько все плачут, не имея ни от кого защиты».[4] Себряков отмечал, что хотя на Дон в этот период шло немалое жалованье (7 тыс. руб. да хлеба 7 тыс. четвертей), большая часть его оседала в руках атамана и старшин. Они же захватили лучшие рыболовные места, лавки и жабаки и держали их на откупе. Перечислив далее целый ряд беззаконных поступков атамана и близко стоявших к нему старшин, Себряков указывал, что многие казаки охотно «жалобы свои б принесли б, но никто не отважится, ведая, что объявленный атаман из сильно собранного от оных бедных народов богатства не сожалеет, везде немалые тысячи заступникам своим дарит и челобитчика в свои руки достать (так в тексте. — **А. П.**), и тогда ни иного чего, кроме смертельного мучительства и вечно на каменной работе страдания ожидать надлежит».[5]

Атаман и старшины добились даже права иметь личную охрану, которая везде сопровождала их. Так, по распоряжению Сената от 14 августа 1753 г. Даниле Ефремову было разрешено иметь «сто человек

---

[1] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 570, стр. 672—673.

[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 87, лл. 1060—1061 об.

[3] Там же, св. 89, лл. 90—91.

[4] ЦГАДА, Госархив, р. XX, оп. 1, д. 54, ч. 2, л. 132. Число подобных примеров можно увеличить. См. ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 265, л. 2.

[5] ЦГАДА, Госархив, р. XX, оп. 1, д. 54, ч. 2, л. 133—133 об.

казаков из донских, кого он сам к тому способных выберет».[1] «Особо, для своего употребления» Степану Ефремову было разрешено иметь 50 казаков[2], а указами Военной коллегии от 11 ноября 1751 и 25 мая 1752 г. было разрешено «для охранения... старшины Себрякова быть при нем... казакам шести человекам».[3]

Хотя старшине удалось устранить круг от управления Войском и установить свое безраздельное господство, это не повлекло за собой ликвидации противоречий и борьбы между отдельными группировками старшин. Наоборот, по мере укрепления власти донских старшин усиливались столкновения между ними не только за землю, зависимых людей, откупа и т. п., но и за власть и влияние в Войске.

Уже в 40-х годах XVIII в. борьба между войсковым атаманом Данилой Ефремовым и сыновьями знаменитого походного атамана Ивана Краснощекова — Федором и Андреем достигла такой силы, что в нее вмешалось правительство.[4] Но и это не привело к прекращению ее. В обстановке произвола старшин и бесправия казачьей массы, установившихся на Дону под эгидой абсолютной монархии XVIII в., борьба между отдельными группами старшин принимала все более острые формы. При этом главными средствами ее становились интриги, подкупы и доносы.

Особенно ярким свидетельством этого является столкновение между войсковым атаманом Данилой Ефремовым и его сыном Степаном. По сохранившимся источникам невозможно установить, когда оно началось. Еще в августе 1753 г. Д. Ефремов ходатайствовал о передаче должности войскового атамана своему сыну, и отношения между ними были, как будто, мирными. Однако через год, когда войсковой дьяк Карп. Колпаков подал донос в Военную коллегию на Данилу Ефремова, тот назвал Колпакова «согласником своего сына».[5] По всей вероятности, Д. Ефремов уже в 1753 г. уступил свою власть не добровольно, а под давлением какой-то влиятельной группы старшин, заинтересованной в этом. Несмотря на указы Военной коллегии о прекращении ссор, уже в 1755 г. отец и сын перестали встречаться друг с другом, а письма, которыми они обменивались, наполнены обвинениями друг друга в «коварных происках» и «злобных гонениях».[6]

Для разбора дела между Данилой и Степаном Ефремовыми на Дон была послана следственная комиссия. Однако ее работа не дала результатов, так как собранный материал сгорел.[7] Затем Данила и Степан Ефремовы приняли участие в Семилетней войне, и за это время об отношениях между ними ничего не известно. Но по возвращении на Дон борьба между ними разгорелась вновь и уже продолжалась непрерывно. Только перед самой смертью Д. Ефремов подал прошение о передаче всех своих обязанностей сыну.[8]

60-е годы XVIII в. были временем почти безраздельного господства старшинской группы, возглавлявшейся войсковым атаманом С. Ефремовым. Многие представители этой группы заслужили особую милость правительства за участие в июне 1762 г. в дворцовом перевороте Екате-

---

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 89, л. 258.
[2] Там же, св. 119, л. 134.
[3] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 590, стр. 709.
[4] Там же, № 456, стр. 498.
[5] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 89, л. 246.
[6] Там же, л. 389 и др.
[7] М. М. Постникова-Лосева приводит убедительные доказательства в пользу того, что материалы следственной комиссии были сожжены при участии войскового атамана Степана Ефремова, который был в этом заинтересован (М. М. Постникова-Лосева. Из истории социально-экономических отношений на Дону. «Исторические записки», т. 60, стр. 268, 264).
[8] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 103, лл. 744—755.

рины 11.[1] Они были щедро вознаграждены за «поход в Петергоф», и в дальнейшем правительство охотно поддерживало их. Это обстоятельство в значительной мере определяло поведение атамана и стоявшей близко к нему группы старшин. С одной стороны, они всячески заискивали перед царским двором, с другой — стремились использовать благоволение правительства для обогащения, приобретения чинов и усиления своей власти.

Долгое время правительственные чиновники, доверяя войсковому атаману С. Ефремову, не вмешивались в его дела. Однако после получения ряда доносов[2] они насторожились. В 1764 г. на Дон была направлена следственная комиссия, во главе которой был поставлен комендант Ростовской крепости Сомов. Она установила, что атаман и близкие к нему старшины не только пользовались своей властью и бесконтрольным положением на Дону для личного обогащения, но совершали действия, недопустимые с точки зрения правителей самодержавно-абсолютистского государства. Так, например, они стремились обмерить Ростовскую крепость, которая, по словам ее коменданта, несмотря на препятствия с его стороны, «может быть в ночное время уже и обмерена».[3] Комиссия отметила также, что атаман и старшины всячески препятствовали строительству этой крепости, проявляя по отношению к ней «недоброжелательство и злобу», разумеется, «не без видов некоторых непристойных».[4] Наконец, войсковой атаман обвинялся в стремлении вести самостоятельные сношения с кубанскими татарами. Комиссией, например, был установлен факт неисправной доставки коменданту Ростовской крепости «от кубанского калги Салтана письма, которым сообщаемо было о принятии в здешней стороне предосторожности», из чего «должно заключить, что оные казаки были отчасти причиною к чинимым с турецкой стороны затруднениям в продолжении строения крепости святого Димитрия, которой восстановление ниже Черкасска сей город (т. е. главный город Войска — Черкасск. — **А. П.**) обуздать имеет».[5]

Когда донесение комиссии было рассмотрено в Военной коллегии, то в приведенных в нем фактах увидели стремление войскового атамана вести самостоятельную политику, не отвечавшую интересам правящих кругов. Наиболее дальновидные деятели Военной коллегии рассматривали эти факты не как случайные явления, а ставили их в связь с подобными событиями в недавнем прошлом. Еще не изгладилась из памяти происходившая в начале 40-х годов XVIII в. борьба между правительством и войсковым атаманом Данилой Ефремовым в связи с попыткой последнего обнести г. Черкасск каменною оградою не только с турецкой, но и с других сторон.[6] Правительственные чиновники помнили и о том, что в 50-х годах XVIII в. Войско пыталось вести самостоятельные сношения с кубанскими татарами, причем в то время распространялись даже слухи, «будто его превосходительство генерал-майор Данило Ефремов отослал на Кубань тридцать бочек пороху».[7]

---

[1] Находившаяся в июне 1762 г. в Петербурге зимовая станица во главе с войсковым атаманом С. Ефремовым приняла участие «в походе до Петергофа и обратно». В ее составе были старшины, которым в 60—70 годах XVIII в. принадлежала важная роль в жизни Войска. В числе их войсковой дьяк Иван Янов, М. Поздеев, С. Сулин (впоследствии войсковой атаман), И. Горбиков, Д. Иловайский, И. Платов, В. Манков, К. Денисов и др. (ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 104, лл. 19—22 об.).

[2] Особенную тревогу правительства вызвал донос старого врага Ефремова Ф. Краснощекова (см. ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 104, лл. 381—382).

[3] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 115, лл. 264—265, 287—292.

[4] Там же, л. 265.

[5] Там же, лл. 264—265.

[6] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 261, лл. 1—6; ф. 55, оп. 1, д. 1489, лл. 99—111; Акты Лишина, № 314 и 319.

[7] ЦГАДА. Госархив. р XX, д. 54, ч. 2, л. 271; см. также лл. 270—275 и ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 240, д. 21, лл. 27—28.

Не удивительно поэтому, что правительство грозно потребовало от войскового атамана точных, «без изъятия», объяснений по всем пунктам «Экстракта», представленного комиссией.

Отдавая себе отчет в сложности создавшегося положения, Степан Ефремов стал добиваться разрешения приехать в Петербург, а получив его, в сопровождении большого числа старшин и казаков в марте 1765 г. прибыл в столицу.[1] Расчет атамана на личные связи, подкупы и взятки оказался верным. Оттягивая официальную явку в Военную коллегию «за приключившуюся тяжкою болезнею», он во время пребывания в Петербурге нашел поддержку у каких-то влиятельных лиц и сумел обелить себя.[2] Но это только на время задержало политическое падение С. Ефремова. Являясь представителем старшинской группы, сосредоточившей в своих руках огромную власть над казачеством и находившейся вдалеке от ока самодержавия, Ефремов так и не понял главного направления политики правительства и стремился к сосредоточению еще большей власти в своих руках. Видя, что правительство недовольно положением, сложившимся на Дону, 16 марта 1765 г. он представил в Военную коллегию записку, в которой предлагал коренным образом изменить «издревле введенные и застарелые в правлении и поведении войска Донского как в нерегулярном народе обычаи».

Для приведения «правления Войсковой канцелярии в настоящее законное учреждение, а при том и всего Войска в лучший и исправный для службы ее. и. в. порядок и состояние», С. Ефремов предлагал сосредоточить всю военную и гражданскую власть на Дону в руках войскового атамана и находившейся при нем Войсковой канцелярии, которая должна состоять из восьми «ученых и сведущих законы» старшин, назначаемых самим атаманом. Все Войско, по его проекту, должно было состоять из 20 постоянных полков, состоявших из 600 рядовых и 100 резервных казаков, при этом, как писал С. Ефремов, «выбор и распределение этих полков, равно и определение полковников, положить на мою доверенность». Наконец, Ефремов предлагал сосредоточить в руках войскового атамана и Войсковой канцелярии источники содержания этих полков, которые, по его мнению, должны были состоять из средств, «назначаемых в подарки» зимовым и легким станицам, из подушной подати с донских крестьян и половины станичных доходов.[3] Приведенные выше основные пункты проекта С. Ефремова свидетельствуют о стремлении войскового атамана и связанной с ним группы старшин ликвидировать в Войске остатки демократических порядков в управлении и полностью уничтожить влияние казачьего круга (через который рядовая масса казачества могла хоть в какой-то мере отстаивать свои интересы) на войсковые дела. Этот проект был также направлен на усиление власти атамана и приближенных к нему старшин.

Но если правительство готово было поддержать стремление С. Ефремова устранить круг от участия в войсковых делах, то оно не могло мириться с попытками войскового атамана установить свою безраздельную власть на Дону. Поэтому Военная коллегия медлила с ответом. Не дождавшись его, 12 июля 1765 г. С. Ефремов представил вторую записку. Она показала, что он по-прежнему не понимал главной причины недовольства Военной коллегии. Наоборот, в ней еще более сильно было выражено стремление к установлению автономии Войска под эгидой войскового атамана и окружавшей его старшинской группы. Ефремов, например, предлагал произвести отмежевание войсковых земель от государственных и принять меры к ограждению войсковой земли

[1] Большую часть свиты по приказу Военной коллегии пришлось немедленно отправить обратно.

[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 115, лл. 390—395.

[3] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 138, лл. 1—3 об., 324—326 об.; ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1491, лл. 59—64.

от покушений на нее со стороны. В том же проекте ставился вопрос о немедленном отзыве с Дона комиссии во главе с генералом Романусом, направленной туда для расследования земельных захватов, произведенных самим войсковым атаманом и старшинами, и т. п.[1]

Тогда правительство ответило С. Ефремову. Оно предложило ему сдать свой проект в воинскую комиссию, где должен был решаться вопрос о положении всех нерегулярных войск, а самому возвращаться на Дон.[2]

2. СОЗДАНИЕ ВОЙСКОВОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРЕМЕНЫ В УПРАВЛЕНИИ ВОЙСКОМ

После отъезда С. Ефремова из Петербурга правительство еще некоторое время не принимало никаких мер к изменению создавшегося положения. Избежав наказания и не зная об истинных намерениях верховной власти, войсковой атаман и окружавшая его группа старшин всерьез начали думать, что Ефремову удалось в Петербурге все уладить.

На самом деле было иначе. Недовольное правлением С. Ефремова правительство искало путей к устранению от власти атамана и преданных ему старшин.

Осуществить это было не столь уж трудно, так как наряду с группой старшин — сторонников Ефремова на Дону имелась другая группа старшин, на которую правительство могло опираться при проведении централизаторской политики. Она тоже пользовалась большим влиянием и имела своих представителей в составе депутатов от Войска в екатерининской Законодательной комиссии. Один из них, бывший войсковой дьяк Иван Янов, 20 мая 1768 г. на 130 заседании Большой комиссии, при обсуждении вопроса о правах казачьих войск, предложил свой проект реорганизации управления на Дону.

Янов, как и С. Ефремов, считал ненормальным, что «войска Донского Войсковая канцелярия с начала древнего времени, не имея никакого нормального законом ограничения, доныне, яко в нерегулярном роде, по введенным и застарелым древним обыкновениям состоит совсем в беспредельном основании». Как и Ефремов, он предлагал превратить Войсковую канцелярию в учреждение, состоящее из восьми чиновников-старшин. Но если, по мысли Ефремова, они должны были назначаться и сменяться по воле войскового атамана и, следовательно, зависеть от него, то по проекту Янова они должны были «определяться» в эти должности центральной властью и быть «не переменными» для того, чтобы «наилучше законы познать» и «к правлению дел приобыкнуть», а главным образом для того, чтобы «свободный голос иметь могли», т. е. были бы более последовательными проводниками политики самодержавной власти на Дону. С этой же целью Янов считал необходимым установить государственное жалованье старшинам, назначенным в Войсковую канцелярию, а также и другим чиновникам. Наконец, Янов предлагал отделить военные дела от гражданских.[3]

Предложения Янова нашли отражение и в «Проекте законов о правах войск казачьих». Согласно ему, во главе каждого казачьего войска находилась Войсковая канцелярия под председательством президента, назначавшегося царской властью; члены Войсковой канцелярии тоже наполовину состояли из лиц, назначенных верховной властью. Остальные были выборными, но при этом казаки должны были на каждое место избрать трех кандидатов, а они, собравшись, из своей среды уже выби-

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 138, лл. 4—9, 327—329.
[2] Там же, л. 326 об.
[3] Сб. РИО, т. 32, стр. 76—77, 464—465.

рали одного члена. При Войсковой канцелярии должен был находиться назначаемый правительством прокурор, а сама Канцелярия подлежала разделению на две экспедиции — гражданскую и военную.

Следующей административной единицей, подчиненной Войсковой канцелярии, были конторы, учреждаемые в отдельных «местечках» для управления отдельными частями войсковой территории. В состав контор лишь один человек назначался, а остальные были выборными (2—4 члена, в зависимости от величины района). Но казаки на каждое место должны были избрать трех кандидатов, а из них Войсковая канцелярия «выбирала» одного.[1]

Предложения Янова и «Проект законов о правах казачьих» свидетельствовали о том, что, наконец, была выработана угодная правительству программа преобразования управления Войском. В лице Янова и его сторонников правительство имело на Дону влиятельную группу старшин, опираясь на которую можно было провести все эти преобразования.

Но сразу осуществить их не удалось. На первых порах этому воспрепятствовал роспуск Законодательной комиссии и начавшаяся в 1768 г. война с Турцией, которая отвлекла внимание правительства от вопросов внутреннего управления. Затем на Дону резко обострилась классовая борьба, что нашло выражение в отказе казачьих команд подчиняться указам Военной коллегии, крупных волнениях 1772 г. и участии в крестьянской войне 1773—1775 гг.

Но если эти события не давали возможности правительству провести реформы в управлении войском Донским еще в конце 60-х годов, то волнения начала 70-х годов XVIII в. и особенно крестьянская война 1773—1775 гг. еще с большей силой заставили правительственных чиновников думать о проведении их при первой же возможности. Крестьянская война обнаружила слабость аппарата государственной власти во всех звеньях, но прежде всего в области местного управления. Она показала, что местные власти были бессильными в борьбе с движением народных масс. Поэтому сразу после разгрома восстания правительство приняло меры к укреплению дворянской диктатуры и усилению полицейско-бюрократического аппарата управления, прежде всего на местах. С этой целью 7 ноября 1775 г. было издано «Учреждение для управления губерний Российской империи».[2]

Но еще до того, как стала проводиться реформа губернского управления во всей стране, правительство обратило внимание на положение казачьих окраин России. И это не было случайностью. Земли, населенные казачеством, на протяжении многих десятилетий притягивали массы беглых крестьян. Они были главными центрами борьбы против феодально-крепостнической эксплуатации, и сам факт их существования оказывал революционизирующее влияние на крепостное крестьянство. Поэтому сразу же после разгрома крестьянской войны правительство обрушилось на Яицкое войско, на территории которого началась крестьянская война. Жестоко расправившись с наиболее активными участниками восстания, правительство лишило прежних прав и привилегий все Войско, а чтобы предать забвению память о «несчастном происшествии», начавшемся на Яике, указом от 15 января 1775 г. река Яик была переименована в Урал, а яицкое казачество — в уральское.[3]

В том же году царское правительство обрушилось и на Запорожское войско. К этому времени оно уже утратило прежнее значение в борьбе

---

[1] Сб. РИО, т. 36, СПб, 1882, стр. 242; «Донская летопись», 1923, № 1, стр. 202; В. Григорьев. Реформа местного управления при Екатерине II. СПб, 1910, стр. 178—179.

[2] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.», гл. III, § 2; В. Григорьев. Реформа местного управления, гл. III—IV.

[3] ПСЗ, т. XX, № 14235.

с турецкой и татарской агрессией, но продолжало оставаться центром притяжения антифеодальных сил. После расправы с Е. Пугачевым Совет при высочайшем дворе сразу же вынес решение об «истреблении» кошевых казаков. Поэтому, как только правительству удалось высвободить войска с турецкого фронта, 4 июня 1775 г. значительные вооруженные силы под командованием генерал-поручика П. Текелия окружили и разоружили Запорожскую Сечь, а в специально изданном 3 августа 1775 г. манифесте было объявлено, что «Сечь Запорожская вконец уже разрушена, со истреблением на будущее время и самого названия запорожских казаков».[1]

Не избежали жестокой расправы и волжские казаки. За активное участие в крестьянской войне 1773—1775 гг. указом от 5 мая 1776 г. Волжское войско было ликвидировано, а казаки были переведены на Кавказ и поселены по пограничной линии, проходившей по Тереку.[2] Несколько позже правительство ликвидировало остатки автономного устройства Левобережной Украины. В 1780 г. здесь было введено «Положение о губерниях» 1775 г., существовавшее до этого времени деление на полки и сотни было уничтожено, а украинские земли вошли в состав Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний.[3]

Сразу же после разгрома крестьянской войны 1773—1775 гг. правительство занялось судьбой войска Донского. Однако решить эти задачи было не просто.

В условиях разложения феодально-крепостнической системы правительство крайне нуждалось в донском казачестве. Г. А. Потемкин не раз заявлял, что «испытал совершенную пользу, происходящую от чинимой оным Войском как заграничную, так и внутреннюю службу».[4] К тому же Потемкин и другие руководители правительственной политики видели, как быстро шел на Дону процесс одворянивания старшинской верхушки и превращения ее в надежный оплот абсолютной монархии. Правительство учитывало также превращение всего казачества в замкнутое привилегированное сословие, бывшее прямым результатом правительственной политики, проводившейся неуклонно на протяжении многих десятилетий. В этих условиях правительство считало нецелесообразным уничтожение войска Донского, а, наоборот, по словам Г. А. Потемкина, полагало, что можно и даже нужно «нынешнее положение его сохранить навсегда».[5]

В то же время войско Донское было одним из главных очагов протеста против феодального гнета, родиной С. Разина и Е. Пугачева. Поэтому правительство не считало возможным сохранять в Войске прежние порядки. Г. А. Потемкин и другие правительственные чиновники полагали, что для удержания в повиновении рядовой массы казачества и уничтожения остатков все более ослабевавшего местного сепаратизма его верхушки необходимо было провести соответствующие преобразования. 14 февраля 1775 г. Г. А. Потемкин, назначенный незадолго перед этим начальником всей легкой кавалерии и иррегулярных войск, представил Екатерине II подробный доклад с предложением о коренных реформах в войске Донском.

Прежде всего он считал необходимым изменить порядок управления. По мысли Потемкина, следовало начать «предпочтительно всем прочим установлениям» с утверждения в Войске «испытанного в верности» начальника. Сменившие Степана Ефремова атаманы Василий Машлыкин (1772—1773 гг.) и Семен Сулин (1773—1775 гг.), хотя и

[1] ПСЗ, т. XX, № 14354; В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество, стр. 420—423.

[2] ПСЗ, т. XX, № 14464; см. также Указ от 24 апреля 1777 г. ПСЗ, т. XX, № 14607.

[3] «История Украинской ССР», т. I, стр. 392; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.», стр. 584.

[4] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, св. 38, л. 54 об.

[5] Там же.

были верными проводниками правительственной политики, но не отличались необходимой в условиях обострившейся классовой борьбы твердостью. Выбор Потемкина пал на старшину А. И. Иловайского, заслужившего благосклонность правительства за поимку Е. И. Пугачева. По данной Потемкину «в правлении тем Войском доверенности» он имел право назначить Иловайского своим приказом, но «желая, — по его словам, — придать подобающее посту сему уважение», просил Екатерину II издать специальный указ о его назначении.

Далее Потемкин выражал недовольство тем, что «гражданские и земские дела у них (казаков. — А. П.) имеют течение, не соответственно генеральному в государстве положению и не так основано там, чтоб решения чинились правильно и именем законов безлично, но купно с делами военными подвержены неограниченной власти своего атамана». Чтобы ликвидировать такое положение, Г. А. Потемкин считал необходимым отделить гражданские дела от военных и для ведения всех земских дел учредить Войсковое гражданское правительство, «которому вверить все хозяйственное в пределах войска Донского внутреннее распоряжение, равным образом сбор всех установленных там доходов, также все до промыслов, торговли и прочие гражданскому суду подлежащие дела производить на генеральном во всем государстве установлении, с соблюдением данных оному Войску привилегий».

По мысли Потемкина, Войсковое гражданское правительство должно было подчиняться лично ему и состоять из войскового атамана и 6 старшин, из коих четверо выбирались Войском, а два назначались самим Потемкиным. Чтобы увеличить независимость членов гражданского правительства от войскового атамана, Потемкин предлагал установить им регулярное жалованье.

Согласно проекту, во главе управления военными делами Войска должен был оставаться, как и прежде, войсковой атаман. Но власть его при этом сильно ограничивалась. Во-первых, она должна была находиться под личным контролем Потемкина, а во-вторых, вестись «на таком точно основании и с такою без малейшего изъятия и дополнения силою, как весь генералитет, по посылаемым из верховного военного правительства указам».

Г. А. Потемкин отдавал себе отчет в том, что такие важные преобразования в управлении Войском можно осуществить лишь при наличии на Дону прочной социальной опоры в лице старшин и богатых казаков. Поэтому он считал необходимым пойти навстречу их стремлению получить равные с великороссийским дворянством права и просил всем войсковым старшинам, которые в походах командовали полками, присвоить штаб-офицерские чины и распространить на казачьих штаб-офицеров правила, установленные в табели о рангах.[1]

Доклад Г. А. Потемкина настолько точно выражал интересы господствующего класса, что Екатерина II 15 февраля 1775 г. утвердила его, не внеся ни одной поправки.[2]

Получив к исполнению указ Екатерины II, правительство немедленно приступило к проведению его в жизнь, а вслед за тем в развитие его был осуществлен целый ряд мероприятий. 18 февраля на Дон было отправлено предложение Г. А. Потемкина о введении в действие этого высочайшего повеления.[3] На два дня раньше был подписан указ о назначении А. И. Иловайского войсковым наказным атаманом с пожалованием ему чина полковника армии, а вскоре он был назначен войска Донского войсковым атаманом с повелением считать его «против IV класса чинов Российской армии». В день создания Войскового гражданского правительства Екатерина подписала указ об учреждении Азовской

[1] ПСЗ, т. XX, № 14251.
[2] Там же, № 14252.
[3] Акты Лишина т. III, № 116.

губернии. Наряду с другими территориями в нее были включены «город Черкасск и все жилища верхнего нашего войска Донского».[1] Правда, в указе было обещано соблюдать Войско «при всей его собственности и при всех благозаслуженных правостях». Но уже 30 мая 1775 г. на Дон был отправлен сенатский указ, которым предписывалось Войсковому гражданскому правительству, «как состоящему под дирекциею генерал-губернатора, посылать донношения в одне только коллегии, а с губернскими канцеляриями сноситься промеморіями».[2]

Создание Войскового гражданского правительства и последовавшие затем мероприятия на Дону так же, как и в других казачьих войсках, были направлены на ликвидацию «политического юродства» Войска. Не считая возможным и нужным уничтожить Донское войско, правительство резко сократило его права и привилегии и в значительной мере ликвидировало сохранившиеся еще особенности в области управления. Войско Донское было по существу превращено в административную единицу Российской империи, наподобие губернии или наместничества с сохранением лишь некоторых, незначительных особенностей.

Правительству удалось провести все это без особого труда прежде всего потому, что рядовая казачья масса, измученная русско-турецкой войной 1768—1774 гг. и подавленная экзекуциями, обрушившимися на народ после разгрома крестьянской войны, не имела сил для сопротивления. К тому же правительство имело мощную поддержку в лице старшинской верхушки. Сделав ей еще одну уступку и тем самым предоставив старшинам широкие возможности войти в состав дворянского сословия, правительство еще прочнее укрепило свои связи с корпорацией донских старшин, которые уже давно стали верными проводниками самодержавно-крепостнической политики на Дону.

Созданием Войскового гражданского правительства и другими проведенными вместе с этим реформами на Дону правительство в значительной мере достигло того, к чему стремилось на протяжении последних десятилетий. С этого времени войсковой круг фактически потерял всякое значение, и народные массы лишились официального органа, через который хоть в какой-то мере могли отстаивать свои права.

Вся власть на Дону была сосредоточена в руках войскового атамана и старшинской верхушки, виднейшие представители которой составляли Войсковое гражданское правительство. Но и атаман, и Войсковое правительство в своих действиях должны были руководствоваться общероссийским законодательством и подчиняться органам верховной власти. Таким образом, самодержавие уже в 70-х годах XVIII в. прочно утвердило свою власть на Дону.

Но если атаман и старшины превратились в верных слуг самодержавия, то и правительство, со своей стороны, поддерживало их. Оно сквозь пальцы смотрело на расхищение старшинами войсковых и станичных земель и содействовало образованию из этой группы дворянского сословия на Дону.

До тех пор, пока не затрагивались интересы правительства, оно мало вмешивалось и в дела внутреннего управления Войском, передоверив все войсковому атаману и Войсковому правительству. Вся власть в Войске фактически оказалась в руках нескольких крупных фамилий донских старшин, которые к тому же были в тесном родстве между собой. Этому не препятствовала выборность четырех из шести членов Войскового правительства, ибо старшины имели достаточно средств, чтобы оказывать свое влияние на выборы. Так, в последний год своего существования Войсковое гражданское правительство состояло из генерал-майора Мартынова, назначенного еще в 1775 г. Г. А. Потемкиным, и

[1] ПСЗ, т. XX, № 14252.
[2] Там же, № 14330.

его ближайших родственников: сына — бригадира Мартынова, свойственника — полковника Янова, племянника — войскового дьяка майора Колпакова и т. д.[1] Кроме них, большое влияние на дела в войске Донском оказывали Платовы, Денисовы, Исаевы, Леоновы, Себряковы, Луковкины, Кумшацкие, Машлыкины, Орловы и еще небольшое число старшин, которые в большинстве своем были связаны между собой родственными узами.[2]

В таких условиях в среде донских чиновников процветала круговая порука, а все увеличивавшийся произвол их по отношению к массе рядового казачества оставался безнаказанным. Поэтому казаки, боясь расправы, в большинстве случаев не подавали жалоб на своих старшин. Впрочем, бывало, что они, преодолев свой страх, обращались в Войсковое гражданское правительство. Так, 2 сентября 1779 г. казак Нижне-Чирской станицы Илья Линючев жаловался на избиение его старшиной Грековым.[3] В том же году казаки Трофим Белчиков и Лазарь Клюков подали рапорт, где сообщали о расправе с ними отставного сотника Григория Сироткина.[4] В 1787 г. большая группа казаков жаловалась на невыдачу им жалованья старшиной Петром Кулыбаковым.[5] В 1790 г. казаки Иван Бондарев и Иван Струков подали рапорт по поводу самоуправства над ними Максима Янова.[6] Но в таких случаях казаки, как правило, не получали должного удовлетворения. А когда, например Войсковое гражданское правительство занялось делом старшины Кульбакова, то безоговорочно поверило его заявлению, что деньги, о которых говорят казаки, он отдал одному из них — Попову. И хотя было известно, что у него на это «расписки нет», оно вынесло решение «объявить ему, Кульбакову, чтоб он в том, что точно оные деньги 36 рублей им ему, Попову, отданы, сам бы присягнул или отдал на присягу ему, Попову, а по присяге так и поступать».[7] Подобные же решения принимало Войсковое правительство при разборе и других жалоб казаков.

К началу 90-х годов XVIII в. произвол и беззаконие старшин, с одной стороны, безнаказанность их действий — с другой приняли уже такую форму, что даже члены Войскового гражданского правительства вынуждены были признать нетерпимость создавшегося положения. В дошедшем до нас черновике «Записки о настоящем состоянии Войска», составленном членами Войсковой канцелярии в конце 80-х — начале 90-х годов, говорилось, например, следующее: «Основываясь на силе учреждения хотя бы и можно было уповать, что в войске Донском сохраняется столько же сила законов и как и порядок, оными предписываемый, однако происходит совсем противное тому: и именно в правительстве войсковом не находится и журнала, ниже реестра настольного, который во всяком присутственном месте нужен для того, чтобы знать число решенных и нерешенных дел и их очередь к докладу или решению, а из сего выходит, что просители часто остаются без удовлетворения и даже без ответа в своих жалобах, исках и требованиях, так что иногда поданные от них бумаги отдаются в архив без всякого по оным рассмотрения и решения. Не лучший порядок наблюдается и при решении дел, ибо оное не основывается ни на чем ином, как только на прочтении бумаг того дела, которое назначается к решению, и на одних только судебных рассуждениях без всякого соображения с законами».[8]

[1] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 46, д. 208/296, лл. 114—117.
[2] A. L. de Romano. Coup d'oeil philosophique, t. II, p. 186, 207. СОВДСК, вып. XI, стр. 8—9; Л. М. Савелов. Род Ефремовых. СПб, 1900; «Фамильный архив Себряковых», «Дон», 1887, № 1, стр. 46—47; М. Сенюткин. Донцы, ч. II, стр. 29 и др.
[3] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 295.
[4] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 397.
[5] Там же, оп. 2, д. 269, л. 531.
[6] Там же, оп. 1, д. 23, л. 93—94 об.
[7] Там же, оп. 2, д. 269, л. 532.
[8] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1199, св. 36, ч. 1, д. 339, лл. 14 об.—15.

Все эти факты были хорошо известны войсковому атаману А. И. Иловайскому. Но он был не в состоянии умерить самовластие старшин. Стремясь удержать свой авторитет в глазах правительства, 1 апреля 1797 г. он обратился с письмом к президенту Военной коллегии графу Салтыкову. Отметив, что Войсковое правительство не может «поставить пределы сильному... в защищении слабого», и что оно, в частности, не в состоянии воспрепятствовать безудержному захвату земель со стороны старшин, А. И. Иловайский предлагал изменить существовавший уже более двадцати лет порядок управления Войском.[1]

К предложениям А. И. Иловайского правительство отнеслось с большим вниманием. Оно не препятствовало произволу старшин по отношению к массе рядового казачества до тех пор, пока они оставались надежными защитниками самодержавия и верными проводниками дальнейшей бюрократизации и централизации государственного аппарата. Но Войсковое гражданское правительство, с точки зрения абсолютной монархии, дало в руки старшин слишком большую власть, так что они часто позволяли себе действовать вразрез с государственными интересами. К тому же созданное по воле самодержавия и на основе принципов, чуждых демократическим традициям казачества, оно не пользовалось популярностью в его глазах. Поэтому Войсковое правительство не могло предотвратить начавшихся в 1792 г. крупных волнений донских казаков, а затем оказалось неспособным их подавить, и царскому правительству пришлось направить на Дон около 10 тысяч солдат регулярной армии. А между тем руководители правительственной политики считали необходимым вести борьбу с народными выступлениями не только при помощи оружия, но и путем лавирования и уступок.

В манифесте от 6 июля 1797 г. Павел I торжественно объявлял, что готов сохранить в целости «все прежде бывшие постановления войска Донского», а перемены в жизни казачества, сделанные по воле Потемкина, искоренить.[2] Одним из учреждений, созданных «по воле» этого фаворита Екатерины II, было Войсковое гражданское правительство. Так как оно не выполняло роли, возлагавшейся на него самодержавием, то Павел I охотно пошел на его уничтожение. В ответ на представление 6 мая 1797 г. атаманом Василием Орловым (сменившим Иловайского) доклада, написанного еще при старом атамане, был издан указ, по которому Войсковое гражданское правительство на Дону было уничтожено и восстанавливалась «существовавшая издревле в войске Донском Войсковая канцелярия, в коей присутствовать должно по древнему обычаю войсковому атаману с наличными старшинами».[3]

Восстановление Войсковой канцелярии было чисто демагогическим шагом. В это время *форма* правления уже не имела какого-нибудь существенного значения, ибо все донские старшины, почти полностью уравненные в правах с дворянством и напуганные волнениями 1792—1794 гг., превратились в послушных чиновников и верных слуг монархии. Они, разумеется, прилагали все свое старание к тому, чтобы рядовое казачество не оказывало никакого влияния на дела внутреннего управления Войском.

Но и при этом Войсковая канцелярия была учреждением настолько малоповоротливым, что не могла отвечать стремлению абсолютной монархии к четкой бюрократизации управления во всех звеньях. За короткий срок накопилось много нерешенных дел, а неразбериха была столь большой, что уже в 1800 г. при Войсковой канцелярии было создано три экспедиции: первая — для дел криминальных, вторая — для дел гражданских и тяжебных, а третья — для казенных. Вслед за тем при Войсковой канцелярии было образовано еще три экспедиции: для межевых

[1] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 46, д. 208/296, лл. 114—117.
[2] ПСЗ, т. XXIV, № 18239; Акты *Лишина*, т. III, № 120, стр. 216.
[3] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 46, д. 208, 296, лл. 114—117; ПСЗ, т. XXIV, № 18239.

дел, для полиции г. Черкасска и сыскное начальство, соответствовавшее земскому суду.[1]

Однако эти меры, с точки зрения государственной власти, были недостаточными. 6 февраля 1802 г. на заседании Государственного Совета было официально признано, что «виды правительства в отношении к управлению сих (казачьих войск. — А. П.) всегда клонились и должны были клониться к тому, чтобы привести их в единообразие с прочими обывателями». Между тем этому препятствовали «частные их (казаков. — А. П.) привилегии, воинский их состав, дух народный, нравы и обычаи». Учрежденное в 1775 г. Войсковое гражданское правительство, «сколько ни далеко оно было от общего порядка, полагало однако ж к нему некоторое начало». Правительству, по мнению Государственного Совета, следовало бы и дальше действовать в том же направлении, но указ 1797 г. и другие узаконения Павла I привели снова к ослаблению централизации. Теперь же Государственный Совет считал необходимым снова «переменить в сих войсках образ гражданского управления».[2] Поэтому 6 сентября 1800 г. был издан указ о подчинении войска Донского по гражданским делам Сенату, и тем самым ряд дел, связанных с Войском, перешел на рассмотрение в различные правительственные ведомства, минуя Военную коллегию.

В 1802 г. был издан императорский указ об устройстве на общих началах Донского, Уральского и Черноморского войск. Согласно ему, главный орган управления — Войсковая канцелярия преобразовывалась по типу существовавшего до 1797 г. на Дону Войскового гражданского правительства.[3] 6 февраля 1804 г. был издан новый указ о преобразованиях в управлении войском Донским. В Войсковой канцелярии по-прежнему оставлялось одно общее присутствие. Однако все делопроизводство разделялось на три экспедиции со строго очерченными функциями. Как и в Войсковом гражданском правительстве, все дела тяжебные, следственные, уголовные, межевые, крепостные и, наконец, земской полиции передавались в ведение гражданской экспедиции. Военная экспедиция должна было наблюдать за очередностью отбывания полевой службы, ведать нарядами войск в походы и вести отчетность по Войску. Кроме того, была создана экономическая экспедиция, которая ведала приходом и расходом войсковых сумм, откупами и прочими доходными статьями.[4]

Все проведенные мероприятия в значительной мере приблизили управление Войском к общегубернскому и способствовали еще большему подчинению казачества государственной власти. Но для укрепившейся абсолютной монархии этого уже было недостаточно. Она не желала мириться с тем, что военное управление Войском по-прежнему не было отделено от гражданского и что Войсковая канцелярия, сосредоточившая все функции управления Войском, в значительной степени зависела от войсковых чиновников, а они, со своей стороны, не всегда рабски выполняли волю самодержавной власти. Поэтому уже в 1815 г. была сделана попытка вновь изменить управление Войском. Но так как и это не принесло желаемых результатов, то созданный в 1819 г. «Комитет об устройстве войска Донского» снова занялся этим же вопросом.

Подведем итоги: 1. В соответствии с социальными переменами, происходившими на Дону, и, в частности, по мере усиления влияния старшин менялось положение войскового круга. Если в XVI—XVII вв. он был высшим органом власти на Дону, то в XVIII в. его собирали главным образом для выслушивания царских указов и распоряжений и для

---

[1] А. Савельев. Трехсотлетие войска Донского, стр. 114.

[2] АГС, т. III, ч. I, соб. 1878, стр. 218—219.

[3] А. Савельев. Трехсотлетие войска Донского, стр. 114; ПСЗ, т. XXVIII, № 20156. «Столетие Военного министерства», т. XI, ч. I, стр. 154—166.

[4] ПСЗ, т. XXVIII, № 21142; «Столетие Военного министерства», т. XI, ч. I, стр. 156—157.

получения царского жалованья. Только в периоды народных движений 1707—1708, 1772, 1792—1794 гг., когда власть оказывалась в руках рядовой казачьей массы, возрождалось и былое значение войскового круга, однако ненадолго.

2. Одновременно с падением роли войскового круга усиливалась роль старшин в управлении Войском. Они не только проводили на кругу угодные им решения, но часто действовали, вообще не считаясь с ним. Во второй четверти XVIII в. их власть настолько усилилась, что все управление Войском сосредоточилось в руках войскового атамана и Канцелярии войсковых дел старшин.

3. Установившееся во второй половине XVIII в. безраздельное господство старшинской олигархической верхушки, во главе которой стоял войсковой атаман С. Ефремов, не отвечало полностью интересам правительства. Стремясь к ликвидации остатков независимости Войска и усилению самодержавной власти на местах, правительство после разгрома крестьянской войны 1773—1775 гг. провело коренные преобразования в управлении войском Донским.

Войсковым атаманом был назначен «испытанный в верности» А. И. Иловайский. Власть военная отделялась от гражданской. Во главе управления военными делами должен был стоять атаман, но вести их «на таком точно основании», «как весь генералитет». Для ведения всех земских дел было создано Войсковое гражданское правительство. Таким образом, Войско по существу было превращено в административную единицу Российской империи, наподобие губернии или наместничества с сохранением лишь незначительных особенностей.

7. Проведением указанных мероприятий правительству не удалось в полной мере достичь поставленных целей. Вопреки расчетам центральной власти, старшина, превратив Войсковое правительство в орган своего олигархического правления, не сумела справиться с народным движением (волнения 1792—1794 гг). А так как в это время восстановление старой формы правления на Дону уже не представляло никакой опасности для самодержавия, ибо все старшины были его верными слугами, правительство в демагогических целях восстановило в 1797 г. Войсковую канцелярию с участием в управлении Войском всех наличных старшин. Однако и этот шаг показался правительству слишком либеральным, поэтому с начала XIX в. оно стало снова принимать меры к приведению управления донскими казаками «в единообразие с прочими обывателями». К середине XIX в. это было в значительной мере достигнуто.

Глава III

ПЕРЕМЕНЫ В ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО И ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

1. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Централизация и бюрократизация государственной власти влекли за собой изменения во всех звеньях местного управления на Дону.

Низшей инстанцией управления с момента возникновения казачества являлся станичный сбор (круг). На первых порах здесь решались все дела, касавшиеся казаков того или иного городка. И только в тех редких случаях, когда казаки сами не могли урегулировать какой-нибудь вопрос, они передавали его на рассмотрение войскового круга.

Характеризуя станичные круги, апологет самодержавия В. Броневский с неудовольствием отметил, что еще в первой четверти XVIII в. они «остались на том же основании, там по-прежнему кричали и никого не слушали».[1] Дворянский историк видел в этом проявление народовластия, оставшегося на Дону неизменным и в первой четверти XVIII в.

Хотя элементы демократических порядков в станичном управлении удерживались дольше, чем в войсковом, уже в конце XVII в. богатые казаки и старшины («станичные бояре и воеводы»), захватив фактически власть в свои руки, использовали ее для проведения угодных им решений на станичных сборах.

Менялось и положение станичных атаманов, которые постепенно превращались в послушных агентов войсковой и центральной власти.

После перехода Войска в ведение Военной коллегии по станицам тотчас же был разослан войсковой приказ. Нарушая демократические традиции казачества, согласно которым атаманы должны были быть исполнителями воли круга, Войско требовало от казаков «выбранных станичных годовых атаманов почитать и во всем им быть послушными».[2]

Вместе с тем усиливалось влияние на войсковых атаманов станичной верхушки.

В начале 40-х годов XVIII в. при атамане возник своеобразный «совет» из «стариков», т. е. из наиболее зажиточных и «уважаемых» обществом казаков. Первоначально «старики» так и именовались — выборными. Со временем, когда значение их в станицах возросло и без их подписи не выходила из станичной избы ни одна бумага, их стали именовать «подписными».

[1] В. Броневский. История Донского войска, ч. 1, стр. 284.

[2] А. Савельев. Трехсотлетие войска Донского, стр. 105. За невыполнение этого и целого ряда других требований, указанных в этой грамоте, игнорируя права казачества как свободного сословия, правительство угрожало «жестоким наказанием».

Число «подписных стариков» в каждой станице было различным — примерно от четырех до десяти. На первых порах они помогали атаману в решении всякого рода текущих дел, но со временем стали выполнять и самостоятельные функции. Они должны были организовывать оборону станицы при появлении неприятеля, мирить сорившихся казаков, наблюдать за очередностью при назначении в наряды и походы, решать вопросы об отставке, следить за выполнением распоряжений о неприеме и высылке беглых и т. п.[1] Постепенно «подписные старики» стали самостоятельно решать дела, а станичные атаманы превратились в исполнителей их воли.

Наступление старшин и богатых казаков на станичное самоуправление находило полную поддержку у войсковых властей. Превратившись в послушных агентов самодержавной власти, войсковой атаман и «знатные» старшины прилагали большие усилия к ликвидации остатков демократизма и в станичных делах. Во второй половине XVIII в. дело доходило до того, что войсковые власти лишали станицы права выбирать своих атаманов.[2]

Но и в этих условиях станичные круги оставались для казачьих масс мощным орудием борьбы за свои интересы, а в период народных волнений становились центрами сопротивления казачества самодержавию и войсковой власти. Роль станичных кругов как органов народной власти с особенной силой проявилась во время волнений 1792—1794 гг.[3] Поэтому после их разгрома князь Щербатов в письме к Иловайскому предложил провести преобразование станичного управления с тем, чтобы «связать умы слабые и расстроенные лучшим установлением на твердейшей ноге в станицах правления, коего, сколько мне поныне известно, не было». Для этого он считал необходимым установить такой порядок, при котором станичные атаманы не выбирались бы кругом, а назначались войсковым атаманом вместе с гражданским правительством, а чиновники, жившие в станицах, «не были б отчуждены, а обще б с атаманами делали исполнение». При новом порядке, писал Щербатов, станичные атаманы и чиновники должны были бы отчитываться только перед войсковым атаманом и Войсковым правительством, «и никогда не смели (б) придавать суждению общим голосом и требовать воли казаков, но исполняли б как чиновники все им предписанное». Проект Щербатова заканчивался утверждением, что после проведения всех этих преобразований станичные сборы вообще «будут не нужны... и производить их будет некому», так как станичные атаманы «только обязаны будут исполнять», а казаки — «повиноваться».[4]

План Щербатова в основном был принят, и в том же году в Войсковом правительстве было составлено «Наставление... для станичного правления», по которому вместо станичного атамана, есаула и «подписных стариков», выбиравшихся на сборах, назначалось станичное начальство из атамана, двух судей и двух помощников.[5]

Правда, такое положение продержалось недолго. В 1797 г. вместе с Войсковой канцелярией был восстановлен «издревле» существовавший порядок в станичном управлении.

Но, поступая таким образом, войсковое правительство приняло меры

[1] Е. Кательников. Указ. соч., стр. 20.

[2] «Акты, относящиеся к юридической и бытовой истории донских казаков». Памятная кн. ОВД на 1900 год. Новочеркасск, 1900, отдел IV, стр. 178. Источники отмечают, что во второй половине XVIII в. усилилось стремление богатых казаков быть избранными на должности атаманов или «подписных стариков». По сообщению Е. Кательникова, в этот период «желающий в атаманья... запаивал» казаков, «то есть при угощении водкою запрашивал, отчего делились партии по фамилиям, и при выборах случались брани и драки за насеку» (Е. Кательников. Указ. соч., стр. 18).

[3] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 18 об—29, д. 30, лл. 65—69, 73, оп. 2, д. 276, лл. 1—1 об., д. 910, лл. 122, 184, 192—193.

[4] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 38, ч. IV, д. 543, лл. 6 об.—7.

[5] Там же, лл. 6 об.—7, 39—39 об.

к укреплению власти войсковых чиновников и станичной верхушки и 17 августа 1797 г. разослало по станицам новое «Наставление... заключающее в себе наказ станичному управлению».

В нем особенно подчеркивалось, что главная задача атамана и «степенных стариков, которые прежде назывались подписными», должна была состоять в точном и немедленном исполнении всех распоряжений высшего начальства. Что же касается рядовых казаков, то «Наставление» (§ 3) указывало им «иметь в виду своем всегда, что в прежние времена они имели великое уважение как к старшинам, так и старикам и почтенным людям», а потому, «чтобы по насылаемым от вышнего начальства повелениям никто не смел на сборах в противоречие кричать»; а «ежели ж кто на это отважится, таковых станищному атаману и старикам, не выходя со сбора там же наказать на страх другим, плетьми».[1]

Опираясь на «Наставление» войскового атамана В. Орлова, благосклонно встреченное правительством, донские чиновники начали дальнейшее наступление на станичное самоуправление. В начале 1798 г. на сборах Зотовской, Иловлинской и Скуришенской станиц при избрании атаманов произошло столкновение между верхушкой и рядовыми казаками. Казаки при этом кричали, что им «из старшин и стариков» атаманов «не надобно» и старались избрать своих кандидатов. Донские старшины увидели в этом «беспорядки» и приняли решительные меры к их прекращению, жестоко наказав «виновных».[2]

Получив донесение о событиях в Зотовской, Иловлинской и Скуришенской станицах, войсковой атаман В. Орлов признал меры, принятые старшинами, недостаточными. Он прежде всего приказал всех «наказанных за дерзость командировать при будущем первом наряде в службы». Вместе с тем он воспользовался случаем для дальнейшего ограничения прав казаков и повелел, чтобы казаки этих трех станиц «впредь сами собою станичных атаманов не избирали, а делали такой выбор в присутствии сыскного начальника не по большинству голосов простого (народа. — **А. П.**), который нередко выходит из благопристойности, а по большинству голосов чиновников и первостепенных стариков». В том же приказе войсковой атаман указал на необходимость обращать внимание и на избираемого в атаманы, «какого он поведения и может ли порученную ему должность исправить беспорочно и упущения... а по избрании атамана начальнику о имени того атамана... рапортовать».[3]

В XVIII в. старшинам так и не удалось ликвидировать самоуправление в станицах; оно сохранилось и в дальнейшем, но уже в первой четверти XIX в. мало чем отличалось от уездного управления центральных губерний Российской империи.

Долгое время между станицами и Войском не было никаких промежуточных инстанций, и все дела, которые не могли быть решены на станичных сборах, рассматривались Войском. Но уже во второй четверти XVIII в. система управления на Дону настолько усложнилась, что Войско оказалось не в состоянии решать все дела. В связи с этим был образован промежуточный между Войском и станицами административный орган.

На первых порах его функции были очень ограниченными. Так как особенно много хлопот доставлял Войску сыск и высылка беглых, то проведение их стали поручать «нарочным старшинам». Вначале они действовали от случая к случаю. Но вскоре их стали назначать регулярно.

С 1743 г. институт нарочных старшин по сыску беглых получил более четкую организацию. Вся территория Войска была разбита на шесть

---

[1] ТОВДСК, вып. I, отд. 2, стр. 94—96.

[2] «К истории атаманства В. П. Орлова». В сб. «Материалы к истории Дона, изданные И. П. Поповым». Новочеркасск, 1900, стр. 17.

[3] Там же, стр. 22.

районов, в каждом из которых постоянно находился нарочный старшина, а при нем особая команда.

Так как беглых разыскивали прежде всего среди приходивших на Дон украинских крестьян («малороссиян») и «бурлаков», то постепенно в ведение нарочных старшин перешли дела обо всем неказачьем населении подчиненных им районов, а затем и дела, касавшиеся казаков. Прибывший в 1769 г. в Михайловскую станицу И. А. Гильденштедт отметил, что «здесь живет старшина: под начальством его состоит 20 расположенных по Хопру станиц». В Глазуновской станице находился старшина, которому, по его словам, были подчинены медведицкие и бузулукские станицы. Старшина, ведавший нижнехоперскими станицами, жил в Кумылженской, верхнедонскими — в Казанской, а нижнедонскими — в Нижне-Михалевской. По словам Гильденштедта, все эти старшины «управляют 10, 15 и даже 20-ью станицами. Те станицы, в которых старшина имеет свое пребывание, можно сравнить с русскими городами, а остальные станицы с русскими селами».[1]

С созданием после разгрома крестьянской войны 1773—1775 гг. Войскового гражданского правительства нарочные старшины окончательно превратились в администраторов, в промежуточную инстанцию между станицами и Войском. Круг их деятельности настолько расширился, что в 80-х годах XVIII в. при них были созданы даже особые учреждения — сыскные начальства.

Главная обязанность сыскных начальств, так же как до этого сыскных старшин, состояла в обеспечении сыска и высылки беглых. Но теперь они должны были производить следствие как над беглыми, так и над их держателями, а копии допросов представлять в Войсковое гражданское правительство.[2]

Однако этим далеко не ограничивались их функции. Уже в 80-х, а особенно в 90-х, годах XVIII в. в пределах своего округа сыскные начальства ведали всеми военными, судебными, административными и финансовыми делами: объявляли все распоряжения Войскового правительства и наблюдали за их исполнением, обеспечивали наряд казаков «в службы и походы», принимали решения об отставке, вели «разбирательство всех заходящих у жителей ссор», производили следствия по уголовным преступлениям, следили за своевременным поступлением подушной подати и т. п.[3]

При восстановлении прежних порядков в управлении Войском, в соответствии с манифестом Павла I от 6 июля 1797 г., сыскные начальства затронуты не были. Правительство демагогически заявило, что они вполне соответствовали старинному духу Войска «на основании того, что во оных находились издревле начальники, без жалования определяемые туда из достойных чинов».[4] Поэтому войсковой атаман принял меры к

---

[1] J. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland, Teil I, S. 57, 60, 69, 78, 89, 103. Сообщение Гильденштедта требует уточнения в том отношении, что старшина, находившийся в Михайловской станице, ведал не двадцатью, а десятью верхнехоперскими станицами, а десять нижнехоперских станиц, как правильно пишет автор, были под начальством старшины, находившегося в Кумылженской станице (ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 1148, ч. 1, лл. 40—41).

[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 1148, ч. 1, л. 38. В работах К. В. Маркова и П. П. Сахарова на большом материале показано, как старшины превратили свои должности в средство обогащения и брали огромные взятки как с беглых за невыдачу их властям, так и с их владельцев (см.: К. В. Марков. Указ. соч., стр. 52—53 и др.; П. П. Сахаров. Белое рабство на Дону, стр. 149—150).

[3] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 1148, ч. 1, лл. 38—39; ГАРО, ф. 214, оп. 1, д. 23, лл. 19, 56, 66 об., 97, 171, 234, д. 24, лл. 215, 221, 341; ф. 341, оп. 1, д. 27, лл. 793—796, 801, 802, 987—987 об.; ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 5 и др.

[4] «Материалы к истории Дона, собранные И. П. Поповым», стр. 11.

укреплению сыскных начальств, и «дабы оные старались об успешном исполнении по делам», направил им специальное «Наставление». Все пункты этого тщательно составленного документа сводились к превращению сыскных начальств в орган военно-административного управления, в ведении которого находились в пределах подчинённого ему района дела военные, гражданские, судебные, полицейского сыска, административные и финансовые.[1] А когда в 1802 г. земля Донская была разделена на 7 округов, то во главе их были поставлены сыскные начальства. Как свидетельствует И. Игнатович, в первой четверти XIX в. они мало чем отличались от земских и уездных судов великороссийских губерний.[2]

2. ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Укрепление феодально-абсолютистского строя в Российской империи повлекло за собой дальнейшую централизацию и церковного управления. Правда, политика правительства, направленная на подчинение церкви самодержавной власти, на Дону встречала особенно упорное сопротивление и потому осуществлялась медленнее, чем это было угодно правительству. Но, учитывая важную роль церкви в государственной и общественной жизни, правительство настойчиво преодолевало стоявшие на его пути препятствия и в XVIII в. сумело превратить церковь в послушное орудие своей политики на Дону.

В XVII — начале XVIII в. донские казаки в церковных делах пользовались большой самостоятельностью. Формально они находились в ведении московского патриарха. Однако к нему казаки обращались лишь за получением разрешения на постройку церквей и монастырей, да иногда за «поставлением» церковнослужителей. Все остальные вопросы, включая назначение священников, решались войсковым кругом.[3]

После смерти последнего московского патриарха Адриана в 1700 г. духовные дела Войска были переданы местоблюстителю патриаршего престола Стефану Яворскому, но и при нем они рассматривались прежде всего на станичных сборах и войсковом кругу. И только в тех случаях, когда круг не мог их решить, он обращался в Посольский приказ, а тот, не рассматривая, передавал их Стефану Яворскому.[4]

Тесная связь священников со своею станицею препятствовала превращению их в послушных исполнителей царской воли. Вместо этого многие из них выступали иногда даже как враждебная правительству сила. Так было, например, во время Булавинского восстания, когда священники не только не вели борьбы с восставшими, но даже, как отмечало правительство, сами сеяли «расколы и возмущения, а иные перешли к вору Некрасову на Кубань». Поэтому правительство решило, во-первых, поставить донское духовенство в независимое от казаков положение, а во-вторых, усилить за ним контроль со стороны церковных властей. Указом от 8 марта 1718 г. оно подчинило донские церкви и монастыри Воронежской епархии.[5]

---

[1] «Материалы к истории Дона, собранные И. П. Поповым», стр. 12—16.

[2] И. Игнатович. Крестьянское движение на Дону, стр. 12—13.

[3] ДАИ, т. XII, № 17, стр. 138; Е. Овсянников. Причины широкого распространения старообрядческого раскола на Дону. Новочеркасск, 1902, стр. 14—16.

[4] В. А. Харламов. Очерк из истории отношений войсковой власти к донскому духовенству в XVIII веке. «Донская церковная старина», вып. 1, Новочеркасск, 1906, стр. 35—36.

[5] Акты Лишина, т. I, № 196, стр. 306—307; «Воронежская старина», вып. 1. Воронеж, 1902, стр. 165—166. Этому указу правительство придавало очень большое значение, так как через воронежского епископа, находившегося в непосредственной близости от Войска, оно имело значительно больше возможностей влиять на донских казаков. Поэтому, когда после смерти воронежского владыки Пахомия в 1723 г. Войско попыталось восстановить былую независимость донской церкви и ходатайствовало о передаче донского духовенства непосредственно в ведение правительствующего Синода, ему в этом было отказано.

Однако законодательными актами далеко не решался вопрос об отношениях между донским духовенством, церковными властями и казачеством. На первых порах воронежские архиереи не имели почти никакой реальной власти над донским духовенством. А между тем большинство донских попов выбиралось из казачества и по сложении своих обязанностей возвращалось в его ряды. Дети их всегда причислялись к казачьему сословию. Жалованья священники не получали, а при дележе угодий их обеспечивали паями из станичных владений на равных правах с другими казаками. Станица не только допускала священников на свои круги, но и требовала участия в них, а со своей стороны считала себя судьей над духовенством. Таким образом, в XVIII в., так же как и в XVII, духовенство оставалось прочно связанным со своей станицей и во многом зависело от нее.[1]

Будучи станичниками, священники и в церковных делах признавали прежде всего власть своего станичного и войскового начальства. Даже во второй половине XVIII в. были случаи, когда казаки заявляли представителям воронежского епископа, «что де мы и вашего архирея не боимся, для того, что у него не в команде, а имеем де у себя своего главного командёра — войскового атамана — и ежели де послан будет от него старшина, то готовы слушать».[2]

Положение воронежского владыки осложнялось тем, что войсковые атаманы неохотно уступали свою власть в церковных делах. Особенно упорствовал в этом отношении Д. Ефремов. В 1741 г. воронежский епископ доносил Синоду, что атаман запрещает донскому духовенству подчиняться распоряжениям митрополита.[3] И хотя царским указом от 5 января 1741 г. войсковому атаману было приказано «в казачьих городках ни в какие духовные дела не вступать и до чина духовного ничем не касаться»,[4] в 1746 г. Ефремов направил монахам Мигулинского монастыря грамоту, в которой предписывал обо всех монастырских делах доносить прежде всего ему и чтобы «определенного в этот монастырь (воронежским митрополитом. — А. П.) игумена Игнатия за игумена не признавали, и (чтобы он. — А. П.) ни до чего в монастырь никогда допущен не был, а жил бы яко простой иеромонах».[5] В том же году Войсковая канцелярия обратилась в Военную коллегию с жалобой на воронежского владыку, который якобы проявлял излишнюю требовательность по отношению к казачеству, нарушая исконные права и привилегии Войска.[6]

Очень неохотно уступало Войско свою власть над духовенством и при войсковом атамане Степане Ефремове. Так, в 1762 г. воронежский епископ Иоанникий жаловался на донских старшин, «что оные в духовные дела вступаются.., во дьячки и пономари определяют и грамоты дают, а посвященных в стихарь, з данными от архиерея грамотами, собою отрешают и в казаки записывают»,[7] а вскоре Синод получил еще одно донесение о том, что 1 июля 1762 г. войсковой наказной атаман Иван Иловайский направил воронежскому владыке письмо с требованием «до поповских, дьяконских, пономарских и церковнических детей ничем не касаться для того, что оные в войске Донском наряду с казаками производят казачью службу...»[8] На этот раз центральная власть отнеслась более

[1] Подробно об этом см. В. А. Харламов. Указ. соч., «Донская церковная старина», вып. I, 1906, стр. 39—45.

[2] «Донская церковная старина», вып. 1, стр. 46.

[3] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 261, стр. 241—242.

[4] Акты Лишина, т. II, ч. I, № 261, стр. 241—242.

[5] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 62, лл. 337, 383.

[6] «Воронежская старина», вып. I, Воронеж, 1902, стр. 167—170. Жалоба Войска была поддержана Военной коллегией, которая обратилась с соответствующим представлением в Синод. На этот раз воронежскому епископу было предписано удовлетворить все претензии Войска, чтобы оно «не имело причины более о том жалобы произносить» (там же, стр. 172).

[7] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 115, л. 643.

[8] Памятная кн. ОВД на 1904 г. отд. III, стр. 17—18.

внимательно к жалобам воронежского епископа, и 29 ноября 1765 г. Военная коллегия предписала атаману и всему Войску, чтобы они «отнюдь собою ни в какие духовного суда принадлежащие дела не вступали», а от атамана и стариков каждой станицы потребовала дать в этом расписку по установленной форме.[1] Правда, и после этого войсковые атаманы стремились удерживать церковную власть в своих руках. Даже в конце XVIII в. Синод получал жалобы воронежского епископа на то, что войсковой атаман А. И. Иловайский запрещает ему в отдельных случаях вмешиваться в духовные дела казачьих приходов, а причты их по-прежнему определяются с утверждения «казачьего круга и старшин». Воронежский епископ сообщал, что однажды войсковой атаман даже приказал «набить колодки» на протопопа Черкасского собора за попытку поставить власть своего архиерея выше «веча», т. е. круга старшин.[2]

Однако с каждым десятилетием войсковые атаманы все менее активно вели борьбу за удержание церковной власти в своих руках. Постепенно превращаясь в правительственных чиновников, они не были заинтересованы в сохранении прочных связей между священниками и их прихожанами. Поэтому политика правительства, направленная на превращение духовенства в церковную администрацию, в составную часть феодально-абсолютистской государственной машины, соответствовала и их интересам. Вот почему войсковые атаманы готовы были отказаться от своей власти над духовенством и с каждым десятилетием становились все более активными проводниками указов Военной коллегии о подчинении донского духовенства власти воронежских владык.

И все же в конце XVIII в. и даже еще в первой четверти XIX в. связь донского казачества со своим духовенством была более прочной, чем в других местах империи, в силу чего между донскими священниками и воронежским епископом время от времени возникали конфликты.[3] Чтобы положить им конец и окончательно подчинить донское духовенство церковной власти, правительство указами от 14 марта и 3 апреля 1829 г. создало на Дону собственную епископскую кафедру.[4] С этого времени власть Войска над донским духовенством была окончательно ликвидирована, и оно уже ничем не отличалось от церковнослужителей императорской России.

Подведем итоги. 1. Вместе с централизацией и бюрократизацией войскового управления происходили соответствующие перемены в местном и церковном управлении на Дону. Казачество с большим упорством боролось за сохранение демократических порядков в станичном управлении, однако сохранить их не удалось. Постепенно фактическая власть в станицах перешла в руки атамана и «подписных стариков», что завершилось созданием в 1794 г. станичных начальств. И хотя в 1797 г. формально была восстановлена власть станичных сборов, фактически она по-прежнему сохранялась в руках войсковых чиновников и старшинской верхушки.

2. В связи с укреплением самодержавной власти на Дону и усилением ответственности администрации на местах во второй четверти

---

[1] «Материалы к церковной истории донского края». Памятная кн. ОВД на 1904 г., отд. III, стр. 22—23.

[2] Е. Савельев. История Дона и донского казачества, ч. III, стр. 236—237.

[3] Настоятелю одного из донских монастырей священник Верхне-Чирской станицы прямо заявлял: «Ты к нам в управители определен без нашего выбору; нам ты неугоден; делай по-нашему, что нам угодно, а не по-твоему. Нет, здесь Дон, донщина» (В. А. Харламов. Указ. соч. «Донская церковная старина», вып. I, 1906, стр. 48).

[4] «Материалы для истории православной церкви в царствование Николая I», кнч I. В сб. РИО, т. 113, 1902, стр. 259—261.

XVIII в. возник промежуточный между станицами и Войском орган управления. В 40-х годах XVIII в. была учреждена должность нарочных старшин по сыску беглых, а в 80-х годах XVIII в. были образованы сыскные начальства. Постепенно в их руках сосредоточивалась вся военная, гражданская и административная власть в подведомственных им округах.

3. Еще медленнее шел процесс централизации церковного управления, однако на протяжении XVIII в. донское духовенство превратилось в церковную администрацию, составную часть феодально-абсолютистской государственной машины.

Часть IV

КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА ДОНУ В XVIII ВЕКЕ

Глава I

ВОССТАНИЕ КАЗАКОВ, КРЕСТЬЯН И РАБОТНЫХ ЛЮДЕЙ В 1707—1709 годах [1]

1. ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ

Прошло немногим более двух десятилетий после разгрома крестьянской войны под предводительством Степана Разина, и на Дону снова стал завязываться узел классовых противоречий.

Во всей стране этот период характеризуется быстрым ростом общественного разделения труда, расширением внутреннего рынка, вовлечением помещичьего хозяйства в товарно-денежные отношения и явлениями первоначального накопления, с одной стороны, а с другой — укреплением феодального государства и установлением абсолютизма. Все это приводило к значительному усилению помещичьей эксплуатации, увеличению государственных податей, установлению неограниченного административного произвола и полному бесправию народных масс.

В поисках выхода из создавшегося положения огромные массы крестьян, посадских людей и солдат бежали на окраины России, где крепостнический и самодержавный гнет был менее жестоким. Как и накануне крестьянской войны 1670—1671 гг., одним из наиболее привлекательных мест, где народ надеялся найти «волю» и «землю», был Дон, и туда снова началось массовое переселение, прежде всего из прилегавших к нему областей. В конце XVII в. земля Донская стала районом скопления огромного числа беглых.

Но если еще в 60-х годах XVII в. на Дону можно было найти свободу «от всех бед» (Г. Котошихин), то уже в конце века обстановка здесь была совсем иной.

После устройства Белгородской укрепленной линии и захвата «украинных» земель великорусское и украинское дворянство устремило свои

[1] Всестороннее освещение этого крупного волнения, возникшего на Дону в начале XVIII в. и охватившего Придонье, часть Украины, Поволжье и ряд уездов центральной России, возможно лишь на основе специального исследования социально-экономических отношений и классовой борьбы во всей России и, в частности, на Дону в предшествующий период, что не входит в задачу автора настоящей работы. К тому же в советской исторической литературе имеется ряд специальных исследований, посвященных данному движению, и прежде всего ценные работы Н. С. Чаева, В. И. Лебедева, Е. П. Подъяпольской. Поэтому мы ограничили свою задачу характеристикой лишь основных моментов, связанных с участием донского казачества в этом восстании.

взоры на обширные и плодородные донские земли, пытаясь превратить их в объект своей крепостнической эксплуатации. Обеспечивая в первую очередь интересы крепостников, самодержавное государство со своей стороны тоже начало усиленное наступление на донское казачество. А после того, как в 1696 г. был взят Азов и позиции правительства на Дону укрепились, оно стало принимать решительные меры к ликвидации остатков независимости казачества и к полному подчинению его самодержавию.

Резкое ухудшение положения рядового казачества и огромной массы беглых, оказавшихся на Дону, связано было и со значительными социальными сдвигами, происшедшими в этот период. Господство крепостного строя в России создавало благоприятные условия для развития феодальных отношений на Дону, и как только с конца XVII в. здесь возникли благоприятные условия для развития земледелия и скотоводства, старшины и богатые казаки начали усиленно использовать чужой труд в своих хозяйствах и закабалять рядовое казачество, и особенно массу пришлого населения.

Таким образом, придя на вольный Дон, огромные массы людей оказались под угрозой нового порабощения. А так как сюда шли люди, готовые бороться за свою свободу от крепостного гнета, то в начале XVIII в., как и накануне крестьянской войны 1670—1671 гг., здесь снова обострились классовые противоречия.

Особенно напряженная обстановка создалась в верховых городках. Стремясь создать благоприятные условия для утверждения помещичьего землевладения, правительство решило очистить прежде всего верховье казачьего Дона и в 1700 г. издало указ о переселении всех оказавшихся там после 1695 г. на новое место, где должны были проходить дороги, ведущие от Валуек и Рыбного к Азову.[1]

Однако казаки очень неохотно выполняли это распоряжение, и в верховых городках по-прежнему оставалась значительная масса беглого люда. Поэтому правительство в 1703 г. направило на Дон двух стольников — М. Ф. Пушкина и М. Н. Кологривова с приказанием беглых ловить и тут же наказывать, затем одну десятую часть отправить в Азов, на каторгу, а остальных вернуть прежним владельцам.[2]

Экспедиция Пушкина и Кологривова натолкнулась на сопротивление не только со стороны беглого крестьянства, увидевшего в этом попытку вернуть их в крепостное ярмо, но и со стороны зажиточного казачества, широко применявшего труд беглых в своих хозяйствах. Поэтому она не принесла желаемых для правительства результатов.[3] В последующие годы правительство непрерывно издавало указы о высылке всех новопришлых людей.[4] И хотя их тоже не выполняли, но, находясь под непрерывной угрозой захвата и возвращения владельцам, все подлежавшие переселению в любой момент были готовы открыто выступить на защиту своих интересов.

Еще более острыми были противоречия в районе среднего течения Северского Донца. В самом начале XVIII в. казаки начали освоение территории вокруг Бахмутского городка. Но на этот же район предъявил свои претензии слободской Изюмский полк, а также русские и украинские помещики. Началась острая борьба, которая неоднократно приводила к кровавым столкновениям. Стойко защищали свои земли казаки Бахмутского городка во главе с атаманом Кондратием Булавиным. Однако больших успехов они не достигли. В 1704 г. большую часть спорной территории правительство включило в состав земель слободского Изюмского полка, а с введением в том же году соляной монополии Бахмутские

[1] Акты Лишина, т. I, № 123, стр. 190—191.
[2] Там же, № 140, стр. 219—220.
[3] «Булавинское восстание», № 11, стр. 120.
[4] Акты Лишина, т. I, № 148, 169 и др.

солеварни перешли в распоряжение казны. Однако донские казаки не желали признать этого. В октябре 1705 г. Булавин разорил варницы близ Бахмута и, захватив их, разрешил своим казакам варить соль. В 1706 г. по распоряжению правительства для расследования дела прибыл туда дьяк Горчаков. Однако К. Булавин не допустил его и, взяв его под охрану, донес обо всем Войску, которое поддержало Булавина.[1] Вновь возникший вопрос о принадлежности бахмутских земель окончательно был решен правительством в 1707 г. передачей их Изюмскому слободскому полку,[2] однако и после этого казачество продолжало вести за них борьбу.

Правительство проявляло особенно большую заинтересованность в отторжении у донских казаков земель по среднему течению Северского Донца еще и потому, что этот район тоже был местом большого сосредоточения беглых. Еще до того, как вопрос о принадлежности его был решен, Петр I приказывал стольникам Пушкину и Кологривову выслать всех, кто поселился там после 1701 г.[3] Когда же эти земли были переданы Изюмскому полку, правительство вменило полковнику Ф. В. Шидловскому в непременную обязанность высылать оттуда всех беглых, и он не жалел сил для выполнения этой задачи.[4] Правда, особенно больших успехов ни правительственные чиновники, ни Шидловский не достигли. Но непрерывные распоряжения о поимке и возвращении беглых владельцам сильно раздражали не только крестьян и работных людей, оказавшихся на Дону с недавнего времени, но и рядовых казаков, многие из которых тоже вышли из беглых.

Обострение классовых противоречий в указанных районах способствовало дальнейшему накаливанию обстановки и на остальной территории Донского края. Становилось все более ясным, что попытки самодержавия и крепостников захватить казачьи земли, расположенные в непосредственной близости от южных русских и украинских земель, уже захваченных помещиками, являлись лишь началом активного наступления дворянства на все владения Войска. Об этом свидетельствовали не только занятие Азова и превращение его в государственную крепость, но и указ от 28 февраля 1706 г. о запрещении казакам самовольно занимать «пустопорожние земли».[5]

Меры, принимавшиеся правительством к немедленному очищению от беглых северо-западных, северных и северо-восточных земель войска Донского, ставили под угрозу сыска и тех, кто пытался укрыться на остальной территории. Это вызывало недовольство у огромной массы людей, которая уже нигде на Дону не могла найти убежища. Но это же будоражило и все казачество, так как за счет беглых оно в значительной мере пополняло свои ряды и обеспечивало свои хозяйства рабочей силой.

Наконец, вся социальная и административная политика самодержавия, направленная на усиление центральной власти и подчинение массы рядового казачества, также возбуждала протест в его среде.

Растущее недовольство народных масс на Дону в этот период находило выражение прежде всего в открытых высказываниях против правительства и его деятельности, несмотря на то, что уже с конца XVII в. это считалось политическим преступлением и преследовалось самым жестоким образом. В самом конце XVII в. при разборе в Пушкарском приказе

---

[1] Акты Лишина, т. I, № 129, 132, 149; «Булавинское восстание», № 1, 5; «Историческое описание земли войска Донского», стр. 367—369; В. В. Гуров. Сборник судебных решений, состязательных бумаг, грамот, указов и других документов, относящихся к вопросу о старозаимном землевладении в местности бывшей Слободской Украины. Харьков, 1884, стр. 497—521.

[2] «Булавинское восстание», стр. 30.

[3] Акты Лишина, т. I, № 140, стр. 220.

[4] «Записки Одесского общества истории и древностей», т. I. Одесса, 1844, стр. 353.

[5] «Материалы для географии и статистики России. Земля войска Донского». СПб, 1863, стр. 45; В. Н. Ветчинкин. Очерк поземельного владения. ТОВДСК, вып. II, отд. 1, стр. 27.

дела монаха Дия (из азовского Предтечева монастыря) выяснилось, что казаки заявляли о несправедливости установившихся на Дону «московских порядков» и даже мечтали о походе на Москву, чтобы там «покончить» с ненавистной «боярской властью». Казаки говорили, что во время похода, к которому «примкнет чернь», они будут местных воевод «побивать и в воду сажать».[1] А из следственного дела, разбиравшегося в начале XVIII в. в Преображенском приказе, стало известно, что отдельные казаки выражали недовольство даже царем, открыто заявляя, что «теперь нам на Дону от государя тесно становится; как будет к нам на Дон, — мы приберем его в руки».[2]

Насколько обостренным в этот период было положение на Дону, можно судить по тому, что в 1702 г. австрийский посол в России Плейер доносил своему правительству, что «опасность от казацкого мятежа ежечасно возрастает»,[3] а в 1704 г. среди крестьян Нижегородского уезда даже распространялись упорные слухи, что донские казаки уже поднялись и «идут к Москве».[4]

2. УБИЙСТВО Ю. ДОЛГОРУКОГО. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВОССТАНИЯ В ВЕРХОВЫХ И НИЗОВЫХ ГОРОДКАХ. ВЗЯТИЕ ЧЕРКАССКА И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ К. БУЛАВИНА ВОЙСКОВЫМ АТАМАНОМ

Глухое недовольство, нараставшее на Дону с конца XVII в., вылилось в открытое восстание в связи с действиями карательного отряда Ю. Долгорукого. Посланный в июле на Дон для сыска и высылки беглых, 2 сентября 1707 г. Долгорукий со своим отрядом прибыл в Черкасск, откуда намеревался начать розыск. Однако войсковой атаман и старшины не допустили его к сыску беглых в Черкасских городских станицах, уверив его, что здесь они справятся сами. Зато они согласились помогать ему в поиске беглых во всех других городках, для чего прикомандировали к его отряду своих старшин. Разбив свой отряд на четыре партии, Долгорукий направил их в места наибольшего скопления беглых и начал сыск.

Его отряды действовали с особенной жестокостью. Только в восьми казачьих городках, расположенных на Айдаре, где прошел сам Ю. Долгорукий, было схвачено и выслано 3 тысячи беглых; при этом каратели «многия станицы огнем выжгли и многих старожилых казаков кнутом били, губы и носы им резали и младенцев по деревьям вешали...»[5]

Преследуемые Долгоруким беглые русские и украинские крестьяне и солдаты, работные люди и голутвенные казаки собрались в значительном числе в районе Ново-Айдарского городка, а когда карательный отряд расположился неподалеку, в Шульгинском городке, они во главе с К. Булавиным в ночь на 9 октября 1707 г. напали на него, убили Долгорукого и уничтожили около тысячи солдат и офицеров регулярной армии. Только небольшому числу старшин, находившихся при Долгоруком, удалось спастись, «выскоча» « в одних рубашках».[6]

---

[1] М. М. Богословский. Петр I. Материалы к биографии, т. III, стр. 193. Характеризуя эти факты, М. М. Богословский отмечает: «Все это — знакомые черты происходившего тридцать лет перед тем разинского движения, и недаром «старичок-стрелец «Парфенко Тимофеев, участник разинского похода, в дни молодости ходивший в рядах Разина с обожженным колом, обещал и на этот раз «тряхнуть стариною» (там же).

[2] С. М. Соловьев. История России, т. III, стб. 1393—1394.

[3] С. Елагин. История русского флота. Приложения, т. I, стр. 513.

[4] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.», стр. 278.

[5] «Булавинское восстание», № 246, стр. 461.

[6] «Булавинское восстание», № 13—19, 20.

Расправа с карательным отрядом послужила толчком для начала восстания. По всей Донской земле распространялись «прелестные письма» Булавина, а в ряде верховых станиц — Федосеевской, Алексеевской, Ново-Боровской и др. казаки и бурлаки нападали на отдельные партии карателей и громили их.[1]

Старшины и богатые казаки во главе с атаманом Лукьяном Максимовым, знавшие о готовящейся расправе с отрядом Долгорукого и даже поддерживавшие планы Булавина, испугавшись, с одной стороны, быстрого распространения восстания, а с другой — царского гнева, сразу же отмежевались от повстанцев. Разослав по станицам войсковые грамоты о преследовании Булавина и его сторонников, войсковой атаман собрал войско из «знатных» казаков, калмыков и татар и вместе с посланным из Азова особым воинским отрядом двинулся навстречу восставшим. В конце октября 1707 г. на р. Айдаре близ городка Закотного произошло сражение. К битве с такими значительными силами восставшие еще не были готовы и, несмотря на отчаянное сопротивление, были разбиты. Торжествуя победу, «верные правительству» старшины и богатые казаки жестоко расправились с повстанцами: «носы резоли боле 100 человеком, а иных плетьми били, и... в руские городы... выслали... пущих [же] завотчиков... повесили по деревьям, по обыкности своей за ноги, а иных перестреляли в смерть».[2] Вслед за тем жестокой экзекуции было подвергнуто население, поддержавшее восставших; многие городки выжигались до тла, а беглых после наказания возвращали владельцам.[3]

Получив известие от Войска «о полном разгроме» восставших, правительство направило на Дон подпячего Крылова с «милостивым» царским жалованием и приказанием казакам дать присягу на верность царю. Часть из них этому подчинилась, но на Дону по-прежнему было неспокойно.

В это время Булавин с группой своих приверженцев, пройдя через бахмутские леса, укрылся в миусских степях. Через некоторое время, переодетый в монашеское платье, он появился в Черкасске, где тайно, но с ведома И. Зерщикова и некоторых других старшин, оппозиционно настроенных по отношению к правительству, присутствовал на войсковом кругу.

Убедившись, что значительная часть казаков готова продолжать борьбу, но не считая возможным сразу поднять их, Булавин ушел в Запорожье. Перезимовав в Кодаке, весною 1708 г. он вместе с группой своих приверженцев пришел в Сечь и призвал запорожских казаков к совместному выступлению.

Появление в Сечи Булавина всколыхнуло запорожскую серому. «Скинув» с атаманства кошевого Т. Финенко, отказавшегося поддержать Булавина, и избрав атаманом К. Гордиенко, казацкая голытьба выразила решительное желание объединиться с донскими казаками для борьбы против «панов и арендарей за их неправду». Не сочувствуя сероме, но стараясь скрыть это, Гордиенко со своими помощниками-старшинами, чтобы хоть в какой-то мере удержать запорожцев от участия в совместном с донцами выступлении, 8 марта 1708 г. провел на раде решение, позволявшее Булавину «прибрать запорожскую вольницу» для похода в великороссийские города, но только после того, как «з Дону привезут к ним письмо за войсковою печатью» и когда с Булавиным выступят Белогородская (Аккерманская) орда, ногайцы, горские черкесы и калмыки.[4]

Однако сечевая голытьба не стала ожидать выполнения поставлен-

[1] «Булавинское восстание», № 15, 16, 19, 24.
[2] Там же, № 16, стр. 133, 369.
[3] Там же, № 17, стр. 135—144.
[4] Там же, № 174, стр. 373.

ных радой условий и, когда в начале весны 1708 г. Булавин пошел на Дон, с ним двинулось около 3 тысяч запорожцев.[1]

Выступление К. Булавина в этот момент не было случайным. Находясь в Запорожье, он зорко следил за событиями на Дону и в прилегавших к нему районах и знал, что посылавшиеся «верными правительству казаками» карательные экспедиции не могли уже уничтожить все «воровские» отряды, появлявшиеся в верховых городках.

Уже в феврале 1708 г. на границе между землями запорожских и донских казаков находилось большое число повстанцев. В середине февраля около 9 тысяч человек сосредоточилось в урочище Вороновка на Кальмиусе и, как доносил киевский воевода Д. М. Голицын, грозили «приходить разорять Тор, Мояки и Изюм, и взять артилерию, итить на Русь бить бояр».[2] А когда К. Булавину стало известно, что казаки верховых городков, узнав о сосредоточении восставших у границ Войска, поднялись, он в начале марта 1708 г. повел эту огромную массу людей на Дон и вскоре занял Пристанской городок на р. Хопре. Один из крупных верховых городков, расположенный в непосредственной близости от охваченных волнениями Тамбовского, Козловского и Воронежского уездов, — Пристанской городок сразу же стал центром восстания.[3] По призыву Булавина сюда пришли представители многих станиц, а также беглые крестьяне, солдаты и работные люди, которые на созванном К. Булавиным кругу решили продолжать борьбу до полной победы. Отсюда же во все казачьи городки и русские города и села рассылались «прелестные письма» с призывом бить «злых бояр», «воевод и начальных людей», «иноземцев и прибыльщиков».[4]

В этот период восстание получило особенно большой размах. Оно распространилось не только среди всего верхового и значительной части низового казачества, но и в пограничных с Донским краем областях — в Слободской Украине, Поволжье и центральных районах России, где охватило 43 уезда.[5]

Восставшие, что характерно и для других крестьянских и казачьих волнений эпохи феодализма, не имели ясных целей, не было в их рядах и единства. Некоторые из них считали возможным сразу идти на Москву, поэтому одна из грамот Булавина призывала восставших собираться в Туле.[6] Большинство казаков полагало, что необходимо прежде всего взять главный город Войска — Черкасск, а затем уже идти на Москву. Были, однако, и такие, которые небольшими отрядами совершали самовольные походы против калмыков, на Волгу и в другие места.[7] Все это ослабляло восставших и до крайности затрудняло руководство движением.

Но и в этих условиях сила и размах восстания были очень значительными. Учитывая желание большинства казаков, К. Булавин «с товарищи» в марте 1708 г. призвал всех восставших («изо всех станиц по половине») собраться у Паншина городка с тем, чтобы оттуда идти на Черкасск.[8]

В это время войсковой атаман Лукьян Максимов тоже собирал свое войско. Из числа низовых, главным образом зажиточных, казаков ему

---

[1] ПСЗ, т. IV, № 2233; подробно об этом см. В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество, стр. 329—330.

[2] «Булавинское восстание», № 168, стр. 365, № 171, стр. 369.

[3] Там же, № 28, стр. 165.

[4] Там же, № 28, стр. 165—168; № 236, стр. 450—451; № 237, стр. 451—452.

[5] В. Лебедев. Крестьянское движение в метрополии в годы Булавинского восстания. В сб. «Булавинское восстание», стр. 60—62; В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество, стр. 331; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.», стр. 258—259.

[6] «Булавинское восстание», № 236, стр. 451.

[7] Там же, № 29 и 236; ПиБ, т. VII, вып. 1, стр. 556, 600, 602.

[8] «Булавинское восстание», № 29, стр. 169.

удалось набрать 8 тысяч. К ним были добавлены несколько сотен азовских гарнизонных солдат и отряды, присланные калмыцкими феодалами.

7 апреля 1708 г. основные силы Булавина заняли выгодную позицию у Красной Дубравы на р. Лисковатке (между Паншинской и Голубинской станицами). Вскоре сюда подошел со своим войском Лукьян Максимов. Сразу же выяснилось, что многие казаки, попавшие в его отряд, не желали сражаться с восставшими, и, когда 9 апреля начался бой, значительная часть их перешла на сторону К. Булавина. Войско Л. Максимова было разбито наголову.[1]

Победа окрылила восставших, а старшин во главе с войсковым атаманом, с позором бежавших с поля боя, деморализовала. Не встречая почти никакого сопротивления, Булавин двинулся прямо к Черкасску. В это время ряды восставших значительно пополнились и только в одном войске Булавина было свыше 15 тысяч человек.

В конце апреля основные силы восставших подошли к Черкасску. Ожидая их, старшины во главе с войсковым атаманом «окрепились палисадами... и сели в осаду». Рассчитывая на крепкие стены этой почти неприступной для начала XVIII в. крепости, снабженной 44 пушками, они надеялись остановить восставших у стен главного города Войска. Однако это им не удалось. В черкасских городских станицах начались волнения рядовых казаков. Стараясь сохранить свое положение, часть старшин во главе с наказным атаманом И. Г. Зерщиковым их поддержала. Еще до подхода к Черкасску Булавин получил «челобитную» от атаманов Скородумовской, Тютеревской и трех Рыковских станиц с предложением взаимно «бить пыжами» из мелкого ружья,[2] а когда 28 апреля 1708 г. его войско подошло к этим станицам, они сразу же сдались. 1 мая 1708 г. вспыхнуло восстание в самом Черкасске, и Булавин занял город.[3] С этого времени власть целиком перешла в руки войскового круга, по решению которого были казнены войсковой атаман и его ближайшие помощники, выбран новый атаман — Кондратий Булавин, произведена конфискация церковных денег и т. п.[4]

3. ПРОДВИЖЕНИЕ КАРАТЕЛЬНОЙ АРМИИ В. В. ДОЛГОРУКОГО К ЧЕРКАССКУ. ИЗМЕНА СТАРШИН И РАСПРАВА ИХ С К. БУЛАВИНЫМ

Крупные успехи К. Булавина и быстрое распространение восстания на огромной территории очень обеспокоили правительство. Не имея возможности снять значительные силы регулярной армии с фронтов Северной войны, правительство провело срочную мобилизацию служилых людей.[5] В короткий срок была собрана 32-тысячная армия, состоявшая из дворян, солидарных в своей жгучей ненависти к восставшим. Во главе этой армии был поставлен брат убитого булавинцами в начале восстания Ю. В. Долгорукого — гвардии майор В. В. Долгорукий, которому был вручен указ Петра I от 12 апреля 1708 г. о том, чтобы восставшие городки и деревни «жечь без остатку, а людей рубить, а заводчиков на колесы и колья, дабы сим удобнее отторвать охоту к приставанию (о чем вели выписать из книг князь Юрья Алексеевича) воровства у людей, ибо сия сарынь, кроме жесточи, не может унята быть».[6]

[1] «Булавинское восстание», № 43, стр. 199; ПиБ, т. VII, вып. I, стр. 562, 612—620, 627.

[2] «Булавинское восстание», № 54, стр. 227.

[3] Там же, № 57, стр. 230—231.

[4] Там же, № 66, стр. 238—239. «Исторический архив», 1960, № 6, док. № 1.

[5] ПиБ, т. VII, вып. 1, № 2334, стр. 132—133; И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. 14, М., 1842, № 851, стр. 532.

[6] «Булавинское восстание», № 40, стр. 193. Упомянутый в этом указе Юрий

Пока армия В. Долгорукого сосредоточивалась в Воронеже, активизировали свои действия и другие военачальники. 28 апреля 1708 г. правительственные войска под командованием стольника С. П. Бахметева, острогожского полковника Тевяшева и подполковника Рыкмана на р. Курлаке (за р. Битюгом) разбили большой отряд повстанцев под командованием Лукьяна Хохлача.[1] Быстро собирали свои силы Изюмский полковник Шидловский и калмыцкий тайша Аюка.

Известия о концентрации царских войск и об отдельных успехах правительственных отрядов в борьбе с восставшими, с одной стороны, а с другой — провозглашение К. Булавина в Черкасске войсковым атаманом способствовали новому обострению классовой борьбы в рядах повстанцев. Правда, территория, охваченная восстанием, продолжала увеличиваться, а число людей, поднимавшихся на борьбу с угнетателями, все еще росло. Но становилось все более заметным отсутствие единства в рядах восставших.

Временно и по расчету примкнувшие к восстанию старшины, заняв командные должности, теперь решительно стали на путь предательства. По их настоянию от имени Войска в Посольский приказ для царя и «в полки полководцам» уже в первой половине мая были отправлены отписки, в которых заявлялось о верности казаков престолу и о желании их царю «всеусердно попрежнему непременно служить и всякого добра хотеть».[2]

Не довольствуясь этим, 18 мая 1708 г. они, втайне от Булавина, послали В. В. Долгорукому «ведомость», в которой подробно сообщали о действиях булавинцев в Черкасске, на Хопре, Изюме, на Волге и об их дальнейших намерениях.[3] В это же время старшина завязала связи с азовским губернатором И. А. Толстым и передала ему важные сведения о восставших.[4] Поступая таким образом, старшины имели серьезные основания рассчитывать на поддержку некоторой части домовитых казаков, которые тоже были напуганы размахом восстания.

Стремление старшин и богатых казаков положить конец восстанию или хотя бы сузить его рамки будило недовольство рядовой казачьей массы. Они требовали от Булавина более активных действий, а тех «черкасской природы казаков», кто противится этому, «всех побить и пожитки их разграбить».[5]

Установившееся в этот период некоторое равновесие сил приводило к колебаниям в поведении восставших. Хотя Булавин и некоторые другие руководители восстания предлагали немедленно после взятия Черкасска идти на Азов, им не удалось убедить казаков в необходимости этого, и поход был отложен. А пока казаки готовились к походу, произошли большие перемены: к земле Войска уже подходила карательная армия В. В. Долгорукого; 12 июня она начала наступление.

В связи с этим часть сил пришлось направить на борьбу с правительственными войсками. По просьбе Никиты Голого и Сергея Беспалого в район Северского Донца, к Изюму, был направлен отряд во главе с Семеном Драным, к которому присоединилось около 1,5 тысячи запорожцев, прибывших в это время на помощь восставшим.[6] Не выдержав «сидения» в Черкасске в ожидании похода на Азов, как доносил азовский губернатор И. А. Толстой, «судовая сволочь... черкасские бурлаки и кабацкие ярыжки» под начальством атамана Павлова

Алексеевич Долгорукий (родственник Ю. В. и В. В. Долгоруких) был известным душителем крестьянской войны под предводительством С. Разина.

[1] «Булавинское восстание», № 56, стр. 229.

[2] Там же, № 239, стр. 463 и № 240, стр. 454—455.

[3] Там же, № 70, стр. 244—245.

[4] «Новое о восстании К. Булавина», № 2, стр. 126—131.

[5] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, № 8, л. 358.

[6] «Булавинское восстание», № 77, стр. 253; В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество, стр. 383—384.

и Игнатия Некрасова, взяв пушки и другое оружие, двинулись «для добычи» на Волгу.[1]

Правда, Булавину удалось сохранить еще значительные силы, которые 5 июля 1708 г. были направлены к Азову. Однако азовский губернатор не только укрепил Азов, Таганрог и Троицкую крепость, но, раскрыв в июле 1708 г. заговор сторонников Булавина, так жестоко расправился с ними, что находившиеся в городе работные люди и ссыльные не решились выступить против самодержавия во время боев за Азов. К тому же в ходе сражения выяснилось, что зажиточное низовое казачество сражалось без всякой охоты, а многие из них во главе с командиром казачьей конницы Карпом Казинкиным состояли в тайном заговоре. И хотя восставшие, благодаря активным действиям голытьбы во главе с атаманом Хохлачем в начале сражения достигли некоторых успехов, но закрепить их не сумели. Вскоре осажденные получили подкрепление и перешли к более активным действиям. В то же время, как доносил И. А. Толстой, «с Олексеевского раскату, и с Петровского и из Сергиева и от морского флота с кораблей по тех воровских людех была непрестанно пушечная стрельба». Потеряв около тысячи человек, восставшие отступили.[2]

В день неудачи под Азовом (6 июля 1708 г.) в Черкасск пришло известие о разгроме крупных сил восставших на Донце и гибели их командира С. Драного. Еще совсем недавно С. Драный успешно защищал донецкие городки от царских войск и преграждал им дорогу к Черкасску,[3] благодаря чему некоторая часть казачества продолжала верить, что царские войска не дойдут до Черкасска. Теперь же дорога для карательной армии была открыта.

Видя полную обреченность восстания и надеясь снискать милость правительства, зажиточные казаки окончательно порвали с восстанием. Захватив власть в Черкасске, они 7 июля расправились с Булавиным и выбрали себе нового атамана — И. Г. Зерщикова.[4] В ряде других станиц власть тоже перешла в руки изменников-старшин, и они стали отправлять своих представителей к В. В. Долгорукому с повинной.[5]

Не встречая уже серьезного сопротивления, 26 июля армия Долгорукого подошла к Черкасску, но, не решаясь войти в город, остановилась «подле», у Аксая. Сюда к Долгорукому явились войсковой атаман и знатные старшины «и знамена преклонили, и пали на землю, и просили прощенья». Каратели вошли в город. Через день казаки целовали крест на верность самодержавию, а 200 человек (по одному от каждого десятка) по приказу Долгорукого были казнены.[6]

4. ПРОДОЛЖЕНИЕ БОРЬБЫ РЯДОВОГО КАЗАЧЕСТВА И КРЕСТЬЯНСТВА В ВЕРХОВЫХ ГОРОДКАХ И ПОВОЛЖЬЕ. РАЗГРОМ ВОССТАНИЯ

В. В. Долгорукий и И. А. Толстой, введенные в заблуждение рабской покорностью войскового атамана И. Г. Зерщикова и его окружения, в первый момент решили, что, взяв Черкасск, они покончили с народным движением, о чем и донесли правительству. Это известие было встречено с ликованием.[7]

[1] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 7, лл. 1277—1278; кн. 8, лл. 367—368; «Булавинское восстание», № 214, стр. 422.

[2] «Булавинское восстание», № 108, стр. 292—293.

[3] О действиях восставших в этом районе в конце июня и начале июля см. «Булавинское восстание», № 107, стр. 290—292.

[4] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.», стр. 264.

[5] «Булавинское восстание», № 111, стр. 296, № 113, стр. 298.

[6] ЦГАДА, кабинет Петра I, отд. II, кн. 7, лл. 844—845 об.

[7] П и Б, т. VIII, вып. 2, стр. 479—480.

Полагая, что остается лишь наказать участников восстания, «дабы им впредь неповадно было», Долгорукий с частью своего войска двинулся вверх по Дону, чиня по пути расправу.

Но такие действия, вопреки расчетам «вышнего командира», способствовали дальнейшему развитию восстания, движущими силами которого после измены зажиточного казачества являлись казачья голытьба и беглое крепостное крестьянство.

Уже во время пребывания В. Долгорукого в Черкасске значительное число голутвенных казаков бежало в верховые городки, где восстание по существу не прекращалось. В начале августа 1708 г. несколько тысяч восставших во главе с И. Некрасовым и И. Павловым собралось в городке Голубые. Здесь образовался новый центр восстания. Почти в то же время в Есауловской станице из 16 станиц собралось около 3 тысяч казаков, готовых вести борьбу против царских войск. Восставшие готовились к новому походу на Черкасск. По предложению И. Некрасова, было решено всем собраться в Паншине, после чего Игнат Некрасов, Сергей Беспалый и Иван Лоскут со своими отрядами двинулись в поход.[1] Стремясь не допустить соединения восставших, В. Долгорукий, оставя обоз и пехоту, с конницей спешно пошел к Есаулову.

Восставшие, собравшиеся в Есауловском городке во главе с атаманом Василием Тельным, решили обороняться, для чего обнесли городок тройной линией укреплений. Большие надежды они возлагали на И. Некрасова и других атаманов, которые спешили им на помощь. Но к 22 августа те успели дойти только до Нижнего Чира, а В. Долгорукий уже начал наступление на Есауловский городок. Восставшие успешно отбили первый приступ, но, не выдержав напора превосходящих сил карательной армии, 24 августа 1708 г. сдались. В. Долгорукий жестоко расправился с повстанцами.[2]

Почти в то же время карательный отряд князя П. П. Хованского, усиленный калмыцким войском, подошел к Паншину, где находилось свыше 4 тысяч восставших. В пяти верстах от городка, по словам Хованского, произошла «баталия великая». «Никогда я не помню, — писал Хованский, — чтоб так казаки крепко стояли; а более того разумею, что крепко стояли беглые драгуны и из полков солдаты».[3] Сражение, длившееся несколько часов, окончилось победой правительственных войск. Однако восставшие не покорились. Как доносил Хованский, после поражения многие «воровские казаки» бежали «ис Паншина в собрание в Голубые к вору к Игнашке Некрасову».[4] Мстя восставшим, Хованский на «завоеванной» им территории уничтожил 8 донских городков, в том числе Паншин, Голубые, Качалин, а 39 городков привел к крестному целованию.[5]

Успехи карательной армии под Есауловым и Паншиным заставили атамана И. Некрасова, шедшего со своим отрядом в этот район, изменить свои планы. Дойдя до станицы Нижне-Чирской, он с 2 тысячами казаков, при которых были жены и дети, в 20-х числах августа 1708 г. пошел на Кубань. Присланный вскоре после этого на Дон некрасовец Семен Селиванов увел на Кубань еще около тысячи казачьих семей из Старо-Григорьевской, Есауловской, Кобылянской и Нижне-Чирской станиц. Находясь за пределами родины, некрасовцы еще много лет про-

---

[1] «Булавинское восстание», № 120, стр. 309; №№ 123—124, стр. 312—314; № 126, стр. 315; № 128, стр. 316, № 249, стр. 467.

[2] «Новые материалы о восстании на Дону и в Центральной России в 1707—1709 гг.». Подготовила Е. П. Подъяпольская. «Материалы по истории СССР», т. V. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 528—529.

[3] «Булавинское восстание», № 140, стр. 329—331; см. также стр. 56.

[4] «Булавинское восстание», № 140, стр. 330.

[5] См. «Роспис казачьим городком, которые разорены и выжжены и ис которых станиц были у крестного целованья». В сб. «Булавинское восстание» № 140, стр. 331.

должали вести борьбу с самодержавием и совершали время от времени походы на Дон и южные окраины крепостнической России.[1]

В этот период бассейн Северского Донца по-прежнему оставался одним из наиболее мощных очагов восстания. Здесь после смерти С. Драного и измены зажиточного казачества голытьба, продолжавшая бороться за свою свободу, объединилась вокруг атамана Н. Голого, открыто выступавшего в защиту ее и «всей черни» от бояр и всех тех, «которые неправду делают».[2]

Считая, что положение в этом районе стало особенно опасным, В. Долгорукий со своей армией в конце августа 1708 г. начал подготовку к «донецкому походу». Вскоре Долгорукому стало известно, что основные силы атамана Голого находятся под Богучаром, и он направил туда полковников фон Делдина и Тевяшова. Но восставшие уклонились от сражения и перешли в расположенный ниже Богучара и хорошо укрепленный Донецкий городок. Они надеялись, что под крепкими стенами этого городка, куда со всех сторон стекалась голытьба, им удастся оказать сопротивление карательной армии, а когда, как они мечтали, «Долгорукова с полками разобьют, то де чернь к ним собрався пристанет от многих несносных податей и от тягости и от прибыльщиков... И поимав городы пойдут до Москвы побить бояр и немцов и прибыльщиков».[3] В этот период повстанцы, засевшие в Донецком городке, представляли собой столь грозную силу, что фон Делдин и Тевяшов, под командованием которых было свыше 2 тысяч солдат регулярной армии, не решились преследовать их и возвратились в Острогожск.

Временно оставленные преследователями, восставшие во главе с Н. Голым сами перешли к активным действиям. В конце сентября 1708 г. мимо Донецкого городка под охраной 1200 солдат проходил караван судов (100 будар с продовольствием) под начальством полковника Бильса. Восставшие напали на него и разгромили, причем многие солдаты регулярной армии перешли на их сторону.[4] Эта победа имела большое значение для восставших, так как вновь вселила в них уверенность в своих силах.

В начале октября 1708 г. Голый и Колычев переправились через Дон и двинулись к Ровенкам на Айдар. Со всех сторон к ним потянулись конные и пешие казаки; как доносил В. В. Долгорукий, «пришли к ним ис Казанской и Мигулинской, и Тишанской, и Еланской, и Решетовской станиц и из Вешек да ис хаперских и бузулуцких станиц такие же воры».[5] В. В. Долгорукий отдавал себе отчет в трудности создавшегося положения. Он писал: «Драгунским полкам итти невозможно для того, что воров умножается от часу больше, зело поход труден, перво: что позднее время — кормов нет, все выжжено,.. а у них воров ружья и пороху довольно, которое отобрали у Бильса». Поэтому против атамана Н. Голого он направил все имевшиеся в его распоряжении силы. В это же время на Донце действовал со своими полками и старый враг казачества — изюмский полковник Ф. Шидловский. Теперь соотношение сил на Донце сложилось явно не в пользу восставших, так как против них действовала огромная, хорошо вооруженная и имевшая боевой опыт армия. Однако восставшие продолжали вести упорную борьбу, и лишь после сражения у Донецкого городка (29 октября 1708 г.) и у станицы Решетовской (4 ноября) отряд Н. Голого, в котором было в

---

[1] «Булавинское восстание», № 141, стр. 331—332; Ф. В. Тумилевич. Сказки казаков-некрасовцев. Вводная статья к кн. «Русские народные сказки казаков-некрасовцев». Ростиздат, 1958, стр. 7—11.

[2] «Булавинское восстание», № 248, стр. 466—467.

[3] Там же, № 145, II, стр. 339—340.

[4] Там же, стр. 338—340.

[5] «Новые материалы о восстании на Дону и в Центральной России в 1707—1709 гг.», стр. 535.

октябре 1708 г. не менее 7 тысяч человек, был окончательно разгромлен.[1]

Зверски расправляясь со всеми участниками восстания и опираясь на изменников-старшин, каратели подавили восстание на Дону уже в конце 1708 г. Правда, многие участники не смирились. Часть из них бежала в центральные уезды России, в Поволжье и в Запорожье и приняла участие в общенародной борьбе, продолжавшейся здесь и в 1709, и в 1710 г.[2] Некоторые пытались даже продолжать борьбу на Дону. Так, летом 1709 г. одному из восставших, объявившему себя Булавиным, удалось объединить вокруг своего знамени значительную группу голытьбы и занять несколько городков по рекам Бузулуку и Медведице. Он даже призывал голытьбу «собрався, итти на Русь». Но в целом на Дону, где свирепствовала 32-тысячная карательная армия В. В. Долгорукого, народ выступать не решался.[3]

В середине апреля 1709 г. Петр I прибыл в Черкасск, чтобы самому убедиться в полной покорности казачества. Окруженный «знатною и разумною старшиной», он пришел на майдан, где собирался войсковой круг, и приказал в знак победы водрузить на колья головы Булавина и Зерщикова. Затем на Войско были обрушены репрессии. 44 казачьих городка было уничтожено, огромная территория почти в 1 млн десятин была отнята у казачества и передана русским и украинским помещикам, а беглые крестьяне и голытьба возвращены прежним владельцам. Вся территория войска Донского была включена в состав Азовской губернии, и казачество оказалось под строгим надзором правительственных чиновников.

К концу 1710 г. самое крупное в России первой половины XVIII в. антифеодальное движение, в котором активное участие приняло донское казачество, было окончательно разгромлено и в центральных губерниях, и в Поволжье, и в Запорожье. Самодержавие торжествовало победу над мятежным казачеством и крестьянством. Но, хотя в условиях феодальной России начала XVIII в. поражение было неизбежным, восстание имело огромное прогрессивное значение. Оно нанесло чувствительный удар абсолютной монархии и крепостничеству и тем самым способствовало быстрейшему вызреванию новых, буржуазных отношений в недрах феодальной формации. Оно показало, что произвол самодержавия и помещиков над народными массами не безграничен, что народ умеет бороться за свои права и что в первых рядах борцов за свободу наряду с угнетенным крестьянством стоит рядовая масса казачества.

Наконец, восстание еще раз показало общность интересов рядового казачества и крестьянства в борьбе против самодержавия и крепост-

---

[1] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 7, лл. 871—872 об. «Новые материалы о восстании на Дону и в центральной России в 1707—1708 гг.», стр. 537—598. После поражения у станицы Решетовской Н. Голый, М. Колычев и небольшое число казаков бежали, однако вскоре были пойманы и отправлены в Преображенский приказ, где после страшных пыток были казнены (ЦГАДА, Разрядная вязка, 51, д. 118, лл. 1—2; «Булавинское восстание», № 164, стр. 361).

[2] Подробно об этом см. В. И. Лебедев. Булавинское восстание. «Историк-марксист», т. 3/31. М., 1933, стр. 52—59; В. И. Лебедев. Крестьянское движение в метрополии в годы Булавинского восстания. В сб. «Булавинское восстание», стр. 60—67; В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество, стр. 334—336 и др.

[3] По данным В. В. Долгорукого, к концу 1708 г. только убитых в боях насчитывалось 29400 человек. («Записки В. В. Долгорукого о действиях карательной армии» «Исторический архив», 1955, № 4, стр. 194). Помимо этого, более 7 тысяч человек было казнено (А. Савельев. Трехсотлетие войска Донского, стр. 61). Таким образом, всего погибло около 40 тысяч восставших. Сопоставив эту цифру с числом казачьего населения на Дону к началу восстания (28820 человек), Ф. В. Тумилевич справедливо увидел в этом еще одно подтверждение того факта, что, помимо казачества, в восстании 1707—1709 гг. принимало участие огромное количество пришлого на Дон населения (см. Ф. В. Тумилевич. Сказки казаков-некрасовцев. Вводная статья к кн. «Русские народные сказки казаков-некрасовцев», стр. 5—6).

ничества и неизбежность предательства старшин и богатых казаков, в любой момент готовых продать казачью вольность за те права и привилегии, которые они получали из рук самодержавия.

Подведем итоги.

1. В связи с усилением феодальной эксплуатации и налогового гнета в конце XVII — начале XVIII в. резко обострилась классовая борьба во всей стране, а Дон, где стали утверждаться крепостнические порядки, превратился в узловой пункт социальных противоречий. В октябре 1707 г. глухое брожение на Дону вылилось в открытое восстание.

2. Уже в самом начале движения значительная группа старшин во главе с войсковым атаманом Л. Максимовым предала восставших и, собрав значительные силы, выступила против них. Не готовые еще к большим сражениям, восставшие в конце октября 1707 г. у городка Закотного были разбиты. Однако они не прекратили борьбы. Булавин бежал в Запорожье, где собирал под свое знамя казачью серому и беглых крестьян, солдат и работных людей. Продолжалось глухое брожение среди казачества, а в верховых городках дело доходило до открытой борьбы.

3. В марте 1708 г. Булавин со своими приверженцами вернулся на Дон и занял Пристанской городок, который стал центром восстания. Это был период наибольшего размаха движения. В апреле 1708 г. восставшие разгромили войско старшин, а в мае заняли Черкасск, провозгласив Булавина войсковым атаманом.

4. Напуганные размахом движения и боясь расправы, зажиточные казаки начали отходить от восстания. Это привело к неудачам у Азова и на Северском Донце, к гибели атаманов С. Драного и К. Булавина. Однако и после этого голутвенное казачество и беглый люд под руководством Н. Голого, И. Павлова и других атаманов продолжали неравную борьбу против 32-тысячной карательной армии, опиравшейся на зажиточное казачество. К концу 1708 г. восстание на Дону было разгромлено. Многие повстанцы бежали в центральную Россию, Поволжье и Запорожье и там приняли участие в антифеодальной борьбе, однако в 1710 г. и тут восстание было разгромлено.

Глава II

БОРЬБА КАЗАЧЕСТВА И КРЕСТЬЯНСТВА ПРОТИВ УСИЛЕНИЯ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО ГНЕТА НА ДОНУ ПОСЛЕ РАЗГРОМА НАРОДНОГО ВОССТАНИЯ 1707—1709 ГОДОВ

1. БОРЬБА БЕГЛОГО КРЕСТЬЯНСТВА И КАЗАЧЕСТВА ЗА СВОБОДУ ОТ САМОДЕРЖАВНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО ГНЕТА

Разгромив восстание на Дону, в центральных уездах России, Поволжье и на Украине и укрепив свою власть в стране, крепостники и самодержавие путем жесточайших репрессий некоторое время удерживали народные массы от открытой борьбы за свободу. Однако это продолжалось недолго. После подавления восстания не только не были устранены, но еще с большей силой действовали причины, толкавшие народные массы на борьбу. И хотя в условиях укреплявшейся в стране дворянской диктатуры и абсолютизма угнетенному крестьянству и казачеству трудно было отстаивать свои права, они продолжали бороться «как умели и как могли».[1]

В работах ряда советских исследователей показано, что одной из распространенных форм классовой борьбы в этот период являлось бегство крестьян и представителей других групп феодально-зависимого населения от своих угнетателей.[2] Но с уходом крестьян с насиженных мест борьба их не прекращалась. Они приходили на новое место жительства в надежде найти свободу от крепостнического угнетения. Но правительство, удовлетворяя требования помещиков, принимало решительные меры к их сыску и возвращению владельцам. Поэтому везде, где были беглые, в том числе и на земле Донской, продолжалась их упорная борьба за свободу. На Дону, как и в других окраинных районах страны, заселенных казачеством, эта борьба была особенно ожесточенной, так как угнетенный народ, бежавший из центральной России, находил поддержку среди широких слоев казачьей голытьбы.

Убегая от своих владельцев, крепостные крестьяне стремились избавиться не только от власти того или иного помещика, но от всякого гнета. Однако те, кто оставался в пределах центральных губерний России, в районах прочного хозяйственного освоения, очень быстро теряли обретенную ими свободу; они или попадали в руки к сыщикам,

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.

[2] П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос, гл. II, § 1; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в.», стр. 202—211; «Очерки истории СССР. Период феодализма Россия во второй половине XVIII в.», стр. 171—172; Ю. В. Гессен. Нападения беглых крестьян на помещичьи вотчины в 20—30-х годах XVIII века. «Вопросы истории», 1954, № 12, стр. 103—110 и др.

или шли в кабалу к другим землевладельцам. Более широкие возможности для сохранения свободы открывались у тех, кто уходил на окраины России, в частности на Дон. Несмотря на превращение донского казачества уже с конца XVII в. в замкнутое сословие, заинтересованность Войска в пополнении своих рядов еще долгое время сохранялась. Поэтому часть беглых, оказавшихся на Дону, имела возможность проникнуть в ряды казачества, и те, кому это удавалось, попадали в состав сословия, не знавшего личной зависимости и не испытавшего на себе всей тяжести самодержавно-крепостнического гнета. В этом смысле, по точному определению В. А. Голобуцкого, «показачение являлось той обычной формой борьбы, посредством которой угнетенные массы стремились освободиться от крепостничества».[1]

Разумеется, в XVIII в. беглые в подавляющем большинстве уже не зачислялись в казачество. Они вынуждены были идти в кабалу к старшинам и богатым казакам и работать в их хозяйствах в качестве бурлаков или приписных. Так как эти хозяйства могли поглотить работников значительно больше, чем их было на Дону в то время, а взять их при отсутствии у старшин и богатых казаков прав на владение крепостными было негде, то заживточные казаки охотно укрывали беглых в своих хуторах и зимовниках. Ввиду острой нужды в рабочей силе всем, приходившим на Дон, особенно на первых порах, предоставлялись более или менее льготные условия. Как ни быстро развивались на Дону в XVIII в. крепостнические отношения, они лишь со второй половины века стали принимать формы, близкие к тем, которые были в центральной России.[2] Поэтому в течение всего столетия, а особенно в первой его половине, беглые, приходя на Дон, не только обретали свободу от власти своего владельца, но на какое-то время получали передышку от ставшего уже почти повсеместным жестокого крепостнического гнета, который уже мало чем отличался от рабства.[3] В силу всех этих обстоятельств и те беглые, которые не попадали в ряды казачества, продолжали укрываться на Дону от своих преследователей, хотя положение их на Дону с каждым десятилетием становилось все более тяжелым.

Видя свою главную задачу в удовлетворении притязаний основной массы дворянства и стремясь поэтому положить конец бегству крестьян, правительство принимало все более строгие меры. Один за другим издавались указы о жестоком наказании не только беглых, но и их укрывателей. Только во второй четверти XVIII в. таких указов было издано свыше ста; в дальнейшем число их несколько уменьшилось, но стали применяться более суровые меры наказания.[4] Наряду с этим во второй четверти XVIII в. возобновилась посылка особых, снабженных широкими полномочиями карательных отрядов. Наконец, с этого же времени для борьбы с беглыми правительство стало широко привлекать войсковую администрацию, а с 1761 г. сыск и высылка беглых были целиком возложены «на доверенность и попечение» Войска.[5]

Усиление требований со стороны правительства заставляло и войсковую администрацию действовать более активно. Уже с 20-х годов XVIII в. дело было поставлено так, что при получении первых же известий о появлении беглых на Дону Войско рассылало приказы по всем станицам об их розыске. Помимо этого, оно непрерывно издавало

---

[1] В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество, стр. 415.
[2] А. П. Пронштейн. Усиление крепостного гнета на Дону. «Вопросы истории», 1955, № 6, стр. 60—61.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 439.
[4] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в.», стр. 209; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.», стр. 171.
[5] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 103, л. 839.

и общие распоряжения о борьбе с беглыми. Так, в грамоте 1721 г., где впервые регламентировалась вся жизнь станиц, казакам решительно запрещалось принимать беглых, а за нарушение этого устанавливалась смертная казнь не только укрывателям, но и станичным атаманам и «лучшим людям».[1] В 1726 г. Войско издало особый приказ о том, чтобы «новопришлых с Руси людей как в станицах, так и по хуторам отнюдь не держали под страхом смертной казни». Подобные приказы издавались потом почти ежегодно, а грамотой от 16 июня 1749 г. Войско, стремясь положить конец притоку беглого люда на Дон, предписало вообще всех «великороссийских людей... ни с какими пашпортами в работы не принимать и отнюдь не держать».[2] Наконец, еще за несколько лет до этого, в 1743 г., на Дону был введен институт нарочных старшин по сыску беглых, а в 80-х годах XVIII в. были созданы сыскные начальства, главной задачей которых являлась борьба с беглыми.[3]

Но и в этих условиях, когда против беглых использовались правительственные карательные отряды и военная администрация Войска, народные массы не прекращали борьбы за свою свободу и во многом вели ее небезуспешно. Уже самый факт издания почти ежегодных правительственных указов и бесчисленного количества войсковых распоряжений о сыске и возвращении беглых их владельцам свидетельствует, с одной стороны, о большом числе беглых на Дону, а с другой — о почти полной бесплодности этой меры. На каждый десяток пойманных в соответствии с этими указами приходилось по нескольку десятков новых беглых и, следовательно, общее число их только росло. Карательные экспедиции тоже, как правило, не давали больших результатов. Так, попытка генерала Тараканова в 1728 г. «изо всех донских жилищ изыскивать и высылать на прежние жилища беглых российских всякого звания людей» натолкнулась на сопротивление не только беглых, но и казачества, и он вынужден был отступить.[4] Столь же неудачно окончилась в 1740 г. экспедиция поручика Неклюдова по сыску и высылке беглых, вынужденного вступить в бой с бурлаками, которых в станице Мигулинской собралось более тысячи человек.[5]

В середине XVIII в. беглые, находившиеся на Дону, зачастую отстаивали свою свободу с оружием в руках. Их сопротивление сыску приняло столь грозные формы, что один из наиболее активных чиновников Войска — старшина Себряков заявлял, что он «в пребезмерном страхе жизнь свою препровождает», так как многие угрожают ему «смертные причины причинить», а в царской грамоте на Дон от 20 декабря 1751 г. высказывалось опасение, как бы на Дону «чрез разыскание беглых» не произошло возмущения «подобно Булавинскому».[6]

Несколько бо́льших результатов в преследовании беглых добивались нарочные старшины и сыскные начальства, действовавшие повседневно, а не от случая к случаю. Но и они не успевали ловить всех беглых, находившихся на Дону в очень большом числе. К тому же многие из пойманных и отправленных владельцам снова возвращались на Дон, о чем Войско неоднократно доносило правительству.[7]

Таким образом, до тех пор пока на земле Донской крепостничество

[1] А. Савельев. Трехсотлетие войска Донского, стр. 105.

[2] Подробно об этих войсковых приказах и грамотах см. К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XI, стр. 64—67; см. также ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 135, л. 1; д. 138, л. 25.

[3] «Акты к истории сыскных начальств». Памятная кн. ОВД на 1904 г., отд. III, стр. 25—27; Акты Лишина, т. II, ч. I, № 377, стр. 353—356; т. II, ч. II, № 642, стр. 817—818.

[4] А. И. Ригельман. История о донских казаках, стр. 102—103; ЦГАДА, Госархив, р. XX, оп. 1, д. 54, ч. 1, лл. 12—12 об.

[5] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 58, лл. 43—44 об.; Акты Лишина, т. II, ч. I, № 257, стр. 239.

[6] Акты Лишина, т. II, ч. II, № 590, стр. 708—709; ДОВ, 1865, № 31.

[7] См., например, ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1486, л. 108.

не было еще таким жестоким, как в центральной России, поток беглых на Дон не прекращался. Число их на Дону, несмотря на все меры, принимавшиеся правительством и войсковыми властями, оставалось очень большим, и это свидетельствует не столько о слабости властей, сколько об успехах народных масс в борьбе за свободу от крепостного гнета.

Усиление феодально-крепостнической эксплуатации на Дону, особенно со второй половины XVIII в., привело к новому явлению — побегам донских крестьян и казаков.

Мы не имеем возможности учесть все случаи бегства крестьян от донских старшин и богатых казаков, так как, уходя от них и прибывая на новое место, крестьяне зачастую меняли свои фамилии, а свое прежнее место жительства скрывали. Вот, например, что показал в 1799 г. крестьянин Голубенко, крепостной войскового толмача Котломина. Бежав вместе с женой и детьми из своей слободы, он в марте 1799 г. прибыл на Ейскую косу и остановился в доме казака Дядьковского куреня Герасима Половича. Когда к ним туда пришел атаман этого куреня Иван Ус, крестьянин Голубенко, по его показанию, «купивши кварту ренского вина, переменя прозвание Ситником, не объявляя себя, что он... Котломина подданный, а сказал, яко он малороссийский казак и зашел сюда Воронежской губернии с слободы казенной Петровской, просил его, дабы он прописал его в свой курень и дал для свободного на войсковой земле прожития свидетельство».[1]

Подобным образом скрывали свои фамилии донские, как, впрочем, и другие, крестьяне довольно часто, что лишает нас возможности учесть все случаи бегства донских крестьян. Но и известные нам факты свидетельствуют о том, что во второй половине XVIII в., не выдерживая усиливавшегося на Дону крепостного гнета, донские крестьяне все более часто уходили от своих владельцев.

В 1763 г. провели перепись, по которой донские крестьяне были записаны за их владельцами. Но в течение года после этого, как показала поверочная перепись 1764 г., большое число донских крестьян убе-

Таблица 12

Данные о побегах приписных крестьян с 1763 по 1764 г.

Частные владельцы, станицы и монастыри, за которыми приписаны крестьяне	Число крестьян в хуторах по переписи 1763 г.	Число бежавших в 1764 г.	Источник — ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105
Полковница Краснощекова	50	7	л. 88 об.
Вдова Варвара Фролова	36	11	„ 92 об.
Казак Тимофей Гапонов	6	1	„ 113 об.
Казак Аксен Алинтьев	12	2	„ 123 об.
Казак Иван Сухаревский	6	3	„ 126 об.
Старшина Алексей Протопопов	14	10	„ 127
Казак Петр Николаев	32	4	„ 141
Старшина Михаил Поздеев	11	4	„ 149
Старшина Иван Поздеев	7	1	„ 150
Вдова Ефимья Поздеева	6	2	„ 151
Нижняя Курмоярская станица	54	3	„ 615 об.
Нагавская станица	30	3	„ 623
Отдельные казаки той же станицы	11	2	„ 626
Зимовейская станица	18	4	„ 652
Пятиизбянская станица	59	5	„ 735
Голубинская станица	43	2	„ 780
Станицы и владельцы от Качалинской до Казанской станицы	2054	222	лл.796—1033
Федосеевская станица	37	10	„1283—1291
Мельница Березовская	15	1	л.1399
Усть-Медведицкий и Спасский Преображенский монастыри	171	7	лл. 1411—1424 об.

[1] ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 5720, л. 144 об.; В. А. Голобуцкий. Черноморское казачество, стр. 180.

жало от своих владельцев. Приведем выборочные данные из материалов переписи 1764 г. (табл. 12).

В последующие годы побеги донских крестьян продолжались. Так, в 1768 г. атаман и казаки Средней станицы сообщали, что из 312 малороссиян, числившихся за станицею, в течение 1767 г. «убыло без билетов и безвестно бежало» 13 человек.[1] Из 175 крестьян, приписанных к Скородумовской станице, в 1770 г. находилось в бегах 10, а в 1771—17 человек. Из 146 приписных крестьян, числившихся за Дурновской станицей в 1773 г., было в бегах 34 человека, что составляло 23% всех крестьян, принадлежавших владельцам, жившим в этой станице. В следующем году процент находившихся в бегах был несколько ниже, но все же очень значительным. Из 129 человек, записанных за владельцами, жившими в этой станице, находилось в бегах 20 человек, т. е. 16%. Из 247 крестьян Средней станицы, принадлежавших отдельным владельцам, в 1773 г. числился в бегах 31 человек, а в 1774 г. бежало еще 6.[2]

Большинство крестьян бежало от своих владельцев в одиночку,[3] но нередкими были случаи, когда крестьяне уходили группами, по предварительному сговору. Так, в ночь на 18 октября 1787 г. у казаков Ивана Сулацкого и Петра Голубинцева «дворовые девки согласились, неведомо куда бежали».[4] В 1792 г., как доносил старшина Максим Янов, «бежали из задонской его слободы Николаевки, Шептухиной тож, крестьянин ево Василий Павлов с женою, подговоря с собой одного жителя Данилу Блажнина с женою и одного бурлака».[5] В 1793 г. полковой есаул Андрей Чекунов подал жалобу в Войсковую канцелярию, что в ночь на 7 января бежала «крепостная его крестьянка» Татьяна, «а как под самое то число бежал с бахчи войскового есаула Туроверова, состоящей близ его бахчи, Раздорской станицы малороссиянин Алексей, то действительно и та крестьянка им ево подговорена и сведена».[6] В 1795 г. полковой есаул Белов доносил о побеге от него еще в 1782 г. семьи из четырех человек, в составе отца, матери и двоих детей,[7] а в 1785 г. от премьер-майора Голуба бежали «крепостные ево люди» — Степан Иванов, «находившийся при пасьбе табунов», и две дворовые «девки» Евдокия Дорофеева и Агрипина.[8] Наконец, в отдельных случаях, особенно в последние десятилетия XVIII в., бывали и массовые побеги. Так, в 1793 г. от бригадира Михаила Себрякова бежало 130 семей, причем, как доносило Медведицкое сыскное начальство, оно «ко удержанию их... средства не нашло, потому что из сих беглецов большею частию (были) вооруженные».[9]

Следует отметить, что от войсковых властей не укрывалась прямая связь между увеличением числа побегов крестьян и ухудшением их социально-экономического положения. Так, в донесении Войскового правительства в Военную коллегию, посланном в 1777 г., прямо указывалось, что донские крестьяне «не только пришли в изнеможение, бедность, но и в самое разорение, а по сей неспособности многие, оставя свои домы, чинят безвестные побеги, а оттого владельцы их чувствуют немалую нужду в содержании своих хуторов и скотоводства».[10]

Большинство беглых донских крестьян в XVIII в. не уходило за

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 599, л. 4.
[2] Там же, д. 875, лл. 6—9; д. 42, лл. 6, 13—13 об.; д. 43, лл. 3—5; д. 622, лл. 1—7 об.
[3] Там же, д. 299, лл. 12—12 об., 22—22 об.; д. 699, л. 76; д. 1008, лл. 7 об., 33, 49 об., 53 об., 68; д. 1013, лл. 16, 17 об., 27 об., 44—45 об.; д. 1017, л. 3; ф. 494, оп. 1, д. 1, лл. 3—5 и др.
[4] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 1017, л. 3.
[5] Там же, д. 1066, л. 41.
[6] ГАРО, ф. 313, оп. 1, д. 1, л. 2.
[7] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 179, л. 38.
[8] Там же, д. 1008, л. 82.
[9] Там же, ф. 46, оп. 1, д. 5709, л. 1.
[10] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, 1777 г., кн. 49, л. 148

пределы земли войска Донского, а устраивалось у тех старшин и богатых казаков, которые предоставляли своим крестьянам более приемлемые условия. Но по мере усиления крепостного гнета на Дону, особенно с последней четверти XVIII в., крестьяне стали уходить и на новые места, за пределы Донской земли. Подавляющее большинство донских крестьян искало спасения от крепостнической эксплуатации на вновь осваиваемых землях Черноморского войска [1] и Новороссии.[2] Другие уходили в города, например в Киев.[3] А бывало даже и так, что крестьяне, искавшие спасения от феодального гнета на Донской земле и не нашедшие его там, возвращались на старые места, например в Слободскую Украину.[4] Был, наконец, и такой случай, когда крестьяне, бежавшие на Дон от одного из помещиков Владимирской губернии и не обретшие там сносных условий для существования, узнав, что их имение перешло к А. В. Суворову, при котором крестьянам стало жить легче, вернулись из бегов.[5]

Устрашенные жестокими расправами со всеми участниками народного движения 1707—1709 гг., казаки, в каком бы тяжелом положении ни находились, первое время не решались отстаивать свои права. Однако рост самодержавно-крепостнического гнета во всей стране и, в частности, на Дону, непрерывное увеличение тяжести военной и прочих повинностей, усиление произвола самодержавной власти и донских чиновников, наконец, резкое ухудшение экономического положения рядового казачества — все это, вместе взятое, толкало массу рядового казачества на продолжение борьбы.

Одной из форм классовой борьбы казачества являлись побеги казаков. Уже в 1728 г. правительству стало известно, что на Дону распространяются слухи, будто «некоторые из казачьих станиц намерены бежать на Кубань».[6] Правда, это не подтвердилось, и виновные в распространении слухов были биты кнутом и наказаны. Но этот факт показал, что казаки уже в конце 20-х годов XVIII в. видели в бегстве от своих владельцев один из путей к спасению от нараставшего гнета.

В 30—40-х годах XVIII в. уклонение казаков от службы и нарядов и даже бегство за пределы Донской земли стали одной из распространенных форм классовой борьбы казачества. В приказе от 24 ноября 1739 г. войсковой атаман отмечал, что «с начала с турками войны, многие казаки (не выдержав истощающих мобилизаций. — А. П.), оставя службу е. и. в., бежали».[7] В донесении Елизавете от 15 сентября 1745 г. Д. Ефремов также сообщал о бегстве многих казаков, особенно «ис приписанных к ним разных людей в казаки».[8]

Значительно возросло число беглых казаков во второй половине XVIII в. В моменты обострения классовой борьбы, например накануне и во время крестьянской войны 1773—1775 гг. и в период волнений 1792—1794 гг., побеги казаков были массовым явлением. Но нередко

---

[1] ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 5709, л. 1, д. 5720, л. 144 об.; В. А. Голобуцкий. Черноморское казачество, стр. 180.

[2] В 1775 г. в граничивших с землей войска Донского слободах Екатеринославской губернии Петропавловке и Катерининской было задержано 540 беглых. ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, 1775 г., кн. 162, ч. II, л. 71; см. также ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 4, л. 45 об.; ЛОГА, ф. 1, оп. 1, д. 121, лл. 1—2.

[3] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 5, л. 27 об.

[4] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 118, л. 431—432 об.; ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1493, лл. 1, 3, 6.

[5] Н. Рыбкин. Генералиссимус Суворов. Жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность. М., 1874, стр. 46; В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I, 1881, стр. 344.

[6] ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 4, л. 183.

[7] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 820, л. 1. Часть бежавших в это время с Дона казаков оказалась даже в Оренбургском крае (см. Ю. В. Готье. Из истории передвижения населения в XVIII веке. Чт. МОИДР, кн. 1, 1908, отд. IV, стр. 22).

[8] ЦГВИА, Госархив, р. XX, д. 54, ч. 2, лл. 6—6 об.

казаки уходили и в годы, когда классовая борьба на Дону была и не столь острой, например в 1779 и 1783 гг.[1]

Не прекращалось бегство их и в периоды укрепления дворянской диктатуры. Так, сразу же после разгрома крестьянской войны 1773—1775 гг., когда на Дону находилась 10-тысячная регулярная армия и даже за малейшую попытку сопротивления казаков жестоко наказывали, многие из них все же совершали побеги.[2] Характерно, что и в такие моменты происходили не только единичные, но и массовые побеги казаков. Так, в определении Войскового гражданского правительства от 29 января 1776 г. отмечалось, что казаки Луганской станицы, жившие на хуторах по речке Чугинке, не выдержав отягощений, связанных с проходом военных команд, покинули свои обжитые места и разбрелись неизвестно куда.[3] Подобных случаев в этот период на Дону было немало.

Если некоторая часть беглых крестьян, работных людей, солдат и казаков довольствовалась временной свободой и пряталась от преследователей лишь до тех пор, пока не удавалось записаться в казаки или попасть к владельцам, предоставлявшим более или менее сносные условия, то для других такой путь был неприемлем. Они предпочитали отстаивать свою свободу с оружием в руках. Уже во второй четверти XVIII в. на Дону стихийно стали возникать небольшие вооруженные отряды, состоявшие из беглых. Такие отряды не обладали большой устойчивостью. Собравшись по призыву какого-нибудь атамана (чаще всего из беглых казаков) и совершив несколько нападений, они распадались еще до того, как вооруженным силам правительства удавалось их настичь.

Выражая свою классовую ненависть к народным мстителям — казакам и крестьянам, донские чиновники — старшины и представители государственной власти именовали их «ворами» и «разбойниками», а отряды, создаваемые ими, «воровскими», «разбойничьими». Так поступали представители господствующего класса не только на Дону, но и в центральной России, и на Украине, рассчитывая этим дискредитировать борцов за свободу в глазах местного населения. Однако советские историки неопровержимо доказали, что действия таких вооруженных отрядов являлись формой активной народной борьбы, направленной против самодержавного гнета и крепостнических отношений и находившей поддержку у местного трудового населения.[4]

Первый «разбойный» отряд на земле войска Донского появился в 1728 г. О нем не сохранилось почти никаких сведений. Однако известно, что он состоял главным образом из беглых помещичьих крестьян Алатырского, Саранского и других уездов и действовал в верховьях Хопра и примыкавших к Донской земле уездах центральной России. «И те беглецы, — указывалось в одном из документов, — ездят станицами многолюдством и с огненным оружием... помещиков... до смерти побивают и пожитки их и скот грабят».[5] В источниках не сохранилось сообщений о дальнейшей судьбе этого отряда, из чего можно заключить, что, совершив несколько операций, он сам собой распался.

Значительно больше вооруженных отрядов действовало на Дону в 30—40-х годах XVIII в. Во всей России это время отличалось не

---

[1] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 59, л. 1; д. 186, л. 3, ф. 341, оп. 1, д. 11, лл. 64, 155 об., 262 об.

[2] Там же, ф. 341, оп. 3, д. 3, лл. 55, 65, 68; д. 5. лл. 13 об., 24 об., 27 об., 33—34; 53 об., 59—61.

[3] Там же, ф. 341, оп. 2, д. 265, л. 1.

[4] П. К. Алефиренко. Указ. соч., стр. 114, 136 и др.; В. А. Голобуцкий Запорожское казачество, стр. 388.

[5] И. Д. Беляев. Русское общество от кончины Петра Великого до Екатерины II, «Библиотека для чтения», т. I, СПб, 1865, № 3, стр. 66; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в.», стр. 213—214.

только резким усилением крепостного гнета и ухудшением положения народных масс, но и подъемом классовой борьбы.

Уже в середине 30-х годов XVIII в. в ряде уездов центральной России действовали «разбойные» партии,[1] и это способствовало активизации вооруженных отрядов крестьян и казаков на Дону. Так, 10 июля 1737 г. от одного из своих старшин войско Донское получило сообщение, что на Медведице «в пустовых тамошних юртах объявляются разбойники человек с шестьдесят, при которых одна хорупка имеется, а главным в той разбойничьей ватаге Березовской станицы казак Иван Миренин до Осип Овсов; а хорунку возит малодельской поп, а с ним упоминаемой Малодельской же станицы казак Иван Шишка, да Березовской станицы Василий Шаров».[2]

Для разгрома этого крупного отряда Войско решило предпринять срочные меры. 11 июля 1737 г. оно предписало старшине Себрякову собрать «хотя по сту и более» вооруженных казаков и с помощью их «оных разбойников переловить и ту воровскую разбойничью партию искоренить».[3] Но пока Себряков формировал карательные партии, Овсов, имея при себе 26 человек, ушел за пределы Войска и, укрываясь в лесах, стал совершать набеги на владения русских помещиков в Тамбовском, Козловском и Шацком уездах.[4] Здесь против Овсова действовали правительственные отряды, но долго тоже без всякого результата. Вскоре, однако, они настигли вооруженный отряд Овсова под Ценским лесом и нанесли ему поражение. Овсов с небольшим числом своих приверженцев бежал, но каратели неотступно преследовали его. В конце августа произошло еще одно сражение, в результате которого отряд был разгромлен, а сам Овсов погиб.[5]

Однако не все входившие в отряд Овсова погибли или сдались на милость преследователей. Часть из них бежала на Медведицу и продолжала борьбу. «Разбойники», получившие у медведицких жителей поддержку и «прибежище», вскоре вновь начали действовать активно и даже стали распространять, по словам чиновников, «ложные письма».[6] На земле Донской они продержались еще полтора месяца и только в конце августа, после нескольких ударов, нанесенных карателями во главе с Себряковым, были окончательно разгромлены.[7]

Сохранившиеся материалы позволяют выяснить социальный состав этого отряда, действовавшего вначале под руководством Овсова, а потом и без него. Помимо донских казаков, главным образом верховых городков, в нем находилось много помещичьих крестьян, свыше десяти «великороссийских бурлаков», волжские казаки, государственные крестьяне, монастырские люди и один (Малодельской станицы) поп.

Вскоре после разгрома этого вооруженного отряда, в ноябре 1737 г., Войско получило сведения о появлении в том же районе «разбойнической ватаги беглецов». При расследовании было установлено, что этот отряд состоял из 11 человек и пряталося «в крепком леоном месте, называемом Яры, в котором месте и наперед сего разбойничьи обориша бывали».[8]

В мае 1738 г. Войску стало известно, что в тех же местах «по Медведицким юртам [снова] явилось разбойников человек с семьдесят, и между собой те разбойники выбрали войскового атамана, называемого Растегая, которой де житель в селе Карамыши и намерен де ехать в

[1] П. К. Алефиренко. Указ. соч., стр. 117—118.
[2] «Дон», 1887, № 6, стр. 1—2.
[3] Там же, стр. 2.
[4] О действиях отряда Овсова (Авсова) за пределами Дона, в центральных уездах России см. П. К. Алефиренко, Указ, соч., стр. 126—127.
[5] «Дон», 1887, № 6, стр. 3.
[6] Там же, стр. 5.
[7] Там же, стр. 7.
[8] Там же, стр. 8—9.

русские поселки и разбивать людей, да другой же ватаги разбойничьей их воровской атаман Ивашка Журавлев, как слышно, что похваляются на две станицы на Березовскую и Малодельскую одним днем бить и разорить».[1]

Так как в конце 30-х годов XVIII в. глухие медведицкие леса стали районом сосредоточения особенно большого числа «воровских» отрядов, действовавших не только на земле Донской, но и в соседних воронежских и тамбовских землях, то Войско приняло решительные меры к уничтожению этих отрядов. Приказом атамана «искоренение» здесь «всех разбойников» было поручено старшине Себрякову, а в помощь ему были назначены специальные старшины с «пристойными командами». Каратели были снабжены особыми инструкциями и при первых же известиях о появлении «разбойников» должны были «чинить над оными поиск, искоренить и переловить их всех без остатка». На всех казаков, живших в этом районе, возлагалась обязанность исполнять все требования Себрякова и других старшин, которым Войско поручало борьбу с «разбойническими» отрядами.[2]

Но так как местное население относилось к этим людям сочувственно и помогало им в борьбе с крепостниками и представителями самодержавной власти, Себряков и его помощники, несмотря на большое старание, особого успеха в борьбе с вооруженными отрядами не имели.

В известных нам материалах нет никаких сообщений о «разбойных» отрядах на Дону в 50-х и первой половине 60-х годов XVIII в. Из этого, однако, нельзя делать вывода об отсутствии их вообще, но можно предполагать, что действовали они менее активно.

В середине 60-х годов XVIII в. классовая борьба во всей стране резко обострилась. В поисках лучшей доли большое число крепостных крестьян, работных людей, солдат и матросов убегало на окраины Российской империи, и тут многие из них вступали в «разбойные» отряды. Хорошо знавший положение в верховых казачьих городках и в ближайших к ним уездах депутат в Уложенной Комиссии 1767 г. от казаков Хоперской крепости А. Алейников отмечал на одном из заседаний Комиссии, что «крестьяне от нестерпимой нужды делают побеги, собираются большими и малыми воровскими партиями и производят во многих местах... грабительство и разбои».[3] Один из таких «воровских» отрядов в составе 24 человек вел активную борьбу в это время в районе Хопра.[4] Несколько позже в районе Павловской крепости действовал другой отряд, в составе которого были не только крестьяне, но и донские казаки.

Большое число вооруженных отрядов, в которых были донские крестьяне и казаки, действовало во время крестьянской войны 1773—1775 гг. В период жесточайшего террора, наступившего после подавления этого крупнейшего в истории России XVIII в. народного движения, многие из них были разгромлены. Однако часть таких отрядов, укрываясь от преследователей, продолжала вести упорную борьбу. Кроме того, непрерывно возникали и новые отряды мятежного крестьянства. Так, уже в августе 1775 г. частный смотритель С. Сверчков доносил в Шацкую провинциальную канцелярию, «что де по рекам Хопру и Медведице в разных местах умножаются разбойницкие, во множественном числе собравшихся злодеев, партии».[5] Они распространили свои действия не только на северные районы земли войска Донского, но и на южные окраины Воронежского и Тамбовского краев, и до того напугали местных дворян и администрацию, что многие из них, как писал С. Сверчков,

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 260, л. 1.
[2] «Дон», 1887, № 6, стр. 12—14.
[3] Сб. РИО, т. VIII, стр. 228.
[4] ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 83.
[5] «К истории крестьянского движения в России в 1775 г.». Публикация. Подготовил к печати А. П. Пронштейн. «Исторический архив», 1960, № 1, стр 144.

заявляли, что «ежели Воронежская губернская канцелярия не ускорит истреблением тех злодейских оказавшихся шаек, то неминуемо таковое ж кровопролитие последует, как и в минувший мятеж происходило».[1]

Почти одновременно в мае 1776 г. Войсковому гражданскому правительству стало известно, что за Донцом действует еще одна группа «разбойников», окрывавшихся в «Бурлачьем овраге».[2] В 1779 г. в Войско поступил рапорт от старшины Максима Янова «о оказавшейся в пятидесяти человеках разбойнической партии»,[3] а через несколько месяцев тот же Янов сообщал о вновь «появившихся по речке Торцу (в районе Бахмута. — А. П.) разбойников казаков».[4]

Разумеется, войсковые власти принимали решительные меры по борьбе с народными мстителями. Стремясь к тому, чтобы «воровские скопища ни в которых местах не могли иметь способа размножить свои шайки», они беспрерывно создавали карательные отряды.[5] Командиры их получали самые широкие полномочия, а за малейшие упущения с них очень строго взыскивалось.[6] Однако ни войсковые власти, ни посылаемые правительством карательные отряды не могли уничтожить всех возникавших стихийно народных отрядов. Как свидетельствуют источники, на Дону и в прилегающих к нему окраинных районах России угнетенный народ на протяжении всего XVIII в. непрерывно вел вооруженную борьбу. Она продолжалась и в XIX в., во всяком случае до начала Отечественной войны 1812 г.

2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА НА ДОНУ В XVIII ВЕКЕ И ЕГО РОЛЬ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КАК ОПОРЫ ФЕОДАЛЬНО-АБСОЛЮТИСТСКОГО ГОСУДАРСТВА

«Вопросы истории религиозно-общественных движений стали забытой темой в нашей исторической литературе... Между тем изучение социальных корней и идейного содержания старообрядчества, а также вопроса об отношении его к народно-освободительному движению представляет значительный интерес для советского историка».[7] Это справедливое замечание П. Г. Рындзюнского в полной мере относится к изучению борьбы за «старую веру» на Дону.

Впрочем, нельзя сказать, что о старообрядцах на Дону не имеется вообще никакой литературы. Дореволюционные историки русской церкви писали об этом много, но, сообщив несколько незначительных фактов, заполняли свои работы схоластическими рассуждениями о превосходстве догматов никоновской церкви над старой верой.[8] Только В. Г. Дружинин, посвятивший специальную работу исследованию раскола на Дону в конце XVII в., свою задачу понял несколько шире. Но, во-первых, он осветил сравнительно небольшой хронологический период, а, во-вторых, рассматривая это движение как церковно-политическое, почти не коснулся его социальных корней и не показал его социального значения.[9] Большинство же дореволюционных историков казачества стара-

[1] ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 93, ч. 1, л. 124.
[2] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 3, л. 56.
[3] Там же, оп. 1, д. 11, л. 137.
[4] Там же, л. 321 об.
[5] Там же, оп. 3, д. 3, лл. 56, 71 и др.
[6] Там же, д. 5, л. 33 об.
[7] П. Г. Рындзюнский. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма на примере истории Московской общины федосеевцев в сороковых годах XIX в. В сб. «Вопросы истории религии и атеизма». Изд-во АН СССР, 1950, стр. 188.
[8] П. С. Смирнов. История русского раскола старообрядчества. СПб., 1895; М. Былов. Раскол в Воронежской епархии при епископе Тихоне I (святителе). «Воронежские епархиальные ведомости», 1890 г., № 2, 3, 4, 6; Е. Овсянников. Причины широкого распространения старообрядческого раскола на Дону, и др.
[9] В. Г. Дружинин. Раскол на Дону.

тельно обходили эту тему, ограничиваясь заявлениями о том, что в Донском войске, «славном удалью и отвагою, живет тот же религиозный дух, который свойственен всему русскому народу».[1]

В советской исторической литературе о расколе на Дону в XVII в. упоминается вскользь,[2] а о движении старообрядцев против православной церкви в XVIII в. вообще ничего не говорится.

Общественно-политическое движение, принявшее религиозную форму и известное как старообрядческий раскол, было очень сложным, объединившим всех сторонников «старой веры» и противников дальнейшего подчинения церкви самодержавному государству. Поэтому в числе раскольников были бояре, посадские люди, казаки и крестьяне. Для представителей господствующего класса борьба за старую веру отражала стремление их к сохранению былых политических прав и привилегий. Распространившееся же среди широких народных масс движение во имя реакционной «идеи бога» стало, напротив, формой классовой борьбы против крепостничества и самодержавия. Религиозная окраска общественной борьбы характерна для эпохи феодализма, когда, по словам Ф. Энгельса, «всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму».[3] «Но если, — указывал Ф. Энгельс, — интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени».[4]

Распространение старообрядчества на Дону было связано с проведением в России церковной реформы.

Особенно большую роль сыграли постановления Московского собора 1667 г. об искоренении старой веры и жестокая расправа со всеми участниками крестьянской войны 1670—1671 гг., Соловецкого восстания 1668—1676 гг. и других народных движений, в которых старообрядцы принимали активное участие. Не имея сил отстаивать свои взгляды в открытой борьбе против церкви и поддерживавшей ее самодержавной власти и стараясь уйти от жестоких репрессий, многие приверженцы старой веры бежали на окраины империи.

Одним из мест, куда направлялась в это время большая масса беглых, в том числе раскольников, был район среднего течения Дона и его левых притоков — Хопра, Бузулука, Медведицы и Иловли. Уже в 60-х годах здесь возникли скиты беглых монахов — приверженцев старой веры, а вокруг них — поселения старообрядцев.[5] В 1674 г. правительство получило сведения о существовании на р. Медведице «раскольничьего» городка, «а в нем живут старцы с 300 человек, и много у них женок и девок и ружья». Правда, посланный из Тамбова вооруженный отряд этот городок не нашел, по всей вероятности, потому, что жители его разбежались, но 19 человек было захвачено.[6] Значительно участились случаи бегства старообрядцев на Дон в начале 80-х годов XVII в. В связи с резким обострением классовой борьбы в стране усилились гонения на всех, кто выступал против крепостников и самодержавия, а Московский собор 1682 г. принял специальное постановление об «искоре-

[1] А. Кириллов. Материалы, относящиеся к церковной жизни Донского казачества в XVIII в. Памятная кн. ОВД на 1900 г., отд. IV, стр. 192.

[2] Н. С. Чаев. Булавинское восстание, стр. 16, 23—26. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 324—325.

[3] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. В сб. К. Маркс и Ф. Энгельс. «О религии». М., 1955, стр. 203.

[4] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Госполитиздат, 1952, стр. 33. Подробно о значении раскола см. Л. Е. Анкудинова. Социально-политическая сущность религиозно-общественного движения в Русском государстве третьей четверти XVII в. (Автореферат канд. дисс.). Л., 1951, стр. 8; «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 317—320. Н. М. Никольский. История русской церкви. Минск. Изд-во «Атеист», 1930, стр. 97—106.

[5] В. Г. Дружинин. Раскол на Дону, стр. 69—70.

[6] ЦГАДА, ф. 141, оп. 1; Д. К., № 8, лл. 340—344.

нении» раскола и преследовании всех старообрядцев. И вся эта масса гонимых людей устремилась на окраины России, в том числе на Дон, Хопер, Медведицу и другие места. Источники свидетельствуют, что «умножилось на Дону тех воров и раскольников с 190 году (1682 г.— А. П.), как пополнился Дон с Москвы беглецами».[1] В течение 80-х годов XVII в. «их (раскольников.— А. П.) умножилось везде, во всю реку», но главным местом сосредоточения оставались глухие и неприступные места по рекам Хопру и Медведице. Уже в 1686 г. на Медведице было 17 старообрядческих поселений, в каждом из которых насчитывалось по 19—20 куреней, а всего жителей — до 2 тысяч.[2]

Не только беглые были приверженцами старой веры. Ее придерживалась значительная часть казачества, не принявшая «никоновскую ересь». Многие старшины, особенно на первых порах, тоже считали себя ревнителями старой веры, и даже некоторые войсковые атаманы были раскольниками. Так, в конце XVII в. к числу активных раскольников принадлежали неоднократно выбиравшиеся войсковыми атаманами Самойла Лаврентьев и Илья Григорьевич Зерщиков.[3] Правда, уже в начале XVIII в. войсковым атаманам невозможно было открыто объявлять себя старообрядцами, но втайне многие из них приверженцами старой веры оставались. Так, по свидетельству черкасского протопопа Федора Олимпиева, когда во втором десятилетии XVIII в. влияние старообрядцев на Дону снова усилилось, многие старообрядцы стали приезжать в Черкасск, а некоторые из них, по словам протопопа, «к атаману Петру Емельянову приходят втайне и живут под ево охранением и по ево велению священнодействуют воровски; а сказываются ему, атаману, те раскольники, будто из них бывают во Иерусалиме и письма ему, атаману, незнаемо какие они дают».[4] У нас нет оснований причислить к числу старообрядцев войскового атамана Данилу Ефремова. Но известно, что он относился к староверам с сочувствием, следствием чего являлись неоднократные жалобы воронежского епископа, «что за препятствием от войскового атамана Данилы Ефремова он не имеет возможности производить надлежащего расследования о раскольниках».[5] Среди станичных и хуторских атаманов не только в конце XVII, но и в XVIII в. было много приверженцев старой веры.[6]

Распространение раскола среди представителей казачьей верхушки отражало ее стремление к сохранению старых церковных и политических порядков на Дону, обеспечивавших прежде всего их привилегии. Но, по мере того как донские старшины вотчинялись и превращались в чиновников самодержавного государства, они не могли идти в одних рядах с казачьей массой и беглыми людьми, которые боролись «за старину церковную» прежде всего в знак протеста против усиления социального, политического и религиозного гнета. В силу этого имевшая место с самого начала дифференциация в рядах староверов постепенно настолько усилилась, что уже в XVIII в. к раскольническому движению принадлежали социально различные и противостоящие друг другу элементы.

Уже в 80-х годах XVII в. старообрядцы, поселившиеся на Дону, открыто выступили против господствующей церкви и поддерживавшей ее государственной власти. После разгрома стрелецкого восстания 1682 г. и происходивших в это же время волнений на юге Московского государства и на Дону число старообрядцев в верховых городках резко

[1] ДАИ, т. XII, № 17, стр. 180; см. также стр. 127.
[2] В. Г. Дружинин. Указ. соч., стр. 95—101.
[3] Там же, стр. 121, 129; ПСЗ, т. II, № 1310.
[4] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1470, лл. 61—63; д. 1472, лл. 33—34.
[5] Е. Овсянников. Причины широкого распространения старообрядческого раскола на Дону, стр. 38.
[6] «Донские епархиальные ведомости», 1882, № 19, стр. 739; № 20, стр. 773; № 21, стр. 52—53 и др.

возросло. Но в это же время правительство стало преследовать их и на Дону, требуя разорения всех «раскольных пристанищ». Тогда раскольники стали призывать своих сторонников, «собрався, итти в Русь, к Москве», а главари их, поп Самойла и Чурносов, как стало известно в Москве, посылали «письма свои на Еик, и на Терек, чтоб не слушали ни царей, ни патриархов, но крепко держались за веру старую». В это время раскольники на Дону обладали такой силой, что попы перестали при богослужении «поминать» царя и патриарха, а когда сторонники Москвы попросили воронежского воеводу помочь им «управиться с раскольниками», то он отказал, «чтоб не возмутить всем Доном от того дела». Таким образом, на Дону создалось столь напряженное положение, что, по выражению С. М. Соловьева, «стало сильно пахнуть разинским духом».[1]

На первых порах руководство движением захватила группа старшин и богатых казаков, которая не желала мириться с уничтожением политической независимости войска Донского. Широко распространившееся на Дону движение старообрядцев она пыталась использовать для укрепления своей власти и кое-каких успехов в этом достигла.[2]

Но на Дону была и другая группа старшин во главе с войсковым атаманом Фролом Минаевым. Обласканная московским правительством, она верно служила его интересам и вступила в решительную борьбу с раскольниками. Уже в 1687 г. Фрол Минаев и его сторонники добились официального осуждения раскола на войсковом кругу, после чего главный его проповедник Кузьма Косой был отправлен в Москву, атаману Самойле Лаврентьеву пришлось, «покиня атаманство, укорониться», а все казаки были приведены к присяге.[3]

Так как и после этого на Дону оставалось много старообрядцев, то бывший войсковой атаман Самойла Лаврентьев и его сторонники решили продолжать борьбу. Объединяя вокруг себя всех старообрядцев, они мечтали в это время не только утвердить свою власть на Дону, но, «приговоря к себе и иные орды, возмутить всем государством и идти к Москве».[4]

Верные Москве старшины во главе с Фролом Минаевым тоже активизировали свои действия. Они добились высылки еще одного активного проповедника раскола попа Самойлы Ларионова. Но, не имея сил справиться с нараставшим движением самостоятельно, они отправили правительству подробный донос о создавшемся положении, предупредив, что если не будут приняты меры, то «на Низу и на Украине (будет) воровство как при Стеньке Разине».[5]

Получив это тревожное сообщение, правительство решило расправиться с движением донских старообрядцев. Оно и раньше посылало на Дон грамоты с требованием выслать раскольников из городков, а «пущих завотчиков» выдать Москве, но не следило за их исполнением. Теперь же правительство точно знало имена руководителей движения и место их пребывания. Один из них — атаман зимовой станицы Чурносов находился в Москве и 5 марта 1688 г. был арестован. Другой — войсковой атаман Самойла Лаврентьев был на Дону; туда был направлен толмач Никитин с грамотой о немедленной выдаче его. На срочно собранном по этому поводу войсковом кругу сторонники Лаврентьева попытались возражать, но были избиты, а вслед за тем Лаврентьев и другие были арестованы и высланы в Москву, где 10 мая 1688 г. их казнили.

---

[1] С. М. Соловьев. История России, кн. 3, т. XIII, стб. 932.
[2] В. Г. Дружинин. Раскол на Дону, стр. 129—139.
[3] ДАИ, т. XII, № 17, стр. 140, 164, 173, и др.
[4] «Повинная казака-раскольника есаула Ивашки Рабынина». В кн. В. Г. Дружинина «Раскол на Дону». Приложение V, № 10, стр. 313.
[5] ДАИ, т. XII, № 17, стр. 147—154.

Решив, что после ареста главарей легко будет ликвидировать все движение на Дону, войсковой атаман Фрол Минаев в апреле 1688 г. направил во все казачьи городки атамана Осипа Михайлова и есаула Емельяна Иванова с тысячным отрядом, предписав им привести всех казаков к крестному целованию, а тех, кто будет упорствовать, — казнить. Но это распоряжение лишь усилило брожение среди голутвенных казаков и особенно беглых людей, оказавшихся теперь под угрозой жестокой расправы и высылки на прежние места жительства. Стараясь уйти от преследования, они прятались в глухих местах по Медведице, а часть засела в далеком Заполянском городке и стала готовиться к обороне.

Но и Заполянский городок некоторым из них показался мало надежным. Поэтому они во главе с Л. Маноцким в конце апреля 1688 г. ушли на Куму.[1]

В это время по Дону шел со своим карательным отрядом старшина Осип Михайлов и приводил казаков к крестному целованию, а «упорствующих в расколе» казнил. Узнав о сосредоточении большого числа старообрядцев в Заполянском городке, он двинулся вверх по Медведице, но осаждать городок не решился. Сообщив Войску и в Москву о значительных силах в городке, он попросил помощи и стал ожидать ответа

Воспользовавшись временным бездействием Осипа Михайлова, раскольники решили более прочно утвердиться на Медведице. В июле они подошли к Сиротинскому городку, но взять его не смогли; в августе заняли Етерев и Островский городки. Вслед за тем они попытались овладеть Усть-Медведицким городком, но это им не удалось.[2] Успехи на Медведице воодушевили борцов за старую веру и в других местах. В этот момент движение достигло такой силы, что царицынский и саратовский воеводы даже стали опасаться за свои города.[3]

Однако с этого же времени восстание начало постепенно идти на убыль. Среди восставших стали распространяться слухи о жестоких расправах карателей над раскольниками. В связи с этим резко выявилась присущая всем народным движениям эпохи феодализма неорганизованность, стихийность и разрозненность. Многие приверженцы старой веры, боясь расправы, потянулись за своими товарищами на Куму, другие пошли в урочище Можары близ Большой Кабарды, а оттуда — на Кубань.[4]

С другой стороны, правительство, получив донесение от Осипа Михайлова, приказало Войску направить против раскольников все силы «верных царю» казаков; калмыцкому тайше Чагану было поручено ловить пытавшихся бежать на Куму и в другие места; в Разряд и Казанский дворец, а также в Царицын, Тамбов и Козлов были посланы распоряжения о посылке на Дон для борьбы с раскольниками ратных людей.[5]

Во второй половине августа по приказу правительства были возобновлены военные действия, но казаки сражались с раскольниками неохотно, и Войско вынуждено было просить правительство о присылке «прибылых людей». В октябре на Медведицу пришел из Царицына большой отряд стрельцов во главе с П. Опревым, который вскоре соединился с казаками. 6 ноября 1688 г. они начали наступление на Заполянский городок.[6] Хотя раскольников в нем оставалось уже немного (300 мужчин

[1] В. Г. Дружинин. Раскол на Дону, стр. 182—185.
[2] Там же, стр. 191.
[3] См. отписки царицынского воеводы Дмитриева-Мамонова, полученные в Москве 25 июля, 1 и 29 августа 1689 г. и саратовского — Кологривова. 27 августа 1689 г. ЦГАДА, ф. 111, оп. 1; ДД, св. XVII, 1688, лл. 13—14; ДАИ, т. XII, № 17, стр. 220—223, 262—263.
[4] В. Г. Дружинин. Указ. соч., стр. 195—196.
[5] Там же, стр. 193—194, 197.
[6] В. Г. Дружинин. Раскол на Дону, стр. 197—198.

и 600 женщин и детей), они в течение пяти месяцев отчаянно сопротивлялись. Только 4 апреля 1689 г. городок пал, и все его защитники были зверски перебиты.[1] Вслед за тем началась жестокая расправа со всеми участниками движения. Городки, где укрывались старообрядцы, уничтожались, всех казаков приводили к крестному целованию, а упорных приверженцев старой веры казнили на месте или отправляли в Черкасск, Царицын и Москву.

Недолго удерживались раскольники и в другом центре — на Куме. Правда, еще некоторое время к ним продолжали приходить новые беглецы, и силы их увеличивались. Но после уничтожения Заполянского городка и последовавших затем экзекуций в рядах раскольников началось разложение, которое усиливалось под влиянием того, что правительство разрешило раскольникам вернуться на Дон. Оно при этом требовало отказа от старой веры, но многие соглашались и на это, лишь бы вернуться на родину.[2]

В это время в переговоры с кумскими старообрядцами вступил терский атаман И. Кукля. Видя в них поборников «старой казацкой воли», он предложил им поселиться у него. Однако московское правительство этому помешало и сумело раскольников полностью изолировать. Оставшись без всякой поддержки, большинство из них погибло в столкновениях с горскими племенами.[3]

Старообрядческое движение конца XVII в., как в фокусе, отразило классовые противоречия на Дону. Оно еще прочнее связало с правительством группу старшин — сторонников Москвы, которые охотно отказывались от суверенитета Войска во имя утверждения своей власти на Дону и приобретения некоторых сословных прав и привилегий. Оно показало также отсутствие общих интересов у различных социальных групп, выступавших первоначально под лозунгом борьбы за старую веру. Так как правительство поставило вопрос очень остро, объявив, что «те, которые суть противники апостольской церкви, не есть раби великих государей», и повело с ними решительную борьбу, большинство старшин предало движение. Из тех же, кто за него держался, часть была арестована и казнена, а остальные скрывали свои религиозные убеждения.

В противовес этому голытьба и беглый люд упорно держались раскола и в этой защите *«одной религиозной* идеи против другой» выражалась их борьба против дворянского государства.[4]

В силу указанных причин правительству, несмотря на самые жестокие расправы со всеми участниками волнений 1688—1689 гг., не удалось уничтожить раскол на Дону. Но так как старшины и богатые казаки перестали его поддерживать, это движение приобрело в целом более демократический характер.

Напуганные жестокими расправами, народные массы некоторое время не решались открыто выступать в защиту своих религиозных взглядов. Однако не прошло и десяти лет после разгрома движения 1688—1689 гг., как число открытых приверженцев старой веры на Дону стало вновь очень значительным, и раскол как религиозно-общественное движение вновь оживился. Находившийся в Москве в составе зимовой станицы казак П. Лукьянов в 1697 г. говорил: «Дай нам сроку, поворотимся мы [на Дон]... и учиним по-своему. Полно, что и прежь сего нам мешали, как Стенька был Разин, а ныне мешать некому». При этом Лукьянов заявлял, что во главе движения станут «голые казаки верхних городков».

О широком распространении раскола на Дону в начале XVIII в. знали астраханские стрельцы, которые были убеждены в том, что если

[1] В. Г. Дружинин. Раскол на Дону, стр. 198—201.
[2] Там же, стр. 202—210.
[3] Е. П. Савельев. История Дона и донского казачества, ч. III, стр. 194.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 93.

удастся поднять на восстание людей в Астрахани, то «и Дон и Яик потянут», так как и там «малые люди того же желают и ради... старую веру утвердить».[1] И только потому, что во время Астраханского восстания 1705 г. старшинам удалось удержать донское казачество от выступления, раскольники не решились открыто выступить в защиту старой веры и в поддержку восставших в Астрахани.

Во время народного движения 1707—1709 гг. выявилось, что среди казаков и беглых людей было большое число старообрядцев, которые принимали активное участие в восстании под знаменем борьбы за утверждение «истинного благочестия». По свидетельству кагальницкого попа Иакова Поликарпова, «многия от раскольников-возмутителей к нему, вору Булавину, были письма, возбуждали его, вора, на злыя дела, а многие и при нем были в Черкасске».[2] Как видно из «прелестных писем» К. Булавина, одним из основных лозунгов восстания являлся призыв к борьбе против официальной церкви, против «елинской» веры, которой противопоставлялась «истинная» христианская, т. е. старая вера. И в устах восставшего народа этот лозунг звучал, как призыв к борьбе против православной церкви как опоры феодально-абсолютистского государства.[3]

После подавления восстания 1707—1709 гг., устрашенные жестокими расправами, народные массы некоторое время не решались на открытое выступление. Притаились и ревнители старой веры. Однако уже в 1714 г. поп Гундоровской станицы Василий доносил о появлении беглого монаха раскольника Макария, «который пущает в мир прелестные слова, не велит к церкви ходить ни под крест, ни под евангелие и благословение не принимать».[4] Примерно в то же время поп Кагальницкой станицы Яков Поликарпов также сообщал в Черкасск о появлении «воров и раскольщиков, ложных и беглых чернцов» Филарета, Паисия и других, которые «во многих городках народ возмущают и от церкви божии отлучают». При этом Поликарпов отмечал, что «от таких прелестников и возмутителей бывают бунты, как и при воре Булавине».[5] О широком распространении старообрядчества на Дону в это время доносил и черкасский протопоп Федор Олимпиев, который писал, что в мае 1715 г. «у них, мятежников, между собой учинилося мятеж и бой о Кагальнике, и пишут оные воры между собой прелестные письма от городка до городка, чтоб збиратца им в одно место ради злого своего начинания, какое намерение того не ведомо». Как и Поликарпов, Олимпиев посчитал необходимым отметить, что «в письмах своих оные мятежники пишут, у нас де через сие другая булавинщина вставает».[6]

Нам очень мало известно о характере и размахе движения в защиту старой веры на Дону в 20—40-х годах XVIII в., так как архив Воронежской духовной консистории, где хранились основные материалы о нем, в 1744 г. сгорел.[7] Однако даже из немногих дошедших до нас документов видно, что раскол на Дону был прежде всего движением угнетенных слоев населения. Не случайно самозванец Стародубцев, обращаясь в 1732 г. ко всем казакам, и прежде всего к «голутвенным людям» и «бесприютным бурлакам», призывал, «дабы (они) постояли за старую веру и

[1] Акты Лишина, т. I, стр. 204.

[2] Е. Овсянников. Святитель Тихон Задонский, «Воронежская старина», вып. 13. Воронеж, 1914, отд. 2, стр. 20.

[3] «Булавинское восстание», № 56, стр. 230 и № 236, стр. 450—451 и др.; см. также Ф. В. Тумилевич. Сказки казаков-некрасовцев, стр. 9—10. Особенно ярко это выражено в «прелестном письме» Н. Голого («Булавинское восстание», № 248, стр. 466—467).

[4] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1470, л. 75.

[5] Там же, лл. 75—76.

[6] Там же, лл. 61—63, д. 1472, лл. 33—34.

[7] Е. Овсянников. Святитель Тихон Задонский. «Воронежская старина», вып. 13, стр. 22.

за чернь».[1] Оппозиционным характером старообрядчества можно объяснить и гонения на него со стороны войсковых властей, несмотря на сочувственное отношение к старой вере самого войскового атамана Д. Ефремова. Так, во второй половине 30-х годов XVIII в. Войско давало широкие полномочия старшине Сидору Себрякову в «розыске раскольников», требуя немедленной «присылки всех, кто заразится расколом, в Черкасск, а дома их разорять».[2] «Искоренение раскола» поручалось и другим старшинам. Как говорили старообрядцы на допросе в 1748 г., их «сыскивали» всюду, отчего, например, «на реке Чиру и на реке Доброй стало [им].. житье нудное».[3]

Активная борьба с расколом велась и в 50-х годах XVIII в. Так, в 1753 г. казак Александр Павлов донес о появлении в Маноцкой станице десяти старообрядцев. Их немедленно арестовали и отправили в Воронеж, а в специально изданном по этому поводу указе предписывалось поступать так же во всех подобных случаях.[4] В эти годы ревнители старой веры жаловались, что от преследования им уже на Дону нигде «скрытца невозможно».[5] И в дальнейшем на протяжении всей второй половины XVIII в. правительство не прекращало гонений на них «за безумное их суеверие и упрямство».

Однако расправиться со всеми ревнителями «истинного благочестия» и уничтожить раскол как религиозно-общественное течение, широко распространенное в среде народных масс, было очень трудно. Для голутвенного казачества и крестьянства приверженность к старой вере являлась важным и, с их точки зрения, «законным» путем борьбы против феодального гнета, прикрываемого и освящаемого церковью. Поэтому, несмотря на все усилия правительства и войсковых властей, они продолжали отстаивать свои религиозные убеждения.

Выступления казачества под знаменем борьбы за старую веру были особенно сильными в 60-х годах XVIII в. Это был период нарастания крестьянского движения во всей стране и, в частности, крупных волнений монастырских крестьян, происходивших в 1762—1763 г г. в 11 губерниях Российской империи.[6] По соседству с землей Донской в Воронежской и Белгородской губерниях в 1766—1767 гг. происходили сильные волнения крестьян, которые, со своей стороны, послужили толчком к движению однодворцев-старообрядцев Козловского и Тамбовского уездов. Последнее, по словам К. В. Сивкова, явилось «одним из проявлений протеста старообрядцев против политики Екатерины II, вызвавшей позднее их участие в восстании Пугачева».[7] Казаки, до которых доходили слухи о росте классовой борьбы в стране, тоже активизировали свои действия. Наряду с другими более смело стали выступать и приверженцы старой веры.

В начале 1763 г. посланный вверх по Дону и Донцу протопоп Ростовской крепости Василий Андреев видел, что во многих станицах старо-

---

[1] Г. В. Есипов. Люди старого века. СПб, 1880, стр. 438.

[2] Л. Б. Вейнберг. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XV. Воронеж, 1889, стр. 1805—1809.

[3] Е. Овсянников. Святитель Тихон Задонский. «Воронежская старина», вып. 13, стр. 23.

[4] Акты Лишина, т. II, ч. II, стр. 696 697; Е. Овсянников. Указ. соч., стр. 24—25.

[5] В. Н. Витевский. Раскол в Уральском войске во второй половине XVIII в. «Православный собеседник», 1877 г.

[6] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.», стр. 166—170.

[7] К. В. Сивков. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. «Исторические записки», т. 31, 1950, стр. 94. Подробно об этом движении см. П. Г. Рындзюнский. Антицерковное движение в Тамбовском крае в 60-х годах XVIII века В кн. «Вопросы истории религии и атеизма», т. II. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 154—193.

обрядцы открыто выражали свои взгляды.[1] Вслед за тем воронежскому епископу донесли, что Терновская станица вся «заражена расколом».[2] Посланная в связи с этим следственная комиссия установила, что не только в Терновской, но и в целом ряде других станиц по Дону и Донцу, а особенно в Цимлянской, Траилинской и Нижне-Каргальской «того расколу немалое число оказалось».[3] Однако войсковой атаман, которому было известно о широком распространении раскола также в Маноцкой, Золотовской, Ведерниковской, Пятиизбянской, Усть-Хоперской и целом ряде других станиц,[4] предупредил воронежского епископа о нецелесообразности проведения в данный момент следствия по этому поводу. «Многие казаки, — писал он, — по их в двуперстном сложении затверделости могут быть немало потревожены», а это «в рассуждении здешнего пограничного места» может привести к «несходственности» «с высоким е. и. в. интересом».[5] Учитывая это обстоятельство, воронежский епископ не решился продолжать борьбу с расколом и в мае 1764 г. отозвал комиссию.[6]

Предупреждения войскового атамана имели серьезные основания. Обстановка на Дону была очень накаленной, и достаточно было незначительного повода, чтобы началось крупное движение старообрядцев.

В это время казакам стал известен манифест Екатерины II от 3 марта 1764 г., предоставлявший право свободно исповедовать старую веру при условии выплаты двойной подушной подати.[7] Так как это избавляло казаков от несения воинской и других повинностей, то многие из них охотно брали на себя бремя двойного подушного оклада и объявляли себя староверами, и когда к началу 1765 г. были составлены «сказки» на всех желавших быть в двойном окладе, то их «обоего полу написалось до десяти тысяч душ».[8]

Массовая запись казаков в раскол шла вразрез с интересами правительства, не желавшего, во-первых, сокращения казачьего войска, а во-вторых, увидевшего в этом проявление классовой борьбы казачества.

После долгого обсуждения этого вопроса в Сенате, с одобрения Екатерины II, было вынесено решение о том, что манифест от 3 марта 1764 г. на военнослужащих не распространяется. На Дон же была отправлена грамота, которая предписывала казаков, желавших записаться «в раскол», «употреблять во все службы по очереди, не обходя ни одного», а виновных «в побуждении» других к записи в раскол «наказать плетьми и отправить в сибирские регулярные полки».[9]

Так как эти распоряжения правительства не положили конец записи казаков в двойной оклад, а даже усилили брожение в их среде, то войсковые власти по приказу Военной коллегии начали принимать более решительные меры. По станицам были разосланы старшины с карательными командами, которые, как указывалось в одной челобитной, поданной раскольниками в Сенат, «многих били безвинно плетьми и своеручно по щекам и выдирали у тех записавшихся казаков бороды», угрожая при этом, что все они «закованные в кандалы отошлютца в город Ростов и по

---

[1] М. Былов. Раскол в Воронежской епархии при епископе Тихоне I (святителе) (1763—1767). «Воронежские епархиальные ведомости», 1890, № 2, стр. 58.

[2] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 115, лл. 1 об.—2; М. Былов. Указ соч., стр. 57.

[3] Там же, л. 2; Е. Овсянников. Святитель Тихон Задонский, стр. 54.

[4] М. Былов. Раскол в Воронежской епархии, стр. 60—63.

[5] ЦГВИА, ф. 13, оп 107, св. 115, л. 3 об.—4.

[6] «Материалы для истории раскола». «Донские епархиальные ведомости», 1874, № 3, стр. 89—90.

[7] ПСЗ, т. XVI, № 12067.

[8] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 115, лл. 218—220 об.

[9] ЦГАДА, ф. 259, оп. 22, д. 501, лл. 1—1 об., 3, 18—24; ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 115, л. 101 об.—102. Екатерина II предусматривала и другой способ удержания казаков от записи в раскол — лишение казаков всех прав и привилегий и низведение их до положения крепостных крестьян (Сб. РИО, т. X, стр. 45—46).

жестоком в том городе наказании кнутом с вырезанием ноздрей сосланы будут в ссылку в вечную работу на Нерчинские заводы».[1]

Эти меры также не давали желаемых результатов. Как указывалось в той же челобитной, «от которого тех старшин притеснения, разорения, бою и долговременного держания под караулом, а паче убоясь объявленного теми станичными старшинами о жестоком наказании и ссылке указа, многие казаки, оставя поля свои с хлебом без уборки, также дома, жен и детей своих, бежав, странствуют доныне где неизвестно».[2]

Между тем большинство ревнителей старой веры не искало спасения в бегстве, а переходило к открытой борьбе. Так, казаки Цимлянской станицы решительно заявили старшинам, что, несмотря ни на какие меры, они «войсковой грамоты не слушают и подписок не дадут». В Романовской станице, как доносил ее священник воронежскому епископу, «на второй неделе Великого поста в день воскресения, по окончании литургии, атаман Шамин и всей станицы казаки, пришед к церкви и, дождав выходу моего, оную церковь усильно собою озорнически замкнув, и ключ взяли себе, а мне с немалым ругательством выговаривали единогласно, чтоб я за непослушание по воли их приказанию более в их станице не был». В Быстрянской, Камышовской, Верхне-Каргальской и других станицах, по сообщению священников, «приходские их люди казаки с женами и детьми находятся все (кроме малого числа) в безрассудном раскольническом суеверии», увещаний их не слушают и священникам «по ненависти» оказывают «всякие прискорбности и озлобления», а казаки Нагавской станицы, как показывал посланный туда старшина Вас. Попов, узнав, что от них требуют отречься от старой веры, «закричали на станишного атамана с великим криком и приступом, что мы де подписки не дадим». На собранном вслед за этим вторично станичном круге казаки доказывали старшине Попову, «что та грамота не к нам, но к Волскому войску». Тогда старшина решил действовать силой. Арестовав группу «зачинщиков», он отправил их в Черкасск. Но и после этого, по словам Попова, «от безрассудного суеверия» отстало «только три человека», а остальные продолжали «упорствовать».

Ожесточенная борьба происходила также в Нижне- и Верхне-Курмоярских, Зимовейской, Есауловской, Кобылянской и других среднедонских станицах. Казаки через своих представителей имели связь друг с другом и действовали совместно. В это время войсковые власти оказались в тяжелом положении. Они давно не могли доверять казакам, находившимся в сформированных старшинами карательных отрядах, так как вскоре обнаружилось, что «при тех войсках в расколе находится немалое число людей». Поэтому они просили Военную коллегию прислать правительственные вооруженные силы, надеясь на восстановление «порядка» в том случае, если «будет сюды прислано десять драгунских полков и двадцать тысяч калмык». Старшины в страхе преувеличили опасность. Присылки такого количества войск не потребовалось. Совместными усилиями Войска и коменданта крепости Дмитрия Ростовского волнение казаков, проходившее в 1765—1767 гг. под знаком борьбы за старую веру, было подавлено.[3]

И после этого для казачества и крестьянства старая вера оставалась знаменем борьбы против господствующей церкви, как опоры феодально-крепостнического государства. Уже в 1769 г. в Синоде по докладу во-

[1] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 115, лл. 218—219.

[2] Там же, л. 219. Из сообщения коменданта Ростовской крепости Потапова от 15 марта 1766 г. известно, что часть казаков ушла к некрасовцам (ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 115, л. 262).

[3] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 115, лл. 264—265, 266 об.—269; св. 116, д. 50, л. 368; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 331, лл. 4—7; «Летопись Романовской станицы». «Донские епархиальные ведомости», 1882, № 19, стр. 737—738; М. Былов. Указ. соч., стр. 106—108; Н. В. Лысогорский. Единоверие на Дону в XVIII—XIX вв. Сергиев Посад. 1915, стр. 32.

ронежского епископа решалось большое дело «о донских раскольниках».[1] В связи с общим подъемом классовой борьбы в начале 70-х годов оживилось старообрядческое движение в ряде станиц, и если не доходило до открытых столкновений, то только потому, что церковные власти учитывали общее настроение казачества и шли на уступки.[2] Приверженность донского казачества и крестьянства к старой вере была хорошо известна и Е. Пугачеву. Поэтому в манифесте в Березовскую станицу он обращал внимание казаков на то, что «злодеями-дворянами» «закон христианской совсем нарушен и поруган, а вместо того от их злое и вредного вымыслу с немецких обычаев введен в Россию другой закон и самое богомерское брадобритие и разные христианской веры как в кресте, так и прочем неистовства».[3] И этот, как и другие призывы Е. Пугачева, заканчивающиеся обычно обещанием личной свободы и права исповедовать старую веру, находили отклик в среде донских казаков и крестьян, мечтавших о том, чтобы Пугачев «восстановил все наши прежние обряды, какие до сего были, а бояр, которые больше всего в сем деле умничают и нас разоряют, всех истребить».[4] Источники неоднократно свидетельствуют о широком участии донских старообрядцев в крестьянской войне 1773—1775 годов.[5]

Если еще в первой половине XVIII в. войсковые власти в отдельных случаях проявляли снисходительное отношение к расколу, а некоторые из старшин были даже его приверженцами, то по мере усиления демократических тенденций в этом движении, а особенно после крестьянской войны 1773—1775 гг. Войско стало на путь решительной борьбы с раскольниками. Но, несмотря на это, антифеодальная борьба под знаменем старой веры не прекращалась. Правда, до начала 90-х годов XVIII в. значительных движений старообрядцев не наблюдалось, зато велась повседневная и непрерывная борьба, которая была крайне неприятна как светским, так и духовным властям.[6]

Когда же в 1792 г. на Дону начались крупные волнения казаков, то старообрядцы были в числе наиболее активных участников. По свидетельству войскового атамана А. И. Иловайского, «в непокорении и ожесточении оказались пять станиц единственно зараженных зловредным расколом, да и по другим (станицам. — **А. П.**) в том участвовали и первые бунтовщики были от младенчества взрослые в расколе».[7] В этих словах войскового атамана нет преувеличения, так как другие источники свидетельствуют о том же.[8]

В ходе и особенно после подавления волнений 1792—1794 гг. Войско жестоко расправлялось с раскольниками, руководствуясь тем, «что от послабления таковым людям ничего доброго ожидать не можно, кроме несогласий с правоверными и неожидаемых упорств, расстраивающих общее благосостояние».[9]

Однако и этими мерами уничтожить раскол на Дону было невозможно. Не прошло и трех лет после подавления волнений 1792—1794 гг., как Черкасское духовное правление получило донесение, что казаки Романовской станицы «собирались в доме Трофима Шамина и записывались в

---

[1] Опись указам святейшего Синода, относящимся до Воронежской епархии. «Воронежская старина», вып. 1. Воронеж, 1902, отд. III, стр. 354.

[2] Н. В. Лысогорский. Единоверие на Дону, стр. 12—18; В. А. Харламов. Указ. соч., «Донская церковная старина», вып. 1, стр. 44.

[3] «Пугачевщина», т. 1, 1926, стр. 41—42. Подробнее об этом см. И. З. Кадсон. Восстание Пугачева и раскол. «Ежегодник музея истории религии и атеизма», т. IV. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 130.

[4] «Крестьянское движение XVII—XVIII вв.». М., 1926, стр. 200.

[5] «Пугачевщина», т. II, стр. 234 и др.

[6] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 11, лл. 10 об.—18, 57, 104, 121 об., 128 об., 171 об., 220, 265; оп. 3, д. 3, л. 54; Н. В. Лысогорский. Указ. соч., стр. 549.

[7] Н. В. Лысогорский. Указ. соч., Приложение, № 24, стр. 538.

[8] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, л. 18; ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 27, лл. 276—277.

[9] Н. В. Лысогорский. Указ. соч., Приложение, № 24, стр. 539—540.

старообрядничество», а в Камышовской станице «домов до 60 и более записалось в раскольнические обряды». Вслед за тем известия о появлении и действиях на Дону приверженцев старой веры стали поступать непрерывно.[1]

Упорство казаков в защите старой веры, по словам войскового атамана А. И. Иловайского, происходило от «непросвещенности» и «прельщения вражеского».[2] Но дело было, разумеется, не в этом. На протяжении всего XVIII в. под знаменем защиты старой веры народные массы на Дону вели упорную борьбу против крепостнического и самодержавного гнета, прикрываемого и освящаемого православной церковью. В условиях локальности крестьянского движения эпохи феодализма борьба за единую религиозную идею объединяла народные массы Дона с угнетенным людом всей страны. И это имело большое значение для развития освободительного движения в России.

3. ДРУГИЕ ФОРМЫ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

С развитием феодально-крепостнических отношений на Дону борьба между отдельными социальными группами, принимая самые различные формы, становилась все более острой. Но, пожалуй, наибольшего ожесточения достигла происходившая изо дня в день борьба рядового казачества против захвата его земель старшинами.

С тех пор как старшины стали превращаться в землевладельцев, они в короткий срок освоили свободные войсковые земли и уже в первой половине XVIII в. начали наступление на станичные юрты. Это явилось одной из главных причин быстрого уменьшения свободных земель в станицах и начавшегося стеснения казаков в земельных довольствиях; а так как благосостояние казачьих хозяйств в XVIII в. зависело прежде всего от обеспеченности их землей, то казаки вели упорную борьбу в защиту своих интересов.

Одной из распространенных форм протеста казачества против нарушения их прав на землю являлась подача жалоб и челобитных. На протяжении всего XVIII в. казаки непрерывно обращались к войсковой и центральной власти с просьбами об ограждении их «законных» прав на юртовые владения, жалуясь на захват казачьих земель старшинами,[3] неправильное межевание земель,[4] порубку принадлежавшего им леса,[5] потраву и выкашивание «сенов» на их лугах,[6] ловлю рыбы в озерах и реках, принадлежавших казакам,[7] построение в станичных владениях мельниц,[8] самовольную выборку рыбы из принадлежавших казакам вентерей[9] и т. п.

Бесчисленное количество просьб, жалоб и челобитных, подававшихся казаками Войску и правительству, отражало типичную для всех угнетенных людей феодальной эпохи черту: веру в справедливость высшего начальства и в «доброго царя». Но, попадая в руки чиновников, многие жалобы вообще не рассматривались. В тех же случаях, когда они разбирались Войском или Военной коллегией, по ним, как правило, принимались решения, угодные старшинам. Так, 22 апреля 1790 г. казаки

[1] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 377, л. 3; «Летопись Романовской станицы». «Донские епархиальные ведомости», 1882, № 20, стр. 773; «Материалы для истории раскола в Донской области», «Донские епархиальные ведомости», 1874 г., № 21, стр. 52—53.
[2] Н. В. Лысогорский. Указ. соч., Приложение, № 94, стр. 540.
[3] См. ч. II, гл. II, § 2 настоящей работы.
[4] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 3, л. 51 об., 56 об., 60.
[5] Там же, л. 69 об.; оп. 1, д. 11, л. 151 об.
[6] Там же, оп. 3, д. 5, л. 55 об.; ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 307 об.
[7] Там же, оп. 3, д. 5, лл. 56 об., 60.
[8] Там же, оп. 1, д. 27, л. 514—514 об.; оп. 3, д. 5, л. 60.
[9] Там же, оп. 1, д. 11, л. 275 об.

Нижне-Чирской станицы Иван Черноморов, Иван и Михаил Паршиковы «с товарищи» подали рапорт в Войсковое гражданское правительство «о следуемых им той же станицы от хорунжего Маслова и богатого казака Кошенскова в сенокошении утеснениях». В рапорте указывалось, что уже «будет лет сорок», как заняты казаками «при речке Чиру для скотоводства хутора и прикосновенные ко оным сенокосные места», которыми они довольствовались «и не делали один другому обиды». Но «с 1786 года поныне станицы их полковой хорунжий Ефим Маслов и отставной казак Трофим Кошенсков... почти все те сенокосные луга и водопойные места от них отбили и довольствуются одни, а лесные угодья присвоили в свое владение осенью 1789 года». По этой причине, указывали казаки, «принуждены они для сенокосу ездить от хуторов своих в дальние месте». И хотя они несколько раз обращались к хорунжему Маслову и Кошенскову с просьбами не занимать принадлежавшие им места, но добиться ничего не могли.

Получив этот рапорт, Войско послало распоряжение в Чирское сыскное начальство разобраться в этом вопросе. Но старшина, возглавлявший сыскное начальство, даже не разбирая этого дела, донес Войску, что не Маслов и Кошенсков вытесняют казаков с земель, а, наоборот, «просители казак Черноморов с товарищи от своих хуторов, состоящих на речке Чиру вверх, ко ответчикам хорунжему Маслову с товарищем луг как свой, так и принадлежащий оным Маслову и Кошенскову распахали под сев хлеба, так что им, Маслову и Кошенскову, скота выгнать в степь чрез пашни никак не можно». На основании донесения сыскного начальства Войсковое гражданское правительство без всякой проверки пришло к выводу, что «утеснение» Черноморову и другим казакам в земельном довольствии произошло «самим от себя, а не от хорунжего Маслова и не от казака Кошенскова», а поэтому в просьбе казаков было отказано и земли, захваченные у казаков хорунжим Масловым и Кошенсковым, были утверждены за ними. [1]

В 1791 г. казаки Митякинской станицы жаловались в Войсковое гражданское правительство, что подполковник Машлыкин «содержит в их станишном юрте, на речке Деркуле в хуторе Роговском, мельницу, для гачения которой и разных ево надобностей истребляет он у них плодовитый и другой лес». При разборе этого дела выяснилось, что от Машлыкина терпела обиды и Луганская станица. Однако ловкий старшина сумел найти поддержку у членов Войскового правительства, которое строго предупредило казаков, чтобы «они ему, Машлыкину, и живущим при Роговской ево мельнице обывателям притеснения и обид не чинили». [2] В 1792 г. в Войсковом гражданском правительстве рассматривались жалобы казаков Раздорской станицы на бригадира Себрякова «о разноследуемых им при хуторах по земле обидах и утеснениях», казаков Арчадинской станицы «о вырубленном в юрте оной господином бригадиром Себряковым лесе», о свозе «у казака Михайлы Васильева сена в двух стогах восемьдесят колен» и о других, «чинимых от него и приписных ево малороссиян и крестьян чувствительных обидах». Хотя всем была хорошо известна хищническая деятельность семьи Себряковых, Войсковое гражданское правительство не решилось наказать Себрякова, а, чтобы затянуть дело, постановило «истребовать (от него) по всем жалобам объяснение», а для того, чтобы он мог это сделать, было решено «отправить к нему копии» всех поступивших на него жалоб. [3]

Из архива Войсковой канцелярии можно извлечь большое число таких несправедливых по отношению к рядовым казакам решений. Разумеется, они были известны всем казакам. И хотя многие из них, не теряя веры в справедливость начальства, продолжали жаловаться и про-

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 273, лл. 1—4.
[2] Там же, оп. 1, д. 27, лл. 520—524.
[3] Там же, лл. 905—905 об.

сить о помощи, другие постепенно убеждались в том, что им нечего рассчитывать на представителей власти, и искали иных средств борьбы против захвата старшинами казачьих земель.

Эти новые формы борьбы стали распространяться на Дону уже во второй половине XVIII в., а особенно после крестьянской войны 1773—1775 гг. Видя, что по жалобам принимались несправедливые решения, и не желая более мириться с этим, казаки, чтобы воспрепятствовать беззастенчивым захватам старшинами земель, принадлежавших Войску и закрепленных за станицами, самостоятельно вели борьбу за свои интересы.

Правда, во второй половине XVIII в. старшины имели мощную поддержку в лице сыскных начальников, при помощи которых классовое сопротивление казаков, как правило, быстро подавлялось. Но часто бывало так, что и у них не оказывалось достаточных средств для расправы с казаками, и дело переходило на рассмотрение Войска. Так, в 1777 г. Войсковому гражданскому правительству донесли, что казаки Гугнинской станицы свезли у есаула Афанасия Попова 100 копен сена, накошенного им в юрте этой станицы.[1] В том же году старшинская жена Елена Фролова жаловалась Войску на «потраву и прочие обиды», причинявшиеся ей казаками Скородумовской станицы,[2] а походный есаул Федор Бирюков подал жалобу на выкашивание казаками Михайловской станицы лугов, расположенных в юрте этой станицы, но «близ ево хутора».[3] В 1779 г. в Войсковом гражданском правительстве рассматривались дела «о выкошенном сене казаками Митякинской станицы на землях, занятых старшинской вдовою Авдотьею Лазаревой»,[4] о потраве табунщиком Сиротинской станицы Никитою Луковниковым «с товарищи» хлеба, посеянного премьер-майором Бузиным,[5] об избиении казаками Гундоровской станицы конских табунщиков бригадира Поздеева и старшины Дячкина за потраву хлеба и овса, посеянного казаками;[6] в том же году разбиралось дело «по рапорту походного есаула Степана Лащилина о мельницы ево, состоящей на речке Тишани и которую Тишанская станица подрубила».[7] Подобных примеров можно привести много. Они свидетельствуют о том, что на наступление старшин казаки отвечали не только жалобами, но и упорной борьбой, выкашивая хлеб и сено на землях, захваченных у них старшинами, отолачивая своим скотом старшинские луга и покосы, избивая старшинских табунщиков, пасших скот в их юртовых владениях, и уничтожая постройки, возведенные на казачьих землях. И эта повседневная борьба казаков за землю старшинам была не менее страшна, чем нападения «разбойничьих» отрядов.

В отдельных случаях борьба между старшинами и казаками достигала крайнего ожесточения и продолжалась не только годами, но и десятилетиями. Так, почти 30 лет (с 1748 по 1777 г.) казаки Сиротинской и Перекопской станиц вели борьбу с премьер-майором Бузиным, который распространил по р. Лиске свои пашни столь широко, что «лишил водопоев конные и скотские табуны», принадлежавшие казакам этих станиц.[8] Более двух десятилетий отстаивали свои земельные владения казаки Пятиизбянской станицы от посягательств со стороны семьи старшин Денисовых. Как и во многих подобных случаях, казаки начали с подачи жалоб и челобитных, но не получили по ним никакого удовле-

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 3, д. 5, л. 13 об.
[2] Там же, д. 4, л. 347, д. 5, лл. 13 об., 49 об.
[3] Там же, л. 329.
[4] Там же, оп. 1, д. 11, лл. 247, 309 об.
[5] Там же, л. 382 об.
[6] Там же, л. 191.
[7] Там же, л. 282.
[8] Там же, оп. 2, д. 3, лл. 1—6.

творения. Однако казаки на этом не успокоились и собственными силами пресекали попытки Денисовых захватить их земельные владения. Так, в 1784 и 1785 гг. они самовольно распахали земли, которые премьер-майор Варлаам Денисов захватил когда-то у казаков этой станицы и считал своими, а в 1791 г., вступив в открытую борьбу, не дали генерал-майору Денисову занять их земли и передать своим крестьянам, жившим в слободе Карповке и хуторе Кривянском.[1]

«Побочным продуктом» борьбы за землю между казаками и старшинами являлись столкновения между казаками и крестьянами. Захваченные у казаков угодья старшины за повинности передавали принадлежавшим им крестьянам. Так как эти земли были основным источником существования крестьян, то они, пользуясь при этом поддержкой своих владельцев — старшин, вступали в борьбу с казаками, предъявлявшими свои претензии на них. В таких случаях, по справедливому замечанию И. Игнатович, «два слоя донского населения, в разных формах и степенях эксплуатируемые и порабощаемые одними и теми же чиновниками, вели борьбу между собой из-за земли, захваченной их эксплуататорами в свое пользование».[2] И. И. Игнатович на основе фактов, приведенных в работе К. В. Маркова, полагает, что такая борьба между казаками и крестьянами возникла на Дону лишь в последнем десятилетии XVIII в.[3] Однако источники дают основание считать, что она была и раньше. Так, уже в 1774 г. произошло крупное вооруженное столкновение между крестьянами и 50 казаками Мигулинской станицы;[4] в 1779 и 1787 гг. отмечены факты борьбы между крестьянами, принадлежавшими Денисовым, и казаками;[5] в 1785 г. было крупное столкновение между казаками и крестьянами, вызванное тем, что владелец этих крестьян полковой хорунжий Степан Скалин, занимавший должность начальника по «усмотрению задонецких войсковых лесов», разрешил им косить сено близ казачьих хуторов[6] и т. д.

В связи с усилением самодержавно-крепостнического гнета на Дону в последней трети XVIII в. появилась еще одна форма классовой борьбы — отказ от выполнения повинностей, возлагавшихся как на крестьян, так и на казаков. В 1764 и 1787 гг. атаман и «подписные старики» Каргальской станицы жаловались Войсковому гражданскому правительству, что «приписные за оною станицею малороссияне (30 человек. — А. П.) во отправлении принадлежавших до них тягостей оказываются в ослушании и той станицы атаману и старшинам и казакам вместо должного повиновения делают грубости».[7] В мае 1791 г. из черкасских городских станиц по распоряжению войскового атамана на выполнение каких-то войсковых работ было направлено 30 приписных крестьян. Но, проработав месяц, они, как стало известно Войсковому гражданскому правительству, «оставя... всю работу, самовольно отлучились».[8] В июле 1779 г. Войсковое правительство получило донесение, что отставной казак Филипповской станицы Павел Слепухин, «наряженный к минским лесам на смену находящихся тамо отставных казаков, не едет, а имеет от того отбивательство»,[9] а в сентябре поступило еще одно донесение

---

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 27, лл. 435—461; д. 11, л. 275 об.; оп. 2, д. 269, лл. 743—744; оп. 3, д. 5, л. 56 об.; ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 104, л. 222; Акты Лишина, т. III, стр. 191—192.

[2] И. Игнатович. Крестьянское движение на Дону в 1820 г., стр. 45.

[3] Там же, стр. 40; К. В. Марков. Крестьяне на Дону. СОВДСК, вып. XIII, стр. 71—73, 88—89.

[4] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 138, лл. 996 об.—1001, 1011—1011 об.

[5] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 353; оп. 2, д. 269, лл. 743—744.

[6] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 434, л. 1.

[7] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 269, л. 593 об.

[8] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 1043, лл. 15, 21.

[9] Там же, ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 268 об.

от атамана Пятиизбянской станицы «о упорствах, чинимых во время нарядов отставных казаков к наблюдению лесов».[1]

Получая подобные донесения, войсковые власти не останавливались ни перед чем, чтобы заставить крестьян и казаков выполнять повинности. Но так как, с одной стороны, увеличивался самодержавно-крепостнический гнет, а с другой—усиливалось сопротивление народных масс, то наряду с прочими все больше распространялась на Дону и эта форма классовой борьбы.

В первой четверти XIX в. отказ от выполнения повинностей стал одной из главных форм классовой борьбы угнетенного казачества и крестьянства.

Из иных форм классовой борьбы более или менее широкое распространение получили поджоги «домовных строений» и прочих владений старшин и богатых казаков. В 1753 г. Военной коллегии было донесено о многих «возмущениях, и побегах, и шатостях на Дону». В этом же донесении указывалось и на то, что «ныне весьма много в Глазуновской станицы стали зажигать домы». Военная коллегия сочла необходимым для расследования всех этих фактов послать на Дон бригадира Васильева и капитана Текутьева, которым наряду с другим поручалось выяснить, «зажигание в Глазуновской станице домов от кого происходит». Однако виновных в этом так и не нашли.[2] В 1772 г. в Усть-Тузловских хуторах был подожжен дом отставного казака Гаврилы Ходина,[3] в 1777 г. «за умышленный поджог» были арестованы крестьяне Двубратов и Чугинова и тут же, на месте преступления, жестоко наказаны кнутом.[4] В приказе войскового атамана от 30 июля 1791 г. говорилось о частых пожарах в Черкасске, возникавших «через поджоги от шатающихся здесь злодеев»,[5] а в приказе от 10 октября 1791 г. отмечалось, что «в прошедшую ночь в Черкасской станице сделаны три поджога; как видимо, чинится сие от некоторых зловредных людей, намеривающихся по их злоумышлению произвести пожар».[6]

Поджоги владений старшин и богатых казаков, получившие особенно широкое распространение после крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, свидетельствуют об усилении стихийной борьбы народных масс на Дону.

Подобного рода стихийные возмущения народных масс возникали по разным поводам. Казаки, например, выступали против несправедливых внеочередных назначений на службу, а в начале 70-х годов XVIII в. дело дошло до того, что собранные в Кумшацкой станице казаки «против начальников своих взбунтовались и из них старшего утопить хотели, и одного из полковников бив, разъехались».[7]

Ведя повседневную борьбу против феодально-крепостнического гнета и произвола чиновников, донские крестьяне и казаки, как и весь угнетенный люд крепостнической России, не оставляли надежды на появление справедливого царя, который поднял бы народ на борьбу против всех угнетателей и освободил бы «чернь» от бояр, казаков — от тяжелой службы, а всех приверженцев старой веры — от преследований. Эти «царистские иллюзии» послужили питательной почвой для появления в России уже в 30-х годах XVIII в. пяти самозванцев.[8] Один из них—Ларион Стародубцев действовал на Дону.

Стародубцев был драгуном Нарвского полка, бежавшим на Дон и

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 305.
[2] ЦГАДА, ф. 259, оп. 22, д. 1576, лл. 1—1 об., 10—12, 14—17, 59—60, 77—77 об., 136; д. 176 а, л. 20—20 об.
[3] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 422, л. 1.
[4] Там же, ф. 341, оп. 3, д. 5, л. 8 об.
[5] Там же, ф. 338, оп. 1, д. 1041, лл. 51—51 об.
[6] Там же, д. 1044, л. 12 об.
[7] Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. 1, СПб, 1884, стр. 113.
[8] П. К. Алефиренко. Указ. соч., стр. 325.

поселившимся в Яменской станице, казаки которой разрешили ему «жить своим куренем» при условии выполнения станичных повинностей. Летом 1732 г. (под влиянием другого самозванца — Тимофея Труженика, объявившего себя царевичем Алексеем Петровичем и действовавшего в Тамбовском уезде), он назвал себя сыном Петра I царевичем Петром Петровичем, и сразу же вокруг него стали объединяться беглые крестьяне и солдаты, бурлаки, казаки и однодворцы.

На основе дошедших до нас отрывочных материалов трудно судить о программе Стародубцева и его приверженцев, но все же видно, что она была направлена против самодержавия и крепостничества. В составленных им манифестах, один из которых обращен к донским казакам, а другой — ко всему народу и казакам, он призывал «голутвенных людей», «бесприютных бурлаков» и «всю чернь» постоять за царевича, «за старую веру и за чернь». Своих сторонников он призывал идти на Москву, говоря им: «Как я сяду на царство, то служба уймется на десять лет» и вообще начнется новая жизнь. В манифесте («ярлыке») к донским казакам он призывал «поступать смело, не опасая себя ничего, читать (ярлык) по ярмонкам и по торгам во всенародное известие и давать списывать и посылать списки во все государство, дабы о том вся чернь ведала».

Стародубцеву так и не удалось начать открытого возмущения. В конце 1732 г. он был захвачен в плен и отправлен в Черкасск. Оттуда его перевезли в Москву, где после пыток в Тайной канцелярии его и еще 14 человек казнили.[1] Но этот факт показал, что уже во второй четверти XVIII в. на Дону так же, как у закрепощенного люда всей феодальной России, зарождалась мысль «о народной крестьянской войне с народным предводителем во главе».[2]

Подведем итоги. 1. В XVIII в. продолжалось бегство на Дон угнетенного люда, искавшего здесь хотя бы временной свободы. Правительство и войсковая администрация принимали решительные меры к розыску и возвращению беглых, но встречали упорное сопротивление народных масс. Таким образом, Донская земля была ареной борьбы русского крестьянства против крепостнического и самодержавного гнета.

2. С развитием феодальных отношений на Дону в XVIII в. появилось новое явление—побеги донских крестьян от своих владельцев и казаков от службы. Во второй половине XVIII в., а особенно после крестьянской войны 1773—1775 гг., они стали массовым явлением.

3. Если часть беглых стремилась записаться в казаки или попасть к владельцу, предоставлявшему более или менее сносные условия, то другие отстаивали свою свободу с оружием в руках. Они создавали вооруженные отряды, которые вели борьбу, укрываясь в глухих медведицких лесах и других местах. Несмотря на все меры, принимавшиеся правительством и войсковыми властями, они были не в состоянии справиться со стихийной борьбой угнетенного народа за свою свободу.

4. Широкое распространение на Дону в конце XVII и в XVIII в. получило движение старообрядцев. Борьба старшины за старую веру отражала стремление ее к сохранению старых церковных и политических порядков, обеспечивавших прежде всего ее привилегии, а для народных масс это было выражением протеста против усиления социального, политического и религиозного гнета. Поэтому донские старшины быстро порвали с расколом и стали верными помощниками правительства и церкви в борьбе с ним.

5. Уже в 80-х годах XVII в. старообрядцы, поселившиеся на Дону, вступили в открытую борьбу против господствовавшей церкви и под-

[1] Г. В. Есипов. Люди старого века. СПб, 1880, стр. 416—444, «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в.», стр. 242—243.

[2] П. К. Алефиренко. Указ. соч., стр. 323.

державшей ее государственной власти. На первых порах руководство движением захватила группа старшин-«сепаратистов». Но правительство, опираясь на верную ей верхушку во главе с Фролом Минаевым, быстро с ними расправилось. Однако борьба раскольников не прекратилась, а вылилась в 1688—1689 гг. в крупное движение народных масс против феодального гнета.

6. После подавления волнений 1688—1689 гг. старшины перестали поддерживать старообрядцев, и это движение в целом приобрело более демократический характер. С особенной силой это проявлялось в периоды народных движений 1707—1709, 1773—1775 и 1792—1794 гг. Но и в остальные годы народные массы не прекращали упорной борьбы под знаменем старой веры против феодального гнета, прикрываемого и освящаемого церковью. Событиями крупного значения в этом отношении отмечены 10-е, 30-е и середина 60-х годов XVIII в.

7. Активно боролись казаки против захвата их земель старшинами. На первых порах они ограничивались подачей жалоб войсковым властям, но, убедившись в бесполезности этого, они, особенно во второй половине XVIII в., вступали в открытую борьбу, собирая урожай или выкашивая сено на землях, захваченных у них старшинами, отолачивая старшинские луга и покосы, избивая старшинских табунщиков, пасших скот в их юртовых владениях, и т. д. Примерно с этого времени получил распространение отказ казаков от выполнения возлагавшихся на них повинностей. Имели место и другие формы классовой борьбы, например поджоги владений старшин и богатых казаков, а появление на Дону в 30-х годах XVIII в. самозванца отражало мечту угнетенных об установлении справедливого строя во главе с народным царем.

Глава III

КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА ДОНУ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ 1773—1775 ГОДОВ

1. КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА ДОНУ В НАЧАЛЕ 70-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

В дворянской и буржуазной историографии господствовало мнение, что во время крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева донское казачество оставалось верным престолу. Один из историков середины XIX в., написав специальную книгу о донцах в этот период, доказывал, что они, «всегда готовые умереть за веру, царя и отечество... не терпели Пугачева и всех подобных ему злодеев».[1]

Подобным же образом дворянские и буржуазные историки изображали положение на Дону накануне крестьянской войны. В их работах совершенно не освещался рост социального недовольства казачества и крестьянства. Появление самозванца Богомолова трактовалось как явление случайное, а волнения казаков в 1772 г. рассматривались лишь в связи с сепаратистскими действиями Степана Ефремова, причем весь интерес историков сосредоточивался на личности войскового атамана, который изображался одними как «бунтовщик», а другими как «мученик», безвинно пострадавший за интересы казачества.[2]

С принципиально иных позиций подошли к освещению этого вопроса советские историки. В ряде работ были охарактеризованы предпосылки нараставшего социального недовольства донского казачества и крестьянства в последней трети XVIII в. и освещены отдельные моменты их классовой борьбы накануне и во время крестьянской войны. Однако эта работа не доведена еще до конца. Основное внимание советских историков по-прежнему сосредоточено на анализе действий Богомолова и Ефремова, а события, происходившие на Дону в октябре—ноябре 1772 г., по традиции именуются «ефремовским» бунтом.[3] Что же касается крестьянской войны 1773—1775 гг., то некоторые авторы продолжают писать, что в целом не только старшины заняли враждебную позицию по отношению к ней, но и рядовая казачья масса отнеслась к ней без сочувствия, поэтому «Дон не поддержал восстания».[4]

---

[1] М. Сенюткин. Донцы, ч. I, Предисловие, стр. 2.

[2] Н. Ф. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. I. СПб. 1884, гл. IV; А. Филонов. Очерки Дона. СПб, 1859, стр. 106.

[3] И. П. Козловский. Один из эпизодов революционного движения на Дону в XVIII веке (1772 г.). Изв. Сев.-Кавказск. ун-та, т. X, 1926, стр. 125—134; К. В. Сивков. Самозванчество в России в последней трети XVIII в., стр. 113—117; Б. В. Лунин. Очерки истории Подонья—Приазовья, кн. II, стр. 132—135; М. М. Постникова-Лосева. Из истории социально-экономических отношений на Дону в XVIII в., стр. 262—267.

[4] А. Гайсинович. Пугачев. М., 1937, стр. 223 и др.

Классовая борьба на Дону накануне крестьянской войны 1773—1775 гг. развивалась в обстановке непрерывного усиления самодержавно-крепостнического гнета во всей стране, вызвавшего целый ряд народных волнений. За последнее десятилетие перед крестьянской войной только крупных крестьянских восстаний в России было зафиксировано более сорока.[1] Крепостническая политика царизма и местной знати вызвала ряд серьезных выступлений казачества. Широкий размах получили волнения в Запорожье, начавшиеся в конце 60-х годов XVIII в. и не прекращавшиеся уже до разрушения Новой Сечи.[2] Еще более крупным было восстание яицких казаков в 1772 г.[3]

Причины, вызывавшие обострение классовой борьбы в центральной России, на Украине, в Поволжье, Запорожье и на Яике с неменьшей силой действовали и на Дону. В третьей четверти XVIII в. самодержавно-крепостнические порядки здесь уже прочно утвердились. Но, не довольствуясь этим, правительство и старшинская верхушка продолжали усиливать нажим на рядовую казачью массу и крестьянство.

Резко ухудшилось положение казачества с началом русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Не считаясь с возможностями казаков, правительство посылало на Дон одно распоряжение за другим, требуя присылки казачьих частей на фронт. Уже в 1769 г. находилось «в раскомандированиях» 14700 казаков, а в 1770 г. — 19677.[4]

Проводившиеся непрерывно на протяжении всей войны и крайне истощавшие казачество «поголовные мобилизации» дополнялись введением новых порядков при переселении казаков. После того как Азов и Таганрог окончательно были присоединены к России, 9 сентября 1769 г. правительство издало указ о поселении при них двух полков, сформированных из донских казаков.[5] Но если в прошлом за переселяемыми казаками сохранялись все их права, то новые полки становились служилыми, наподобие Хоперского.[6] Уже это обстоятельство привело к тому, что «желающих в тамошних местах со всем семейством жить» почти не оказалось: в Таганрогскую крепость «явилось охотников только пять человек», а в Азовскую — вообще никого.[7] Тогда правительство и войсковые власти перешли к насильственному переселению казаков, издав распоряжение, «всех находящихся в домах налицо служащих казаков истребовать при себе и когда представлены будут, то из них к службе годных и способных не престарелых и не увечных, не весьма молодых, но посредственных лет, здоровых людей, которые бы имели у себя к службе годных две лошади и вооружены были исправным ружьем, парою добрых пистолетов, саблею и пикою, нарядив и записав имена, описать тогда ж и их семейство, то есть жен и обоего пола детей, с показанием их лет, и по окончании того тотчас велеть им с тем семейством домами и пожитками при нарочно выборных из них же в каждой станице приказных следовать в предписанные крепости».[8]

Предоставленное правительством Войску право переселять казаков в Азовскую и Таганрогскую крепости не по жребию, а по указанию войсковых властей открывало простор для всякого рода злоупотреблений со стороны чиновников Войска. Так, вопреки указу, зажиточных казаков оставляли дома, а посылали таких бедных, у которых не было даже не-

---

[1] «История СССР». Учебник для вузов. М., Госполитиздат, 1956, стр. 539.
[2] В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество, гл. XIV.
[3] И. Г. Розпер. Яицкое казачество. «Вопросы истории», 1958, № 10; А. И. Андрущенко. Классовая борьба яицких казаков, «История СССР», 1960, № 1.
[4] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 112, д. 11, лл. 1—3, 8.
[5] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 138, л. 986; ф. 20, оп. 1/47, св. 172, д. 11, л. 1 об.
[6] ТОВДСК, вып. 1, отд. 2, стр. 15—21, 107; ПСЗ, т. XVIII, № 13351; т. XIX, № 13376; т. XX, № 14340.
[7] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 6—6 об.
[8] Там же.

обходимого снаряжения, причем выделявшиеся им «на исправление» деньги утаивались.[1]

Прошел небольшой срок пребывания в Азове и Таганроге насильственно переселенных туда казаков, и их уже почти во всем приравняли к солдатам регулярной армии. «Нас, де, хотят обучать по-гусарски,— жаловался Е. Пугачеву его зять, поселенный при Таганрогской крепости,— и всяким регулярным военным подвигам... У нас, де, много уже и переменили, старшин, де, у нас уже нет, а названы вместо оных ротмистры».[2]

Уравнение «вольных» донских казаков, поселенных в Таганроге и Азове, с солдатами регулярной армии, вызывало недовольство казаков, которое усиливалось тем, что правительство не обращало на это никакого внимания. Так, просьбы о возвращении на прежние места жительства оставались без ответа, а за побеги и другие попытки оказать сопротивление виновных жестоко наказывали.[3]

Среди донских казаков, хорошо знавших о тяжелом положении своих станичников и родственников, переведенных в Азов и Таганрог, стали распространяться слухи, что скоро начнут переводить в регулярные и все донские казачьи полки. Такая угроза казалась вполне реальной еще и потому, что совсем незадолго перед этим украинские казачьи полки были обращены в регулярные части.[4]

Все эти обстоятельства накаляли до крайней степени обстановку на Дону, и теперь уже достаточно было малейшего повода для открытого выступления казаков.

В 1769 г. Военная коллегия распорядилась направить в помощь II армии «для нападения на крымские кочевые по сю сторону Перекопа татарские орды» 20 донских казачьих полков. С этой целью около 10 тысяч казаков было собрано на р. Несветай. Насильно мобилизованные, они заявляли о своем нежелании идти в поход. Вскоре на Дону стало известно, что войсковой атаман С. Ефремов, беря с богатых «по 70, 80 и по 100 рублей», отпускал их по домам.[5] Среди казаков началось брожение, и часть из них под предлогом «успевшего уже времени к жнитву», «вместо того, чтоб на службу следовать, в жилища свои разошлись». За ними стали расходиться по домам и остальные казаки, так что в короткий срок вся десятитысячная команда разбежалась.[6]

Продолжали беспокоить Войско казаки Таганрогского и Азовского полков. В течение 1769—1770 гг. они не только не раз заявляли о своем намерении «бежать туда, куда наши глаза глядеть будут», но и непрерывно совершали побеги, «для того,— по их словам,— что не хотят служить по новым обрядам службы».[7]

Обеспокоенное неспособностью войскового атамана поддерживать порядок на Дону и обеспечивать формирование полков для действующей армии, правительство в октябре 1769 г. решило послать туда своего представителя, который должен был, «не вступая совсем ни в какие их войсковые дела и внутренние распоряжении, наблюдать» за исполнением распоряжений Военной коллегии».[8]

Между тем старшины, привыкшие распоряжаться на Дону само-

[1] ГАРО, ф. 336, оп. 1, д. 409, л. 2; «Материалы к истории Дона», ТОВДСК, вып. 1, отд. 2, стр. 17—18.

[2] «Допросы Пугачеву». Чт. МОИДР, 1858, кн. 2, отд. 2, стр. 3.

[3] Там же, стр. 4—5; Е. Савельев. История Дона и донского казачества, ч. III, стр. 229—230.

[4] «История Украинской ССР», т. I, стр. 390—391; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.», стр. 582—583.

[5] ТОВДСК, вып. II, отд. 2, стр. 48, 56—57; А. Филонов. Очерки Дона, стр. 133—135.

[6] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 236, д. 4, л. 51; А. Филонов. Очерки Дона, стр. 134.

[7] «Допросы Пугачеву». Чт. МОИДР, кн. 2. отд. 2, стр. 4.

[8] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 170, д. 10, л. 1—1 об.

властно, не желали терпеть присутствия правительственного представителя. Они решили показать, что эта мера может вызвать волнения среди казаков и, чтобы действительно вызвать их, стали распространять слухи, что с приездом представителя на Дон свобода казаков будет еще больше ограничена.[1] Поднять казаков на открытое выступление старшинам так и не удалось, но разговоры старшин об угрозе обращения казаков «в регулярство» и т. п. на казаков влияли; поэтому в течение 1770—1771 гг. глухое недовольство казаков не прекращалось, а нарастало с каждым месяцем.

С начала 1771 г. на Дону стала распространяться эпидемия чумы, с которой Войско не могло справиться на протяжении почти всего года. Она уносила много жизней. Но и в этих условиях правительство продолжало требовать от Войска присылки вооруженных команд. Уже в начале 1771 г. было приказано выставить 1 тысячу казаков, из которых трехсотная команда должна была идти в обсервационный корпус, а семисотная — на новую Днепровскую линию.[2] Кроме того, по указу от 1 октября 1771 г. было предписано выслать на реки Кагальник, Кумшачик и Цимлу значительное число казаков «для продолжения против кубанской стороны по-прежнему предосторожности».[3]

Однако чаша терпения казаков переполнилась. Посланному для формирования и отправки семисотной команды походному атаману Грекову казаки заявили, что они в поход не пойдут, ибо «сей семисотный наряд делается к Бердянской (Днепровской) линии в семейные». Греков продолжал настаивать на выполнении казаками наряда. Тогда они по его словам, «вдруг все... приступ к нему учинили», а вскоре вслед за этим, «оставя знамена, в дома разбежались, которых де и унять ему, Грекову, никак невозможно».[4]

В это время трехсотная команда, формировавшаяся в районе Грушевских хуторов и ожидавшая приказа о выступлении, получила распоряжение о срочной высылке 100 человек для окружения пораженных эпидемией Раздорской и Мелеховской станиц. Казаки не пожелали выполнять этот внеочередной наряд. Началось волнение, в ходе которого казаки, как доносило Войско, «с немалою грубостью», кричали, что вообще «им всем в командировку итти очереди нет», а через некоторое время совсем разбежались и «пошли все прямо в дома свои».[5] Так в короткий срок наряженная от Войска тысячная команда разошлась по домам, и правительство вынуждено было, по существу, примириться с этим, издав 24 апреля 1772 г. указ о новом сборе тысячной команды.[6]

Весной 1772 г. войсковым властям для посылки на фронт удалось собрать на р. Тузлове пятисотную команду. Значительная часть казаков была взята без очереди, а потому отказывалась идти в поход. Когда же стало известно, что команду отправляют на Бердянскую линию и, видимо, «в семейные», остальные тоже заволновались.[7] В июне 1772 г. на р. Тузлов для отправки команды в поход прибыл старшина П. Кирсанов, однако казаки отказались подчиниться его распоряжению. П. Кирсанов вынужден был срочно вернуться в Черкасск. 1 июля он снова приехал, но уже с приказом отпустить по домам всех незаконно взятых в команду, а остальных отправить в поход. Но «взбунтовавшиеся» казаки, по словам Кирсанова, «совсем от похода отказались и положили намерение того второго числа ехать в домы свои».[8] Вслед за тем они стали расходиться по домам. И хотя войсковые власти, угрожая жестоким

[1] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 170, д. 10, лл. 24—26.
[2] Там же, св. 236, д. 4, л. 11.
[3] Там же, л. 9—10.
[4] Там же, лл. 13—14 об.
[5] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 236, д. 4, лл. 14 об.—15.
[6] Акты Лишина, т. III, № 93, стр. 188—189
[7] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 236, д. 4, лл. 32 об., 35, 50.
[8] Там же, лл. 36—36 об., 51.

наказанием, потребовали от сыскных начальников и станичных атаманов немедленно вернуть разбежавшихся казаков, в течение июля собрать команду так и не удалось.[1]

Правительство было недовольно неспособностью войскового атамана Ефремова обеспечить должный порядок в Войске и, в частности, своевременную присылку казачьих команд на турецкий фронт. К тому же с начала 70-х годов оно получило несколько доносов на его беззаконные действия. Так, в апреле 1770 г. старшина Лукьянов писал о стремлении Ефремова к утверждению своей безраздельной власти на Дону.[2] В поданном в 1771 г. донесении наказной атаман С. Кирсанов и старшина Юдин сообщали о расхищении Ефремовым войсковой казны, о крупных взятках и тайных сношениях его с соседними татарскими и горскими владетелями.[3] Наконец, от командующих армиями продолжали приходить рапорты о неявке казачьих команд, которых они с нетерпением ожидали.[4]

В связи со всеми этими обстоятельствами в феврале 1772 г. Военная коллегия вызвала Ефремова в Петербург, а в марте послала на Дон генерала Черепова с предписанием «поспешествовать» быстрейшему выполнению всех правительственных распоряжений.[5]

Понимая, что приезд в Петербург повлечет за собой отстранение от должности и опалу, Ефремов оттягивал выполнение предписания Военной коллегии, а пока решил показать правительству, что только он один способен удержать казачество от крупных волнений.

Сообщив в Военную коллегию, что от поездки в Петербург его удерживают «продолжающаяся по станицам зараза, а и в Черкасске показавшаяся сумнительная на умерших болезнь», «дошедшее от подполковника Стремоухова известие о покушениях турецкого султана», волнения в пятисотной команде и другие причины,[6] он между тем отправился по донским станицам и, «ездя по степям, собирал к себе из станиц станищных атаманов и казаков и... учинил в простодушном народе внушения ложныя, якобы из нашего войска Донского будет выбор в регулярство, а тем и возбудил их (казаков. — А. П.) подавать к себе о избавлении от того, равно и о выводе назад переселенных... в Азовскую и Таганрогскую крепость... и по своему себя увеличиванию обнадеживал оных, что он ото всего того может освободить».[7]

Ефремову удалось убедить многих казаков в том, что слухи о «регулярстве» имеют серьезные основания и что только он может избавить казаков от этого. Войсковой атаман рассчитывал свести дело к получению от казаков письменных прошений об избавлении их от «регулярства» и тем самым удержать казаков от открытых выступлений, а правительству показать свое влияние в Войске, чтобы оно по-прежнему опиралось на Ефремова в своей политике. Действительно, в ответ на его предложение уже в середине 1772 г. 25 станиц подали ему такие письма.[8] Но казаки не остановились на этом и вопреки расчетам войскового атамана продолжали открыто выражать свое недовольство.

В связи с усилением волнений среди казаков правительство стало еще более настойчиво требовать приезда Ефремова в Петербург.[9] В то

[1] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 236, д. 4, л. 49.
[2] Акты Лишина, т. III, № 72, стр. 163.
[3] А. А. Карасев. Атаман Степан Данилович Ефремов. «Исторический вестник», 1902, № 9, стр. 876, 880—881; Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., стр. 112.
[4] Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., стр. 112; см. также ТОВДСК, вып. II, отд. 2, стр. 48.
[5] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 236, д. 4, лл. 1—2 об.; АГС, т. 1, стр. 433.
[6] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 236, д. 4, лл. 25 об., 40.
[7] «Акты о войсковом атамане Степане Ефремове». ТОВДСК, вып. I, отд. 2, стр. 108.
[8] Там же, стр. 107.
[9] См. указы от 28 марта, 24 и 31 июля 1772 г. ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 236, д. 4, л. 78.

же время Войсковой канцелярии было предписано не выполнять его распоряжений, а генералу Черепову — в три дня выслать Ефремова в Петербург.[1]

Ефремов сделал вид, что подчинился требованию Военной коллегии, но, доехав до реки Тихой у Воронежа, повернул назад и 27 августа вернулся в свой хутор Большой (Зеленый двор), расположенный от Черкасска в двух верстах.[2]

Узнав об этом, правительство перешло к решительным действиям. 6 сентября был подписан царский указ об аресте Ефремова. Вслед за тем воронежскому губернатору было дано распоряжение отправить на Дон штаб-офицера для содействия в доставке Ефремова в Петербург, а Черепову послано указание действовать со всей решительностью.[3]

«Решительность», с которой действовал генерал Черепов, только усиливала мятежные настроения среди казачества. В сентябре 1772 г. Войсковая канцелярия получила рапорт от казака Бесергеневской станицы Якова Янчепкова, который, выражая мнение многих казаков, призывал, «чтоб за реку (т. е. за Войско) стояли и генералу Черепову подписов не давали», заявляя при этом: «Узнают, что им и генералу с ними будет, это де не Яицкое — войско Донское».[4]

Однако Черепов, незадолго перед тем заслуживший благосклонность правительства за активное участие в разгроме волнений яицких казаков,[5] не собирался отступать. Черепов решительно требовал выполнения всех распоряжений правительства о наряде казачьих команд в действующую армию и, чтобы обеспечить выполнение приказа об аресте Ефремова, преградил ему путь в Черкасск, расставив вокруг города караулы.

Все это до последней степени возбуждало казаков.

1 октября 1772 г. собрался войсковой круг, на котором были зачитаны указы Военной коллегии об аресте атамана Ефремова. Казаки усмотрели в них нарушение прав Войска. «Те грамоты, — заявляли они, — подписаны генералом, а ручки государыни нашей нет».[6] В самодержавных действиях Военной коллегии, по мнению казаков, была и более грозная опасность: «Черепов хочет [нас] в регулярство писать и реку разделять»,[7] — кричали они, призывая к расправе с царским генералом.

«Рассвирепевшись», казаки бросились к дому, где жил Черепов, и, «всякое ругательство произнося», старались его «из квартиры вытащить и вон из города выгнать». Старшины попытались его защитить, но казаки и в них «каменья и дрючья бросали».[8] Тогда Черепов, выйдя через черный ход, попытался пройти к реке, чтобы отплыть в Ростовскую крепость. Но казаки, нагнав, «ругательно его кулаками, земляною грудою и пеньками били, за волосы драли и сюртук на нем изорвали».[9] «Ты хочешь нас писать в солдаты», — кричали с возмущением казаки и заявляли, что «они все помрут, а до того себя не допустят».[10]

Источники сообщают о большом размахе волнений 1 октября 1772 г., в которых приняло участие свыше 1,5 тысячи казаков.[11] Боясь, что волнения могут принять еще более грозные формы и казаки перестанут

---

[1] ЦГВИА. ф. 20. оп. 1/47, св. 236, д. 4, л. 78.
[2] Там же, л. 79.
[3] Там же, лл. 36, 80.
[4] «Материалы для истории войска Донского», ТОВДСК, вып. II, отд. 2, стр. 58. Старшины этот документ называли «предвозвестительным пасквилем» (там же).
[5] И. Г. Рознер. Яицкое казачество. «Вопросы истории», 1958, № 10, стр. 110.
[6] ТОВДСК, вып. II, отд. 2, стр. 59.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Там же, вып. I, отд. 2, стр. 108.
[11] Там же, вып. II, отд. 2, стр. 60.

подчиняться им, а одновременно стараясь спасти Черепова,[1] старшины увлекли восставших к загородному хутору Ефремова.

Преследуя те же цели, войсковой атаман вышел навстречу восставшим. Разыгрывая из себя покровителя казаков, он принял из их рук Черепова и произнес вслух слова «предвозвестительного пасквиля» — «это де не Яицкое — войско Донское».

Показав Черепову свое влияние на казаков, Ефремов счел свою задачу выполненной и, ожидая теперь милостей со стороны правительства, вернулся в свой загородный двор. Но казаки продолжали волноваться. Придя в Черкасск, они стали укреплять город. В Роговский и Усть-Аксайский станы послали приказы вооружаться и быть готовыми к борьбе. В разговорах между собой они давали обещание, «сколько можно за себя стоять до последней капли крови, а буде уже нет силы, то бежать всем за Дон. В этом нам согласия не будет, то всех перерезать»[2]

События в войске Донском, происходившие в обстановке обострения классовой борьбы во всей стране, обеспокоили правительство. В середине октября 1772 г. они стали предметом обсуждения в Государственном Совете. Вопреки расчетам войскового атамана, он был признан главным виновником, так как «возбудил смятение в Черкасске умышленно, дабы, сделав нужным свое там ныне пребывание, отбыть от поездки сюда и поставить еще в заслугу укрощение помянутого народного волнования».[3]

Было принято решение арестовать Ефремова, для чего послать поручика Ржевского с предписанием, учитывая напряженное положение в стране, сделать это с «предосторожностью», не доводя дело до столкновений с казачеством.[4] Вместе с тем правительство, имея основания предполагать, что с арестом Ефремова волнения не прекратятся, а даже, наоборот, «чрез оное могут быть худые следствия и прямое замешательство»,[5] распорядилось сосредоточить в Бахмуте два пехотных полка и по первому требованию поручика Ржевского двинуть их на подавление восстания в Черкасске.[6] Дальнейшие события показали, что опасения правительства были не напрасны. В ночь на 9 ноября Ржевский с тремя сотнями гусар и казаками Азовского и Таганрогского полков неожиданно подошел к загородному двору Ефремова и, арестовав его, увез в крепость Дмитрия Ростовского.[7] Однако казаки узнали об этом через несколько часов и стали говорить, что теперь они лишились последнего защитника своих прав и, пользуясь этим, Военная коллегия неминуемо обратит их в регулярство.

С оружием в руках двинулись они к Войсковой канцелярии, где находились наказной атаман Машлыкин и старшины. Обвинив их в измене, казаки избили некоторых старшин. Затем были выпущены все «содержащиеся по разным делам арестанты», а по станицам были посланы люди с призывами к «возмущению».[8]

Решительные действия казаков заставили некоторых старшин, чтобы как-то удержаться, примкнуть на время к восстанию, а один из них — старшина Василий Иловайский — вечером 9 ноября даже пошел вместе с тремястами казаков к крепости на выручку Ефремова. По сообщению некоторых источников, «бунт шел открыто; поднялись казаки верховых станиц и спешили к Черкасску».[9]

[1] По словам А. И. Ригельмана, Черепов был бы убит, если бы старшины, «верные к службе, не защитили его» (А. И. Ригельман. История о донских казаках, стр. 107).

[2] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 236, д. 4, лл. 101 об.—102.

[3] АГС, т. 1, ч. 1, стб. 435.

[4] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 236, д. 4, л. 90.

[5] Там же, л. 95 об.

[6] Там же, л. 89.

[7] А. Филонов. Очерки Дона, стр. 140—141.

[8] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д 521; ТОВДСК, вып. 1, отд. 2, стр. 103; Б. В. Лунин. Очерки истории Подонья — Приазовья, ч. II, стр. 134.

[9] А. Филонов. Указ. соч., стр. 133.

Но старшины (и те, кто на время примкнул к восстанию, и те, кто скрывался от восставших), перепуганные размахом движения, искали путей к его ликвидации. 10 ноября прятавшийся в Ростовской крепости старшина Сидор Кирсанов прислал в Черкасск грамоту, где подробно разъяснял, за какие преступления был арестован Ефремов. Когда казаки на экстренно созванном круге ознакомились с посланием Кирсанова, они в один голос заявили, что возведенные на атамана обвинения несправедливы. Тогда наказной атаман Машлыкин и окружавшие его старшины предложили составить «опровержительные пункты» и послать их «по всем рекам», чтобы казаки на станичных сборах их подтвердили. Эти отзывы предполагалось затем послать Екатерине II с тем, чтобы она убедилась в невиновности войскового атамана и возвратила его на Дон, а заодно пообещала бы не переводить казаков в «регулярство».[1]

Расчет Машлыкина и других старшин оправдался. Веря в «справедливого царя», казаки согласились разослать «опровержительные пункты», чтобы, получив ответы станиц, послать их императрице. Одновременно казаки получили уведомление от коменданта Ростовской крепости Потапова и поручика Ржевского, что арест войскового атамана произведен по приказу Екатерины II,[2] и это тоже оказало на них влияние. Постепенно движение пошло на убыль.

Известия о начавшемся спаде движения в Черкасске быстро дошли до казаков среднедонских станиц, поэтому они не откликнулись на просьбу черкасских казаков о помощи.

Вслед за тем в верховые станицы была прислана войсковая грамота с требованием подписать «опровержительные пункты», а продолжающих «бунтовать» не поддерживать. Грамота строго предупреждала казаков, чтобы они «таковым развратникам, яко колеблющим общее спокойствие и благо... не верили и не внимали, а... по долгу присяги остались в своем жительстве в прежней тишине и спокойствии».[3]

После некоторого колебания казаки верховых станиц приняли войсковую грамоту.

Видя, как быстро утихало движение в верховых и низовых станицах, и стремясь нанести ему окончательный удар, старшины 19 ноября 1772 г. срочно созвали войсковой круг, на котором провели решение, «никакого между собою мятежа не иметь», а вслед за тем с казаков стали брать расписки о соблюдении «тишины» и спокойствия.[4]

Волнения в Черкасске еще не были окончательно ликвидированы, а уже начала работать следственная комиссия. Возглавившие ее работу верные слуги самодержавия Потапов и Черепов вели допросы «пристрастно» и «к утверждению сущей справедливости» применяли батоги и розги.[5] Вскоре, однако, выяснилось, что волнения в октябре—ноябре 1772 г. охватили очень большое число казаков. Расправа с ними могла бы повлечь новый взрыв недовольства. А это в обстановке нараставшей в стране классовой борьбы было правительству крайне нежелательно. Поэтому грамотой от 21 июня 1774 г. оно предписало все следствия по делу о взятии Ефремова «оставить и уничтожить», а «казаков, содержащихся по сим делам под стражею, выпустить и простить».[6]

Значительно легче для правительства решался вопрос о Ефремове. Очень скоро оно убедилось в том, что казаки, которые поддерживали

---

[1] А. Филонов. Указ. соч., стр. 135—136.
[2] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 521, лл. 10—10 об.; «Материалы для истории Дона». ТОВДСК, вып. I, отд. 2, стр. 104.
[3] «Материалы для истории Дона». ТОВДСК, вып. I, отд. 2, стр. 103.
[4] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 521, лл. 12—12 об.; ТОВДСК, вып. I, отд. 2, стр. 104.
[5] А. Савельев. Трехсотлетие войска Донского, стр. 87.
[6] И. Прянишников. Материалы для истории войска Донского, стр. 287.

своего атамана на первом этапе движения, увидев, что Ефремов не желает защищать их интересы, отошли от него. А между тем Ефремов продолжал стремиться к утверждению своей безраздельной власти на Дону и даже делал попытки вести самостоятельную внешнюю политику, доходившую, по мнению правительства, до измены. Не случайно граф Панин на заседании Государственного Совета 15 октября 1773 г. заявлял, «что если бы атаман Ефремов в пору схвачен не был, имели б всю Кубань на плечах».[1]

Поэтому правительство решило подвергнуть Ефремова самому суровому наказанию, и в апреле 1773 г. военный суд приговорил его к повешению.[2] Правда, «по беспрекладному своему материому милосердию» Екатерина II смягчила наказание, заменив смертную казнь ссылкой навечно в Пернов. Но политическая карьера Ефремова на этом окончилась, и до самой смерти бывшего войскового атамана правительство тщательно следило, чтобы он не имел никаких связей с казаками.[3]

В предыдущей главе отмечалось, что уже во второй четверти XVIII в. в среде донского казачества, как и всего угнетенного люда крепостной России, созревала мысль об установлении в стране справедливого строя с народным царем во главе, что нашло отражение в движении, возникшем на Дону в связи с появлением самозванца Стародубцева. Накануне крестьянской войны 1773—1775 гг. среди донских и волжских казаков вспыхнуло еще одно движение якобы в защиту несправедливо лишенного власти ее законного представителя. Оно было более крупным и возникло в связи с появлением на Дону самозванца Богомолова, объявившего себя Петром III.

Движение началось в Волжском войске. Это Войско было создано в 30-х годах XVIII в. из донских казаков и крестьян следующим образом.

В 1719 г. по решению правительства для защиты внутренних губерний России от нападений турок, кубанских татар и других кочевых народов началось строительство Царицынской линии крепостей.[4] На этой линии, шедшей от Царицына до донского казачьего городка Паншина, были выстроены крепости Донецкая, Грачи, Мечетная, Осокор и ряд форпостов. Для содержания их и несения службы по охране Царицынской линии в августе 1731 г. правительство издало указ о переселении из донских городков до тысячи казачьих семей.[5] Вскоре в войске Донском было отобрано 1057 семей, из них 520 казачьих и 537 из числа проживавших на Дону украинцев. Так как часть переселенцев предполагали поселить на землях войска Донского, то оно ходатайствовало в Сенате об оставлении за ним войсковых земель, соглашаясь для охраны линии высылать в ежегодный наряд зимой 800, а летом 1200 казаков. Просьба войска Донского была удовлетворена, а всех записавшихся к переселению указом от 15 января 1734 г. предписывалось поселить по Волге, между Царицыном и Камышином, и образовать из них новое, Волжское войско.[6]

Посетивший Нижнее Поволжье и Дон как раз накануне крестьянской войны известный путешественник академик С. Г. Гмелин ярко обрисовал тяжелое экономическое положение находившихся при обслуживании Царицынской линии донских и волжских (которые совсем еще недавно были тоже донскими) казаков: «Если хочешь бедную тварь в свете себе представить, то должно на память привести донского казака, на линии стоящего. Само собою явствует, что из отчизны своей посыла-

[1] АГС, т. I, ч. I, стр. 439
[2] «Материалы для истории войска Донского», ГОВДСК, вып. II, отд. 2, стр. 48—49
[3] ГАРО, ф. 336, оп. 1, д. 149, лл. 3—3 об., 5.
[4] Акты Лишина, т. 1, № 80.
[5] ПСЗ, т. VIII, № 5824.
[6] Акты Лишина, т. II, ч. 1, № 71, стр. 75—78.

ются казаки самые бедные и неспособные, кои не в состоянии были ни просьбою, ни деньгами от сей тяжести освободиться. Здесь поступают с ними так, как едва ль прилежный хозяин поступает со своим скотом. При величайшей бедности, в которой казак едва сухим хлебом голод свой утолить в состоянии бывает, должен в худой одежде сносить тяжесть жары и жестокость стужи, или с своими товарищами укрываться в темную конуру, в которой непривыкшему ни одной минуты пробыть невозможно, потому что воздух, который они в оной в себя принимают, есть нежилого свойства. А для одной или двух своих лошадей, в коих состоит все его стяжание, не имеет он такого корма, которой для понесения таких трудов, коим лошади сих казаков подвержены, требуется. Наконец, по прошествии сего несносного времени, возвращается он с своими измученными лошадьми, если только удалось и свою и их спасти жизнь, в свое отечество беднее прежнего».[1]

Тяжелое экономическое положение казаков, находившихся в Нижнем Поволжье, было главной причиной их недовольства. С начала 70-х годов у них появилась для этого еще одна причина. Решив привести «в надлежащее состояние» крепость Моздок и поселить в ней «несколько иррегулярных войск», 22 января 1770 г. правительство издало указ о переводе туда 517 семей волжских казаков.[2] Казаки, которые едва успели обжиться на Волге, вынуждены были бросать свое хозяйство и идти на новое место, вопреки обещанию правительства, что «от них от той линии, кроме содержания караулами и разъездами, никуда в другие места посылки не будет».[3] Но и те, кто оставались, попадали в тяжелое положение, так как правительство даже не обещало сократить их повинности в соответствии с уменьшением числа казаков в Волжском войске.[4]

В этой крайне напряженной обстановке один из казаков, записавшийся в легионную команду под именем донского казака Федота Казина, объявил себя бывшим императором Петром III. По сохранившимся материалам можно установить, что самозванец был крестьянином графа Воронцова Федотом Богомоловым. Бежав от Воронцова, он некоторое время скрывался в Саратове, служил по найму у разных людей, а затем записался в Волжское войско.[5]

По всей вероятности, казаки всерьез не верили, что этот 25-летний молодой человек, показывавший всем беловатого вида крест на груди,[6] являлся истинным Петром III. Но желание использовать самозванца как знамя в борьбе против угнетателей и наивная вера в возможность появления «народного, «хорошего» царя были столь сильными, что казаки успокаивали себя следующим рассуждением: «Хотя сей признаваемый от бывшего (т. е. царствовавшего Петра III. — А. П.) и отменен (отличен. — А. П.), однако ж, может статься, он, как много лет уже тому минуло, то переменился».[7]

Признав Федота Богомолова Петром III, казаки решили выступить в защиту «законного» царя. Число сторонников новоявленного царя быстро росло. У него объявился даже «государственный секретарь», как именовал себя донской казак Спиридон Иванов, записавшийся в ту же легионную команду под именем Спиридона Долотина.[8]

Выступление казаков было спровоцировано войсковыми властями. Они задержали выдачу жалованья, а когда один из казаков потребовал

[1] С. Г. Гмелин. Указ. соч., ч. II, стр. 48—49.
[2] ПСЗ, т. XIX, № 13404.
[3] ПСЗ, т. VIII, № 5284.
[4] Н. Ф. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. I, стр. 105—106.
[5] Там же, стр. 106—107; Д. Л. Мордовцев. Самозванцы и понизовая вольница, т. I, СПб, 1886, стр. 113.
[6] Согласно народному поверью, это было признаком принадлежности к царской фамилии (см. Д. Л. Мордовцев. Указ. соч., т. I, стр. 92).
[7] Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., т. I, стр. 107.
[8] Д. Л. Мордовцев. Указ. соч., т. I, стр. 87.

его, поручик Иван Терский стал его оскорблять. Тогда казаки заволновались. На общем сборе было решено идти в Дубовку и там объявить Богомолова Петром III.

30 марта казаки подошли к хутору старшины Андрея Персидского и арестовали часть офицеров легионной команды. Они уже собрались двинуться дальше. Но один из арестованных, старшинский сын Савельев, получив разрешение на свидание с «государем», ворвался в его избу и, запугивая казаков, стал требовать его ареста. Неподготовленная к таким решительным действиям со стороны Савельева часть казаков растерялась и стала выполнять его приказ. Богомолов и «государственный секретарь» Долотин были арестованы и тут же под конвоем отправлены в Дубовку. Опасаясь, что пребывание самозванца в Дубовке может быть поводом к новым волнениям казаков, старшины сразу же отвезли арестованных в Царицын.[1] Изолировав Богомолова, старшины без труда подавили вспыхнувшее было волнение казаков на иловлинских хуторах.

Однако и после ареста Богомолов не смирился. Сидя в царицынской тюрьме, он за короткий срок сумел убедить стражу и местных жителей в том, что он истинный царь, несправедливо лишенный власти. Одновременно он пытался наладить связь с донскими казаками. Несколько раз был у Богомолова казак Трехостровянской станицы Иван Семенников.[2] Из формируемой неподалеку от Пятиизбянской станицы команды приходили к нему казаки Ананий Еремеев и Федот Кононов.[3] Один раз посетил Богомолова казак Голубинской станицы Глазин, а приписной Пятиизбянской станицы Степан Певчий был у Богомолова дважды.[4]

По словам Ивана Семенникова, Богомолов и его приверженцы рассчитывали склонить на свою сторону пятисотную команду, привести ее в Царицын и, «взяв государя из-под караула и освободя из желез, тут же на месте в Царицыне и объявить его государем».[5]

Когда Богомолов решил, что все было подготовлено к выступлению, оно было назначено в ночь с 24 на 25 июня. Однако донские казаки к Царицыну не пришли. Не явились и дубовские казаки, на которых тоже были некоторые надежды. Царицынским властям стало известно о подготовке выступления, и по распоряжению астраханского губернатора самозванец был переведен в другое место — на гауптвахту, а активно агитировавший за восстание в пользу Богомолова священник Григорьев был арестован.

Меры, принятые царицынскими властями, не предотвратили назревавшего в городе волнения. Днем 25 июня около гауптвахты собрались до 200 человек с кольями и дубинками и вступили в борьбу с вооруженным правительственным отрядом. Только к вечеру с большим трудом удалось подавить это стихийно возникшее волнение.[6]

Хотя донские казаки не пошли в Царицын на выручку Богомолова, слухи о появлении там Петра III их сильно возбуждали. Многие искренне верили, что «истинный царь», вступив на престол при их поддержке, будет защищать их интересы. Поэтому, когда в конце июня в Трехостровянской станице появился Семенников, казаки стали готовиться к походу в Царицын на выручку «государя»; а тех, кто препятствовал этому — станичного атамана Василия Лабынина, старшину Чернозубова, священника Гавриила, «подписного старика» Якова Соловьева и других, решили утопить.

[1] Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., т. I, стр. 107—108.
[2] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 521, л. 14.
[3] Там же.
[4] Там же, см. также Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., т. I, стр. 121.
[5] Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., т. I, стр. 126.
[6] Там же, стр. 123—126; К. В. Сивков. «Исторические записки», т. 31, стр. 114—116.

Стремясь сорвать поход казаков в Царицын, станичный атаман Василий Лабынин 1 июля созвал круг и, зачитав правительственный указ о недавно пойманном самозванце Кремневе, приказал арестовать Семенникова. «Верными престолу казаками» он был схвачен и избит. Однако основная масса казаков заволновалась. Придя к станичной избе, казаки потребовали объяснить причину ареста Семенникова и при этом так решительно действовали, что, по словам старшины Чернозубова, находившиеся там войсковые чиновники во главе с походным атаманом Лащилиным «в крайнем страхе находились», а станичный атаман «убоясь, оного Семенникова оставил».

Пока казаки готовились к походу, освобожденный Семенников и его помощник Серединцов 2 июля поехали в Царицын. Однако еще в дороге они узнали о неудаче происходивших там 25 июня волнений и о переводе Богомолова на новое, никому не известное место. Тогда они вернулись в Трехостровянскую станицу.

В этот момент на казаков, собравшихся было идти в Царицын, но после возвращения Семенникова и Серединцова не знавших, как поступить, напал с большим отрядом старшина Луковкин. Большинство казаков было арестовано, и только Семенникову с незначительным числом своих сообщников удалось скрыться. [1]

По всей вероятности, крупные события назревали в это же время в Пятиизбянской станице. К сожалению, единственным дошедшим до нас документом об этом является официальная войсковая грамота от 12 июля 1772 г. Из нее известно, что побывавший дважды у самозванца приписной к этой станице Степан Певчий оказался там в большой «важности» и «многих казаков к возмущению подговаривал, отчего де некоторые и пришли было в сомнение». [2] В числе сторонников Богомолова был и станичный атаман Максим Слепов. Однако войсковые власти не допустили развития волнений в этой станице. Туда был срочно послан вооруженный отряд. Певчий был сразу же «изловлен и отослан скованной за конвоем» к астраханскому губернатору Бекетову. Вслед за тем были арестованы станичный атаман Максим Слепов и большое число казаков, которых велено было, «заковав, привести к нам, войску Донскому». [3]

Есть основания полагать, что известие о появлении самозванца Богомолова послужило поводом для волнений и в других станицах, не только верховых, но и некоторых нижнедонских. Правда, дошедшие до нас источники прямо о них ничего не сообщают. Но в войсковой грамоте от 12 июля 1772 г., видимо, не случайно казаки, жившие по Дону от Маноцкой до Трехостровянской и по Хопру от Букановской до Михайловской станицы строго предупреждались, чтобы «как теперь, так и впредь никаким возмутительным слухам не верили и не внимали». [4] Не случайно, по всей вероятности, от казаков низовых станиц требовали подписки быть в «непоколебимой верности правительству», «агитаторов» и «разгласителей» ловить и, «заковав в железа, отсылать к нам, войску Донскому, за крепким караулом», а в случае появления каких-либо повстанческих команд немедленно «требовать вспоможения». [5]

В дальнейшем на протяжении 1772—1773 гг. войсковые власти принимали решительные меры к ликвидации всех волнений, возникавших на Дону в связи со слухами о появлении самозванца. [6] Непреклонно

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 521, л. 15 об.; И. П. Козловский. Один из эпизодов революционных движений на Дону в XVIII веке (1772 г.). Изв. Сев.-Кавказск. ун-та, 1926, т. X, стр. 131; Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., т. I, стр. 126—129.

[2] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 521, л. 14 об.; И. П. Козловский. Указ. Соч., Изв. Сев.-Кавказск. ун-та, 1926, т. X, стр. 130.

[3] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 521, л. 14 об.

[4] Там же, л. 15.

[5] Там же.

[6] ГАРО, ф. 46,оп. 1, д. 5711, лл. 1, 8—13 об., 15, 17—31.

действовало в этом направлении и правительство. Хотя Богомолов объяснял, что он объявил себя императором «в пьянстве своем, без дальнего замысла», судившие его чиновники понимали всю опасность волнений, которые могли возникнуть в защиту «законной» власти. Поэтому по решению суда 31 декабря 1772 г. Богомолов был заклеймен, наказан кнутом, а затем отправлен в Сибирь, но, не выдержав истязаний, еще в дороге умер.[1]

Стремясь изгладить в народе даже память о самозванце, правительство вскоре приказало предать забвению дело о Богомолове, но среди донских и волжских казаков не прекращались разговоры о том, что Петр III жив.[2] Здесь, как и во многих других местах крепостнической России, накануне крестьянской войны уже не угасала надежда на появление «истинного», «законного» царя, который встанет на защиту народных интересов.

2. ЗЕМЛЯ ДОНСКАЯ ВО ВРЕМЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ 1773—1775 ГОДОВ

Чтобы правильно понять условия, в которых развивалась классовая борьба донского казачества в период крестьянской войны, необходимо прежде всего учитывать позицию правительства по отношению к донскому казачеству. Зная о его «мятежном духе» вообще и помня о событиях, происходивших в 1772 г., правительство с самого начала и на протяжении всей крестьянской войны обращало особое внимание на Дон и непрерывно принимало решительные меры к тому, чтобы донские казаки не примкнули к восстанию. Получив 14 октября 1773 г. первое известие о восстании и не считая еще его очень опасным, правительство забеспокоилось о том, как бы повстанцы не двинулись к земле донских казаков, «где, может быть, надеются усилить свое общество».[3] Поэтому уже на следующий день были отправлены на Дон офицеры со «специальным заданием», а коменданту крепости Дмитрия Ростовского генералу Потапову предписывалось строго следить за настроением донского казачества и принять меры к немедленной ликвидации повстанческих отрядов в случае появления их на Дону.[4]

Вскоре правительству стало известно, что вождь восстания «посылает во многие места злодейские свои письма к обольщению... разными нелепыми обещаниями простого народа».[5] Отдавая себе отчет в том, какое сильное влияние манифесты Пугачева могут оказать на донских казаков, правительство 4 января 1774 г. предписало Войсковой канцелярии немедленно, как (они. — **А. П.**) получены или найдены будут, жечь через палачей...»[6]

Правительство не упускало случая использовать любую возможность для устрашения донского казачества, чтобы тем самым предотвратить его участие в крестьянской войне. 29 декабря 1773 г. коменданту Ростовской крепости было послано распоряжение, впоследствии несколько раз подтвержденное, чтобы дом Пугачева, находившийся в Зимовейской станице, сжечь, место, на котором он стоял, посыпать солью, а жену и детей арестовать.[7] Вскоре выяснилось, что незадолго перед этим женой Пугачева дом был продан казаку Есауловской станицы Евсееву.

[1] И. П. Козловский. Указ. соч. Изв. Сев.-Кавказск. ун-та, 1926, т. X, стр. 127.
[2] К. В. Сивков. Самозванчество в России. «Исторические записки», т. 31, стр. 117—119.
[3] АГС, т. I, ч. 1, стр. 439.
[4] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 2, лл. 33—34.
[5] Там же, л. 296.
[6] Там же.
[7] Там же, лл. 323, 325, 325 об., 326—326 об.; д. 3, л. 187—189 об.

Тогда по приказу властей он был перенесен на свое старое место и сожжен, а пепел был развеян по ветру.[1]

В то же время правительство стремилось к тому, чтобы привлечь казачество на свою сторону. Из Военной коллегии непрерывно посылались на Дон грамоты с выражением благодарности донскому казачеству за заслуги перед царем и отечеством. 21 июня 1774 г. был издан указ о прекращении и уничтожении всех следственных дел о казаках, участвовавших в движении 1772 г., а также об освобождении и прощении казаков, содержавшихся под стражей.[2] Один из наиболее активных усмирителей восстания, командующий отдельной карательной армией П. М. Голицын, получив сведения о неурожае и голоде в Поволжье, счел необходимым снабдить «обывателей» хлебом, указывая в рапорте главнокомандующему правительственными войсками П. И. Панину, что только этим «можно некоторым образом и прилепляющуюся к самозванцу чернь от того воздержать».[3] Подобные меры принимало правительство и на Дону.

Но самое важное, что было предпринято правительством для предотвращения распространения восстания на Дону, — это сосредоточение большого количества вооруженных сил в пределах земли войска Донского и на ее границах.

В начале крестьянской войны на Дону и на Донце были расположены корпус генерал-майора князя Багратиона и Московский кавалерийский легион бригадира Бринка, штаб-квартиры которых находились в Нижне- и Верхне-Кундрючьей станицах.[4] Однако этих войск, во-первых, было значительно меньше, чем требовалось для поддержания «порядка» на Дону, а, во-вторых, они находились в низовьях Дона и Донца, в то время как классовые противоречия были наиболее обострены в верховых станицах, расположенных в районах среднего течения Дона, по Хопру, Бузулуку, Медведице и Иловле, и именно здесь вероятнее всего могло вспыхнуть восстание. Перемещать же войска Багратиона и Бринка полностью или даже частично в этот район было опасно, так как они могли понадобиться для отражения крымских татар и ногайцев, нападавших особенно часто на нижнедонские станицы.[5]

Как только правительство убедилось в серьезной опасности крестьянского движения, оно уже в конце ноября 1773 г. направило против восставших карательную армию. Вслед за тем были приняты экстренные меры к сосредоточению воинских частей в районе восстания, а также в тех местах, где оно могло вспыхнуть.

Во второй половине июля 1774 г. правительство получило особенно тревожные сведения о том, что армия Пугачева продвигается к земле донских казаков,[6] настроение которых вызывало все большую тревогу у властей. Опыт предшествовавших периодов движения ясно показал правительству, что при появлении Е. Пугачева со своей армией в том или ином районе глухое брожение быстро перерастало в пожар крестьянской войны. Поэтому П. М. Голицын с особенным упорством просил П. И. Панина о скорейшей присылке вооруженных сил в междуречье Волги и Дона, где «главное злодейство яд свой распускает».[7] И мы полагаем, что настойчивая просьба Голицына имела серьезные основания, ибо превращение земли донских казаков в новый очаг крестьянской войны в значительной степени зависело от того, успеют правительственные войска прибыть туда раньше Пугачева или нет.

[1] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 3, лл. 245 об—246.
[2] ДОВ, №64, № 30.
[3] «Пугачевщина», т. II, стр. 236.
[4] М. Сенюткин. Донцы, стр. 3 и 195.
[5] ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 346, л. 1—1 об.
[6] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 4, л. 406, 408; д. 5, л. 303 об.; ЦГАДА, Госархив, р. V, д. 489, л. 230; д. 490, ч. I, лл. 188 об., 229 об.
[7] ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 490, ч. 1, л. 229 об.

Однако к этому моменту обстановка уже окончательно изменилась в пользу правительства. После заключения 10 июля 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мира на подавление восстания было направлено значительное количество вооруженных сил. Екатерина II писала П. И. Панину, что против восставших «столько наряжено войска, что едва не страшна ли таковая армия и соседям была».[1] В числе районов, куда шли с турецкого фронта войска, была и земля донских казаков. В августе 1774 г. Екатерина II сообщила Панину: «Что касается до Дону и до Воронежской губернии, то уповаю, что в конце сего месяца оная страна совсем обеспечится, ибо по первому дошедшему известию о несчастном городе Казани приключены к князю Василью Михайловичу Долгорукому в Крым, как он тогда уже известился о заключении мира, то тотчас отрядил он, не ожидая повеления отселе, как он о сем меня уведомляет реляцией своей от 5 числа сего месяца, генерал-поручика графа Пушкина с Ряжским пехотным полком, двумя карабинерными полками, десятью эскадронами гусар, тремя эскадронами драгун и пять сот пехоты из оставшихся на линии рот, с повелением, чтоб шел прямо на Воронеж и к Дону».[2]

Таким образом, Дон и прилежащие к нему земли были буквально наводнены войсками еще до того, как сюда прибыла армия повстанцев. Это, разумеется, явилось серьезным препятствием к превращению земли Донских казаков в новый центр крестьянской войны.

Следующая важная причина, помешавшая распространению восстания на Дону, заключалась в том, что донские старшины заняли по отношению к крестьянской войне непримиримую позицию и, стараясь заслужить милость самодержавной власти, действовали против восставших быстро и решительно.

Мы уже отмечали, что в силу крупных социальных перемен, происшедших на Дону в XVIII в., старшины, вливаясь в ряды дворянского сословия, становились социальной опорой дворянской империи. Однако правительству был хорошо известен «мятежный дух» казачества, и хотя оно, как правило, «прощало» казакам «их вины», все же относилось к ним с недоверием. У правительства были некоторые основания относиться с недоверием и к старшинам, часть из которых во время происходившего в 1772 г. так называемого «ефремовского бунта» не проявила по отношению к правительству должной лояльности. Поэтому крестьянская война являлась для старшин испытанием их верности интересам правительства и российского дворянства. И они проявили максимум усердия, чтобы оправдать возлагавшиеся на них надежды.

20 октября 1773 г. воронежский губернатор Шетнев сообщил Войсковой канцелярии войска Донского о начавшемся восстании. Уже на следующий день донские старшины рапортовали в Военную коллегию о принятых ими мерах «по всеподданнической своей к вашему императорскому величеству верноподданской должности и до последней капли крови ревности и усердию против такого мерзкого злодея к точному его и всех мерзящих его дел искоренению, и к конечному до конца истреблению».[3]

Войсковая канцелярия доносила, что она приступила к формированию полков для борьбы с восстанием, а специально наряженным в разные районы Донской земли старшинам предписывалось на случай, если поступит сообщение, что сам Пугачев «следует где в близких местах, то всем сим определенным старшинам, дав о себе другим знать, стремиться с войском против него и, соблюдая себя верною присягою, стараться не токмо его удержать, но и совсем истребить».[4]

[1] Сб. РИО, т. VII, стр. 86.
[2] Там же, стр. 112.
[3] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 1, л. 348.
[4] Там же, л. 349 об.

Такие же меры предписывалось принимать и в том случае, если «в пределах нашего войска Донского или вблизи ко оному лежащих других местах есть их злодейская изменническая партия».[1]

Войсковая канцелярия разослала по всем станицам грамоты, в которых строго предписывалось казакам «никаким о нем (Пугачеве. — А. П.) слухам не внимать, а стараться разбить его, искоренить и впрах истребить...»[2]. Канцелярия была обеспокоена и тем, «не будет ли от того изменника и клятвопреступника Амельки Пугачева шпионов и обольстителей на возмущение донских казаков». Для предотвращения этого предписывалось с первых же дней «всякого приезжего и входящего в станицы, колми паче в хутора, а особливо из бродяг и носящих на себе образ нищего, всеналрилежнейшим и проницательным оком рассматривать, входя в самую тонкость состояния и испытуя при том разными в речах образы, и, буде сомнительный сему злодейству или самый подосланный льстец-изменник откроется, оного тотчас по распросе, заковав накрепко руки и ноги, за всестрогим конвоем при рапорте с нарочным отправлять к нам, войску Донскому».[3]

Проводя все эти мероприятия, Войсковая канцелярия отдавала себе отчет в том, что в создавшейся напряженной обстановке нельзя ни в коем случае раздражать рядовое казачество. Поэтому она требовала от старшин «при сем не маловажном деле отнюдь никому обывателям и ведомства нашего казакам обид, налогов и притеснения не чинить; особливо безденежно, а хотя и за деньги да не по настоящей цене ничего не брать и команды своей полковников, походных старшин и рядовых казаков до того не допускать, а содержать над ними крепкую дициплину...»[4]

Получая непрерывно тревожные сведения о развитии восстания и видя рост недовольства казачества, войсковой атаман и донские старшины для подавления движения и недопущения его распространения на Дону принимали все более решительные меры. В конце 1773 г. наказным атаманом С. Сулиным были разосланы главным из числа донских старшин усмирителям восстания полковникам Луковкину и Иловайскому особые секретные инструкции. В них подробно объяснялось, каким образом нужно организовать вооруженные силы войска Донского для борьбы с восстанием.[5] И хотя казаки, как мы увидим далее, неохотно подчинялись распоряжениям войсковых старшин, эти верные слуги самодержавия сумели сформировать на Дону карательные отряды и направить их на борьбу с восстанием. В августе 1774 г. Сулин доносил Г. А. Потемкину, что «ради лучшей в искоренении злодея поспешности и недопущения до здешних пределов и наконечное его погубление выкомандированы от нас, войска Донского, во-первых, в верхние медведицкие, бузулуцкие и хоперские станицы — с полуторатысячной командою походной атаман Абросим Луковкин с полковниками Яновым и Вуколовым, а потом, во исполнение всевысочайшего ея императорского величества повеления, для принятия из той полуторатысячи с вновь наряженными тысячи человек — полковник Алексей Иловайский, а напоследок и все поголовно казаки и выростки казачьи дети как с донских от Терновской до Казанской, так с хоперских, медведицких и бузулуцких станиц при определенных к ним старшинах; а, наконец, и последние с здешних городских, тож с нижних донских и донецких станиц и юртовые калмыки при походном атамане Макаре Грекове и прибывшие из-за Кубани из деташемента господина бригадира и кавалера Бринка три казачьи полка с полковниками Кирсановым, Платовым и Уваровым от-

[1] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 1, л. 349.
[2] М. Сенютkин. Донцы, стр. 51.
[3] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 1, л. 349.
[4] М. Сенютkин. Указ. соч. Приложение 1 «ж», стр. 224.
[5] М. Сенютkин. Донцы. Приложение 1 «ж», стр. 222—224.

правлены, да и все мы на поражение злодея состоим во всякой готовности».[1]

Кроме того, по распоряжению правительства на подавление восстания были направлены донские казачьи полки, находившиеся в разных концах империи. Помимо названных, пришедших с Кубани, из Симбирска шел полк Ильи Денисова, из Новгорода — Алексея Краснощекова, из Москвы — полки Ивана Платова и Петра Ребрикова, из Крыма — Барабанщикова и Михаила Грекова.[2]

Таким образом, стараниями войскового атамана и старшин при помощи правительства для борьбы с восстанием было направлено около 30 донских полков. Правда, большинство из них были неполными, а некоторые насчитывали не более 200 казаков.[3] Но тем не менее это была внушительная сила, которую господствующий класс использовал для подавления крестьянской войны наряду с регулярной армией. И если иррегулярная армия донских казаков целиком не перешла на сторону повстанцев, а осталась верной правительству, то причины этого были, по всей вероятности, те же, по каким и регулярную армию, состоявшую главным образом из крестьян, правительство сумело использовать в борьбе с восстанием.

Несмотря на решительные меры, предпринятые правительством и войсковыми властями для предотвращения восстания на Дону, власти не были уверены, что удастся удержать донских казаков от участия в крестьянской войне. Так, в рапорте Панину от 16 августа 1774 г., т. е. как раз в тот период, когда основные силы повстанцев проходили по Нижнему Поволжью и устремлялись к Дону, командующий отдельной карательной армией П. Голицын писал, что «генерально на всех их (донских казаков. — **А. П.**) положиться нельзя, а надобно думать, что часть из них присоединится к злодею, разве не будут от того предупреждены заключенным ныне миром».[4]

Основываясь на полученных донесениях, Бринк также сообщал генералу Е. А. Щербинину, «что донцы худыя мысли имеют, и некоторый подлый народ охотно бунтовщика Пугачева ожидают».[5] Полковник И. Михельсон, который со своими силами шел буквально по пятам за Пугачевым и лучше других знал положение в лагере повстанцев, с тревогой передавал П. И. Панину в рапорте от 8 августа 1774 г. полученное им известие о том, что Е. Пугачев «имеет намерение пройти на Дон, взбунтовать Кубанские орды и, усилившись, идти к Москве».[6] Вообще все усмирители восстания, зорко следившие за продвижением главных сил Пугачева и стремившиеся выяснить его планы, при получении первых же известий о намерении его идти к Дону немедленно с тревогой сообщали о них друг другу.[7] Это можно объяснить только боязнью, что с появлением на Дону армии восставших во главе с Пугачевым там может вспыхнуть новый очаг крестьянской войны.

Страхи усмирителей имели серьезные основания. Получив уже первые известия о восстании, донцы отнеслись к нему с большим вниманием, причем многие с явной симпатией к движению и его вождю говорили, «что если б это был Пугач (а не сам Петр III. — **А. П.**), то он не мог бы противиться так долго войскам царским».[8] Особенно большой

---

[1] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 61, л. 61.
[2] М. Сенюткин. Указ. соч., стр. 64—65.
[3] Там же, стр. 198, примечание 38.
[4] ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 490, ч. 1, л. 229 об.
[5] «Пугачевщина», т. II, № 78, стр. 237.
[6] ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 172а, лл. 146—147 об.
[7] ЦГВИА, ф. 20, оп. 11/47, д. 4, лл. 406, 408; д. 5, л. 303, об.; ЦГАДА, Госархив, р VI, д. 490, ч. 1, лл. 188 об., 229 об.
[8] М. Сенюткин. Указ. соч., стр. 53, см. также Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. III, стр. 219.

интерес к восстанию проявляли казаки верховых станиц. Они непрерывно посылали гонцов, поручая им узнать, действительно ли вождь движения — царь. Как стало известно Г. Р. Державину, казаки станицы Филоновской посылали своего гонца Ястребова в лагерь восставших, приказывая ему выяснить, «подлинно ль государь Петр Федорович жив, и он ли это, который воюет», и «ежели де он, то и мы будем готовы».[1]

Командование карательными отрядами, которые должны были вести борьбу с восставшими при появлении их на Дону, было поручено Себрякову. Однако при формировании этих отрядов, Себряков вместе с подчиненными ему старшинами натолкнулся на колоссальные трудности, так как значительная часть казаков под тем или иным предлогом в них не шла.

Походный атаман Макар Греков, которому было поручено формирование карательных полков в нижнедонских и донецких станицах, доносил в Войсковую канцелярию, что «казаков является весьма малое число», да и то только «имеющие страх по долгу присяги своей», а прочие «казаки из станиц не выступили и у него не явились».[2]

Особенно большие затруднения встретили старшины при формировании карательных отрядов в верховых станицах. В нижнемедведицких станицах собирал казаков сам Себряков, но при всем старании в шести станицах ему удалось собрать только 200 казаков. Формировавший «ополчение» на Среднем Дону старшина Поздеев с большим трудом сумел в 15 станицах набрать казаков для одного полка. Старшина Кульбаков, прибывший в Етеревскую станицу, нашел там только 30 казаков, способных носить оружие, остальные же разбежались. А старшина Греков, явившийся в хоперские станицы с некоторым опозданием, вообще никого не мог собрать.[3]

Старшинам так и не удалось сформировать карательные полки из донских казаков почти до самого появления повстанцев в пределах земли войска Донского. Когда же стало известно о появлении на Донской земле пугачевских отрядов и об успешном продвижении их по Медведице к Етеревской станице, Себряков 17 августа 1774 г., бросив лишь наполовину собранное ополчение, в страхе бежал в Новохоперскую крепость.[4]

Однако еще раньше на смену ему был назначен походным атаманом один из наиболее деятельных старшин — Амвросий Луковкин. Его усилиями карательные отряды были созданы. Позже Луковкин доносил Сулину, что «если б де он с полковниками не ускорил поспешить почтою на Медведицу, хотя и с малым числом казаков, то б злодеи не только медведицкие, но и в донские и хоперские станицы прошли б, ибо де казаки, будучи по несобрании команды, страшась злодейского тиранства, производившегося в медведицких станицах, совсем против их, злодеев, идти упорствовали, но едва он, Луковкин, с полковниками, употребя все силы свои, к тому паговорить их мог».[5]

С каким трудом это было сделано, можно судить хотя бы по тому факту, что еще 16 августа, т. е. накануне сражения у Етеревской станицы, Луковкин вынужден был целый день уговаривать казаков начать сражение с армией Пугачева.[6]

Собранное насильственным путем, ополчение донских казаков не могло быть надежной опорой в борьбе с восстанием. Разумеется, стар-

---

[1] Д. Л. Мордовцев. Пугачевский полковник Иванов. «Политические движения русского народа», т. I. СПб, 1871, стр. 209. См. его же: Соч., т. I, стр. 315.

[2] Н. Снесарев. Записка об архиве, находящемся при старочеркасском Воскресенском соборе. Новочеркасск, 1877, стр. 33.

[3] М. Сенюткин. Указ. соч., стр. 53—55.

[4] ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 490, ч. I, л. 219 об.—221; ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 61, л. 216—216 об.

[5] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 61, лл. 66—66 об.

[6] Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. III, стр. 223—224.

шины пытались это скрыть. Но, не обеспокоенные честью донского казачьего мундира, другие военачальники свидетельствовали об этом неоднократно. Накануне прихода основных сил повстанцев в Саратов комендант города Бошняк, рапортуя 6 августа 1774 г. губернатору Астраханской губернии Кречетникову о создавшемся там положении, прямо указывал: «Что касается в донских и волских казаках, то по нынешним обстоятельствам в них надежда мала».[1] На ненадежность находящихся под его командой донских казаков указывал 15 августа 1774 г. калмыцкий князь А. Дундуков.[2]

События показали, что усмирители восстания не напрасно сомневались в надежности карательных полков донских казаков.

При подходе армии Е. Пугачева в начале августа 1774 г. к Петровску на ее сторону перешла команда донских казаков в количестве 60 человек.[3] Не задерживаясь там, восставшие двинулись к Саратову. Узнав об этом, саратовский комендант Бошняк для разведки направил 80 донских казаков, но они, как доносил командир одного из саратовских батальонов Иван Сапожников, «достигнув злодея за 20 верст до сего города, ему предалися, кроме одного их есаула, ушедшего со уведомлением о таковой измене к господину Бошняку».[4]

6 августа армия Е. Пугачева, преодолев небольшое сопротивление защитников города, заняла Саратов. Одной из главных причин падения Саратова царицынский комендант Цыплетев называл переход донских казаков на сторону Пугачева. 12 августа 1774 г. он доносил в Военную коллегию: «6-го числа на Саратов нападение учинено толпами тысячах в четырех; по измене бывших у него, коменданта, донских, волских, саратовских казаков... оной город взят».[5] Такое мнение высказывал не один Цыплетев. В тот же день, рапортуя П. И. Панину, Михельсон писал, что Пугачев ворвался в Саратов «изменою предавшихся к нему бывших там казаков и робостью гарнизонных солдат».[6]

16 августа 1774 г. произошло крупное сражение на р. Пролейке. Донося о нем, атаман Качалинской станицы войска Донского не пожалел ярких красок для описания «славной победы», одержанной «верными» казаками, сражавшимися под командованием своих старшин: «Полковники Кутейников и Греков, — писал он, — соединясь с легкою полевою командою и не убоясь того злодея Пугачева, а особливо наблюдая свою присяжную должность, стремительным образом сочиня с ними баталию и разбив толпы его, да несколько побито, да и в полон взято тож...»[7] Но это было сплошным вымыслом. На самом деле армия повстанцев в этом сражении одержала полную победу, причем ее успеху в немалой степени способствовал переход калмыков и казаков на сторону Пугачева. На это совершенно определенно указывает в своих рапортах подавляющее большинство военачальников. Вот, к примеру, что доносил И. Михельсон П. И. Панину в рапорте от 22 августа 1774 г.: «Легкомысленные калмыки, называемые дербетевские, все предались к злодею числом 3000 человек, равномерно ж не малое число донских казаков».[8] В других донесениях также указывалось, что «казаки... были отрезаны и предались».[9]

---

[1] «Пугачевщина», т. II, № 62, стр. 193.

[2] ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 490, ч. 1, л. 257 об.; «Пугачевщина», т. II, № 102, стр. 283.

[3] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 62, лл. 262—265 об.; М. Сенюткин. Указ. соч., стр. 47.

[4] ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 490, ч. 1, л. 225.

[5] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 5, л. 203.

[6] ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 490, ч. 1, л. 215.

[7] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 61, л. 31.

[8] ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 490, ч. 1, л. 267; см. также Я. К. Грот. Материалы для истории Пугачевского бунта. Приложение к XXV тому записок имп. Академии наук. СПб, 1875, стр. 24.

[9] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 114, л. 74 об.

По пути продвижения повстанческой армии к Царицыну 20 августа 1774 г. на р. Мечетной произошло еще одно большое сражение с правительственными силами. Битва принесла очередную победу восставшим. Один из крупных донских начальников — Ф. Кутейников был взят в плен; его полк, который, по данным М. Сенюткина, был двойным, т. е. насчитывал примерно 1100 казаков, был разбит, а 400 казаков во главе с хорунжими Е. Крапивиным и Терентьевым перешли на сторону повстанцев.[1] Впоследствии часть из них бежала из лагеря Пугачева. В числе их был и Е. Крапивин, ушедший от Пугачева уже после того, как вождь восстания, перейдя на левый берег Волги, устремился с остатками своей армии в глубь нижневолжских степей.[2] На допросе в Войсковой канцелярии Крапивин пытался убедить следователей, что казаки оказались в лагере Пугачева вынужденно, в результате поражения правительственных сил, к тому же с самого начала пытались вернуться. Указав, что в первую же ночь ушли от Пугачева сотник Тимофей Васильев и 6 хорунжих со знаменами, он говорил, что к таковому «побегу и он, Крапивин, со оставшими[ся] хорунжими и некоторыми казаками имел согласие, но учинить того не могли по причине, что их за побегом оных хорунжих стали яицкие притеснять и присматривать с ограждением повесить тех, кои в побеге пойманы будут».[3]

Однако факты, которыми располагало правительство, свидетельствовали не в пользу Крапивина, и при всем старании ему не удалось обелить себя и казаков в глазах усмирителей. Он не мог скрыть того, что лишь незначительная часть рядовых казаков стремилась к побегу. Правительство, зная, что сам Крапивин стал полковником пугачевской армии, не поверило также и тому, что он с самого начала хотел вернуться в правительственную армию. Поэтому в предписании Панина Войсковой канцелярии указывалось: «В память его чиноначальства у злодея урезать правое ухо».[4]

21 августа армия восставших во главе с Е. Пугачевым подошла к Царицыну. Значение Царицына определялось не только тем, что он являлся одной из самых крупных крепостей в Нижнем Поволжье. По выражению бывшего астраханского губернатора Бекетова, Царицын тем «всех важнее, что оный — ключ к Дону», что «сей город с линиею (Царицынской. — А. П.) служит ему (Пугачеву. — А. П.) преградою как отсюда, так и от Дона, да и от самой Кубани»[5]. Усмирители затратили немало усилий, чтобы город не был взят восставшими. Вследствие принятых ими мер, а главным образом ввиду быстрого приближения преследовавших армию Е. И. Пугачева правительственных сил Пугачев не взял Царицына, обогнул город и пошел вниз по течению Волги в направлении Черного Яра.

Однако это являлось лишь полупобедой правительственных войск. На данном этапе крестьянской войны, когда в распоряжении царицынского коменданта Цыплетева находились силы, значительно превосходившие силы восставших, правительство могло требовать большего. Главнокомандующий П. И. Панин в ордере Цыплетеву указывал, что он допустил большую ошибку, не задержав армию Пугачева под Царицыном до прихода Михельсона.

В ответ на это Цыплетев 10 октября 1774 г. отправил Панину рапорт, в котором пытался объяснить, почему он не имел возможности задержать армию восставших. Одной из основных причин этого, по его

[1] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 61, л. 73—74 об., 81—81 об.; ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 181, лл. 297—299; М. Сенюткин. Указ. соч., примечание 38, стр. 198.

[2] ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 181, л. 298, об.—299.

[3] Там же, л. 297 об.

[4] М. Сенюткин. Указ. соч., примечание 43, стр. 200.

[5] «Новые документы о Крестьянской войне 1773—1775 гг. в России». Подготовили к печати Р. В. Овчинников, Л. Н. Слободских. «Исторический архив», 1956, № 4, док. № 12, стр. 139—140.

словам, была ненадежность казачьих частей, находившихся в Царицыне. Он писал, что, узнав о взятии Ф. Кутейникова в плен, «приехав все (донские. — **А. П.**) полковники объявили [у] казаков своих упадок духа и отступление в домы; вместо ожидания с Дону прибавки... силы их умалились, а к утру и гораздо стало недостаточно, так что с небольшим один полк составлять могли. А при том смотрели и все ворот, куда им от нападения злодейского уходить, просили они, полковники, поставить их в прикрытие, и содержаны были под крепостью в одном буераке под пушками, так что сею командою почти и сделать ничего не можно».[1] О том, что слова Цыплетева не являлись простым оправданием, приведенным к тому же задним числом, а потому, может быть, искажавшим факты, свидетельствует другой его рапорт, направленный астраханскому губернатору П. Кречетникову через 3 дня после подхода Е. Пугачева к Царицыну, т. е. 24 августа: «Полковники казачьи без регулярной команды, не имея подпоры, ударить еще не могли: опасаются своих, что грозят отступлением, а многие ис-под города и ушли — неизвестно — на Дон или в толпу».[2]

Но ярче, чем Цыплетев, о полной растерянности донских старшин под Царицыном и о совершенной ненадежности находившихся под их командой донских казаков свидетельствует коллективный рапорт старшин Цыплетеву от 21 августа: «Сколько нашей усердности вашему высокоблагородию довольно известно, что к несчастию общему и к погашению славы, нажитой всего войска Донского кровию, из находящихся при нас подкомандных некоторые показали такую трусость, что и протчих смешав мысли, нанесли страх таков, что о истреблении от нас злодея надежды не предвидим. И, хотя из оных, из находящихся при нас, еще большая половина и осталась с нами, но, что последует и от них, уверить никак теперь не можно.

А затем от истинного нашего сердца господа бога просим, чтобы он по своему милосердию подкомандных наших даровал прежнею истинною по присяге храбростью, в чем на его всемогущество мы и небезнадежны».[3]

Наконец, о поведении донских казаков под Царицыном имеется свидетельство астраханского казачьего сотника Василия Горского, перешедшего на сторону Е. Пугачева и в этот период находившегося в его лагере. Горский указывал, что во время осады Царицына он сам «находился при обозе за линиею» и видел, как Пугачев «тех донских казаков склонил к себе в сообщество, из коих старшины были допущены к его руке».[4]

В то же время, как видно из известного уже нам рапорта Цыплетева Панину от 10 октября 1774 г., в составе армии Пугачева, которая была «исправнее прежнего», наряду с перешедшими на его сторону из состава донских полков было и без того значительное число «казаков яицких, донских и волских».[5]

Мы привели ряд свидетельств о переходе казаков на сторону восставших при соприкосновении частей, в которых они находились, с основными силами Е. Пугачева. Но дело не ограничивалось этим. Подавляющее большинство казаков, находившихся в составе небольших правительственных отрядов, направляемых на преследование повстанцев (появлявшихся в разных районах страны), как правило, также действовало неохотно, а часто переходило на сторону восставших. В этом отношении любопытно донесение командиров — Новохоперского батальона капитана П. Бутримовича и Воронежского батальона поручика

[1] ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 179, лл. 81а—81а об.
[2] ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 595, ч. II, л. 190.
[3] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 61, л. 76—76 об.
[4] ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 178, л. 574 об.
[5] ЦГАДА, ф. 1274, д. 179, л. 81а об.

Я. Хрущева, выполнявших задание по преследованию восставших в Шацком уезде. Им был придан казачий отряд Устинова. Однако П. Бутримович и Я. Хрущев доносили, что казаки, «не так верно службу свою приносят, как надо»,[1] а в один из самых напряженных моментов, когда потребовалось организовать погоню за повстанцами, Устинов, по словам Бутримовича, заявил ему: «Мне нет нужды, а я у тебя не в команде».[2] Подобных случаев было немало.

Таким образом, донские казаки в большинстве случаев даже не шли в карательные отряды, направляемые на борьбу с восстанием, и если оказывались в составе правительственных сил, то сражались с восставшими очень неохотно, а часто даже переходили на их сторону.

Однако дело не ограничивалось этим. В ряде станиц казаки, не хотевшие идти в карательные отряды, готовы были вступить в ряды повстанцев. Наиболее часто такие случаи отмечались в станицах, расположенных по среднему течению Дона и по его левым притокам — Хопру, Бузулуку, Медведице и Иловле, где классовые противоречия были особенно острыми. По свидетельству участника крестьянской войны казака Михайлова, в Пятиизбянской станице «половина (казаков. — А. П.) склонилась новому государю».[3] Как показывает другой участник восстания — Василий Уланов, Михайлов советовал ему с товарищами, бежавшими от преследования и не знавшими, куда укрыться, явиться в станицу Пятиизбянскую и «безопасно объявить, что и они бежали из Пугачева собрания, почему де тутошние жители беспрепятственно их примут, яко де река их такими людьми и наполнена».[4]

6 сентября 1774 г. был допрошен в Хоперской крепости пугачевец Григорий Соколов. Он показал, что в августе 1774 г. один из пугачевских атаманов — Константин Дмитриевич Лосев с группой людей поехал «на реку Бузулук... в Филоновскую станицу для склонения, чтоб они (казаки. — А. П.) к известному злодею, под именем императора Петра третьего, были склонны. Откуда приехав, и объявили... что де вся та станица к нему склонна».[5]

С показаниями Соколова совпадают сведения, которые имеются в рапорте П. Бутримовича и Я. Хрущева. По их словам, один из отрядов, находившихся в с. Лопатине, послал своего представителя «в Филоновскую станицу [к] донским казакам, для соглашения их злодейской толпы и ко умножению. Которые, объявя свое согласие, помогать им хотели, да уже и находятся в сих партиях...»[6]

По свидетельству Абросима Луковкина, из числа казаков Етеревской станицы, расположенной на Медведице, в отрядах Пугачева насчитывалось более 300 казаков.[7] Эта цифра представится нам особенно значительной, если вспомнить, что собиравший ополчение в Етеревской станице старшина Кулыбаков нашел в ней лишь 30 казаков, способных носить оружие.

Донские казаки шли в ряды восставших и в одиночку, и целыми группами. В армии Пугачева их было больше, чем это принято считать. Выше уже приводились свидетельства документов о значительном числе донских казаков, переходивших в ряды восставших. Однако количество подобных свидетельств можно значительно увеличить. Так, старшины Янов и Вуколов в рапорте походному атаману Луковкину жаловались, что казаки верхнемедведицких станиц «не только никакого вспоможения» им не оказывали, «но и по требованию людей им не давали, тако

[1] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 4, л. 559 об.
[2] Там же, л. 559.
[3] ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 181, л. 6 об.
[4] Там же.
[5] «Пугачевщина», т. III, № 50, стр. 99.
[6] ЦГВИА ф. 20, оп. 1/47, д. 4, л. 559.
[7] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 162, л. 80

же наряженных им в команду ни одного человека не выслали». В то же время они «к немалому сомнению о опасности ту злодейскую толпу принимают, встречая хлебом-солью и знаменами».[1] Войсковой наказной атаман С. Сулин в рапорте Г. А. Потемкину от 28 августа 1774 г. также говорил о нежелании казаков сражаться с Е. Пугачевым и о переходе многих из них на его сторону, «будучи несколько сверх чаяния мыслями поколеблены от названия злодеем самим себя большим именем».[2] Наконец, можно привести сообщение пугачевцев Тарасова и Кухтина о том, что в рядах восставших было «много казаков донских и запорожских».[3] При этом донские казаки, находившиеся в армии Пугачева, занимали командные должности — полковников, есаулов и др.[4]

Учитывая все это, мы полагаем, что заявление Пугачева в манифестах о значительном числе казаков — участников восстания и о том, что они «оказывают в нашей службе ревность и усердие»,[5] были значительно ближе к истине, чем принято считать, причем особенно активно шли в ряды повстанческой армии и поддерживали пугачевцев казаки верховых станиц.

Еще более охотно, чем донские казаки, готовы были встретить и поддержать Пугачева казаки волжские.

Мы уже приводили свидетельства документов о ненадежности волжских казаков, бывших вместе с донскими в правительственных войсках, и о частых переходах их на сторону восставших еще до прихода сил Пугачева в район Волжского войска. Когда же Пугачев со своею армией вышел в Нижнее Поволжье, Волжское войско все перешло на сторону восставших. Это подтверждают как усмирители восстания, так и его участники.

Один из карателей, В. Долгорукий, рапортовал Панину, что, когда Пугачев достиг Волжского войска, «казаки тамошние, встречая его во всех станицах со звоном (колокольным. — А. П.) и другими почестями, учинили ему присягу».[6] Допрошенный в Секретной экспедиции Военной коллегии пугачевец Михаил Сергеев говорил: «Казачьи Волского войска станицы им отдавались без всякого сопротивления, со встречами», и в Дубовке «то ж была им встреча с образами...»[7] Оказавшийся в рядах восставших казак Евдоким Пропадящев в Войсковой канцелярии показывал, что он следовал с ними «через город Дмитревск и Волского войска станицы тож, и город Дубовку до Царицына» и на всем этом пути «нигде никакой обороны против злодеев не было, а от жителей встречаемы были с образами и колокольным звоном, кроме что на речке Пролейке с донскими казаками было сражение...»[8], но оно, как уже отмечалось, окончилось полной победой восставших, в чем немалую роль сыграл переход казаков на их сторону. Имеется еще ряд документов, в том числе и подробный допрос в Казанской секретной комиссии сотника Астраханского казачьего войска и депутата Уложенной комиссии В. В. Горского, служившего полковником у Пугачева, и показания казака Черникова о переходе волжских казаков на сторону Е. Пугачева и активном участии их в крестьянской войне.[9]

Поддержка восстания со стороны донских и волжских казаков сыграла немаловажную роль в успешном продвижении армии Е. Пугачева

---

[1] ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 490, ч. 1, л. 220 об.
[2] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 61, л. 67 об.—68.
[3] ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 507, ч. III, л. 479; ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 162, л. 80.
[4] ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 512, ч. 1, лл. 323—324.
[5] «Пугачевщина», т. I, № 22, стр. 43.
[6] ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 178, л. 190.
[7] Там же, л. 565.
[8] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 61, л. 263.
[9] ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 506, лл. 483—506 об.; ф. 1274, оп. 1, д. 178, лл. 572—577 об; ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 61, лл. 28—30 об.

по территории Нижнего Поволжья до города Царицына. Занятый повстанцами 17 августа 1174 г., главный город Волжского войска Дубовка сразу же стал опорным пунктом армии Е. Пугачева. В Дубовке, по всей вероятности, были созданы какие-то военные мастерские. Как показывал один из участников восстания — Иван Федоров, Пугачев «почасту находился в станице для делания под пушки лафетов...» [1]

В сохранившихся источниках нет данных о том, рассчитывал ли Е. И. Пугачев до поражения у Казани идти на Дон. В тот период, когда армия Пугачева одерживала победы и успешно продвигалась вперед, у восставших, по-видимому, были иные намерения. По свидетельству Тимофея Подурова, в Берде, например, Пугачев заявлял, что после взятия Казани он сразу же двинется в Москву и Петербург. [2]

Планы Пугачева изменились после двукратного поражения под Казанью. Хотя в рядах восставших, вопреки мнению ряда авторов, оставалось не 400—500 человек, а свыше 2 тысяч,[3] силы эти были настолько малы, что идти на столицу дворянской империи в данный момент не представлялось возможным. Именно в этот период вождь восстания в ответ на призыв окружавших его старшин идти на Москву, решительно заявил: «Нет, детушки, нельзя! Потерпите! Не пришло еще мое время! А когда будет, так я и сам без вашего зова пойду. Но я де теперь намерен идти на Дон, — меня тамо некоторые знают и примут с радостью». [4]

Изменение планов Пугачева не было, разумеется, случайным.

Путь на Москву от Казани шел через Нижний Новгород, но благодаря мерам, принятым нижегородским губернатором А. Ступишиным, город был подготовлен к обороне.[5] К тому же Пугачев получал сведения о быстром приближении значительных правительственных сил, непрерывно направляемых на подавление восстания. Вождю крестьянской войны становилось ясным, что при дальнейшем продвижении к центру страны его армия неизбежно придет в столкновение с очень крупными, хорошо вооруженными и подготовленными к борьбе с повстанцами военными и административными силами императорской России.

Между тем армия Пугачева к этому не была готова. После прихода в Казань в силу локального характера крестьянского движения в ее составе почти не оказалось башкир, работных людей уральских заводов и некоторых других активных участников первого этапа движения, а в результате поражения под Казанью резко сократился численный состав армии и в значительной степени был подорван ее моральный дух.

В этих условиях восстанию была необходима новая стратегическая база, опираясь на которую можно было бы опять перейти в наступление. Такой базой, по мнению Е. Пугачева, могла явиться его родина — земля донских казаков. О том, что Пугачев рассчитывал превратить землю донских казаков в стратегическую базу для расширения восстания и движения в дальнейшем на Москву, свидетельствуют люди, стоявшие очень близко к Пугачеву. Писарь Дубровский, например, говорил, что «намерении у него, Пугачева, были: разбив города Царицын и Черный Яр, поворотить на Дон и склонить все Донское казачье войско, а з Дону идти в Москву...» [6] Об этом же свидетельствовал и перешедший на сторону Пугачева под Саратовом секунд-майор Андрей Михайлович Салманов. [7]

[1] ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 178, л. 560 об.

[2] «Пугачевщина», т. II, № 60, стр. 188.

[3] Х. И. Муратов. Крестьянская война 1773—1775 гг. в России. М., 1954, стр. 164. В дополнение к соображениям Х. И. Муратова отметим, что, по показанию Петра Пустобаева, после поражения под Казанью в отряде Пугачева оставалось примерно 1,5 тысячи человек («Пугачевщина», т. II, стр. 226).

[4] «Пугачевщина», т. II, № 44, стр. 150.

[5] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 4, лл. 406—406 об.

[6] «Пугачевщина», т. II, № 72, стр. 222.

[7] Там же, № 71, стр. 219. С нашей точки зрения, заслуживает большого внимания мысль В. И. Недосекина, что после поражения под Казанью восставшие готовили

Когда вождь восстания принял решение идти в Нижнее Поволжье и на Дон, он обратился к донским и волжским казакам с несколькими манифестами, часть из которых дошла до нас.[1] Манифесты призывали казаков оказать «ревность и усердие» в истреблении «тех проклятого рода дворян, которые, не насытясь Россиею, но и природное казачье войско хотели разделить в крепость свою и истребить казачий род». Указывая далее, что значительная часть казаков перешла уже на его сторону, за что «получила себе свободную вольность и нашу монаршую милость и награждение древнего святых отцов предания крестом и молитвою, головами и бородами», Пугачев призывал остальных казаков последовать их примеру и примкнуть к восстанию.

Е. Пугачев, конечно, учитывал, что некоторые из донских казаков знали его лично, благодаря чему могло быть обнаружено его самозванство. Поэтому он строго наказал своей жене и сыну при посторонних не называть его Пугачевым.[2] Однако это обстоятельство не явилось препятствием к продвижению в пределы земли донских казаков.

Успешно продвигаясь по Нижнему Поволжью и рассчитывая после взятия Царицына повернуть на Дон, Пугачев уже от Саратова стал отправлять отдельные отряды в пределы земли войска Донского. По свидетельству Луковкина, на Дон были направлены четыре партии повстанцев, планы которых были следующие: «Первая, пройдя все медведицкие станицы до самого Дону, завернется вверх по Дону и далее; а вторая, следующая за оною ж, дойдя до Дону ж, идти вниз по Дону в соединение с самим злодеем Пугачевым; третья — по бузулуцким станицам до Хопра... четвертая... вниз по хоперским станицам и далее».[3] Таким образом, Емельян Пугачев стремился прежде всего поднять станицы, расположенные по Среднему Дону и по его левым притокам—Хопру, Бузулуку, Медведице и Иловле, а затем, после взятия Царицына, соединиться с ними и поднять на восстание все войско Донское.

Часть этого плана была осуществлена. Первым вошел в пределы земли войска Донского отряд под командованием пугачевского полковника Андреева, насчитывавший свыше 500 человек. Преодолев незначительное сопротивление, этот отряд 10 августа 1774 г. занял крайний донской хутор Каменнов, расположенный на Черной речке, впадающей в Медведицу.[4] Выйдя затем на р. Медведицу, отряд двинулся вниз по течению реки и занял крупную слободу Даниловку, принадлежавшую семье бывших атаманов войска Донского — Ефремовых.[5] Столь же быстро другим отрядом была взята расположенная на р. Медведице слобода Красноярровка. 14 августа шедший вниз по Медведице повстанческий отряд, в котором было 1—1,5 тысячи человек, подошел к станице Березовской. Находившийся в этой станице атаман Луковкин выслал навстречу ему «партию», которая, как доносил походный есаул Михаил Озерин, «съехавшись с злодеями толпы Пугачева и увидя превосходные силы, нашла себя принужденною возвратиться и известила о том показанного атамана Луковкина, который, не имея команды своей у казаков, ни пороху, ни свинцу, чем бы от показанной толпы себя защитить и сделать отпор, послал меня в крепость Хоперскую для требования ово-

---

новую стратегическую базу на территории черноземного центра России, Дона и Украины (см. В. И. Недосекин. Попытка Е. И. Пугачева поднять восстание на Дону, Украине и в черноземном центре России в июле—сентябре 1774 года. В сб. «Из истории Воронежского края». Воронеж, Изд-во Воронежского ун-та, 1961, стр. 93).

[1] «Русский Архив», 1870, т. 1, стб. 291—294 и «Пугачевщина», т. I, № 21, стр. 41—42, № 22, стр. 42—43; т. II, стр. 151, 152, 222; «Красный архив», т. 69—70, стр. 220; Р. В. Овчинников, Л. Н. Слободских. Указ. соч. «Исторический архив», 1956, № 4, док. № 9—11, стр. 136—138.

[2] Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. III, стр. 214—215.

[3] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 93, ч. 2, лл. 83—84.

[4] Там же, д. 61, лл. 78а—78а об; ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 490, ч. 1, л. 258.

[5] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 61, лл. 78а—78а об.

го».[1] Есаул Озерин не знал, как поступил Луковкин далее, но нет сомнения в том, что он не принял сражения и поспешно бежал. О дальнейших действиях отряда повстанцев известно из донесения Луковкина П. И. Панину, в котором говорится, что «злодей с толпою, войдя, хищно вниз по Медведице прошел от Березовской до Етеревской шесть станиц», заняв по пути Малодельскую, Заполянскую, Орловскую и Раздорскую станицы.[2] В этот момент старшины не были в состоянии сопротивляться успешно продвигавшемуся повстанческому отряду. Известный уже нам старшина Себряков, который 17 августа сам в страхе бежал от пугачевцев при появлении их у Березовской станицы, за день до этого доносил новохоперскому коменданту, что при вторжении пугачевских отрядов в пределы земли войска Донского старшина Кульбаков «оставя занятый в верховых медведицких станицах пост свой», скрылся и, явившись к Себрякову, объявил, «что ему за приближением к нему до двух тысяч злодейской толпы с малою командою устоять не можно, в присылке ж ниоткуда казаков нет, и тамошних медведицких станиц казаки стали каждый спасать живот свой», в связи с чем «и он (Кульбаков.— А. П.) от такой разстройки оттуда уехал».[3] В том же рапорте Себряков указывал, что специально высланные на помощь Кульбакову старшины Янов и Вукслов никакой поддержки ему не оказали.[4]

Менее успешными были действия отрядов Пугачева, направленных на Хопер, Бузулук и Иловлю.[5] Но уже одно продвижение пугачевских сил по Медведице произвело большое впечатление на казаков. В ближайших станицах разнеслся слух, что по земле Донской движутся несметные силы повстанцев во главе с самим Пугачевым. Молва эта была столь широко распространена среди казаков, что, по словам М. Сенюткина, еще во второй половине XIX в. «сохранилось на Дону в народе ложное предание, что будто Пугачев сам с войсками разорял у нас станицы».[6]

Все это происходило уже в середине августа 1774 г., когда обстоятельства складывались не в пользу повстанцев. На Дон и в ближайшие районы прибывали с турецкого фронта и из других районов страны все новые и новые силы. Следует учитывать также, что в это время почти повсеместно восставшие терпели одно поражение за другим и что началось уже внутреннее разложение восстания, неизбежное на определенном этапе всякой крестьянской войны, неспособной без союзника и класса-гегемона одержать победу над дворянством.[7] Поэтому главные силы Пугачева не только не могли уже победоносно войти в пределы войска Донского, но оказались неспособными взять Царицын, хотя перед этим они продвигались по земле Волжского войска, т. е. в самых благоприятных для них условиях.

Были и специфические условия на Дону, которые препятствовали дальнейшему расширению восстания. Среди донских казаков, особенно низовых, все больше распространялся слух о том, что вождем восстания является их земляк Емельян Пугачев. Отрицательно влияли на отношение донских казаков к восстанию грабежи в нижнедонских станицах, которые в этот период производились примкнувшими к пугачевскому восстанию калмыками. На Дону, испытавшем в 1773 г. неурожай и голод, снова хлеб не уродился, отчего многие, по словам войскового ата-

---

[1] ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 490, ч. 1, лл. 219—219 об.
[2] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 93, ч. 2, л. 80—80 об; см. также д. 61, лл. 78а—78б.
[3] ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 490, ч. 1, лл. 220—220 об.
[4] Там же.
[5] Д. Л. Мордовцев. Пугачевский полковник Иванов. В кн. «Политические движения русского народа», т. 1, стр. 226.
[6] М. Сенюткин, Донцы, стр. 60 и 198.
[7] См. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.», гл. II, § 3. Крестьянская война 1773—1775 гг., стр. 297—238.

мана С. Сулина, опять начали терпеть в хлебе «нужду крайнею, а неимущие — и голод»,[1] что давало возможность правительству присылкой хлеба на Дон привлечь на свою сторону часть казаков, особенно в низовых станицах, где была значительная прослойка «дюжих» казаков.

Необходимо отметить также, что верные слуги дворянско-самодержавного государства — старшины тоже оправдали доверие правительства. Несмотря на сопротивление со стороны рядовых казаков, они упорно создавали карательные отряды и к середине августа 1774 г. все-таки их создали, а вслед за тем направили на подавление восстания. Часть этих отрядов была расположена по Царицынской линии, чтобы отстоять город Царицын, считавшийся, как уже отмечалось, «ключем к Дону». Другая часть во главе с Амвросием Луковкиным была направлена на борьбу с отрядами повстанцев, вторгшимися уже в пределы Донской земли. Кроме того, вдоль всей северо-восточной границы земли донских казаков были расположены отряды, которые должны были преградить восставшим путь на Дон: полк Янова — на Кардаиле, выше Зубриловых хуторов, Куколова — на Бузулуцком перелазе и Кульбакова — на Медведице, за Березовской станицей.

Долго уговаривал казаков, не желавших сражаться с повстанцами, старшина Луковкин, и лишь в ночь на 18 августа 1774 г. он повел их в верхнемедведицкие станицы. В этот же день произошло сражение у Етеревской станицы, и повстанцы начали отступать вверх по Медведице. На следующий день войска снова встретились у Малодельской станицы. Произошло крупное, длившееся до вечера, сражение, которое привело к поражению повстанцев, а вслед за тем и к ликвидации их отрядов на Медведице.[2]

Между тем восставшие не смогли взять Царицын, а значительно превосходящая их силы правительственная армия двигалась за ними буквально по пятам. Пугачеву стало ясно, что продолжать движение как было намечено, т. е. идти на Дон, где старшины уже организовались и готовы были во всеоружии встретить повстанцев, не имело никакого смысла.

Все еще не теряя надежды на продолжение борьбы, в 100 километрах южнее Царицына он переправился на левый берег Волги и устремился к Яику, чтобы снова поднять на восстание яицких казаков. Но и это Е. Пугачеву не удалось.

Подведем итоги. 1. Усиление самодержавно-крепостнического гнета в 60-х годах XVIII в., непрерывные мобилизации казачьих команд для отправки на русско-турецкую войну и, наконец, нависшая над казачеством реальная угроза «обращения в регулярство» повлекли за собой рост классовой борьбы на Дону накануне крестьянской войны 1773—1775 гг.

2. В 1769—1772 гг. непрерывно происходили волнения в казачьих частях, формировавшихся для отправки во II армию (десятитысячная, семисотная и пятисотная команды). В те же годы открыто выражали свое недовольство переведенные по существу на положение регулярных войск казаки Азовского и Таганрогского полков, а часть из них разошлась по домам.

3. Широкий размах приобрело осенью 1772 г. движение казаков в Черкасске, вызванное новым наступлением старшин против рядового казачества и, в частности, угрозой обращения его в «регулярство».

В том же году в верховых станицах и Волжском войске происходили волнения в связи с появлением самозванца Богомолова.

4. С самого начала крестьянской войны 1773—1775 гг. донские казаки отнеслись к ней с большим сочувствием. Они лишь по принуждению

[1] «Пугачевщина», т. II, № 12, стр. 63.
[2] ЦГВИА, ф 52, оп. 194, д. 93, ч. 2, лл. 80—81 об.

шли в создаваемые старшинами карательные отряды, а если оказывались в составе правительственных сил, то оражались с восставшими очень неохотно. Более того, при соприкосновении с армией Е. Пугачева казаки из карательных полков большими группами уходили к восставшим, а целый ряд крупных сражений (под Саратовом, на Пролейке, на Мечетной) окончился победой повстанцев в значительной степени благодаря переходу на их сторону донских казаков. В один из самых напряженных моментов восстания, когда Пугачев находился под Царицыном, также выявилась ненадежность казаков.

5. Особенно остро развернулась классовая борьба в верховых станицах. Казаки, не желавшие здесь идти в карательные отряды, охотно вступали в ряды повстанцев, а участников восстания, скрывавшихся от преследования правительственных войск, укрывали в своих станицах.

6. Еще более охотно поддерживали восстание казаки Волжского войска, благодаря чему армия Пугачева, не встретив серьезного сопротивления, прошла по Нижнему Поволжью до Царицына.

7. Потерпев поражение под Казанью и стремясь найти новую стратегическую базу, Е. Пугачев двинулся на Дон. Уже от Саратова было направлено несколько отрядов в верховые станицы. Е. Пугачев рассчитывал после взятия Царицына соединиться с этими отрядами и поднять на восстание все верховые станицы войска Донского.

Часть этого плана была осуществлена, но довести его до конца было уже невозможно, так как это происходило в середине августа 1774 г., когда на Дону было сосредоточено огромное количество правительственных сил и вообще волна восстания находилась на спаде. Были и специфические условия, воспрепятствовавшие дальнейшему распространению восстания на Дону. Пугачеву стало ясно, что превратить Дон в новую стратегическую базу восстания не удастся, поэтому он перешел на левый берег Волги и устремился к Яику. Но на этом этапе крестьянской войны и яицкие казаки не могли его поддержать.

Глава IV

ВОЛНЕНИЯ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В 1792—1794 ГОДАХ

1. ПОБЕГ ДОНСКИХ КАЗАКОВ С КУБАНСКОЙ ЛИНИИ И НАЧАЛО ВОЛНЕНИЙ В ДОНСКИХ СТАНИЦАХ

Хотя народные песни и сказания надолго сохранили память о волнениях 1792—1794 гг., в сочинениях дворянских и буржуазных историков им уделялось очень мало внимания. Из донских авторов только А. Савельев в книге «Трехсотлетие войска Донского» (1870 г.) отвел несколько страниц описанию переселения донских казаков на Кубанскую линию и в связи с этим — действиям «бунтовщиков» [1] Поэтому, когда историк кубанского казачества Е. Д. Фелицын в 90-х годах XIX в. нашел в архиве Георгиевской крепости около 30 документов, относящихся к этим волнениям, он решил их опубликовать. «Я ограничиваю свой труд, — писал он, — дословной передачей документов, сопровождая их незначительными с своей стороны пояснениями... для восстановления связи между документами и более ясного уразумения замечаемых в них пропусков и недомолвок».[2]

Разумеется, и при этом автор сумел выразить свое отношение к волнениям, представив их как незаконный «побег с Кубани трех донских полков» и как «бунт» на Дону, возникший в связи с этим. Но, имея в своем распоряжении столь небольшое число документов, относящихся к тому же главным образом к событиям на Кубани и образованию Черноморского войска, Е. Д. Фелицын не был в состоянии дать подробное описание этих событий. В дальнейшем он надеялся найти новые документы в Архиве Главного штаба, но так и не сделал этого.

В Архиве Главного штаба, особенно в фонде президента Военной коллегии Н. И. Салтыкова, действительно имеется много документов, относящихся к волнениям на Дону, происходившим в 1792—1794 гг. Но еще больше материалов сохранилось в архиве войска Донского, находящемся в Государственном архиве Ростовской области. [3]

Изучение всех дошедших до нас документов позволяет всесторонне осветить это волнение донских казаков, которое по своему размаху было, пожалуй, одним из самых крупных народных движений в крепостнической России последней четверти XVIII в. (после разгрома крестьян-

---

[1] А. Савельев. Трехсотлетие войска Донского, стр. 98—103.

[2] Е. Д. Фелицын. Побег с Кубани трех донских полков в 1792 году. «Кубанский сборник», т. IV. Екатеринодар, 1898.

[3] В настоящее время научные сотрудники Государственного архива Ростовской области под руководством автора этих строк готовят к опубликованию сборник документов о волнениях донских казаков в 1792—1794 гг.

ской войны 1773—1775 гг.) — первой половины XIX в. (до падения крепостного права).

После разгрома восстания Пугачева правительство не ограничилось жестокими расправами над ее участниками. Стремясь к предотвращению волнений и в дальнейшем, оно приняло меры к усилению абсолютной монархии и укреплению дворянской диктатуры как в центре, так и на местах. Власть самодержавия и крепостников во всей стране, в том числе и на Дону, значительно укрепилась.

Пользуясь поддержкой самодержавия, старшины захватили все права и привилегии казачества, взвалив всю тяжесть повинностей на его рядовую массу. Положение казаков становилось все более тяжелым.

В условиях жесточайшего террора, свирепствовавшего на Дону так же, как и во всей стране, народным массам было очень трудно защищать свои права. Однако борьба не прекращалась. Как и в предыдущий период, упорно отстаивали свою свободу, зачастую с оружием в руках, беглые, в большом числе находившиеся на Дону. Выражением протеста народных масс против усилившегося на Дону социального, политического и религиозного гнета являлось движение раскольников. Ожесточенно боролись казаки против захвата их земель старшинами и непрерывно увеличивавшегося произвола со стороны чиновников войска Донского.[1]

Одним из проявлений острой классовой борьбы на Дону во второй половине 70-х и в 80-х годах XVIII в. было появление самозванцев. Несмотря на то, что не только участники крестьянской войны, но даже сочувствовавшие ей подвергались жестоким преследованиям, а имя Пугачева вообще было запрещено произносить вслух,[2] в марте 1780 г. на Иловле был схвачен донской казак по фамилии Ханин, который заявлял, что «он не мужик и не казак, а государь император Петр Третий... что весть о его смерти распущена ложно; что тот, кого называли Пугачевым, не казнен в Москве; что император Петр Третий и Пугачев одно лицо, и это лицо — он, которого ложно называют казаком Ханиным».[3] Ханин был схвачен и после жестоких пыток казнен, но уже в 1782 г. в донских дачах, в слободе Артемовке, появился новый самозванец, называвший себя Петром III, а почти одновременно с ним прятавшийся на Дону и в калмыцких степях беглый солдат Николай Шляпников объявил себя Павлом Петровичем.[4] Через некоторое время в Черкасске и его окрестностях стал тоже распространяться слух, что Петр III жив, а вместе с ним находится «злодей» Пугачев.[5]

Глухое брожение, не прекращавшееся, несмотря на жестокий террор, после разгрома крестьянской войны, в начале 90-х годов вылилось в крупные волнения, продолжавшиеся свыше двух лет и охватившие почти половину казачьих станиц.

Волнения начались в казачьих полках атамана Григория Поздеева и старшин Луковкина и Кошкина.

Эти полки отбывали очередную службу на Кавказской линии, куда после закубанского похода А. В. Суворова и установления границы между Россией и Турцией по р. Кубани Войско обязано было регулярно наряжать казачьи части.

В ходе русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Россия еще более прочно, чем прежде, утвердилась на Кубани. В связи с этим еще до

[1] См. ч. IV, гл. II настоящей работы.

[2] В официальных документах того времени вместо имени Е. Пугачева обычно писали: «известный государственный преступник», «изверг», «злодей», «самозванец» и т. п.

[3] Д. Л. Мордовцев. Самозванцы и понизовая вольница, т. I, изд. 2. СПб, 1886, стр. 309.

[4] К. В. Сивков. Самозванчество в России. «Исторические записки», т. 31, стр. 127—128.

[5] Там же, стр. 132.

окончания войны правительство потребовало от главнокомандующего войсками на Кавказе и Кубани генерал-аншефа Гудовича представить свои соображения об устройстве Кавказской линии с тем, чтобы «закрыть» русские земли от непрерывных вторжений со стороны горских черкесов и других народов.

16 января 1792 г., уже после заключения Ясского мира и закрепления за Россией Кубанской области, Гудович направил правительству подробный доклад с предложением на всем протяжении от Терека до Екатеринограда и далее до Воронежского редута выстроить ряд новых укреплений. В частности, он считал необходимым между Белой Мечетью и Усть-Лабой создать новую оборонительную линию из 12 крепостей, при каждой крепости устроить станицу и поселить по 200, а в главной — Усть-Лабинской станице — 400 казаков. По мысли Гудовича, первые четыре станицы следовало заселить казаками Волжского войска, следующие три — Хоперского, а остальные пять, от Прочного Окопа до Усть-Лабы, — казаками трех переведенных с Дона полков.[1]

В указе от 28 февраля 1792 г. Екатерина II утвердила все предложения Гудовича, но, считая нецелесообразным переселять волжских и хоперских казаков, еще ранее осевших на Кавказе, распорядилась вместо этого поселить на Кубанской линии только донских казаков, для чего приказала распределить по станицам казаков шести стоявших на Кубани полков и выслать к ним с Дона их семьи, дав на переселение каждому семейству по 20 рублей.[2]

Правительство решило провести переселение казаков в короткий срок. Возведение построек было намечено начать весной, чтобы до зимы завершить переселение казачьих семей с Дона; руководство всем этим делом было возложено на генерал-майора Савельева.[3]

Если правительственные чиновники и армейские начальники считали, что такое переселение может быть проведено без особых затруднений, то войсковой атаман Иловайский, узнав о планах правительства, крайне встревожился, опасаясь, как бы «между донскими жителями не произошло какого-либо волнения». В апреле 1792 г. он даже просил Гудовича ходатайствовать перед правительством об отмене распоряжения о переселении донских казаков.

Однако правительственные чиновники не обратили внимания на предостережения войскового атамана и, по всей вероятности, даже не сообщили о них Екатерине. 9 мая она подписала специальный указ войску Донскому о неуклонном выполнении ее распоряжения о переселении на Кубанскую линию 3 тысяч донских казачьих семей.[4]

Вскоре планы правительства стали известны казакам.

Наряды на выделение партий казаков для заселения вновь занятых территорий Войску приходилось выполнять и в прошлом. Так, в течение XVIII в. значительное число казаков было переселено на Астрахань и Гребени (в 1724—1725 гг.), Царицынскую линию (1731—1744 гг.), в Азовскую, Таганрогскую и Моздокскую крепости (1770—1775 гг.). Но производилось это со строгим соблюдением старых донских обычаев, «по жеребу и по очереду», а там, где это нарушалось, например при переселении в Азовскую и Таганрогскую крепости, казаки добивались отмены несправедливых распоряжений.

На этот раз правительство издало указ о переселении значительно большего (чем делалось это в прошлом) числа казачьих семей. К тому же оно не сочло необходимым считаться с порядками, издавна суще-

---

[1] И. И. Дмитренко. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска, т. I, № 80, стр. 114—130.

[2] ПСЗ, т. XXIII, № 17255.

[3] П. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, ч. II, стр. 247.

[4] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 3—4.

ствовавшими в Войске, и самовольно распорядилось судьбой казаков из полков Поздеева, Луковкина и Кошкина, которые рассчитывали на скорое возвращение в родные края, так как заканчивали трехлетний срок службы на Кубани. Действуя таким образом, правительство игнорировало все права и привилегии казачества. Еще более реально, чем накануне крестьянской войны 1773—1775 гг., над казачеством нависла угроза «обращения в регулярство», и это послужило главной причиной волнений.

Уже в апреле 1792 г. во время размещения полков Поздеева, Луковкина и Кошкина на Новой линии казаки стали открыто выражать свое недовольство. Оно быстро нарастало, а когда в начале мая было получено распоряжение о выделении людей на работы по возведению жилых построек, сначала в полку Поздеева, а затем Луковкина и Кошкина казаки решительно отказались их выполнять.[1]

Во всех этих полках казаки устраивали тайные сборы, на которых раздавались голоса, что «хотят их там поселить не по очереди, без воли монаршей, а с ведения войскового атамана».[2] Один из наиболее активных защитников казачьих интересов казак полка Поздеева — Никита Белогорохов решительно заявлял, что можно добиться отмены такого распоряжения, отправив ходатаев к войсковому атаману, а в случае нужды даже применив оружие.

В самом скором времени среди казаков выявились руководители движения. «Главным предводителем над всеми» был признан Никита Иванович Белогорохов. Из сохранившихся отрывочных сведений о нем известно, что, будучи казаком Пятиизбянской станицы, он «за дурное поведение» в 70-х годах XVIII в. был переселен в Азовскую или Таганрогскую крепость. Вскоре оттуда его отправили во вновь устраиваемую Екатерининскую станицу, но и там он числился казаком «дурного поведения».[3] В последний период своей жизни он боролся за дело, в правоте которого был убежден, и даже после ареста, как говорилось в приговоре, «не только в том ни малейшего раскаяния не сделал, но даже оказывал свою злоумышленность, не признаваясь и не внимая всевозможным увещеваниям, не отвечал и на вопросы».[4] Наиболее активными соратниками его были казаки Фока Сухоруков, Трофим Штукарев, Савва Садчиков, Иван Подливалин и Дмитрий Попов.[5]

Решив прежде всего выяснить, действительно ли прислана на Дон царская грамота о поселении на Новой линии казаков шести находившихся на Кубани полков с их семействами, восставшие в середине мая направили в Черкасск Фоку Сухорукова, Степана Моисеева и Данилу Елисеева. Прибыв туда 22 мая, они потребовали от войскового атамана ответа на волнующие их вопросы. Однако Иловайский повелел им возвратиться и вручил для передачи в полки свой приказ, требуя безукоснительного выполнения всех распоряжений начальства, а «повелеваемую к строению станиц работу производить безропотно и отрицательства».[6] При этом он обещал казакам ходатайствовать перед Екатериной II об отмене данного ею распоряжения.

Казаки, находившиеся на Кубани, не дождались возвращения из Черкасска своих делегатов. Боясь, что их нерешительные действия примут за слабость и совсем «оставят на Кубани без жеребья», 19 и 20 мая казаки полков Поздеева (330 человек), Луковкина (240 человек) и Кош-

[1] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 35, ч. IV, л. 71; св. 42, ч. IV, д. 406, л. 27.
[2] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, л. 369.
[3] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 8—9.
[4] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, л. 369 об.; ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 42, ч. II, д. 406, лл. 31 об—32.
[5] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 42, ч. IV, д. 406, лл. 28—32 об.; ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 369—374.
[6] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 10.

кина (218 человек), захватив 15 знамен и бунчуков и соединившись на реке Калаусе, двинулись в главный город Войска.[1]

Узнав о побеге такого большого числа казаков с Кубанской линии, генерал-майор Савельев с небольшим отрядом спешно отправился за ними. Нагнав их у р. Калаус, он стал уговаривать их вернуться, но казаки не подчинились ему и двинулись «с поспешностью прямо степью в Черкасск».[2]

Прибыв 30 мая в Черкасску и собрав свой круг, на котором дали клятву «стоять твердо и положить животы» за начатое ими дело, казаки на следующий день вошли в город. Подойдя к дому войскового атамана, они «с превеликим криком» стали его вызывать, а когда он явился, «в великом волнении» потребовали у него ответа, «по какому повелению оставляют их на линии».[3] Стараясь их успокоить, войсковой атаман приказал дьяку Мелентьеву прочесть указ Екатерины II, но, выслушав его, казаки с криком «вы нас обманываете» «бросились на дьяка и, захватя в кучу, дав несколько ударов, сшибли с ног и отняли все те от него бумаги, а дьяк едва мог выкатиться из толпы и уйтить под лестницу, где его защитили».[4]

Напуганный решительными действиями восставших, войсковой атаман дал обещание срочно выехать в Петербург и ходатайствовать перед Екатериной II об отмене распоряжения о переселении казаков. Пока же разрешил казакам разойтись по станицам, а чтобы их там приняли не как беглецов, а как возвратившихся из очередной службы, повелел выдать им соответствующие «билеты».[5]

3 июня Иловайский уехал в Петербург, и казаки стали разъезжаться по домам. Многие из них еще не прибыли в свои станицы, как Войсковое гражданское правительство получило приказ за подписью Н. И. Салтыкова объявить бежавшим, что если они сами вернутся в свои полки, то будут прощены и избавлены от поселения на Кубань. В связи с этим Войско отменило свои прежние распоряжения и, послав по станицам «заслуженных стариков», стало требовать возвращения беглецов «на прежнюю службу».[6] Оправившись от первого испуга, Войсковое правительство перешло к активным действиям против «бунтовщиков» и прежде всего приняло меры к поимке Белогорохова, который, как писало оно в разосланной по станицам секретной грамоте, «таскался в верховых станицах, возмущая тех казаков к неповиновению и противным предприятиям».[7]

Но это привело к усилению волнений. Как доносили посланные старшины и «заслуженные старики», казаки Романовской станицы «не токмо ко уговору беглецов не приступили, но и посланным для увещания старожилам не представили их, произнося при том дерзкие изречения, что оне не слушают; напрасно де правительство прислало их, старожилов, для увещания, а лучше бы прислало каких толще да брюха побольше, они б с ними поговорили, а именно генерал-майора Луковкина и бригадира Поздеева... и так всею станицею от дачи списков беглым казакам отказались, из грамоты увещательной копию взять не согласились, объявя, что им не надобно, ибо де они таких грамот много виделн».[8] В Цимлянской станице «большая часть на сборе людей, коих всех было сот до двух, держав сторону беглецов, не старались накло-

[1] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 35, ч. IV, д. 309, лл. 71—71 об.
[2] Там же, л. 71 об.
[3] Там же, л. 71 об.—72.
[4] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 13.
[5] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 42, ч. IV, д. 406, лл. 29—29 об.; «Извлечение из записок есаула города Черкасска Степана Григорьевича Капашинова». «Дон», 1887, № 5, стр. 30.
[6] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 35, ч. IV, д. 309, л. 72 об.
[7] «Акты о поселении на Дону семейных казаков». ТОВДСК, вып. I, отд. 2, стр. 31.
[8] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 35, ч. IV, д. 309, лл. 77 об.—78.

нять их к возвращению в полки, но еще защищали их». А когда один из беглецов, казак Алексей Копылков, поддавшись уговорам премьер-майора Харитонова, «начал было обращаться к возвращению в полк, то из беглецов же Григорий Юдичев с сообщники, бросясь азартно, вырвали его, Копылкова, при сборе и с собою из станицной избы увели, оттолкнув при том его, Харитонова, рукою в плечо».[1] Подобным же образом в Кочетовской станице, в ответ на уговоры «беглецы, поймав атамана, жестоко его били»,[2] а в Пятиизбянской, когда старшины, вызвав к себе находившегося там Белогорохова, «велели ему за собой итти в станицную избу, то все сообщники его беглецы, бросясь азартно, вырвали его силою и отделились с ним в степь».[3] Такого же характера события происходили в станицах Ново-Григорьевской, Казанской, Верхне-Кундрючьей и др.[4]

Не доверяя теперь представителям войсковых властей, казаки решили послать в Петербург для ходатайства по их делам Белогорохова, куда он, собрав необходимые средства, отправился в конце июня.[5]

Во главе движения с этого времени стал Фока Сухоруков. Он разослал по станицам грамоты с призывом продолжать борьбу, а затем вместе со своими соратниками Подливалиным, Садчиковым, Черемисовым и другими, собрав вооруженный отряд в 200 человек, двинулся вверх по Дону «в дальние станицы» на соединение с отрядом Штукарева и Попова.[6] Продвижение отряда Сухорукова способствовало усилению волнений в ряде станиц. Войсковое правительство направило против Сухорукова трехсотную команду под командованием подполковника Сычева. Догнав восставших у станицы Цимлянской, он попытался их захватить, но натолкнулся на вооруженное сопротивление. Тогда он потребовал помощи у цимлянских казаков, но станица, по его словам, «от споможествования против толпы бунтовщиков Сухорукова отказала».[7] При содействии Войскового правительства Сычеву все же удалось значительно увеличить свои силы, и он вновь начал преследование Сухорукова, который со своими приверженцами пошел вверх по Дону. Впереди его отряда от станицы к станице продвигался отставной казак Борис Климов и, по словам Сычева, «наклонял казаков о нечинении споможествования к разрушению толпы Сухорукова».[8] Однако продвижение восставших затруднялось тем, что даже в тех станицах, где было много недовольных казаков (например, в Нижне-Чирской и Пятиизбянской), власть прочно удерживалась в руках представителей станичной верхушки, которые принимали решительные меры по борьбе с отрядом. Когда Сухоруков подошел, например, к станице Пятиизбянской, ему сообщили, «чтоб он и в юрт их не ходил, в противном случае почтут его с толпою за разбойников». Тогда, по сообщению подполковника Сычева, «он пошел к верху в степ по реке Лыске». Но идти пришлось ему уже не долго. Вскоре он «был со всею толпою окружен издали сильным караулом»,[9] а затем вместе с сотниками арестован и препровожден в Петербург в комиссию воинского суда, специально учрежденного «по делу о побеге трех казачьих донских полков с Кавказской линии». Там уже находился арестованный несколько ранее Н. Белогорохов.

Комиссия воинского суда признала главными виновниками волнений Белогорохова и Сухорукова, при этом она обратила особое внима-

[1] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 35, ч. IV, д. 309, л. 78.
[2] Там же, л. 77 об.
[3] Там же, л. 78 об.
[4] См. ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 30, лл. 39—41; ф. 717, оп. 1, д. 3, лл. 6—8.
[5] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 21—22.
[6] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 35, ч. IV, д. 309, лл. 72 об.—73; св. 42, ч. IV, д. 406, л. 27 об.; ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 30, лл. 370—371.
[7] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 35, ч. IV, д. 309, лл. 73, 78.
[8] Там же, л. 78.
[9] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 35, ч. IV, д. 309, л. 74.

ние не только на их главную роль во всех событиях, но и на поведение Белогорохова на суде, который твердо стоял на своем и ни в чем не признал себя виновным, и на роль Сухорукова в организации вооруженной борьбы казаков. Что касается других руководителей движения, то было учтено, во-первых, что они «зла и разврата учинили менее», и, во-вторых, что «в допросах своих в комиссии говорили с признанием и раскаянием». Поэтому Белогорохов и Сухоруков, «яко главнейшие мятежники и предводители», были приговорены к наказанию в крепости Дмитрия Ростовского плетьми (Белогорохов 50, а Сухоруков 30 ударами) и ссылке на каторжную работу в Нерчинск, а Штукарев, Садчиков, Подливалин и Попов, которые «оказались людьми легкомысленными и последователями мнениям других», к наказанию плетьми и отправке вне очереди на службу.[1] Комиссия воинского суда посчитала возможным не выносить особого решения о наказании других участников волнений, а признала достаточными меры, принятые по отношению к ним Войсковым гражданским правительством.[2] А оно, со своей стороны, прежде всего наказало всех казаков (около 150 человек), входивших в отряд Сухорукова. Затем рассмотрело дела отказавшихся вернуться в Кубанский корпус и наиболее «упорных» из них (122 казака) отправило в Крым, а остальных (132 человека) — на годовую службу в Кагальник.

Желая запугать казачество и тем самым предупредить возможность его выступлений в дальнейшем, правительство решило «примерно» наказать главных «преступников». С этой целью в крепость Дмитрия Ростовского из каждой станицы было выслано по два представителя, которые присутствовали при их наказании, состоявшемся 12 августа 1793 г.[3]

Но правительство действовало не только террором и устрашением. 24 мая 1793 г. Екатериной II была подписана жалованная грамота Войску, закреплявшая за ним «на вечные времена» «все изобильные многоразличными выгодами земли и угодья».[4]

Посланные за этой царской «милостью» войсковые депутаты в июне 1793 г. возвратились на Дон и были встречены со всей торжественностью, а чиновники Войска, пользуясь этим случаем, еще раз выразили свою верноподданность самодержавию.[5]

2. МАССОВЫЕ ВОЛНЕНИЯ НА ДОНУ В КОНЦЕ 1793 — НАЧАЛЕ 1794 ГОДА

Жестоко расправляясь с активными участниками волнений и заигрывая с «благонамеренными», правительство к концу лета 1793 г. добилось прекращения волнений и установления «тишины» в Войске.

Однако спокойствие на Дону было только кажущимся. Выполнять наряд на поселение казаки по-прежнему не желали и говорили, что если правительство будет настаивать на нем, то «весь Дон взбунтуется». Вот почему некоторые представители государственной власти и чиновники Войска считали более благоразумным отказаться от переселения донских казаков на Кубань, а направленный правительством еще в августе 1792 г. новый указ о поселении на Кавказской линии трех тысяч семей донских казаков лежал в Войсковой канцелярии без движения.

---

[1] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 42, ч. 11, д. 406, лл. 27—33; ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 369—374.

[2] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, л. 373 об.

[3] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 341, 358—358 об.; д. 30, лл. 7—16, 28 и др.

[4] ПСЗ, т. XXIII, № 17126.

[5] См. А. Кириллов. Странички прошлого. Как встречали в Черкасске царскую грамоту и высочайшую хлеб-соль. ДОВ, 1903, № 90; Б. В. Лунин. Очерки истории Подонья—Приазовья, кн. II, стр. 137.

Между тем правительство не отказалось от своего первоначального плана, и в июле 1793 г. Иловайский получил строгое предписание Военной коллегии о немедленном выполнении «высочайшей воли» «касательно поселения повеленного числа донских казаков на Кавказской линии», а в августе — царский указ, изданный специально по этому поводу.[1] На этот раз условия были несколько иными. В соответствии с указом от 18 августа 1792 г. прежнее решение об оставлении на линии шести полков отменялось, и Войску разрешалось произвести отбор переселенцев «по древнему донскому обряду», т. е. на станичных сборах.

Надеясь, что расправа с Белогороховым, Сухоруковым и их соратниками послужила «хорошим» уроком для казаков и они не решатся на дальнейшую борьбу и что после разрешения переселять по «древнему обычаю» у казаков не может быть оснований для недовольства, Войско решило приступить к переселению.

В сентябре 1793 г. в станицы были отправлены чиновники Войска, которым было поручено разъяснить правительственный указ, раздать «извествтельные грамоты» Войска и собрать списки намеченных к переселению. Учитывая настроение казаков, Войско требовало от старшин действовать с осторожностью и при этом «ничем в собственное станичное рассмотрение не мешатца».[2]

Однако условия для выполнения наряда на переселение были очень тяжелыми. Войско должно было переселить на новое место 3 тысячи казаков, но в августе 1793 г. в нем по списку насчитывалось 28314 казаков, а налицо в станицах было 9025.[3] Следовательно, переселению подлежало более 10% списочного состава и более 30% казаков, находившихся в это время в станицах. По указу Войско должно было отправить на Кубань лишь «здоровых, исправных воинским оружием и о дву конь», а из 9025 находившихся в станицах казаков таких было всего 5832.[4] Таким образом, указ о переселении задевал интересы значительной части донских казаков, причем во многих станицах надо было включить в списки переселяемых почти всех казаков, которые в это время были на Дону. Положение осложнялось еще и тем, что старшины и богатые казаки старались избавиться от необходимости переселяться на Кубань. Сделать это им было нетрудно: пользуясь своей властью, они могли оказать влияние на решения станичных сборов, а те, кому это не удавалось, имели возможность воспользоваться правом найма вместо себя «охотников».[5]

Выполнить наряд на поселение, организованный таким образом, рядовой массе казачества было очень трудно, и она вновь заволновалась. Если на первом этапе волнения казаки боролись против нарушения старых донских обычаев, за права и привилегии всего Войска, то с сентября 1793 г. это было дополнено борьбой массы рядового казачества против старшин и богатых казаков, старавшихся выполнить правительственный указ за счет беднейших казаков. Это обстоятельство придало движению несравненно больший, чем прежде, размах и значительно усилило его социальную окраску.

Только черкасские городские станицы, как указывалось в отчетах старшин, «грамоты ко исполнению беспрекословно приняли и наряд ка-

---

[1] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 36, ч. IV, д. 232, л. 29; «Акты о поселении на Дону семейных казаков». ТОВДСК, вып. I, отд. 2, стр. 34—41.
[2] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 152—152 об., 159—164 об.; ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 37, ч. III, д. 46, л. 59.
[3] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 7—8.
[4] Там же.
[5] Там же, л. 162 об.

закам сделали», хотя и от них еще в начале ноября Войско не получило списков казаков, подлежавших переселению.[1]

Но уже в ближайших к ним нижнедонских станицах старшины натолкнулись на сопротивление казаков. В первые 14 нижнедонских станиц с уведомлением о наряде был направлен старшина Алексей Макаров. Когда он приехал в станицу Манощкую и предложил принять от него грамоту, казаки заволновались, и «станица не принятием грамоты провела три дня».[2] К концу этого срока Макарову вместе с «благонамеренными» удалось было «склонить» станицу к повиновению, но в это время пришло письмо от станицы Цимлянской. Оно вызвало новые волнения казаков, и старшина вынужден был ни с чем покинуть станицу.[3] Через некоторое время он прибыл в станицу Бесергеневскую. И здесь казаки решительно отказались принять привезенную им грамоту, сделав об этом «письменный с подписками всех рук 125 человек приговор».[4] В начале октября для приведения казаков к повиновению были присланы в станицу Бесергеневскую полковник Леонов и подполковник Голов. Но это привело лишь к усилению волнения. Как указывалось в рапорте старшин, казаки, «подняв великий и необыкновенный шум, кричали, грамоту не принимать и на поселение ни одного человека не дать».[5] Среди казаков раздавались голоса, что им следовало бы взять «на сбор большие ножи и потрошить сыскного начальника».[6] Тут же, по решению казаков, станичный атаман Аханов и писарь Ажинов были от должностей отстранены, а на их место выбраны другие.[7] Только в конце октября после прибытия в станицу подполковника Янова «благонамеренным» удалось привести казаков к повиновению.[8]

Ничего не добился старшина Макаров и в станице Мелеховской. Как доносил он 23 сентября, казаки, «не приняв от него грамоты и не допустя на сбор, в ожесточении сказали, что они все помрут, а в семейные на линию не пойдут... объявив напоследок, что буде атаман и старики грамоту примут, то они побьют их всмерть».[9] В начале октября станичному атаману, старикам и другим «благонамеренным» казакам удалось добиться принятия грамоты, но когда в середине месяца в станицу за списками наряженных на поселение приехал подполковник Янов, казаки заволновались вновь и потребовали от атамана, «не принимать никаких из правительства повелений».[10]

Наконец, старшина Макаров сделал попытку вручить грамоту о наряде на поселение казакам Раздорской станицы. Но и здесь он натолкнулся на упорное сопротивление и ничего не добился. Ехать дальше он уже не решился и возвратился в Черкасск.[11]

Вместо Макарова Войсковое правительство решило послать в остальные девять нижнедонских станиц «другого надежнейшего старшину», и вскоре туда был послан полковник Леонов. Однако и он встретил упорное сопротивление казаков. Так, в станице Семикаракорской казаки, по его словам, «подняв шум, кричали, чтоб грамоту не принять

---

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, л. 184.
[2] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 910, л. 137.
[3] Там же, оп. 1, д. 30, л. 57; Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 26.
[4] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 910, л. 134.
[5] Там же.
[6] Там же, оп. 1, д. 30, л. 40.
[7] Там же, оп. 2, д. 910, л. 168.
[8] Там же, л. 134 об.
[9] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 910, лл. 134 об., 192—193.
[10] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 31, ч. III, л. 73; ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 30, лл. 57 об.—58; оп. 2, д. 910, л. 135.
[11] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 910, л. 135 об.—136 об., 176—176 об.; Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 26.

и не читать да из казаков на поселение не дать, выговаривая при том... ему, Леонову, поди ты сам на Кубань, а мы туда итти не желаем».[1]

Когда Леонов прибыл в станицу Кочетовскую, казаки ему заявили, что грамоту примут, но вопрос о переселении будет решаться только на станичном сборе, «ибо де сей наряд не на службу, а на вечное бедных казаков поселение, по коих они теперь, сокрушаясь, в слезах потопают». Виновником предстоявшего переселения казаки считали войскового атамана, в то время как государыня, по их словам, вообще об этом ничего «не знает». «Был Алексей Иванович Иловайский отец,— говорили они,— а ныне уже вотчим; он диплоны (т. е. дипломы.—А. П.) получает, а нас на Кубань отсылает». Поэтому многие предлагали нарядить на поселение «из приписных его, войскового атамана и генерал-майора и кавалера Орлова». На следующий день состоялся станичный сбор и казаки вообще отказались выполнять наряд на поселение.[2]

В станице Ведерниковской «на довольное его,—по словам Леонова,—внушение к повиновению высочайшей воли многие старики были в молчании, а казаки, подняв шум, кричали, что тогда они повеление выполнят, когда верховые станицы на то согласятся».[3] То же самое заявляли казаки станицы Верхне-Михалевской.[4]

О положении, сложившемся в следующих 11 расположенных вверх по Дону станицах, известно из донесений направленного туда с указом о наряде на поселение старшины Ильи Кумшацкого. Только Нижне-Курмоярская станица приняла посланную ей грамоту, однако и она лишь после получения в середине октября еще одной грамоты представила списки казаков, назначенных к переселению.[5] В остальных станицах казаки первоначально даже грамот принимать не хотели. Казаки этих станиц действовали сообща, для чего, как доносил в Войсковое правительство Илья Кумшацкий в рапорте от 30 сентября, «в Цимлянской станице съезжались на совет» от каждой станицы по два старика. На этом совете «положено было единогласно не только на поселение казаков не давать, но и грамот о том не принимать».[6]

Более спокойной была обстановка в донецких станицах. Как указывалось в рапортах посланного туда старшины Ивана Миллера, казаки станиц Нижне-Кундрюческой, Усть-Быстрянской, Екатерининской и Усть-Белокалитвенской, Гундоровской, Митякинской и Луганской грамоты о наряде на поселение приняли и списки своевременно составили.[7] Однако и на Донце не обошлось без столкновений. Казаки Верхне-Кундрюческой станицы, хотя и приняли грамоту, составить списки согласились лишь после того, как это «в донских станицах последует».[8] Калитвенская станица не желала выполнять наряд до тех пор, «пока последует наряд о том от нижних донецких станиц».[9]

Бурные события произошли в Каменской станице. Когда туда приехал старшина Миллер, казаки грамоту не приняли, заявив, что сделают это в том случае, «ежели верхние донские станицы оные получат и наряд учинят».[10] Вслед за этим они действительно отправили своих представителей в верхнедонские станицы. В донесении Войсковому правительству Миллер высказывал предположение, что делалось это «с тем намерением, дабы соединиться согласием с другими непокоривыми ста-

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 30, л. 58 об.; оп. 2, д. 910, л. 137.
[2] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 30, л. 58 об.—59; оп. 2, д. 910, лл. 137—137 об., 167, 178—178 об.
[3] Там же, оп. 1, д. 30, л. 59; оп. 2, д. 910, л. 138 об.
[4] Там же, оп. 1, д. 30, л. 59 об., оп. 2, д. 910, л. 139.
[5] Там же, оп. 1, д. 30, л. 60, оп. 2, д. 910, л. 143—143 об.
[6] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 30, л. 59, д. 31, лл. 118—118 об., 137, 137 об. и 158; оп. 2, д. 910, лл. 139 об.—144.
[7] Там же, л. 1, д. 30, лл. 63 об.—65; оп. 2, д. 910, лл. 21—24 об.
[8] Там же, оп. 1, д. 30, л. 63 об.
[9] Там же, л. 64; оп. 2, д. 910, л. 22—22 об.
[10] Там же, оп. 2, д. 910, л. 22 об.

ницами».[1] И он не ошибся. Когда на обратном пути он приехал в станицу, чтобы вручить грамоту о наряде, «на станичном сборе учинился от всей черни гвалт». Казак Семен Дурнев, «вставши с места своего, заверил громогласно все общество, что указы в той грамоте прописанные, не собственно ее и. в., а действительно фальшивые и при том обще с другими говорил, чтоб не взирали на согласие донецких, а уповать на донские станицы, в коих де таковые грамоты не получаются, то и им бы не принимать». Правда, старшина Миллер «старался всячески от такого злоумышления их отвратить», однако казаки решительно стояли на своем, «а полкового есаула Наума Шбодашева, уговаривавшего к принятию грамоты, выслали со сбору с выговором ему, есть ли отважится он что-нибудь говорить против их, то не останется на голове его волос и прибьют всмерть». На станичном сборе казаки вынесли твердое решение «грамоты отнюдь не принимать и наряду не делать», и только во второй половине октября после ареста Дурнева и других активных противников наряда старшины, опирась на «благонамеренных» казаков, смогли склонить станицу к повиновению и составлению списков.[2]

Сразу же после прибытия войсковых старшин в хоперские станицы там начались волнения. Только Букановская и Остроуховская станицы без сопротивления приняли грамоты и вскоре представили списки нарядженных казаков.[3] В первый момент согласились принять грамоту казаки Кумылженской и Слащевской станиц. Но, поняв, чего от них требуют, кумылженцы заявили, что «казаков на поселение писать не будут», и сообщили об этом слащевцам, которые тоже отказались составлять списки.[4] Остальные 16 хоперских станиц решительно отказались даже принять грамоты, привезенные старшинами. На сборе в Федосеевской станице собралось более двухсот казаков и когда они увидели, что станичный атаман хочет взять у старшин Кульбакова и Гревцова грамоты, они «единогласно закричали... грамоту не бери», а старшинам заявили, «отколь приехали, туда и езжайте».[5] В Арженовской станице казаки не только не приняли грамоты, но прибывшим к ним с подтвердительной грамотой старшинам Кульбакову и Гревцову заявили, что на сбор им «ходить не для чего, затем что по общему всей станицы согласию, той грамоты не примут и ни одной семьи на поселение не напишут».[6] Еще более упорно сопротивлялись наряду на поселение другие хоперские станицы. Казаки Бурацкой станицы заявили на сборе, что «ест ли их станут принуждать, то убийство последует и атаман, когда примет грамоту, живой со сбору не сойдет».[7] В Котовской станице не только грамот не приняли и списков не составили, но на бурно проходивших станичных сборах «подписались всем обществом стоять в том, хотя бы и умереть на месте».[8] Казаки Добринской станицы, не допуская атамана и «благонамеренных» «к принятию грамоты», не только «ограживали» им «выдрать бороды», но «потом, произведя мятеж, назвали прописанной в грамоте указ несправедливым и атамана с стариками грозили бить до смерти и не приняли грамот».[9] Наконец, в Михайловской станице всех, кто выражал желание принять грамоту, восставшие угрожали «вырезать и бить в смерть». Многие казаки вооружались и заявляли, что «станут по колено в крови», но твердо будут стоять на своем.[10] На станичном

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, л. 233 об.
[2] Там же, оп. 1, д. 29, лл. 228, 230; д. 30, лл. 64—65; оп. 2, д. 910, лл. 22 об.—23.
[3] Там же, оп. 2, д. 910, л. 102.
[4] Там же, лл. 102 об.—103.
[5] Там же, оп. 1, д. 30, л. 65 об.—66 об.
[6] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 30, лл. 67—67 об.
[7] Там же, л. 68 об.—69.
[8] Там же, л. 70.
[9] Там же, оп. 2, д. 910, лл. 111 об.—112.
[10] Там же, лл. 112 об.—121 об.

сборе 4 октября атаман Кузьма Моторыгин, не имея сил бороться против восставших, бросил «станичную трость» и вместе со штаб-и обер-офицерами заявил «черни»: «Выбирайте себе атамана», что казаки и сделали, избрав Архипа Короткова.[1] Вскоре однако «благонамеренные» стали брать верх, и Коротков вынужден был бежать в Добринскую станицу. Но «согласники ево, — по показанию старшин, — для драки с благонамеренными и недопущению их в станишную избу брались за колья, а по взятье уже Короткова под караул... собирали сомнительные круги, а писарь Чернобровкин писал в другие станицы сообщение о даче им в помощь по тридцать человек».[2]

Отстаивая свои интересы, хоперские станицы поддерживали тесную связь друг с другом. Постановление о непринятии грамоты Слащевская станица вынесла после того, как приехали к ней представители Кумылженской. Сообща «положили согласие... списков не давать» казаки Зотовской и Арженовской станиц. Казаки Акишевской станицы решительно заявляли, что они «на поселение казаков писать не будут, пока все станицы [не] напишут». Наконец, все 16 «волновавшихся» хоперских станиц послали своих представителей в Алексеевскую станицу «и учинили там к явному упорству подписку... чтобы бывши в одном с прочими хоперскими и бузулукскими станицами согласии... наряда семейным не делать и в случае принуждения стоять одним за других».[3] О том, что хоперские станицы «сделали между собой... единогласное неповиновенное условие», сообщали Войсковому правительству старшины Кульбаков и Гревцов.[4]

Для передачи грамот в бузулукские станицы был направлен старшина Алексей Поздеев. В первый момент все станицы, кроме Филоновской, грамоты приняли, но, когда ознакомились с их содержанием, решительно отказались отправлять своих казаков на Кубань. Через некоторое время для вручения подтвердительных грамот приехали в бузулукские станицы подполковник Пантелеев и майор Щедров, однако волновавшиеся уже казаки грамот у них «не приняли и письменного соответствия не дали»[5] Казаки Яменской станицы с угрозой «выговаривали» Пантелееву и Щедрову чтобы они «откуда... приехали, туда бы и обратно ехали». Узнав о возвращении в Черкасск из Филоновской станицы старшины Поздеева, они, «допнав его на пути, ту прежде принятую грамоту насильно бросили ему в повозку», а «написанный на поселение казак Аверьян Соболев первостатейного старика Савынычева за то написание пробил в грудь ножом».[6] Подобным образом действовали казаки и в других бузулукских станицах, причем в Карповской всем сбором сделали «сильным гвалтом к старшине Поздееву приступ, а атаман той станицы вложил грамоту ему Поздееву в пазуху». Наиболее сильно из бузулукских волновавшаяся Филоновская станица «как начальной от старшины Поздеева, так и подтвердительной от подполковника Пантелеева и майора Щедрова грамот о наряде казаков не приняла» и «письменного соответствия на посылку с рапортом в правительство казака, по требованию их не дала».[7]

Стремясь, как и хоперские казаки, к объединению своих сил, бузулукские казаки тоже выслали своих представителей в Алексеевскую станицу, где, согласно донесению старшин, «учинили дерзостное условие, чтобы никакого о наряде семейных повеления не принимать и наряду

---

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 276, лл. 1—1 об.
[2] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 30, лл. 72 об.—73; ф. 717, оп. 1, д. 4, лл. 4—6; д. 7, лл. 4—10.
[3] Там же, ф. 341, оп. 1, д. 30, лл. 65, 67 об., 68 об.—69.
[4] Там же, д. 31, лл. 252, 276.
[5] Там же, д. 30, лл. 77—78.
[6] Там же, д. 29, л. 66; д. 30, л. 77; оп. 2, д. 910, л. 131.
[7] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 66—67; д. 30, лл. 77 об.—78.

не делать, а ест ли последует от команды, которой из них станице принуждение к тому, то один за другого долженствует стоять».[1]

Крупные волнения произошли в медведицких станицах. Только Островская от приехавшего премьер-майора Денисова грамоту «без всякого отрицания и волнования приняла, наряд сделала и списки наряженным... подала».[2] В остальных десяти казаки не только решительно отказались выполнять наряд, но даже грамот от Денисова принимать не хотели.

Стремясь добиться выполнения наряда, Войсковое гражданское правительство в октябре направило в медведицкие станицы с подтвердительными грамотами подполковника Пантелеева и майора Щедрова. Но и их встретили не лучше. Решительно отказавшись принять грамоту, казаки Глазуновской станицы, по словам старшин, «взволновавшись» и «произведя буйственный поступок, отрешили от должности атамана сотника Прохора Сухова и судей».[3] Когда на сборе Етеревской станицы секунд-майор Красностанов прочел казакам увещательную грамоту, казаки «единогласно и с великим азартом кричали, грамоты не принимать и наряду не делать, а он бы (Красностанов. — А. П.) убирался, пока на нем волосы целы».[4] Подобным же образом встретили подтвердительную грамоту, привезенную Пантелеевым и Щедровым, в других станицах. «Медведицкие станицы от Скуришенской до Березовской, — писали эти старшины в рапорте Войску от 23 ноября, — не только что не приступили к принятию от нас грамот, но и не допустили ни одна из тех станиц на станичный сбор».[5]

В этих станицах с особенной силой проявилось разделение казачества на «волнующихся» и «благонамеренных». В результате острой борьбы станичные атаманы, судья и «подписные старики» были «отрешены» от своих должностей, а на их место были выбраны люди из числа восставших. Вновь избранные представители станичных властей самоотверженно защищали интересы казаков, заявляя, как это было, например, в Раздорской (на Медведице) станице, что «грамоту они не примут и в семейные не пошлют, а все единогласно за то помрут».[6]

Из всех медведицких станиц особенно острая борьба в этот период происходила в Арчадинской и Скуришенской. Для приведения к повиновению казаков Арчадинской станицы туда приехал генерал-майор Горич, и все станичное начальство «многократно с ним увещали казаков» выполнить наряд на поселение. Но, по словам бригадира Себрякова, восставшие «о сем и слышать не хотели, а на другой день выбрали атаманом... казака Ястребова, который в том упорстве и остался».[7]

Как только 2 октября в Скуришенскую станицу приехал премьер-майор Денисов, станичный атаман Сергеев и старики собрали круг. Однако казаки, по словам Денисова, «не успев выслушать порядочно их доклад, приступя к атаману и старикам, с немалым криком и азартом, говорили, чтоб таковой грамоты от меня не принимать, и она им не надобна, и намерялись атамана вырвать из его места и бить». Атаману под прикрытием «благонамеренных» удалось убежать, тогда казаки, «войдя в буйство», избили «немилосердно кулачьями и пинками» «подписных стариков».[8] Через некоторое время, возвращаясь домой, восставшие увидели атамана Сергеева и майора Денисова и «бросились за ними с намерением, перехватя, бить».[9] Однако и на этот раз старшинам удалось избежать расправы.

[1] ГАРО, ф. 341, д. 30, л. 77.
[2] Там же, д. 29, лл. 18 об., 29; д. 30, л. 73; оп. 2, д. 910, л. 122.
[3] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 30, л. 73.
[4] Там же, л. 75.
[5] Там же, д. 29, л. 66.
[6] Там же, д. 30, лл. 75 об.—76.
[7] Там же, д. 29, лл. 39—39 об.; оп. 2, д. 910, лл. 126—127.
[8] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, л. 17.
[9] Там же, д. 30, л 73 об.

На следующий день восставшие собрали круг и, вызвав туда атамана Сергеева, судей и стариков, лишили их должности, избрав на их место других. По всей вероятности, новое станичное начальство не проявило достаточной твердости в защите интересов казачьей массы, отчего «благонамеренные» опять осмелели и, собрав круг, пытались уговорить казаков выполнить наряд на поселение. Но это привело лишь к усилению волнений, во время которых многие «благонамеренные» были избиты. Затем казаки провели новые выборы станичных властей, на которых атаманом был избран Ефим Чуприков—решительный противник переселения. По словам старшин Пантелеева и Щедрова, он решительно заявлял им: «Хотя де и от самой государыни есть указ написать в семейные, ест ли не захотят, присиловать их не могут, а хотя и силой напишут, но выслать будет некому». А если все же будут «писать в семейные, то на ком-нибудь окажется красная рубашка».[1]

В определении от 10 октября 1792 г. Войсковое гражданское правительство указывало, что оно «с огорчением видит дерзостный поступок станицы Скуришенской» против принятия высочайшей е. и. в. воли и нарушение присяги». Требуя, чтобы казаки немедленно сделали наряд на поселение, правительство угрожало, что с ними поступят так же, как с булавинцами, когда «в гневе императорском многие по рекам станицы [были] истреблены вовсе, а другие переведены, и завотчики и последователи им или казнены смертью или жесточайшими наказаниями и ссылками».[2] Но казаки упорно отстаивали свои права.

С большим трудом лишь в конце 1793 г. старшинам и «благонамеренным» удалось привести к повиновению казаков Скуришенской станицы.

Большинство станиц Казанского (по р. Дону) сыскного начальства, куда приехал старшина Афанасий Кутейников, грамоты приняли. После этого Качалинская, Иловлинская, Кременская, Клецкая, Распопинская, Усть-Медведицкая, Усть-Хоперская, Еланская, Вешенская и Казанская сразу же «наряд учинили во всяком спокойствии», а Перекопская, Старо- и Ново-Григорьевские сделали это тоже спокойно, но несколько позже, дождавшись посланных от них в правительство нарочных.[3]

Но в четырех станицах этого начальства произошли волнения. Решительно отказались принять грамоты казаки Голубинской станицы и сообщили об этом в Трехостровянскую.[4] Узнав об этом, казаки Трехостровянской станицы, которые и до этого отказывались выполнять наряд, стали действовать еще более решительно и, как доносили старшины, «гласно при сборе ругали всех чиновников скверными словами, хотели бить всмерть, сажать в куль и топить в реку Дон, также выдворить по одному из станищной избы, таскать за волосы и бить успетками, называли злодеями и хуже турок, смеяли их семейства и угрожавали их тем нарядом, что они их с детми лопишут без очереди и сверх того уязвят всмерть».[5] На сборе казаков Мигулинской станицы произошла борьба «мятежников» с «благонамеренными», во время которой, как доносили старшины, «развратники-казаки, взволновавшись, вышли из станищной избы вон, их атамана, чиновников и стариков, затворя там и заложа колодами окна и двери, держали», а в это время выбрали себе новое начальство».[6] Наконец, в Сиротинской станице старое начальство было избито и свергнуто, а на его место выбрано новое, которое призва-

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 74—75.
[2] Там же, д. 29, лл. 45—50.
[3] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 30, лл. 61 об.—63 об.
[4] Там же, оп. 2, д. 910, л. 17.
[5] Там же, оп. 1, д. 30, л. 61 об., оп. 2, д. 910, лл. 17, 25—25 об.
[6] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 30, л. 62 об.; д. 31, лл. 27—27 об., 30—30 об.; оп. 2 д. 910, лл. 18 об.—21.

ло к продолжению борьбы и выслало своих представителей «к совету в Есауловскую станицу».[1]

Известие о наряде на поселение послужило поводом для начала волнений в донских станицах Чирского начальства. От приехавшего премьер-майора Севостьянова только Верхне-Курмоярская станица вначале грамоту приняла, но выполнять ее не стала, а «затем, — как доносили старшины, — и совсем от наряду отказалась... объявляя, что они все генерально на то сделали согласие».[2] Остальные станицы решительно отказались даже принять грамоты как первые, посланные в сентябре с майором Севостьяновым, так и подтвердительные, которые привезли в октябре подполковник Янов и старшина Слюсарев. Стремление войсковых чиновников заставить казаков принять грамоты приводило только к усилению борьбы. Когда Янов и Слюсарев приехали в станицу Нагавскую и пытались вручить наряд, то казаки, по словам старшин, «законснев в своем невежестве и грубости, единогласно кричали, что той грамоты ни принимать, ни исполнения по ней делать не будут», о чем даже сделали подписку «с приложением всех бывших на сборе рук».[3] Узнав, что их станичное начальство хочет выполнить наряд на поселение, казаки Есауловской станицы, по словам старшин, «сами собравшись у станицной избы и призвав атамана, подписных стариков и писаря, приступили к каждому с грубым ругательством и криком, угрожывали боем и, отрешив атамана, стариков и писаря от должностей... били жестоко», а затем избрали новых начальников.[4] Подобным же образом встречали старшин, приезжавших с грамотами о наряде на поселение и «увещеванием» к их принятию казаки Кобылянской, Нижне-Чирской и Пятиизбянской станиц.[5]

В октябре и ноябре в волнениях принимало участие наибольшее число станиц. Не получив еще всех сведений от посланных старшин, Войсковое гражданское правительство 13 октября доносило войсковому атаману и в Военную коллегию, что находятся «в мятеже и сопротивлении высочайшей воле» донские станицы от Нагавской до Трехостровянской и далее от Сиротинской до Кременской и 16 хоперских от Федосеевской до Михайловской. В начале ноября поступили донесения от всех командированных старшин, и Войсковое правительство сообщило, что в «мятеже» «теперь состоит донских, хоперских, медведицких и бузулукских 50 станиц», заявив при этом о своем «бессилии и неимении способов по унятию своеволия сих мятежников».[6]

Оценив всю сложность создавшегося положения, войсковые власти и правительство принимали всевозможные меры для приведения казаков к повиновению. Еще в сентябре был разослан войсковой приказ, «дабы никто и нигде о том наряде против высочайшего повеления никаких развратных толкований не чинили и скопов и заговоров не делали, а где таковых развратников усмотрят, тех тотчас брать, сажать в тюрьмы под караул и доносить об оном того же самого дня правительству».[7]

В конце сентября войсковой атаман Иловайский просил командира Кубанского корпуса князя Щербатова, находившегося со своими силами в районе Ростовской крепости, приостановить движение двух батальонов на Кубань, «чтобы расставить тот час оба сии батальона по разным станицам на квартиры для устрашения».[8]

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 30, л. 61 об.—62.
[2] Там же, л. 61 об.; оп. 2, д. 910, лл. 31—31 об.
[3] Там же, оп. 1, д. 31, лл. 126, 141.
[4] Там же, д. 30, лл. 60—60 об
[5] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 910, лл. 1—5, 12—14, 34—36 и др.
[6] Там же, оп. 1, д. 29, лл. 180—181. Все эти станицы указаны в составленной Войсковой канцелярией 3 ноября 1793 г. «Выписке, учиненной из рапортов от посылаемых с верховых станиц с повелениями о наряде на Кавказскую линию на поселение семейных казаков» (см. ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 184—185 об.).
[7] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, л. 169.
[8] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 36, ч. IV, д. 392, л. 32.

Правда, встретившись в начале октября, генералы в страхе перед новым взрывом возмущения решили было, что «сию строгость теперь употреблять не нужно, а лучше употреблять со стороны правительства прежде увещательные и кроткие меры».[1] Но воронежский, тамбовский и кавказский генерал-губернатор Гудович этого не одобрил и приказал приостановить движение Кубанского корпуса, а президент Военной коллегии Н. И. Салтыков в письме от 10 октября повелел расположить батальоны в непосредственной близости от донских станиц.[2]

Главную надежду правительство и войсковые власти возлагали на старшин и «благонамеренных» казаков, и они приложили немало сил, чтобы оправдать доверие самодержавной власти. Обещая одним прощение в случае прекращения волнений, а других запугивая тяжелыми карами и жестоко расправляясь со всеми «начинщиками» и «упорствующими», они постепенно добивались прекращения волнений в станицах.[3] Правда, еще 5 декабря 1793 г. Иловайский рапортовал Н. И. Салтыкову, что «из числа пятидесяти войска Донского станиц... по сие число раскаялось только три станицы: с Дону Нагавская и Новогригорьевская, а с Медведицы Глазуновская, которые наряженным казакам и списки в правительство уже доставили».[4] Но в течение декабря движение прекратилось уже во многих станицах. 8-го числа Себряков доносил Войску о поданных ему списках на поселение от Медведицких станиц — Скуришенской и Кепенской и от 9 верхнехоперских станиц,[5] а 21-го — о приведении к повиновению уже 16 хоперских станиц и 10 бузулукских.[6] Посланный президентом Военной коллегии на Дон подполковник Панкратьев 2 января 1794 г. доносил о прекращении волнений в 41 станице. «По сие время, — писал он, — остается еще неповинующихся повелению об отдаче для переселения на Кубань семейств 9 станиц, а именно по Медведице две — Арчадинская и Раздорская, вверху Дона — две — Голубинская и Трехостровянская, а несколько ниже их 5 станиц: Есауловская, Кобылянская, Нижняя Чирская, Верхняя Чирская и Пятиизбинская».[7]

Через неделю после этого Панкратьев донес о прекращении волнений в станицах Арчадинской, Раздорской, Голубинской и Трехостровянской.[8] Оставался последний очаг волнений, но здесь, несмотря на все старания старшин и «благонамеренных» казаков, борьба не только не утихала, но, становясь с каждым днем все более острой, переросла в вооруженное восстание.

3. ВОССТАНИЕ В ПЯТИ ДОНСКИХ СТАНИЦАХ

По характеристике подполковника Панкратьева, 5 станиц, наиболее упорно отстаивавших свои права, находились «в самой средине донских селений», были наиболее многолюдными («в них считается близ трех тысяч семейств») и почти сплошь состояли из «раскольников», «упрямство коих и злонравие довольно известны».[9] Эта общая характеристика уточняется данными ведомости, составленной в 1801 г.[10] (см. табл. 13).

---

[1] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 36, ч. IV, д. 392, л. 32 об.
[2] Там же, л. 32 об.; Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 27.
[3] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 123—123 об.
[4] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, л. 84.
[5] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, л. 97. Этот рапорт получен Войсковой канцелярией 14 января 1794 г.
[6] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 95—95 об.
[7] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, л. 17.
[8] Там же, л. 20.
[9] Там же, лл. 18—18 об.
[10] ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 381, л. 3; см. также рапорт Щербатова Гудовичу от 10 января 1794 г. ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 33, ч. 1, лл. 186—187.

Таблица 13

Число приходских дворов и жителей в пяти донских станицах в 1801 г.

Название станицы	Православные			Раскольники		
	Число дворов	Мужчин	Женщин	Число дворов	Мужчин	Женщин
Есауловская . . .	410	1634	1639	208	965	890
Кобылянская . . .	190	950	1045	46	240	290
Н.-Чирская . . .	329	1727	1769	183	816	813
В.-Чирская . . .	7	33	28	413	1500	1400
Пятизбянская . . .	12	38	34	412	1024	1114
Всего .	948	4382	4515	1262	4545	4507

Отражая численность и состав населения в этих станицах и в начале 90-х годов XVIII в., приведенные цифры требуют одной поправки: к ним следует добавить отправленные из этих станиц в 1794 г. на Кубанскую линию 644 семьи, которые почти сплошь состояли из раскольников.[1]

Еще в самом начале восстания, в сентябре 1793 г., как доносил Войску сотник Чаусов, в Есауловской станице появились двое неизвестных «в платье немецком и в белых суконных плащах и волосы зачесаны назад по тому же обыкновению», а «по носившемуся тогда в станице слуху называемы они были французами и лекарями». Чаусову не было известно, с кем и какие они вели разговоры, но со времени их отъезда, по его словам, «мятежные станицы их казаки начали от часу ожесточаться и упорствовать против наряда».[2] После шестидневного пребывания в Есауловской станице иностранцы отправились в Кобылянскую; затем след их потерялся.[3] Почти в то же время, в октябре 1793 г., через Пятизбянскую станицу проезжали два неизвестных поляка. Они проявили очень большой интерес к волнениям на Дону и, появившись вслед затем в хуторе Варлаама Денисова, говорили следующее: «Когда Дон буйствовать начнет, то и Польша другие меры будет приготовлять: сколько России ни скрывать, однако посланы из Франции 125 апостолов проповедовать».[4]

Приведенные факты слишком отрывочны, чтобы на основе их судить о связи между волнениями на Дону и событиями во Франции и Польше. Но если учесть, во-первых, что в это время в России действительно находились французские агенты, имевшие «замыслы к поколебанию общественного спокойствия», а во-вторых, что влияние французской революции, по свидетельству современников, чувствовалось не только в столицах, но и в отдаленных районах страны, даже в Сибири,[5] то появление в этот момент на Дону французов и поляков нельзя считать случайным, и вместе с тем можно полагать, что они оказали какое-то влияние на события, происходившие в донских станицах. Разумеется, Чаусов, не зная в страхе на кого свалить вину за усилившиеся волнения на Дону, преувеличивал влияние французских и польских эмиссаров.[6] Классовые противоречия здесь в это время были очень острыми, и это было главной причиной упорства, с каким боролись казаки.

[1] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, л. 44.
[2] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 48—49.
[3] ГАРО, ф. 717, оп. 1, д. 14, лл. 4—5.
[4] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, лл. 154—154 об.
[5] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.», стр. 413.
[6] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 48—49; Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска, т. I. Екатеринодар, 1910, стр. 687.

В декабре 1793 г. власть в пяти станицах фактически перешла в руки восставших. К этому времени старые станичные начальники были здесь от должностей отстранены, а на их место выбраны новые из числа наиболее активных участников движения. «Лежа одна возле другой», эти станицы, по словам Панкратьева, не только «сделали общий договор, чтобы отнюдь на поселение никого от себя не давать», но вообще, «не повинуются никаким повелениям, ни увещаниям и даже посылаемых с приказами от войскового атамана бьют немилосердно и изгоняют оттуда».[1]

Главой восставших станиц единодушно был признан житель Нижне-Чирской станицы есаул Иван Рубцов, который заявлял казакам, что «теперь де у них правительства и генерала Иловайского нет», и призывал поголовно вооружиться, чтобы идти к Черкасску, где сначала перевешать всех правительственных чиновников, а затем восстановить на Дону прежнее, казачье самоуправление.[2]

Под влиянием Рубцова станицы установили тесный контакт между собой. Письмами и через своих представителей они непрерывно сообщали друг другу о своих действиях, а в случае нужды присылали помощь.

В декабре 1793 г. казаки еще надеялись, что правительство само отменит наряд на поселение. Поэтому в рапорте от 22 числа они просили войскового атамана ходатайствовать перед Екатериной II об этом.[3] Однако Иловайский даже не стал обращаться в правительство. Объявив казаков «извергами» и «бунтовщиками государственными», наподобие Разина, Гришки Отрепьева, Пугачева, Белогорохова и Сухорукова и пригрозив всех «бунтовщиков» сослать в Сибирь, он потребовал от казаков неукоснительного выполнения «высокомонаршей воли».[4]

Однако казаки твердо стояли на своем. Указав в отчете войсковому атаману на несправедливость наряда, при котором «первостатейным же людям из общества станиц наших на отряд на поселение казаков писать невозможно», казаки иронически замечали войсковому атаману Иловайскому, что если он говорит о «прекрасных и выгодных кубанских землях», то пусть заселит их крестьянами, которые донскими владельцами поселены «по разным речкам на заслуженных войсковых землях».[5]

Казаки понимали, что такое заявление еще больше озлобит старшин, которые никогда на подобное предложение не согласятся, а еще с большим остервенением будут добиваться прекращения «беспорядков» в станицах. Но для казаков это уже не имело особенно большого значения, так как они готовились с оружием в руках защищать свои права.

В самом начале января 1794 г. в Есауловскую станицу «для согласия явились нижнечирские и кобылянские казаки. Как доносили старшины Д. Иловайский и В. Манков, у восставших было боевое настроение: «Большая часть из них полагала идти в поход вверх по Дону, а малая часть вниз по станицам, только не в теперешнее время, а по теплу, превращать прочие станицы к своему злоумышлению».[6] На этот раз казаки не пришли к единому мнению, но, видимо, первое предложение пользовалось большей популярностью, так как почти в это же время казакам Нагавской станицы тоже было известно, «будто есауловские и кобылянские казаки, дождавшись к себе из других станиц одномышленников, имеют намерение идти к Черкасску, и, во-первых, чтобы в одну

[1] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, л. 17.
[2] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, л. 297 об.; П. Л. Юдин. Рубцовский бунт. «Русский архив», 1896, № 6, стр. 182.
[3] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 31, ч. 3, лл. 165—170; ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 88—89; Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 28.
[4] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 31, ч. 3, лл. 165—170; см. также ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 31, лл. 215, 233.
[5] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 31, ч. 3, лл. 165—170.
[6] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 31.

ночь, расположа себя на пять станиц, атаманов, чиновников и старшин перерезать, а чернь забрать с собою».[1]

Готовясь к борьбе, казаки стали укреплять свои станицы и вооружаться. 2 января 1794 г. подполковник Панкратьев писал Салтыкову, что «в тех станицах все вооружены и содержат днем и ночью караулы и разъезды».[2] 10 января Щербатов доносил Гудовичу, что «все те пять станиц имеют обязательное соглашение, утвержденное между собою подпискою, неповиноваться наряду», причем «Есауловская, как первая со стороны Черкасска и беспокойнее прочих, содержит кругом себя караулы и разъезды из небольшого числа, но прочия имеют приказы быть всегда в готовности собраться».[3] Подобное же положение было в Пятиизбянской станице, где, по словам очевидца капитана Долгова, был сделан приговор «при случае нашествия на них войск противиться оружием, и написали под ружье Пятиизбянской станицы шесть сот человек».[4]

В поданном войсковому атаману 20 января рапорте отставного полкового есаула Дубовского говорилось, что у всех восставших «приуготовлены... ружья, дротики, сабли и ножи, нарочито поделанные, на каковую работу принудили они всех своих станичных ковалей», и «под ружье станет (у них. — **А. П.**) тысяч до пяти человек»,[5] а из донесения казака Ведерниковской станицы Егора Сиволобова известно, что во второй половине января у них было вооружено «до трех тысяч человек».[6] В это время казаки готовились прежде всего к обороне, для чего, по словам писаря Котельникова, «очистили имеющиеся у них (числом до шести) пушки».[7] Но одновременно в разговорах между собою заявляли, что собираются «на весну иттить на Черкасск и генерала Иловайского повесить»,[8] а если Войсковое гражданское правительство создаст в Черкасске карательные полки и, направив их против восставших, оставит город без защиты, то казаки смогут и раньше «прорваться к городу, и умножа число свое единомышленниками, произвести в нем грабеж и убийство всех чиновников, забрать регалии и выбрать другова атамана».[9]

Решительность, с которой готовились казаки пяти станиц к вооруженной борьбе, крайне беспокоила правительство. И не только потому, что надо было изыскивать средства к подавлению волнений в этих станицах. В течение января правительство получило несколько предупреждений, что сохранение крупного очага волнений в самом центре казачьего Дона создает реальную угрозу новой вспышки их в тех станицах, где они уже прекратились. Сообщая 9 января Салтыкову о положении на Дону, Панкратьев выражал опасение, как бы «виновники и начинщики сего неповиновения, набрав шайку из ожесточенейших из них, [не] рассеялись бы по протчим станицам и могли бы вновь безумных людей возмутить».[10]

В рапорте от 10 января президенту Военной коллегии Н. И. Салтыкову Щербатов также писал, что хотя казаки всех остальных станиц «скромными себя кажут, но вся мысль их стремится, кажется, к одной цели, и прилежно смотрят на сих, ныне противящихся, что с ними последует».[11] В донесении Салтыкову от 19 января Панкратьев снова указывал, что, «проезжая с генерал-майором Мартыновым через многие станицы, видел везде в станичных атаманах и лучших стариках великое

[1] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 29.
[2] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, лл. 17 об.—18.
[3] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 29.
[4] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, л. 298.
[5] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 36.
[6] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, л. 202 об.
[7] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 35.
[8] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, л. 288 об.
[9] Там же, л. 207.
[10] Там же, л. 21—21 об.
[11] Там же, л. 186.

сомнение на их людей. Они крайне боятся того, чтобы те дерзкие пять станиц не возмутили снова всех их простых людей».[1]

В это время во многих станицах вновь стала накаляться обстановка. В конце января восставшие были убеждены что «к возмущению единомышленных с ними не 5, а 38 станиц»[2]

Особенно напряженная обстановка складывалась в медведицких станицах. С большим трудом правительству и войсковым властям удалось заставить их в конце февраля составить списки наряженных на поселение. А уже в самом начале февраля, по словам сотника Чаусова, Скуришенская станица передала восставшим, «чтоб когда идти будут на них с низу войска, то б с нарочным дали известие и им, по коему де как они, так и еще две медведицкие, смежные с ними с обеих сторон, Глазуновская и Кепенская станицы на помощь им готовы».[3] Во многих других станицах положение было таким же. «Верный» правительству казак Нагавской станицы Сидоров доносил войсковому атаману, что «сомневается в своих, чтоб не пристали, когда придут к ним бунтовщики».[4] Командир Ростовского карабинерного полка, сообщая о намерении восставших «принудить к своему единомыслию» казаков Голубинской и Трехостровянской станиц, отметил, что сделать это им было бы не трудно, так как к этому «те две были почти готовы».[5] Казаки Кумылженской станицы обратились к казакам бузулуцких станиц с призывом «итить в мятежнические 5 станиц на Дону, состоящие для воспомоществования им».[6] Неспокойно в это время было в станицах Котовской и Правоторовской.[7] И даже в Черкасске началось столь сильное брожение, что, по словам «самого войскового атамана и всех выших чиновников», на сохранение спокойствия в городе «не имеют они никакой надежды и опасаются даже сбирать на какое-либо употребление казаков, для приведения к повиновению бунтующих, кроме одних чиновников, и что явное есть подозрение и даже заговоры на буйство в городе, лишь бы только отдалились войска, с намерением начать сперва с начальников».[8] Вот почему хорошо знавший о положении на Дону князь Щербатов в марте 1794 г. писал Салтыкову, что если бы восстание в пяти станицах «продолжалось до весны, без ошибки донести могу с присоединением протчих, на что весь здешний край жадно смотрел. Проворство Рубцова, сыскавшего настоящую доверенность, с помощью подобных ему могли б произвести весьма неприятные следствия».[9]

Беспокойство правительства усиливалось оттого, что с сентября 1793 г., как только вспыхнули волнения в станицах, начались новые побеги на Дон из полков, стоявших на Кубанской линии. В декабре и январе они приняли массовый характер, и командиры этих полков были не в силах удержать казаков в повиновении.[10] Казачьи полки, находившиеся за пределами Дона, поддерживали непрерывную связь с восставшими станицами, которые в своих письмах призывали их к продолжению борьбы, а к весне звали на Дон для участия в походе на Черкасск.[11]

Последняя попытка убедить восставших казаков выполнить наряд на поселение была сделана в первой половине января 1794 г., когда, по настоянию Щербатова, для «последнего увещевания» восставших в

[1] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, лл. 307—307 об.
[2] Там же, л. 202 об.
[3] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 50.
[4] Там же, стр. 46.
[5] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, л. 280.
[6] ГАРО, ф. 494, оп. 2, д. 8, лл. 3, 9, 11, 13.
[7] Там же, ф. 717, оп. 1, д. 15, лл. 2—3; д. 21, лл. 1—3.
[8] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 38.
[9] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331 ч. 1, л. 159 об.
[10] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св 35, ч. III, дд. 509 и 515; ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 188—189; Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 47.
[11] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 42, 47; Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска, т. 1, стр. 686.

Есауловскую станицу был направлен генерал Мартынов. Приехав в Нижне-Курмоярскую станицу, он понял, что дальнейшее продвижение для него становится опасным.[1] Тогда он собрал из низовых станиц 55 «степенных людей» и отправил их к восставшим, рассчитывая, по его словам, «что они, как собратия их, лучше убедить могут в их заблуждении, открыв им истину, и узнать, что они действительно думают».[2] Но уже в пути они получили предупреждение, чтобы дальше не ехали, а когда подошли к Есауловской станице, их встретили представители восставших и заявили, чтобы те немедленно «не только оттоль, но из Потемкинской станицы убирались, ежели хотят остаться живы».[3] Вскоре Войсковому правительству донесли, якобы на кругу казаки Есауловской станицы выражали сожаление, «что напрасно отпустили присылянных стариков, а надо было их впустить в станицу и всех любить, а также надо, — говорили они, — нарядить за генералом Мартыновым команду и догнать и выпустить из него черевы».[4] А в донесении есаула Дубовского от 20 января сообщалось, что казаки «с свирепым видом» говорили, «пусть де сюда приезжают чиновники и господа, то от них уже им изготовлена прорубь, в которую они будут их сажать... а лучше б де приехал с нами поговорить Алексей Иванович Иловайский, которому мы уже изготовили прорубь».[5]

В связи с тем, что поездка Мартынова, по признанию генералов, не принесла «никакого успеха»,[6] а обстановка на Дону становилась все более напряженной, правительство и войсковые власти решили подавить восстание донских казаков вооруженной силой. Еще в первой половине января командующий Кубанским корпусом князь Щербатов приказал Каргопольскому полку из Ломова, а Ростовскому из Саратова, «выступя под видом к выгоде для перемены квартир, приближиться к границам донским и расположиться, не входя во оные одному Новохоперского уезда, а другому на Медведице в самых последних селениях».[7] Донося об этом Салтыкову, Щербатов указывал на необходимость «умножить здесь заранее столько войска, дабы те станицы можно было все вдруг окружить и, не выпустя ни одного, заставить быть послушными».[8] Еще более настойчиво указывал на необходимость применения против восставших вооруженной силы генерал Мартынов, а войсковой атаман Иловайский в рапорте Салтыкову от 19 января писал, что «нет уже никакого средства.. укратить буйство тех вероломных, кроме оружия», причем считал крайне важным «исполнить оное в самой скорости, дабы предупредить их намерения в присоединении прочих, в покое пребывающих станиц, к своему злоумышлению».[9]

Признав необходимым удовлетворить просьбу Щербатова и Иловайского, правительство стало направлять регулярные части на подавление восстания. Уже 28 января главнокомандующий войсками на Кубани и Кавказе Гудович сообщил Иловайскому, что приказал «изготовить к походу два батальона пехоты и шесть эскадронов конницы».[10] Еще раньше по приказу президента Военной коллегии двинулись на Дон из Воронежа легкоконный Павлоградский и мушкетерский Брянский полки.[11] В течение января под командованием Щербатова, которому было поручено подавление восстания, было сосредоточено войско, насчитывающее почти 8,5 тысячи солдат регулярной армии (см. табл. 14).

[1] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, л. 197.
[2] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 32.
[3] Там же, стр. 33.
[4] Там же, стр. 37—38.
[5] Там же, стр. 36.
[6] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, л. 189
[7] Там же, л. 196.
[8] Там же.
[9] Там же, л. 26 об.
[10] Там же, л. 203 об.
[11] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 43.

Таблица 14

Состав частей регулярных войск, направленных на подавление волнений 1792—1794 гг.*

Наименование воинских частей	Число людей	Число лошадей
Легкоконный Павлоградский	751	806
Карабинерный Ростовский	512	468
Карабинерный Каргопольский	503	459
Драгунский эскадрон Таганрогского полка	130	138
Два драгунских эскадрона Владимирского полка	269	298
Мушкетерский Шлиссельбургский полк	1740	187
Мушкетерский Брянский полк	2020	218
Батальон Казанского мушкетерского полка	602	105
Батальон Воронежского мушкетерского полка	482	105
3-й егерский батальон Кубанского корпуса	704	65
4-й егерский батальон Кубанского корпуса	639	73
Полковой артиллерии	92	97
Итого	8444	3021

* Таблица составлена на основе сведений, представленных Щербатовым Салтыкову (см. ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. I, лл. 269—270).

Вместе с регулярными войсками на подавление восстания были посланы карательные отряды казаков в составе двух донских полков под командованием генерала Мартынова и трех чугуевских полков во главе с генералом Платовым.[1]

Русское дворянство, обеспокоенное размахом волнений в донских станицах, с большим удовлетворением встретило решение правительства подавить восстание вооруженной силой. Граф П. В. Завадовский поделился даже своей радостью с находившимся в Англии русским послом С. Р. Воронцовым, с нетерпением ожидавшим известий о событиях в войске Донском. «Теперь, — писал он, — дурь на Дону скоро пресечется», так как «средства к тому вынудил гр. Н. И. (Салтыков. — **А. П.**) достаточной силы».[2]

Разумеется, бороться с такой огромной армией восставшие не могли. Тем не менее они сложили оружие не сразу. Уже во второй половине января им стало известно, что какое-то число регулярных войск идет к ним от Черкасска. В связи с этим в Есауловской станице собралось от каждой станицы по 100 человек.[3]

Но до конца января регулярные войска не подошли, и команды пришлось распустить по станицам, оставив сотню есауловских казаков «для караулов и разъездов».

В начале февраля есауловцы получили сведения о подходе регулярных полков. «На каковой случай, — по сообщению отставного казака Котельникова, — собрали всех своих казаков, делают разъезды и намериваются, на рубеже встретя, не пустить в станицу».

Через несколько дней в Есауловскую станицу съехались атаманы и старики «и положили непременно на первый день сырной недели[4] всем идти по станицам, начать с Потемкинской до Черкасска и всех чиновников убить, а казаков забирать с собой». Выполняя это решение, в ночь на 6 февраля в Есауловскую прибыли из Чирской 200, а из Кобылянской — 100 вооруженных казаков. Ожидая прибытия из других станиц, 6 и 7 февраля казаки готовились к походу.

В это время в Есауловской станице распространился слух, что про-

[1] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. I, л. 299; оп. 200, св. 42, ч. 2, д. 406, л. 2; А. Савельев. Трехсотлетие войска Донского, стр. 102.

[2] «Архив князя Воронцова», кн. 12. М., 1877, стр. 106.

[3] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 46.

[4] В 1794 г. пасха была 9 апреля, а сырная неделя начиналась 11 февраля; П. Хавский. Хронологические таблицы, кн. 2. М., 1848, стр. 70.

тив восставших двинутся 2 егерских батальона и 15 тысяч солдат. Однако казаки, по словам очевидца, «хотя и встревожились», но сделали сбор, на котором решили «справлять» дротики и кинжалы с намерением, ежели малая команда, встретить на своем рубеже, а если большая будет, то в Нагавской или Верхней Курмоярской». Готовясь к сражениям, восставшие почистили пушки и поставили на сани, собрали ядра и порох. Ставший в это время фактическим руководителем движения есаул Рубцов читал казакам письмо, «писанное к ним и в прочие четыре станицы, якобы от царицынского коменданта с уверением, что наряд на Кубанское поселение чинится при войске не по высочайшему именному повелению, и об оном де императрица вовсе не известна».[1]

В то время как лучшая часть казачества действительно готовилась к вооруженной борьбе, другие, наименее устойчивые, главным образом из зажиточных, все в большей мере поддавались страху. Не зная точно, какие силы направлены против «мятежных» станиц, они передавали друг другу преувеличенные слухи, сея панику среди своих товарищей.

Правда, восставшие пытались не допустить разложения в своих рядах. 8 февраля, например, казаки Верхне-Чирской станицы схватили 102 человека и, по донесению отставного казака Ефима Гуткова, «били 30 полковых старшин пинками и кулачьями, а казаков 70 человек плетьми за то, что они в их противном намерении не хотели учинить присяги».[2] Однако такие решительные действия в создавшейся обстановке приводили часто к обратному результату: узнав, например, о расправе со старшинами в Чирской станице, 30 «благонамеренных» казаков Есауловской бежали в низовые станицы.[3] Впрочем, в эти дни многие зажиточные казаки изменяли, убегали в нижнедонские станицы и сдавались на милость победителей, надеясь хоть этим заслужить прощение. А те зажиточные казаки, которые оставались в лагере восставших, своей неустойчивостью и разговорами о неминуемом поражении подрывали моральный дух многих казаков.

Измена зажиточной и наименее устойчивой части казачества значительно облегчала разгром восстания. Но, зная хорошо настроение основной массы восставших и положение в других станицах, каратели вынуждены были действовать очень осмотрительно. Всем регулярным войскам, продвигавшимся по Донской земле, Щербатов строжайше приказал, «не только фуража и подвод безденежно не брать, но и ниже малейших казакам обид и озлоблений не делать, тем более под строгим взысканием запретить грубо с ними обходиться и называть бунтовщиками, дабы не подать случаю к ожесточению и неудовольствию противу войск регулярных».[4]

Особенно большое значение придавали каратели тому, чтобы «в одно время показаться против бунтовщиков», опасаясь, что в противном случае восставшие разобьют их по частям.[5] Поэтому части, которые могли бы приблизиться к восставшим станицам раньше, замедляли свое движение, ожидая остальные полки.

Поэтому только 20 февраля основные силы карательной армии во главе со Щербатовым, состоявшие из двух егерских батальонов, батальона Воронежского полка, батальона драгун и 1 тысячи казаков под командованием Мартынова успели дойти только до станицы Кумшац-

[1] Все факты о положении в станицах в конце января — начале февраля 1794 г. взяты из «Экстракта, учиненного в Войсковом гражданском правительстве из полученных от разных чинов рапортов о бунтовщике, происходящем в пяти станицах», и из «Выписки», приложенной к рапорту Щербатова Гудовичу от 17 февраля (см. ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 897, лл. 1—15; Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 46—47).

[2] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, л. 104.

[3] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 897, лл. 4 об.—5.

[4] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, л. 246; см. также лл. 248—248 об.

[5] Там же, л. 249.

кой и находились в 112 верстах от Есауловской станицы. За следующие сутки они продвинулись еще на 44 версты, а 23 февраля в 3 часа дня вошли в Потемкинскую станицу.[1] Есауловским казакам было уже известно о приходе в Потемкинскую Щербатова со своими войсками, однако они не присылали своих представителей с капитуляцией. Поэтому 24 февраля в 6 часов утра Щербатов начал наступление. Двинувшись с основными силами прямо на Есауловскую станицу, Щербатов, чтобы лишить казаков возможности бежать за Дон и на хутора, с правого фланга направил Воронежский батальон и казачий отряд Мартынова, а с левого — батальон пехоты и эскадрон драгун. Окруженные с трех сторон войсками Щербатова, есауловские казаки прекратили сопротивление.

В это же время продвигавшиеся с севера Шлиссельбургский, Ростовский и Каргопольский полки под командованием Буткевича и Ребиндера без всякого сопротивления заняли Пятиизбянскую и Верхне-Чирскую станицы. Затем они пошли дальше к югу на соединение с главными силами, но тут наткнулись на сопротивление Нижне-Чирской и Кобылянской станиц. По словам Щербатова, эти станицы «были в своих намерениях тверды и жестоки, что когда должно было входить в них означенным господам полковникам (Буткевичу и Ребиндеру. — **А. П.**), осмелились против столь знатной части с ними войска обе вместе человек до тысячи вооруженных выставить, и хотя не употребляя оружие, претили однако, сталкиваясь пред ними кучею, несколько часов им вступить в станицу».[2] Пятиизбянские и верхнечирские казаки готовы были оказать более упорное сопротивление и ожидали только прибытия к ним на помощь казаков Есауловской станицы. И только после того, как окончательно убедились в том, что Есауловская станица занята регулярными войсками, они сложили оружие. «Таковым счастливым успехом, — доносил князь Щербатов, — без всякого употребления строгости, но только видом огромной артиллерии и знатного количества войска, вдруг достигшего, дерзость безумных и изуверств, держащих в руках своих за десять часов оружие, 24 февраля совершенно прекращена».[3]

Щербатов выражал свое ликование не только потому, что наконец-то удалось усмирить восстание в пяти станицах, но и потому, что «с сим вместе, — по его словам, — истреблены мысли и у всех тех, кои на сие их бесчинство смотрели, ожидая удобного только времени и самим к тому же присоединиться». «И войски, — продолжал он, — во всех пяти бунтовавших станицах заняли себе квартиры, восставя тем настоящее во всем здешнем краю и надежное спокойствие».[4]

Но торжество царского генерала было несколько преждевременным. В некоторых станицах по-прежнему было неспокойно,[5] и для наведения «порядка» пришлось ввести в них войска. В Глазуновскую, Скуришенскую и Кепенскую был направлен Павлоградский легкоконный полк, где его и оставили, поручив наблюдать также за Арчадинской станицей. В Усть-Медведицкой, Распопинской, Клецкой, Перекопской, Новогригорьевской, Старогригорьевской и Сиротинской станицах были расположены подразделения Брянского мушкетерского, а в Трехостровянской и Голубинской — Ростовского карабинерного полков.[6]

Неспокойно было среди казаков, находившихся и за пределами Донской земли. По-прежнему время от времени совершались побеги на Дон из полков, стоявших на Кубанской линии, и еще в мае 1794 г. группа казаков была за это отправлена на каторгу в Нерчинск, а вслед за

---

[1] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, лл. 252—252 об.
[2] Там же, л. 253 об.
[3] Там же, л. 254.
[4] Там же.
[5] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 29, лл. 101—102, 106—107.
[6] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, лл. 254 и 271.

тем была издана специальная грамота с предписанием строго смотреть за казаками, подлежавшими переселению на Кубанскую линию, «дабы они не делали побегов».[1]

Еще более грозные события произошли в далекой Таврии. Служивших там казаков очень волновали известия, приходившие с Дона. Когда же, по показанию казака Василия Пухлякова, еще до Филиппова поста (т. е. до 14 ноября 1793 г.) стали с какой-то целью выяснять состав их семейств и «переписывать у них жен и детей», казаки забеспокоились, «не для поселения [ли] оия переписка идет». «И потому, — показывал Пухляков, — несколько раз собирались по вечерам в круг из землянок все казаки, кроме малого числа, советовали, как в сем деле поступить, и положили, наконец, все единогласно, не приступать к таковой переписке впредь до совершенного удостоверения».[2] Постепенно командованию удалось подавить открытые выступления казаков, но глухое недовольство в их среде оставалось. В январе 1794 г. восставшие прислали в Таврию своих представителей с призывом идти по весне на Дон для участия в походе на Черкасск, и многие казаки начали готовиться к этому. А когда в марте стало известно о разгроме восстания и начали распространяться слухи, что «на Дону разоряют их семейства, жгут дома и детей берут в солдаты», казаки опять заволновались и большими группами стали уходить на Дон. В начале мая из полка Денисова со знаменами одновременно выступило 160 казаков; почти 50 человек бежало с почт полка Грекова. Казаки шли на Дон организованно под руководством казаков Цимлянской станицы Елисея Саранчина и Федора Варкова.[3]

Узнав об этом, войсковые власти очень встревожились и просили Гудовича не допускать этих казаков на Дон, чтобы они «не могли бы поколебать спокойных людей».[4] Зная о неустойчивом еще положении на Дону, Гудович для поимки беглецов направил значительные силы. В сравнительно короткий срок, к концу мая, им удалось поймать большую часть бежавших из Таврии казаков и тем самым предотвратить новое выступление казаков на Дону. Но боясь, что казаки на Дону все равно выступят, Щербатов посчитал необходимым держать на Донце до конца июля карательные полки чугуевских казаков под командованием М. И. Платова.[5]

Правительство и войсковые власти не стали дожидаться полного «успокоения» на Дону, а сразу же после разгрома восстания в пяти станицах приступили к расправе с его участниками. Прежде всего, по приказу Щербатова 48 старшин и 298 казаков — «главных бунтовщиков» — были закованы в кандалы, а 1645 казаков, признанных менее виновными, наказаны плетьми.[6] Щербатов при этом внушал восставшим, что наказание было произведено над ними «не отяготительное». И делалось это, по словам генерала, для того, чтобы «всякой, чувствуя свое преступление и дерзость, за кои следовали жесточайшему наказанию, но по таковому к ним оказанному снисхождению, больше почувствует раскаяние и, вспомня, сколь каждый ослеплен был неистовыми предрассудками, ведущими к самому ничтожеству, постарается заслужить сей поступок истинным навсегда повиновением, верностью и усердием».[7] Этими обещаниями Щербатов сумел изолировать главных организаторов движения и расправиться с ними. Теперь масса казаков оста-

[1] Акты о поселении на Дону семейных казаков. ТОВДСК, вып. 1, отд. 2, стр. 44—47; Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска, т. 1, стр. 697.
[2] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, л. 369.
[3] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 54—57.
[4] См. рапорт войскового атамана А. И. Иловайского Гудовичу от 27 мая 1794 г. (Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 57).
[5] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, лл. 299—299 об.
[6] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 30. лл. 72, 96, 124—125.
[7] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 38, ч. IV, д. 543, л. 5 об.

лась без руководителей, и правительство перешло к дальнейшим расправам. По приказу Военной коллегии была создана следственная комиссия под председательством Щербатова, которой поручалось «открыть истинные причины бывшего упорства, намерения начинщиков, отношения и надежды, их поддерживающие».[1]

Комиссия работала на месте восстания, в Нижне-Чирской станице, и хотя ей пришлось решить судьбу казаков более чем 50 станиц, она провела свою работу очень быстро, за полгода. Затем через Военную коллегию дело было передано на утверждение Екатерине II. Из «материнского своего благорасположения к казакам» и «милосердия» императрица смягчила приговор, но все равно он остался очень суровым.

Правительство не медлило с приведением приговора в исполнение. «Главный виновник восстания» есаул Рубцов, приговоренный к наказанию кнутом и ссылке в Сибирь на каторгу с вырезанием ноздрей, получив 251 удар кнутом, в тот же день скончался. Из 146 его «главных сообщников» было наказано кнутом и сослано в Нерчинск 5, в крепостные работы — 10, в другие места Сибири — 12, на поселение на Оренбургскую линию — 116.[2]

Однако и это было признано недостаточным. Комиссия Щербатова вынесла решение наказать 5034 казака, которые, хотя и не участвовали в восстании, были виновны «в непринятии войсковых грамот». Согласно этому решению, было наказно плетьми в Филоновской станице 526 казаков, Мигулинской — 275, Михайловской — 270, Зотовской — 166, Федосеевской — 137, Слащевской — 136, Тепикинской — 126, Кумылженской — 116, Правоторовской — 114, Добринской — 113 и т. д.[3]

Наконец, наиболее активные участники волнений были сосланы на Кубанскую линию. На первых порах после разгрома восстания правительство предполагало выслать, как и было намечено, 3 тысячи казачьих семей. Вскоре было признано, что это может повлечь за собой новый взрыв негодования, и решили отправить 1 тысячу. Но в это число по указу Военной коллегии от 12 апреля 1794 г. следовало включить прежде всего казаков пяти станиц, «которые через упорство свое содеялись единственною виною, что прошлогодний наряд... замедлился», а также станицу Глазуновскую, «свирепством своим понудившую делать туды особый отряд войска и живущих в других станицах казаков тех, о коих доказано, что к упорству одинаковое согласие имели».[4]

Выполняя это распоряжение, Войсковое гражданское правительство разослало приказы по станицам, «написать на поселение на линию из означенных дерзостных казаков... а написанных... благонамеренных людей и бывших в покое из того написания выключить».[5]

Для отправки на Кубанскую линию 1 тысячи семей было отобрано следующее число казаков, «достойных по своему развращению лишения места нынешнего их жительства».[6] Из станиц по Дону — 729, в том числе из пяти «непокоривых» станиц — 644, Бесергеневской — 10, Мелеховской — 10, Нагавской — 13, Голубинской — 10, Трехостровянской — 8, Сиротинской — 10, Мигулинской — 24; по Донцу — 8 (все из Каменской станицы); по Хопру — 85, в том числе из Кумылженской — 8, Слащевской — 7, Федосеевской — 7, Зотовской — 7, Арженовской — 4, Усть-Бузулуцкой — 4, Акишевской — 4, Тишанской — 5, Бурацкой — 4, Правоторовской — 4, Луковской — 4, Тепикинской — 7, Бесплемяновской — 3,

[1] ГАРО, ф. 341, оп. 2, д. 278, лл. 1—1 об.; А. Савельев. Трехсотлетие войска Донского, стр. 102.

[2] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 38, ч. IV, д. 543, лл. 15—20; П. Юдин. Рубцовский бунт. «Русский архив», 1896, № 6. стр. 183—184; «Воронежская старина», вып. I, Воронеж, 1902, стр. 369.

[3] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 38, ч. IV, д. 543, л. 2—3 об.

[4] Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 54.

[5] ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 31, л. 202.

[6] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. 1, лл. 44—47 об.

Левикинской — 3, Урюпинской — 5, Котовской — 4, Добринской — 5; по Медведице — 177, в том числе из Глазуновской — 50, Скуришенской — 20, Кепинской — 5, Арчадинской — 10, Етеревской — 6, Раздорской — 6, Орловской — 5, Заполянской — 5, Малодельской — 5, Березовской — 5; по Бузулуку — 61, в том числе из Алексеевской — 9, Яменской — 4, Лукьяновской — 3, Карповской — 8, Мартыновской — 4, Дурновской — 4, Ярыженской — 9, Черновской — 4, Березовской — 4, Филоновской — 12. Всего — 1000.

Жестоко расправившись с участниками волнений 1792—1794 гг., правительство и войсковые власти приняли меры к укреплению своей власти на Дону. С этой целью уже в 1794 г. была проведена реформа станичного управления: выборность станичных атаманов была уничтожена, а вместо этого были созданы назначаемые сверху станичные начальства. Так были ликвидированы последние остатки демократизма в политическом устройстве Донского войска.[1]

Казалось бы, после всех этих мер на Дону должно было наступить полное успокоение. Войсковой атаман, который обязан был в этот период доносить военному министру о положении на Дону, неизменно сообщал, что во всех станицах «настоит благополучно и продолжается меж людьми совершенная тишина и спокойствие», а в рапорте от 15 июня добавил к этому, что «все дел течение пришло в прежней доброй и благоустройной порядок».[2]

Однако Щербатов, который с самого начала волнений внимательно приоматривался к настроениям донских казаков, был несколько иного мнения. В рапорте Салтыкову от 6 июня он писал следующее: «С начала суда все взяты и всякий содержится грозно, но дух непокорности при всем том в полной мере у них действует так, что иногда за одним дни два заниматься принужден бываю».[3]

В рапорте, отправленном Салтыкову за 2 недели до этого, 19 мая, Щербатов высказал свои соображения о необходимости пребывания регулярных войск на Дону хотя бы до тех пор, «покуда начнется отправление поселян и выйдет первая их партия». Вслед за тем, по мысли Щербатова, можно было высылать их в другие места, но по частям. Для такого заключения у Щербатова были серьезные основания, и, учтя это, правительство не отзывало регулярные войска с Дона в течение двух лет после разгрома восстания.[4]

Еще большие опасения вызывали у Щербатова настроения 1 тысячи казаков, отправляемых на Кубанскую линию. Некоторые из них, например в Тишанской станице, открыто оказали «сопротивление наряду».[5] Поэтому для сопровождения назначенных на поселение Щербатов нарядил значительные силы. «За первыми тремя партиями, кои по временам одна за другою выступили, — доносил он Салтыкову 29 июня 1794 г., — пошли два эскадрона драгун с двумя их пушками при секунд-майоре Давыдове, а за последними Воронежского мушкетерского полка батальон и один эскадрон драгун под командою господина полковника Кривцова». Кроме того, «по неудобности следовать за поселянами», отправлен большой дорогою «батальон, бывший в Черкасске, а также батальон Казанского мушкетерского полка».[6]

Наконец, только боязнью правительства, что классовая борьба может вспыхнуть вновь, следует объяснять тот факт, что, отправив на Кубань 1 тысячу семей донских казаков, правительство, вопреки своим

---

[1] См. об этом, ч. III, гл. III настоящей работы.

[2] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, св. 36, ч. IV, д. 380/383, лл. 34—34 об.; св. 37, ч. III, д. 446, л. 36, 40—43, 46—47, 76, 79—81, 109—110, 113 и др.

[3] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 331, ч. I, л. 143.

[4] Там же, лл. 277—277 об.

[5] «Акты о поселении на Дону семейных казаков». ТОВДСК, вып. I, отд. 2, стр. 52—53.

[6] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 391, ч. I, л. 301.

прежним планам, признало это достаточным и указом от 23 июля 1794 г. повелело «высылку недостающего двухтысячного числа семей «впредь до особого Высочайшего е. и. в. повеления отправлением на Кавказскую линию остановить и нарядов на то поселение больше не делать».[1]

Так закончилось одно из крупнейших волнений донского казачества XVIII в., по размаху почти не имевшее себе равного в истории феодальной России последней четверти XVIII — первой половины XIX в. В силу стихийности, неорганизованности, отсутствия классова-гегемона и других черт, присущих всем народным движениям эпохи феодализма, оно потерпело поражение. Однако восстание имело огромное значение. Оно не только поставило правительство перед необходимостью намного сократить наряд на поселение, но и вынудило серьезно задуматься над положением казачества. Создание в 1819 г. «Комитета об устройстве войска Донского» и все проведенные им преобразования находятся в непосредственной связи с волнениями донских казаков в 1792—1794 гг.

Несмотря на полный разгром восстания и жестокую расправу с его участниками, восставшие не потеряли уверенности в своих силах и не прекратили борьбы.

Уже через 3 года после подавления волнений в ряде станиц при избрании новых атаманов снова вспыхнули волнения. В Зотовской станице войсковые чиновники и старшины пытались сделать атаманом есаула Архипа Павлова. Но казаки, по словам старшин, «всему тому с неограниченной дерзостию и наглостию противились выговаривая и устраивая при том одним словом, что им из старшин и стариков атамана не надобно». Тогда старшины и старики предложили избрать казака, видимо, им угодного, Алима Жукова, но казаки и этого не допустили.[2]

Приехавший в начале января 1798 г. в Скуришенскую станицу старшина Мержанов доносил Войсковому правительству, что «нашел оную в неустройстве в выборе вновь атамана и, находя при том, что из общества сей станицы некоторая часть людей, не заслуживающих уважения и бывших при миновавшем возмущении первенствующими и понесших наказание, избрала атамана из таковых же, себе подобных».[3]

Выборы новых атаманов послужили в это время поводом для волнений и в других станицах.[4]

А еще через 2 года на Дону был арестован и казнен полковник Евграф Грузинов. Он не был защитником интересов казачьих низов. Но, стараясь завоевать доверие казачества, он объявлял себя таким же борцом за его интересы, как Емельян Пугачев, Фока Сухоруков и Иван Рубцов.[5]

Подведем итоги. 1. Глухое брожение, не прекращавшееся на Дону, несмотря на жестокий террор, после разгрома крестьянской войны 1773—1774 гг., в начале 90-х годов XVIII в. вылилось в крупное народное волнение, продолжавшееся свыше 2 лет и охватившее почти половину казачьих станиц.

Главной причиной его явилась угроза обращения казаков «в регулярство», выразившаяся в попытке насильно переселить на Кубанскую линию казаков 6 полков с их семьями.

2. Начавшись весной 1792 г. в донских полках, стоявших на Кубани,

[1] «Акты о поселении на Дону семейных казаков». ТОВДСК, вып. I, отд. 2, стр. 49—51; Е. Д. Фелицын. Указ. соч., стр. 58—59.

[2] «К истории атаманства В. П. Орлова». В сб. «Материалы к истории Дона, собранные И. П. Поповым», стр. 19.

[3] Там же, стр. 22.

[4] Там же, стр. 17—23.

[5] Дело полковника Е. Грузинова подробно исследовано в ряде работ советских авторов. См. В. З. Джинчарадзе. Военно-судное дело гвардии полковника Евграфа Осиповича Грузинова (1800 г.). Уч. зап. Новгородского пединститута, т. 1. Историко-филологич. ф-т, вып. 1. Новгород, 1956; О. Ш. Гвинчидзе. Из истории общественного движения в России конца XVIII в (Евграф и Петр Грузиновы). Тбилиси, 1957 (на грузинском языке).

движение перекинулось на Дон и в короткий срок охватило значительное число казачьих станиц. Кульминационным пунктом борьбы на этом этапе являлись действия вооруженного отряда Сухорукова. Жестоко расправившись с наиболее активными участниками волнений, выдав войску «Жалованную грамоту» и пообещав добиться отмены наряда на поселение, правительство и войсковые власти к августу 1793 г. сумели успокоить казаков.

3. Вскоре правительство вновь попыталось заставить казаков выполнить наряд на поселение, а старшины и богатые казаки постарались отправить на Кубань беднейшую и наиболее неспокойную часть казачества. Это вызвало новые волнения не только против произвола со стороны правительственных чиновников, но также против старшин и войсковых властей. В конце 1793 — начале 1794 г. волнения приняли массовый характер, охватив 50 донских станиц. С большим трудом, опираясь на «благонамеренных», к середине января 1794 г. войсковые власти смогли привести к повиновению большую часть казачьих станиц.

4. Но в 5 станицах Чирского начальства волнения не утихали, а нарастали с каждым днем. В декабре власть в них фактически перешла в руки восставших. «Сделав общий сговор», станицы начали вооружаться для борьбы за свои права.

Под влиянием этого началось брожение во многих других станицах и участились побеги на Дон казаков, служивших в это время за пределами Дона.

5. Направив против восставших почти 8,5 тысячи солдат регулярной армии и 5 казачьих карательных полков, правительство, опираясь на зажиточную верхушку казачества, принудило эти 5 станиц к капитуляции. Вслед за тем правительство и войсковые власти жестоко расправились с участниками волнений, наказав более 6 тысяч казаков.

Но, несмотря на это, казаки в самом скором времени начали вновь борьбу за свои права, а правительство, напуганное размахом движения, вынуждено было сократить наряд на поселение и подумать о необходимости преобразований в войске Донском.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Расположенная на окраине России, земля Донская значительно дольше, чем многие другие районы нашей страны, сохраняла «следы прежней автономии».

В силу географического положения и исторически сложившихся условий огромная и плодородная земля, непрерывно разоряемая кочевниками и феодалами соседних государств, еще в половине XVII в. представляла собой часть Дикого поля, мало обжитого и в хозяйственном отношении плохо освоенного. Это обстоятельство определило примитивность хозяйственного строя, медленное развитие социальных отношений, сохранение особенностей в управлении и, наконец, своеобразие классовой борьбы, острие которой было направлено против помещиков центральной России (откуда пришли на Дон казаки) и самодержавно-крепостнического государства, а не против казачьей верхушки.

Между тем уже в середине XVII в. народная, помещичья и государственная колонизация южной России подошла вплотную к земле войска Донского. В условиях непрерывно возраставшего в стране крепостнического гнета Дон стал районом массовой, прежде всего крестьянской, колонизации, шедшей главным образом из ближайших к нему районов.

Если в начале XVIII в. численность населения на Дону едва превышала 30 тысяч, то к концу столетия она увеличилась более чем в 10 раз. Вместе с тем менялся и характер производственной деятельности населения. В XVI—XVII вв. основными источниками существования казачества являлись военная добыча, царское жалованье, рыбная ловля, охота и скотоводство. К концу XVII в. Донская земля была покрыта сетью городков, под защитой которых стали развиваться «мирные» промыслы. Уже в 80-х годах XVII в. на Дону начало распространяться земледелие. Постепенно оно превратилось в ведущую отрасль хозяйства, и Дон стал не только удовлетворять потребности в хлебе значительно выросшего по численности населения своего края, но и торговать им. Столь же важной отраслью народного хозяйства на Дону в XVIII в. было животноводство, которое обеспечивало казаков продуктами питания и предметами торговли. Быстро развивались и другие отрасли сельского хозяйства, так что к концу XVIII в. окончательно определилось место Подонья в хозяйственной жизни страны как сельскохозяйственного района, втянутого в орбиту всероссийского рынка.

В соответствии с переменами в экономике страны происходили изменения и в области социальных отношений. В конце XVII в. казачество окончательно превратилось в замкнутое военное служилое сословие, в слой населения, состоявшего из богатых, мелких или средних землевладельцев, положение которых определялось прежде всего тем, что за службу феодальному государству они наделялись землей. Из средневековой формы пользования землей вытекали определенные права и при-

привилегии казачества, а также их обязанности. Однако в течение XVIII в. старшинская верхушка узурпировала все права и привилегии Войска, а всю тяжесть повинностей переложила на плечи рядовой казачьей массы. Это привело уже в середине XVIII столетия к резкому снижению уровня экономического благосостояния казачества и обострению классовой борьбы на Дону.

Но, если рядовая масса (так же как однодворцы и другой мелкий служилый люд России) на протяжении XVIII в. постепенно сливалась с крестьянским сословием, то в результате непрерывно происходившего на Дону процесса социальной дифференциации из среды казачества выделилась особая группа донской старшины, которая в течение века вошла в ряды жалованного дворянства.

С тех пор как на Дону возникли благоприятные условия для развития сельского хозяйства, старшины, используя свое привилегированное положение в Войске и поддержку центрального правительства, начали усиленно захватывать земли и за короткий срок превратили значительную часть станичных и войсковых угодий в свою помещичью собственность. В качестве рабочей силы на первых порах они использовали военнопленных, затем — купленных у русских помещиков крестьян и отходников. Постепенно основной рабочей силой в хозяйствах старшин стали русские и украинские крестьяне, поселившиеся на Дону и не попавшие в ряды казачества. Не имея средств существования, они работали у старшин на кабальных условиях, а после переписи 1763 г. оказались на положении приписных крестьян.

«Жалованной грамотой» 1793 г. правительство закрепило за Войском принадлежавшие ему земли и тем самым предоставило старшинам монопольное право на расхищение их. Указом 1796 г. были окончательно запрещены «своевольные переходы с места на место», и старшины получили еще более широкие возможности для дальнейшего закабаления донских крестьян. По указу 1798 г. чины Войска уравнивались с армейскими; с этого времени донские чиновники-старшины, по существу, вошли в состав жалованного дворянства Российской империи.

Процесс социальной дифференциации на Дону шел и в другом направлении. С тех пор как казачество начало превращаться в замкнутое сословие, на Дону стали образовываться различные группы неказачьего населения. На первых порах наиболее многочисленной из них были бурлаки. Не имея средств к существованию, они вынуждены были работать в хозяйствах старшин и богатых казаков по найму на кабальных условиях. Большинство из них на протяжении многих лет не могло выйти из своего состояния («зажилые бурлаки»). В несколько лучшем положении находились те из «зажилых», кто получал от станицы землю и обзаводился хозяйством («оземейные»). Часть из них со временем даже зачислялась в казаки. Но до этого они обязаны были выполнять станичные и войсковые повинности, платить подушную подать (с 1763 г.) и, как неказачье население, находились под непрерывной угрозой приписки к старшинам, а затем и полного закрепощения.

Основной группой неказачьего населения являлись крестьяне. Не имея средств производства и права на землю, принадлежавшую Войску, они очень быстро оказались в феодальной зависимости от старшин. Господствовавшей в XVIII в. формой ренты была барщина, которая в условиях вовлечения Донской земли в орбиту всероссийского рынка росла очень быстро. Во второй половине XVIII в. в отдельных хозяйствах в дополнение к барщине крестьяне облагались оброком. Помимо этого, все крестьяне обязаны были нести станичные, войсковые и государственные повинности. Феодально-крепостническая система накладывала на крестьян и правовые ограничения. После переписи 1763—1764 гг. крестьяне, обложенные подушной податью, фактически потеряли право пе-

реходов, а указ от 12 декабря 1796 г. был ещё одним шагом по пути к окончательному закрепощению донских крестьян.

XVIII столетие было периодом значительных перемен в организации власти и управления на Дону. Возникшая здесь еще в середине XVI в. своеобразная военная и общественная организация почти до конца XVII в. сохраняла автономию в области суда, управления и внешних сношений. Но утверждавшийся в России абсолютизм не мог мириться с существованием автономных окраин. Уже в 70-х годах XVII в., после разгрома крестьянской войны под предводительством Степана Разина, казаки были приведены к присяге и потеряли «право убежища» и «право внешних сношений». В 1721 г. Войско было подчинено Военной коллегии, затем была ликвидирована выборность войсковых атаманов и они вместе со старшинами превратились в послушных чиновников правительства. Одновременно войсковой круг утрачивал значение высшего органа власти на Дону, и все управление Войском сосредоточилось в руках войскового атамана и Канцелярии войсковых дел старшин.

Стремясь к дальнейшей бюрократизации и усилению власти на местах, правительство после разгрома крестьянской войны 1773—1775 гг. провело коренные преобразования в управлении Войском. Власть военная была отделена от гражданской, и земля войска Донского превратилась, по существу, в административную единицу Российской империи наподобие губернии или наместничества. Правда, незначительные особенности в управлении Войском сохранялись до конца XVIII в., но правительство принимало меры и к их ликвидации. Несколько медленнее, но неуклонно шел и процесс централизации и бюрократизации местного (окружного и станичного) и церковного управления на Дону.

Усиление феодально-крепостнического гнета, централизация и бюрократизация управления влекли за собой рост классовой борьбы как во всей стране, так и на Дону.

В начале XVIII в., так же как и накануне крестьянской войны под предводительством Степана Разина, здесь снова завязался узел классовых противоречий. Глухое брожение в октябре 1707 г. вылилось в открытое восстание, которое стало быстро распространяться в верховых городках. Старшины, собрав значительные силы, у городка Закотного нанесли восставшим крупное поражение. Но борьба не прекратилась. Предводитель восставших К. Булавин бежал в Запорожье, а в марте 1708 г. со своими приверженцами вошел в пределы Донской земли. Движение приняло особенно большой размах. В апреле 1708 г. восставшие разгромили основные силы старшин и 1 мая заняли Черкасск.

С этого времени зажиточные казаки, напуганные размахом движения и боясь карательной правительственной армии, стали отходить от движения. Это привело к неудачам у Азова и на Северском Донце, к гибели атаманов С. Драного и К. Булавина. Правда, голутвенные казаки и беглые люди под руководством Н. Голого, И. Павлова и других атаманов продолжали упорную борьбу. Но против восставших уже действовала 32-тысячная карательная армия. К концу 1708 г. восстание на Дону было разгромлено и многие повстанцы бежали в центральную Россию, Поволжье и Заволжье, где движение еще продолжалось, но в 1710 г. оно и там было разгромлено.

Разгром Булавинского восстания не привел к ликвидации классовых противоречий на Дону. Наоборот, с развитием крепостнических отношений они только росли, а это способствовало дальнейшему обострению классовой борьбы.

На протяжении всего XVIII в. земля Донская оставалась районом, где угнетенный народ крепостнической России мечтал найти свободу. Со своей стороны, правительство и войсковые власти принимали решительные меры к сыску беглых и возвращению их владельцам. А так как народные массы оказывали этому упорное сопротивление, то Дон был

ареной борьбы русского крестьянства против крепостнического и самодержавного гнета. Нередко борьба принимала очень острые формы. Крестьяне и казаки создавали вооруженные отряды и, укрываясь в лесах, вели партизанскую борьбу против правительственных карательных сил.

Широкого распространения на Дону достигла борьба против официальной церкви под знаком защиты старой веры. И хотя она была по преимуществу пассивной, в отдельные периоды становилась очень острой, а в 60-х годах XVIII в. были случаи открытой вооруженной борьбы.

Активно боролось рядовое казачество и против захвата его земель старшиной. Казакам было трудно вести борьбу, так как в руках старшин была гражданская и военная власть. Но они упорно отстаивали свои права, а зачастую и переходили в наступление, выкашивая сено на землях, захваченных у них старшинами, отолачивая старшинские луга и покосы, избивая их табунщиков. Это до некоторой степени приносило свои плоды, так как ограничивало аппетиты старшин.

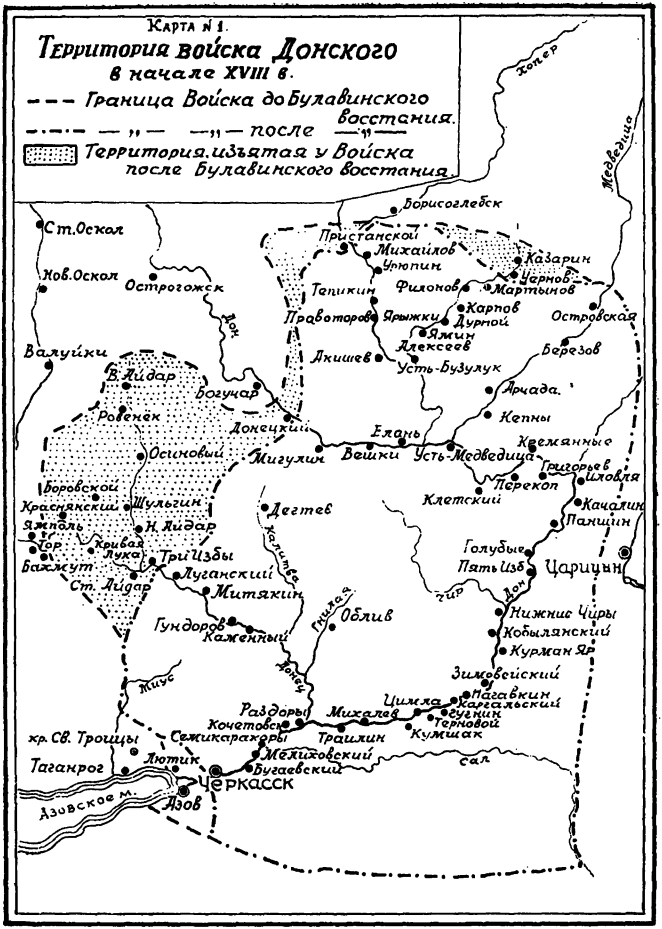
Рост самодержавно-крепостнического гнета в 60-х годах XVIII в., непрерывные мобилизации казачьих команд на русско-турецкую войну и, наконец, нависшая над казачеством реальная угроза обращения «в регулярство» повлекли за собой резкое усиление классовой борьбы.

В 1769—1772 гг. одно за другим вспыхивали волнения в казачьих частях, формировавшихся для отправки во II армию. В 1772 г., почти одновременно с известными событиями в Яицком войске, на Дону происходило движение против обращения казаков в «регулярство» (которое старшины во главе с Ефремовым пытались использовать в сепаратистских целях), а также волнения верховых станиц в связи с появлением самозванца Богомолова.

Донское казачество с сочувствием встретило крестьянскую войну 1773—1775 гг. и, несмотря на крайне сложную обстановку, приняло в ней участие. Хотя старшинам удалось создать карательные отряды и направить их против восставших, казаки при соприкосновении с армией Е. Пугачева большими группами переходили на сторону восставших, а целый ряд крупных сражений (под Саратовом, на Пролейке, на Мечетной) окончился победой повстанцев в значительной степени благодаря переходу на их сторону донских казаков.

Особенно крупный размах приобрели волнения донских казаков в 1792—1794 гг. Движение началось среди казаков тех полков, которые правительство Екатерины II пыталось переселить вместе с семьями на Кубанскую линию. Вскоре оно охватило почти половину станиц войска Донского. Направленное вначале против насильственного переселения казаков, оно переросло в крупное антифеодальное движение. Представители казачьих верхов называли восставших «бунтовщиками» вроде Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева. О размахе волнений можно судить по тому, что на подавление их под командованием генерала Щербатова было направлено почти 8,5 тысячи солдат, а после разгрома и проведения следствия было наказано свыше 5 тысяч казаков.

Таким образом, XVIII век характеризуется не только быстрым заселением и хозяйственным освоением Донской земли, но также крупными социальными сдвигами и резким обострением классовых противоречий и классовой борьбы на Дону.


Карта № 1.
Территория Войска Донского
в начале XVIII в.
Граница Войска до Булавинского восстания.
— „ — после —
Территория, изъятая у Войска после Булавинского восстания.
Хопер
Медведица
Борисоглебск
Ст. Оскол
Хов. Оскол
Острогожск
Дон
Пристанской
Михайлов
Чюпин
Казарин
Чернов
Мартынов
Тепикин
Филонов
Карпов
Ярыжки
Дурной
Островская
Правоторов
Ямин
Алексеев
Березов
Валуйки
Лкишев
Усть-Бузулук
В. Лидар
Богучар
Арчада
Ровенек
Кепны
Донецкий
Елань
Кременные
Осиновый
Мигулин
Вешки
Усть-Медведица
Григорьев
Иловля
Боровской
Перекоп
Клетский
Качалин
Краснянский
Шульгин
Дегтев
Ямполь
Н. Лидар
Паншин
Хор
Голубые
Крывая Лука
Три Избы
Пять Изб
Царицын
Бахмут
Луганский
Ст. Лидар
Митякин
Чир
Нижние Чиры
Гундоров
Каменный
Облив
Кобылянский
Курман Яр
Зимовейский
Жирус
Цимла
Пазавкин
Каргальский
Раздоры
Михалев
Грузнов
Кочетовка
Терновой
Кумшак
кр. Св. Троицы
Семикаракоры
Трапезин
Мелиховский
сал.
Таганрог
Лютик
Бугаевский
Черкасск
Азовское м.
Азов

Карта № 2
ВОЙСКО ДОНСКОЕ
в конце XVIII в.
Шлях с Волги на Запорожье
Ростовский, Таганрогский и Павловский тракты
Жилинская
Кагальницкая
Добренская
Урюпинская
Аксайская
Багаевская
Гапкинская
Филоновская
Березовская
Ольгинская
Ямщинская
Черновская
Крымская
Хомутовская
Бурсацкая
Кумылженская
Тишанская
Кагальницкая
Мартовская
Ассиевская
Алексеевская
Усть-Бузулукская
Заполянская
Березовская
Раздорская
Малодельская
Етеревская
Орловская
Кумшацкая
Усть-Медведицкая
Арчадинская
Казанская
Мигулинская
Вешенская
Еланская
Букановская
Островская
Усть-Хоперская
Распопинская
Клетская
Краснянская
Ново-Григорьевская
Старо-Григорьевская
Сиротинская
Качалинская
Трехостровянская
Голубинская
Патлиевянская
Митякинская
Гундоровская
Калитвенская
Каменская
Усть-Белокалитвенская
Екатерининская
Усть-Быстрянская
Филипповская
Цымлянская
Гниловская
Кутейниковская
Романовская
Верхне-Кагальницкая
Семикаракорская
Багаевская
Манычская
Усть-Манычская
ЧЕРКАСК
ст. Н. Попякова
ст. Турковалова
ст. Шиловского
ст. Сорокина
ст. Ст. Манычская
ст. Ст. Ерёмина
Соединение канала Шарапова
Чир
Кундрючья
Сев. Донец
Сал
Маныч
Калмыцкие кочевья
В. Чирская
Н. Чирская
Кобылянская
Есауловская
Потемкинская
Верх. Курмоярская
Нагавская
Гнилушкина
Ольгинская
Кумшацкая
Романовская
Верхне-Кагальницкая
Ст. Дж. Мартынова
Условные обозначения
– Станицы, принявшие войсковые грамоты о переселении на Кубань.
– — — — — не принявшие грамоты.
– — — — — наиболее активно участвовавшие в восстании 1792–1794 гг.
– Основной район восстания 1792–1794 гг.
– Район „верных" Войску станиц.
Направление движения регулярных войск.
граница Войска.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АГС — Архив Государственного Совета
АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
Акты Лишина — Акты, относящиеся к истории войска Донского
ВУА — Военно-ученый архив
ГАРО — Государственный архив Ростовской области
ДАИ — Дополнения к Актам историческим
ДВ — Донской вестник
ДВВ — Донские войсковые ведомости
ДД — Донские дела
ДК — Донские книги
ДОВ — Донские областные ведомости
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЛЮГА — Луганский областной государственный архив
ОВД — Область войска Донского
ПиБ — Письма и бумаги Петра Великого
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи (первое)
РИБ — Русская историческая библиотека
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
САДОИКВ — Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска
СОВДСК — Сборник областного войска Донского Статистического комитета
ТОВДСК — Труды областного войска Донского Статистического комитета
Чт. (Вр.) МОИДР — Чтения (Временник) в обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
д. — дело
л. — лист
оп. — опись
р. — разряд
св. — связка
ф. — фонд

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Маркс К. — 3, 14, 105, 107, 109, 110, 111, 143, 149, 213, 214, 278
Энгельс Ф. — 15, 149, 213, 278
Ленин В. И. — 3, 4, 5, 7, 12, 15, 39, 112, 116, 143, 144, 206, 211, 213, 268, 269, 282
Абрамов Алексей, есаул — 163
Абрамов Михаил, есаул — 137
Абросимов Тимофей, старшина — 171
Аванесов Р. И. — 190
Авдеев, есаул — 163
Агрипина, дворовая крестьянка — 272
Адриан, патриарх — 251
Ажинов, писарь — 331
Алабардеев, генерал — 117
Албаков Иван, казак — 99
Алейников А., хоперский казак, депутат Уложенной Комиссии — 276
Александр I, император — 73, 165
Александров Алексей, казачий сын — 98
Алексеев Иоанн, священник Рыковской станицы — 158
Алексеев Осип, бурлак — 186
Алексей, приписной крестьянин — 272
Алексей Михайлович, царь — 111, 184, 215
Алефиренко П. К. — 4, 268, 274, 275, 292, 293
Аликов, казак — 90
Алинтьев Аксен, богатый казак — 271
Андреев, «полковник» армии Е. И. Пугачева — 319
Андреев Василий, протопоп Ростовской крепости — 284
Андрианов Иван, полковник — 157, 159
Андрущенко А. И. — 16, 296
Анкудинова Л. Е. — 278
Антонов Борис, казак — 100
Антонов Никита, приписной крестьянин — 100
Апанович Е. М. — 16, 37, 40, 53
Апраксин Ф. М., граф, адмирал — 49, 222
Арженовский Петр, казак — 63
Артамонова Пелагея, казачка — 211
Астахов Н. Л., старшина — 169, 175
Афанасий, пономарь — 159
Аханов, станичный атаман — 331
Аханов Федор, богатый казак — 141
Аюка, калмыцкий хан — 41, 42, 78, 262
Бабский, полковник — 136
Багалей Д. И. — 6, 39, 40
Багратион, князь, генерал-майор — 308
Байгаринская, вдова старшины — 159
Байков Яким, приписной крестьянин — 191
Бакар, грузинский царевич — 128
Бакунин Иван, дворянин — 221
Бакчевник Кондрат, оземейный — 191
Барабанщиков, полковник — 311
Барбоянов Семен, казак — 100
Бахметьев С. П., стольник — 262
Бахты Герай, крымский хан — 43
Бекетов Н. А., генерал-поручик, астраханский губернатор — 306, 314
Белинский В. Г. — 14
Белов, полковой есаул — 272
Белогородцев, полковник — 136
Белогорохов Никита, казак, один из предводителей восстания 1792—1794 гг. — 326—330, 340
Белосельский Никифор, князь — 108
Белчиков Трофим, казак — 243
Беляев И. Д. — 274
Бердяев, генерал — 34
Береженко Данила, приписной крестьянин — 154
Беспалый Сергей, один из предводителей Булавинского восстания — 262, 264
Бехтеев Е., елецкий помещик — 45
Бибикова К. М. — 29, 30, 71, 110, 225
Бильс, полковник — 265
Бирюков, казак — 136
Бирюков Федор, походный есаул — 290
Бихалов Иван, походный атаман — 90
Блажнин Данила, крестьянин — 272
Бнас Яков, подполковник — 28
Бобриков, старшина — 223
Бобылкин, генерал-аудитор — 118
Богданов, дьяк — 219
Богомолов Федот, крестьянин — 295, 303—307, 321, 355
Богословский М. М. — 102, 258
Болдырев Афанасий, старшина — 159
Болдырев Василий, казак — 98, 142
Болдырев Иван, казак — 138
Болотников И. И., предводитель крестьянского восстания начала XVII в. — 16
Болтин И. Н. — 86
Болховитинов Е. — 222
Бондарев Иван, казак — 243
Борис Годунов, царь — 221
Борисов, инженер-подпоручик — 32
Борисов Алексей, походный есаул — 162, 165
Бошняк И. К., полковник, саратовский комендант — 313
Бреньи (-де), генерал — 25
Бриик, бригадир — 308, 310, 311
Броневский В. Л. — 8, 11, 92, 122, 223, 226, 232, 233, 247

Буданов И. П. — 17
Буденнов Степан, казак — 141
Бузин Иван, премьер-майор — 158, 290
Булавин К. А., предводитель народного восстания 1708—1710 гг. — 10, 20, 110, 125, 134, 146, 148, 226, 230, 232, 256—263, 266, 267, 283, 354, 355
Бурбоянов Егор, казак — 138
Буткевич, полковник — 346
Бутков П. — 25, 32, 323
Бутримович П., капитан — 315, 316
Быкадоров В. — 13
Быкадоров И. Ф. — 17
Быкадоров Андрей, есаул — 136, 210
Быков Алексей, царицынский воевода — 222
Былов М. — 277, 285, 286
Варков Федор, казак — 347
Василий, поп — 283
Васильев, полковник Азовского казачьего полка — 223
Васильев, бригадир — 292
Васильев Иван, богатый казак, позже старшина — 67, 135, 154, 174
Васильев Григорий, дьякон — 159
Васильев Михаил, казак — 289
Васильев Наум, войсковой атаман — 146
Васильев Семен, бурлак — 192, 229
Васильев Тимофей, сотник — 314
Васильева Дарья, приписная крестьянка — 209
Васильева Пелагея, казачка — 158
Вейнберг Л. Б. — 98, 284
Веремеченко Андрей, бурлак — 120
Верещенко Федор, бурлак — 120, 169
Ветчинкин В. Н. — 11, 34, 57, 149, 151, 156, 161, 163, 164, 167, 225, 257
Витевский В. Н. — 284
Владимир Дмитриевич, казачий атаман—45
Власов Петр, казак — 159
Волан (-де), инженер-генерал — 224
Волгин Василий — 105
Волгин Иван, сотник — 69
Волк С. С. — 10
Волошенинов Афанасий, старшина — 234
Волошинов Григорий, казак — 99
Волошинова Анна, вдова есаула — 154, 156
Волутский Яков, казак — 195
Воронцов, граф — 304
Воронцов, граф, сенатор — 144
Воронцов С. Р., граф, посол в Англии — 344
Вуколов, полковник — 310, 316, 320, 321
Вырубов, бригадир, комендант Аннинской крепости — 27, 28
Гаврилл, священник — 305
Гаврилов Прокоп, наемный работник — 120
Гаврилов Яков, казак — 218
Гайсинович А. И. — 295
Гапонов Тимофей, богатый казак — 271
Гарбузлаев, старшина — 158
Гвинчидзе О. Ш. — 350
Гераклитов А. А. — 222
Герасим, зажиточный казак — 186
Герасименко Павел, приписной крестьянин — 194
Герман, подполковник — 34
Гессен Ю. В. — 268
Гильденштедт И. А. — см. J. A. Güldenstädt
Гипель Вильгельм — см. Hypel Wilgelm
Глаголев В. П. — 110
Глазин, казак — 305
Глазков Петр, казак — 234
Глебов, царицынский воевода — 80
Гмелин С. Г. — 21, 84, 91, 93, 101, 113, 128, 197, 303, 304
Гнутов Михаил, старшина — 233
Голиков И. И. — 261
Голикова Н. Б. — 231
Голицын, князь — 181
Голицын Д. М., князь, киевский воевода — 50, 123, 220
Голицын П. М., командующий отдельной карательной армией в 1773—1774 гг. — 308, 211
Голобуцкий В. А. — 5, 7, 8, 16, 17, 27, 90, 111, 120, 135, 169, 240, 260, 262, 266, 269, 271, 273, 274, 296
Голов Алексей, старшина — 162, 187, 331
Голованов Аксен, казак — 136
Головинский П. — 41
Голубенко, крепостной крестьянин — 271
Голубинский, казак — 158
Голубинцев Петр, есаул — 136, 272
Голый Никита, один из предводителей восстания 1708—1710 гг. — 31, 262, 264—267, 283, 354
Гомонов Григорий, казак — 136
Горбиков Иван, старшина — 34, 236
Гордеев, полковник — 69, 157
Гордеев Иван, казак — 100
Гордиенко Г., запорожский кошевой атаман — 259
Горич, генерал-майор — 335
Горский Василий, сотник— 315, 317
Горчаков, князь, генерал —144, 165, 166
Горчаков, дьяк — 257
Готье Ю. В. — 273
Гревцов, старшина — 333, 334
Греков А. М. — 11, 13, 126, 152
Греков Б. Д. — 113
Греков Дмитрий, старшина —141, 142, 176
Греков Макар, походный атаман — 298, 310, 312
Греков Михаил, старшина — 157, 243, 311— 313
Греков Петр, старшина — 155, 347
Греков Степан, старшина — 86, 174
Грекова Домна, казачка — 105
Гречка Павел, приписной крестьянин — 197
Григорьев, священник — 305
Григорьев Андрей, казак — 234
Григорьев В. А. — 239
Григорьев Макар, приписной крестьянин — 197
Григорьев Федор, майор — 33
Григорьенков Степан, приписной крестьянин — 210
Гришка, бурлак — 186
Грот Я. К. — 313
Грузинов Евграф, гвардии полковник — 175, 181, 350
Грузинов Петр, казак — 350
Грузинов Петр, старшина — 141
Губарев Г. В. — 17
Губаренков Дмитрий, приписной крестьянин — 207
Губин, приписной крестьянин — 189
Гудович И. В., генерал-аншеф, главнокомандующий войсками на Кубани и Кавказе — 325, 338, 341, 343, 345, 347
Гуляев, казак — 62
Гуляев Максим, старшина, крупный откупщик — 160, 196
Гуляев Тарас, старшина — 188
Гуржий И. А. — 16
Гуров В. В. — 29, 257

Гутков Ефим, казак — 345
Давыдов, секунд-майор — 349
Данилов А. И. —146
Двубратов, крестьянин — 292
Деденко Петр, казак — 136
Дежедерас, комендант Таганрогской крепости — 205, 206
Дежуров, казак — 157
Делдин (фон-), полковник — 265
Денисов А. К., войсковой атаман — 123, 168, 175, 178, 181
Денисов Варлаам, старшина — 89, 291, 335, 339
Денисов Илья, полковник — 68, 158, 162, 164, 178, 291, 311, 347
Денисов К., старшина — 236
Денисов Семен, казак — 100
Денисов Степан, старшина — 159
Денисов Тимофей, подполковник — 132
Денисов Федор, граф, генерал-лейтенант — 181
Державин Г. Р., поэт — 312
Джинчарадзе В. З. — 181, 350
Дий, монах азовского Предтечева монастыря — 258
Дмитренко И. И. — 86, 231, 325
Дмитриев Владимир, атаман легкой станицы — 170
Дмитриев-Мамонтов, царицынский воевода — 281
Дмитриев Осип, старшина — 233
Добролюбов Н. А. — 14
Долгов, капитан — 341
Долгов Василий, наемный работник — 119—120
Долгорукий В., князь, один из усмирителей народного восстания 1773—1775 гг. — 317
Долгорукий В. В., князь, майор — 30, 31, 58, 225, 226, 261—266
Долгорукий В. М., князь, главнокомандующий II Армией — 309
Долгорукий Ю. А., князь — 122, 261, 262
Долгорукий Ю. В., князь, полковник — 29, 46, 225, 258, 259, 261, 262
Долотин Спиридон — см. Иванов Спиридон
Дорофеева Евдокия, дворовая крестьянка — 272
Драный Семен, один из предводителей народного восстания 1708—1710 гг. — 262, 263, 265, 267, 354
Дружинин В. Г. — 23, 48, 55, 70, 81, 148, 167, 168, 170, 183, 186, 214, 218, 219, 277—282
Дружинин Н. М. — 4, 6, 202
Дружинина Е. И. — 7, 16, 25, 47, 169, 193, 206
Друцкий Иван Васильевич, князь — 108
Дубовский, полковой есаул — 341, 343
Дубровин Н. Ф. — 292, 299, 304—306, 311, 312, 319
Дубровский А. И. (он же Трофимов И. С.), сподвижник Е. И. Пугачева — 318
Думин Алексей, казак — 100
Дундуков А., калмыцкий князь — 313
Дурнев Семен, казак — 333
Дядиченко В. А. — 16, 122, 127
Дячкин, старшина — 210, 290
Евсеев, есаул — 307
Егоров Артамон, казак — 159
Егоров Борис, оземенный — 191
Ежов Мирон, старшина — 157
Екатерина II, императрица — 19, 33, 34, 68, 112, 121, 125, 173, 229, 231, 235, 239, 241, 244, 273, 274, 284, 285, 302, 303, 309, 325—327, 329, 340, 348, 355
Елагин С. И. — 49, 130, 258
Елизавета, императрица — 32, 173, 273
Елисеев Данила, казак — 326
Елистратова Федора, казачка — 234
Емельянов, атаман Глазуновской станицы — 128
Емельянов Петр, войсковой атаман — 160, 170, 279
Емельянов Роман, старшина — 233
Елифанов Федор, богатый казак — 69, 100
Еремеев Алексей, атаман легкой станицы — 70, 305
Ермак Тимофеевич, казачий атаман — 10
Есипов Г. В. — 284, 293
Ефимов Андрей, богатый казак — 100
Ефимьев, поручик — 34
Ефремов Данила, войсковой атаман—51, 64, 86, 122, 161, 173, 176—179, 223, 227, 233—236, 252, 273, 279, 284
Ефремов Петр, казак — 61
Ефремов Степан, войсковой атаман — 28, 88, 89, 100, 113, 142, 143, 154, 162, 164, 165, 168, 170, 174, 176—178, 188, 196, 227, 229, 233—238, 240, 245, 252, 295, 297—303, 355
Ефремова Меланья Карповна, жена войскового атамана — 88, 113, 174, 207
Ештокин Яков, казак, откупщик — 90
Жариков Иван, казак — 229
Жеребцов Данила, приписной крестьянин — 189
Жимурин, старшина — 136
Жиров М. С. — 170, 181
Жмурин Матвей, владелец рыбного завода — 91
Жуков Алим, казак — 350
Журавлев Иван, атаман «разбойного» отряда — 276
Забратчиков Матвей, приписной крестьянин — 210
Забратчиков Тихон, приписной крестьянин — 210
Завадовский П. В., граф — 344
Загоровский В. П. — 76, 79
Заичкин, казак — 159
Закеев Ф., крестьянин — 45
Запорожец Корней, приписной крестьянин — 208
Захаров Иван, приписной крестьянин — 191
Захарьянц Г. Н. — 24, 26, 103
Здоровцев Филипп, крестьянин — 195
Зеленин Д. К. — 83, 84
Зерщиков И. Г., наказной войсковой атаман — 46, 226, 230, 259, 261, 263, 266, 279
Золотарев Парамон, дворянин — 218
Зотов Дмитрий, казак — 137
Зябловский Е. — 73
Иванов, один из «полковников» армии Е. И. Пугачева — 312, 320
Иванов Дмитрий, приписной крестьянин — 135
Иванов Емельян, есаул — 281
Иванов Кузьма, «зажилой» бурлак — 189
Иванов Спиридон, казак — 304, 305
Иванов Степан, крепостной крестьянин—272
Иванова Авдотья, крепостная крестьянка — 83, 208, 210
Ивлев Никита, казак — 100
Игнатий, игумен Мигулинского монастыря — 252
Игнатович И. И. — 16, 144, 181, 206, 251, 291

Извалов, старшина — 148
Иловайский А. И., войсковой атаман — 20, 44, 67, 123, 125, 164, 173, 174, 193, 197, 203, 208, 231, 241, 244, 245, 248, 253, 287, 288, 325—327, 330, 332, 337—341, 343, 347
Иловайский Алексей, полковник — 100, 310
Иловайский Василий, войсковой судья—157, 173, 174, 207, 301
Иловайский Д. М. — 12
Иловайский Дмитрий, старшина — 86, 236, 340
Иловайский Иван, наказной атаман — 178, 253
Иловайский Павел, генерал-майор — 173
Иноземцев Г. А. — 24, 26, 103
Иоаникий, воронежский епископ — 252
Исаев, генерал-майор — 174
Исаев, премьер-майор — 66, 173, 174, 180
Исленев И. — 21
Июдин Федор, казак — 233
Кадсон И. З. — 287
Казин Федот — см. Богомолов Федот
Казинкин Карп, зажиточный казак — 263
Казинкин Никон, казак — 187
Казинцев Иван, казак — 61
Казинцев Пимен, казак — 61
Калин Андрей, казак — 99
Калинникова, казачка — 140
Капацинов С. Г., есаул — 327
Карагичев Максим, казак — 63
Карамзин Н. М. — 8, 9, 177
Карамышев Иван, боярин, русский посол— 107, 218, 219
Карасев, подполковник — 175
Карасев А. А. — 9—13, 208, 211, 299
Караулов Андрей, полковой есаул—155, 210
Карпов Борис, приписной крестьянин — 159
Карпова Наталья, приписная крестьянка — 159
Каршин Алексей, старшина — 118, 154
Каршин Андрей, старшина — 141
Каршин Василий, полковой есаул — 105
Каршин Григорий, войсковой дьяк — 188
Каршин Иван, старшина — 142
Каршина, вдова старшины — 105
Кательников Е. — 22, 43, 67, 82, 120, 133, 150, 159, 169, 232, 248
Кастрилов, капрал — 128
Кафенгауз Б. Б. — 4, 10, 94, 96, 98, 104
Кириков С. В. — 93
Кириллов А. — 8, 10, 214, 278, 329
Кириллов И.— 71
Кирпичев, есаул — 159
Кирпичев Ефрем, полковой сотник — 158
Кирсанов Павел, старшина — 162, 298, 310
Кирсанов Сидор, наказной атаман — 229, 299, 302
Киселев Михаил, войсковой есаул — 159
Киселев П. Д., министр государственных имуществ — 202
Клепаев Василий, казачий сын — 141
Климов Борис, казак — 328
Клисов, крепостной крестьянин — 169
Клюков Лазарь, казак — 243
Ключевский В. О. — 6
Кнорринг, генерал — 173
Коблов Григорий, старшина — 170
Кобяков С. Г. — 8, 23, 55
Ковалев Прокофий, приписной крестьянин— 205
Ковалев Степан, приказчик — 158
Коваленский, помещик — 118
Козлова, жена есаула — 154
Козловский И. П. — 18, 295, 306, 307
Козловцев Ефим, казак — 137
Колганов М. В. — 158
Колесников Алексей, казак — 86, 91
Колобов, помещик — 46
Кологривов, саратовский воевода — 281
Кологривов М. Н., стольник — 49, 70, 195, 225, 256, 257
Коломойцев Федор, казак — 159
Колпаков Карп, войсковой дьяк — 155, 233—235, 243
Колпаков Петр, старшина — 154, 155
Колпакова Ирина, жена старшины — 175
Колычев, дворянин — 134
Колычев М., донской казак — 265, 266
Кондратов Евдоким, казак — 137
Кондратьев Сидор, крепостной крестьянин — 170, 185
Кондырев Ждан, дворянин — 217
Коновалов Сергей, казак — 158
Кононов Федот, казак — 305
Константинов, приписной крестьянин — 207
Копылков Алексей, казак — 328
Корнилович А. — 10, 93
Коротков Архип, казак — 334
Коршунов Григорий, приписной крестьянин — 209
Косагов Григорий, стольник — 218, 219
Косой Кузьма, раскольник — 80, 81, 280
Костомаров Н. И. — 40, 218, 219
Коструба Абрам, приписной крестьянин — 196
Костюшко Тадеуш, польский патриот — 125
Котельников, писарь — 341, 344
Котломин, войсковой толмач — 271
Котошихин Г. К., подьячий Посольского приказа — 70, 111, 184, 215, 255
Кочет Савва, атаман легкой станицы — 116
Кошенсков Трофим, богатый казак — 163, 289
Кошкин, полковник — 324, 326
Краморов Иван, казак — 140
Крапивин Е., хорунжий — 314
Красник Парфен, оземейный — 191
Краснов, старшина — 88
Краснов И. И. — 11, 13
Краснов П. Н. — 13
Краностанов, секунд-майор — 161, 335
Краснощеков Алексей, полковник — 311
Краснощеков Андрей, полковник — 88, 178, 179, 235
Краснощеков Данила, полковник — 89, 179
Краснощеков Иван, бригадир — 66, 122, 178, 227, 235
Краснощеков Федор, генерал-майор — 124, 135, 136, 164, 174, 178, 179, 223, 235, 236
Краснощекова Мавра, полковница — 196, 205, 271
Крейс К. — 55, 83, 85, 92
Кремнев, самозванец — 306
Кречетников П., астраханский губернатор — 313, 315
Кривцов, полковник — 349
Кротов, помещик — 225
Крылов, казак — 159
Крылов, подьячий — 259
Крюков, казак — 62
Крюков И. — 48
Кузнец Василий, оземейный — 190

Кузнецов В. И. — 16
Кузнецов Иван, казак, откупщик — 90
Кукля Иван, терский атаман — 282
Кулонг (де), генерал — 25
Кульбаков Петр, премьер-майор — 157, 243, 312, 316, 320, 321, 333, 334
Кумшацкий Иван, подполковник — 154, 165, 205
Кумшацкий Илья, старшина — 332
Кумшацкий Максим, войсковой атаман — 170, 226
Куприянов, крепостной крестьянин — 189
Куприянов (Орленок), старшина — 171
Курин Михаил, полковой есаул — 157
Курнаков Семен, генерал-майор — 159, 160, 162, 174
Кутейников Афанасий, старшина — 336
Кутейников Ефим, старшина — 178, 208
Кутейников Ф., старшина — 313—315
Кухтин, участник крестьянской войны 1773—1775 гг. — 317
Кучерова, богатая казачка — 175
Кушева Е. Н. — 101, 113
Лабынин Василий, атаман Трехостровянской станицы — 305, 306
Лаврентьев Самойла, войсковой атаман — 186, 279, 280
Лазарев Андрей, дворянин — 217
Лазарева Авдотья, вдова старшины — 157, 290
Ланц Василий, владелец рыбного «завода» — 91
Ларионов Алексей, старшина — 233
Ларионов С. — 85
Ларионов Самойла, поп-старообрядец — 280
Ларка, посадский человек г. Ельца — 80
Ласковский Ф. — 224
Ласси П. П., граф, фельдмаршал — 123, 178
Лащилин Аксен, старшина — 168
Лащилин Петр, атаман Михайловской ст.— 168
Лащилин Степан, походный есаул—290, 306
Лебедев, крестьянин — 173
Лебедев В. И. — 15, 16, 46, 48, 71, 79, 110, 124, 125, 255, 260, 266
Левашов, генерал, комендант Аннинской крепости — 25, 223
Левицкий Г. — 226
Лезюр М. — *см. Lesur M.*
Леонов А. А. — 112, 185, 190, 191
Леонов Лукьян, казак — 209
Леонов Степан, старшина — 67, 156, 157, 174, 331, 332
Леонтьев Иван, священник — 209
Лепехин И. — 60
Линин А. М. — 11
Линючев Илья, казак — 243
Лишин А. А. — passim.
Лобаниха Авдотья, богатая казачка — 208, 210
Логинов А., купец — 86
Лопатин А. И., войсковой атаман — 176, 227
Лосев, казак — 196
Лосев К. Д., командир одного из отрядов Е. И. Пугачева — 316
Лоскут Иван, один из атаманов во время восстания 1708—1710 гг. — 264
Лотошников Иван, приписной крестьянин— 208
Луковкин, полковник — 324, 326
Луковкин Амвросий, походный атаман — 66, 90, 174, 196, 306, 310, 312, 316, 319, 320, 321, 327
Луковников Никита, казак — 290
Лукьянов Леонтий, старшина—136, 229, 299
Лукьянов П., казак — 282
Лукьянов Панфил, бурлак — 170
Лунин Б. В. — 15, 16, 71, 122, 123, 295, 301, 329
Лысогорский Н. В. — 286—288
Любавский М. К. — 6, 7
Лященко П. И. — 53, 85, 93, 194
Мавродин В. В. — 15
Магжишевский Яков, казак — 162
Макарий, беглый раскольник — 283
Макаров Алексей, *старшина* — 331
Макаров Василий, полковой есаул — 163
Макаров Михаил, казак — 137
Максимов Лукьян, войсковой атаман — 125, 134, 149, 230, 231, 259, 260, 261, 267
Максимов Фаддей, казак — 196
Малмут, турок, зачисленный в казаки — 229
Мандрыкин, богатый казак — 100
Манков Василий, старшина — 86, 90, 174, 236, 340
Манощкий Еремей, полковой сотник — 210
Манощкий Левка, активный раскольник—281
Мануилов Максим, секунд-майор — 177
Манштейн Х. Г. — 111
Маркевич Н — 14
Марков К. В. — 11, 12, 38, 47, 168, 170, 171, 173, 187, 190, 192, 193, 197—199, 205, 250, 270, 291
Маркова Евдокия, вдова старшины — 187
Мартынов, станичный атаман — 211
Мартынов Григорий, старшина — 66, 243
Мартынов Дмитрий, наказной атаман — 67, 88, 99, 126, 141, 174, 200, 243, 341, 343—346
Мартынов Никита, премьер-майор — 210
Мартынов Петр, старшина — 141
Мартынов Степан, казак — 140
Марченков Михаил, казак — 140
Масалитинов Дорофей, воронежский посадский человек — 97
Масалитинов Меркул, купец — 97
Маслаковец Н. А. — 72
Маслов Ефим, хорунжий — 163, 289
Матвеев, приписной крестьянин — 210
Матвеев Кирилл — см. Чурносов
Машлыкин Василий, старшина — 158, 160, 162, 175, 178, 240, 289, 301, 302
Машлыкина Прасковья, вдова старшины— 175
Медведев Петр, казак — 187
Медер, генерал-квартирмейстер — 33, 34
Мелентьев, войсковой дьяк — 327
Мелентьев Федор, майор — 174
Мелентьев Яков, казак — 158
Мелехов Кондрат, майор — 159, 174
Мельник Иван, приписной крестьянин—195
Мельников Федос, казак — 62
Меншиков А. Д., князь, генерал-фельдмаршал — 225, 263
Мержанов, старшина — 350
Меркулов Андрей, старшина — 69
Мешков, старшина — 126
Миллер Иван, старшина — 332, 333
Милюков П. Н. — 6
Минаев Фрол, войсковой атаман—55, 70, 80, 81, 110, 146—148, 185, 226, 280, 281, 294
Минаев Фрол, казак — 142
Миних Б. Х., генерал-фельдмаршал — 178

Миренин Иван, казак — 275
Михайлов, казак, участник восстания 1773—1775 гг. — 316
Михайлов Мирон, казак — 118
Михайлов Осип, походный атаман — 281
Михайлов Степан, старшина — 171
Михельсон И. И., полковник — 311, 313, 314
Мичисин Иван, приписной крестьянин — 207
Моисеев Степан, казак — 326
Мордовцев Д. Л. — 137, 304, 312, 320, 324
Моторыгин Кузьма, атаман Михайловской станицы — 334
Моргунов Иван, казак — 105
Морковкин Илья, казак — 117
Морозов Минай, казак — 126
Муратов Х. И. — 318
Мякотин В. А. — 52
Назаров Лукьян, наемный работник — 120
Назименко Кирилл, приписной крестьянин — 208
Найденко Яков, крестьянин — 195
Наумов Родион, сотник — 177
Нацупин Иван, приписной крестьянин — 211
Нащекин Григорий, русский посол в Турции — 108
Недосекин В. И. — 318, 319
Неклюдов, поручик — 186, 270
Некрасов Игнатий, один из предводителей народного восстания 1708—1710 гг. — 252, 263, 264
Немитнов, капитан — 33
Немухин Селиван, старшина — 233
Никитин, толмач — 280
Никитин Алексей, поп — 171
Никитин Василий, казак — 170, 185
Никитский А. И. — 135
Николаев, старшина — 205
Николаев Корней, сотник — 210
Николаев Петр, богатый казак — 271
Никольский А. И. — 126
Никольский Н. М. — 278
Никонова Марфа, жена старшины — 156
Новосельский А. А. — 16, 36, 39, 41, 96, 97, 102, 108, 119, 166, 168, 215
Ногин И. — 44, 122, 123, 129, 131
Ноздрин Самойла, казак — 162
Номикосов С. Ф. — 149
Овсов (Авсов), казак, предводитель «разбойного» отряда — 275
Овсянников Е. М. — 251, 277, 279, 283—285.
Овчинников Р. В. — 314, 319
Озерин М., походный есаул — 319, 320
Олимпиев Федор, черкасский протопоп — 170, 171, 232, 279, 283.
Омер де Эль — см. *Hommair de Hell.*
Опрев, командир стрелецкого отряда — 281.
Орехов Иван, владелец рыбного «завода» — 92
Орлов В. П., войсковой атаман — 88, 123, 156, 158, 181, 244, 249, 332.
Орлов Кузьма, старшина — 233
Орлов Петр, войсковой есаул — 100
Осипов Сидор, казак — 233
Острянин (Остряница) Яцко, запорожский гетман — 40
Павел I, император — 89, 123, 165, 175, 180, 181, 229, 231, 244, 245, 251, 324
Павлов Александр, казак — 284
Павлов Архип, есаул — 350
Павлов Василий, крепостной крестьянин — 272
Павлов Иван, один из предводителей народного восстания 1708—1710 гг. — 263, 264, 267, 354
Павлов Иван, капитан Измайловского полка — 117
Павлов Остап, приписной крестьянин — 211
Павлюк, кошевой атаман войска Запорожского — 27, 40
Паисий, беглый монах, раскольник — 283
Паисий, раскольничий поп
Паллас П. С. — см. *Pallas P. S.*
Панин П. И., главнокомандующий правительственными войсками во время крестьянской войны 1773—1775 гг. — 19, 303, 308, 309, 311, 313—315, 317, 320
Панкратьев, подполковник — 338, 340, 341
Пантелеев Алексей, подполковник — 209, 334, 335, 336
Паршиков Иван, казак — 289
Паршиков Михаил, казак — 289
Пахомий, воронежский епископ — 251
Певчий Степан, приписной крестьянин — 305, 306
Пеленкин И. А., майор — 118
Персидский Андрей, старшина — 305
Персиянов, есаул — 157
Петр I, император — 29—31, 37, 46, 50, 54, 58, 79, 92, 102, 122—124, 128, 220, 222, 225—228, 257, 258, 261—263, 266, 274, 293
Петр II, император — 37, 70, 293
Петр III, император — 161, 164, 303—305, 307, 311, 312, 316, 324
Петренко Герман, приписной крестьянин — 173
Петренко Михаил, приписной крестьянин — 194
Петров Емельян, казак — 61
Петров Ефрем, старшина — 146, 149
Петров Лукьян, казак — 158
Петров Макар, бурлак — 120
Петров Мирон, бурлак — 192
Петров Родион, старшина — 165
Пивоваров А. Н. — 12
Пиль, таможенный чиновник — 114
Пименов Егор, казак — 120
Писаревский Г. Г. — 6
Платов Иван, старшина — 174, 196, 197, 236, 311
Платов М. И., войсковой атаман — 8, 88, 125, 126, 132, 155, 159, 168, 170, 180, 181, 310, 344, 347
Платонов С. Ф. — 12
Плейер, австрийский посол в России — 258
Плотников Иван, казак — 136
Победоносцев К. — 117
Подливалин Иван, казак — 326, 328, 329
Подуров Тимофей, соратник Е. Пугачева — 318
Подъяпольская Е. П. — 20, 31, 58, 230, 255, 261, 264
Поздеев Алексей, старшина — 334
Поздеев Василий, бригадир — 61, 163, 173, 210, 231, 290, 327
Поздеев Григорий, полковник — 324, 326
Поздеев Иван, старшина — 136, 271
Поздеев Михаил, старшина — 61, 236, 271, 312
Поздеева Ефимья, жена старшины — 208, 210, 271
Поздеева Мария, вдова старшины — 162
Покровский М. Н. — 15
Покшишевский В. В. — 7

Поликарпов Иаков, поп — 283
Полунин Ф. — 21
Поляков Алексей, казак — 158
Поляков Петр, казак — 98, 99
Попов А. Г. — 9, 123, 124
Попов Алексей, казак — 63
Попов Афанасий, есаул — 290
Попов В. С. — 56, 93, 186
Попов Василий, полковник — 179, 286
Попов Дмитрий, казак — 243, 326, 328, 329
Попов Иван, казак — 159
Попов Илья, есаул — 159
Попов И. П. — 10, 249, 250
Попов П. Х. — 13
Попов Степан, владелец рыбного «завода» — 91
Попов Х. И. — 10, 11, 18—20, 43, 173, 218, 232
Поповичи Герасим, запорожский казак — 271
Порталь Р. — см. *Portal R.*
Постникова-Лосева М. М. — 16, 104, 134, 148, 177, 235, 295
Потапов И., генерал-майор, обер-комендант Ростовской крепости — 26, 202, 205, 279, 224, 286, 302, 307
Потапов Н. И. — 15, 122
Потемкин (Таврический) Г. А., князь — 20, 34, 99, 113, 125, 129, 165,180, 193, 208, 240—243, 310, 317
Потресов, полковник — 32
Прасол Семен, оземейный — 191
Прецлав Ланцкорунский, гетман украинский — 27
Прибытков Елфим, дворянин — 218
Прокофьев Иван, полковник — 27
Пронштейн А. П. — 16, 18, 20, 125, 135, 232, 269, 276
Пропадящев Евдоким, казак — 317
Протопопов, старшина — 69, 271
Проциков Федор, полковой есаул — 155, 162
Прыгунов Григорий, казак — 137
Пряшников И. П. — 20, 34, 35, 107, 114, 124, 216, 302
Пугачев Е. И., предводитель крестьянского восстания 1773—1775 гг. — 4, 11, 16, 19, 20, 116, 117, 134, 136, 140, 167, 179, 183, 224, 240, 241, 284, 287, 292, 295, 297, 304, 307—323, 340, 350, 355
Пудавов В. М. — 9
Пустобаев Петр, участник крестьянской войны 1773—1775 гг. — 318
Пустынникова Прасковья, богатая казачка — 100
Пухляков Василий, казак — 347
Пушкин, граф, генерал-поручик — 309
Пушкин А. С. — 4, 9, 11
Пушкин М. Ф., стольник — 49, 70, 225, 256, 257
Рабынин Иван, казак-старообрядец — 280
Радищев А. Н. — 10, 14, 85
Разин С. Т., предводитель крестьянского восстания 1670—1671 гг. — 10, 14—17, 20, 48, 70, 79, 80, 107, 109, 110, 125, 148, 171, 184, 186, 214, 216, 218, 219, 240, 255, 258, 262, 280, 282, 340, 354, 355
Разин Ф. Т., брат С. Т. Разина — 216
Разумовский К. Г., граф, гетман Украины — 52, 53
Рамазанов Петр, войсковой атаман — 226
Растегай, атаман «разбойного» отряда—275
Рашин А. Г. — 73
Ребиндер, полковник — 346
Ребриков Петр, полковник — 125, 179, 311
Решетовский, сотник — 136
Ржевский, поручик — 301, 302
Ригельман А. И. — 8, 20, 21, 33, 40, 42—44, 58, 71, 87, 122, 123, 179, 223, 226, 270, 301
Родионов, генерал-майор — 154
Рознер И. Г. — 11, 16, 296, 300
Романов, помещик — 53
Романовский В. А. — 16
Романо А. Л. — см. *Romano (de) A. L.*
Романус Иоганн, генерал-майор — 37, 164, 165, 238
Ромодановский Г. Г., князь, воевода — 216
Рубинштейн Н. Л. — 4, 96, 142
Рубцов Иван, один из предводителей восстания донских казаков в 1792—1794 гг.— 340, 342, 345, 348, 350
Рыбкин Н. — 273.
Рыкман, подполковник — 262
Рыкдзюнский П. Г. — 4, 113, 277, 284
Рябухин Фрол, казак — 63
Рябчиков Еким — 103
Рядченко Данила — 196
Сабурова Анна, жена прапорщика — 168
Савельев, генерал-майор — 325, 327
Савельев, сын старшины — 305
Савельев А. М. — 12, 108, 167, 179, 223, 245, 247, 266, 270, 302, 323, 344, 348
Савельев Е. П. — 13, 98, 122, 123, 148, 215, 219, 223, 253, 282, 297
Савельев, приписной крестьянин — 192
Савелов Л. М. — 13, 147, 178, 243
Савилов Алексей, бедный казак — 142
Савилов Иван, казак — 91
Савилов Никита, бедный казак — 142
Савилов Никита, сотник, откупщик — 91
Саврасов Петр, писарь — 135
Савыничев, богатый казак — 334
Садчиков Савва, казак — 326, 328, 329
Сазонов Козьма, казак — 126
Салацкий Яким, богатый казак — 135
Салманов А. М., секунд-майор — 318
Салтан, кубанский калга — 236
Салтыков Н. И., президент Военной коллегии — 20, 244, 323, 327, 338, 341—344, 349.
Самаренин Михаил, походный атаман — 110, 148
Самарсков, приписной крестьянин — 99
Самсонов Иван, казак — 113
Сапожников, командир батальона — 313
Сапухин Алексей, поручик — 159
Саранчин Елисей, казак — 347
Сафонова Ульяна, вдова старшины — 162
Сахаров П. П. — 7, 11, 14, 19, 37, 50, 52, 53, 166, 171, 172, 174, 177, 192, 196, 250
Сватиков С. Г. — 17
Сверчков С., частный смотритель — 276
Свечников Антон, казак — 141
Свешников, помещик — 225
Себряков Михаил, бригадир — 142, 161, 164, 173, 174, 179, 198, 211, 272, 289, 312, 320, 335, 338
Себряков Сидор, бригадир — 133, 134, 139, 140, 161, 168, 170, 179, 234, 235, 270, 275, 276, 284
Севостьянов, премьер-майор — 337
Селиванов Семен, казак-некрасовец — 264
Селиверстов Кирилл, откупщик — 90, 175
Семевский В. И. — 125, 273
Семенников Иван, казак — 305, 306

Семенов Иван, старшина — 147, 148
Семернин П. В. — 24, 26, 103
Сенька Буянка, казак — 110, 219
Сенюткин М. — 9, 11, 43, 44, 76, 140, 167, 179, 243, 295, 308, 310—314, 320
Сенявин А. Н., адмирал, командующий Азовской флотилией — 118
Сербинов, есаул — 69
Сергеев, атаман Скуришенской станицы — 335, 336
Сергеев Ефим, казак — 195
Сергеев Кузьма, походный есаул — 162
Сергеев Михаил, участник крестьянской войны 1773—1775 гг. — 317
Сергеев Пахом, атаман зимовой станицы — 56
Сергеев Семен, полковой есаул — 163
Сердюков Михаил, казак — 162
Серединцев, казак — 306
Серинова Мария, вдова старшины — 187
Сивков К. В. — 92, 284, 295, 305, 307, 324
Сиволобов Егор, казак — 341
Сидоров, казак — 342
Симерников Петр, секунд-майор — 69, 158
Сиротин Гаврила, казак — 136
Сироткин Григорий, сотник — 243
Скалин Степан, полковой хорунжий — 291
Скальковский А. А. — 6, 27, 66
Скобелев Иван, казак — 162
Скобелев Николай, казак — 159
Слепов Максим, атаман Пятиизбянской станицы — 306
Слепухин Павел, казак — 291
Слободских Л. Н. — 314, 319
Слюсарев, старшина — 337
Слюсарский А. Г. — 16
Смирнов В. Д. — 41
Смирнов И. И. — 16
Смирнов К., помещик — 46, 119
Смирнов Н. А. — 16, 41—43
Смирнов П. — 277
Снежневский В. И. — 37
Снесарев — 312
Соболев Аверьян, казак — 334
Соколовский П. А. — 6, 14, 55, 149
Соловьев С. М. — 6, 12, 45, 48, 49, 63, 97, 133, 147, 221, 258, 280
Соловьев Яков, казак — 305
Солом Серень, калмыцкий тайша — 41
Соменок Яков, казак — 187
Сомов И. И., бригадир, комендант Аннинской, затем Ростовской крепости — 236
Сомова, харьковская помещица — 169
Сонин М., крестьянин — 45
Спиридонов Аникей, казак — 158
Стародубцев Ларион, беглый солдат—283, 292, 293, 303
Статейкин Иван, станичный атаман — 209
Степанов И. В. — 16, 79, 214, 216, 217
Степанов Кондрат, оземейный — 191
Стефан Баторий, польский король — 27
Стефанов А. Т. — 11
Стехин Афанасий, казак — 205
Стечкин Степан, казак — 90
Стрейс Я. Я. — 111
Стремоухов, подполковник — 299
Строев П. М. — 8, 9
Струков Иван, казак — 243
Стукалов, премьер-майор — 118
Ступишин А., нижегородский губернатор — 318
Суворов, старшина — 211
Суворов А. В., полководец — 32, 69, 76, 123, 273, 324
Сугоняй Василий, старшина — 171
Сулацкий Иван, казак — 272
Сулима Иван, казацкий атаман — 40
Сулин Андрей, старшина — 86
Сулин Андриан, казак — 103
Сулин Дмитрий, есаул — 229
Сулин И. — 6, 27, 60, 66, 117, 118, 138, 154, 155, 158, 159, 162, 174, 176, 181, 201, 223
Сулин Иван, бригадир — 142
Сулин Никифор, старшина — 158, 167
Сулин Семен, войсковой атаман — 44, 99, 229, 234, 236, 240, 310, 312, 317, 321
Сухаревский Иван, богатый казак — 271
Сухов Прохор, сотник — 335
Сухоруков В. Д. — 8—11, 14, 75, 78, 93, 102, 330
Сухоруков Фока, казак, один из предводителей восстания 1792—1794 гг. — 326, 328, 329, 340, 350, 351
Сыскин, казак — 98
Сычев Григорий, полковник — 179, 328
Табунщиков Иван, казак — 142
Табунщиков Яков, премьер-майор — 158, 174
Талдыкин Ларион, казак — 95, 96
Талумасов Клим, казак — 120
Тараканов, генерал-майор — 117, 195, 198, 223, 270
Тарасов, участник крестьянского восстания 1773—1775 гг. — 317
Тарасов Иван, старшина — 165
Тарасов Павел, казак — 127
Тарасов Ф. П., есаул — 175
Татищев В. Н. — 21, 82
Татьяна, крепостная крестьянка — 272
Тевяшов И. И., острогожский полковник — 262, 265
Текелий П., генерал-поручик — 240
Текутьев, капитан — 292
Тельный Василий, казак — 264
Терентьев, хорунжий — 314
Терский Иван, поручик — 305
Тетюшин, инженер-капитан — 118
Тимощенков И. В. — 150—153
Тимофеев Парфен, стрелец — 258
Тимофеев Ф., крестьянин — 46
Тихон Задонский, воронежский епископ — 277, 283—285
Толстов, полковник — 32
Толстой И. А., азовский губернатор — 225, 230, 262, 263
Томсинский С. Г. — 15
Труженик Тимофей, крестьянин — 293
Тулинов М., купец — 98
Тумилевич Ф. В. — 265, 266, 283
Туроверов Тимофей, походный атаман — 124, 233, 272
Тхоржевский С. И. — 15, 70, 76, 79, 169, 189, 214, 220
Уваров Яким, старшина — 210
Уваров Яков, старшина — 232, 310
Украинсков, оземейный — 192
Уланов Василий, участник восстания 1773—1775 гг. — 316
Ульянов, старшина — 155
Урланис Б. Ц. — 72
Ус Иван, запорожский казак — 271
Устинов Максим, командир казачьего отряда — 316
Устинов Тимофей, казак — 90, 168
Ушаков Василий, казак — 207

Ушаков Иван, полковой есаул — 157, 160
Фадеев А. В. — 6, 7, 10, 16, 25, 32, 43, 120, 123
Фатяшкин Федор, казак — 104
Федоров Андрей, казак — 142
Федоров Иван, участник крестьянского восстания 1773—1775 гг. — 318
Федоров Иван, бурлак — 185
Федоров К. — 122
Федоров М., священник — 63
Федоров Тимофей, старшина — 46
Федосеев, старшина — 148
Федотов Максим, старшина — 233
Фелицын Е. Д. — 127, 130, 231, 323, 326—328, 331, 339—345, 347, 348, 350
Филарет, беглый монах, раскольник — 283
Филатов, богатый казак — 100
Филатов Евдоким, станичный атаман — 209
Филатов Леонтий, казак — 137
Филиппов Яким, атаман зимовой станицы — 77, 134
Филонов А. — 123, 177, 297, 301, 302
Финенко Тимофей, запорожский кошевой атаман — 259
Фокин Борис, старшина — 171
Фомин Алексей, богатый казак — 197, 208, 210
Фролов Василий, войсковой атаман — 146—148, 170, 226, 232
Фролов Иван, бригадир — 178, 195
Фролов Иван, полковой есаул — 137, 140, 178
Фролов Максим, войсковой атаман — 122, 146, 226, 231
Фролов Михаил, казак — 91
Фролова Варвара, вдова старшины — 159, 196, 271
Фролова Елена, жена старшины — 290
Хавский П. — 344
Ханженков, старшина — 176
Ханин Максим, донской казак — 324
Харитонов, премьер-майор — 156, 328
Харитонов Андрей, старшина — 157
Харламов В. А. — 251—253, 287
Харузин М. Н. — 151, 152
Хвастов Иван, воевода — 217
Хитрово Иван, воевода — 217
Хитрово Семен, воевода — 217
Хлебников Петр, казак — 99
Хованский П. П., князь — 31, 264
Ходин Гаврила, казак — 292
Хохлач Лукьян, один из предводителей народного восстания 1708—1710 гг. — 262, 263
Хрущев Я., поручик — 316
Цыкунов, приписной крестьянин — 98
Цыплетев, комендант г. Царицына — 313, 314, 315
Цыплятьев Иван, казак — 137
Чаган, калмыцкий тайша — 42, 281
Чаев Н. С. — 15, 16, 29, 30, 48, 49, 71, 110, 225, 230, 255, 278
Чаусов, сотник — 339, 342
Чеботарев Б. В. — 16, 25
Чекменев С. А. — 7
Чекунов Андрей, полковой есаул — 162, 272
Черемисов, казак — 328
Черепнин Л. В. — 110, 185, 186
Черепов, генерал-майор — 299—301
Черников, казак — 317
Чернобровкин, писарь — 334
Чернов А. В. — 124, 231
Чернов Иван, оземейный — 191
Чернозубов, старшина — 305, 306
Черноморов Иван, казак — 289
Чернощеков Н. А. — 152
Черный Евтей — 158
Черный Осип, казак — 223
Черный Семен, казак — 120
Чернышев А. И., генерал-адъютант — 206
Чернышов И., богатый казак — 90
Чернышевский Н. Г. — 14
Чертопрахов Сидор — 141
Чертопрахов Степан, казачий сын — 95, 141
Чечулин Н. Д. — 121
Чирсков Иван, казачий сын — 113
Чугинова, крестьянка — 292
Чуприков Ефим, казак — 336
Чурносов Кирилл Матвеев, казачий атаман — 112, 186, 280
Шабельский, помещик — 118
Шаевский Никита, бурлак — 188
Шамин, атаман Цимлянской станицы — 286
Шамин Трофим, активный раскольник—287
Шапиро А. Л. — 142
Шаров Василий, казак — 275
Шафонский А. — 83, 85
Шебодашев Наум, полковой есаул — 333
Шевич, подполковник — 205
Шелудяков Григорий, приписной крестьянин — 135
Шемардин Степан, казак — 210
Шереметев Б. П., фельдмаршал — 122
Шерстобоев В. Н. — 7
Шетнев Н. Л., воронежский губернатор — 309
Шидловский Ф. В., изюмский полковник — 29, 31, 222, 257, 262, 263, 265
Шишка Иван, казак — 275
Шляпников Николай, беглый солдат — 324
Штекль Г. — см. *Stökl G.*
Штерич, помещик — 118
Штофель (фон-), генерал-лейтенант — 28
Штукарев Трофим, казак — 326, 328, 329
Шувалов А. И., сенатор, генерал-фельдмаршал — 26
Шульга И. Г. — 97
Шульгин М. М. — 32, 47, 50, 194
Шунков В. И. — 7
Щедров, майор — 334—336
Щекатов А. М. — 21, 82, 97
Щелкалов Петр, казак — 159
Щелкунов З. И. — 133, 151, 214
Щелкунов С. З. — 44, 203, 208, 217.
Щепкин Иван, казак — 159
Щербатов Ф. Ф., князь, командир Кубанского корпуса — 337, 338, 341—343, 345—349, 355
Щербатов М. М. — 85, 348
Щербатов Павел, богатый казак — 141
Щербина Ф. А. — 90, 339, 342, 347
Щербинин Е. А., генерал-майор, губернатор Слободской Украины — 311
Юдин, старшина — 299
Юдин Аким, казак — 138
Юдин Осип, казак — 62
Юдин П. Л. — 340, 348
Юдичев Григорий, казак — 328
Юрьев Иван, казак — 141
Яворский Стефан, местоблюститель патриаршего престола — 251
Яковлев, крещеный калмык — 229
Яковлев Артем, бурлак — 187, 188.

Яковлев Корнилий, войсковой атаман — 70, 110, 146, 148, 214, 216, 218
Янов Иван, войсковой дьяк — 67, 91, 155, 159, 174, 236, 238, 239, 243
Янов Максим, старшина — 243, 272, 277, 310, 316, 320, 321, 331, 337
Янов Меньшой, старшина — 156, 157
Янчевский Н. Л. — 15, 37, 168, 186, 192, 193, 217
Янченков Петр, казак — 194
Янченков Яков, казак — 300
Ярцев, помещик — 171, 189
Ястребов, казак — 312, 335
Яцунский В. К. — 4, 73, 94, 96, 142
Bächtold R. — 17
Güldenstädt J. A. — 21, 58, 83—85, 88, 90, 93—95, 101, 120, 123, 134, 169, 250
Hommair de Hell X. — 9
Hypel Wilgelm — 9
Lesur M. — 9
Pallas P. S. — 21, 181, 224
Portal R. — 17
Rawita Gawronski Fr. — 14
Romano (de) A. L. — 21, 22, 83, 85, 86, 92, 95, 141, 142, 176, 181, 243
Springer A — 14
Stein F. V. — 14
Stökl G. — 17
Tettau (von) Thr. — 14

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

Аграхань, полуостров, река — 127, 325
Азов, г., крепость — 17, 23 — 25, 27, 30, 55, 61, 64, 67, 71, 76, 78—80, 83, 89, 92, 102, 114, 115, 119, 122, 123, 127, 129, 166, 192, 217, 220—226, 229, 230, 256, 257, 259, 262, 263, 267, 296, 297, 299, 325, 326, 354
Азовская губ. — 21, 25, 35, 226, 241, 266
Азовский у. — 24, 25, 35
Азовское море — 23—25, 27, 55, 65, 70, 72, 75, 79, 83, 87, 92, 97, 99, 102, 131, 221
Айдар, р. — 30, 31, 50, 63, 74, 125, 222, 229, 258, 259, 265
Айдарский (Староайдарский), г-к — 29, 49, 57, 129, 225
Акишев, г-к, позже Акишевская ст. — 56, 59, 62, 334, 348
Аккерман, г. — 123
Аксай, р. — 26, 46, 66, 91, 93, 188
Аксайская, ст — см. Усть-Аксайская ст.
Аксайский округ — см. Черкасский округ.
Алатырский, у. — 274,
Алексеевка, сл. — 68
Алексеевский, г-к, позже ст. — 57, 94, 259, 334, 349
Альпы — 123
Анапа, крепость — 123
Англия — 344
Аннинская крепость (св. Анны) — 25—27, 114, 129, 223
Аржановский, г-к, позже Аржановская ст.— 18, 56, 59, 159, 333, 334, 348
Арнаутова, сл. — 194
Артемовка (Яновая), сл. — 68, 324
Арчада, г-к, позже Арчадинская ст. — 57, 62, 161, 163, 186, 289, 335, 338, 346, 349
Астраханская губ. — 313
Астрахань, г. — 21, 23, 71, 123, 124, 129, 231, 283
Ахтырка, г. — 41
Бабий, г-к, позже Бабская, затем Константиновская ст. — 64, 69
Бахмут, р. — 29, 63, 74, 277
Бахмутский, г-к, позже г., крепость — 29, 54, 222, 224, 256, 257, 301
Бахмутский, у. — 47, 125
Башкирия — 125
Безымянка, р. — 163
Белая Калитва, р. — 30, 65, 117, 154, 162, 195
Белая Мечеть, крепость — 325
Белгород, г. — 48
Белгородская линия — 23, 39, 46, 108, 216, 217, 255
Белгородская губ. и провинция — 49, 53, 54, 85, 115, 194, 284
Белоколодцк, г. — 49
Беляевский, г-к — 31, 56, 58, 176, 219
Берда, р. — 28, 43, 87
Берда, сл. — 318
Березовая-Манкова, сл. — 68
Березовская, р. — 65
Березовский (на Бузулуке), г-к, позже ст.— 42, 57, 140, 188, 349
Березовский (на Медведице), г-к, позже ст. — 57, 186, 209, 275, 276, 287, 319, 320, 321, 335, 349
Берки, с. — 169
Бесергеневская, ст. — 50, 51, 54, 64, 92, 194, 300, 331, 348
Бесплемянный, г-к, позже Бесплемяновская ст. — 56, 348
Битюг, р. — 48, 262
Бобров, г. — 49
Богай, г-к, позже Богаевская ст. — 50, 51, 54, 55, 64, 90, 196
Богатый колодезь, ур. — 26
Богучар, г. — 49, 265
Богучарский, у. — 31
Большая, р. — 65, 141
Большая Кабарда — 103, 281
Большелуцкий, г-к — 49
Большинская, сл. — 68, 175
Большой Лог, стан. — 50, 51, 54, 62, 67, 91
Борисоглебский, у. — 97
Боровский, г-к и Ново-Боровский, г-к, позже ст. — 29, 57, 150, 259
Будерле, р. — 43
Бузулук, р. — 28, 30—32, 42, 43, 47, 55—58, 63, 74, 84, 85, 93, 95, 98, 109, 136, 141, 157, 159, 160, 230, 234, 249, 266, 278, 308, 316, 319, 320, 349
Букановский г-к, позже ст. — 56, 62, 89, 306, 333
Бурацкий, г-к, позже ст. — 56, 333, 348
Бурлук, р. — 33
Бурлуцкий, г-к — 31, 57, 186
Быстрая, р. — 30, 65, 159
Быстрянский, г-к, позже ст. — 55, 64, 286
Валуйки, г. — 23, 30, 256
Валуйский, у. — 195
Ведерниковская, ст. — 64, 89, 285, 332, 341
Верхне-Каргальская, ст. — 64, 286

[1] Условные обозначения: г. — город, г-к — городок, ст. — станица, сл.—слобода, губ.— губерния, ур. — урочище, у. — уезд, пос. — поселок, д. — деревня, р. — река

Верхне-Курмоярская, ст. — см. Курман-Яр.
Верхне-Кундрючья, ст. — 92, 308, 328, 332
Верхнеломовский, у. — 168
Верхне-Михалевская, ст. — см. Михалев г-к
Верхне-Рыковская, ст. — 56, 261
Верхне-Чирская, ст. — 62—65, 118, 159, 199, 253, 338, 339, 345, 346
Верхний Курман-Яр — см. Курман-Яр
Верхний Ломов, г. — 221
Вешенская, ст. — 88, 263, 336
Владимирская губ. — 50, 273
Воздвиженское, с. — 181
Вознесенская губ. — 25, 206
Вознесенский, пос. — 155
Волга, р. — 14, 23, 72, 79, 102, 103, 110, 260, 262, 263, 304, 308, 314, 321, 322
Волчьи воды, р. — 28
Воронеж, г. — 45, 76, 91, 92, 118, 171, 184, 188, 217, 300, 309, 343
Воронеж, р. — 23, 39, 48, 49, 55, 83, 226, 284
Воронежская губ. и наместничество — 31, 45, 48—50, 53, 54, 98, 101, 125, 169, 181, 222, 271, 284, 309
Воронежский, у. — 49, 160, 260
Воронка, с. — 194
Высоцкий, г-к, позже ст. — 31, 57, 58
Галиция — 122
Георгиевская крепость — 323
Глазуновский, г-к, позже ст. — 57, 128, 136, 139, 161 — 163, 186, 250, 292, 334, 338, 342, 346, 348, 349
Гниловский стан, позже ст. — 91
Голубые, г-к, позже Голубинская ст. — 31, 54, 261, 264, 271, 305, 336, 338, 342, 346, 348
Грабовая, сл. — 68
Грачи, крепость — 303
Гребени, горные хребты — 125, 325
Григорьевский, г-к, позже Старо-и Ново-Григорьевская ст. — 31, 55, 56, 58, 163, 264, 328, 336, 338, 346
Грузская, р. — 65
Грушевка, р. — 174
Грушевской стан — 66
Гугнин, г-к, позже Гугнинская ст. — 55, 64, 290
Гундоров, г-к, позже Гундоровская ст. — 57, 86, 89, 162, 210, 283, 290, 332
Даниловка, сл. — 68, 161, 319
Дарьинский, г-к, позже ст. — 42, 57, 58
Дегтева, сл. — 68
Демшинск, г. — 49
Деркул, р. — 30, 42, 57, 61, 63, 65, 74, 196, 197, 289
Джунгария, область — 72
Дикое поле (Поле) — 5, 23, 35, 41, 45, 75, 93, 107, 352
Дмитриевка, сл. — 68
Дмитриевск, г. — 32, 317
Днепр, р. — 14, 23, 28, 43
Днепровская линия — 298
Днестр, р. — 25
Добрая, р. — 284
Добренков, г-к, позже Добринская ст. — 56, 62, 89, 234, 333, 334, 348, 349
Дон, р. — passim
Дон, область — см. земля Донская
Донец — см. Северский Донец
Донецкая крепость — 303
Донецкий, г-к — 30, 49, 55, 58, 195, 265
Донецкий Чулек, пос. — 67, 91
Донской Чулек, р. — 118
Дубовка, г. — 103, 305, 317, 318
Дунай, р. — 123
Дурной, г-к, позже станица Дурновская — 56, 57, 91, 98, 100, 105, 136, 140, 142, 162, 211, 272, 349
Ейская коса — 271
Екатерининская, ст. — 326, 332
Екатериновка, сл. — 68
Екатеринослав, г. — 325
Екатеринославская губ. и наместничество — 21, 35, 86, 206, 273
Еланская, ст. — 265, 336
Еланчик, р. — 28, 65, 66, 115
Елец, г. — 45, 48, 49, 76, 80, 81
Ельбузда, р. — 34
Есаулов, г-к, позже Есауловская ст. — 41, 62, 64, 65, 69, 78, 118, 264, 286, 307, 337—341, 343—346
Етерев, г-к, позже Етеревская ст. — 42, 57, 140, 161, 186, 281, 312, 316, 320, 321, 335, 349
Ея, р. — 24, 34, 44, 72, 181
Жеребец, р. — 29
Завязка, р. — 157
Завязка, сл. — 68, 174
Закотный, г-к — 125, 259, 267, 354
Западенский, пос. — 174
Заплавский, стан, позже ст. — 46, 66, 162
Запорожье — 40, 266, 267, 296, 354
Заполянский, г-к, позже ст. — 57, 186, 281, 282, 320, 349
Земля Донская (Дон, Подонье, Донской край и т. п.) — passim
Землянск, г. — 49
Зимовейко, г-к, позже Зимовейская, затем Потемкинская ст. — 41, 55, 61, 62, 64, 65, 68, 78, 133, 271, 286, 307, 343—345
Змиев, г. — 41
Золотой, г-к, позже Золотовская ст. — 56, 64, 192, 285
Зотов, г-к, позже Зотовская ст. — 18, 56, 59, 131, 157, 162, 165, 249, 334, 348, 350
Зуевка, сл. — 68
Иванов (Шамшев), пос. — 69
Иерусалим, г. — 279
Измаил, крепость — 123
Изюм, г. — 260, 262
Иловля, р. — 30—32, 35, 43, 63, 74, 93, 109, 278, 308, 316, 319, 320, 324
Иловлинский, г-к, позже ст. — 30, 31, 49, 79, 89, 90, 222, 249, 336
Индия — 123
Инсар, г. — 221
Исаевка, сл. — 68, 175
Кавказ (Северный Кавказ) — 3, 9, 10, 21, 32, 55, 102, 127, 240, 325
Кавказская губ. — 206
Кавказская крепость — 119
Кавказская линия — см. Кубанская линия
Кагальник, р. — 69, 175, 298
Кагальницкий, г-к, позже ст. — 55, 64, 125, 194, 283, 329
Кадамовая, р. — 162
Каждарское, с. — 33
Казанская, ст. — 31, 33, 89, 120, 133, 142, 150, 152, 160, 233, 249, 250, 265, 271, 310, 328, 336
Казань, г. — 49, 309, 318, 322
Казарин, г-к, позже ст. — 31, 57
Казыкермень, крепость — 221
Калаус, р. — 327

Калитва, р. — см. Белая Калитва
Калитвенец, г-к, позже Калитвенская ст. — 49, 209, 332
Калитвенец, р. — 209
Калиш, г. — 122
Калужская губ. — 50, 85
Калчик, р. — 28
Кальмиус, р. — 23, 27, 28, 35, 65, 87, 90, 115, 155, 260
Каменнов, хутор — 319
Каменская, ст. — 50, 51, 54, 65, 187, 332, 348
Камышин, г. — 303
Камышинское, с. — 33
Камышкин, г-к, позже Камышовская ст. — 55, 64, 286, 288
Карамыши, с. — 275
Карасун, р. — 44
Каргальская, ст. — 291
Кардаил, р. — 160, 321
Кардаильский, г-к, позже ст. — 58
Карповка, р. — 69, 162, 164
Карповка, сл. — 68, 291
Карповский, г-к, позже ст. — 57, 140, 334, 349
Картушина, сл. — 68
Касарка, г-к, позже Касаркинская ст. — 56, 58
Каспийское море — 9, 79, 102
Катериновка, сл. — 237
Качалинский, г-к, позже ст. — 31, 49, 99, 103, 190, 216, 222, 233, 249, 264, 271, 313, 336
Каширский, у. — 48
Кепный, г-к, позже Кепинская ст. — 57, 161, 163, 186, 338, 342, 346, 349
Керенск, г. — 23, 221
Керчик, р. — 61
Киев, г. — 142, 273
Киевская губ. и наместничество — 169
Кинбурнская, коса и крепость — 123
Клецкая, ст. — 89, 233, 336, 346
Кобылкин, г-к, позже Кобылянская ст. — 55, 57, 64, 161, 186, 264, 286, 337—339, 344, 346
Кодак, сл. на Запорожье — 259
Козлов, г. — 49, 281
Козловский, у. — 39, 167, 184, 260, 275, 284
Константинополь (Царьград), г. — 75, 103, 107
Коротояк, г. — 45, 48, 49
Корсунь, г. — 221
Костенск, г. — 49
Котов, г-к, позже Котовская ст. — 42, 56, 86, 99, 333, 342, 349
Кочетов, г-к, позже Кочетовская ст. — 55, 64, 68, 92, 133, 139, 211, 328, 332
Красная, р. — 29
Красная Дубрава, ур. — 261
Красноярровка, сл. — 319
Красный Яр, ст., позже Краснояровка, сл. — 46
Краснянский, г-к, позже ст. — 29
Кременской, г-к., позже ст., — 49, 163, 195, 336, 337
Крепкая, сл. — 68
Крепость св. Анны — см. Аннинская крепость
Кривая коса — 99
Кривянский стан, позже ст. — 66, 208, 291
Кривогорская, сл. — 68
Крым (Крымское ханство) — 9, 23, 25, 40, 41, 43, 75, 80, 101, 102, 167, 217, 220, 309, 311, 329
Крынка, р. — 28, 65, 66, 115, 174
Ксизово, с. — 45
Кубанская (Новая) линия — 99, 118, 127, 129, 323—330, 337, 342, 346—349, 350, 355
Кубань (Прикубанье), область — 4, 25, 125, 148, 236, 252, 264, 273, 281, 303, 310, 314, 325, 326
Кубань, р. — 24, 32, 43, 69, 70, 127, 167, 230, 323, 324, 326, 327, 329, 330, 332, 334, 337, 338, 349, 350, 351
Кума, р. — 281, 282
Кумшачик, р. — 298
Кумшацкий, г-к, позже ст. — 55, 64, 292, 345
Кумылга, г-к, позже Кумылженская ст. — 56, 89, 96, 120, 130, 165, 250, 333, 334, 342, 348
Кундрючья, р. — 155
Курман-Яр, г-к, позже Верхне-и Нижне-Курмоярская ст. — 22, 41, 43, 55, 64, 68, 78, 82, 120, 133, 150, 159, 271, 286, 332, 337, 343, 345
Курск, г. — 49
Курская губ. — 49, 50
Курское наместничество — 85
Куртлак (Курлак), р. — 63, 262
Куяльник, р. — 180
Лебедин, г. — 41
Лебедянский, у. — 39, 184
Левикин, г-к, позже Левикинская ст. — 56, Лебедянь, г. — 98 349
Левина, д. — 181
Лесная, д. — 122
Ливенка, сл. — 120
Лиска, р. — 290, 328
Лисковатка, р. — 125, 261
Лифляндия — 122, 124
Лопатино, с. — 316
Луганский, г-к, позже ст. — 30, 50, 51, 54, 57, 58, 64, 65, 86, 89, 131, 163, 173, 187, 195, 205, 274, 289, 332
Луковкин, г-к, позже Луковская ст. — 56, 86, 348
Луковкина, сл. — 68, 175
Лукьяновская, ст. — 119, 140, 151, 439
Лычак, р. — 161
Лютик (Лютин), крепость — 56, 222
Макеевка, сл. — 68
Малая Крепенькая, р. — 155
Малая Нагольная, р. — 155
Малодельский, г-к, позже ст. — 57, 186, 275, 276, 320, 321, 349
Маноцкая (Манычская), ст. — 50, 51, 54, 64, 68, 249, 284, 285, 306, 331
Маныч, р. — 90
Мариупольский, у. — 125, 180
Мартыновский, г-к, позже ст. — 57, 141, 349
Мартыновка, сл. — 68
Мартыновка (Сальская), сл. — 68, 69, 175
Махино, оз. — 26
Мачиха, сл. — 68
Машлыкина, сл. — 68, 175
Маяк, г-к — 57, 260
Медведица, р. — 23, 28, 30—33, 35, 39, 43, 45, 48, 49, 52, 55, 56, 63, 70, 71, 74, 80—82, 86, 93, 94, 109, 129, 130, 136, 160, 164, 222, 224, 225, 230, 234, 249, 266, 275, 276, 278, 279, 281, 308, 312, 316, 319, 320, 321, 338, 343, 349

Мелехов, г-к, позже Мелеховская ст. — 50, 51, 54, 55, 64, 92, 298, 331, 348
Мертвый Донец, р. — 24, 69, 93, 114, 115, 225
Мечетная, крепость — 303
Мечетная, р. — 69, 313, 322, 355
Мигулин, г-к, позже Мигулинская ст. — 55, 88, 186, 265, 270, 291, 336, 348
Милсяпин, г-к, позже Милсяпинская ст. — 57, 58
Минская губ. — 181
Митякин, г-к, позже Митякинская ст. — 57, 59, 135, 141, 158, 160, 162, 163, 187, 289, 290, 332
Миус р. — 24, 27, 28, 35, 43, 65, 66, 93, 94, 115, 118, 131, 155, 159, 221
Миусский (Таганрогский) округ — 7, 11, 27, 55, 65, 74, 84, 86, 92, 103, 200
Михайлов, г-к, позже Михайловская ст. — 42 56, 62, 86, 89, 90, 99, 101, 118, 129, 168, 187, 195, 232, 250, 290, 306, 333, 337, 348
Михалев, г-к, позже (Верхне- и Нижне-) Михалевская ст. — 55, 64, 65, 332
Можары, ур. — 281
Моздок, г., крепость — 304, 325
Мокрая Кизитеринка, р. — 26
Мокрый Еланчик, р. — 154, 176
Мокрый Чалтырь, р. — 26, 159
Монастырский, г-к, — 17, 55
Морской Чулек, пос. — 67, 91
Моршанск, г. — 97
Москва—passim
Московская губ. — 50, 85, 181
Нагайкин, г-к, позже Нагавская ст. — 55, 64, 68, 133, 271, 286, 337, 338, 340, 342, 345, 348
Нагольная, р. — 65, 66, 174
Нагольная (Луковкина), сл. — 68
Нахичевань-на-Дону, г. — 66
Неврюевский, г-к — 31, 57, 186
Недвиговка, сл. — 68
Нерчинск, г. — 285, 329, 346, 348
Несветай, р. — 297
Нижегородская губ. и уезд — 49, 258
Нижне-Каргальская, ст. — 285
Нижне-Кундрючья, ст. — 92, 308, 332
Нижне-Ольховая, сл. — 68
Нижне-Рыковская, ст. — 56, 140, 261
Нижний, г-к — 55
Нижний Ломов, г. — 23, 221, 343
Нижний Михалев, г-к, позже Нижне-Михалевская ст. — 55, 56, 250
Нижний Новгород, г. — 49, 318
Нижний Чир, г-к, позже Нижне-Чирская ст. — 55, 62—65, 92, 119, 163, 243, 264, 289, 328, 337—340, 346, 348
Николаевка (Шептухина), сл. — 272
Никольская, сл. — 34
Никольское, с. — 181
Новая линия — см. Кубанская линия
Новгород (Великий Новгород), г. — 10, 125, 135, 311
Ново-Айдарский, г-к — 258
Ново-Григорьевская, ст. — см. Григорьевский г-к
Ново-Казаринская, ст. — 58
Новопавловка, крепость и сл. — 68, 222
Новороссия (Новороссийская губерния) — 6, 16, 25, 28, 47, 273
Новосильский, у. — 45
Новохоперск, г. и крепость — 222, 224, 276, 312, 316, 319
Новохоперский, у. — 343
Новочеркасск, г. — 10, 13, 18, 93
Новый Айдар, г-к — 29, 57, 225
Новый Григорьевский, г-к — 31, 55
Новый Транжамент, крепость — 25
Одини, г-к, позже Одининская ст. — 56, 58
Ольховая, сл. — 205
Ольховая-Орловка, сл. — 68
Ольховка, р. — 154
Ольховчик, хутор — 154
Ольшанск, г. — 49
Оренбургская линия — 348
Ореховая, сл. — 68
Орлов, г. — 48, 49
Орловка-Сальская, сл. — 68, 69
Орловская губ. — 49, 50
Орловский, г-к, позже ст. — 57, 186, 320, 349
Осеред, р. — 222
Осиновский, г-к — 57
Осиновый Ровенек, г-к — 57, 225, 265
Оскол, р. — 23
Осокор, крепость — 303
Островский (на Бузулуке), г-к, позже ст. — 31, 57, 58, 138, 171
Островский (на Медведице), г-к, позже ст. — 57, 186, 187, 281, 335
Острогожск, г. — 30, 41, 256, 265
Остроухов, г-к, позже Остроуховская ст. — 56, 86, 89, 118, 333
Очаков, крепость — 123
Павловск, крепость — 188, 222, 276
Павловская, ст.—56, 87, 99, 103, 104, 141, 159
Павлопольская, сл. — 155
Паншин, г-к, позже Паншинская ст. — 31 41, 54, 78, 79, 130, 216, 221, 222, 230, 260, 261, 264 303
Первый Донской округ — 84, 86, 103
Пенза, г. — 49, 221
Пензенская губ. — 49
Перекоп, перешеек — 297
Перекопский, г-к, позже ст. — 31, 55, 290, 336, 346
Перелыгин, г-к — 55
Пернов, г. — 303
Переяславль Рязанский, г. на Оке — 49, 170
Персия — 103, 122, 128
Песковатка, р. — 157, 159
Петербург, г. — 9, 10, 25, 28, 161, 164, 220, 231, 237, 238, 299, 300, 318, 327, 328
Петергоф, г. — 236
Петровск, г. крепость — 222, 313
Петровская, сл. — 271
Петропавловка, сл. — 273
Поволжье (Нижнее Поволжье) — 4, 6, 20, 21, 23, 97, 255, 260, 266—268, 296, 303, 304, 308, 311, 314, 317, 318, 319, 322, 334
Поворино, пос. — 208
Подгорная, р. — 34
Подпольная, р. — 69
Поздеевка, сл. — 68
Полная, р. — 154
Полтавская губ. — 240
Польша — 40, 54, 71, 79, 191, 220, 339
Полянов, пос. — 181
Потемкинская, ст. — см. Зимовейко
Правоторов, г-к, позже Правоторовская ст. —56, 62, 342, 348
Предкавказье (степное Предкавказье) — 6, 16, 43, 120
Приазовье — 5, 11, 16, 24—27, 32, 35, 41,

43, 67, 79, 89, 91, 92, 94, 96, 102, 106, 108, 119, 123, 220, 225, 295, 301, 329
Прибылянская, ст. — 56, 69, 100, 103, 136, 140, 141, 173, 187
Пристанской, г-к — 30, 31, 56, 58, 230, 260, 267
Причерноморье (Северное Причерноморье) — 7, 16, 43, 47, 169, 193, 206
Пролейка, р. — 313, 317, 322, 355
Пропойск, г. — 122
Прочный Окоп, крепость — 119, 325
Пять изб, г-к, позже Пятиизбянская ст. — 42, 54, 62, 63—65, 69, 119, 162, 271, 285, 290, 292, 305, 306, 316 326, 328, 337, 338, 339, 341, 346
Раздоры, г-к, позже Раздорская ст. — 17, 41, 55, 69, 78, 162, 195, 272, 298
Раздорская (на Медведице), ст. — 42, 57, 64, 92, 161, 186, 289, 320, 331, 335, 338, 349
Распопинский, г, позже ст. — 49, 141, 336, 346
Ребрикова, сл. — 68
Решетовская, ст. — 31, 265, 266
Рига, г. — 122
Рим, г. — 4
Ровенки — см. Осиновый Ровенек
Рогов, стан. — 91, 289, 301
Романов, г. — 48, 49
Романовский, г-к, позже ст. — 55, 64, 286—288, 327,
Ромны, г. — 196
Россия (Российское государство, Российская империя, Московское государство, Русь) — passim.
Ростов-на-Дону, г., крепость Дмитрия Ростовского — 6, 8, 11, 16, 18, 19, 24, 26, 66, 86, 90, 100, 101, 115, 118, 119, 164, 168, 169, 176, 199, 200, 202, 203, 205, 209, 223, 224, 231, 236, 284—286, 300—302, 307, 329, 337
Ростовская область — 17, 18
Ростовский, у. — 35, 125
Рыбное — см. Острогожск
Рыгин (Ригин), г-к — 79, 125
Рымник, г. — 123
Рыхинка, сл. — 68
Ряжск, г. — 49
Ряжский, у. — 39, 47, 184
Рязанская губ. — 49, 85
Рязанский, у. — 39, 184
Рязанское княжество — 12
Сал, р. — 133, 154
Самара, р. — 28
Самбек, р. — 25
Саранск, г. — 221
Саранский, у. — 274
Саратов, г. — 23, 101, 125, 304, 318, 319, 322, 343, 355
Саратовская губ. и наместничество—50, 181
Саратовский, у. — 160
Севастьянка, р. — 156
Северский (Северный) Донец, р. — 28—31, 35, 40, 43, 46, 50, 55—58, 63—65, 74, 81, 92, 93, 101, 117, 195, 205, 216, 225, 234, 249, 256, 257, 262—265, 267, 277, 285, 308, 332, 348, 354
Семикаракорская, ст. — 64, 162, 331.
Сенявка, сл. — 68
Середняя, ст. — 56, 62, 90, 103, 119, 141, 173, 189—192, 198, 211, 272
Сердобский, у. — 181
Сержалое, с. — 181
Сибирь — 4, 7, 10, 21, 124, 307, 339, 340, 348
Симбирск, г. — 125, 218, 221, 310
Симбирская губ. — 50
Сиротин, г-к, позже Сиротинская ст. — 31, 95, 119, 163, 234, 281, 290, 336, 337, 346, 348
Скородумовская, ст. — 56, 99, 135, 136, 138, 175, 211, 261, 272, 290
Скосырская (Средне-Обдивская), сл. — 68
Скурихин, г-к, позже Скуришенская, ст. — 57, 163, 183, 249, 335, 336, 338, 342, 346, 349, 350
Сладковская, сл. — 174
Слащев, г-к, позже Слащевская ст. — 56, 62, 86, 89, 119, 333, 335, 348
Смоленск, г. — 124
Сокольск, г. — 49
Солонки, сл. — 68
Ставрополье — 7
Старицыно, с. — 46
Старый Григорьевский, г-к, см. Григорьевский г-к
Старо-Рыковская, ст. — 56, 69, 261
Старочеркасск — см. Черкасск
Степановка, сл. — 68
Сумы, г. — 41
Сухарев, г-к, позже Сухаревская ст. — 29, 57
Сухой Несвитай, р. — 26
Сызрань, г. — 221
Таврическая губ. (область) — 98, 129, 206, 347
Таганрог, г. и крепость Троицкая — 24, 25, 103, 119, 127, 169, 199, 200, 205—207, 221, 222, 224, 263, 296, 297, 299, 325, 326
Таллин, г. — 142
Таманский, п-ов (Тамань) — 25, 44
Тамбов, г. — 23, 39, 45, 48, 49, 184, 221, 278, 281
Тамбовская губ. — 25, 49, 85, 181
Тамбовский, у. — 39, 45, 160, 167, 184, 260, 275, 284, 293
Татарская, ст. — 56, 72
Тверская губ. — 50
Темерник, р. — 24, 26, 28, 114, 115
Тепикин, г-к, позже Тепикинская ст. — 56, 88, 120, 123, 169, 348
Теплинский, г-к — 57
Терек, р. — 240, 280, 325
Терновая, сл. — 68
Терновская, ст. — 64, 69, 140, 285, 310
Тихая, р. — 65, 300
Тишана, р. — 32, 290
Тишанский, г-к, позже ст. — 55, 56, 86, 180, 265, 290, 348, 349
Тор, г. — 260
Торец, р. — 277
Траилин, г-к, позже Траилинская ст. — 55, 64, 285
Транжамент, крепость — 25, 114, 222, 223, 226,
Трехизбянский, г-к, позже ст. — 29, 57
Трехостровянский, г-к, позже ст. — 162, 249, 305, 306, 336—338, 342, 346, 348
Троицкая крепость на Таганьем Роге — см. Таганрог
Тростянка, сл. — 174
Тузлов, р. — 24, 66, 90, 91, 154, 162, 298
Тула, г. — 98, 101, 260
Тульская губ. — 50, 85

Турция (Турецкая империя, Порта Оттоманская) — 16, 24, 25, 28, 32, 35, 40, 41, 43, 69, 75, 102, 108, 137, 167, 217, 220, 221, 324,
Тютеревская, ст. — 56, 141; 143, 261
Украина — 3, 14, 16, 37, 39, 40—42, 50, 52, 53, 73, 75, 83, 85, 97, 99, 119, 123, 168, 172, 194, 216, 217, 255, 268, 274, 281, 296, 319
Левобережная Украина — 16, 41, 50, 52, 53, 97, 240
Правобережная Украина — 41, 52,
Слободская Украина — 4, 16, 29, 41, 50, 52, 53, 63, 74, 184, 195, 196, 260, 273
Украинская линия — 25, 43
Урал — см. Яик
Урюпин, г-к, позже Урюпинская ст. — 42, 56, 349
Усмань, г. — 49
Усть-Аксайский стан, позднее ст. — 50, 51, 54, 91, 93, 131, 140, 141, 208, 263, 301
Усть-Белокалитвенская, ст. — 59, 139, 332
Усть-Быстрянская, ст. — 83, 92, 139, 332
Усть-Бузулук, г-к, позже Усть-Бузулукская ст. — 56, 59, 187, 348
Усть-Лабинская, крепость — 119, 325
Усть-Медведицкий, г-к, позже ст. — 30, 49—51, 54, 88, 89, 136, 186, 281, 336, 346
Усть-Меловая, сл. — 68—175
Усть-Хоперская, ст. — 62, 89, 188, 233, 285, 336
Федосеев, г-к, позже Федосеевская ст. — 56, 59, 62, 159, 259, 271, 333, 337, 348
Филипповская, ст. — 64, 291
Филоновский, г-к, позже ст. — 47, 57, 119, 133, 159, 170, 312, 316, 334, 348, 349
Франция — 339
Харасейники, ур. — 61
Харьков, г. — 41
Харьковская губ. и наместничество — 50, 84, 169, 240
Херсонская губ. — 180
Хопер, р. — 23, 28, 30—32, 35, 39, 41, 42, 43, 45, 48, 49, 52, 55, 56, 58, 62, 63, 70, 71, 74, 80, 84, 86, 93, 94, 109, 129, 130, 157, 219, 222, 224 225, 230, 234, 249, 250, 260, 262, 274, 276, 278, 279, 306, 308, 316, 319, 320, 348
Хоперская крепость — см. Новохоперск
Хоперский округ — 82
Хотин, г. — 123
Царев-Борисов, г. — 221
Царицын, г., крепость — 21, 23, 79, 86, 103, 128, 129, 216, 221, 224, 231, 281, 282, 305, 306, 314—322
Царицынская линия — 31, 43, 51, 64, 123—124, 127, 192, 223, 233, 303, 314, 321, 325, 347
Цимла, г-к, позже Цимлянская ст. — 62, 64, 92, 285, 286, 327, 328, 331, 332
Цимла, р. — 55, 298
Чалтырь, с. — 62, 67
Черкасск, г. — passim.
Черкасский округ — 7, 84, 86, 103
Черкасск, г. — 52
Чернавск, г. — 23
Черная речка — 319
Черниговская губ. — 240
Черновский, г-к, позже ст. — 57, 349
Черногаевский, г-к и юрт — 31, 57, 186
Черное море — 24, 25, 70, 80, 102, 220, 221
Черный Яр, г. — 314, 318
Чир, р. — 55, 63, 196, 284, 289
Чистяковка, сл. — 68
Чугинка, р. — 131, 274
Шацк, г. — 23, 49
Шацкий, у. — 167, 275, 316
Швеция — 79
Шульгинский, г-к, позже ст. — 29, 225, 258
Эстляндия — 124
Явсуг, р. — 30
Яик, р., область — 21, 239, 280, 283, 296, 321, 322
Ямновый, г-к, позже Яменская ст. — 57, 99, 119, 334, 349
Янова-Никодаевка, сл. — 68
Ярославская губ. — 50
Ярыгин, г-к, позже Ярыженская ст. — 42, 57, 140, 349

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

1. Тема и основные задачи исследования 3
2. Обзор литературы 6
3. Характеристика важнейших источников 17

Часть I. Заселение и хозяйственное освоение земли Донской в XVIII веке

Глава I. Географическое положение и границы.

1. Установление границы Донской земли на юге 23
2. Разграничение земельных владений с Запорожским войском 26
3. Северо-западные, северные и северо-восточные границы земли донских казаков 28
4. Разграничение земель с Волжским войском и в задонских степях . . 31
5. Генеральное межевание на Дону и установление границ войска Донского 33

Глава II. Заселение и освоение Донского края

1. Источники 36
2. Основные предпосылки массового заселения 38
3. Характер и формы заселения Дона в XVIII веке 44
4. Освоение основных районов земли донских казаков 54
5. Численность населения в XVIII веке 70

Глава III. Характеристика важнейших отраслей хозяйства

1. Общая характеристика хозяйства до конца XVII века 75
2. Распространение земледелия как ведущей отрасли хозяйства 80
3. Развитие скотоводства 86
4. Рыболовство и прочие отрасли. Характеристика сельского хозяйства в целом 89
5. Промышленность 94
6. Развитие внутренней торговли 96
7. Внешняя торговля 102
8. Сохранение пережитков старины в торговле 104

Часть II. Развитие социальных отношений

Глава I. Положение казачества

1. Образование казачьего сословия и социальные отношения на Дону в XVII веке 107
2. Превращение казачества в замкнутое сословие. Его права и привилегии 111
3. Влияние сословных привилегий казаков на их экономическое благосостояние 117
4. Важнейшая обязанность казачества — военная служба 121
5. Другие обязанности и повинности 127
6. Захват старшинами прав и привилегий Войска и перенесение всей тяжести повинностей на плечи рядового казачества 132
7. Ухудшение экономического положения казачества. Изменение позиции правительства по отношению к массе рядового казачества 139

Глава II. Превращение донских старшин в чиновников-дворян

1. Положение старшины в XVI—XVII веках 146
2. Превращение старшин в крупных землевладельцев . . . 149
3. Обеспечение старшинами своих хозяйств рабочей силой . . 166
4. Закрепление за старшиной дворянских сословных прав . . 176

Глава III. Положение различных групп населения, не входивших в состав казачьего сословия

1. Бурлаки 184
2. Оземейные 190
3. Крестьяне 194

Часть III. Организация власти и управления на Дону в XVIII веке

Глава I. Ликвидация автономии войска Донского

1. Политическое устройство земли Донской в XVI—XVII веках 213
2. Ликвидация автономных прав Войска и укрепление позиций самодержавной власти на Дону 218

Глава II. Олигархическое правление старшин. Постепенное укрепление позиций самодержавной власти на Дону

1. Падение прежнего значения войскового круга и сосредоточение всего управления в руках атамана и Канцелярии войсковых дел старшин . . 228
2. Создание Войскового гражданского правительства и его деятельность. Дальнейшие перемены в управлении Войском 238

Глава III. Перемены в организации местного и церковного управления.

1. Изменения в области местного управления 247
2. Церковное управление 251

Часть IV. Классовая борьба на Дону в XVIII веке.

Глава I. Восстание казаков, крестьян и работных людей в 1707—1709 годах.

1. Обострение классовых противоречий накануне восстания 255
2. Убийство Ю. Долгорукого. Распространение восстания в верховых и низовых городках. Взятие Черкасска и провозглашение К. Булавина войсковым атаманом 258
3. Продвижение карательной армии В. В. Долгорукого к Черкасску. Измена старшин и расправа их с К. Булавиным 261
4. Продолжение борьбы рядового казачества и крестьянства в верховых городках и Поволжье. Разгром восстания 263

Глава II. Борьба казачества и крестьянства против усиления феодально-крепостнического гнета на Дону после разгрома народного восстания 1707—1709 годов.

1. Борьба беглого крестьянства и казачества за свободу от самодержавно-крепостнического гнета 268
2. Распространение старообрядчества на Дону в XVIII веке и его роль в борьбе против православной церкви как опоры феодально-абсолютистского государства 277
3. Другие формы классовой борьбы 288

Глава III. Классовая борьба на Дону накануне и во время крестьянской войны 1773—1775 годов

1. Классовая борьба на Дону в начале 70-х годов XVIII века . . . 295
2. Земля Донская во время крестьянской войны 1773—1775 годов . . 307

Глава IV. Волнения донских казаков в 1792—1794 годах

1. Побег донских казаков с Кубанской линии и начало волнений в донских станицах 323
2. Массовые волнения на Дону в конце 1793 — начале 1794 года . . . 329
3. Восстание в пяти донских станицах 338

Заключение 352
Карты 356
Список принятых сокращений 358
Именной указатель 359
Географический указатель 368

Редакторы Ю. В. Коваленко
и С. В. Пономарева
Обложка художника В. В. Силкина.
Технический редактор М. И. Павличенко
Корректоры П. С. Богуславская
и С. И. Асланьян

Изд. № 37/172. Сдано в набор 3-X 1961 г. Подписано в печать 7-XII 1961 г. Формат 70 x 108/16.
Объем 23,5 физ. л., 32,2 усл. п. л., 33,5 уч.-изд. л.
Тираж 1000. ПК 07918. Цена 1 руб. 90 коп.
Издательство Ростовского университета
Энгельса, 105.
Типография им. Калинина Облполиграфиздата
Управления культуры в Ростове-на-Дону.
Заказ № 225.